
ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Ответственный редактор
Ф. П. Сороколетов

Санкт-Петербург
«Наука»
2001

УДК 801.3
ББК 81.2-4
И 90

Рецензенты:

Е. Г. Ковалевская, Г. А. Лилич

Книга издана при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(код проекта 96-04-06077)

Верстку книги в системе TEX
выполнили *Д. В. Дмитриев* и *В. О. Петрунин*

ТП-97-П-167
ISBN 5-02-028336-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимость исторического рассмотрения и критического анализа пройденного русской лексикографией пути назрела давно. Давно осознано, что создание научной истории русской лексикографии является одной из важных и актуальных задач современной русистики, а в более широком плане — славистики. Не случайно эта проблема привлекла к себе внимание многих исследователей (М. И. Сухомлинов, С. К. Булич, Я. К. Грот, В. В. Виноградов, Л. С. Ковтун, Л. Л. Кутина, Ю. С. Сорокин, В. В. Розанова, Г. П. Галаванова, Р. И. Цейтлин и др.). В работах этих и других исследователей освещены многие аспекты исторического движения русской лексикографии, детально рассмотрены наиболее значительные лексикографические труды, изучены отдельные этапы развития словарного дела в древней и новой Руси. В них закладывались основы для воссоздания полной истории русской лексикографии. Однако такой истории пока не создано.

В предлагаемой книге поставлена задача по возможности осветить все этапы исторической эволюции русской лексикографии — от древности до наших дней. В ее динамическом развитии обозначился ряд периодов, каждый из которых по своему знаменателен и специфичен, но вместе с тем представляет собой единое целое со всеми другими более ранними этапами. Самое крупное из хронологических делений на этом пути — древний период (XI–XVII вв.) и новое время (с XVIII в. до последних десятилетий XX в.). В качестве переходного к новому времени в первом из них выделяется XVII в. Что касается второго, то в нем по значимости и своеобразию задач, определяемых социальными условиями формирования, уместно назвать этапными все три образующие его столетия — XVIII век, XIX век и XX век. Изменения в идеологии, вызванные социальной революцией, нашли всеобъемлющее отражение в языке. В связи с этим в периодизации работ, посвященных словарному описанию лексики русского языка, не может отсутствовать и еще одна градация, разделяющая словари XX века на те из них, которые были созданы в дореволюционный период, и те, которые осуществлены в советское время.

Цель монографии — исторически и теоретически рассмотреть русские словарные труды, оставившие заметный след в развитии отечественной филологии, чтобы привлечь опыт традиции при разработке тем современной лексикографии — выдвижении научных перспектив и решении научных задач. Данная книга может послужить вместе с тем

основой для будущих разысканий, посвященных разносторонней оценке и обобщению результатов, достигнутых русской лексикографией в создании словарей других типов и жанров: этимологических, терминологических, двуязычных, словарей языка писателей, учебных словарей и др.

В книге детально анализируются основные русские словари, выявляются и исследуются литературные и другие источники, на которых строились лексикографические издания, анализируется лексический состав словарей как со стороны истории русского языка, так и со стороны приемов и способов его лексикографической разработки, устанавливается роль и значение словарей в развитии теоретической лингвистики, в изучении истории народа и его культуры. История лексикографии исследуется в связи с общественно-историческими условиями, в которых она развивалась, неотрывно от истории культуры, развитие которой также связано с общественно-историческими условиями жизни народа, его духовными запросами. На всем протяжении исторического пути отечественная лексикография отвечала насущным потребностям русского общества.

В книге показывается, как постепенно расширяется и углубляется проблематика словарной работы, появляются новые типы и жанры словарей, формируются отдельные «отрасли» лексикографии — создание словарей литературного языка, исторических, диалектных, фразеологических, синонимических, словарей национального языка (тезаурусов), словарей языка писателей и др. типов и видов лексикографических изданий.

Вырабатывается теория лексикографии, формируется ее понятийный аппарат и язык. Таким образом вырисовывается определенная система словарной разработки лексического состава языка, в которой все ее элементы тесно взаимосвязаны. За многолетний период своего развития русская лексикография выработала целый ряд принципов, составляющих основу ее традиции, ее существо — это учение о слове, о лексической системе, изучение лексики и семантики в широком культурно-историческом аспекте.

«Работа по составлению толковых словарей национального языка — важное национальное дело. Глубокое общественное сознание необходимости и ответственности этого дела выражается в живом интересе разных слоев народа к изданию толковых словарей» — В. В. Виноградов, что справедливо для всей истории словарного дела в России.

Авторы сознают, что проблематика, связанная с освещением истории русской лексикографии, с анализом ее практических результатов и теоретических проблем, охвачена в книге не полностью. За пределами исследования остались этимологические словари, словари языка писателей, терминологические словари, двуязычные и учебные словари...

Вместе с тем необходимо отметить, что основные этапы исторического пути, пройденного русской лексикографией, так же как и важнейшие проблемы, связанные с созданием русских словарей, в работе затронуты и обсуждены.

Авторы очерков: Л. С. Ковтун (Введение. Общая характеристика лексикографии XI–XIX вв. Древний период (XI–XVII вв.). Лексикография в Московской Руси. XVII век как преддверие нового времени. Новый словотолкователь Н. К. Яновского (1803–1806)), Е. Э. Биржакова (Лексикография XVIII в.), В. О. Петрунин (Лексикон треязычный Ф. Поликарпова, 1704 г.), М. Ш. Файнштейн (Словарные работы Российской Академии 1810–1840 гг.), В. В. Колесов (Лексикографические поиски А. Х. Востокова: предыстория Словарей 1847, 1852, 1858 гг. И. И. Срезневский в работе над словарем исторического типа.), В. В. Розанова (Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г.), Г. П. Галаванова (Словарь русского языка под ред. Я. К. Грота(т. 1 А–Д, 1891–1895 гг.), Т. А. Корованенко (Шахматовская редакция Словаря русского языка. Словарь современного русского языка (БАС), О. Д. Кузнецова, Ф. П. Сороколетов (Диалектная лексикография. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Диалектные словари конца XIX — начала XX вв. Современная диалектная лексикография), Ф. П. Сороколетов (Девятнадцатый век. Введение. Двадцатый век. Введение. Л. В. Щерба и проблемы современной лексикографии), Е. А. Левашов (Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова), В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина (Словарная разработка русской фразеологии), Т. Н. Поповцева(Синонимические словари), С. А. Кузнецов (Малый академический словарь), С. И. Алаторцева (Словари новых слов), А. А. Алексеев, Г. А. Богатова (Историческая лексикография XX в. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Словарь русского языка XI–XVII вв. Словарь русского языка XVIII в.), Г. Н. Скляревская(Современная русская лексикография: состояние и перспективы).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРЕХ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (XI–XVII, XVIII и XIX вв.)

Основной объект рассмотрения в предлагаемой книге — лексикография академическая и прежде всего фундаментальные академические предприятия XVIII, XIX и XX веков, посвященные двум ведущим темам — описанию литературного языка и описанию языка нации (в современном и историческом аспектах). Их главное назначение — углубленная разработка всего круга источников письменной и разговорной речи, способная дать научное представление о языке (в аспекте избранной темы). Создание словарей такого направления и масштаба — событие в культурной жизни народа и одновременно этап в развитии научных знаний о лексическом уровне языка в его неразрывной и противоречивой связи с другими составляющими языковой системы (грамматическим и звуковым строем). В словарных статьях представлены научно организованные материалы, изучение которых содействует решению таких теоретических вопросов, как понимание природы слова и лексического значения, выяснение типов семантических структур, раскрытие смысловой и стилистической соотносительности слов в языке и речи, а также и всех других вопросов, возникающих при изучении слова и словарного состава языка в его постоянстве и историческом движении.

Многообразие языковых фактов, подвергнутых первичной лингвистической обработке и частично получивших теоретическое обобщение уже при самом лексикографическом описании, — исходная база работ в этой области знаний, от надежности которой во многом зависит развитие и всего комплекса знаний о лексике: лексической семантики как раздела языкознания (применительно к данным русского языка), лексикологии русского языка, истории русского литературного языка, стилистики функциональной и стилистики художественной речи, а также и всех других аспектов изучения русского слова и словарного запаса в целом.

Названные выше общие вопросы представляют собой главный предмет разысканий и самих участников словарных предприятий. Неопровержимо свидетельствует об этом историческое изучение текстов русских академических словарей, начиная с первого из них, созданного в

конце XVIII в. Именно к таким, вскрывающим сущность и самой теории словарного дела результатам привело исследование текста наиболее крупного из лексикографических начинаний XVIII в. — Словаря Академии Российской.[1]

Место словаря среди других, его значение в истории лексикографии определится, если выявить, «как этот словарь сделан, как решена в нем задача семантической и грамматической характеристики слова».[2] Анализ показал теоретичность САР, его внимание к вопросам лексической семантики, следствием которого «являются решение вопроса о слове как о совокупности значений (проблема полисемии), о связи и зависимости значений слова как результате производности, о границах слова и омонимии, о фразеологической и синтаксической обусловленности значений, об отношении слова и контекста».[3] В этом и состоит «новаторство словаря, его качественно более высокий уровень, делающий его первым звеном в цепи академических словарей».[4]

Становление теории лексикографии происходит во всех своих основных чертах в ходе создания словарей. Ряд принципиальных обобщений видим в словарных предисловиях, инструкциях и проспектах. Основная их часть возникает как результат постижений при пословном анализе лексического состава и так или иначе сформулирована в самих словарных статьях, поэтому и выявлена может быть лишь при анализе словарного текста, где и проявлена конкретизация всего круга идей. Вне рассмотрения проблем, упомянутых при характеристике САР, не остались и создатели всех последующих академических словарей, независимо от того, какому из типов лексиког рафического труда, словарю нормативному или словарю языка нации было отдано предпочтение.

В известных «противоположениях» Л. В. Щербы, ориентированных на современное ему состояние лингвистики и европейской лексикографии, «академическим» назван тип нормативного словаря,[5] в основе которого «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени».[6] Очевидно, что это лишь одно из возможных пониманий упомянутого термина. Нетрудно убедиться, что академичность русских словарей и грамматик, созданных в XVIII, XIX и XX вв. в высших научных учреждениях, не может быть сведена к тому или другому типу разработки. Она состоит в первую очередь в фундаментальности подобных начинаний, в том,

---

[1] *Кутина Л. Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 70–88.
[2] Там же. С. 70.
[3] Там же. С. 71. САР — Словарь Академии Российской.
[4] Там же. С. 70.
[5] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. Основные типы словарей // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1940. № 3.
[6] Там же. С. 55. Образцы воплощения такого типа автор видит во всех изданиях Словаря французской Академии, в кратком словаре чешской Академии (Přiručni slovnik jazyka českěho), в нормативном словаре норвежского языка (там же. С. 63–64).

что они выполняются с размахом, доступным по существу лишь этим учреждениям (широта постановки проблем и возможность вложить в реализацию замысла необходимые средства). Задача таких словарей и грамматик в углубленном изучении обильных материалов, собранных по специально разработанным с этой целью научным проектам. Она — в исследовании, направленном на выявление реального состояния языка, его типических, наиболее существенных черт как в современный период, так и на более ранних этапах истории. Иначе говоря, она в установлении современного состояния языка, но и исторической основы его развития. Труды такого рода, в силу сказанного, становятся базой для многих и разных теоретических направлений. Именно в этом и состоит их научное и культурное назначение.

Колебание при избрании типа словаря национального языка, проявленное нашей лексикографией в конце XVIII в. и в середине XIX в., Л. В. Щерба связал с двояким аспектом категории «русский язык» и соответственно с различием в применении этого термина. Согласно одному из них, в него вкладывается понятие «современный литературный язык», который «хотя имеет весьма сложную структуру, но все же является вполне единым», но по другому — «русский язык» не ограничен ни признаком времени, ни свойством литературности, это вся «совокупность говоров не только в их настоящем, но и в прошлом».[7] В 1789 г. Российская Академия полагала необходимым исключить из словаря «все слова старинные, вышедшие из употребления». В словаре 1847 г. Второе отделение Академии наук сочло нужным помещать «вообще слова, составляющие принадлежность языка в разные эпохи его существования, потому что словарь не есть выбор, но полное систематическое собрание слов, сохранившихся в памятниках письменности, так и в устах народа».[8] Иначе говоря, в первом случае была поставлена задача составления словаря современного языка нормативного типа, а во втором — лексикографического труда, являющего собой сокровищницу языка «на протяжении многих веков от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей письменности».[9] Возможность пойти этими двумя кардинально несходными путями не исчерпывала всей трудности выбора. Сложность его усугублялась языковой реальностью. Воздействие своеобразной языковой ситуации не замедлило сказаться на своеобразии самого типа задуманных словарей. Так первому из них в качестве нормативного надлежало отразить языковую систему, но русская письменность запечатлела их не одну, а две — русскую и церковнославянскую. Л. Л. Кутина вскрыла историческую специфику словарных статей САР. Указав, что здесь в описании слова впервые была получена та лексико-семантическая абстракция, которую называют «словарным словом», она замечает: «Однако словарное слово в САР имеет существенные особенности: абстракция эта

[7] *Щерба Л. В.* Там же. С. 55–56.
[8] Словарь церковнославянского и русского языка. Т. I. Предисловие. С. XII.
[9] Там же. С. IX.

здесь расширена до охвата семантических единиц двух языков, русского и славянского».[10] Обоснование этому можно найти во взглядах членов Академии Российской, которые «исходят из той теории, что славянский язык — «корень языка российского»; русский язык — лишь изменившийся во времени язык славянский. Отсюда название славяно-российский язык, которым они обозначают язык русской письменности».[11] При сопоставлении с данными Картотеки словаря языка XVIII века, издаваемого Академией наук в наши дни,[12] выявлено, что славянская лексика в САР «представлена в таком объеме, который превышает круг славянских слов (и значений), реально функционировавших в высоком и среднем слоге русской письменности»,[13] причем установление тех и других в книжном языке делалось «на основании изучения текстового материала, который первоначально относился почти исключительно к книгам церковной письменности».[14] Но следует ли из сказанного лишь тот вывод, что лексикографы, исходя из теории, смещающей реальные языковые отношения, неправомерно объединили в одном словарном труде два языка и проявили при этом чрезмерное доверие к авторитету церковной письменности? Ведь словари, создаваемые в период функционирования языка, каким и был САР, в сравнении со словарями, которые создаются в более позднее время по тем или иным источникам, имеют перед последними то преимущество, что они отражают в своих материалах и фактор действенного в это время языкового сознания. В конце XVIII в. это сознание еще объединяло два языка — славянский и русский, причем понятие образцового языка, литературного словоупотребления, традиционно соединялось с книгами церковной письменности.

Формулируя базовые для категории лексической системы литературного языка понятия активного и пассивного запаса слов, Л. В. Щерба отметил особую сложность последнего из них и то, что пассивный запас определяется «начитанностью соответственного человеческого коллектива, тем кругом произведений, которые обязательно читаются в данном обществе».[15] Именно в этом он видел, в частности, причину составления на том этапе Вторым отделением Академии наук Словаря церковнославянского и русского языка: «... Оно не могло поступить иначе, поскольку старшее поколение того времени грамоте училось еще по часослову и псалтыри. Для него церковнославянские слова были пассивным словарным запасом, который как-то входил в систему лексики

[10] *Кутина Л. Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской... С. 75.

[11] Там же. С. 11.

[12] Словарь языка XVIII века. Вып. I–VIII. Картотека охватывает литературные источники языка XVIII в. в их широком диапазоне и ныне доведена до двух миллионов цитат.

[13] *Кутина Л. Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской... С. 76.

[14] Там же.

[15] Опыт общей теории лексикографии... С. 59.

русского языка и в той или другой мере определял значение и оттенки разных русских слов».[16] В отмеченном качестве второй академический словарь, таким образом, близок к первому, но тип лексикографического труда теперь был избран иной. Если в САР мы видим воплощение стилистических идей М. В. Ломоносова, то в новом академическом словаре нашли свое проявление идеи первого русского слависта академика А. Х. Востокова, обращенные к познанию связей современного состояния языка с его прошлым.

Конец XVIII в. и начало XIX в. были, как известно, ознаменованы стремительным развитием славянской филологии, обострением интереса к изучению родного языка, отечественной истории и литературы. Нормативный принцип отбора и описания лексики, наподобие принятого в Словаре французской академии (Dictionnaire de l'Academie Francaise), членами Второго отделения Академии наук был отвергнут как ненаучный. Эти взгляды разделял и младший современник А. Х. Востокова, также один из выдающихся русских славистов, академик И. И. Срезневский, а вслед за ним, в наиболее бескомпромиссной форме и академик А. А. Шахматов.[17] В трех статьях И. И. Срезневского, посвященных выходу в свет в 1847 г. нового словарного труда, описана и оценена обстановка, характерная для этого периода славянской и европейской лексикографии, которая и определила научные принципы второго академического словаря.[18] В качестве образцовых трудов в первой из них названы фундаментальные западно-славянские словари, созданные в первой половине XIX в.[19] «Желать найти в словаре всевозможные достоинства и досадовать, что в нем того нет, что понадобилось, столь же легко, сколь тяжело при всей доброй воле удовлетворять предполагаемым требованиям. Тем дороже должны быть ценимы труды тех ученых, которые даровитостью, уменьем, ученостью

[16] Там же. С. 59.

[17] Ни в то время, ни в более позднее, нормативный тип словаря четко не отграничивался от нормализаторских устремлений лиц, занятых созданием словарей. Ср. полемическую реплику Л. В. Щербы: «Некоторые думают, — пишет он, — что нормативный словарь не может быть научным и готовы противополагать нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю». (*Щерба Л. В.* Там же. С. 64–65).

[18] Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб. 1847, Четыре тома // В кн.: *И. И. Срезневский*. Русское слово. М., 1986. Статья первая — С. 57–71; статья вторая — С. 72–94; статья третья — С. 95–102.

[19] *Linde S*. Slownik je ,zyka polskiego u Jungmann J.Slovnik cesko-německý. Первый вышел в Варшаве в 1807–1814 г. (имеет четыре части, разделенные на шесть томов), второй — в Праге, в 1835–1839 гг. (в пяти томах). Ср. и ряд европейских словарей, посвященных теме «Язык нации» и основанных на текстах, начиная с XVI в. Среди них — монументальный труд Deutsches Wörterbuch бр. Гриммов, первый том которого вышел в 1854 г. (*Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии... С. 56).

и терпением успевали превозмогать трудности, неразлучные с составлением словаря и, пользуясь работами предшественников, достигали в своих словарях счастливой полноты, сколько это было возможно в их обстоятельствах. Таких творений немного в литературе европейской и тем менее в литературе славянской. Из славянских можем вспомнить преимущественно о двух: о Словаре польском Линде и Словаре чешском Юнгмана».[20] Как видим, здесь подчеркнуты и сугубая сложность предмета, о котором идет речь, и одно из наиболее характерных свойств лексикографии, а именно коллективность ее начал, т.е. ее источниковедческой базы. Черта эта возникает из цели обеспечить надежность и объективность сообщаемых сведений путем стремления к полноте результатов, включая и описанные в более ранних словарных трудах.

В глубоких статьях И. И. Срезневского о традиционных и проблемных задачах русских словарей, о европейских, особенно славянских словарях были в известной мере заложены основы как истории, так и теории русской лексикографии, определено и само понимание лексикографии как особой дисциплины, особой отрасли знаний.

В XIX в. русская национальная культура достигла в литературе, искусстве, во многих областях знания тех высот, которые определимы словом «классический» (в смысле ‘могущий служить образцом; совершенный’)[21] и вместе с тем ‘основополагающий, отличающийся особой точностью и полнотой’.[22] XIX в. начался с переиздания САР (1806–1822 гг.) и параллельных с этим усилий по выработке основ нового академического словаря. Подготовкой его в это время руководил А. С. Шишков, а после организации второго (словесного) отделения Академии наук — А. Х. Востоков,[23] решительно изменивший лексикографические научные планы. «Словарь церковнославянского и русского языка» (в 4-х томах) был напечатан в 1847 г. В этом труде проявлена зрелость научного замысла в соединении с профессионализмом его воплощения. Выявлены и отграничены от смежных областей параметры избранного (филологического) аспекта описания словарного состава в виде ряда характеристик, указывающих на отношение лексики к другим языковым уровням — грамматике и фонетике; при описании разграничены словообразовательные и орфографические варианты лексем; решается по языковым признакам проблема омонимии; отработаны отвечающие принципам языкового анализа типы описания лексических значений. Разработка профиля филологического словаря была интенсивно продолжена в начальном томе (А–Д) третьего академического словаря,

---

[20] *Срезневский И. И.* Словарь церковнославянского и русского языка... (статья первая). С. 64.

[21] БАС, т. V, стб. 997. Слово «классик» в том же словаре определено: ‘образцовый, выдающийся, общепризнанный писатель, деятель науки, искусства’ (стб. 994).

[22] Там же, стб. 997.

[23] Смерть в 1841 г. президента Академии Российской А. С. Шишкова послужила поводом для ее закрытия. Реальная причина была иной: деятельность Академии не отвечала уже потребностям времени.

вышедшего в 1895 г. под редакцией академика Я. К. Грота. Выдающееся значение этого труда не только в том, что объектом описания впервые явился современный русский язык, но также в том, что задача описания значений слов здесь осмыслена в органической связи с описанием образцового словоупотребления. Изучение семантических и стилевых особенностей применения слов потребовало широких материалов и вызвало настоятельную нужду в создании фундаментальной словарной картотеки.[24]

Итак, второй академический труд, названный «Словарем церковнославянского и русского языка», вышедший (одновременно) в четырех томах в 1847 г. был задуман и выполнен как «сокровищница языка» в соответствии с научными требованиями своего времени. В нем наряду со словами из первых письменных памятников представлены слова, извлеченные из позднейших произведений русской словесности, лексика церковнославянская и древнерусская включена наряду с неологизмами последних лет. В значительно большем числе, чем в предыдущих словарях, даны иноязычные слова, особенно термины наук и искусств. Рядом со словами литературными видим слова из народных говоров. В заботе о полноте словника был проработан со всем тщанием состав слов, описанных в предшествующих словарях. Объем в сравнении с ними достигнут огромный — 114749 слов, что вдвое превышает число слов в более раннем академическом словаре, не только первого, но и второго издания.[25]

Вместе с тем тезаурусом в полном смысле этого слова данный труд русской Академии не стал, так как в нем был применен, и довольно последовательно, принцип отбора слов и значений, оценки их с позиции литературности. Иначе говоря, нормативность, служившая главным принципом Словаря, составленного в академической среде в XVIII в., и теоретически отвергнутая теперь при составлении нового Словаря, на деле давала о себе знать, и весьма ощутимо. Так из числа неологизмов в Словарь введены лишь те, которые оказались общеупотребительными в литературном языке. То же требование к иноязычным словам, к терминам наук и искусств (вводятся в первую очередь наиболее часто встречающиеся в русских книгах). Областные слова полагалось брать лишь в том случае, если они точно выражали предмет и восполняли недостаток соответствующих слов в литературной речи.

При создании «сокровищницы языка» (и, как видим, в известном противоречии с избранным типом) продолжала отрабатываться концепция словарной фиксации общелитературного языка, которая через 100 лет (в середине XX века) станет в академической лексикографии ведущей (речь идет о толковых словарях национального языка).[26] Однако из этого вовсе не следует, что тем самым была редуцирована, то

[24] Начало собирания материалов для картотеки, связанное с этим периодом истории русской лексикографии, относится к 1886 г.

[25] В Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. — 43257 слов, во втором его издании 1806–1822 гг. — 51388 слов.

[26] Словарь русского литературного языка (в 17-ти томах). М. –Л., 1948–1965. Сло-

есть не проявилась в достаточной мере и сама идея важности полноты словарного состава языка (во всем его объеме и на протяжении всех этапов развития). Напротив, именно в XIX веке, особенно во второй его половине, у нас и были заложены основы такого всеобъемлющего описания, но осуществляемого не в одном сводном труде, а в системе, или цикле, лексикографических трудов, направленных к названной общей цели. Подобная система устремлена к тому, чтобы описать лексику как литературного, так и народного языка, не утратив при глобальном подходе специфики изучаемых явлений, то есть выполнить названную задачу с соблюдением необходимых для научного анализа подробностей. Черты этой системы, рассчитанной на создание комплекса словарей, определились в первую очередь в трудах академиков А. Х. Востокова и И. И. Срезневского. Дальнейший путь русской лексикографии закрепил названную линию развития в качестве магистральной, что и составляет заметное своеобразие наших словарей в сравнении с соотносительными трудами других стран, в том числе и славянских.

Очевидное свидетельство наличия замысла о цикле словарей видим в том, что почти одновременно со «Словарем церковнославянского и русского языка», изданным в 1847 г., Второе отделение Академии наук приступило к созданию словаря русских народных говоров.[27] «Опыт областного великорусского словаря» вышел в свет в 1852 г., а в 1858 г. под редакцией того же академика А. Х. Востокова были изданы «Дополнение к опыту областного великорусского словаря» (в работах принимал участие и И. И. Срезневский).[28] Существенно, что оба они построены по дифференциальному принципу (даются лишь те слова и значения, которые не являются общерусскими и не вошли в силу этого в Словарь Академии наук 1847 г.). В предисловии к первому из них (при указании на научное значение описания лексики народных говоров) выделена роль этих материалов для исторических исследований по русскому языку.

Система русских словарей, разработанная в академических кругах середины XIX в., была, таким образом, ориентирована в первую очередь на изучение истории языка. «Толковые словари русского языка, — пишет в связи с этим академик В. В. Виноградов, — отрываются от живого процесса литературного развития».[29] Существенно для понимания нужд русской культуры названного периода и сказанное вслед за этим: «Правда, необходимость обособления церковнославянского и русского в середине XIX в. была очевидна всем. Даже в стенах Академии наук раздавались голоса (например, П. С. Билярского, И. И. Срез-

варь русского языка (в 4-х томах). М., 1957–1961, 2-е изд. 1981–1984 (далее БАС и МАС).

[27] Работы над «Словарем церковнославянского и русского языка» начались в 1842 г., а к подготовке областного словаря приступили в 1845 г.

[28] В «Опыте областного великорусского словаря» собрано и объяснено 18011 слов, в «Дополнении» — 22895 слов.

[29] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 223.

невского, призывавшие к работе над нормативным словарем живого литературного языка. Но вопрос о границах литературного языка не вполне ясен».[30] И далее, имея в виду «Словарь Академии Российской» в издании 1806 г. и особенно «Словарь церковнославянского и русского языка», вышедший в свет в 1847 году: «Казалось, что главной задачей академических словарей стала реставрация старого литературного наследия».[31]

Предвидя дальнейшее развитие русского языка, естественней было бы сделать упор на его ежечасно крепнущие позиции, о чем и говорили противники выдвинутого Академией плана, но у Второго (словесного) отделения АН, похоже, была иная цель. И она состояла отнюдь не в том, чтобы смешать упомянутые в заголовке словаря языки — церковнославянский и русский — скорее, напротив, она заключалась в намерении развести их, выявив зоны наибольших сближений, — запечатлеть результаты их длительного взаимодействия на том переломном этапе, которым была для русского языка середина XIX века. Научное значение поставленной и решенной «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 г. задачи неоспоримо и по-своему уникально. Нельзя не отметить, что материалы его в названном аспекте еще не использованы и не оценены. Лучшее доказательство того, что замысел данного предприятия Академии наук был именно таков, состоит в выходе вслед за ним еще одного словаря. Речь идет о капитальном труде все того же академика А. Х. Востокова — «Словаре церковнославянского языка», изданном в двух томах в 1858, 1861 гг.[32] В нем даны координаты для различения двух языковых систем. Церковнославянская лексика в немалом числе включенная в Словарь 1847 г. и выступающая в нем в качестве категории славянизмов, освоенных в русской книжности, получила с выходом этого труда новый аспект рассмотрения и достаточно убедительное обоснование, так как оказалась научно противопоставленной лексике специфически старославянской.

Если иметь в виду, что А. Х. Востоков — автор еще одного труда, названного им «Этимологическое расписание» (фундаментальное исследование, начатое в самом начале XIX в. (не позднее 1808 г.), которое так и осталось не изданным),[33] то при сопоставлении всех названных словарей, либо составленных А. Х. Востоковым единолично либо

---

30 Там же. С. 224.

31 Там же.

32 Изучены рукописи XI–XVIII вв. и все изданные в то время памятники старославянской письменности. В словаре дано огромное число контекстов, относящихся к различным эпохам и местностям. Все выдержки точно документированы. Есть сведения по истории слов у разных славянских народов. Работа над «Словарем церковнославянского языка» велась А. Х. Востоковым в течение 40 лет. Одновременно с этим словарем был осуществлен и издан в Вене труд Фр.Миклошича («Lexicon linguae slovenice veteris dialecti»). Вышел в свет двумя изданиями в 1850 г. и в 1862–1865 гг. См. об этом в кн.: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958. С. 62–63.

33 См. об этом: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии М., 1958. С. 67–72.

осуществленных научными коллективами под его руководством и редакцией, видна их общая направленность, а также и неукоснительная планомерность в изучении выдвинутых проблем.

Очевидно, что и Востоков, и Срезневский особое внимание уделяли аспекту исторического описания лексики. Со второй половины XIX века историческая тема в системе русских словарей стала разрабатываться все более углубленно, найдя в трудах академика И. И. Срезневского наиболее важное для русистики преломление. В проспекте «Мысли об истории русского языка»[34] был выдвинут широкий и глубоко продуманный план создания исторического словаря русского языка, без которого, как полагал он, не достижима полная и подробная история языка, — первейший и насущно необходимый источник истории народа («народ выражает себя в языке своем», «каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе»). Задуманный труд, как и Словарь 1847 г., по своему типу должен был быть сокровищницей языка, но по структуре и содержанию он представлялся автору «Мыслей об истории языка» совершенно иным: систематическое расположение слов (по предметам и соподчиненности понятий, выражаемых словами). Существен здесь и хронологический принцип описания значений (с учетом когда и как те или иные слова вошли в язык или же были в нем утрачены). Составление такого словаря, считал автор, требует «монографического перебора памятников языка старого и современного, книжного и народного», каждый из них «должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном».[35]

Одной из теоретических задач в аспекте лексикографической типологии теперь считают построение проектов идеальных словарей.[36] Видимо, уместно отметить, что выдвинув свой проект, о котором только что шла речь, И. И. Срезневский проявил себя именно как теоретик. Наряду с А. Х. Востоковым (ср. его концепцию описания словарного состава русского языка в системе взаимно связанных словарей) он и должен быть признан в русистике основателем работ по теории лексикографии в том ее понимании, которое присуще нашему времени.

При составлении словаря древнерусского периода вопрос о соотношении русского и церковнославянского языков оказался среди наиболее

[34] Программное выступление И. И. Срезневского состоялось в феврале 1849 г. на акте в Петербургском университете. Текст его дважды опубликован (с названием «Мысли об истории русского языка») в 1850 и 1887 гг.

[35] *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 120–130, 124 и сл. Работа автора над Словарем велась около 40 лет и началась с создания словоуказателей и словарей к отдельным памятникам, выполненных им самим и его учениками (Чернышевским, Пыпиным, Лавровским и др.). Из большого числа источников вел выборку и сам Срезневский. В качестве материалов были использованы и другие словари (в первую очередь «Словарь старославянского языка» А. Х. Востокова и «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г., а также лексические материалы в трудах Ф. И. Буслаева. См. об этом в кн.: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории лексикографии. С. 67–73».

[36] Ср.: *Денисов П. Н.* Основные проблемы теории лексикографии. Автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 1976.

сложных. Считая, что трудно отделить эти языки один от другого, хотя при этом с уверенностью отмечая и их отличие, И. И. Срезневский приходит к убедительному выводу: нельзя создавать словарь только народного русского языка, а отсюда и заключение, что исследованию и лексикографическому описанию подлежит язык русской книжности — некая совокупность ее источников. Следовательно, должны быть учтены и описаны все слова, которые присутствуют в известных на Руси памятниках.[37] Вескость этого научного решения сохраняет силу и в наши дни.

После смерти И. И. Срезневского Словарь был издан с названием «Материалы для словаря древнерусского языка».[38] Но и в таком виде, лишь отчасти воплощающем авторский замысел, со всей очевидностью проявилась значительность результатов, достигнутых многолетним трудом. Слова в «Материалах...» размещены по алфавиту, но описание лексики следует принципу историзма, что проявилось в выделении и порядке смысловых рубрик, в хронологии размещения цитат, в типе истолкований, в соотнесении вариантов лексем, в грамматических указаниях, в соотнесении с иноязычным эквивалентом и учете этимологий. Обилие памятников, из которых сделана выборка, и их стилистическое разнообразие, огромное число выдержек из тщательно обследованных текстов, точная документация цитат дают возможность проследить процессы не только древнерусского, но в известной мере и среднерусского периода развития языка.

Итак, проблемы, поднятые в Академическом словаре 1847 г., задуманном как сокровищница языка, продолжали разрабатываться, углубляя в основном его историческую перспективу (дополняя в этом аспекте и его состав). Однако и тип системного, нормативного описания языка, представленный в первом Академическом словаре, в Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. (и его азбучном варианте 1806–1822 гг.) — лишь временно (и ненадолго) был оттеснен на второй план. Потребность в решении названной научной задачи была вполне ощутима и в период выхода в свет Словаря 1847 г., вызывая, как упоминалось, критику этого издания и настойчивые требования осуществить составление словаря современного литературного языка.[39] Нормативность в известной мере была соблюдена и в Словаре 1847 г. (правила отбора слов и значений, проявленные по отношению к лексике областной, специальной и иноязычной). Однако вклад словаря в развитие нормативных установок был намного значительней, чем ограничения в словнике:

[37] Выступление на первом археологическом съезде. В качестве названия задуманного труда первоначально предполагались: Словарь народного и церковного языка, Словарь книжного и народного языка по древним памятникам русского письма.

[38] Материалы для словаря древнерусского языка напечатаны в трех томах: т. I, 1893; т. II, 1902; т. III с дополнениями, 1912.

[39] Ср. и в статье Срезневского, посвященной публикации второго академического словаря: «Словарь для общего употребления, словарь литературный и словарь филологический — три дроби одной и той же единицы, дополняющие себя взаимно». (*Срезневский И. И.* Словарь церковнославянского и русского языка... С. 63).

проявился он в последовательной и разносторонней отработке характеристик словаря филологического. Принципы филологического описания материалов (в отличие от энциклопедического) — непременное условие нормативных квалификаций (смысловое и стилистическое соотнесения данной лексемы с другими лексемами языка,) учет их вариантов и словообразовательных связей, регулярность грамматических указаний; все это при лаконизме и логичности формулировок словесного значения с устранением энциклопедических подробностей). Достижения академического словаря 1847 г. под ред. академика А. Х. Востокова в названом аспекте отчетливо видны при сопоставлении со статьями Словаря Академии Российской.

Работа по созданию принципов описания лексики в филологических словарях была продолжена и доведена до высокой степени совершенства, когда Академия вновь приступила к задаче составления словаря, отражающего современное состояние языка. Но к этому периоду система русского языка уже полностью отчленилась от языка церковнославянского, изменилась языковая ситуация, изменилось и языковое сознание. К концу столетия, по словам Л. В. Щербы, начитанность в церковнославянских текстах исчезает совершенно. Новый (третий) академический труд, нормативный по типу, был словарем русского литературного языка «как он образовался со времен Ломоносова».[40] Развивая в «Опыте общей теории лексикографии» свою мысль об изменении фонда читаемой литературы, Л. В. Щерба замечает: «И действительно, все мы, нынешнее старшее поколение — если не всегда с большим увлечением — читали и Ломоносова, и Державина, и Карамзина».[41]

После смерти академика Я. К. Грота (1893 г.)[42] руководство Словарем и редакция перешли к А. А. Шахматову, решительно изменившему его направление. Обе эти трудно соединяемые тенденции и концепции — Я. К. Грота и А. А. Шахматова — стали для русской академической лексикографии этапными, явились основой ее дальнейшего развития.

При оценке «шахматовской редакции» академического словаря[43] с одной стороны, постоянно подчеркивается неосуществимость замысла (нереальность попытки создать thesaurus в применении к живому языку), а с другой стороны — высокий научный потенциал выдвинутых принципов описания словарного состава языка. Более того, шахматовский период русской академической лексикографии нередко признается ее вершиной. Речь идет не о борьбе мнений: оба положения каким-то

[40] Словарь русского языка, т. I. Под ред. акад. Я. К. Грота. СПб., 1895. С. VI.

[41] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. С. 60.

[42] При жизни Я. К. Грота были опубликованы два выпуска первого тома Словаря русского языка, в 1895 г. вышел последний его выпуск. Том, отредактированный Гротом, включает буквы А–Д.

[43] Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Имп. Акад. наук (букв Е, Ж, З), 9 выпусков, первый из которых Е — железный (СПб., 1897) имеет теоретическое введение. Шахматов работал над словарем 12 лет (1895–1907).

не совсем понятным образом сосуществуют, они ужились.[44] Разгадка, видимо, заключается в том, что замысел А. А. Шахматова обращен к будущему, ходом развития науки набирает динамическую силу. В шахматовских выпусках дана модель описания языка русской нации (в отношении его словарного состава). Научная концепция, на основе которой разработана эта модель построена на обширных и убедительных материалах. Фонд слов русского литературного языка, «языка русского просвещения», как он писал, занял в этом труде подобающее место, учтены в ряде случаев даже единичные употребления, среди других представлены и церковнославянские слова, если их применяют русские церковные писатели или если они встречаются в русском переводе Писания (чего не делалось в первом томе, редактированном Я. К. Гротом). В Словарь введено огромное число народных слов, причем областные значения слов, где это возможно, соотнесены с литературными. «Научные и технические термины включены в объеме еще не бывалом и им даны точные логические определения, принятые в той или иной отрасли науки и техники, к основным русским словам приведены параллели из других славянских языков. Где это возможно, даны научные этимологии. Обширная документация значений состоит из литературных цитат, фольклорных и диалектологических записей. В подборе цитат там, где позволяют материалы, представлена история развития значения».[45]

В основе языка нации, как полагает А. А. Шахматов, лежит «живой язык». В письме к Ф. Ф. Фортунатову 2 ноября 1895 г.[46] и в записке, которую Шахматов прочел в Отделении о программе словаря 16 ноября того же года, сказано, что «для академического словаря есть два пути: первый из них — признать источником словаря письменный язык, второй — признать язык писателей лишь подспорьем при определении значений слов и их употребления, а источником словаря сделать живой русский язык; при этом задачей словаря является объяснение всех и всяких известных Второму отделению русских слов».[47]

Итак, по Шахматову, в основу описания языка нации должен быть положен живой язык, но вместе с тем он убежден, что русский язык представляет собой синтез языка народного и письменного: «До сих пор можно с письменным языком обойти всю Великую Россию и Сибирь и всюду быть понятным народом; и до сих пор архангелогородец, и курянин, не зная письменного языка, могут обойтись со своим наречием как в столицах, так и во всяком захолустье...»[48]

---

[44] *Ковтун Л. С.* Основная идея шахматовской лексикографии // ВЯ. 1971. № 2. С. 62–68.

[45] *Истрина Е. С.* А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1946. № 5. С. 413.

[46] В 1895 г. вышел в свет 1-ый том академического словаря (А–Д), отредактированный Я. К. Гротом.

[47] *Истрина Е. С. А. А.* Шахматов как редактор словаря русского языка. // Изв АН СССР, ОЛЯ. 1946. № 5. С. 417.

[48] Записка Отделению 16 ноября 1895 г. (Е. С. Истрина, указ. соч.).

Вполне понятно, что при таких взглядах на язык, словарь, составленный В. И. Далем, получил безоговорочное признание А. А. Шахматова. В оценке им этого словаря не только знак крутого поворота академической лексикографии (достаточно вспомнить полемику В. И. Даля с редакцией Словаря 1847 г., возглавляемой А. Х. Востоковым).[49] В этой оценке выражена суть замысла словарного предприятия самого А. А. Шахматова: в словаре Даля смешаны два языка — язык письменный и живой язык современных «великорусских» говоров.

Ценность словаря Даля не в том, что он повторил за другими словарями, которые, как сказано в его «Напутном слове», «набирались из книг»,[50] а в том, что он добавил к ним десятки тысяч слов из устного народного языка. В. И. Даль счел нужным особо отметить, что девять десятых собранной им лексики — «простые обиходные слова», а не какие-нибудь «неслыханные выражения». Словарь стал сокровищницей русского живого слова. Переходя от гротовского нормативного словаря к словарю совсем другого типа — thesaurus — А. А. Шахматову было важно подчеркнуть это доверие В. И. Даля к народной речи, к разговорному языку. Тем самым подчеркнута связь между разными частями языка русской нации и отмечено воздействие народных говоров на литературный язык, указано на характерный и для нашего времени процесс отработки в литературном языке слов. Нельзя забывать, что крупнейшие писатели XIX в. активно стремились сблизить литературный язык с народным.

Итак, Словарь А. А. Шахматова — это словарь языка русской нации в его единстве и сложности. Принято считать его едва ли не уникальной в истории лексикографии попыткой создать thesaurus,[51] но это как мы уже видели, не так. Идея создания словарной сокровищницы была как нельзя более органичной для наших первых историков-славистов А. Х. Востокова и И. И. Срезневского. Старший из них реализовал ее не в одном труде, а в их комплексе, системе. В академическом словаре церковнославянского и русского языка 1847 г., в сочетании с двумя дифференциальными областными словарями (с ориентацией на вышеназванный труд). Концепция А. Х. Востокова (создать систему словарей) нашла своих преемников, реализуясь в дальнейшей деятельности Академии наук. На современном этапе она получила общее признание. Преобразованная, не без активного воздействия гротовских нормативных тенденций, но в еще большей степени шахматовских импульсов, противостоящих жесткой нормализации, направленных к описанию и пограничных явлений, она нашла свое вторичное воплощение в создании Большого академического словаря[52] (а вслед за завершением его

[49] См. об этом: *Ковтун* Л. С. Основная идея шахматовской лексикографии. С. 64.

[50] *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1953. Напутное слово. С. XXVI.

[51] По всей видимости, после доклада Л. В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии» на заседании Отделения в 1940 г.

[52] Словарь русского литературного языка в 17-ти т. М.-Л., 1948–1956 (БАС).

и в интенсивных работах по созданию исторических словарей, по теме «Новое в русской лексике»),[53] с параллельным изданием (с 1965 г.) «Свободного словаря русских народных говоров».[54]

В «Очерке общей теории лексикографии» Л. В. Щербы Словарь Шахматова нашел место в двух противоположениях: а) thesaurus — обычный (толковый или переводный) словарь; б) словарь академического типа — словарь-справочник. Раскрывая смысл первой оппозиции, автор отмечает, что обычный словарь дает лишь правила (иначе: значения слова с иллюстрациями, подтверждающими толкования), словарь thesarus — весь языковой материал и «до известной степени» предоставляет читателю самому выводить из него значения.[55] Очевидно, что последнее положение не может быть отнесено к шахматовскому Словарю: его отличает стремление к детальной разработке семантики на базе материала, способного отразить реальное состояние языка. Это качество в свое время (середина XX века) отметила Е. С. Истрина: «Словарные материалы так вдумчиво и тщательно собиравшиеся Шахматовым, явились основанием «Словарной картотеки» Академии наук, которая насчитывает уже несколько миллионов карточек, непрерывно расширяется и служит богатым источником современной лексикографии».[56] Такова лексическая база словаря. «Широкая картина значений и оттенков слова, прямых и переносных, широкая картина употребления слов, оборотов, выражений, продуманная система грамматической характеристики слова и общие строго научные установки «редакции Шахматова»...» — таков уровень анализа слов в словаре. Заметим, что оценка разработки семантики в выпусках II тома, третьего академического Словаря русского языка, данная Е. С. Истриной, известным советским лексикографом и ученицей А. А. Шахматова, не расходится с мнением придирчивого критика «шахматовской» редакции И. Х. Пахмана: «Никто, конечно, не станет порицать редакцию нового академического Словаря, — пишет он, — за ее заботу всесторонне разрабатывать каждое слово, доискиваться всевозможных оттенков его значения, приводить все встречаемые в литературе применения».[57]

Шахматов и его сотрудники, не оставляли, как видим, «языковой материал» сырым, но, прежде чем подвергнуть его анализу и систематизации, они добивались фундаментальности той базы, на которой

---

[53] Словари «Новые слова и значения» (1971 и 1984), ежегодники (Новое в русской лексике, 1980, 1981, 1982 и след.) Эти издания представляли исследователям большие материалы, давая возможность изучать живые процессы, наблюдаемые по текстам прессы и периодики.

[54] Видный сербский лексикограф Митар Пешикан, гостивший в Ленинграде в 1969 г., на вопрос, удовлетворяет ли его Большой Академический словарь, ответил, что ценность его как словаря современного русского языка будет возрастать по мере издания « Сводного словаря русских народных говоров». (К 1996 г. издано тридцать выпусков (А–Почестно).

[55] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии.

[56] *Истрина Е. С. А. А.* Шахматов как редактор словаря русского языка. С. 417.

[57] План нового академического словаря с точки зрения иноязычного. Записка И. Х. Пахмана. СПб., 1899. С. 9, 10.

будут строиться обобщения. Это внимание к языковому материалу оценил Л. В. Щерба, видя в нем попытку изучения речетворчества в области словоупотребления. Отметим, что шахматовский словарь, видимо, и составлялся под знаком этих идей. Академик Щерба дает ему характеристику: «Он, конечно, не должен был быть настоящим thesaurus'ом, но максимум цитат был его основным принципом, а поскольку дело шло об «областном языке», постольку абсолютно все имевшиеся материалы обязательно входили в его ткань».[58] Особое значение им придавалось, надо думать, не в связи с их местными особенностями, а в связи с тем, что в них представлена разговорная речь с ее ярко выраженным национальным характером.

Нельзя не согласиться с тем, что полноту материалов А. А. Шахматов ценил превыше всего и предела в этом отношении не ставил. Широта документации словоупотребления — характерный признак «шахматовской редакции».[59]

В другом противоположении Л. В. Щербы шахматовский труд упомянут в качестве типичного примера словаря-справочника, где описаны слова, которые могут принадлежать разным коллективам, относиться к разным эпохам и «вовсе не образуют какой-либо системы». Уже упоминалось, что в основе подобных словарей, как полагает автор, в наше время лежит идея нации.[60]

Действительно, словарь А. А. Шахматова — это как уже не однажды сказано, словарь языка русской нации, но эпохи вполне определенной (нижний предел — язык времени Ломоносова); лексика, собранная в нем, не есть некий конгломерат, соединение разнородных материалов. И если признаком академического словаря считать системность, как это предлагает Л. В. Щерба,[61] она может быть присуща и словарю языка нации. Цель словаря литературного языка нормативного типа — описание отношений словарного фонда литературного языка. Однако при всей значительности роли этого языка как языка общенационального он не автономен, ибо сам входит в систему более сложного порядка (систему систем), которая покрывается понятием языка нации.[62]

Идея синтеза отдельных частей современного языка русской нации не может вместе с тем не стать жизненно необходимой русистике, особенно теперь, когда осознано значение исследований разговорной речи. Проблемы соотнесенности этноязыка и литературного языка, проблемы социальной обусловленности развития литературной разговорной речи, ее отношения к просторечию и диалектам (при современном со-

---

[58] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. С. 74.

[59] В предисловии ко II тому отмечена относительность достигнутых результатов.

[60] Сам этот термин («словарь-справочник» — недостаточно отчетлив. См. об этом: *Фельдман Н. И.* О специфике небольших двуязычных словарей. № 2. 1952. С. 13.

[61] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. С. 55.

[62] *Ларин Б. А.* Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Сб. «Очерки истории языка». Л., 1960. С. 5.

стоянии и в генетическом плане) занимают теперь видное место в проблематике русистики и общего языкознания.

Словарь А. А. Шахматова не раз подвергался критике. Указывалось, что совмещение областных и литературных слов и значений «... не могло не отразиться на стилистической перспективе словаря, сильно ее затемняя и спутывая».[63] Отмечалось, что объединение неоднотипных материалов отразилось и на истолковании слов: «невозможно было уловить смысловые особенности областного слова с такой же точностью, как и литературного».[64] И это понятно: значения областных слов менее отработаны или, что то же, более диффузны. Несомненно и то, что всякое объединение ведет к потерям, к утрате чего-то специфического. На современном этапе анализа и теоретических обобщений осознано, что науке о русском языке необходим не один словарь, наподобие «шахматовской редакции», а комплекс словарей, синтезирующих показания письменных и устных источников.

Такая система словарей, как мы видели, вдумчиво отрабатывалась на протяжении всего XIX века и в последующие годы XX века. В настоящее время она имеет три взаимно связанных направления: словари современного языка литературного, исторические словари и словари областные, но разветвления каждого из них весьма разнообразны по своему диапазону и назначению. Словари современного языка литературного, представляя нормативное направление, сосредоточены на проблеме описания словарного состава общелитературного языка. Но впереди остается еще описание более широкой категории, — слов языка литературного, во всех его функциональных стилях и прежде всего языка, занимающего столь существенное место в современной культуре, а именно языка науки с его сложными градациями по специальностям и сленговыми ответвлениями в каждой из них, языка художественной литературы и публицистики, а также обиходных средств бытового общения (разговорной речи и просторечия).

---

[63] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка. С. 385.
[64] Там же. С. 386.

ДРЕВНИЙ ПЕРИОД (X–XVII ВВ.)

Языкознание у восточных славян в X–XV вв.

Слово и текст. Лексическая семантика. Средневековое понимание слова. Текстовая лексикография.

Патристическая философия Византии, оказавшая разностороннее влияние на древнерусскую культуру, как известно, сочетала церковное учение с концепциями античных философов, особенно Платона и Аристотеля.

Основные проблемы средневековых философских воззрений были тесно связаны с пониманием сущности слова. Достойны изучения не отдельные вещи, чувственные и изменчивые, но общее и необходимое в вещах. Источник знаний о мире — не реалии, а понятия о них. Объектом познания, по этим представлениям, объявлялось слово.

Решение кардинального вопроса о двух началах — материи и идее — состояло в признании ведущим «духовного», а чувственного («внешнего») — производным и зависимым от «духа». Причем во всем сущем, как считалось, проявляются оба эти начала.

Абстрагирующее сознание средневековья и мистическое отношение к слову были восприняты русской книжностью в основном через переводы сочинений богословско-догматического характера, но трактовку подобных тем находим не только в них, но и в трудах энциклопедического и философского направления. Ср. истолкование таких понятий, как «етеросущее — двоесуществие» и «видимый и невидимый мир» в одном из рукописных словарей, наиболее значительных для Московской Руси XVI столетия.[1] Первое из них разъяснено: «Едино существо — божество, а другое существо — человечество». И далее: «Первое существо — тело, другое существо — душа, сего ради человек наричется видимый мир и невидимый». При раскрытии второго понятия также сказано: «Сугуб есть человек, от души бо и тела сложен». В качестве

[1] Словарный труд, принадлежащий к типу азбуковников, объединивших в своем составе глоссы текстовой лексикографии, характерной для более раннего периода (XI–XV вв.) и собственные наблюдения книжников XVI в. — составителей этих словарей.

литературного источника, во II-ой редакции Словаря названы 8-ое и 21-е «слова» Григория Богослова.[2]

Двойственная природа всего сущего свойственна, по средневековым понятиям, и словесному значению: за «внешним» смыслом таится другой, сокровенный. «По чювственному пажить толкуется поле злачно, рекше травное, потребно в пищу скотом, а по духовному пажить толкуется святая церковь, исполнена живоноснаго закона духовных словес», — читаем в том же словаре.[3]

Первостепенную роль обретает символическое осмысление текстов. Оценивая роль символизма в культуре древней Руси и определяя периоды его расцвета и угасания, Д. С. Лихачев отмечает, что истоки средневекового символизма надо искать у греков (эллинистического периода), которые были склонны символически толковать свою мифологию. Что касается книжности средневековья, то она «была пронизана стремлением к символическому толкованию явлений природы, истории и Писания».[4] «Вслед за символическим истолкованием Ветхого и Нового заветов символизирующая мысль средневековья (и на Востоке Европы и на Западе) тем же путем истолковала и все явления природы».[5] «Весь мир полон символов и каждое явление имеет двойной смысл».[6]

Символика церковных книг образует разветвленные смысловые пучки. Так, среди символов одной из библейских книг — Псалтыри (в славянском воспроизведении ее текста XII в.) — могут быть названы ряды слов: а) со значением водного пространства; б) обозначающие возвышенности; в) соотносимые по значению с темой света, огня, жара; г) называющие существ, обитателей земли и др. Символы развивают друг друга. Например, слово земля имеет символическое значение 'человек' — земля «мысленая», или «разумная», «умная». Вера вспахивает «мысленную землю», ее бразды — сердце, ум, душа. Символы многозначны. Гора — это и вера, и богородица, и церковь; то же слово обозначает и обилие людских грехов — «горы греховныя».[7]

Наблюдается синонимия символики: наличие разных (иногда многих) наименований для обозначения одного и того же предмета или явления. Символами крещения оказываются слова: море, река, вода;

---

[2] Азбуковник сер. XVI в. по ркп. ГПБ O.XVII, 20-х гг. XVII в., л.30 и 46 об., 47. Григорий Назианзин (Богослов) (ок. 329–ок. 389), византийский писатель, сыгравший значительную роль в оформлении христианской догматики.

[3] Там же. Л. 86 об.

[4] *Лихачев Д. С.* Средневековый символизм в стилистических системах древней Руси и пути его преодоления // Сб. статей к шестидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1956. С. 167.

[5] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979 (издание третье дополненное). С. 162.

[6] Там же. С. 162.

[7] Подобное же символическое значение имеют и слова: реки, источники, потоки, течения греховные.

апостолов — холмы и столпы (ср. пророки — горы).[8] Такие символические ряды состоят из слов, соотносимых по смыслу, но имеющих и свои отличия, которые дают основания для вариаций истолкований. Если апостолы названы холмами, «яко вышьше земьнаго жития» (пс. 71), то для символа столпы приводится другое основание: «суть же нераздрушими» (пс. 74). Вместе с тем при условности выбора символа таковыми выступают и слова различных значений: апостолы — не только холмы и столпы, но и облака (облаци),[9] а этот последний символ в свою очередь означает «телеса просвещаемых», входя тем самым в ряд символов крещения.

Особенно богат и разнороден в Псалтыри пучок символических и эвфемистических именований дьявола и бесов. Дьявол — чаша вина растворена, пес, лев, змеи (аспид и василиск), а также грешный, законопреступный, клеветник, сильный; бесы — змеи, кони, враги.

Характерно попавшее затем и в старинные словари рассуждение истолкователя псалмов по поводу черноты дьявола («и бысть, яко главьня истрьжена от огня, еже есть от горения древо»). Признак, ставший поводом для наименования его и бесов эфиопами и муринами.[10]

Условность символа обнаруживает себя особенно явно, когда у одного и того же слова оказываются предельно несходные символические смыслы. Примером может служить словарное описание лексемы «эфиопы», которое неожиданно, в новом аспекте, развивает тему воздействия пламени, огня: «ефиопит смирени, наричет же писание и бесов аравлянами, и ефиопами, и муринами, черны бо акы главня угашена..» Следует пояснение выбора подобных наименований, основанных на реальном признаке: «того ради предреченными имены нарицаеми, занеже во ефиопьских и аравских и мурских стран люди зело черны».[11] Однако в первом из символических этих слов значения «смирени» видим отнюдь не бесов, а, напротив, святых, праведных. Характерно, что и этот смысл почерпнут из Писания (пс. 73). Так говорится, по словам толкователей, о благоверных, «елицы убо беспрестани горять душами своими нетленным огнем божественныя любве». Одним и тем же символом, таким образом, могли быть даже и слова антонимических смыслов, например, свет и тьма (как обозначение бога).[12]

---

[8] Популярное на Руси Слово на рождество богородицы Андрея Критского приводит семьдесят четыре символа богоматери. (*Лихачев Д. С.* Поэтика... С. 162).

[9] Устойчивость последнего символа особо подчеркнута истолкователем: «облакы бо кънигы апостоли глаголють присно».

[10] Подробнее о символике и других образных средствах в тексте Толстовской псалтыри XII в. в кн.: *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М. ; Л., 1963. С. 155–182.

[11] Азбуковник начала XVI в., по ркп. ГБЛ МДА 21(35), 1954 г., л.84. Издан в кн.: *Ковтун Л. С.* Лексикография Московской Руси XVI–начала XVII в. Л., 1975. С. 268–312. Сокращение «т» означает: «толкование». Статья на сл. ефиопи на с. 281.

[12] В XVII веке, когда религиозный символизм все более уступал место реалистическим типам образности, применение второго символа стало вызывать отпор

Итак, символ при статичном значении обладает свойством практически неограниченной свободы модификаций. В средневековых текстах искали скрытый духовный мир — внутренний мир абсолютных, непостижимых и неизмеримых идей. Считалось, что символы даже и избранным «открываются» лишь отчасти, представая то в одной, то в другой из своих ипостасей. Поэтому и раскрытие («познание») символов мыслилось как беспредельное. Каждый из текстов мог получить не одно, а много, причем несходных, а иногда и противоположных истолкований. Отсюда и возникали символические пучки для выражения того или иного «духовного» смысла, и наоборот, те же самые слова выступали как знаки самых разнообразных и разнородных объектов.

Кто же были те авторитеты, чьи объяснения признавались «истинными»? Максим Грек[13] и его русские сотрудники, новгородцы Дмитрий Герасимов и Влас Игнатов[14] перевели с греческого Толковую псалтырь (1518, 1519 гг.), но так как раскрытия смысла псалмов принадлежали разным «отцам церкви» и во многих случаях были несходны, Максим предварил этот перевод историческим экскурсом, в котором разделил истолкователей на три направления: одни из них смысл речи изложили «иносказательно» (аллегорически), другие «изводительне и премирне» (символически), третьи «по письмени просто изложища».[15] К первым, среди других, он причислил Иоанна Златоуста,[16] Афанасия Александрийского,[17] Василия Великого;[18] к истолкователям, следующим буквальному, историческому объяснению — Феодорита.[19] Независимо от того, верна ли характеристика методов истолкования, данная в экскурсе Максима, но здесь, как видим, уже намечено противостояние мистического и реального.

даже в среде старообрядцев. Так Симеон Полоцкий упрекает Никиту Добрынина в том, что ему незнакомо толкование образа «тьма» и в применении к богу Дионисием Ареопагитом. Ср. *Матхаузерова Светла.* Древнерусские теории искусства слова. Univerzita Karlova. Praha. 1976. С. 20–22.

[13] Максим Грек (Михаил Триволис, 1470–1556 гг.), выдающийся филолог и писатель Московской Руси.

[14] Дмитрий Герасимов, Влас Игнатов — переводчики с латинского и немецкого. См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси, вторая половина XIV–XVI вв. Часть I. А–К. Л., 1988. С. 195–196, 140–141.

[15] Позднейшие богословы не могли уловить разницы между первыми двумя направлениями (ср. *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 167–169).

[16] Иоанн Златоуст (347–407 гг.), один из прославленных иерархов греческой церкви, учился ораторскому искусству у софистов, в экзегетике изредка прибегает к аллегориям, писал «слова» в защиту монашества, беседы, проповеди и др. В древней Руси был одним из наиболее читаемых авторов.

[17] Афанасий Александрийский (298–373 гг.), архиепископ, автор сочинений догматического и полемического характера, в области экзегетики и морали.

[18] Василий Великий (329–378 гг.), представитель каппадокийской богословской школы, провел несколько лет в Афинах (центре философского образования), автор аскетических трактатов, монашеских уставов, проявил себя и как знаток экзегетики.

[19] Феодорит, епископ кирский, богослов V в.

С одной стороны, цель человеческого познания — в раскрытии тайных символических значений, причем символами «вечных» и «вневременных» отношений становились такие явления реального мира как животные, растения, драгоценные камни, численные отношения и т.д. Физиологи, шестодневы, азбуковники и другие сборники, распространенные по всей Европе, отразили абстрагирующее миропонимание, символически связавшее все сущее в априорную систему.[20] С другой стороны, уже и в самой герменевтике Священного писания таилась совсем другая, прямо противоположная тенденция — элементы реалистического, исторического, а также рационального понимания слов и текста.

Обильные материалы византийской герменевтики, обогащенные опытами славянских переработок, встречаются уже в самых ранних списках переводов Писания и других сочинениях средневековой книжности (XI–XII вв.). Характер выражения мысли, типичный для литературы этого рода, привел к развитию даже в недрах религиозной символики элементов натурализма и энциклопедизма.

Наглядная и занимательная форма притчи вовлекла в церковные тексты множество наименований реалий (предметов, животных, растений и т.д.).[21] Ср.: «Павел рече, братья, мал квас все тесто исквасить ~ събирание неправьдное все именье погубить». Придете и ядите мои хлеб и пиите вино, еже чьрпахъ вам ~ тело и крьвь. «Что есть комары процежающе, а вельблуды пожирающе?»... «Глас въпьющаго в пустыни»... Следуют толкования. Примеры взяты из «Книги нарицаемыя Изборник и от мног отьць тълкованы» XIII в., который изобилует подобными изречениями.[22]

Стремясь объяснить уподобление, истолкователь нередко давал описание и свойств предмета, аллегорически обозначающего ту или иную идею.

Особенно показательны широтой интересов сборники книгописца Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина, состоящие из произведений древнерусской литературы (переводной и оригинальной, светской и церковной), а также из выписок всевозможных отрывков средневековой письменности. Содержание сборников Ефросина и характер редакторской правки позволяют увидеть в нем «выдающегося литературного и

[20] Указав на это состояние, Д. С. Лихачев отмечает: «На Западе и на Руси сущность средневекового символизма была в основном одинакова, одинаковы же были в огромном большинстве и самые символы, традиционно сохранявшиеся в течение веков и питавшие художественную образность литературы». Вместе с тем нельзя упускать из виду, как полагает тот же автор, и различий в средневековой символике, которые проявляются между западноевропейскими и византийскими представлениями. (Поэтика... С. 163).

[21] Слово притча в древней Руси соединяло разные смыслы: 'уподобление', 'иносказание', 'притча', 'гадание', 'загадка', 'изречение, присловие', 'поговорка' (*И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1903, стб.1482–1483).

[22] Ркп. ГПБ. Оп.1.18, XIII в., лл.16, 22 об., 17, 55. Подробнее в кн.: Ковтун Л. С. Русская лексикография... С. 158–162).

культурного деятеля XV в.»[23] Ефросину принадлежат шесть сборников.[24]

Сборники Ефросина насыщены и толкованиями символики, и энциклопедизмом, и всякого рода соотнесениями слов.[25]

Ср. л.31 об. (на полях —) О львици. Львица, егда родить детищь, мертва родит его ~ тако и Исус Христос с богомь отцомь в 3 день воскресе от мертвых,[26] л.177 об. — 178 Иеремея поминая глаголеть: горлица, ластовица, щур — сильныя птица, разумеша лету приход.., следует параллель.[27] Л. 177–177 об. О скончании жития. Егда опустеет земля, рекше не здраво будет тело, И тогда царь и царица изыдета от престола своего, рекше умь и душа от тела изыдета...[28]

Рядом с реальными смыслами воспринимаются и усваиваются и символические. Ср. л.112 об. Что ради, рече, и оная пиявици не устерегохся. Тол(к). Пиявицю глаголеть власть и славу.[29] Л. 31 об. (на полях —) О многоножицы. Есть убо рыба, ею же взывают многоножица, естество же ея и нрав ее есть... ~ тако убо и неции суть живущии с погаными — погани, а со христианами — християни, и с неверными — неверни.[30]

По своей основной тенденции сборники Ефросина энциклопедичны. Его стремление извлечь из разнородных книг сведения по философии, истории, географии, космографии, метеорологии, «даже по биологии и

---

[23] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике XV — начале XVI века. М.-Л., С. 70–71. Он же. Литературная и культурно-просветительская деятельность Ефросина в конце XV в. Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 130–168. Словарь книжников (вторая половина XIV–XVI вв.). С. 227–231.

[24] Сборники Ефросина получили теперь всестороннее описание (наиболее ценно соотношение включенных в них сочинений и всякого рода фрагментов с текстами древнерусской книжности, а также и указания на публикации этих текстов). См. Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. ТОДРЛ. Т. XXXV, «Рукописное наследие древней Руси». С. 3–300. Описатели отмечают в составе сборников: два романа об Александре Македонском, Повесть о Дракуле, рассказы о Соломоне и Китоврасе, Суды Соломона, «Сказание об Индийском царстве», Притчи из Повести о Варлааме и Иосафе, «Задонщину» и многие другие произведения. Указано и на примечательный интерес Ефросина к сочинениям, связанным с фольклором: «Слово о Хмеле», «Плач Адама о рае», скомороший диалог о добрых и злых женах и др., а также «к собираемым им по крупицам сведениям по античной литературе, мифологии, философии, медицине» [Описание, (далее — Оп.). С. 4].

[25] Все примеры, которые будут приводиться дальше, — из Сборника XV в., ГПБ, Кирилло-Белозерское собр. № 22/1099.

[26] «Физиолог», Описание, с. 16. Приводятся сведения также о птицах Алконосе, Финиксе и о связанных с ними символах. Толковая Палея 1477 г., Оп. С. 16, 17.

[27] Толкование на книгу пророка Иеремии, Оп. С. 51.

[28] «Измарагд» Иоанна Златоуста, Оп. С. 51. «Рекше» — то есть, иначе говоря.

[29] Толкование к библейской книге Екклесиаст, приписываемое Григорию Богослову, Оп. С. 29.

[30] Оп. С. 16. «Погании» — язычники, «невернии» — иноверцы, нехристиане.

народной медицине того времени»,[31] вполне проявилось. Ср. л.32 (на поле —) Что есть человек? Человек есть, рече, животно словесно, мертвено[32] Л. 34–34 об. Имена великих рек, всех их 40. Л. 34 об. Имена великих гор — 13. Л. 169. Язык человеческих — 72, четвероногих же род — 54, а рыб/н/ыя род — 102, а змеиныа род — 104.[33] Л. 38–39 об. О временах и о солнце, и о человеце, (на полях —) и о луне, и звездах.[34]

Меры длины, веса, соотношение денежных знаков, с попутным истолкованием терминов. Л. 5 об. Щурове, рекше лотове, тех 300 локоть, а наших 3...[35] Л. 223 об.–224 об. От странника. От Белаграда до Цареграда по Черному морю семьсот миль... От Москвы до Киева верст полторы тысящи...[36] Л. 35 От Ерусалима до Вифании стадии 15, а в стадии есть ступлений 250.[37] Л. 35. Подобает ведати, колико имать талант. Талант имать 125 литр, а литра имать 75 златник, а златник имать 20 почек рожцевых.[38] Л. 208–208 об. Лепте зовутся асарии, рекше и нумиа, 60-т же ассарии имеше тогда динарь, 100 же динарии — сребреникь.[39] (на полях л.208 об. приписка —) Драхма держит 5 денег, златая 7 алтын, в таланте — литр 13.[40]

Собственно языковые сведения. Л. 112 об. О месяцех кождо противу языку своему. Месяцы названы по «римски», «египетски», «евреискы» и «еллинъскы» (с марта по февраль.)[41] Л. 169. Десяток татарскои 1, бирь 2, еки 3, учь 4, дороть 5, бешь 6, алты 7, еди 8, секизь 9, токуз 10... Указаны и десятки: дватцать отуз, 30 кырк; (на поле —) илю — 50, атмышь — 60.[42]

Среди терминов — топонимы, ономастика, этнонимы. Л. 16 об.–17. Кавкасинскыа горы, рекше Угорьскыа; Оп., с. 13, л. 33. От внутренняя ефиопския страны, глаголемыя Индиа; Оп., с. 17, л. 35. Самариа же есть, яже ныне Севастиа нарицаетья; Оп., с. 18, л. 188 об. «О фрязях и прочих латинах»; Оп. 53,[43] л. 134 Власия, иже Вуколь; Оп., с. 38, л. 195–196 об. И нарече Адам имя жене своеи жизнь, яко та мати всем

---

[31] *Лурье Я. С.* Идеологические течения... С. 70.

[32] К тексту: Человек некыи бе в стране Авидитьстеи... В описании — указание на Беседу Иоанна Златоуста (XI) со ссылкой, что именно так определяли человека «языческие» (т.е. античные) философы. Оп. С. 17. «Словесен» — разумен, «мертвен» — смертен.

[33] Оп. С. 18, 20, 49. «Язык человеческых» — народов, племен.

[34] Оп. С. 18–20.

[35] Оп. С. 11. «Щур», «лот» — гигант.

[36] Оп. С. 60.

[37] Оп. С. 18. Стадия (греч. — στάδιον — путевая мера).

[38] Оп. С. 18.

[39] «Святаго Кирила о 30-х сребреницех». Оп. С. 56.

[40] Там же. Ср. и л.272–273: «Святаго Максима о цене тридесяте сребреник...». Оп. С. 68.

[41] Оп. С. 29.

[42] Оп. С. 49.

[43] Статья Кормчей. Ср. и л. 188 об.–190 об.: итали же рекше римляне. («Фрязи» — итальянцы).

живущим — символическая этимология к имени — Ева.[44] Оп. 54. Чины и термины родства. Л. 117 об. Стратилат, рекше воевода; Оп., с. 31, л. 119 об. Преподобнаго отца нашего Авраамия и Марии, анепсеи его, рекше брата его дщери. Оп. 33. Наименования предметов. Л. 33 об.–34. Облачатеся святитель... в подирь, рекше в ризу; Оп., с. 18; л. 138 об. Жена излиявшия на тело господне миро, еже смирну с аллоемь; Оп., с. 40, л. 216–216 об. Алавастр же есть съсуд стъклян, без рукояти створен, еже убо викия сице глаголется; Оп., с. 58, л. 273 об. Сикера глаголется все упоити могущее, а не от виноград токмо. Оп., с. 68.[45] Занимают свое место и глоссы к славянским словам. Л. 129–130. Иже судите искрьняго, сиречь брата своего. Оп., с. 35; л. 208 (на полях, запись —) ...еле жива, рекше в полы мертва. Оп., 56.[46] Ср. и символы, о которых шла речь в связи с текстом Псалтыри. Л. 143. (на полях запись —) Гора есть пророци, холми же апостоли. Оп., с. 49.[47]

Однословные и двусловные переводы лексем соседствуют в глоссах с описательными толкованиями.

Текстовая лексикография существовала в виде многочисленных глосс на полях и между строк рукописей, а также и их перечней — глоссариев, присоединяемых к тому или иному произведению.[48] В сборники попадали не только отдельные глоссы, выбранные из книг, но и подобные перечни. Три таких глоссария оказались и в сборнике Ефросина: л. 264–265. Толкование неудобь познаваемым в писаных речех...; л. 434–434 об. Тълк о неразумных словесех; л. 434 об. Афанасиа Александринскаго. Псалтырь красен с гусльми.[49] В первом из них даны славянорусские соответствия слов по тексту Лествицы Иоанна Синайского, в двух других приведены раскрытия некоторых символов Псалтыри.

Глоссировка — средневековая лингвистика текста

Столь обильная глоссировка текстов, какую наблюдаем в древнерусской рукописной традиции XI–XV вв., объяснима активной переводческой деятельностью, частными и общими их переработками, правкой, а также и новыми редакциями тех или иных текстов. Глоссы, которые находим в книгах, неоднотипны. Одни из них — переводы слов, которые еще остались непереведенными.[50] Другие — раскрытия значений

[44] Там же.
[45] Оп. С. 68.
[46] Оп. С. 56.
[47] Великие Минеи Четьи. Проложное чтение.
[48] *Ковтун Л. С.* Русская лексикография..., Словарные примечания к тексту древнего славянского Апостола. С. 268–311.
[49] Оп. С. 66, 96. Названные глоссарии изданы в кн.: *Ковтун Л. С.* Русская лексикография. С. 4 21–431, 432–434.
[50] Причины, вызвавшие затруднение у более раннего переводчика, могут быть самыми разными (от отсутствия славянского соответствия до незнания того или иного из слов оригинала). В подобных случаях производился как бы дополнительный перевод.

иноязычных терминов (чуждых реалий, неизвестных понятий).[51] Третьи — это соответствия славянских слов, то есть замены или варианты к уже сделанному переводу. [52] Такие глоссы снимают архаику текста, вносят смысловые и стилистические уточнения.

Славянские глоссы — это своего рода реакция на исторически изменчивое состояние взаимодействия двух языков — русского и церковнославянского, неодинаковое и в разных жанрах литературы. Подобные глоссы отражают и тесные контакты славянских народов, общее и несходное в их языках.[53]

Названные разновидности глосс не покрывают всей их совокупности. Так среди них видим толкование понятий и описание предметов. Глоссируются и имена собственные, упоминаемая в данном памятнике ономастика и топонимика. Для этого типа глосс характерен реальный комментарий и этимологические справки. Присутствуют, наконец, и раскрытия символики текста.

Объектом всей этой разнообразной лингвистической работы является переводимый текст, причем для целого ряда произведений наблюдаем отработку текста при редактировании и переводах.

Значительным событием в ряду трудов такого рода было создание в XV в. (1499 г.) Геннадиевской библии — первого в славянских странах перевода всех книг Ветхого и Нового завета.[54] Организатором предприятия был новгородский архиепископ Геннадий.[55] В среде литературного окружения Геннадия это начинание было наиболее ответственным и авторитетным.[56]

В качестве подготовительного этапа был сделан перевод нескольких библейских книг, в основном из числа недостающих. Этот перевод

---

[51] Такие слова во многих случаях и не должны были быть заменены славянскими. Толкования, которые давались им на полях, содействовали их пониманию, а также и процессу заимствования.

[52] Иноязычное слово оригинала в этих случаях обычно отсутствует. Оно лишь основа приведенного в глоссе соотнесения. Тем более, что при переводе возможны изменения конструкции фразы и ее лексического состава.

[53] Для этой поры прежде всего контактов южных и восточных славян.

[54] *Горский А., Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд.I. М., 1855. №1–3. С. 1–164. *Евсеев И. Е.* Геннадиевская библия 1499 г. М., 1914. Словарь книжников и книжности Древней Руси, XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 78–79.

[55] Геннадий Гонзов (Гонозов) (ум. 1506 г.). Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Часть I. А–К. Л., 1988. С. 145–146.

[56] В состав геннадиевского «литературного кружка», как называют его историки, входил ряд книгописцев и переводчиков: Герасим Поповка, дьякон (затем архидиакон), возглавлявший все начинания Гонзова этого плана, брат его Дмитрий Герасимов, получивший образование в Ливонии (переводчик и дипломат), доминиканец Вениамин, вернее всего, южный или западный славянин католического исповедания, переводивший с латинского, греки, братья Траханиоты, Дмитрий и Юрий. Деятельность кружка идеологически была направлена на борьбу с московскими и новгородскими еретиками. См. *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба... С. 266, 267. Словарь книжников (вторая половина XIV–XVI в.)... С. 133–134.

осуществлялся с привлечением Вульгаты или непосредственно по ее тексту.[57] Следы его обнаружены в Сборнике книг Ветхого завета сер. XVI в., скопированном с оригинала 1493 г.[58] Воспроизведена в Сборнике и запись составителя или одного из главных участников труда. Судя по ней, это — Вениамин, знаток «латинского языка и грамматики» (л. 360 об.).[59] О «попе» Вениамине в источниках говорится, что он был «родом славянин, а верою латынянин».[60] На многих листах Сборника — маргинальные глоссы, здесь же всякого рода пометы и поправки.

Филологическая направленность глоссировки, а также почти исключительно реальный и исторический характер пояснений к содержанию книги — очевидны.

Сопровождающие текст толкования слов и выражений, как и все иные пометы и поправки текста, во всех книгах Сборника однотипны[61]. В некоторых из них воздействие латинского языка сказалось особенно ощутимо. Таковы обе библейские книги «Паралипоменон»[62]. Маргинальные глоссы первой из них представляют собой уже упоминавшиеся разряды:

Переводы иноязычных слов

Кадяху кандилом на олътарь олокауста ~ всевожение (л. 136, 1, 6); пакы Давид бяше одеян ризою биссина ~ шидяною (л.136, 1, 15);[63] и цымбалы, и навли, и ситрас ~ лютьни (л. 136, 1, 16); фунукулум достояниа вашего ~ разлучение (л. 137, 1, 16).[64]

Иноязычные слова на полях как соответствия избранным при переводе славянским. Делателие постава ~ бисум (л. 123, 1, 4);[65] славнеиши

---

[57] Вульгата — латинский перевод Библии (в основном с древнееврейского, но с учетом греческого перевода Библии — Септуагинты), выполненный Иеронимом в 386–406 гг. (рукописи с VI в.).

[58] Сборник ГПБ Погод. 84, in folio, в книге 395 листов.

[59] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба... С. 267, 275. «Сборник этот содержит все без исключения библейские книги, которые приведены в Геннадиевской библии в переводе с Вульгаты: Премудрости Соломона, Паралипоменон, Ездру (с предисловием Иеронима), Юдифь и книги Маккавеев». (Там же. С. 273). Не лишено значения, что из книг, имеющих двойное происхождение (частью взяты из старого славянского перевода с греческого, частью с Вульгаты), в Сборник включены только те их разделы, которые переведены с привлечением Вульгаты (лл. 80–116 об., 117–119.)Там же. С. 274.

[60] Словарь книжников (вторая половина XIV–XVI в.)... С. 133.

[61] Перевод предисловий и пояснительных статей во всех частях Геннадиевской Библии приписывают (и не без оснований) новгородцам Дмитрию Герасимову и Власу Игнатову. Словарь книжников... С. 195.

[62] Первая книга «Паралипоменон» занимает в Сборнике лл. 120–151.

[63] Та же глосса в Библ. Генн., 1499 г.: ризою биссина (βυσσίνῃ) Пар. I, XV, 27. Шидяныи — шелковый.

[64] Разлучение достояния — здесь наследственный удел.

[65] Бисум — виссон (льняная ткань, окрашенная травой виссом, виссой).

пред братиею своею ~ инъклитус (л. 122 об., 1, 4); пресьвящаша в цьркви бога своего ~ ин фанос (л. 131, 1, 10); всех градов ~ уръбес (л. 126, 1, 7; обита же Давид в крому ~ ин арсе, или вышьнигородце (л. 131 об., 11);[66] отлучиша во службу ~ есть магистратус (л. 145, 1, 25); сех же съкровища, иже бяху по посадом и по селом ~ ин урбибус (л. 148, 1, 26);[67] описания притворов, и црькве, и погребов, и горииця ~ и сенакули (л. 149, 1, 28).[68]

Пояснения к иноязычной лексике. Положиша же киот божии на пластрум ~ пластрум есть яко колесо (л. 134, 1, 13); да поразить (бог) кастра филистимом ~ кастра есть острогы (л.1 85, 1, 26);[69] и трибулас ~ и каткы, чем землю месят (л. 142, 1, 21); суть сынове префекти обителем ~ чин достоиныи (л. 146, 1, 25).

Словарные толкования иноязычных терминов. Екседрас ~ жилище окрест цьркви, где живут служебници цьрковные (л. 130, 1, 9); туртума есть съдружение человеком истинно 30 пешец; нола есть тридесять конник (л. 147, 1, 27);[70] онихинос есть камень мраморен, лице имеюще, яко ноготь человечь и яко бакан, а мрамор париова бел, яко снег (л. 149 об., 1, 29).[71]

Такие определения слов, иногда сопровождаемые словообразовательными и этимологическими справками, находим и в иных частях Сборника, библейских книг. Например, в книгах пророко́в Иеремии и Иезекииля — термины, называющие меры жидких и сыпучих тел («ефисть мера житу и прочим, иже сухо, а батос есть мера вину и елею, что есть мокро» и др.), денежных знаков, календарных градаций (типа «новомесячие») (лл. 117 об., 118). В любопытной глоссе из второй книги «Паралипоменон» показаны соотношения славянского слова столп с иноязычными терминами, причастными к реализации того же понятия. «Столп латинский разделяется на три имена: колумъна, епистолиум и базис». Далее раскрыт смысл этих терминов: «колумнъна — столп, базис — под столъпом исподъ». Затем «епистолиум» противопоставлен «базису» и для прояснения его значения расчленен на составные части: «епистолиум суть два имена: епи — на, греческы — епи,

[66] В Библ. Генн. 1499 — в крому (in arce). Пар. I, XI, 7. Кром — крепость, внешнее городовое укрепление, вышьнигородець (вышегород) — крепость на возвышенности.

[67] Посад — предместье, поселенье.

[68] Горница — верхняя часть строения.

[69] Острог — внешнее окружное укрепление, в отличие от детинца, внутренней крепости.

[70] Слово туртума, неоднократно повторенное в тексте, имеет поправку: второй слог зачеркнут, но в глоссе он сохранен. Съдружение человеком — здесь воинское соединение.

[71] К тексту: Камениа онихинос, яко баканы, розные лица.. Онихинос (из греч. ὀνύχιος) — драгоценный камень оникс (лат. onyx от греч. ὄνυξ — ноготь). В древнерусск. и цсл. употреблялся и вариант онихион. Лице — здесь цвет, окраска, бакан — название краски (лимонный бакан) и драгоценный камень. См. Словарь русского языка XI–XVII в. Вып I (А–Б). М., 1975. С. 67.

на — руски,[72] столос — гречески, руски — столъп». (л. 154 об., II, 5). Глоссатор пытался, таким образом, показать и различия трех языков и их преемственные связи.

В книге Премудрости Соломона контекст с упоминанием слова «ехо» побудил к рассказу античного мифа о нимфе Эхо, предваренного, однако, определением этого слова: «Ехо последнее слово продолжено речеться, глас или шум аера, или в пещере, или в лесе, ли в долу». Следует повествование: «А по басням ехо отроковица некаа бысть преумна, юже Юнона долга словеса воздержаше, донъдеже нимфе бежашя, с которыми Юпитер в горах полежа».[73] В конце этой пространной глоссы снова приведена языковая справка о том, что «ехо» употребляют и как имя собственное: «и тако можеть быти женско имя» (л. 76 об., 17).[74]

Значительное число славянских глосс на полях первой книги Паралипоменон, как и иных книг, — это слова близких значений, в том числе и синонимы, к лексемам основного текста. В них сказалось стремление глоссаторов к дальнейшей отработке текста, к выявлению даже и оттеночных различий слов, а также к отысканию таких лексических соответствий, которые были бы более понятны и употребительны в той среде, где осуществлялось данное литературное предприятие.

Прият же... места Ирова ~ огородники (л. 121, 1,2); и обиташа в Галаадех, и в Васанех, и во улицах его ~ и во приулкох (л.1 24 об., 1,5); и погребоша кости его пот дубом ~ труп (л. 131, 1,10); имяше сулицу, яко вратило ткущих ~ пришьвицу (л. 132, 1,11);[75] со всеми начальникы ~ со законъники (л. 134, 1,13); и скажите вся чюдеса его ~ и поведите (л.136 об., 1,16); Арахитес друг царев ~ приатель (л. 148, 1,27); Ионафан же дядя Давиду ~ отцев брат;[76] и укреплю престол ~ царство (л. 148 об., 1,28); весь же Израиль извожаху киот ~ провожаху (л.136, 1,15); и побрит ~ обрил (л. 139 об., 1,19). Замены, связанные с усвоением церковной терминологии: дасть на столы представления ~ предложениа (л. 149, 1,28); кивоту мира господня ~ завета (л. 149, об., 1,28); възвеселиша же ся людие, егда обеты вълею обещаша ~ молитвы (л. 150, 1,29).

Глоссы подобного рода отражают потребности переводческой, исправительской и редакторской практики. Поэтому наряду с иными присутствуют и замены слов, когда перевод был сочтен неверным или же неясным (умроша же... преже отца своего без свободы ~ без останков,

---

[72] Попутно замечено, что приставка «епи» при заимствовании сохраняет свое значение и в русском: «на — руски».

[73] К этой глоссе в свою очередь дана еще одна разъясняющая почему бежали нимфы: «Юнона есть сиа удящи».

[74] Подобные комментарии, возможно, были даны в Сборнике книг Ветхого завета и к другим словам, но затем их устранили на ряде листов (лл 106 об., 114, 115, 116 об., 118) тщательно затерты многострочные глоссы. Усилия христианской церкви уничтожить любые отзвуки античного «язычества» в к. XV в и в XVI в, как известно, были особенно активны.

[75] Глосса к слову «вратило»

[76] Пояснение к славянскому термину родства.

сиречь без чада (л. 144 об., 1,24); приидоша же... к помощи, в котором живяше ~ прибежищу (л. 133, 1,12); Сенан же не име сынов ~ Салпад (л. 121, 1,2); Сухур сын его ~ Семпеи сын его (л. 123, 1,4) и др.). Ср. и изменения конструкций (певцы же начальник... ~ певцем же начальницы... (л. 136, 1,15); благословите господу богу нашему ~ благословите господа бога нашего (л. 150, 1,29) и др.). Здесь же — добавки пропущенных при переводе слов и оборотов, исправления грамматических форм, варианты написания имен (Абсалон — Авесалом, Отоабигаиль — Отоавигиль, Иозеа — Осиа, Фитонису — Фитонику, Озан — Оза, Михоль — Мелохола (лл. 122, 131, 134 об., 136) и др.). Особенно много поправок к переводу местоименных и служебных слов, из чего видна его трудность (нарече имя его ~ тому (л. 122, 1,4); и принесоша к Давиду да пиеть, иже не хотяше ~ он же (л. 131 об., 1,11); Асаф тако в кимбалех съглашаше ~ яко (л. 136 об., 1,16) и др.).

Объектом всей этой правки, разнообразного комментирования, истолкования являлся текст, а целью — все более точная передача (или понимание) оригинала, его сюжетное ткани, заложенных в нем идей и его образной фактуры. Но осознавалось ли все это в виде каких-либо обобщений? Такое осмысление данного типа языковой работы находим в ряде сочинений Максима Грека. Между тем, трудившиеся вместе с ним в начале XVI в. над переводом Псалтыри русские были именно из той среды, которая в конце XV в. занималась в Новгороде переводом Геннадиевской библии.

Характерен и сам метод совместных занятий. Максим переводил с греческого на латинский, а новгородские толмачи Дмитрий Герасимов и Власий Игнатов — на русский. Несомненно, что это сотрудничество было взаимно обогащающим.[77]

Объясняя в «Слове отвещательном от исправлении книг русских», почему в переводах с греческого есть немало ошибок, Максим отмечает сложность этого языка и формулирует свои требования к тем, кто занимается подобным трудом: «еллинска бо беседа много и неудобь разсуждаемо имать различие толка речений, и аще кто недовольне и совершенне научился будет яже грамматикии, и пиитики, и риторики, и самыя философии, не может прямо и совершенно ниже разумети писуемая, ниже преложити я на ин язык».[78]

Глоссировка рукописного текста — специфическая черта переводческой культуры, характерной для древнерусского периода, она же бы-

[77] О том, как шла эта совместная работа, стало известно из письма самого Герасимова к дьяку Мисюрю Мунехину: «а ныне, господине, переводит Максим Грек, [-«?» авт.]. Псалтырь с греческого толковую вел. князю, а мы с Власом у него сидим, переменяяся; он сказывает по-латыньски, а мы сказываем по-русски писарем; а в неи 24 толковника» Прибавления к изданию творений святых отцов. М., 1859 Ч 18 С. 190; *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. С. 166; Словарь книжников (вторая половина XIV–XVI в.)... С 141

[78] *Максим Грек*. Сочинения. Казань, 1862 Ч III С. 62. Подробнее о переводческих воззрениях Максима Грека в кн.. *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси С 8–16

ла на том этапе самой естественной, но вместе с тем и своеобразной формой, в которой излагались знания о лексической семантике. В силу этого анализ глосс в рукописных книгах средневековья необходим не только в историко-лексикологическом плане, но и для уяснения хода развития языковедческой мысли, и особенно для истории лексикографии. Глоссы наиболее древних восточнославянских памятников изучены в книге В. В. Нимчука.[79] Автор связывает глоссировку текстов в первую очередь с тем, что на Руси XI–XIII вв. функционировали два генетически родственных литературных языка — старославянский и древнерусский. В глоссах контекстуальных[80] и вынесенных на поля книг разъяснялись смысловые и стилистические расхождения и совпадения лексики двух контактирующих литературных языков. Несколько древнерусских маргинальных глосс, объясняющих неславянские и специфически южнославянские (древнеболгарские) слова, есть в Изборнике 1073 г. Они принадлежат переписчику книги дьяку Иоанну. Контекстуальные глоссы встречаются в ранних древнерусских переводах с греческого: в Хронике Георгия Амартола, Палее толковой, в Студийском уставе.[81] Глоссы раскрывали значения введенных в текст греческих апеллятивов, иноязычных антропонимов (среди них — особенно имен-характеристик). В качестве глосс выступали как древнерусские, так и старославянские слова, поясняющие другие лексемы, которые могли быть и старославянскими и древнерусскими. Все это, как верно отмечает автор, свидетельствует об активном поиске древнерусской литературной нормы.[82] Существенно, что глоссы встречаются и в оригинальных древнерусских произведениях, в том числе и в летописях, сочинениях Кирилла Туровского, Даниила Паломника и др.[83]

В течение XIV–XV вв. на основе древнерусской сложились три новых восточнославянских народности. Наряду с русским литературным языком, формируется украинско-белорусский, в двух своих вариантах — южном, украинском и северном, белорусском (в зависимости от разговорного окружения). Возникший и употреблявшийся в XI–XIII вв. церковнославянский язык (древнерусская редакция старославянского языка) продолжает активно функционировать, взаимодействуя с живой речью. В Юго-западной Руси — отмечаются попытки перевода на

[79] *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. Київ, 1980.

[80] Вводимых пометами «рекомый», «рекше», «еже есть» и др.

[81] Ср. примеры из книги В. В. Нимчука: Диалектикия, рекъше съвопросы; Погонат, рекше брадат; в Ераполи, рекше жречьскыи град (Хроника Георгия Амартола)

[82] Ср.: Прозябоша, рекше родишася; до порома, рекше до перевоза; одежи, рекше ризе (Хроника Георгия Амартола).

[83] Ср. примеры из того же исследования: Кумани, рекше Половци; месяць груденъ, рекше ноябрь (Повесть временных лет); рикс, рекомыи король; студенець, рекомыи кладязь (Галицко-Волынская летопись); Анне, иже благодать нарецаеться (Киевская летопись); (землю) взора и умягчи, рекше крещениемь просветив (Повесть временных лет).

украинско-белорусский язык некоторых церковных и светских книг.[84]

Древнерусская традиция глоссировки текстов в XV–XVI вв. не только не угасает, но, напротив, обретает еще более широкое распространение.[85] Именно на этой основе и на почве общего для всех восточных славян древнерусского наследия складывается и получает интенсивное развитие словарное дело трех восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского.[86]

Теории перевода

Переводческие теории, имевшие хождение у южных и восточных славян в эпоху средневековья, до недавнего времени были известны лишь в виде отдельных фрагментов, не имеющих между собой ни философской, ни исторической связи. Теперь, благодаря исследованию Светлы Матхаузеровой, они предстали как целый ряд противостоящих друг другу и последовательно сменяющих друг друга концепций.[87] Среди них те, которые относятся к периоду IX–XV вв.: 1. Открытая теория перевода. 2. Вольный перевод. 3. Теория перевода «от слова до слова».

Теория перевода была наиболее обсуждаемой темой в древнерусской культуре. «Она сопровождала богатую переводческую деятельность с самого начала по XVII век.[88] и была разработана до тонкостей, характерных для средневекового чуткого отношения к слову».[89]

Древнейшая концепция перевода (IX в.) принадлежит первоучителю славянства Кириллу (Константину) и дошла до нас в небольшом отрывке — Македонский листок.[90] Познакомиться с ней в более полном

---

[84] По данным В. В. Нимчука, к ним относятся библейские книги (Псалтырь, Притчи Соломона, книга Есфирь), Четьи-Минеи 1489 г., Повесть о трех королях-волхвах (переведена с латинского).

[85] В ряде списков церковнославянских текстов В. В. Нимчук отмечает украинские глоссы (исконные и заимствованные лексемы) при словах иноязычного происхождения — греческого, латинского, церковнославянского, польского и др. Ср.: к гемону ~ воеводе; на расхищение..., рекомо на разграбление (Четьи, 1489); фундамент албо дно; злодеев албо лотров (Повесть о трех королях — вохвах).

[86] Подробнее о литературных процессах, вызывавших глоссировку в древних рукописях и анализ самых глосс (на большом фактическом материале) в кн.: *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія... С. 3–34.

[87] *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1979.

[88] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков, Л. 1973. С. 28–34 (о значении перевода в древнерусской литературе). Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков, Л., 1978. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

[89] *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. С. 27.

[90] *Ильинский Г. А.* Македонский листок. Отрывок неизвестного памятника кирилловской письменности XI–XIII вв. Памятники старославянского языка. СПб., 1906. С. 7–8.

виде позволила реконструкция Андре Вайана, текстологически обосновавшего вывод, что трактат, отрывочно представленный в этом памятнике, является корпусом одной из двух частей «Пролога» Иоанна Экзарха Болгарского, преемника наследия Кирилла и Мефодия (X в.) «Пролог» (предисловие) Иоанна Экзарха предваряет его перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина. Это сочинение было распространено на Руси в большом количестве списков. Самый древний из них XII в. — ГИМ Син. 108 (впервые напечатан в кн. Калайдович К. Иоанн Экзарх Болгарский. М., 1824. С. 131). В первой части «Пролога» воспроизведены мысли Дионисия Ареопагита о выборе богословских понятий, а также говорится о том, что прежде всего надо переводить смысл (« разум»).[91] Во второй части говорится о трудностях, возникающих при переводе с греческого на славянский язык. Пользуясь текстом «Пролога», Вайан реконструировал текст Кирилла и заключил, что тот написал его по поводу осуществленного им и его братом перевода Евангелия.[92] Являясь большим культурным событием, это предприятие уже само по себе отвергало и опровергало традицию перевода литургических текстов только на три языка — еврейский, греческий и латинский.

Трактат Кирилла и его разработка в «Прологе» Иоанна Экзарха содержат ряд общеязыковедческих идей. «...Понятие и слово (разум и глагол) в каждом языке находятся в условном (арбитрарном) отношении», поэтому «два тождественных слова из двух разных языков могут и не совпадать по своему значению».[93] Такие различия возможны и в грамматическом роде и в стилистической окраске слов («если глагол в одном языке красен, страшен и честен, то в другом он некрасен, нестрашен и нечестен», Ио. Экзарх). Настойчивое выдвижение на первый план разума (значение, содержание), который противопоставлен выражению и стóит выше него («небонъ разума ради прелагаемъ кънигы, а не тъчью глаголъ истовныихъ радьма», Кирилл). «Из цитаты вытекает, — пишет Светла Матхаузерова, — что средневековые теоретики славянского перевода осознавали двойственный характер языкового знака».[94] Отмечая широту культурно-исторического подхода к тексту, а также связь этой концепции с философией стоиков, с позднеантичным стоицизмом и средневековой схоластикой, автор усматривает вместе с тем близость ее к современным знаковым теориям (у св. Августина signum — знак как совмещение двух его компонентов: signans и signatum. Стремлением постичь разум обосновано право на более свободный перевод, на допустимость в тех или иных случаях отказаться от точного словесного соответствия и предпочесть ему значение Под

[91] В XIV в сочинения Дионисия Ареопагита, цитируемые в Македонском листке, перевел афонский инок Исайя (серб по рождению) Перевод Исайи также известен в русских копиях.

[92] *A Vaillant.* La préface de l'Evang'eliaire vieux-slave // Revue des Études slaves 24 1948 P 5-20

[93] *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова С 30

[94] Там же С. 32

«разумом» понимался вышний, позже внутренний смысл текста, который в богословском преломлении «относится к какой-то другой действительности и который скрыт в словах как в явлениях более низкого, плотского характера».[95] Но ни Кирилл, ни Иоанн Экзарх не считали возможным изменять текст (например, форму грамматического рода) в соответствии с аллегорическими значениями слов, так как от этого «на велику исказу приидет преложение». «Художественный образ, а не его аллегорическое значение остался самым важным и основным в теории перевода», что засвидетельствует о широких культурных интересах ее создателей.[96] Из перевода рассуждения Дионисия Ареопагита видно, что Экзарх «соблюдает еще одну противоположность в слове — знаке. Не только оппозицию разум — глагол, но еще и оппозицию глагол — глас (λέξις — ἦχος).[97] «По данной теории слово имеет свою внешнюю оболочку (гласы нагыи), которая касается лишь ушей и рта, но уделять ей внимание при переводе не следует, так как это затуманило бы «вдушный разум».[98] Автор отмечает, что мысль о немотивированности и условности выражения по отношению к содержанию была высказана еще в одном древнеславянском трактате — «Сказание о письменех черноризца Храбра (попытка объяснить большое количество букв в славянской азбуке в сравнении с греческой — 38:24), где сказано, что буквы сами по себе не имеют значения, они лишь условные знаки».[99]

Для светской литературы оказался более характерным «вольный», или «свободный» перевод, при котором переводчик изменял текст, сообразуясь с потребностями своей среды и своего времени. Он редактировал оригинал, придавая ему тот или иной идеологический аспект. Понятие авторского права еше отсутствовало. Основная цель перевода — передать новое содержание. По степени отклонения от подлинника такие переводы неодинаковы».[100] Третий тип перевода основан на теории «от слова до слова». С XIV века славянские переводчики стали стремиться к буквальной передаче текста оригинала. Это было вызвано общим направлением к регламентации (к канонизации греческих редакций и кодификации славянского языка). «Книжная реформа Евфимия[101] кодифицировала значения отдельных букв и слов, избавляла

---

[95] Там же. С. 33.

[96] Там же. С. 34. Переводческая практика первоучителей славянства вполне отвечала выдвинутой в трактате Кирилла концепции. См. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.

[97] Позднейшие русские переделки не сохранили этого соотношения, заменив слово глагол словом глас.

[98] *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. С. 36.

[99] *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 162-164.

[100] *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Л., 1958. Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII–XVII веков. Л , 1934.

[101] Тырновский патриарх Евфимий, с именем которого связывают языковую реформу, сказавшуюся и на русской письменности («второе югославянское влияние»).

их от случайностей по отношению к значению».[102] В XV в. его деятельность была продолжена Константином Костенческим (Грамматиком), подвергнувшим критике способ, каким копировали и переводили книги. Цель переводчика, отмечал он, стремиться к тождеству не содержания, а выражения (лучше пропустить один лист, чем ошибиться в одной букве).[103] Отношение знаков (букв) к значению для него не условно, а вполне естественно и мотивированно. Эта закономерность как бы дана свыше. В требовании «не преложити едину чрьту», чтобы не нарушить «тьнкоты языка» сказалось совсем иное понимание соотношения формы и содержания в сравнении с тем, какое предлагалось в древних трактатах IX–X вв. Теория перевода «от слова до слова» стала особенно действенной у южных и восточных славян в XIV–XV вв. На Руси новыми переводами и правкой в основном занимались выходцы из Болгарии и Сербии (Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Серб). Переводы литургических текстов стали развиваться в сторону изысканности, утратив свою просветительную роль.

Новый этап в развитии взглядов на перевод наступил в XIV веке и связан с именем Максима Грека. В своей более чем тридцатилетней переводческой практике совместно с русскими сотрудниками он применял тип критического перевода, учитывая как лексическую, так и грамматическую стороны соотносимых языков, уделяя внимание и отработке русских литературных норм. Но этот этап и по времени, и по названным чертам уже не соотносим с эпохой средневековья.[104]

Словари и глоссарии

Для письменности средних веков была характерна интенсивная глоссировка текстов, которая для того периода и являлась основной формой лексикографической работы. Наряду с ней, уже с самого раннего времени в качестве дополняющего, подсобного средства составлялись перечни глосс. В своей исходной форме, как и самые глоссы, они имеют текстовый характер. Переводчик, редактор, справщик привлекал для своей работы глоссы других рукописей, составляя для удобства использования их перечни.[105] Самые ранние списки перечней глосс относятся к XIII в., но среди них есть уже и такие, в заголовках которых сказано, что собранные в них слова встречаются в разных библейских

[102] *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. С. 38.

[103] Книга Константина Философа и Грамматика «О письменах» (Ср. *Jagic*. Codex Slovenicus. С. 183–184).

[104] Подробнее о теориях перевода IX–XV вв. в кн. *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. С. 27–44. О переработке древних статей по вопросам перевода в составе сборников с языковедческим содержанием в кн *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси... С. 16–25.

[105] Ср. перечни произвольников (синонимических соответствий) к текстам Евангелия и Апостола *Ковтун Л С* Русская лексикография эпохи средневековья С. 268–281, 435–438

книгах.[106] Глоссарии в это время чаще всего уже и встречаются не при самих текстах, к которым их составляли, а в сборниках и изборниках. Именно это отвлечение слов от непосредственной связи с текстом придало им более обобщенный характер, что и сделало составление подобных, обычно небольших перечней важным этапом в становлении словарного дела у всех восточнославянских народов.

Изучение рукописей позволило выявить три наиболее ранних типа средневекового глоссария: а) перечни имен собственных (ономастики и топонимики) с включением некоторого числа и имен нарицательных; б) перечни символов и их толкований, так называемые приточники; в) перечни славяно-русских лексических соотнесений. В этих типах проявились специфические аспекты древнерусской книжности. На первых этапах все глоссарии отличались синкретизмом, однако в ходе развития каждый из типов становился все более оправданным.

Перечням глосс, а также и всей их совокупности в древних книгах противостоит четвертое направление средневековой лексикографии — словари разговорники, которые составляли «с голоса» или путем более систематического изучения чужой речи (пособие при общении с лицами из иноязычной среды).

Два первых направления близки друг другу и наиболее подвержены византийским влияниям. Два других непосредственно соотносимы с историей развития древнерусского языка.

I. Ономастиконы.

Глоссарии имен библейских персонажей и наименований библейских мест — самый архаический тип средневековой лексикографии. В. В. Нимчук относит их к периоду Киевской Руси и связывает с принятием новой веры.[107] Древние ономастиконы дошли до нас в виде трех памятников.[108] Текстологический анализ показал, что «Речь жидовьскаго языка» и словарь «О именех глаголемых жидовьскым языком»[109] являются сводами более ранних словарных записей, причем последний из них переведен с греческого. Что касается «Речи жидовьскаго языка», то в текст ее, представленный в списке XIII в., трижды были внесены заметные пополнения (в конце XIV — начале XV вв. и еще раз в XV в.). Из анализа списков также выяснилось: а) наличие уже в XIII–XIV вв. двух редакций этого словаря; б) появление в XV в. третьей редакции.

Лексический состав древних ономастиконов предстает в следующем виде. Более однороден по составу переведенный с греческого перечень глосс «О именех глаголемых жидовьскым языком» (XIII–XIV вв.), посвященный почти исключительно объяснению onomastica

[106] Ср «Речь жидовьскаго языка преложена на рускую неразумно на разум, и в евангелих, и в апостолах, и в псалтыри, и в паремие, и в прочих книгах», ркп. ГИМ Син 132 (в приложениях к Новгородской Кормчей 1282 г.).

[107] *Німчук В В.* Староукраїнська лексикографія. С 20–21.

[108] «Речь жидовьскаго языка», «А се имена жидовьская русьскы тълкована», «О именах глаголемых жидовьскым языком»

[109] Старшие списки — ГИМ Син 132 и ГПБ О п.1 8 , XIII в.

sacra. Специфика глоссария «А се имена жидовьская русьскы тълкована» (XIII в.)[110] — в его отнесенности к тексту Псалтыри: состав словника отражает характерную для нее символичность. Текст «Речи жидовьскаго языка» более синкретичен.[111] Анализ его дает возможность выявить характерные черты ономастиконов и в то же время определить связь этого типа глоссариев с другими направлениями древней лексикографии. Помимо особой группы славяно-русских глосс (череща ~ куща; тина ~ грязь и в словнике «Речи жидовьскаго языка» — две основных категории слов: иноязычные имена собственные и имена нарицательные (еврейские, в том числе арамейские и сиро-халдейские, греческие, латинские, арабские, эфиопские). Бóльшая часть глосс (115 из 174) — объяснения имен собственных, которые делятся на две группы: библейскую топонимику и личные имена (onomastica sacra) и представляют собой или перевод слова с попыткой осознать этимологию имени, причину наименования, или раскрытие символического значения слова: акелдама — седло кръви (греч. ’Ακελδαμά арам. *ḥăqal dĕmā* ‘надел (поле) крови’;[112] Голгофа — лобьное (греч. Γολγοθά), евр., арам. *gulgōlet* ‘череп, голова’; Вавилон — смятение (греч. Βαβυλῶν библ. *Bāḇel*. Случай очевидной народной этимологии. Имя *Bāḇel* производится здесь от глаг. *bālal* ‘смешивать’ в соответствии с легендой о вавилонской башне и смешении богом всех языков. Евга — жизнь (греч. Εὔα библ. *ḥawwā*). В Библии это имя связывается со значением ‘живая, живущая’ также по народной этимологии.

Для толкований имен нарицательных характерна крайняя отвлеченность, отсутствие внимания к конкретным признакам называемого словом класса реалий: подир ~ риза, тобола ~ пища, кондрат ~ медь, бисер ~ камень честьн и пр. В первой из статей — тема ритуального облачения.[113] Слово «риза», данное в качестве перевода иноязычного подирь, указывает лишь на род предмета, не отмечая отличий от ему

---

[110] Словарь «А се имена жидовьская русьскы тълкована» известен в уникальном списке ГПБ О. п.1.18 XIII в.

[111] Неоднородность состава проявляется и в том списке этого перечня, который оказался присоединенным к сводке «О именех глаголемых жидовьскым языком».

[112] И перевод и этимология могут вовсе не соответствовать реальным данным языка. Главная цель таких толкований — обосновать причину присвоения имени, связав ее с одним из библейских эпизодов. Вопрос этимологии имен собственных и географических названий, встречающихся в Ветхом завете, крайне сложен. В большинстве случаев этимология их неясна. Весьма вероятно, что многие из этих имен не семитские, а заимствованы у народов, обитавших в тех же землях до семитов Объяснения onomastica sacra, приводимые в Ветхом завете, никак не могут считаться достоверными, большей частью они основаны на народной этимологии. Составители древних словарей черпали свои толкования библейских имен из самой Библии. В тех случаях, когда в Библии не дано объяснения имени, его изыскивали позднейшие толкователи, исходя их нарицательного значения слова или подменяя его словом близким по звучанию.

[113] В тексте, из которого почерпнута глосса, раскрыты названия различных предметов и деталей одежд Аарона (ποδήρης, ἐπομίς, λῶma).

подобных. Подир — длинная одежда («долгая риза») иудейских первосвященников и царей.[114] Лишь родовой признак учитывается в определении слова бисер (араб. fusr — 'драгоценный («честьн») камень'. Его реальный смысл был более конкретен — 'перл, жемчуг, жемчужина', но в древних текстах оно выступает и как символ духовных богатств человека.[115] Обобщенность толкования присутствует и в других статьях. В некоторых случаях она отвечает подлинной истории развития семантики. Такова статья: кондрат ~ медь. В древнерусских текстах слово кондрат (κοδράντης, quadrans — 'мелкая монета, составляющая часть ассария' обычно оставалась без перевода или его заменяли словом цата (цята) — 'деньги'. Выступая в качестве заместителя наименований и других греческих и римских монет (ассария, динария, лепты, обола, дидрахмы) оно не передавало уже значения конкретной денежной единицы.

Древние ономастиконы нашли свое продолжение в словарных XVI–XVII вв. — «Толковании именом по алфавиту» Максима Грека, антропонимах и топонимике азбуковников.[116]

2. Перечни символов (приточники) были присущи в равной мере именам собственным и именам нарицательным, однако в иносказательном применении этих разрядов слов есть различие. И те и другие служат символическими знаками, за которыми таился иной смысл, но имена собственные, в отличие от нарицательных, не имеют прямых значений. Попытки объяснить избрание символом данного имени собственного ведут к раскрытию (подлинному или легендарному) причин его присвоения лицу или месту, то есть к попыткам установить состав имени, его исходное нарицательное значение. В этом — зачатки этимологии. Стремление же обосновать выбор в качестве символа названия предмета ведет к описанию его свойств. Здесь — зачатки и энциклопедизма и лексикологии как науки о значениях слов данного языка. Однако настоящее развитие эти начала получили лишь в азбуковниках XVI–XVII вв. К числу средневековых приточников относятся «Толк о неразумных словесех» и «Се же приточне речеся».[117] Первый из них посвящен раскрытию ведущей символической темы книги Псалтырь — темы прославления бога («в псалтыри и гуслях, в кимвалех доброгласных»). В перечне глосс нет прямого следования за текстом Псалтыри, внимание собирателя глосс привлекла символическая тема «псалтыри

---

[114] В греческих и латинских переводах Ветхого завета — ποδήρης, talaris. Ср. славянский перевод этого слова в Изборнике XIII в. «облачашеся иереи в ризу от главы и до ногу» (ркп. ГПБ О. п.1.18, л 8 об.).

[115] Так в Повести временных лет (самая ранняя из древнерусских летописей, XII в.) под 969 г. сказано о княгине Ольге, что она «в неверных человецех светящеся, аки бисер в кале».

[116] Подробнее о средневековых ономастиконах в кн Ковтун Л. С Русская лексикография эпохи средневековья С. 10–154, публикация текстов на с 398–420; ср.: *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія . С. 21–25.

[117] Старшие списки в сборнике Ефросина, ГПБ Кирилло-Белозерское собр. № 22/1099, ркп XV в

и гуслей», но к этой основной теме он добавил толкования и других символов, а также и иных слов. То, что первые глоссы относятся к середине книги, а материалы разъединены тематическим включением — доказывает, что и этот перечень представляет собой объединение более ранних словарных записей.[118] Перечень глосс «Се же приточне речеся» так же, как «Толк о неразумных словесех», начинается с толкования символов музыкальной темы (псалтырь, гусли, тимпан, лик, кимвал, степенная (песнь высока), орган, гусли, струны, труба), но вслед за этим идут статьи, не связанные ни с типом приточника, ни с текстом Псалтыри (в большей своей части — названия церковных чинов). История текста и этого перечня связана с активным процессом собирания и объединения глосс.[119]

Итак, наиболее важная серия «приточных» толкований в древних глоссариях этого типа — объяснения «музыкальных» обозначений.

3. Перечни славяно-русских соответствий

Славянские глоссы входят в состав всех типов древних глоссариев, но специально посвящен этой теме труд, названный «Толкование неудобь познаваемом в писаных речемь».[120] Из общего числа найденных списков два — «Пословки лествичные» (XIV в.) и «Протльк лествици о речех покрьвених» (XV в.) — представляют особую более раннюю его редакцию. В заголовке этой редакции отразилась прямая связь названного труда с текстом Лествицы Иоанна Синайского. Оставаясь в части своих статей в рамках богословских традиций самых ранних словарных текстов, данный перечень глосс в то же время служит иной цели, комментируя особенности языка древних славянских книг. Большой интерес представляют данные в нем истолкования философских терминов (качьство ~ естьство каковому есть; количьство ~ мера есть колика; свойство ~ кто имать что особно) и отвлеченным понятиям из категории моральных характеристик (типа: самолюбие, еже к телу страсть и угодное тому).

Группа статей в составе «Толкования...», представляющая объяснение темных мест архаического перевода Лествицы (XII в.) для читателей XIV в., является в нем основной. Ср., например: проныръство ~ лукавьство, обавление ~ явление, прокых ~ прочих, накыновение ~ мановение, пьвание ~ дрьзновение, начаах надеяхся, непщую ~ мню, уповаю, поуврьзение умиление и т.д. Создатель второй редакции «Толкования...» (XV в.) в заголовке к словарю дает объяснение появлению в церковных текстах непонятных слов «понеже положены суть речи в книгах от начальных преводник ово словенски и ино сръбски и другаа

[118] Судя по собранным спискам, словарь встречается в Псалтыри, в сборниках (чаще вместе с другими извлечениями из Псалтыри) и, наконец, в соединении со словарем «Толкование неудобь познаваемом речемь» в Лествице Иоанна Синайского.

[119] Подробнее о приточниках в кн. *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. С. 155–215; публикация текстов на с. 432–434; ср. *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія. С. 25–26.

[120] Старший список: ГИМ Чудов. 22 («Пословки лествичные») — XIV в

блъгарскы и греческы, их же не удоволишася преложити на рускыи». Отметим, что в этом заглавии выражена мысль о самостоятельности русского языка, его особенности по отношению к другим славянским языкам.

Старославянский язык, испытывая воздействие русского, применялся к нему и в некоторых своих элементах. Церковные книги, поступавшие к нам из Болгарии и Сербии, в свою очередь представляли собой его болгарский или сербский изводы. Имело значение и наличие разных редакций греческого текста. Именно такова была история Лествицы Иоанна Синайского. Со времени ее перевода с греческого на старославянский язык (XII в.), текст ее, как это обнаруживается при сравнении списков XII–XIV вв., постоянно подвергался исправлениям. В списках Лествицы XV–XVI вв. представлена уже новая редакция перевода. Сведения из истории Лествицы раскрывают смысл того нового названия, которое было придано словарю к ее тексту в XV в. Упомянутый здесь греческий язык — язык ее оригинала (в книге немало непереведенных греческих слов), словенский — старославянский язык, на который она была переведена в XII в., упомянутые сербский и болгарский язык указывают на наличие сербских и болгарских изводов книги. В соединении этих различных наслоений видит составитель второй редакции «Толкования...» причину трудности чтения Лествицы русским читателем. Анализ эволюции текста Лествичника как нельзя лучше подтверждает верность наблюдений ее древнего комментатора.

В анализируемом славяно-русском глоссарии всего 61 статья (в более ранней редакции — 47).

Существенны наблюдения Георгия Трифуновича, который обследовал югославские архивы и доказал сербское происхождение первой редакции.[121] Но воздействие было взаимным. Тот же автор пришел к выводу, что более поздняя русская редакция XV века в свою очередь оказала влияние на сербские словарные разработки. По спискам наблюдаются разночтения, вторая редакция имеет две специфические разновидности. Однако значительная часть статей (49 и 61) остается неизменной. Устойчивость текста «Толкования...» позволяет с уверенностью различить его статьи в составе словарей более позднего периода и в то же время выявить объем и характер обработки взятых из этого источника материалов последующими лексикографами. В азбуковниках наблюдаем целые отрывки, выписанные из «Толкования...», иногда с сохранением его композиции. Памва Берында также включает его статьи, объединяя их с данными, почерпнутыми из Лексиса Лаврентия Зизания.[122]

4. Словари-разговорники.

---

[121] *Трифуновић.* Речник из српске преписе Лествице: Прилог познавању српске средневековые лексикографіе. Јужнословенски филолог. Београд. 1982. Т. 38. С. 83–85. Следы сербского ее происхождения подчеркнуты и в книге Нимчука (Староукраїнська лексикографія. С. 26–29).

[122] Лексис Лаврентия Зизания 1596 г., Лексикон славенороссий Памвы Берынды. 1627 Подробнее о типе славяно-русских словарей в кн *Ковтун Л. С.* Русская

«В наших старинных рукописных сборниках, — пишет П. К. Симони, — кое-где попадаются разного рода списки иноязычных слов с кратким толкованием их на русском языке, иногда даже приводятся и целые фразы или краткие диалоги с переводом».[123]

Издавая небольшие словарики «Грецкий язык» и «Се татарский язык» по рукописи XV–XVI вв.,[124] тот же автор замечает, что слова и фразы записаны, по-видимому, «с голосу», то есть прямо с живого произношения. Первый из словариков дает переводы с русского на греческий: царь ~ васильяс, небо ~ ууранос, солнце ~ ильис и т.д. Под текстом словаря — приписка: «Юрий цареградець сказал».[125] Во втором сделаны переводы на язык, названный татарским.

И в том, и в другом словарике есть тематические звенья (в словаре «Грецкий язык» — человек и части его тела, названия яств и напитков; в словаре «Се татарский язык» — чины и сословия, термины родства). Есть и совпадения. При явном несходстве среды, в которой они создавались, оба разговорника, видимо, близки по методу составления. Они очень невелики: в словаре «Грецкий язык» — 35 статей, в словаре «Се татарский язык» — 27 слов и шесть разговорных фраз, — краткий, но выразительный диалог:

что за человек еси? неки шисень?
князя великого. лубинигкъ.
князь великыи где? лубиса идадиръ?
у себе. отзюкатында.
что деет? суды судит. не етедирь? яргыара дыръ.
кто у него бояр есть ли?

Для истории текста словаря «Се татарскыи язык» важен изданный П. К. Симони по более поздней рукописи XVI в. словарик под названием «Толкование языка половецкого».[126] Оба словаря различаются в основном лишь обратным расположением языков (от русского или к русскому) и произношением некоторых слов. Такое совпадение показало, что оба они объясняют слова одного языка. Но какого? Ф. Е. Корш признал их татарскими.[127] Однако тюркологи западноевропейские, русские, украинские видят в «Толковании языка половецкого» памятник,

---

лексикография эпохи средневековья С. 216–317, публикация текстов на с. 421–431; ср.: *Німчук*. Староукраїнська лексикографія. С. 26–29.

[123] *Симони П. К.* Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV–XVII столетий. ИОРЯС, 1908. Т. XIII, кн. 1. С. 175.

[124] Сборник Новгородского Софийского собора № 1462.

[125] Прицак О. высказал правдоподобную, по мнению М. П. Алексеева, догадку, что речь идет о Юрии Трахонисте, приехавшем в Москву в свите Софии Палеолог *Pritsak O.* «Се татарскы язык». (В кн.: Orbis Scriptus. D.Tschiřewskij zum 70 Geburtstag, München, 1966. S.643. *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века, Ленинград, 1968. С. 19.

[126] Словарик этот вместе с «Речью жидовьскаго языка» включен в Четьи-Минеи митрополита Макария за август месяц (ркп. ГИМ Син.183 и Син.997). Есть и другие списки этого словаря XVII в

[127] Симони П К. опубликовал «Толк языка половецкого» с лингвистическими пояснениями Ф. Е. Корша.

дополняющий материалы латинской рукописи 1303 г. Codex Cumanicus, признавая, что в нем даны слова кыпчакского (половецкого) языка и датируя его XIII–XIV вв.[128]

Вполне убедительны, по мнению М. П. Алексеева, выводы О. Прицака: в обоих словарях дается запись того тюркского диалекта, который был принят при дворе Золотой Орды в XIII–XIV вв. и известен под названием кыпчакского, половецкого или куманского.[129] Прицак полагает, что оригинал статьи «Се татарскы язык» был создан в результате общения с Золотой Ордой.[130]

Тип словаря-разговорника вполне сформировался в «Речи тонкословия греческого», в памятнике сер. XV в. Называя этот словарь древнерусским руководстом к разговорам на греческом языке, первый его издатель Н. Никольский определяет его состав как собрание наиболее употребительных слов и выражений, необходимых при сношении с греками.[131]

Н. Никольский, а вслед за ним и М. Фасмер[132] показали, что «Речь тонкословия греческого» — памятник негреческого происхождения, причем записи греческих слов выявляют в авторе словаря русского, а не южнославянина. Изучение истории текста приводит М. Фасмера к убеждению, что древнерусско-среднегреческий разговорник сочинен на Афоне XV в. Это предположение подтверждается, кроме греческой и русской лексики текста, также и другими фактами.

Анализ словарных статей «Речи тонкословия греческого» показывает, что создатель разговорника ставил перед собой две цели: справочную и учебную. Как справочник словарь давал подробные и разносторонние сведения об обиходной лексике, не только греческой, но и соотносимой с ней русской: в нем — 2621 соответствие лексических единиц и оборотов речи. Вместе с тем в построении словарных статей, — например, сериях изменения слова по грамматическим формам, — в размещении материала то от греческого к русскому, то от русского к

---

128 Разбирая этот вопрос, М. П. Алексеев ссылается на работы В. Банга, К. Грёнбеха, П. Пеллио, А. Зайончковского, Н. А. Баскакова, А. Е. Крымского и др.

129 Памятниками кыпчакского языка являются, кроме Codex Cumanicus, также многочисленные рукописи арабским письмом XIII–XV вв. (а в XVI в. также армянским.

130 Словарик был составлен, как считает исследователь, не в Москве, а в Ростове Владимирском, по поручению епископа ростовского Кирилла (1231–1262), посетившего Золотую Орду при хане Берке (1257–1267). *Pritsak O.* «Се татарскы язык». С. 644–645. *М. П. Алексеев.* Словари иностранных языков... С. 25.

131 *Никольский Н.* Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV–XVI вв. СПб., 1896. С. 1 («Памятники древней письменности», № ЦШИВ).

132 *Vasmer Max.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch // Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexicographie. Leipzig, 1992. В этой работе дано издание словаря с учетом четырех его списков. Текстологический анализ словаря проведен Н. Никольским, П. Симони (в работе, посвященной изданию памятников старинной лексикографии) и М. Фасмером

греческому, в неоднократных возвращениях к уже освещенным темам и развитии их отчетливо видна задача способствовать усвоению языка.

Необходимо отметить, что хотя исследователи словаря видят в его авторе русского паломника, совершающего хождение по греческим монастырям (Н. Никольский), грамотного русского духовного звания (М. Фасмер), но в тематике словаря, его словнике, рассказах и диалогах проявляются по преимуществу интересы чисто житейские. Что касается материалов, относящихся к монастырскому быту, то они в большинстве статей связаны не с церковной книжностью, а с монастырским обиходом.

Особенность строения «Речи тонкословия греческого» как словаря разговорника заключается в том, что словарь этот состоит не только из греческих слов и их перевода (или из русских слов и их греческих соответствий), но и из фраз, отрывков бесед и разговорной монологической речи, причем его материалы расположены не по алфавиту и не прямолинейно тематически. Вместе с тем тематическое объединение лексики — одна из его характерных черт, точно так же как и неоднократные возвращения к пройденным темам и их развитие.

Материалы словаря, в соответствии с задачами, состоят из тематических словариков и связного текста. Тематические словарики в свою очередь делятся на два вида.

Первый вид — систематические перечни слов на какую-нибудь тему. Это словарики под особыми заголовками: «О седмици», «О стадех», «Рыбы», «О зверех», «На человеце порты», «О человеце, каков есть». Так, последний из названных перечней начат словами, называющими голову и ее части, включая и шею, горло (глава — *кефали* κεφάλι, власы — *малïа, трихес,* μαλλιά, τρίχες, влас — *трúха* τρίχα , мозг — *мïалос* μυαλός, лоб, темя, верховище — *корïфи* χορυφή, чело — *метопон* μέτωπον, брови — *влéфара* βλέφαρα и т.д.). После них даны названия частей руки, затем некоторые слова, называющие части туловища, после чего приводятся части ноги. Таким образом, человек, строение его тела, оказывается описанным с головы до пят. Затем автор возвращает нас к некоторым уже пройденным темам, пополняя и развивая их, после чего (от слова «селезень» т.е. селезенка) перечислены внутренние органы и снова идут некоторые добавки. Перечень завершается заключительным словом — тело.

У автора словаря — видим постоянное внимание к особенности двух сопоставляемых языков: есть случаи, когда к одному русскому слову даны два греческих соответствия, и напротив, когда при нескольких русских синонимах дан лишь один греческий эквивалент; встречаются, наконец, синонимы, которые и в том и в другом языке имеют особенности выражения. В особую группу в словаре собраны абстрактные существительные, обозначающие чувства, состояния, свойства и отвлеченные действия. Что касается качественных наречий, то они не просто даны в виде перечня, а размещены в основном по противоположности признака (*тяжко — варï* βαρύ, *легко — лафро* λαφρό, *слабо — 'ахамно* ἀχαμνό, *крепко — 'исхирон* ἰσχυρόν и т. д.).

Другим видом тематических словариков являются перечни слов и выражений для разговора на определенную тему. В «Речи тонкословия греческого» находим множество таких перечней. Один из них включает слова, характеризующие рельеф местности, последовательно развивая эту тему. Такой же перечень слов приведен и для разговора о саде, цветах, растениях, для беседы о времени, его периодах, о еде и приготовлении пищи, о погоде и др.

Прием подбора слов и выражений для бесед на разные темы применен в этом словаре-разговорнике почти на каждом листе текста и постоянно варьируется. Переход от одного тематического звена к другому носит характер импровизации, и столь же легко от этого приема изложения материала автор переходит к систематическим словарикам, рассеянным по всему тексту «Речи тонкословия греческого». Словарики первого и второго типов дополняют и развивают друг друга.

Весьма характерны помещенные в том же словаре отрывки связного текста и разговорные фразы. Первые попадаются уже в самом начале словаря. Словарные статьи в таких случаях представляют собой расчлененный на фразы, словосочетания, иногда и слова, рассказ или диалог. К каждому такому членению дано соответствие на другом языке (греческом или русском, в зависимости от того, какой из них в этой части словаря положен в основу). Читая данные одного из языков, убеждаемся, что перед нами не произвольный и даже не тематический набор слов и фраз, а связная речь.

По своему содержанию связные тексты в составе «Речи тонкословия греческого» разнообразны. Одни из них посвящены мореплаванию, другие — купле и продаже товаров, в третьих — бытовые картинки монастырской жизни, занятий «рукоделием», лечения болезней, работ на монастырских землях, приготовления пищи. Каждый из таких рассказов развивается не прямолинейно, а с разработкой его членений (например, в рассказе о плаванье по морю: пришел един корабль велик — мал — не велик — не мал; отчаялися и живота их — боялися и смерти; но бог не презре своего создания — не забы дела руку своею).

В истории русской лексикографии старшего периода известны и другие словари-разговорники, но по искусству исполнения поставленной задачи «Речь тонкословия греческого» не превзойдена ни одним из них.[133] В период когда каждый из языков восточных славян уже обрел свое отчетливое выражение и оформление (XVI–XVII вв.), богатые и разнообразные словарные разработки эпохи их общности стали прочной и широкой основой для дальнейших все более интенсивных трудов в области лексической семантики и национальной лексикографии (русской, белорусской, украинской).

---

[133] Подробнее о словарях-разговорниках в кн.: *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. С. 318–389.

Лексикография Московской Руси нач. XVI–XVII вв. и XVII век как переходный период к новому времени

В азбуковники (составление целого ряда памятников этого жанра относится к XVI и XVII вв.) введены все лексикографические разработки предшествуюшего периода, использованы и компиляции из глоссариев, нередко включаемые в состав сборников XV–XVI вв. В связи с нарастанием интереса к славяно-русской теме в конце XVI в. и в XVII в., ими вовлечена и некоторая часть словарных статей из печатных словарных трудов, изданных в Юго-Западной Руси — «Лексиса» Лаврентия Зизания (1596 г.) и «Лексикона» Памвы Берынды (1627, 1653 г.). Статьям, извлеченным из названных лексиконов, придана русская ориентация: слова, принятые в книгах Юго-Западной Руси, но не усвоенные русскими, данные в лексиконах в качестве определений, сами стали толкуемыми, а те, которые находим в них в роли объясняемых, служат их определениями. Причина — в различии литературной истории восточнославянских языков, в их неодинаковом отношении к языку церковнославянскому.

Говоря об эпохе бытования азбуковников (XVI, XVII, начало XVIII в.), важнее всего отметить обращение создателей этих словарей-тезаурусов к самим литературным источникам и к результатам той, не прерывавшейся на протяжении всего древнерусского периода, филологической работы (новые переводы памятников, копирование, правка и редактирование рукописных текстов), которая неизменно сопровождалась заменой тех или иных слов, грамматических форм, написаний, а также их реальным и филологическим комментарием.

При всем разнообразии данных о слове исторической спецификой древнерусской лексикографии в эпоху становления и бытования азбуковников остается нерегулярность сообщаемых сведений и отсутствие полноты в наборе характеристик. Существенно также и то, что в этих собраниях глосс и всякого рода иных раскрытий лексических и текстовых смыслов, объяснения в значительной части принадлежат не составителям словарей (хотя и они вовсе не оставались безучастными), но многим истолкователям книг — филологам, философам и богословам, а также и переводчикам иноязычных сочинений, редакторам и справщикам переводов, — обладателям по-своему глубоких и разносторонних знаний. Немалая часть и самих толкований была переведена с иноязычных, в первую очередь византийских оригиналов.

Подобные толкования имеют не опосредованную, а прямую связь с произведениями, к которым они относятся, с их содержанием, идейной направленностью, стилем, даже и частными особенностями поясняемых контекстов, потому и лексикография во весь ее древнерусский период продолжает оставаться текстовой, а основным методом описания словесных значений служит глоссировка, присутствие в них «абстра-

гирующего и символизирующего сознания средневековья»[1] приводила к тому, что действенной оставалась и черта, характерная для древней книжности в целом — стремление к наибольшему отвлечению словесного знака от реальных («внешних смыслов, его автономность по отношению ко многим и различным текстам и контекстам, произвольный отход от реальных, в том числе и весьма существенных, признаков обозначаемых словами классов предметов, качеств и действий, поэтому они и являют собой памятники древнерусского словарного дела.

Противоречивость этих черт (связь с текстом и отвлечение от него, а также от отображаемой в нем действительности) весьма характерна и для азбуковников. Но в них есть и нечто новое, приведшее к качественным изменениям в принципах описаний словесных значений. Средневековые глоссарии, присоединяемые к той или иной книге, служили дополнительным средством разъяснения ее текста. Они примыкали к глоссам на полях и между строк, к толкованиям слов, введенным в самый ее текст. В компилятивных сводах, получивших особое распространение в сборниках XV–XVI вв., уже нет этой приуроченности лишь к определенному тексту. В азбуковниках ориентация не на одну, а на многие книги стала ведущей. Однако и сама цель — охватить «елико мощно» толкований, внесенных в средневековые книги при глоссировке — не оставалась исторически неизменной. В середине XVI в., когда жанр азбуковников сформировался, достиг своей зрелости, она еще была связана по преимуществу с переводческими и исправительными задачами, но в конце века получила более общий характер, а вместе с тем и социальную остроту. Книжники Московской Руси, приверженные к древнерусской культуре, увидели в азбуковниках одно из средств способствовать сохранению самого фонда читаемой литературы (XI–XVI вв.), а он заколебался под воздействием культурных веяний, предвещавших преобразования нового времени. Кардинальные изменения в этом отношении относятся к XVIII в. Что касается XVII-го столетия, то оно стало, как и во многих других сферах духовной жизни, периодом переходным.

Для XVII в. наиболее существенным оказалось взаимодействие (и противостояние) филологии и энциклопедизма. Комплексность экзегетики придает ей объемность. В символических «приточных» трактовках значения присутствует и другая — реалистическая — струя, которая первоначально была лишь подспорьем для выражения символов и абстракций (обоснование уподобления путем описания свойств предмета, аллегорически обозначающего какую-нибудь идею). Двойственная природа притчи содействовала появлению в древней лексикографии зачатков энциклопедизма. Во второй половине XVI века и особенно в XVII в. интерес к реалиям, к конкретным свойствам предметов становится доминирующим. Это проявляется, во-первых, в том, что в статьях азбуковников, посвященных символике, все чаще остается лишь

[1] *Лихачев Д. С.* Средневековый символизм в стилистических системах древней Руси и пути его преодоления // Сб. статей к шестидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1956. С. 167.

та часть описаний значений, которая относится к признакам реалий, а, во-вторых, в том, что основным источником статей энциклопедического содержания становится не патристика, а Хронографы и Хроники. Развитие энциклопедизма наблюдается при описании самых разнообразных объектов, в статьях, посвященных именам собственным, топонимам и антропонимам, а также и именам нарицательным, при истолковании прямых значений слова и раскрытии символов (наименования стран и народов, животных и растений, драгоценных камней, оружия, денежных единиц, мер веса и объема, чинов светских и церковных и т.д. и т.д.).

Преодолев в своем типе тезауруса границы словаря иноязычных слов, азбуковники оказались средоточием весьма разнородных словарных материалов. Более всего требовали расчленения, своего специфического описания и развития соединенные в их материалах две ведущих тенденции — филологическая и энциклопедическая. Соприкосновение целей описания проявлялось все ощутимей по мере изменения словарных принципов и совершенствования словарной техники. Единства, однако, не было и в каждом из названных направлений. Энциклопедическое направление проявляло склонность расчлениться на терминологическое и посвященное целям экзегетики (герменевтики), причем последнее в связи с этим получало черты филологических комментариев, сочетающих в себе цикл разнородных сведений: реальных, языковых и из области литературных (художественных) средств. Что касается филологического направления, то оно способно выделить из себя такие словарные типы, как словари иностранных слов, двуязычные и многоязычные, словари толковые (одноязычные), словари-разговорники, симфонии, фиксирующие все словоупотребления в тексте, и словари этимологические. Все упомянутые потенции содержались в азбуковниках уже к началу XVII века, а в течение этого столетия получили в них многократную и разностороннюю отработку, что не могло не содействовать становлению и развитию каждого из перечисленных словарных типов.[2] При текстологическом изучении списков азбуковников можно наблюдать, как постепенно складывались представления о слове, об его отношении к обозначаемым реалиям, как формировалось понятие словесного значения, улавливались и отмечались признаки многозначности, фиксировалась синонимия и антонимия. Получив истоки в период самых древних переводов и истолкований текстов (XI–XII вв.), язык семантики и лексикографии в русских книгах XVI–XVII вв. достиг значительного развития.

Преемственность научных знаний, восприятие книжностью восточных славян греко-латинской учености, явилось причиной того, что даже самые ранние опыты описания словесных значений (мы находим их в рукописях с XI в.) в основном не имеют черт примитивных попыток, хотя они и могут представиться таковыми, если подойти к ним с чуждых

---

[2] *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в Л., 1975. С 206–258; *Она же.* Азбуковники XVI–XVII вв (старшая разновидность) Л., 1989

позиций современных потребностей. Лишенные историзма сопоставления древних памятников лексикографии с современными трудами не объективны и безрезультатны.

XVII-ый век был для русской культуры преддверием нового времени. Его переходный характер не мог не сказаться и на ходе развития словарного дела. Он проявился, например, в том, что специфически древнерусский жанр азбуковников не только не утратил в это время своего значения, но, напротив, получил широкое распространение и своеобразную разработку. Судя по владельческим записям, азбуковники на этом этапе становятся излюбленной книгой горожан из средних сословий (среди них — лица из низшего духовенства, служилые люди, особенно дьяки, подьячие, нередко купцы; списки азбуковников XVII и XVIII вв., все остальные написаны в XVII веке. В одних из них эти словарные памятники находим в том виде, в каком они были созданы в середине и в конце XVI века, в других ощутимы заметные перемены. Составляются в это время и новые азбуковники, причем наряду с тезаурусами, сводами все более богатых лексических материалов, также и труды сравнительно небольшие. Монументальные азбучные компендиумы создают, как и прежде, монастырские книжники. Здесь, при все возрастающем обилии статей, объяснения слов все чаще отсутствуют, даны лишь указания на источники, где эти слова встретились в текстах Писания и патристике. Словари толкований, какими были азбуковники, начинают перерастать в силу этого в иной тип, именуемый симфониями, или конкордансами. Что касается азбуковников более краткого объема, то, отвечая на практические и духовные запросы каждого из своих обладателей, они обретают личностный характер. В них уже нет стремления к полному охвату глосс (постепенно утрачивается наиболее значимый из признаков словаря «сокровищницы»). Такие словари предстают либо в виде азбуковников выборочного типа, созданных на основе уже существующих словарных памятников XVI века), либо в виде новых словарных трудов, обычно с привлечением источников, современных их составителям, весьма ценных для характеристики нового этапа развития русской культуры.

Среди материалов, включенных в азбуковники в переходный период, все чаще оказываются слова латинские и западнославянские, а также из ряда западноевропейских языков — немецкие, нидерландские, итальянские, французские, английские и т.д.[3] С конца XVI века и на протяжении всего XVII века заметно увеличивается число славянизмов и слов инославянских.[4] Процесс этот происходит при заметном влиянии печатных лексиконов Юго-Западной Руси, особенно трудов Лаврентия Зизания (1596)[5] и Памвы Беринды (1627),[6] которые обогатили и во

[3] *Алексеев М. П.* Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968.

[4] *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977. С. 87–107.

[5] Лексис Лаврентія Зизанія. Київ, 1964 (фототипическое издание АН УССР).

[6] Лексикон... Памви Беринди. Київ, 1961 (фототипическое издание АН УССР).

многом преобразовали славяно-русские глоссы азбуковников. Лексикография восточных славян в эту пору вступает в период все более оживленных связей и взаимодействий.

Во второй половине XVII века активно проявилась и другая тенденция развития русского словарного дела, столь же тесно связанная с влиянием филологической культуры Юго-запада и наиболее отчетливо представленная в двуязычных и треязычных лексиконах Епифания Славинецкого. Словари выдающегося украинского лексикографа, трудившегося сначала в Киеве, а затем в Москве, были досконально освоены в русском книжном обиходе и прочно вошли в жизнь, содействуя формированию новых подходов в описании иноязычной лексики.[7] Следы этого видны не только в филологической практике названного периода, но и в многоаспектной лексикографии XVIII века. По своему составу и структуре, наконец и функционально, упомянутые лексиконы весьма далеки от древнерусских азбуковников, но, вместе с тем, те и другие есть отражение многовековой переводческой традиции восточных славян, хотя и соотносятся они с ее проявлением в иной хронологической, социальной и идеологической перспективе.

Имея истоки в филологической культуре Украины и Белоруссии, обе эти тенденции развития словарного дела, характерные для XVII века, действовали не обособленно, но были направлены к общей цели, сочетаясь уже на исходном для них этапе. Так, Епифаний Славинецкий (самое крупное имя лексикографии восточных славян середины XVII в.) для заглавных слов в своем «Лексиконе латинском» брал материал из «Лексикона» Памвы Берынды. Почти все вокабулы первой, а иногда второй части труда П. Берынды вошли в словник «Лексикона славенолатинского» Е. Славинецкого и А. Карецкого-Сатановского. Изучение толкования имен, приложенного к московскому изданию «Грамматики» (1648) М. Смотрицкого, показало, что этот ономастикон основывается на этимологии из книги П. Берынды. Материалы из «Лексикона» использовали не только составители азбуковников, но и Ф. Поликарпов (М., 1704), П. Алексеев в «Церковном словаре» (М., 1773).[8] При изучении рукописных статей Епифания Славинецкого можно наблюдать одно из весьма существенных свойств лексикографии как научной дисциплины — коллективность начал, составляющих ее базу: свойство,

[7] Свидетельства привлечения материалов «Лексикона латинского» наблюдаются в латинско-русском-немецком словаре («Номенклатор...») русского и белорусского филолога Ильи Копиевского (1718 г.), в книге Х. Целлария «Краткой латинской лексиконъ с российским и немецким переводом» (СПб., 1746).

[8] См.: *Нимчук В. В.* Староукраинская лексикография. АДД, Киев, 1981. С. 30, 31, 37. Историческая деятельность воздействия традиции «Лексикона» П. Берынды, по словам того же автора, видна и из того, что вокабулы из него заимствовали Ф. Миклошич и И. Срезневский. К этому можно прибавить, что все русские академические словари использовали в том или ином виде данные из этого словарного труда. В последнем из них — БАС (1948–1965) лексика из Берынды приводится в сопровождающем словарные статьи справочном отделе.

возникающее из цели обеспечить надежность и объективность сообщаемых сведений, иначе говоря, по возможности, полное использование всего, что достигнуто предшествующей словарной традицией, отечественной и зарубежной, при описании того или иного состава слов. Лексиконы Славинецкого тесно связаны с западнославянской и европейской лексикографией. «Почти все латинские вокабулы для своего «Лексикона латинского» Е. Славинецкий заимствовал из авторитетного в его время словаря известного итальянского лексикографа эпохи Возрождения А. Калепина» (1435–1511).[9] В качестве дополнительного словарного источника был использован латино-польско-греческий словарь (Краков, 1626) видного польского лексикографа Г. Кнапского. «Лексикон латинский» — самый большой староукраинский словарь: в нем насчитывается около 27000 статей.[10]

Рукописный «Лексикон славяно-латинский» Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского (1650 г.) сохранился в меньшем количестве экземпляров, чем словарь латино-славянский, так как в начале XVIII в. вышел в свет «Лексикон треязычный» Федора Поликарпова, полностью включивший в свой состав его словник.[11] Его номенклатурная (славянская) часть зависима не только от словаря П. Берынды, но и от польско-латинско-греческого словаря Г. Кнапского (Краков, 1621).[12] В результате авторы составили самое богатое в XVII в. собрание славянских вокабул — примерно 7500 статей. В Москве Славинецкий создал и свой третий переводной словарь: «Книга лексиконъ греко-словено-латинский» (после 1663 г.), оригиналом для которого послужил словарь византийца Иоанна Скопулы.[13] Памятник большого объема — 755 листов (с текстом в два столбца) считался уникальным пособием для обучения и переводов. Пользование им допускалось лишь с разрешения самого царя.[14] После смерти «Словарь» Е. Славинецкого

---

[9] На протяжении XVI–XVII вв. словарь А. Калепина со все новыми дополнениями многократно переиздавался, и к концу XVI в. в нем, кроме латинских вокабул, латинских цитат с их паспортизацией, находились лексические эквиваленты на одиннадцати языках, в том числе на греческом и польском. (*Нимчук.*Там же. С. 33).

[10] *Нимчук В. В.* Там же. С. 34.

[11] Е. Славинецкий и А. Корецкий-Сатановский выехали из Киева в Москву в июле 1649 г., а 1650 г. уже датируется их совместный труд. В силу этого В. В. Нимчуком высказано предположение о существовании киевского протографа словаря, составленного, возможно, ранее «Лексикона латинского», о чем свидетельствует и отсутствие связей между этими трудами. (*Нимчук В. В.* Там же. С. 39).

[12] «Thesaurus polono-latino-graecus». В связи с указанным источником в исследуемом памятнике — немало чисто польских слов и слов, заимствованных украинским языком через польское посредничество (*Нимчук В. В.* Там же. С. 39).

[13] В распоряжении Славинецкого, как пишет В. В. Нимчук, было второе издаиие труда И. Скопулы «Lexicon graeco-latinum», из чего следует, что «Лексикон греко-славянско-латинский» составлен после 1663 г.

[14] *Браиловский С.* Филологические труды Епифания Славинецкого // Русский филологический вестник. 1890. Т. 23; *Нимчук В. В.* Там же. С. 41.

готовили к публикации, но издан он не был. Материалы его использованы в «Лексиконе треязычном» Федора Поликарпова (1704).

Миграция словарных сведений, добытых лексикографами разных стран, может быть рассмотрена и со стороны влияния филологических трудов восточных славян на европейские предприятия этого рода. В. В. Нимчук выявил, например, факты использования зарубежными переводными словарями в качестве основных и дополнительных источников трудов П. Берынды и Е. Славинецкого. На «Лексиконе» Берынды базируется рукописный церковнославянско-польский лексикон (1641) польского ученого Мариана из Ясписк. Переводом-переделкой труда П. Берынды на румынский язык оказался словарь (1649) Мардария из Козни.[15] Есть основания соотнести украинскую часть латинсконовогреческо-турецко-армянско-молдавского словаря XVII в. со словарем Е. Славинецкого. Дубровницкий список того же «Лексикона латинского», по-видимому, имел в своем распоряжении хорватский лексикограф И. Стулли (Стулич). Главным источником церковно-славянсколатинского словаря шведского ученого И. Г. Спарвенфельда послужил «Лексикон» П. Берынды. При посещении Москвы тот же исследователь заказал и обратную переделку «Лексикона латинского» Е. Славинецкого.[16]

Использование традиции вовсе не означает отсутствия творческих начал в осуществлении словарного предприятия, а также современности и актуальности его научных задач. Наиболее трудной частью переводного словаря является та, в которой даны эквиваленты другого языка (однословные соответствия, ряды синонимов или описательные толкования). Епифаний Славинецкий для переводной части своего «Лексикона латинского» «избрал церковнославянский язык своего времени (в восточнославянской редакции), чем наглядно доказал скептикам[17] адекватность латинскому языку этого межславянского письменного языка».[18] Вместе с тем он создал на основе многоязычного двуязычный словарь с типичной для подобного труда структурой. Что касается «Лексикона славяно-латинского» Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского, то здесь представлен словник, исторически обусловленный языковой ситуацией, в нем органически объединены лексические элементы двух генетически родственных лексических систем — церковнославянской и восточнославянской (главным образом, украинской).

[15] Рукописный «Лексіконъ славено-влашескыи и именъ толъкованіе» является первым произведением румынской лексикографии.

[16] Рукопись этой наполовину выполненной работы хранится в Упсале (Швеция). См.: *Нимчук В. В.* Там же. С. 30–37.

[17] Речь идет о церковных диспутах, которые велись с конца XVI в.: католики и униаты признавали языками церкви лишь три — еврейский, греческий и латинский. Два последних были общепризнанными языками и высокой книжности. Латинский язык прочно утвердился в европейских странах в качестве языка науки.

[18] *Нимчук В. В.* Там же. С. 34–35. В случаях, когда церковнославянских эквивалентов недоставало, он приводил соответствия из украинского языка или создавал новые слова по украинским и церковнославянским образцам.

Отметив все это, В. В. Нимчук делает вполне убедительный и научно обоснованный вывод: «Тот факт, что вокабулы для своих лексиконов Е. Славинецкий заимствовал из чужих произведений не преуменьшает оригинальности его трудов. Сами словники использованных им греческих, латинских и церковнославянских лексиконов формировались усилиями многих ученых».[19] Не менее важны и следующие наблюдения: «Благодаря «Грамматике» М. Смотрицкого и «Лексикону» П. Берынды кодифицируется церковнославянский язык. Указанные труды содействовали также нормализации староукраинского языка».[20] И вслед за этим: «В своих словарных трудах украинские и русские лексикографы Л. Зизаний, П. Берында, Е. Славинецкий, Ф. Поликарпов-Орлов изучали и нормализовали состав межславянского языка, выросшего на почве первого литературного языка славян — старославянского, поэтому они сыграли выдающуюся роль в истории славистики».[21]

При характеристике культурной жизни второй половины XVII-го столетия нельзя не отметить, что в этот период протекала деятельность выдающегося поэта восточных славян Симеона Полоцкого, переселившегося из Белоруссии в Москву весной 1664 г. и создавшего в Москве поэтическую школу.[22] Симеон принимал участие и в книгоиздательской деятельности. В истории русского книгопечатания имя С. Полоцкого связано с так называемой Верхней типографией. В 1675 г. умер Епифаний Славинецкий, что заметно ослабило грекофилов, усилив позиции Симеона и его сподвижников, которых те почитали латинствующими. В типографии готовили к изданию (но так и не были изданы) его стихотворные сборники «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный». Основать типографию С. Полоцкому в значительной степени позволило то, что во главе Посольского приказа стал один из его ближайших друзей В. В. Голицын. Она и начала свою деятельность наряду с Печатным двором, который в XVII в. также был одним из филологических центров. В Верхней типографии было издано шесть книг, все так или иначе связанные с Симеоном.[23] Оба они, в особенности второй, представляющий собой своего рода энциклопедию, не могут не занять

---

[19] *Нимчук В. В.* Там же. С. 34, 35, 37, 39, 41.

[20] Решающую роль в судьбе украинского литературного языка сыграло воссоединение в 1654 г. Украины с Россией (см. там же. С. 21, 22).

[21] *Нимчук В. В.* Там же. С. 47.

[22] Заиконоспасская школа Симеона Полоцкого, ставшая общиной поэтов, была учреждена в 1665 г. и просуществовала до 1668 г. Царь Алексей Михайлович рассчитывал подготовить в ней образованных людей, годных для государственной деятельности. К поэтической школе Симеона, понимаемой уже как особое направление в словесном искусстве, литературоведы относят ряд видных писателей и деятелей русской культуры. Среди них Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский.

[23] См.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура в XVII веке. Л., 1973. С. 137–147; *Еремин И. П.* Симеон Полоцкий. Избранные сочинения, подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина // Литературные памятники. М.; Л., 1953.

своего места и в истории русской лексикографии. Сочинения эти имеют дидактический характер. В «Вертограде» рассказывается о различных явлениях и предметах, об исторических деятелях и событиях, о народах и странах.[24] При изложении тем были использованы западные источники. Исследователи указывают, например, на связи этого сочинения со сборником изречений, именуемом «Апофегмата». Не менее важно, однако, отметить и связь его со статьями русских азбуковников. Последние черпали свои сведения из целого ряда древнерусских сборников (среди них «Измарагд», «Златая цепь», «Пчела» и др.), а также из «Физиолога». Сведения эти встречаем и в «Вертограде многоцветном». Именно азбуковники и были посредствующим звеном, впервые придав им форму словарного описания. В соотношении текста сочинения Полоцкого с текстом статей азбуковников вновь проявился переходный характер культуры XVII-го столетия. Словарная форма была не раз применена затем, как известно, в литературных и публицистических сочинениях XVIII и XIX веков.

[24] Симеон Полоцкий был воспитателем детей царя Алексея Михайловича: наследника Алексея, а затем, после его смерти (1670 г.), Федора, царевны Софьи и малолетнего Петра, для которых и были предназначены эти сочинения.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ XVIII ВЕКА

Общая характеристика

Восемнадцатый век — это новая и особая страница в истории России, характеризуемая как эпоха решительных перемен. Уже с конца XVII в. укрепляются связи с Западной Европой — дипломатические, торговые, научные, культурные и пр. Развитие военного и морского дела, наук, искусств, «художеств» требовало многих специалистов. Наряду с приглашением западных мастеров, ремесленников, ученых посылаются для обучения за границу русские юноши. Одновременно принимаются меры для обучения своих, «природных» знатоков у себя. С этой целью заводятся новые учебные заведения — морской и сухопутный шляхетские корпусы, в середине века также и морская академия, артиллерийские училища, медицинское, хирургические училища. В 1725 г. начинает действовать Академия Наук с гимназией и университетом. В 1755 г. открывается Московский университет и гимназия. Появляются первые женские учебные заведения и частные пансионы. В 1783 г. открывается первое филологическое научное учреждение — Российская Академия, ставившая своей задачей создание словаря, грамматики и риторики русского языка.

В стране происходит рост книгопечатания, вводится гражданский шрифт. Увеличивается количество типографий, а с 80-х гг. наряду с правительственными появляются и частные типографии. Печатная продукция растет с каждым десятилетием, пик ее приходится на 70–90-е гг. Именно книги играли важную роль в овладении культурными достижениями западноевропейского мира, в распространении образования и просвещения.

XVIII в. в истории лексикографии стал периодом быстрого и решительного развертывания словарных работ. С начала века происходит переход от предшествующей традиции рукописного воспроизведения словарей к книгопечатанию. Тем самым словари становятся гораздо более доступной, массовой продукцией. Многие из них выдерживают по несколько изданий, подвергаясь исправлениям и дополнениям при каждом переиздании. Увеличиваются и их тиражи. Тем не менее постоянно наблюдался «словарный голод», поскольку росла потребность в получении новых видов словарей и была недостаточной обеспеченность выпущенными лексиконами. Если учесть также, что печатные

книги, в том числе и словари, стоили дорого, то понятно, что продолжалось составление новых и переписывание старых рукописных словарей.

О печатной словарной продукции XVIII в. дает представление аннотированный указатель В. П. Вомперского,[1] содержащий 277 номеров. Справочников, обобщающих сведения о рукописных лексиконах XVIII в., назвать пока невозможно. Развитие словарного дела на протяжении века не шло по нарастающей прямой. По подсчетам Л. С. Ковтун, проведенным по Указателю Вомперского, к первой четверти века относится 25 словарных работ, ко второй несколько меньше — 19, к третьей четверти — 50, следовательно, больше, чем за всю первую половину века, а в последней четверти наблюдается бурный рост лексикографических изданий — 183 словарных труда.

Расширяется круг людей, занимающихся составлением словарей. Если в предшествующую пору словарное искусство было по-преимуществу делом монахов-книжников и деятелей культуры, таких как Максим Грек, Лаврентий Зизаний, Памва Берында, Епифаний Славинецкий, то в XVIII в. среди авторов словарей оказались и профессиональные переводчики (И. С. Горлицкий, В. Е. Адодуров, С. С. Волчков, И. П. Сатаров, К. А. Кондратович, Г. Н. Теплов), и профессора, преподаватели и учителя учебных заведений (И. А. Гейм, Ф. Гелтергоф, П. И. Жданов, Н. Г. Курганов, Д. Синьковский), и академики (П. Б. Иноходцев, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, А. П. Протасов, С. Я. Румовский), и лица духовного звания (П. Алексеев, Аполлос Байбаков, Евгений Романов), и государственные и общественные деятели (Я. В. Брюс, В. Н. Татищев, Е. Р. Дашкова). Хотя в прежних словарных центрах, таких как Киевская и Московская академии, продолжалась словарная работа (напр., в 1724 г. И. Максимович составил Латино-русский Лексикон, использовав Латино-польский словарь Кнапского; словарь не публиковался), однако все больше лексикографическая деятельность тяготеет к новым научным центрам, прежде всего к Академии Наук. Силами академических переводчиков были сделаны первые большие иноязычно-русские словари, ориентированные на живые европейские языки — немецкий[2] и французский[3], обработан с добавлением к нему русской части латинско-немецкий лексикон[4] — словарь учебного назначения и составлен к нему алфавитный «Реестр российских слов».

[1] *Вомперской В. П.* Словари XVIII века. М., 1986. 136 с. — В указатель включены также и несобственно словарные книги: так называемые «Домашние разговоры», «Школьные разговоры», представляющие собою параллельные тексты на двух или более языках.

[2] *Вейсманн Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка и обшей пользе при имп. Академии наук печатию издан. СПб., 1731.

[3] *Волчков С. С.* Новой лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках, переводу асессора Сергея Волчкова. СПб., 1755-1764. Ч. 1-2.

[4] *Целларий К.* Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом... СПб., 1746.

Не все словарные работы, которые велись в Академии, были опубликованы. К примеру, остались в архивах АН Польско-латино-греческий словарь Кнапия с добавленным переводом на русский язык, Двенадцатиязычный лексикон Калепина, а также Русско-латинский Целлариев лексикон, представленные академическим переводчиком К. Кондратовичем[5].

Академия рассматривала также словари, поступавшие к ней на «апробацию», давая им строгую оценку и нередко отклоняя их. Так, не был одобрен Российско-немецкий лексикон И. Л. Егера, в частности из-за введения слов, «каких, — как писал в своем заключении И. И. Тауберт, — ни в Славянском, ни в Русском языке никогда не бывало». По отзыву Ломоносова был признан неудовлетворительным и возвращен автору Русско-латино-итальяно-французский словарь Г. Дандоло.

Характерно, что на Академию наук как на средоточие словарных работ возлагали надежды ее современники. Показательна в этом отношении программа создания лексиконов, которую развертывает В. Н. Татищев в своих письмах к Шумахеру[6]. Татищев считает первейшей задачей создание славено-русской грамматики и лексикона, «которых нет», затем нужны лексиконы тех языков, «с которого и на который переводить», ибо без хороших словарей «переводы не токмо трудны, но и весьма неисправны являются». Он предлагает использовать «Фабриев» латинский лексикон в качестве образца для составления, высоко ценившийся в то время (им пользовался Тредиаковский, Ломоносов, Кондратович)[7]. При этом, так как словарное дело «колико нужное, толико трудное», то чтобы привлечь знающих людей, по мнению Татищева, нужно предложить за сочинение лексиконов награждение (за Фабриев, например, до 500 рублей).

После открытия Московского университета в сфере его интересов также оказываются словарные работы.

Составление и издание словарей в других местах России, судя по библиографическим справочникам, осуществлялось нечасто: несколько словарей было издано в Риге[8], упоминаются город Владимир, Екатеринослав.

Словари, изданные на протяжении XVIII в., могут быть отнесены к четырем основным направлениям: 1) переводные иноязычно-русские и русско-иноязычные словари, 2) словари иностранных и непонятных слов, 3) специальные словари (терминологические и энциклопедические), 4) толковые словари. Эта классификация в известной мере услов-

---

[5] Макеева В. Н. Русская лексикография 40-х–50-х годов. XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов. Сб. статей и материалов. IV. М.;Л., 1960. С. 180–205.

[6] Переписка В. Н. Татищева за 1746–1750 гг. // Ист. Архив. Т. VI. М. -Л., 1951.

[7] *Faber B.S.* Thesaurus eruditionis scholasticae omnimum usui et disciplins omnibus... Lipsial, 1735.

[8] *Родде Я. М.* Российский лексикон по алфавиту, изданный Яковом Родде секретарем и переводчиком при Магистрате российско-императорского города Риги. Лейпциг, 1784; *Гейм И. А.* Словарь немецко-российский и российско-немецкий старанием Иоганна Гейма. Рига, 1795–1798. Ч. 1–2.

на, поскольку многие словари не представляют собою «чистого типа» как по составу отбираемого материала, так и по способам его описания. Тем не менее представляется целесообразным рассмотреть совокупность словарей в рамках намеченных рубрик, а очерки о некоторых наиболее существенных для истории лексикографии XVIII в. словарях дать отдельно. Поскольку единственный полностью составленный толковый словарь появился лишь в конце века, то предшествующие ему лексикографические начинания, относящиеся к нашему четвертому направлению, разумнее представить в очерке об этом словаре, а именно — о «Словаре Академии Российской».

Переводные словари

Именно переводная лексикография, имеющая многовековую традицию и поддерживаемая особенно сильной в XVIII в. потребностью общества в иноязычно-русских и русско-иноязычных словарях, была представлена богаче всего.

Продолжали издаваться словари классических языков. Это было и в русле традиции, и имело практические основания. Знание латыни требовалось в гимназиях и университетах, было необходимо в ученых делах, ведь почти до конца века в «конференциях» Академии Наук и в диссертациях академиков использовалась латынь, многие лекции читались по-латыни.

Недаром Киевская и особенно Московская славяно-греко-латинская Академия, оставаясь духовными учебными заведениями, готовили также специалистов для гражданских ведомств — переводчиков, справщиков в типографии, преподавателей в светские школы, направляли лучших учеников в университет при Академии наук. В первые десятилетия создается два больших словаря, авторы которых Ф. Поликарпов и И. Максимович — представители старой книжной учености, воспитанные в Славяно-греко-латинской Академии. В Лексиконе Поликарпова «словенская часть» сопровождается греческими и латинскими эквивалентами, в Лексиконе И. Максимовича к латинским словам дается перевод на «словенский» язык. Но в дальнейшем классические языки привлекаются преимущественно в учебные словари или переносятся как один из дополнительных языков из словаря-оригинала в составляемый словарь. Потребность в знании латыни, а тем более греческого, постепенно ограничивалась довольно узким кругом научных и конфессиональных интересов. Показателен тот факт, что переводы с латыни во второй половине века составляют всего 10 % от общего числа переведенных на русский язык книг, по сравнению с первым местом, занимаемым ими в первые два десятилетия. Появившиеся почти одновременно в конце века фундаментальный Геснеров Лексикон и более

краткий Латинский лексикон Розанова,[9] ориентированные на классическую латынь, свидетельствуют уже о намечающейся тенденции рассматривать древние языки как элемент античной культуры, которая с начала XX в. становится базой неоклассицизма.

В то же время от десятилетия к десятилетию росла необходимость овладения теми языками, которые были нужны при расширяющихся контактах с западными странами. Знание языка было важно при выездах (все более частых и самого разного назначения) за границу, в том числе и путешествий «по чужим краям» молодых дворян, оно требовалось для овладения профессией, для служебных надобностей и вообще становилось обязательным признаком образованного человека. В такой ситуации ведущей становилась роль словарей живых западноевропейских языков, прежде всего немецкого и французского. Именно с этими языками связаны первые словари Академии Наук, позже несколько раз переизданные; в общей массе переводных словарей немецко- и французскоязычные словари занимают первое место — немецких словарей вышло более 20, французских — более 15 (не считая прикнижных словарей, в том числе и грамматиках). Словарей английского языка было создано немного.[10] Знание английского языка в России требовалось главным образом на флоте и в торговых делах, в конце же века английский стал проникать в сферу быта и культуры, в связи с начинающейся модой на «аглицкое». Характерная деталь: когда в Морскую академию в 1748 г. хотели пригласить профессора англичанина, то не могли отыскать лиц, которые могли бы переводить ученикам его лекции. Были единичны и словари голландского языка, несмотря на то, что в петровское время Россия имела тесные связи с Голландией как с торговым партнером и как со страной, поставлявшей мастеров-судостроителей, типографщиков, где сам Петр обучался кораблестроению. В 1717 г. выходят два небольших словаря Я. Брюса, а несколько ранее голландский язык был включен в «Номенклатор» Копиевского.[11] Эти словари остались единственными печатными изданиями, связанными с голландским языком. Ограниченность сфер воздействия голландского языка (армия, флот, частично администрация и быт), а также ведущее влияние близкого к нему немецкого языка, привели к падению его роли в языковых контактах и в потребности изучать его.

---

[9] *Геснер И. М.* Полной латинской Геснеров лексикон, с добавлением к нему греческих слов и Российского реэстра, вновь исправленый и умноженный Дм.Синьковым. М., 1796–1798. Ч. 1–3; Латинский лексикон с российским переводом, из лучших латинских писателей собранный... Фомою Розановым. М., 1797.

[10] Историки ценят информативность словаря Жданова: *Жданов П. И.* Новой словарь английской и российской. СПб., 1784.

[11] *Брюс В. Я.* Книга лексикон или Собрание речей по Алфавиту с Российского на Голландский язык... СПб., 1717; *Брюс Я. В.* Лексикон голландско-русский. СПб.; *Копиевский И. Ф.* Номенклатор на русском, латинском и голландском языках. Амстердам, 1700.

Современные переводные словари почти все являются словарями двуязычными. Иная картина была в переводной лексикографии XVIII в. Двуязычные и многоязычные словари количественно были равны друг другу. Двуязычные (иноязычно-русские и русско-иноязычные словари) создавались как в виде отдельных книг, так и в составе грамматик и учебных пособий. Это был универсальный тип словаря. Словари, в которых реестр, то есть объясняемая часть, имел переводы на двух и более языках, как правило относятся к числу больших словарей с хорошо разработанным словником. При этом, обычно третьим языком в трехъязычных словарях является латынь (в Лексиконе Поликарпова[12] — русский, греческий, латынь, в Вейсманновом Лексиконе — немецкий, латинский, русский, в Лексиконе Гельтергофа[13] — русский, немецкий, латинский). Латинский язык включен во все многоязычные словари — в четырехъязычные (Лексикон Волчкова, Виньерона,[14] Яковкина,[15] пятиязычные (Лексикон Гаврилова,[16] Соца[17] и в шестиязычный Словарь Полетики.[18]

По способу организации словника переводные словари были по преимуществу алфавитными. По алфавиту располагались слова в словарях, имеющих словники, насчитывающие до 40 (и выше) тысяч слов, такие как Лексикон Волчкова, Словари Нордстета,[19] Гейма,[20] Соца, в словарях среднего объема, со словником до 10–15 тыс. слов (Словари Брюса, Виньерона, Литхена[21]) и малых учебных словарях, включаемых в грамматики и учебные пособия (напр. в Грамматиках Горлицкого, Вегелина, Шванвица, Шарова, Третьякова).[22] Расположение по

[12] *Поликарпов Ф. П.* Лексикон треязычный, сиречь Речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище... М., 1704.

[13] *Гельтергоф Ф.* Российской Лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом... М., 1778. Ч. 1–2.

[14] *Виньерон Ж.* Краткий лексикон на четырех языках то есть на французском, италианском, немецком и российском. М., 1771.

[15] *Яковкин И. Ф.* Словарь французских речений перьвообразных... с немецким, латинским и российским переводами... СПб., 1796.

[16] *Гаврилов М. Г.* Новый Лексикон, на немецком, французском, латинском, италианском и российском языках... М., 1781.

[17] *Соц И. В.* Новый лексикон или Словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках. М., 1784–1787. Ч. 1–2.

[18] *Полетика Г. А.* Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском. СПб., 1763.

[19] *Нордстет И.* Российский, с немецким и французским переводами словарь... СПб., 1780–1782. Ч. 1–2.

[20] *Гейм И. А.* Новый российско-французско-немецкий словарь. М., 1799–1802. Т. 1–3.

[21] *Литхен И. Ф.* Лексикон российской и французской, в котором находятся почти все слова по порядку российского алфавита. СПб., 1762. Ч. 1–2.

[22] *Горлицкий И. С.* Грамматика французская и русская нынешнего языка сообщена с малым лексиконом... СПб., 1730; *Вегелин Ж.Ф.* Новый методический способ учиться хорошо читать... М., 1791; *Шванвиц М.* Немецкая грамматика... СПб, 1730; *Шаров Ф.* Новая немецкая грамматика в пользу благородного юношества...

алфавиту было удобно для быстрого отыскания нужного слова. Расположение слов по темам («по главизнам»), присущее прежде всего учебным словарям, было унаследовано от лексикографической практики прошлого, когда заучивание слов иностранного языка велось не в азбучном порядке, как было ранее, а по смысловым группам. Традиционны были и тематическая рубрикация и ее внутреннее наполнение, отличающиеся в отдельных словарях некоторыми перераспределениями или большей или меньшей детализацией внутри рубрик. Представление о тематических группах подобных словарей дает Собрание имен Ф. Поликарпова.[23] Лексика в нем распределена по 35 главам, наименованным (неполное перечисление): о бозе и дусех; о мире, небеси и стихиах; о времени и праздницех; о водах; о местах и землях; о человеце и его частях; о болезнех; о брашнех; о питии; о животных четвероногих; о птицах; о червях и насекомых; о рыбах; о древесех; о разных овощех; ... о граде, и яже суть в нем; ... о училище и о книгах; ... о судебных делех и пр. В дальнейшем такой вид расположения используется главным образом в небольших словариках, прилагаемых к грамматикам.

Среди заметных тематических лексиконов второй половины века следует упомянуть шестиязычный Лексикон Полетики,[24] источником которого стал англо-латино-греческий словарь Рея.[25] Тематические рубрики в основном такие же как и главы «Собрания имен» Поликарпова, позволяли собрать основную лексику, охватывающую главные аспекты жизни человека и окружающего мира. В то же время, при таком построении словаря главенствовало понятие, и поэтому почти весь словник, за небольшими исключениями, составляли имена существительные (числительные были выделены в отдельную рубрику). Добавив к трем языкам источника еще три языка, Полетика хотя и вынес русскую часть в левый столбец, но фактически исходными, объясняемыми оставил слова английского языка, как и в словаре Рея, находящиеся в крайнем правом столбце страницы. Поэтому, напр., названия трав, деревьев, животных, птиц соответствующих тематических разделов идут по алфавиту английских, а не русских слов. Русская часть содержит также немалое число объяснений, истолкований к сопоставляемому многоязычному ряду (напр. Рогатка, или подъемная решетка в городских воротах). Ценность словника этого словаря — в богатстве поставленной в нем ботанической и зоологической номенклатуры, в том числе и фразеологического характера (напр. название растений — *эми-*

СПб., 1792; *Третьяков В.* Новые легчайшие немецкие разговоры... М., 1795.

[23] *Поликарпов Ф.* Краткое собрание имен по главизнам расположенное тремя диалектами в пользу хотящым ведети свойство еллино-греческого и латинского диалекта (Входит в «Букварь»).

[24] *Полетика Г. А.* Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском... СПб., 1763.

[25] *Ray Y.* Nomenclator classicus, sive Dictionarium trelingue, secundum locos communes, nominibus usitatioribus anglicus, latinis, graecis... 3 ed. London , 1696. — Издание 1675 г. было использовано Ф. Поликарповым для «Собрания имен».

ев язык, чертова борода, медвежье ушко, свиных хлеб, волчье молоко, веселые глазки и пр.).

В целом традиционен по своей тематической группировке лексики и четырехъязычный Словарь Гелтергофа.[26] Правда, в нем лишь 15 тематических разделов, ориентированных прежде всего на человека, его быт, жизнь, здоровье, что меньше, чем в «Собрании имен» Поликарпова. Но при этом словарь дополнен списками употребительных прилагательных, местоимений, регулярных и нерегулярных глаголов, предлогов и союзов, благодаря чему несколько нивелируется предпочтительность существительных в словнике, свойственная многим тематическим словарям.

Отличает Словарь Гелтергофа не часто встречающееся в словарной практике XVIII в. посвящение, а также обширное предисловие. Гелтергоф посвящает свой труд Н. А. Демидову, поощрившему его «к сочинению чего-нибудь могущего служить к пользе училищ». И далее излагает мысли о том, как следует обучать, чтобы «юношеству языки и науки кратчайшим и приятнейшим сообщить способом». С этой целью дается подробное расписание занятий, как и сколько следует заучивать слов, заниматься повторением пройденного, овладевать разговорной речью и т.п. Рекомендуется не «угрожением стращать и в стыд приводить» неуспевающего ученика, но «наипаче ободрять», поскольку именно такое отношение приводит к лучшим результатам.

Следовательно, в данном словаре были декларированы наилучшие с точки зрения автора способы обучения иностранному языку и дано лексикографическое пособие для такого обучения.

Наконец, была форма «этимологического» лексикона. При этимологическом расположении под корневым («первообразным») словом располагались все его производные (префиксальные, суффиксальные, сложные). Образцовым европейским этимологическим словарем был Целлариев Лексикон, построенный по алфавиту латинских корневых слов. Подобные словари были широко распространены в европейских странах. Они преобразовывались, к ним добавлялись переводы на национальных языках. Особенно многочисленны были учебные латинские словари. Несколько «Целлариев» было составлено в 40–90-е гг. отечественными лексикографами.

В 1746 г. Академией Наук издан первый «Целларий» — для употребления в Санкт-Петербургской гимназии».[27] К нему был приложен «Реэстр российских слов из Краткого Целлариева лексикона выбранный и по алфавиту расположенный», составленный А. И. Богдановым. В XVIII в. он издавался четыре раза, четвертое издание вышло в 1795 г. В Целлариусе 1746 г. слова были объединены своим первообразным

[26] *Гелтергоф Ф.* Сокращенный четыреязычной Словарь, а именно на немецком, латинском, французском и российском языках, в пользу юношества этимологического класса. М., 1776.

[27] *Целларий К.* Христофа Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом... СПб., 1746.

корневым словом, которое начинало словарное гнездо. Внутри гнезда слова располагались в алфавитном порядке, образуя внутренние подгнезда. К каждому латинскому слову было дано соответствующее по значению русское слово. Аналогичным образом был организован словник в «Немецком Целлариусе» и во «Французском Целлариусе»,[28] автором которых был Ф. Гелтергоф, преподаватель Московского университета. По образцу таких словарей, предназначенных для лиц, обучающихся иностранным языкам, Ф. Гелтергофом был сделан и Российский Целлариус — первый в XVIII в. русский словопроизводный словарь с немецким переводом русских слов.[29] Словарь был предназначен прежде всего немецкоязычному читателю, изучающему русский язык. В предпосланном словарю «Читателю наставлении» высказывалось пожелание успеха в «скором и легком» изучении русского языка, чему, по мысли автора, должны были способствовать правила пользования словарем и приемы запоминания слов. Самым главным было «затвердить и в память гораздо углубить первообразные слова сей книги», а затем, внимательно прочитывая «по листу», научиться понимать «как естественным образом производные и сложные от своих первообразных выводятся». Следовательно, благодаря словарю можно уяснить основные словообразовательные модели, чтобы легче запомнить значение русского слова. В Словаре было представлено 18 тыс. слов. Пожалуй, впервые под корневое слово было собрано такое большое количество производных разных степеней производности. Так, под корневым глаголом — отглагольные существительные, префиксальные глаголы и их дериваты, субстантивированные причастия и т.п., под существительным — уменьшительно-ласкательные, увеличительные сущ., относительные прилагательные. Словарь давал грамматическую информацию о слове — в нем есть указания на род при существительных, родовые окончания прилагательных, опорные формы глаголов, ремарки при уменьшительных. Соответствующим знаком обозначены ударения слов и форм. К основному корпусу словаря приложено «Прибавление чужестранных в Российском языке принятых слов», включающее в себя около 400 заимствованных слов, с некоторым числом производных от них. Столь удачный прием, не нарушающий единства основного описываемого словарем объекта, позволил ввести в сферу внимания потребителей Словаря и ту лексику, которая, не являясь исконной, вошла в словарный состав русского языка. Все это позволяет считать Российский Целлариус одним из лучших двуязычных словарей XVIII в. Он вошел в число лексикографических источников «Словаря Академии

---

[28] *Гелтергоф Ф.* Немецкий Целлариус, или Полезный лексикон, из которого без великого труда, и наискоряе нужнейших немецкого языка слов научиться можно. М., 1765; *Гелтергоф Ф.* Французский Целлариус, или полезной лексикон, из котораго без великого труда и наискоряе нужнейшим французского языка словам научиться можно. М., 1769.

[29] *Гелтергоф Ф.* Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон... М., 1771.

Российской», его словарные материалы нередко используются и в современных исследованиях.

В 90-е гг. появился трехтомный Латинско-русский словарь, изданный после смерти его составителя, профессора Московского университета Д. Синьковского. [30] За его основу был взят латинский лексикон И. М. Геснера, крупного немецкого ученого-классика, автора нескольких фундаментальных исследований и словарей латинского языка. Д. Синьковский привлек и другие лексикографические источники — словари Фабра и Гедерика. В предисловии к словарю подчеркивалось, что данный словарь «против прежняго гораздо полнее и обстоятельнее и выработан со всевозможным тщанием и вниманием». Построенный по алфавиту корневых слов, он включал под корневое слово большое число производных от него слов, разработанных, по сравнению с перечисленными выше этимологическими словарями, более детально. Для многозначных слов был введен технический прием цифрового отграничения одного значения от другого.

С иноязычно-русскими, прежде всего, этимологическими словарями была связана практика составления прилагаемых к ним русских алфавитных реестров. Такие реестры в какой-то степени возмещали отсутствие «члена пары», то есть напр. русско-немецкого словаря при немецко-русском. Известно, что обычной практикой западноевропейских издателей было объединение двух словарей в одной книге, но в нашей отечественной лексикографии XVIII в. сдвоенные словари не получили распространения. Есть сведения о том, что реестры составлялись на материалах переводной части Вейсманова лексикона и некоторых других словарей с целью использования их в качестве основы при разработке словника для русскоязычных словарей. Начиная с Целлариуса 1746 г. почти при каждом словопроизводном словаре печатался «Реестр российских слов», с указанием тех страниц, на которых данное слово было использовано как русский эквивалент при переводе.

Главными источниками при создании отечественных переводных иноязычно-русских словарей были западно-европейские словари. Европейская лексикография к концу XVII в. располагала огромным количеством самых разнообразных словарей, но ведущими были переводные словари, преимущественно латинско-национальные или национально-латинские. Многие из них считались образцовыми и переходили из страны в страну, дополняясь переводами своих языков. При этом нередко лексикограф лишь добавлял перевод на своем языке, оставляя в неприкосновенности текст словаря-оригинала. В результате к примеру двуязычный словарь становился трехъязычным, а по мере работы с ним и многоязычным. Образцом такого многонационального труда может служить двенадцатиязычный лексикон Калепина,[31] к входной ла-

[30] *Геснер И. М.* Полной латинской Геснеров лексикон, с прибавлением к нему греческих слов и Российского реестра... М., 1796–1798. Ч. 1–3.

[31] Dictionarium undecim linguarum... Respondet autem latinis vocabulis hebraica, graeca, gallica, italica, germanica, belgica, hispanica, hispanica, polonica, ungarica, anglica. Basel, 1605.

тинской части которого были добавлены переводы еще на одиннадцати языках. Над этим словарем много работал К. Кондратович. В результате использования зарубежных словарей были сделаны, в числе прочих, Вейсманнов Лексикон, Лексикон Волчкова. Позже, к концу века, наши лексикографы привлекали также и иноязычные толковые словари. Так, источником для Лексикона Татищева 1786 г. и Словаря Соца послужил Словарь Французской академии, для немецко-российского лексикона — Грамматикально-критический словарь Аделунга.[32] При этом степень полноты и представленности лексики, структура словаря были заданы словарем-оригиналом и, как правило, не подвергались изменениям. Что же касается русской части, то использование конкретных русских соответствий, мера точности в передаче значения иноязычного слова и технико-лексикографические приемы перевода и оформления зависели от того, какое назначение имел данный словарь, так и от тех задач, которые ставил перед собою составитель русской части иноязычного лексикона. Внешне это выражалось в том, к каким именно способам передачи значения (или значений) иноязычного слова средствами родного языка прибегали русские переводчики. Так, в лексиконах со словниками, содержащими основную (обычно и самую частотную), стабильную часть словарного состава какого-либо языка, давался как правило единичный русский словесный эквивалент. Такой способ перевода был принят европейскими лексикографами для словарей не только малых, но и со значительным объемом словника. Особенностью многих отечественных иноязычно-русских лексиконов XVIII в., прежде всего академических, поскольку именно они отошли от прежней традиции, стал перевод иноязычного слова через целый ряд эквивалентов и всевозможных соответствий. Таковы Вейсманнов Лексикон, Лексикон Волчкова, а также Лексикон Татищева, Словарь Аделунга. Причем при переизданиях первых двух словарей редакторская правка как правило увеличивала ряд соответствий введением еще новых, дополнительных. Русская часть этих словарей отличалась, кроме того, разнообразием и свободой в самом отборе лексических средств. Там могли соседствовать редкие диалектизмы, просторечные слова, церковно-славянизмы. Причина лексической и стилистической пестроты перевода коренилась как в недостаточной отчетливости нормативных границ языка XVIII в., так и в специфике самого словарного текста, так как поиски русских соответствий захватывали все пласты языка. При отсутствии необходимого эквивалента привлекались иноязычные заимствования или заимствования или транслитерированные слова. Первым словарем, отразившим новизну языка петровской поры, был Голландско-русский лексикон Брюса 1717 г. В качестве эквивалентов к голландским словам в нем нередко давались голландизмы и германизмы, принадлежащие по времени своего появления в русском языке и степени освоения к отчетливым неологизмам (таковы — *авантаж, ариергарде, банкерот,*

[32] *Adelung J.K.* Versuch eines vollständingen grammatischkritischen Wörterbuches der hochdeutschen Mundart.. Leipzig. 1774-1786. Th. 1-5.

буер, бастион, гавань, кабинет, магнит, сала, триумф, фантана и пр.).

В итоге словарных работ иноязычно-русские лексиконы оказались хранилищами массы тематически и стилистически различных лексических единиц русского языка. Правда, эта сокровищница русского языка существовала как бы в скрытом виде, так как для того чтобы она стала обозримой и доступной, ее нужно было бы извлечь из переводной части словарей.

Что касается русско-иноязычной лексикографии, то она развивалась медленнее и была беднее количественно, поскольку потребность в русско-иноязычных словарях была не столь настоятельна. Изданный в начале века «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова с целью помочь «немощи детстей славено-российских отроков», отражая языковое состояние рубежа XVII и XVIII веков, был ориентирован преимущественно на книжную и церковно-славянскую лексику (содержит 17.328 слов.[33]

В середине века появился в свет «Лексикон российской и французской» И. Ф. Литхена. Он содержал, как было указано в предисловии «К читателю», более 200 тыс. слов и предназначался учителю и учащемуся. Он был составлен по материалам переводных словарей, «всякое слово в Российском, Немецком и Латинском лексиконах приискивано и точно разсматривано». Словарь был расположен по алфавиту с элементами гнездования (напр. под словом *адмирал* были даны *контр-адмирал, виц-адмирал, адмиральский, адмиралтейство, адмиралтейский*), что внешне выглядит как нарушение алфавита, поскольку все слова идут столбцом без шрифтовых или каких-либо иных выделений. В том же столбце идут и фразы (напр. *визит, они с визитом у нас будут, я вас моим визитом обеспокоил*). Словарь был несомненно полезен, так как в нем была собрана и переведена самая употребительная, живая лексика русского языка. Лишь словари последней трети века отличаются большими словниками. В Словаре Нордстета (1780 г.) около 40 тыс. слов, в Словаре Гейма (1799 г.) около 45 тыс. слов, следовательно, по количеству описываемого лексического материала они близки «Словарю Академии Российской». Русско-иноязычные словари были традиционно лаконичнее по способам семантического описания, нежели иноязычно-русские. Как правило русское слово переводится одним-двумя иноязычными эквивалентами. Новшеством, введенным в Словаре Нордстета, является грамматическая и стилистическая характеристики. В Словаре Гейма грамматическая часть соответствует грамматическим разработкам Словаря Академии Российской.

Особое место среди русско-иноязычных словарей занимает Лексикон В. Н. Татищева,[34] составленный в 30–40-е гг. XVIII в. По мысли

[33] Подсчет Т. Д. Якубович. «Лексикон треязычный» Ф. П. Поликарпова (источник и состав словаря). Дисс. к.ф.н. Л., 1958. С. 47.

[34] *Татищев В. Н.* Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которых выбраны токмо такие слова, которые в простом народе употребляемы... // Уч. Зап. Ленингр. гос. ун-та. 1957. № 197. Сер. Филол. науки. Вып. 23. С. 25–83.

автора, он должен был стать типовым, образцовым словником при создании русско-инонациональных словарей («иноязычных слов обретающихся в России народов»). Он содержит около 5 тыс. слов. Предваряется инструкцией о том, как надо собирать лексические материалы путем опрашивания информантов, поскольку имелось ввиду составление словарей бесписьменных языков. Словарь был составлен в виде словника с некоторыми указателями значения слова (*берестень* — туез; *березовик* — гриб; *борщ* — трава; *карась* — рыба), смыслоразличительными сопроводителями (*баба* — птица; *баба* — старуха; *бабка* — мать отца; *бабка* — повитуха; *бабка* — летучая; *колено* ноги, *колено* племя), стилистическими пометами (*колесо* — сл.: коло, *благ* — русское добр) и иными краткими ремарками (*караул* — тат.: стража).

Известно, что Татищев много занимался словарными трудами, по его программе К. Кондратович «сочинял дикционеры» языков народов Поволжья и Сибири (татарские, чувашские, черемисские, вотяцкие, остяцкие и др.). Составляемые словари языков народов России в большинстве своем оставались рукописными. Вряд ли и этот словник Татищева был использован для задуманной цели, поскольку он не был опубликован и остался неизвестен широкому кругу лиц. Но сама мысль собирать лексические материалы и создавать русско-инонациональные словари по типовому образцу с достаточно большим словником, безусловно, заслуживает внимания. Позже по определенной программе П. С. Палласа, но уже для другого типа словаря — сравнительного словаря всех языков и наречий, собирались словники языков народов России.

Словари непонятных слов

Возникшая с начала XVIII в. потребность в технической, научной, политической, философской литературе удовлетворялась главным образом через переводную книгу. Переводчики, сталкиваясь с трудностями перевода слов, связанных с чуждыми или новыми понятиями, для которых не было готовых средств выражения в русском языке, прибегали к различным способам их передачи. Чаще всего использовалось иноязычное слово из текста оригинала, калька или употребление русского слова в непривычном, новом значении. Поэтому зачастую в переводной книге помещался словарик с объяснением тех слов, которые могут затруднить читателю понимание содержания книги.

Пример такого словаря — «Толкование некиих речений трудных, в книге сей обретающихся», присоединенное Гавриилом Бужинским к переводу латинского исторического сочинения.[35] В этом небольшом словарике поясняются названия некоторых народов — *бесты*, *келты*;

[35] *Пуфендорф С.* Введение в гисторию европейскую чрез самуила пуфендорфия, на немецком языце сложенное, таже чрез иоанна фридерика крамера, на латински преложенное. Ныне же... на российский с латинского преведенное. СПб., 1718.

общественно-политические термины — *аристократия, демократия, монархия, вазаллус, февда, февдатарий, суффрагия, регале*. Некоторые слова, оставленные Бужинским в тексте непереведенными (они были даны в латинской графике), напр. intensive, extensive, potentialiter, также истолкованы в этом словарике (напр. Extensive, то есть егда мучение на множаишыя лета протязается). Следовательно, в нем соединены и словарь-толковник и переводной словарь (латинско-русский). Подобные словарики обычно имели терминологический характер, что было связано с содержанием переводимых книг. Таков, например, словарь «Термины, употребляемые в фортификации» при книге Вобана,[36] в котором объяснено около 130 слов.

К середине века роль притекстовых словарей уменьшается, кроме того, словари начинают приобретать новую направленность. Они составляются не столько для пояснения читателю непонятных слов, сколько для демонстрации авторского отношения к иноязычным словам. Дело в том, что с середины века набирают силу пуристические воззрения на язык. Пуризм становится ведущим в отношении к иноязычным заимствованиям вплоть до конца века. В XVIII в., особенно во второй его половине, приобретает силу осознание идеи национальной самобытности. С этим связано и отношение к родному языку как к языку богатому, имеющему многовековую историю и свои собственные корни.

Показателен в этом отношении небольшой словарик М. И. Попова,[37] переводчика, собирателя русского фольклора, предпосланный сделанному им переводу поэмы Клода Дора «На феатральное возглашение». Попов, говоря о трудноразрешимой задаче передать «искусственные наименования» средствами родного языка, то есть, переделывая их, как он говорит, «на свой салтык», считает, что в результате «ето был бы урод», однако и оставить их непереведенными, было бы «еще гаже». В своей переводческой практике он предпочел первый способ, введя в текст вновь переведенные им речения, и поместив их в виде французско-русского словарика (Acteur. Действователь; Actrice. Действовательница; Allegorie. Иносказание; Declamation. Возглашение; Esquisse. Первоначертание; Parterre. Помост; Souffleur. Поправлятель, напоминатель и пр.).

Единственным словарем начала века, не связанным с конкретным текстом, был рукописный «Лексикон вокабулам новым»,[38] содержащий

---

[36] Прямой способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана... СПб., 1724.

[37] *Попов М. И.* Досуги или Собрание сочинений и переводов... СПб., 1772. Ч. I. С. 212.

[38] Лексикон вокабулам новым по алфавиту. Рукопись. БАН 32.6.14. Публикации. *Смирнов Н. А.* Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. // Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88, IV 2, Приложение I. С. 363–382, *Обнорский С. П., Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка. М., 1948. Ч. II. Вып. 2. С. 47–65.

503 слова. Поскольку лексическими неологизмами петровской поры были прежде всего заимствования из западно-европейских языков, то естественно, что именно они и составляют содержание Лексикона. Словник отражал новации в сфере военного искусства, мореплавания, дипломатии, администрации. По-видимому, Лексикон был составлен по поручению Петра I и представлен ему в рукописи, так как при словах на буквы А, Б, В, Г сделаны собственноручные поправки Петра. Дальнейшие буквы были разработаны с разной степенью готовности. Некоторые слова остались без пояснений (таких слов насчитывается 85, то есть около 15 % от общего числа). Словарь составлен по алфавиту, частично полному, но преимущественно по алфавиту первых двух или трех букв. Нередкие нарушения алфавита внутри одной буквы заставляют предположить, что Лексикон был сложен из разных кусков, а кроме того, пополнялся вставками отдельных слов (напр. в словнике на букву Б, расположенном по алфавиту первых трех букв, после слова *буер* даны слова *балахáй, бáнта, барьéр*; в букве К обнаруживаются три алфавитных списка, идущих следом друг за другом: *кавалерия — куртизан, капитан — кухмистр, капрал — кухмейстер*). В словник было включено много глоссированных слов из книги Шхонбека «История об орденах кавалерских» и из книги «О войнах Цезариевых»,[39] не встречающихся в других книгах петровского времени. На этом основании возможно предположить, что в составлении Лексикона мог участвовать переводчик этих книг Б. Волков, а также определить время составления Словаря — не ранее 1711 г. (появление последнего перевода) и не позже 1725 г. (правка Петра I). Так как Лексикон не был завершен и не был напечатан, то он, к сожалению, не мог получить дальнейшего распространения.

Лишь в середине 60-х гг. появляется словарь, ставящий своей задачей собрать ту лексику, которая по каким-либо причинам трудна для понимания и нуждается в толковании. Это пользовавшийся успехом у современников и высоко оцененный историками языка «Словарь разноязычный» Н. Курганова,[40] включавший устарелые, ставшие малопонятными слова, церковнославянские и заимствованные иноязычные слова. Как утверждал автор, в его Словаре много таких «иноземских» слов, которые «употребляют в разговорах». Словарь имел задачей научить правильно понимать и употреблять заимствованные слова таких не знающих иностранных языков людей, которые, «не смысля их силы и значения, говорят ни мало не к стате». В то же время автор предостерегал от излишнего пристрастия к иноязычности. Вслед за Сумароковым, свободно цитируя его, Курганов рекомендует не вводить в

---

[39] Историа о ординах или чинах воинских паче же кавалерских.. Автора Адриана Шхонбека... М., 1710; Краткое описание о воинах, из книг Цезариевых... М., 1711.

[40] Словарь разноязычный, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземских употребляемых в русском языке и некоторых славянских слов. — Приложение к кн.: Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие. СПб., 1769.

русский язык «чужого ничего, но собственной своей добротой украшатися». Этот словарь, как и вся книга Курганова, был обращен к демократическому читателю и, вероятно, сыграл некоторую роль в исправлении ошибочных словоупотреблений и в освоении иноязычных слов, особенно, если учесть популярность книги (в XVIII в. она издавалась 5 раз).

На грани XVIII и XIX вв. создавался большой словарь иноязычных слов — «Новый словотолкователь» Н. Яновского.[41] Он представляет собою самое большое собрание иноязычных слов, употребляемых в русском языке к концу XVIII в. В нем более 10 тыс. словарных статей. Источниками словаря стали притекстовые и самостоятельные словари, книги разной тематики, газеты, журналы, словом, был привлечен самый широкий круг источников. Этот словарь представлял собой новый шаг и по своему лексикографическому уровню. В нем достаточно полная информация о слове — приводятся варианты форм слова, варианты произношения, написания, даются нормативные рекомендации. Слова сопровождаются этимологическими справками. Указывается сфера функционирования слова. В этом словаре были разработаны приемы толкований иноязычных слов, включающие кроме подбора русских соответствий также и сведения энциклопедического характера. Поэтому по способу подачи и обработки материала «Новый словотолкователь» стал первым словарем иностранных слов филолого-энциклопедического типа.

Особым словарем, объясняющим непонятные слова, стал «Церковный словарь» П. Алексеева.[42] Предыдущие словари и словарики этого направления свой предмет описания извлекали прежде всего из лексического состава современного им языка, следовательно, преимущественно лексику новую, чаще всего, иноязычную по своему происхождению, лексику ограниченных сфер употребления (терминология, специальные слова). Лишь в Словаре Курганова толковались некоторые славянские слова и старые заимствования.

В Предисловии к ЦСА обращено внимание на то, что книги Святого Писания не всем понятны. Поэтому «необходимость требовала сочинить особый всем незнакомым или в незнакомой силе взятым речениям с кратким оных изъяснением церковный Словарь». Автор Словаря «собирал отовсюду невразумительные и из употребления разглагольствованного вышедшие наречия, приискивая по возможности из разных книг оным толкования». Задача пояснить «темные» слова и тем самым сделать Библию понятной и читаемой книгой связывалась автором с надеждой на обогащение и развитие «природного» языка. Здесь

---

[41] *Яновский Н. М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... СПб., 1803–1806. Ч. 1–3.

[42] *Алексеев П. А.* Церковный словарь, или истолкование Славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в Священном писании, и содержащихся в других церковных и духовных книгах. М., 1773.

прослеживается мысль Ломоносова «о пользе книг церковных», с одной стороны, и пуристические воззрения самого Алексеева, с другой. «Любезное наше отечество, — пишет он в Предисловии к Словарю, — в скором времени увидит на своем коренном языке достойных витиев, стихотворцев и истории писателей, кои оставя иноязычные для нас незнакомые выговоры, собственно красоту Российского слога искажающие и при частой перемене к осязательному упадку его наклоняющие, Российским чистым словом прославят громкие дела нынешнего знаменитого века».

В состав словника были включены библейские гебраизмы, грецизмы, латинизмы, обычно с указанием на язык — источник, напр. *агиос*, греч., *адар*, евр., *аер*, речение греческое, *аилам*, евр., *аллилуиа*, еврейской глагол повелительного образа, *ват* имя меры еврейския и т.п. Но больше слов не заимствованных, однако требующих своего истолкования в силу разных причин. Это слова, неизвестные русскому языку XVIII в., напр., *безо́чство*, нахальство, безотступное прошение; *бирчий*, истязатель; *бохма*, вовсе, всеконечно, всячески, весьма; *влаятися*, волнами обуреваться или колебаться; *возатай*, кучер, которой лошадьми правит, *волитель*; которой имеет охоту или склонность к чему; *встанлив*, прилежен к делу, усерден и т.п.; слова, имеющие в церковнославянском языке другое значение, напр. *безмолвствовать*, жить уединенно, спокойно, *варити*, предшествовать, наперед итти, перестигать; *вина*, в церковных книгах не значит преступление закона, но причину какому ни есть произведению и т.п.

Но первоначальный замысел собрать лишь непонятные слова претерпел значительные изменения — он дополнился задачей истолковать само понятие. Поэтому в ЦСА значителен пласт слов культовой, церковной сферы и вообще — шире, всего того, что требует дополнительных катехизаторских разъяснений, напр. *благовещение*, самое то Архангела Гавриила возвещение пречистой деве Марии о зачатии во чреве ея Христа Господа от духу Святаго *богоначалие*, в книгах церковных разумеется С. Троица, ибо есть начало именуемых богов, т.е. Ангел и Святых *вечерня*, служба церковная... и т. п. При этом дается не только истолкование слова, но рассуждается о самом понятии, приводятся нравственные оценки. По мнению М. И. Сухомлинова, Церковный словарь сближается как с азбуковниками предшествующей поры, так и со словарями энциклопедического характера.

Особенность ЦСА еще и в том, что он составлен по материалам, извлеченным из текстов, и как правило словарная статья сопровождается ссылкой на источник, часто с приведением соответствующей цитаты. Так что это — один из первых словарей XVIII в., пользующийся документированной цитацией. Кроме того, в начале ЦСА дан список сокращенных обозначений, приводимых в нем текстов, а также иных сокращений, принятых для грамматических, стилистических, этимологических помет.

Словарь получил положительную оценку современников, ему даже были посвящены похвальные стихи. В одном из стихотворений (оно бы-

ло помещено во 2-м изд. ЦСА) есть такие строки: «Но все российских стран ученые светила Гласят, что слов его толк справедлив и сила». И. И. Срезневский отмечал, что Словарь «до сих пор не потерял своего достоинства не как памятник литературно-исторический, а как пособие, полезное для справок».[43]

Церковный словарь был одним из источников при формировании словника и разработке церковно-славянской лексики для «Словаря Академии Российской».

Специальные словари

Специальные слова — термины и номенклатуры широко входили в состав и переводных словарей, и словарей иностранных слов XVIII века. Они были также объектом описания с самой ранней поры лексикографии. Вычленение специальных слов как особой части лексики, требующей своего подхода, также намечается до XVIII в. (напр. травники, медицинские словарики). Известна большая рукописная «Книга земледелательная» (Новгород, 1705.), представляющая собою энциклопедический свод экономических сведений.

Потребность в словарях и справочниках, в которых отражались бы новые знания, практика развивающихся отраслей хозяйства, коммерческая деятельность, сведения по культуре и т.п., в XVIII в. все более возрастала. И эта нужда удовлетворялась быстрее всего за счет введения в отечественный обиход переводов зарубежных словарей.

Один из первых значительных словарей появился в 40-е годы. Это «Экстракт Савариева лексикона о коммерции» (перевод с французского),[44] огромный том в 937 страниц, содержащий свод самых разных сведений, которые могли бы понадобиться в торговых делах. Этот труд был предпринят по требованию Государственной Коммерцколлегии переводчиком С. Волчковым. О его содержании дает представление название приложенного к словарю алфавитного реестра: «Краткое собрание находящихся в сей книге нужнейщих вещей, .. содержащее описание городов, царств, княжеств, провинций, мест, урочищ, берегов и островов, и в них фабрики, мануфактуры, и заводы, также славные коммерциею и богатые компании, содержание знатных банков, а наконец описание всяким товарам, мерам, весам, и качеству денег разных государств».

В 60-е гг. были переведены многие части Французской Энциклопедии.[45] В этой работе участвовали А. Ржевский, Н. Трубецкой, А. Мусин-Пушкин, М. Херасков, Ф. Козловский и др.

Переводятся словари живописного дела, по мифологии, медицине, поваренному делу.

---

[43] По кн.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1874. Т. I. С. 336.

[44] *Савари де Брюлон.* Экстракт Савариева лексикона о коммерции... СПб., 1747.

[45] Переводы из Энциклопедии. М., 1767. Ч. 1-3.

Одновременно шла работа по созданию компилятивных словарей, в которых использованные иностранные источники, соединяясь и перерабатываясь, дополнялись сведениями, относящимися к русской действительности. Примером такого труда может служить «Поваренный словарь» В. Левшина или пособие по садоводству Н. Осипова.[46]

Собственно лексикографических проблем в таких словарях было немного, поскольку они представляли собою связные тексты, перевод которых практически требовал тех же навыков и правил, как и перевод какого-либо учебного пособия или популярного трактата аналогичного содержания.

С 70-х гг. намечается новое обращение к форме прикнижных словарей. Развитие новых отраслей знаний, появление оригинальных и переводных учебных книг и пособий, переход к русскому языку в преподавании специальных дисциплин обусловили приток новых, преимущественно иноязычных, терминов и потребность в упорядочении и систематизации уже усвоенной терминологии. Вновь даются словари терминов в книгах по фортификации, военному делу, мореплаванию.[47] Такие словари уже не были извлечениями непонятных терминов из текста, а хотя и ориентированным на текст, но самостоятельным терминологическим словарем. Поэтому их можно считать прикнижными, но не притекстовыми словарями. Кроме того, они включают терминологию как иноязычную, так и русскую. Напр. у Войтяховского в его словаре наряду с иноязычной по происхождению терминологией помещены: волчьи ямы, вылазка, голова моста, город, за́мок, зубцы (Зубцы суть четвероугольные каменные столбы, сделанные на стенах древних городов, между коими находятся малые отверзстия, для стрельбы из оных), крылья у строения, крылья армейские и др. В основной массе специальных словарей объяснялась терминология какой-либо одной (иногда достаточно узкой) области знаний. В числе исключений следует упомянуть многотомное незавершенное издание «Магазина натуральной истории, физики и химии..»,[48] включившего в свой состав специальную лексику и номенклатуры естественных наук того времени.

Первым оригинальным русским энциклопедическим справочником, вышедшим в свет в 1793 г., был «Лексикон российской исторической,

---

[46] *Левшин В. А.* Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистиллаторский... М., 1795–1797. Ч. 1–6; *Осипов Н. П.* Подробной словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства. СПб., 1791–1792. Ч. 1–2.

[47] Инженерный толковый словарь // *Курганов Н.* Книга о науке военной. СПб., 1777; Словарь терминов, в фортификации употребляемых // *Аничков Д.* Начальные основания фортификации. М., 1787; Собрание морских слов // *Озанн Н. Л.* Военный мореплаватель; Сокрашенный словарь терминов до науки военного укрепления касающихся // *Войтяховский Е. Д.* Полная наука военного укрепления.. М., 1796; Изъяснение технических слов в сей книге употребленных Ю. А. Шишкова // *Ромм Ш.* Морское искусство.. СПб., 1793–1795. Ч. 1–2.

[48] Магазин натуральной истории, физики и химии.. М., 1788–1790. Ч. 1–10.

географической, политической и гражданской» В. Н. Татишева.[49] Рукопись лексикона была представлена автором в Академию Наук еще в 1745 г., однако не была в свое время напечатана, возможно, в связи с тем, что не была доведена до конца (последнее слово в третьей части — Ключник) из-за смерти В. Н. Татищева в 1750 г. Отбор слов соответствовал намерениям автора сосредоточить свое внимание на описании реалий, связанных прежде всего с Российским государством. Так, среди включенных в Лексикон имен народов преобладают такие, которые обитали или обитают на территории России, значительное место занимает среди географических имен топонимия России, причем выбор описываемого географического объекта не зависел от его места в общей системе. Лексикон отражал новизну петровского времени. Это заметно и в выборе реестровых слов, и в описании понятий, и в исторических ремарках. Подробные статьи даны на имена собственные: Санкт-Петербург, Адмиралтейский остров в Санкт-Петербурге, Васильевский остров, Александро-Невский монастырь, Арани-баум («увеселительный дом, бывшаго князя Меншикова») и т.п. Включены названия введенных при Петре I учреждений (адмиралитетс коллегия, адмиралтейство, Академия наук), чинов и званий (адмирал, адъютант, актуариус), даны указания на соотношения исторические и современные автору (***Ближней боярин***, ныне тайный советник; ***Верховая боярыня***, штатс-дама; ***Возница Государев***, ныне Лейб-кучар).

Лексикон отличается продуманной филологической информацией. В нем показана вариантность слов (***Автор***. Смотри Аутор; ***Баионет***. Смотри Багинет; ***Геллебарда***. Смотри Алебарда; ***Госпиталь*** и Спиталь). К иноязычным словам даны указания на источник заимствования (***Баталиа***, Фран.; ***Бухгалтер***, Немец.). Было обращено внимание на лексическую вариантность — возможные эквиваленты одного и того же понятия (***Бастион***, фран. ***Болверк***, Немец. ***Раскат***, Рус. есть во укреплении городовом строении из земли или камня зделанное...). После этимологической ремарки приводится русское соответствие (***Брандер***, Немец. Зажигальщик...). Указывался функционально-стилистический статус слова (***Визите***.. есть слово междо Государи и Министры употребляемое..). В итоге словарная статья заимствованного слова имела обычно четко выраженный порядок изложения сведений: заголовочное слово, этимологическое указание, русское соответствие, определение значения (или понятия) с дальнейшим описанием в свободной форме (***Жатонь***, Французское бросок, монета золотая или серебреная, делаются для памяти некоторых знатных дел с емблематом и надписью особливо при коронованиях, погребениях и браках бросаются в народ, от чего имя оное носят, во Французской же Академии наук делаются для подарков за некоторыя показанныя услуги или хитрости в работах и проч. II, 213).

---

[49] *Татищев В. Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 1–3.

По структуре словарной статьи и по лексикографическим приемам Лексикон Татищева во многом предвосхитил «Новый словотолкователь» Яновского.

XVIII век определяется как начальный период нового времени в истории русской лексикографии. И это действительно так, поскольку именно в это время при том, что традиции предшествующей лексикографии не обрываются и ее достижения не отбрасываются, происходит процесс радикальных перемен в плане размежевания и специализации лексикографических направлений. В каждом из этих направлений идет работа по уточнению своего объекта и способов его описания.

Развитие и вычленение разных типов словарей не шло параллельно и равномерно. Наибольшее продвижение получила переводная лексикография и, соответственно, в ней заметны прежде всего происходящие изменения. Расширяется информация о слове. В русско-иноязычной лексикографии вырабатывается тип словаря с грамматической характеристикой реестровых слов. Все большее внимание уделяется акцентологии, и недостатком словаря считается отсутствие в нем ударений. В словопроизводных словарях практически осуществляется собирание под одно корневое слово всей совокупности его производных, и тем самым в обозримом виде предстают словопроизводные возможности языка. Так создается соединение и взаимодействие словаря и грамматики, способствующее тому, что лексикографы могут обращаться к работам грамматистов, а грамматисты — использовать словарные материалы лексикографов. Именно в переводных словарях второй половины века были сделаны попытки стилистической характеристики слова применительно к системе трех стилей Ломоносова. В Словаре К. Кондратовича («Польский общий словарь и библейный». СПб., 1775) было первое, пробное вычленение стилистического пласта русской лексики, связанного с высоким стилем, в Словаре Нордстета выделено основное ядро русского просторечия. Стилистический аспект привлекал внимание составителей переводных словарей и после выхода в свет «Словаря Академии Российской», где впервые была разработана детальная шкала стилистических помет. В Словаре Гейма, составленном по академическому Словарю, объявленное автором намерение отнестись критически к стилистическим рекомендациям академического Словаря в основном свелось к тому, что многие слова, стилистически маркированные в академическом Словаре, Гейм признает нейтральными и дает их без помет. При описании иноязычных заимствований, особенно в словарях специальных и в словарях непонятных слов, становится обыкновением включать этимологические справки о языке — источнике заимствования.

Все больше внимания обращается на оформление словаря как книги особого жанра. Словари предваряются предисловиями, обращениями к читателю, с изложением задач словаря, его назначением, правилами пользования или более общими рассуждениями о пользе изучения языков, знании наук. Вводятся списки условных сокращений.

Можно сказать, что многие словари последних десятилетий века уже приобрели ту форму, тот вид, который дает право назвать их словарями современного уровня.

Широкое привлечение разнообразных зарубежных лексиконов, особенно фундаментальных, авторитетных, для создания переводных словарей не только способствовало быстрому созданию отечественной переводной лексикографии, но и вхождению ее в типологию общеевропейского лексикографического фонда.

Вся эта словарная деятельность, важная и значительная сама по себе, служила, кроме того, необходимой базой, обязательным фоном для появления первого толкового словаря русского языка — «Словаря Академии Российской».

«Лексикон треязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова-Орлова

Петровская эпоха как последний период славяно-русского двуязычия явилась важным этапом в противоречивом процессе формирования сознательного отношения к языковым вопросам в русском обществе. «Лексикон треязычный, сирѣч речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположеное» Федора Поликарповича Поликарпова-Орлова, изданный 1 Декабря 1704 г. в Москве, относится к кругу тех явлений, которые свидетельствуют о еще достаточно прочных позициях книжно-славянского языка в эту пору в условиях интенсивного развития новых стилей и новых норм на русской языковой основе.

Ориентация Лексикона на книжно-славянскую письменную речь во многом была обусловлена также и самой личностью составителя, характером его образования и письменных навыков. Значительную роль в формировании Ф. Поликарпова сыграла московская Славяно-греко-латинская академия[50] как высшее духовное училище, созданная в 1687 г. по образцу Киево-Могилянской академии. На культурную ориентацию Академии указывает и сам состав преподавателей, среди которых преобладали западнорусские по своему происхождению и образованию ученые: С. Яворский, Ф. Лопатинский, Г. Бужинский, Ф. Прокопович, И. Туробойский, С. Прибылович, И. Кульчицкий и т.д. Представителями конфессиональной сферы были и ученые монахи братья Лихуды, самым преданным учеником которых и был Ф. Поликарпов[51].

Лихуды вели борьбу с латиномудрствующими, обличали иезуитов. Как идеологи православия Лихуды были «восточниками», стремились

---

[50] Роль Киево-Могилянськоі академії в културному еднанні слов'янських народів. Київ, 1988.

[51] В 1694–1698 гг. Ф. Поликарпов преподавал в Академии грамматику, риторику и политику.

к распространению эллино-греческих традиций в культуре и письменности. Однако усиление западноевропейского культурного влияния в России, престижность латинского и новых европейских языков вынуждали и их менять свои убеждения. Автор же «Лексикона треязычного» уже настаивал на необходимости латинского языка для гражданских и «школьных дел», а в предисловии к «Грамматике» М. Смотрицкого, которую он издал и дополнил, имеется высказывание и о пользе переводов на русский язык.

По поручению Петра I Ф. Поликарпов занимался переводами на «гражданское посредственное наречие», но до конца своих дней сохранил преданность высокой книжной культуре конца XVII века. Даже петровские «Ведомости» в тот период, когда Ф. Поликарпов был их редактором, пестрят книжными словами и выражениями.[52] Отстаивая на практике в своих авторских текстах и текстах переводных «архаические» стилистические догмы, Ф. Поликарпов нередко вызывал недовольство Петра I, который ценил в нем прежде всего образованного и усердного типографа.

«Лексикон треязычный» явился первым в России словарем в современном понимании. На это указывает и его значительный объем (19712 словарных статей)[53] и принятая в западно-европейских словарях того времени система представления материала. Задуманный как переводный учебный словарь, «Лексикон треязычный» на всем протяжении XVIII века оставался незаменимым справочным пособием, что свидетельствует и о его более разнообразных культурных функциях. Например, для своего времени Лексикон был наиболее полным собранием книжно-славянской лексики (известной по многим памятникам письменности), а также и лексики общеупотребительной.

Идеология Лексикона, его обоснование содержатся в предисловии к «Любезному читателю» (написанном на трех языках, которым был посвящен словарь), в «увещательном извещении» «Читателю благоразумному» и «Пристяжении», в котором были изложены отдельные правила пользования Лексиконом.

В предисловии сообщается о том, что «три языки повѣствует писанïе Божественное»: еврейский, греческий и латинский, что в русском

[52] *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X–середина XVIII вв.). М., 1975. С. 285.

[53] Все статистические сведения о Лексиконе Ф. Поликарпова см.: *Якубович Т. Д.* «Лексикон треязычный» 1704 г. Ф. Поликарпова. Источники и состав словаря: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958; *Якубович Т. Д.* Об источниках «Лексикона треязычного» 1704 г. Ф. П. Поликарпова. Л., 1958; *Якубович Т. Д.* «Лексикон треязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова — важное звено в истории русской лексикографии. Л., 1958; *Якубович Т. Д.* «Лексикон треязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова — важное пособие для изучения классических языков в XVIII в. Л., 1958; *Николаев Г. А.* Имена существительные с суффиксом -ствие в словарях XVIII века // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. Ломоносовские чтения. Вып. 2–3. Изд-во Казанского ун-та, 1969. С. 81–87.

издании еврейский язык был заменен на славянский, поскольку от него произошли другие славянские языки, а сам он происходит от слова «слава»: «чрез имене производство от славы, славенскїй и род и язык преславное свое начало восприяша».

В «Увещательном извещении», предназначенном для русского читателя, говорится, что «се нынѣ видим невидѣное, новое, ненужное и неполезное, что пользуют нам языцы иностранiїи», обосновывается необходимость «премудрого» греческого языка для православного русского человека: «Православная наша вѣра произрасте от восточнаго греческого благочестия». Ф. Поликарпов и те, кого он упросил «дѣла сего к смотрителству», а именно, Стефан Яворский, Рафаил Краснопольский, Ионикий и Софроний Лихуды, усматривали самую тесную связь между православием и греческой образованностью.

Для внецерковной сферы представлялось уместным распространение знания латинского языка: «Язык латинскїй того ради, яко нынѣ по кругу земному сей дїалект паче иных во гражданских и школьных дѣлѣх обносится «Латинскїй язык» пожелал имѣти ко своей потребѣ, тако художник, яко и военных дѣл искусный ратоборец». Таким образом «треязычность» Лексикона имеет глубокую идеологическую мотивацию.

Вопрос об источниках «Лексикона треязычного» 1704 г. требует специальных дополнительных исследований.[54] Сам Ф. Поликарпов в Увещательном извещении приводит следующие сведения: «Из разных книг присобравше славенское свойство в подобающї чин положихом, егоже прежде не бѣ гдѣ видѣти толико пространно». Т. Д. Якубович утверждает, что книги, названия которых раскрываются в заголовках словарных статей Лексикона 1704 г., являются его источниками: Букварь (л. 35), Лечебник (л. 161), Травник (л. 337), Зелейник, или травник книга (л. 122), Псаломник (л. 387), Осмогласник, книга церковная (л. 205), Пролог, книга имущая жития святых, тако обыче зватися (л. 267), Служебник книга (л. 306), Часослов книга (л. 364), Молитвенник, книга, молитвословец, или требник у славян (л. 172), Требник, книга молитв iерейских (л. 338), Мѣсяцеслов (л. 177), Псалтир (л. 387), Библiа (л. 14).[55]

Не более убедительными представляются и следующие случаи: «Гаггрена недуг .. о сем зри в лексиконѣ болезней» (л. 69); «Волкочеловѣчій недуг .. о свойствѣ сего зри в лексиконѣ недугов» (л. 57).

[54] В работе Т. Д. Якубович не раскрывается вопрос об источниках Лексикона 1704 г (Лексикон Треязычный 1704 г. Ф. Поликарпова. Источники и состав словаря Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1958). В работе содержатся в этом отношении только те положительные сведения, которые были заимствованы из статьи академика М. Н. Сперанского «Один из источников Треязычного лексикона Федора Поликарпова — рукописный белорусско-латинско-польский словарь XVII в.» // *Сперанский М. Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М , 1960. С. 198–210.

[55] *Якубович Т. Д.* «Лексикон треязычный» ... *Дис.* ...канд. филол. наук... С. 15.

«Зри» в этом примере — отсылка к специальной литературе, а не указание на источник Словаря.

Со всей определенностью можно указать лишь на очевидную связь «Лексикона» 1704 г. с предшествующей западнорусской лексикографической традицией:[56] «Лексис» Л. Зизания-Тустановского, «Лексикон словенороський» П. Берынды, «Лексикон словено-латинский» Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского, «Лексикон греко-славено-латинский» Е. Славинецкого и т.д. Сопоставление памятников западнорусской лексикографии с текстом «Лексикона» 1704 г. в ряде случаев позволяет выявить сходные и совпадающие фрагменты, например: «Аз, двое значит, в Азбуцѣ Славенской Первому Писмени мя: а в языку Славенском мѣстоимени, Я («Лексикон» П. Берынды); «Аз, двое знаменует. в азбуцѣ убо славенской первому писмени имя аз: .. в языцѣ же славенском мѣстоимение первого лица, аз .. » (Лексикон 1704 г.). Примечателен в этом отношении «Полный греко-славяно-латинский лексикон» Епифания Славинецкого «(известно также, что в 1701 г. Епифаний Славинецкий подарил Ф. Поликарпову свой рукописный филологический словарь),[57] однако лишь единичные случаи совпадения текста и явное несходство словников (в «Лексиконе» Е. Славинецкого преобладают и церковные термины) выводят этот труд за пределы круга возможных непосредственных и основных источников «Лексикона» 1704 г.

«Лексикон треязычный» 1704 г. не был первой лексикографической работой Ф. Поликарпова. В 1701 г. он издал «Букварь», содержащий русско-греко-латинский словарик. Заголовочные слова были расположены в нем по тематическому принципу. Каждая тематическая глава имела свое название.

В «Лексиконе» 1704 г. Ф. Поликарпов применил алфавитное расположение слов (по первым трем буквам слова), вероятно, следуя в этом отношении одному из своих непосредственных источников, а именно, Словарю из собрания Е. В. Барсова, хранящегося в Рукописном отделе Московского Исторического музея под № 2313. Академик М. Н. Сперанский сопоставил словник этого Словаря со словником «Лексикона треязычного» 1704 г. и установил, что, уступая по количеству слов «Лексикону» Ф. Поликарпова, Словарь из собрания Е. В. Барсова содержит в себе сходную с ним лексику.

Среди слов, опущенных Ф. Поликарповым, преобладали слова украинской и белорусской речи, восходящие к польскому источнику: гак, гарт, бондарь, бзовый, бридость, броварь.[58] Полонизм «аниш» Ф. Поликарпов заменил на анис, что свидетельствует о внимательном отно-

[56] *Німчук В. В.* Староукраїнська лексикографія в її зв'язках з російською та білоруською. Київ, 1980.

[57] *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 94.

[58] *Сперанский М. Н.* Один из источников Треязычного лексикона Федора Поликарпова — рукописный белорусско-латинско-польский словарь XVII в. // *Сперанский М.Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 205.

шении к иноязычной окраске.[59] И тем не менее в Словарь попало много западнорусских слов: блакитный, гай, гебель и т.п. Возможно, что эти слова были знакомы Ф. Поликарпову из московской речи XVII в. Сходство этих словарей обнаруживается и в тождественности многих определений слов, например: Бас глас нижайший в пѣнии. Такие примеры можно умножить.

Ф. Поликарпов отмечал, что «Лексикон» был им составлен для того, чтобы помочь «немощи дѣтстѣй славенороссийских отроков», надеялся, что «наипаче юнош учащихся вразумление умножится». Таким образом, и состав словника, и приемы лексикографического описания материала, вероятно, были обусловлены этой задачей. В этой связи представляется значимым отказ от тематического расположения заголовочных слов в Словаре, т.е. от уже сложившегося к концу XVII — началу XVIII века (как в Западной Европе, так и в России) типа практического словаря для обучения иностранным языкам.[60]

Рассмотрение словарных статей «Лексикона» 1704 г. позволяет отметить ориентацию не на живое употребление, а на мертвые (греческий и латинский) языки. Славянские заголовочные слова и словосочетания являются в Лексиконе переводами следующих за ними греческих и латинских слов и словосочетаний. Это позволяет предположить (но не утверждать), что существовал некий греко-латино-славянский (или греко-славянский, латино-славянский) лексикон, который был переработан Ф. Поликарповым, а именно славянские слова были вынесены в заголовочную позицию и расположены на алфавитном месте слов. Возможность такой переработки объясняет то, что на одно слово в Лексиконе во многих случаях приходится большое число словарных статей, например: 1. Стою, ἵσταμαι. 2. Стою в словѣ, ἐμμένω τῷ λόγῳ... 3. Стою на ногах, ἵσταμαι ... 4. Стою, пребываю недвижим, или нерушим, ἵνστημι ἀκίνητος ... 5. Стою над чем, надстою, ἐύσταμαιι... 6. Стою в чинѣ, или в строю, κατατάττομαι... 7. Стою близ кого, περίσταμαι... 8. Стою окрест, обстою, περιίσταμαι... 9. Стою издалеча, отстою, ἄπειμι... 10. Стою противу, ἀνθίσταμαι... 11. Стою от твоея страны, ὑπάρχω σοί σ νίσταμαι σοί... 12. Стою в пристанищи, ναυλοχέον , λιμενίζω, , ἐλλιμενίζω... 13. Стою в гостиницѣ, просто на наслѣсѣ, ἐπισταθμεύω, καταλύω... 14. Стою на якорѣ, ἀνακωχεύω ... 15. Стою напреди кого, или представительствую προίσταμαι...

Вероятно, что для учебных целей эффективность такого лексикографического приема представлялась Ф. Поликарпову весьма невысокой. Несомненно, что ту же учебную цель преследовало вынесение в заголовочную статью сочетаний «солнцу заходящу», «продолжену до полунощи славу», «продолжену пиршеству» (оборот «дательный самостоятельный»), а незначительное число таких примеров объяснимо характером греческого материала, а именно немногочисленностью таких конструкций в составе греческих заголовков.

---

[59] Там же. С. 208–209.

[60] *Березина О. Е.* Два тематических лексикона начала XVIII в. Сравнительная характеристика // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 7.

Сам Ф. Поликарпов не воспринимал оборот «дательный самостоятельный» как архаический, поскольку он известен даже по письмам Ф. Поликарпова.

Разным древнегреческим единицам соответствует глагол глажу с указанием различий в управлении: 1. Глажу что, λειόω ... 2. Глажу кого, καταψάω , ἐξυμαλίζω ... Сходная причина обусловила появление трех словарных статей при глаголе заѣждяю, ср.: 1. Заѣждяю далече παρεξελαύω ... 2. Заѣеждяю против кого ἀπατάω τινί ... 3. Заѣждяю напередь кого προκαταλαμβάνω ...

К этому же кругу явлений следует отнести словарные статьи с глагольными формами двойственного числа, давно вышедшими из русского употребления, но известные древнегреческому языку.

Такие примеры можно умножить, они являются типичными для «Лексикона» Ф. Поликарпова и показывают, что главной целью Словаря было дать материал для углубленного изучения древних языков.

Каждая гласная, с которой начиналось книжно-славянское слово, по аналогии с греческим письмом, имела знак густого придыхания или тонкого придыхания. Глаголы в соответствии с существующей в то время традицией приводились в заголовочной позиции в форме 1 лица единственного числа, и только в словосочетаниях они были даны в инфинитиве, но в очень немногочисленных случаях: Предлагаю и Предлагати кому вечерю; Пишу и Писати своею рукою. В качестве самостоятельных вокабул включались в словник причастные формы.

Заголовочные существительные обычно выступали в форме именительного падежа единственного числа без указания на грамматический род, а прилагательные — в полной форме.

Объем грамматических сведений в «Лексиконе» весьма скуден — лишь 111 словарных статей из 19 712-ти содержат грамматическую характеристику. Систематическому грамматическому описанию подверглись лишь местоимения, необходимые для постижения семантики эквивалентных греческих форм, ср.: 1. Тебе, родителнаго падежа, всякаго рода, втораго лица, единственного числа: мѣстоименїе σοῦ... 2. Тебѣ, дателнаго, σοί... Тебе или тя мѣстоименїе, винителнаго падежа, числа единственнаго: σέ... Подробно описываются случаи омографии: «Юже, мѣстоименїе возносительное, рода женскаго, числа единственнаго, падежа винителнаго, глаголется вмѣсто которую ...; Юже извателный, единственный падеж, от имене юг...».

Грамматическая терминология Ф. Поликарпова имела ряд специфических особенностей, например: частицы (не и ни), предлоги (кромѣ и для) и междометия (увы!) обозначались термином наречие, а приставки (в соответствии с традицией) — предлогом.

Грамматическая характеристика в «Лексиконе» 1704 г. требует дополнительного исследования, поскольку в большом числе случаев имеются очевидные примеры, свидетельствующие о том, что грамматическому описанию Ф. Поликарпов подвергал греческие, а не славянские формы, например: Иже, которые, множественнаго мужественнаго, οἵ ... (Ср.: Греч. οἵ является формой множествен. числа мужск. рода от

ὅς 'который'). Яже, рода средняго, чила множественнаго, знаменует же которая, или которыя, ἅπερ, ἅτινα, τα ὁποία, quae. Таким образом, для форм множественного числа местоимений Ф. Поликарпов создавал отдельные словарные статьи.

В 4000 из 19712 словарных статей представлены определения лексического значения слов. Определения неоднотипны и бессистемны. Отдельные существительные определяются с помощью указания на родовое понятие («Шалвеа трава...»; «Днепр рѣка...»), но имеются и более развернутые определения («Чистец, огнь чистителный, ... западное о сем зломыслие, но святая мати наша восточная церковь греческая, сие проклинает»). Впрочем, в последнем примере к определению относится лишь словосочетание «огнь чистителный», ему соответствуют καθαρτήριον πῦρ.

Определения не могли быть задачей переводного словаря, они не раскрывают значение славянского слова, а уточняют содержание греческой единицы и ее латинского эквивалента. В ряде случаев встречается авторский комментарий богословского характера.

«Лексикон» Ф. Поликарпова — важный источник для изучения диахронного словообразования, в нем представлено множество групп однокоренных слов (дериваты и композиты), а также приводятся и некоторые словосочетания с этими словами, например: до́ма, домик, домовитый, домовный, домовый, домашний, домовник, домостраж, дом, домостроитель, домостроительство, домостроителствую, домовство, доморазоритель и т.д.; плач, плач велий, плачевный, плачевное, или кручинное одѣяние, плачевная брань, или война, плачевница, плачливый, плачу, плачуся; корень, корение, корение собираю, корение секу, корение раждаю, коренесѣчение, коренесѣчец, коренистый, кореноватый, коренный, кореню, коренюся, корень отпущаю, коренно из корене, корешек и т.д.; агнец, агнчик, агнчiй, агница, агня, агнепастырь, агнчая шуба, агнцерѣзец, агнценосец и т.д.

Очевидно, что назначение «Лексикона» 1704 г. не ограничивается целью быть пособием для изучения древнегреческого и латинского языков. Для своего времени «Лексикон» явился наиболее значительным собранием книжно-славянской лексики. Именно установка на книжнославянский тип языка во многом определила приемы описания славянского материала в Словаре. Например: «Аз, простѣ глаголемо, я», но «Болото... зри блато..» В последнем примере «зри» указывает на то, что основной формой описания в Словаре является «блато», а не болото, т.е. славянизм, а не русизм. С другой стороны, установление таких корреляций в свою очередь свидетельствует и о процессе кодификации русского языка.

Вот отдельные примеры:

1. «Клада, или кладь, просто колода ножная»; «Чертожница, простѣ сваха». Слова «просто», «простѣ», «простѣ глаголемо» позволяют противопоставить книжно-славянскую форму русской.

2. «Блядь, зри блудница»; «Бедность, зри убожество»; «Говорю, зри глаголю»; «Мочь, мочный, зри мощь». «Зри» является отсылкой

к книжно-славянскому слову. Этот прием является обычным для широкого круга слов с полногласием, например: берег, болото, борода, волоку, головня, город, молоко, молоток, пороховой, сторож и т.д.

3. В отдельных случаях книжно-славянские и русские слова Ф. Поликарпов помещал рядом, ср.: Болїй или вящшїй; «Дщерица, дочка»; «Печка, пещь»; Часто встречается этот прием при описании неполногласных форм, ср.: «Бразда или борозда»; «Бразды или борозды делаю»; «Млатба, молодба»; «Млачу, молочу»; «Слано, солоно»; «Страна, сторона».

4. Иногда значение книжно-славянских слов раскрывается с помощью русской лексики, например: «Абие, скоро, в тот же час»; «Бо союз винословный, значит, понеже, потому что, для того что».

В «Лексиконе» 1704 г. имеется много слов с начальным е (един, езеро, езерный, елень, елений, есень, есенный и т.д.), формы с переходом к в ц перед ѣ в предложном падеже единственного числа существительных 1 и 2 склонения (в азбуцѣ, в языцѣ, во всем человецѣ), встречаются формы двойственного числа и старые церковнославянские глагольные формы (бунтовати поощряю; вѣм, зри вѣдаю; невѣм).

Особенно широко были представлены в «Лексиконе» книжно-славянские композиты. В Словаре детально описаны слова, обозначающие понятия религии и церковной жизни, широко представлена древнееврейская и греческая лексика (синопсис, синод, силлогисм и т.п.). Но наряду с этими лексическими разрядами была широко представлена и общеупотребительная лексика, а именно: названия продуктов питания, кушаний, напитков (мука, мясо, соль, горох, капуста, свекла, сахар, хлеб, сыр, сметана, пирог, солонина, борщ, сырник, снѣдь, сухарь, постила, кисель, сок древа, наливка, подливка, пиво, виски, квас и т.д.), названия одежды, обуви, тканей, украшений, предметов роскоши (овчина, горностайная шуба, шапка, шляпа, сапоги, руковицы, перстчатки, кафтан, чулки, кушак, карман, платочик, подвязка, полотно, сукно), названия предметов домашнего обихода, домашней утвари (мыло, лопата хлебная, вилка, нож, лучина, лохань, корыто, ковш, ведро, стол, фонарь, игла, торелка, нить, очки, бритва, колыбель, постеля, перина, зубочистка и т.д.), термины, обозначающие лиц той или иной профессии (швец, ловец, жнец, конюх, стрѣлец, пастух и т.п.). Многие из этих слов Ф. Поликарпов привел как синонимические параллели словам книжно-славянским, а это уже является этапом в истории лексики русского литературного языка.

Ф. Поликарпов был тонким и наблюдательным филологом. Об этом свидетельствует, например, следующий его комментарий: Бо, союз винословный, значит понеже, потому что, для того что, а напреди речений, у славян не полагается, понеже не глаголем, бо Бог наш, но глаголем Бог бо наш, и прочая: малороссы обаче и напреди речений полагают.

Словарь Ф. Поликарпова стал важным событием истории восточнославянской лексикографии.[61]

[61] Знаменательно, что и в наши дни интерес к «Лексикону» Ф. Поликарпова среди

Вейсманнов Лексикон — иноязычно-русский словарь нового типа

В истории отечественного словарного дела «Немецко-латинский и русский лексикон»[62] занимает особое место. Это был первый филологический труд недавно образованного высшего научного учреждения России — Санкт-Петербургской Академии наук. Он стал также первым достаточно полным словарем представленной в нем и переведенной лексики не классического, латинского или греческого, а живого немецкого языка. Созданный в период процесса устранения славяно-русского «двуязычия», Словарь отразил сложную картину соединения и размежевания лексических средств книжного и «простого» русского языка — в своей выходной, «переводящей» части. В результате ВЛ стал хранилищем богатого лексико-фразеологического собрания, к которому постоянно обращаются исследователи русского языка XVIII в.

I. История создания Словаря

Сведения о замысле и самом начале работы над ВЛ скудны и противоречивы. В предисловии к Словарю сказано, что данный словарь был предпочтен потому, что «онаго уже совсем переведена нашли». Но этому утверждению противоречит то обстоятельство, что понадобилось использовать труд нескольких переводчиков, чтобы завершить работу. Следовательно, Словарь был переведен не «совсем», а лишь частично, причем размер подготовленной части неизвестен. Неизвестно также, когда и кем было начато это словарное предприятие. Возможно, что какая-то часть словаря с русским переводом была передана в Академию. Первое свидетельство о работе над словарем уже в стенах АН датируется 11 января 1729 г. Это распоряжение академическим переводчикам о словаре: «Господа переводчики! Понеже по Е. И. В. указу и по письму господина лейб-медикуса и академии наук президента Лаврентья Лаврентьевича Блюментроста, велено начатый здесь Лексикон оканчивать в немедленном времени: того ради, извольте оный лексикон каждому в своей квартире сочинять и в собрании вас всех читать, как скоро возможно».[63] А 25 января у переводчика Коровина «оная часть

славистов весьма высок. В этой связи, например, можно указать на предисловие Г. Кайперта к новейшему переизданию «Лексикона». (*Polikarpov F.* Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium trilingue. Moskva, 1704. Nachdruck und Einleitung von H.Keipert. [Specimina Philologiae Slavicae, Bd. 79. München, 1988].

[62] Далее сокращенно ВЛ.

[63] Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1685. Т. 1. С. 439. (Далее сокращенно: МАН).

Лексикона, которую было ему на российский язык с латинского переводить надлежало» была взята и отослана другому переводчику, Сатарову. Неясно, приступал ли Коровин к переводу, и можно ли его числить одним из участников работы. Следующим подключают к переводу ВЛ Горлицкого, а затем Ильинского.[64] В рапорте о состоянии работы в Академии за 1728 и 1729 гг. отмечены лексикографические занятия каждого из них. О Сатарове и Горлицком сказано, что они занимались работой над лексиконом (lexicon-arbeit), об Ильинском, что он вместе с другими работал над «немецко-латинским с русским лексиконом», наконец, Коровин также трудился над словарем (hat auch mit zum lexico concurriert).[65] Из этого довольно глухого указания нельзя выяснить степень участия каждого из переводчиков в переводческой работе, нельзя даже с полным основанием утверждать, сделали ли порученную им работу по ВЛ Коровин и Горлицкий, поскольку им было приказано передать свои части другим. При этом Коровину было вскоре поручено переводить на русский язык «Посажоров дикционарий»[66] Фриша, а Горлицкий занимается грамматикой и дополняющим ее лексиконом.[67]

Таким образом, в роли первых академических лексикографов оказались академические переводчики — Горлицкий, Ильинский, Сатаров, возможно, Коровин. Каков был профессиональный уровень этих лиц?

Иван Семенович Горлицкий получил образование в Славяно-греко-латинской академии в Москве, учился затем в Амстердаме и Париже. В Академию наук был принят сначала учителем академической гимназии, а затем стал штатным переводчиком, занимался переводами математических, географических, исторических книг. В числе его работ — уже упомянутая русская грамматика, написанная на французском языке с присоединенным к ней французско-русским словарем, более ранняя, нежели Грамматика Адодурова, приложенная к ВЛ.

Иван Иванович Ильинский, образованнейший человек своего времени, служил секретарем у Молдавского господаря кн. Дм.Кантемира, был воспитателем его сына Антиоха. По-видимому, он был молдаванин по национальности, но хорошо владел русским языком, знал латынь, греческий, западно-европейские языки. Современники отмечали, что особенностью переводов Ильинского была подчиненность его слога латинскому строю речи. Он переводил не только с иностранного на русский, но и с русского на другие языки, особенно на латынь.

Максим Петрович Сатаров получил медицинское образование и был принят переводчиком в Академию, «понеже... в латынском и русском языке искусен и образец в достаточестве к переводу показал». Сатаров

[64] МАН. Т. 1. С. 449.

[65] МАН. Т. 1. С. 603.

[66] По-видимому, какое-то из изданий словаря: *J.L.Frisch.* Nouveau dictionnaire des passagers françois — allemand et allemand-françois... (более позднее издание 1733 г. было куплено Ломоносовым в Марбурге).

[67] Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена с малым Лексиконом ради удобности сообщества. СПб., 1730.

начал с переводов анатомических сочинений с латыни, участвовал в переводе «Комментариев Академии наук».

Степан Михайлович Коровин, гравер по профессии, обучался «грыдоровальному делу» в Париже, был принят в Академию на службу «грыдоровальщиком», а также «у переводу книг онаго художества», он же был прикомандирован к астроному Делилю «для толкования речей с французского языка на российский, и с российского на французский».

По-видимому, в издательском процессе принимал участие и В. Е. Адодуров, студент Академического университета и переводчик.[68] В процессе держание корректур он мог вносить исправления в русскую часть словаря, поскольку к этому времени хорошо овладел немецким языком и мог заметить неточности и ошибки. Дело в том, что участники ВЛ, отлично зная латынь, не знали или знали недостаточно немецкий язык. Поэтому они при переводе использовали преимущественно латинскую часть, то есть производился перевод немецкого слова на русский через посредство латыни. На это обстоятельство было указано в Предисловии к ВЛ: «Оныя (погрешности) и в сем Лексиконе трудившимся, которые за неимением совершенного знания в Немецком языке толко Латинскому следовали, простить можно».

Работа велась, как явствует из распоряжений академической канцелярии, частями. Словарь был поделен между переводчиками, и каждый из них переводил порученный ему кусок текста «в своей квартире». Предполагалось, что переведенные части будут коллегиально обсуждаться «в собрании» самими исполнителями. Вероятнее всего, что такие обсуждения или вообще не велись, или осуществлялись эпизодически в связи с требованием начальства быстрее оканчивать словарь. Историограф Академии и свидетель работы Миллер с раздражением критиковал плохую организацию этого предприятия, особенно спешку, из-за чего переводчики не имели возможности координировать свой труд, а сдавали подготовленные переведенные части Словаря по мере их готовности, которые сразу же печатались. Миллер обвиняет в этом Шумахера, единоличного руководителя работы, лозунгом которого было «Für den Anfang ist alles gut» — для начала все хорошо. Миллер называет исполнителями Ильинского, Горлицкого и Сатарова.

Лексикон стал набираться в начале 1729 г., вышел в свет в 1731 г. Тираж издания в 2500 экз. для того времени был достаточно большим (обычный тираж в петровское время — 1200 экз.). Тем не менее через несколько лет ВЛ отсутствовал в книжных лавках, и в 1782 г. был переиздан, «знатно приумноженный», в 1799 г. — перепечатка 2-го издания. ВЛ вызывал интерес у современников. Так, В. Н. Татищев, узнав о работе над словарем, просил прислать ему экземпляр, обещая его «высмотреть» и дать оценку. «За объявленный от вас лексикон», —

[68] Мнение, высказанное В. Н. Макеевой о том, что Адодуров руководил работой переводчиков по подготовке ВЛ не подтверждается сохранившимися документами. - Макеева В. Н. Адъюнкт Академии Наук В. Е. Адодуров // Вестник АН СССР. 1971, № 1.

пишет Татищев Шумахеру, — услужно благодарствую, а когда получу и высмотрю, тогда трудов академии, и при том вашего, к достойной рекомендации, по возможности, где надлежит, не оставлю» (МАН. Т. II. С. 62). Обер-секретарь Сената И. К. Кириллов, сотрудничавший с Академией в ее географических и картографических трудах, а также в распространении ее изданий, в частности газеты и календарей, еще в 1729 г., просил Шумахера прислать ему в Москву ВЛ для продажи, указывая, что «книг довольно здесь покупать желают», в том числе и «лексикон новый» (МАН. Т. I. С. 482.).

Адресат ВЛ был достаточно широким. По-видимому, прежде всего, имелись в виду русскоязычные читатели — лица, изучающие немецкий язык и русские переводчики, для которых ВЛ мог стать подспорьем в их переводческой деятельности. Вероятно, учитывалась и немецкоязычная часть российских обитателей. Приложенная к ВЛ русская грамматика на немецком языке[69] как будто свидетельствует о том, что издатели ориентировались на иностранцев, желающих изучать русский язык. Но, как представляется, такое соединение словаря и грамматики в данном случае было органичным, поскольку ВЛ и грамматика не всегда совпадали в своих рекомендациях, а кроме того, к грамматике был приложен свой собственный учебный словарик. По-видимому, не все экземпляры ВЛ имели в своем составе грамматику.[70] Возможно, что на присоединение к ВЛ грамматики повлияла западная традиция. Многие двуязычные словари включали в качестве пособия для изучающих иностранный язык основы его грамматики.

2. Немецко-латинский словарь как источник Вейсманнова Лексикона

В отечественной лексикографии начала XVIII в., равно как и предшествующего времени, не было фундаментальных иноязычно-русских словарей живых западноевропейских языков, в том числе и германоязычных. Поэтому для создания немецко-русского словаря был использован один из немецко-латинских словарей немецкого лексикографа Э. Вейсманна.

Обращение к предшествующим словарям, в том числе и непосредственное использование их реестровой, входной части, было обычным в лексикографической практике как отечественных, так и западных авторов. Качество будущего словаря при этом в значительной степени определялось степенью обоснованности выбора словаря-источника, потому что именно он предопределял такие составляющие входной части как словник, грамматика и стилистика, семантическая полнота, отражение

[69] Anfangs-Gründe der Russischen Sprache; автор Адодуров.

[70] Так, Татищев сообщает Шумахеру, что получил посланный Шумахером лексикон, а грамматики не получил. МАН. Т. II. С. 179.

сочетаемости, фразеологии и пр. Но и от лексикографа-переводчика зависело многое. Точность в отборе эквивалентов переводящего языка, адекватность объема значений, сам отбор лексических соответствий — все это важно для оценки «выходной» части словаря. Общая же ценность словаря представляет собою сумму достоинств того и другого.

Взятый за основу «Lexicon bipartium Latino-Germanicum et Germanico-Latinum»[71] Эриха Вейсманна вышел в свет в 1674 г., затем было еще 11 изданий этого лексикона, ближайшее издание ко времени работы над ним в Академии относится к 1725 г. По мнению самих немцев, WL не давал представления об «образцовом» немецком языке, так как в нем было много «провинциализмов» и устарелых слов. Поэтому Миллер считал неудачным выбор именно этого Словаря. Однако WL имел то достоинство, что он отличался обилием представленного в нем лексического состава немецкого языка, а это давало возможность выдать читателям большой полноценный словарь. Вопрос же о нормативности немецкой лексики, очевидно, не был так важен при сложившейся языковой ситуации в Германии того времени, когда каждая «земля» имела значительные языковые отличия. Для справочных же целей и архаизмы и провинциализмы лишь умножали ценность словаря. По подсчетам Бакмейстера в ВЛ около 13–14 тыс. слов.

WL имел алфавитное расположение слов. Под одну вокабулу могли помещаться также сложные слова (напр. под Strasse даны: Landstraß, Holzstraß, Strassenraub, Strassenrauber). Грамматические характеристики отсутствуют, лишь в редких случаях при совпадении словарных форм глагола и существительного при одной из вокабул давался артикль (напр. Melcken, 'доить'; Melcken, das 'доение'). Отсутствие грамматических сведений, конечно, снижало информативную ценность WL, но это было недостатком столько данного словаря, сколько сложившейся практикой переводных словарей, поскольку лишь немногие из них обращались к грамматике слова. Полисемия была оформлена путем повторения вокабул, иногда с дополнительными смыслоразличительными ремарками (напр. Frucht — в знач. плод; Frucht oder Nutz — в знач. польза, Frucht, vom Acker — в знач. хлеб, Frucht des Leiben — в знач. плод чрева). Такой способ демонстрации полисемии был традиционен для отечественной и зарубежной словарной практики. Лишь немногие западные словари использовали условные знаки для выделения смысловых единиц.[72] Под вокабулу подводились фразы и сочетания, показывающие типичные связи или свидетельствующие о смысловых сдвигах в употреблении слова. Напр. под Abbrechen, лат. перевод — carpere,

[71] В дальнейшем сокращенно: WL.

[72] Так, использовался знак § для показа изменения значения в самом слове или фразе (ср. Thesaurus trium linguarum: latinae, gallicae, graecae... Operï et studio Johannis Gaudine, ï Societate Jesu. Tutelae. 1680), а также для отделения сочетаний, примеров и сложных слов (Das herrlich Grosse Teutsch-Italiänische Dictionarium... vom Matthia Kramer. 1700–1702). По-видимому, лишь с XVIII в. в двуязычных словарях используется цифровое обозничение значений (ср.: Teutsch Englisches Lexicon.. Leipzig. bey Thomas Frischen. 1716).

рус. разоряти, отломати, разрушити, дано: in Hauß biß auf den Boden abbrechen, eine Frucht abbrechen, an der zahl abbrechen. от der Speiß abbrechen, den Arm abbrechen, den Faden abbrechen и пр. Значительное место в WL занимала идиоматика и, прежде всего, пословицы и поговорки. Пожалуй, именно они составляют самую большую часть всех приведенных в WL фраз, и это можно считать особенностью данного словаря.[73]

В целом же WL был составлен на уровне уже сложившихся к середине XVII в. лексикографических традиций, а то обстоятельство, что он перерабатывался и издавался 11 раз, свидетельствует о его популярности. Все это дает возможность утверждать, что, несмотря на известную случайность в том, что был переведен именно этот словарь, сам WL вполне отвечал требованиям лексикографии своего времени.

3. Русскоязычная часть Словаря

В WL, как и в большинстве словарей того времени слово выступало как носитель обобщенного смысла или основного, исходного значения. Такую же семантическую нагрузку несло и слово переводящего языка. Поэтому, как правило, в словарной статье немецкое слово имело один, реже два латинских эквивалента. Вейсманнов Лексикон академических переводчиков резко отличается в этом отношении от своего словаря-источника. Правда, в нем также использованы единичные слова-эквиваленты (напр. Abdecker .. живодер,[74] Abend .. вечер, Meel.. мука, Stossen .. толкати). Подавляющее большинство единичных эквивалентов передают значение специальных слов — наименования растений, животных, минералов, терминологии медицинской, анатомической и т.п. (Aal .. угорь, Marder .. куница, Stein-Eub .. сова; Aalruppe .. вьюн, Ampffer .. щавель, Meelbaum .. ясень; Alaun .. квасцы, Ader .. жила, Miltz .. селезенка, Tener .. тенор). Но единичиые эквиваленты не являлись ведущим приемом перевода. Они составляют всего лишь около 15 % от общего числа статей.

Наиболее употребительным был перевод через набор эквивалентов-синонимов (напр. Mönch,. монах, старец, инок, чернец, постриженник; Bach .. исток, проток, ручей, ток; Mandelhaftig .. скудныи, оскудевшии, неимущии, недостаточныи; Hag .. забор, ограда, перегородка; Abarbeiten sich .. утомлятися, истомлятися, утруждатися; Loch .. дира, скважна, нора, конура, щель, язвина; Lügner .. лгун, ложныи, лживыи, неправедныи, клеветающии, лжу глаголющий человек, лживец). Имеют место и описательное определение или истолкование значения слова в тех случаях, когда слову немецкого языка не было (или не найдено

[73] Немецкая фразеология и пословицы есть также и в вышеупомянутом лексиконе Т. Фриша.

[74] Знак отточия (..) означает пропуск латинского перевода, сохранена орфография словаря.

переводчиком), соответствующего эквивалента (Abbeeren .. обрывати овощи; Majorenn .. в совершенный возраст пришедшии, совершеннаго возраста; Campieren .. в поле с войском стояти; Aufbrechen .. в путь готовитися, в дорогу збиратися). Такой способ передачи значения немецкого слова использован в словаре очень редко в своем чистом виде, но был довольно употребителен в роли дополняющего или объясняющего компонента русской переводной части ВЛ.

Так, передача значения немецкого слова заимствованным словом обычно сопровождалась раскрытием его содержания через толкование (Canzley .. канцелярия, государственных дел и писем хранилище; Miniatur .. миниатура, мелкая, дробная живопись; Mitridat .. лекарство от отравы; Parlament .. Парламент, вышнее собрание знатнеиших государственных членов; Colick .. Колика болезнь: рѢз, закрут в животе). Ср. также при введении в перевод калькированного слова (Calendermacher .. календарописец, сочинитель календаря: которыи положения звезд собрал, и годовыя зимы и лета пременности в известное привел правило) или буквального перевода (Aschenmitwoch .. день пепела, среда первыя недели великаго поста).

Возможен и обратный порядок, когда заимствованный эквивалент заключает объяснение значения (Carmeliter-Mönch .. монах Кармелитскаго уставу, чина, закона; Кармелита; Cartaun .. пушка болшая, ломовая: картаун; Copist .. молодыи подъячии (копист); Männin .. храбрая военная жена, героиня).

Не всегда дополнительное подключение описательных форм толкования содержания немецкого слова вызывалось какой-то ущербностью самого используемого эквивалента (эквивалентов) или синонимического ряда. В русской части ВЛ была проведена идея собирания всех возможных способов адекватного выражения содержания немецкого слова средствами родного языка. Поэтому многие словарные строки содержат не только эквивалент, но и разнообразные описательные способы раскрытия значения переводимого слова (напр. Lügen .. ложь, неправду говорити, лгати, солгати, от истины отступити, удалитися; Lichtscheu .. бегающий света; обхождения с людми: в заперти, или запершися живущий: которыи ни с кем неводится).

Многовариантность перевода отличала и приведенные под вокабулой контексты, демонстрировавшие семантические сдвиги или особенности употребления (Es wird Abend .. вечереет, квечеру клонится, вечер настает; ärger machen .. испортити, повредити, в хуждшее привести; Attent machen .. привлещи к слушанию, внимателных слушателеи учинити; Creutz vor sich machen .. крестное знамение на себе, на лице ображати, крестом знаменоватися, креститися; Er wills also haben .. он сам так захотел, он так хочет, ему так хочется, ему так надобно; etwas vor rühmlich halten .. за честь что принимати, вменяти, ставити; sich an eines Wort halten .. держатися на чием слове, надеятися на чие слово, обещание; aus den Händen wahrsagen .. порукам глядя, по руке узнавати, угадывати, на руку ворожить; liederlich seyn .. нерадиву, леностну.

пренебрегателну быти, небрещи нерадити, распустно жити, лишь бы толко день прошол).

Отмеченная вариантность переводов свидетельствовала о разнообразии ресурсов переводящего языка. Авторы словаря по своему образованию, культуре еще тяготели в своей основной переводческой деятельности к книжнославянскому языку. Так, Ильинский, Горлицкий, Сатаров, почти одновременно с работой над ВЛ участвовали в переводе Латинских диссертаций академиков.[75] Язык этого первого на русском языке ученого труда академии еще не подвергался всестороннему исследованию. При характеристике языка научных переводов первой четверти века было отмечено, что перевод Комментариев «сделан еще в полной мере в традициях славяно-российского слога».[76] В подтверждение этого положения можно привести списки лексических славянизмов: егда, яже, отнеле же, обаче, яко, довлесотворити, рещи, престает, премена, сила двизателница, тысяща, вертение, истязание и пр., использованных в книге. Но грамматика Комментариев (парадигмы словоизменения) преимущественно русская. В синтаксисе отчетливо проявляется воздействие латинского оригинала. В то же время широко включаются иноязычные слова, преимущественно для передачи терминов и научных понятий — феномены неба и земли, эксперимент, корпус, компендиум, диссертация, феория, практика и пр. В пределах общего книжного типа переводов Комментариев наблюдаются некоторые индивидуальные отклонения. Так, переводы Сатарова в целом ближе к русскому типу (небольшое число церковнославянизмов, минимальное употребление старых форм словоизменения), в переводах Ильинского книжность отчетливее (в частности — в употреблении глагольных временных форм типа: известихомся).

Ориентация на книжно-славянский тип перевода ВЛ нашла отражение во введениии славянизмов (die Kertze .. светилник, *свеща*; Ochs .. бык, вол, *буил*), причем типичным приемом было соположение церковнославянской и русской вариантной пары (link .. левый, шуии; Lippen .. уста, губы; Nacke .. шея, выя; Hahn .. петел, петух; Nacht .. ночь, нощь; Pforte .. ворота, врата; Omeiß .. мравий, муравей). Славянизмы использовались и в связных контекстах — в переводах сочетаний и употреблений (Attent machen .. *привлещи* к слушанию; Lichter machen .. свѣщи (салныя) делати), но обычно вместе с русским вариантом (die Arbeit stehen lassen .. покинути работу, *престати* от трудов; Artzlohn .. платеж, *воздаяние* за труд лекарский; aut und ab .. вверх и вниз, *горе и долу*; Aufenhalt geben .. *прибежище* кому учинити, принять кого к себе; in Clocter gehen .. в Монастырь поити, *пострижищися*; das Kleid liegt wohl an .. платье *велми* пристало: весма в пору, по телу зделано).

В грамматике текстов книжно-славянские черты последовательно проведены лишь в избрании инфинитивной формы для глаголов — ти

[75] Краткое описание Комментариев Академии Наук. СПб., 1728. Ч. I.
[76] *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии физики в России. М.;Л., 1966. С. 15.

(быти, делати и пр.), -щи (выжещи, небрещи).[77] В остальном — в формах глагольных парадигм, в склонении существительных, в синтаксисе, — наблюдается следование правилам русской грамматики.

В то же время ВЛ отразил новизну лексического состава языка той поры, прежде всего иноязычную неологию. Основная масса иноязычных эквивалентов корреспондировала с переводимой вокабулой (Clistir .. клистир; Liverey .. либерея; Lotterey .. Лотериа; Major .. Маеор; Masquerade .. Машкарад; Noten .. ноты). В той или иной степени они были освоены русским языком и в своем большинстве являлись общеевропеизмами. Они могли выступать в качестве единственного эквивалента, но чаще в составе эквивалентного ряда (Magazin .. *магазин*, анбар; Melancholisch .. *меланхолическии*, печалныи; Pallisaden .. *полисады*, колие, ограда; Patron .. *патрон*, благодетель, милостивец, заступник, защититель, предстатель).

Использование заимствованных слов, не совпадающих со словом-оригиналом, крайне редко (Licht-stock, свещник, подсвещник, *шандал*; Panier .. знамя, *штандарт, прапор*); преимущественно в названиях натуралей, некоторых терминов; в подобных случаях эквивалент соответствует латинскому наименованию (Luft-ader, arteria, *артерия*; Lungen-Kraut, pulmonaria, *Пулмонария* трава; Mannweib, hermaphroditus, *Гермафродит*, двуснастный, der grosse Welt-Meer, Oceanus, *Океан*).

Можно утверждать, что наблюдаемая развернутость переводной части ВЛ (многоэквивалентность, синонимичность описательных форм переводов) отражала реальную картину языковой ситуации первой трети XVIII в.

При характеристике состава WL указывалось, что заметное место в нем занимала фразеология, в частности пословицы и поговорки. В предшествующей отечественной лексикографической практике фразеология занимала незначительное место, так что столь большой массив идиоматики, какой был представлен в WL, предстояло перевести впервые. Логично предположить, что русские переводчики воспользовались латинской частью как образцом, демонстрирующим уже апробированные в западной лексикографии приемы передачи фразеологии. В WL использовался буквально совпадающий или аналогичный по смыслу латинский фразеологизм или же давалось описание либо истолкование смысла немецкого фразеологизма.[78]

Эти приемы использованы и в ВЛ. Буквальное совпадение встретилось лишь в редких случаях (напр. den Esel kennt man an der Ohren .. Осла по ушам знать; einem geschenckten Gaul, sollt du nicht sehen ins Maul .. дареному коню в зубы неглядят; wie das Kleid, so ist die Sinn .. по

[77] Характерно в этой связи замечание Адодурова в приложенной к ВЛ грамматике, что глаголы в инфинитиве имеют окончание -ть, но могут менять его на -и, когда этого требуют обстоятельства, напр. в стихах (с. 44).

[78] В некоторых западных словарях специально обращалось внимание на предпочтительность передачи «фигурных оборотов» и пословиц такого же рода оборотами в другом языке или имеющими тот же смысл. — Ср. Teusch-Englisches Lexicon.. bey Thomas Frischen (Предисловие).

платью и ум). Обычно привлекался неадекватный по смыслу фразеологизм или пословица (напр. gebrenntes Kind förchtest Feuer «буквально: ожегшееся дитя боится огня» .. на молоке ожегшися, и на воду дует; leichtlich Geld wissen zu verdienen «буквально: знать как заработать легкие деньги» .. знать с кою сторону денга валится; mann kennt den Vogel an dem Schmabel, an den Federn «букв.: знать птицу по клюву, по перьям» .. знать сова и по полету, и по перьям). Для многих фразеологизмов давалось истолкование, перевод его смысла (der Hann im Korb seyn «букв.: иметь петуха в корзине» .. имети власть полную, первенство; wann eine Gans trinket, trinken sie alle «букв.: когда один гусь пьет, пьют и другие» .. за что один за то и другой). Но преобладающим был прием передачи смысла немецкой фразеологической единицы через русский фразеологизм в сочетании с истолкованием или дополнительным описанием. Комбинации были различны — русский фразеологизм + толкование смысла, несколько синонимичных фразеологизмов + толкование, в обратном порядке — перевод начинался с описания + фразеологизм (напр. das Maul verbrennen «букв.: рот обжечь» .. своими словами себе досаду принести, многое вякание доводит до бякания; ich hab die Mühe, ein anderer die Brühe «букв.: я имею труды, а другой навар» .. я труждаюсь, а другии пользуется, я сею, другии собирает, мы трудимся, а другим почесть, мы сварили, а другие съели, на готовое с лошкою; an ein Nägelein hencken .. на гвоздик повесити, нерадети о чем; er hat weder zu beissen noch zu brechen «букв.: у него нет того, что укусить, разгрызть» .. не имеет на что и веревку купить, и перекусити нечего, не имеет чем и собаки из подстога выманити; einem mit Geld bestechen «букв.: подкупить золотом» .. барашка в бумажке подсунути, подарками склонити: серебряным колокольцом в ухо позвонити).

При передаче немецкой фразеологии авторы ВЛ использовали и латинские переводы, что также усложнило русскоязычную часть Словаря (напр. Den Bock zum Gärtner machen, ovem lupo committere, козла огородником учинить, овцу волку приказать. Первый перевод соответствует немецкому, а второй латинскому фразеологизму).

Неизвестно, какими источниками пользовались авторы ВЛ при переводе пословиц. Трудно предположить, что все их многообразие было в активе их живого употребления. Возможно, что они имели в своем распоряжении рукописные сборники, напр. сборник Петровской галлереи, которые имелись в Академической библиотеке.

Книжных пословиц и фразеологизмов (и афоризмов) сравнительно немного, напр. всякая власть не без опасения еще без благоволения; касаяися смоле очернится; любяи сына своего да участит ему раны; комары оцеждати, велбуди же пожирати; не всякому старцу в игумнах быть). Народно-русских значительно больше, напр. испустя лето в лес по малину; когда плохо лежит то и брюхо болит; стреленая ворона и куста боится; повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову положить; по Сеньке и шапка; ровняки живут без драки; на чьем возу едешь, того и песенку пой; всякая лисица свой хвост хвалит; новые веники хорошо метут; у лошади четыре ноги, и та потыкается и пр.

Направление, выбранное в ВЛ, нашло дальнейшее развитие в иноязычно-русской лексикографии XVIII в. В следующем академическом словаре, Лексиконе Волчкова, также заметно стремление не ограничиваться однословными эквивалентами, но дать возможный синонимический или эквивалентный ряд. Причем, в этом Лексиконе ассортимент русских соответствий расширяется за счет привлечения просторечия и областных слов, в переводную часть включаются более активно иноязычные заимствования и прямые транслитерации французского слова.

При переиздании ВЛ[79] редакторская правка значительно расширила русскую часть словаря за счет внесения дополнительных эквивалентов и толкований.[80] Тем самым еще более определился тип ВЛ как словаря переводческого, служащего прежде всего целям перевода. Он имел также и черты иноязычно-толкового словаря, если учесть, что в правой переводной части наряду с эквивалентами давались и истолкования значения немецкого слова.

Словарь Академии Российской (1789–1794 гг.)

1. Начальный период работы.

С начала XVIII в. неоднократно возникала мысль о создании словаря русского языка. На первом заседании «Российского собрания», учрежденного в 1735 г. в Петербургской Академии наук, В. К. Тредиаковский произносит речь о необходимости создания грамматики «доброй и исправной», риторики и словаря. Сравнивая труд лексикографа с усилиями мифологического Сизифа, он все же заявляет: «И лексикон не выше сил человеческих». По заданию Российского собрания печатник (позже библиотекарь) А. И. Богданов занимается собиранием слов как выписывая их из книг, так и опрашивая «мастеровых людей». Им было собрано, по свидетельству Ломоносова, более 60 тыс. «российских чистых речений». Он же и обрабатывал словарные материалы, занимался «толкованием» их, в работе над словарем принимали участие К. Кондратович и академические переводчики.

[79] Вейсманнов немецкий лексикон с латинским, преложенный на российский язык, при сем втором издании вновь пересмотренный и .. знатно приумноженный. СПб., 1782.

[80] О правке, внесенной в ВЛ в связи с происшедшими изменениями языка см.: *Алексеев А. А.* Изменения в языке и изменения в словаре (Лексикологические заметки) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 38–44. О сопоставлении некоторых грамматических и орфографических норм двух изданий ВЛ см.: *N.Brien*. Die Weißmannischen Wörterbücher — ein kurzer Vergleich der Erst — und Zweiaufgabe // Weismanns Peterburger Lexicon von 1731. München, Sanger. B. III. S. 23–37.

Рукопись словаря была передана позже в Российскую Академию как материалы для создаваемого там словаря и поделена между его участниками. О ее дальнейшей судьбе не было сведений, поэтому найденный корректурный оттиск начала словаря А–Армяк[81] позволяет определить некоторые параметры этого утраченного лексикографического труда, правда, лишь на очень ограниченном и малорепрезентативном материале слов на букву А, в основном заимствованных.

Расположение слов в данном отрывке (далее сокращенно КО — корректурный оттиск) алфавитное, по-видимому, соединенное со словопроизводным, напр. под словом *Азия* даны *азиатец, азиатка, азиатский*, под *Арест* — *арестант, арестованный, арестую*, под *Аппробация* — *аппробованный, аппробую*. Но так как остальные слова не имеют производных, то трудно сказать, на каких основаниях создавались гнезда, и был ли словопроизводный порядок размещения слов ведущим (напр. глагол *алмажу* дан на алфавитном месте после отглагольного существительного *алмажение*, а не наоборот, как того требует отношение производящего и производного слов). Известно, что первоначальное расположение в собрании Богданова было алфавитное.

Слова имели грамматические характеристики в виде традиционных сокращенных помет по-латыни — род при существительном, вид глагола и его опорные формы, указание на часть речи при наречиях, прилагательных, предлогах.

Судя по косвенным данным словарь должен быть велик по объему и иметь в своем составе самую разнообразную лексику, в том числе и впервые так полно собранную Богдановым — специальную, терминологическую, ремесленную. По-видимому, в реестр словаря были включены не только имена нарицательные, но и собственные. Во всяком случае, в КО есть имена личные (*Август*, имя мужеское) и географические *(Азия)*. Количественно в словнике КО преобладает иноязычная неология, напр. *абшит, авангардия, агент, адъюнкт, адъютант, акцент, акциз, акция, антикамера, апартамент, апелляция, аппетит, аппробация, апроши, ария, аматура* и т.п., что свидетельствует о желании отразить реальное состояние словарного состава языка середины XVIII в. Характерно, что нормативно-пуристические убеждения членов Российской Академии принудили их отвергнуть почти все иноязычные слова КО, и в «Аналогические таблицы» из списка были помещены *адмиралтейство, адъюнкт, адъютант, акадимия* (в КО *академия*), *акт*. К иноязычным заимствованиям даны этимологические справки о языке-источнике, как к старым, вошедшим и в церковнославянский язык, напр. *авва*, сирск<ое>, *акафист*, гр<еческое>, так и неологизмы, напр. *адъютант*, с<лово> Фр<анцузское>, *алков*, сл<ово>, *Гишп<анское>, алдерман*, сл. *Нем*<ецкое>.

Насколько можно судить по КО, в словарь была введена информация о характере употребления слова. Славянская лексика, правда, дана

---

[81] Публикация и краткий очерк о словаре см.: *Макеева В. Н.* Неизвестный отрывок первого академического словаря // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. VI. С. 88–97.

без помет (*абие, агнец, алкаю, алчба, амо* и т.п.), но иногда сопровождается указанием на сферу употребления, напр. *алтабас* — в старинных книгах так называются богатые парчи; *алавастр* — сосуд; употребление токмо в священном писании. Что же касается слов, относящихся к «простым разговорам», то дефиниция предваряется характеристикой стилистико-функционального статуса слова, напр. *авось и авось либо*, употребляется больше в разговорах и то же значит, что может быть; *акула*, слово подлое, то значит, что обманщик; *алырю*, слово подлое и в письме не употребляемое; *ан*, в письме не употребляется, а значит то же, что но; *аж до*, даже до, употребляется больше от малороссиян и то в простых разговорах.

К каждому слову дано (в круглых скобках) определение, напр. *азям* (платье летнее из китайки или иной подобной материи); *алмаз* (светло блистающий камень, который все прочие твердостию и драгоценностию превосходит); *авангардия* (передовое войско, передовой полк); *арматура* (всякое воинское оружие). Истолкование значений иногда сопровождается примерами употреблений в виде речений автора (я думал еще застать его, *ан* он уехал; работал *аж* до поту), кратких цитат (аз есмь бог твой. «Перв. зап.») или ссылками на источники (*авва*. см. Посл. к Римлянам гл. 8). Полисемия оформлялась путем повторения с новой строки вокабулы: *Азбука* (письмена), *Азбука* (книга, по которой учатся читать); *Акрида* (почка у всякого дерева), *Акрида* (саранча). Завершилась статья латинским, французским и немецким переводами русского слова.

Таким образом, словарные статьи имели обязательные составляющие: заглавное слово, грамматическую помету (для глаголов и опорные формы парадигмы), определение, переводы. Факультативными в зависимости от характера самого слова были стилистические или нормативные сведения о его употреблении, этимологическая справка при иноязычных заимствованиях, иллюстрация или ссылка на источник, откуда взято слово. Следовательно, можно достаточно уверенно считать на основании анализа корректурного оттиска, что это был единственный в отечественной лексикографической практике XVIII в. опыт создания большого толково-переводного словаря.

После открытия в 1755 г. Московского университета разворачивается словарная работа в Москве, преимущественно в «Вольном Российском собрании», состоящем из профессоров и преподавателей университета, литераторов и общественных деятелей. Часть их была впоследствии привлечена к участию в работах Российской Академии. На своих заседаниях члены Общества неоднократно обсуждали словарные проблемы, а вскоре А. А. Барсов возглавил работу по составлению «Словаря российского языка», с привлечением членов общества и студентов университета. Но через некоторое время словарные труды прекратились, в результате был набран лишь корректурный экземпляр литеры А.

На протяжении века разрабатываются грамматические аспекты языка. Появляется первая научная грамматика русского языка Ломоно-

сова («Российская грамматика». СПб, 1755), работает над грамматикой А. А. Барсов (опубликована лишь в 1981 г.). Ведутся исследования, связанные с историей языка, его развитием. Важной и злободневной была проблема отношения русского языка к другим языкам, в связи с этим ведутся разыскания о происхождении русских слов, о их связях с иноязычными, идет выяснение вопроса об исконных, первичных словах и об основах самого русского языка (Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков).

Усиливается вообще интерес к истории, к письменным историческим памятникам. Издаются летописи, старинные грамоты, документы. В то же время проявляется внимание к народному словесному творчеству и к народной речи. Записываются и издаются сборники народных песен, собрания пословиц. В литературных произведениях находят свое место элементы народной речи, причем не только в качестве экзотизмов, но и как полноправные составляющие русского языка. Пословицы и поговорки, например, включаются в авторский текст записок естественно-научного содержания (описания путешествий И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецховского, В. Ф. Зуева).

В это же время, особенно во второй половине века, усиливаются пуристические тенденции, связанные с идеей отталкивания от чужеязычного. Становится ведущей мысль о том, что в русский язык не следует «вводить чужого ничего, но собственной своей добротой украшаться» (Ломоносов).

В подобной ситуации все сильнее ощущается потребность в создании научного филологического центра, способного объединить разрозненные усилия. В 1783 г. по правительственному указу возникает новое научное учреждение — Российская Академия, долженствовавшая стать средоточием гуманитарных наук. Она просуществовала как самостоятельная организация до 1841 г., когда была включена в состав Академии наук под именем II-го отделения, а затем названа Отделением русского языка и словесности.

В речи Е. Р. Дашковой, назначенной президентом Российской Академии, были обозначены главные задачи — составление словаря и разработка грамматики. Е. Р. Дашкова предложила предварительный устав, по которому предполагалось иметь 60 пожизненных членов, труд которых не оплачивался, а наиболее активные награждались золотыми медалями (с девизом «Российскому слову отличную пользу принесшему») и серебряными жетонами. В состав Российской Академии вошли известные писатели того времени, деятели науки, представители духовенства, высшие государственные чиновники. Все они в большей или меньшей степени имели филологические интересы; правда, большинство государственных деятелей мало участвовало в работе Академии, а со временем и вообще отстранились от нее.

Президент Российской Академии Е. Р. Дашкова направила свои усилия прежде всего на организацию работы, она же стала и деятельным ее участником — присутствовала почти на всех заседаниях, принимала

участие в обсуждениях, собирала слова для алфавитных списков, вносила дополнения в части, над которыми работали другие лица, определяла слова, относящиеся к «нравственности, политике и управлению государством». Как руководитель двух академий (Дашкова была одновременно и президентом Академии наук) она способствовала просветительскому направлению их деятельности. По ее инициативе предпринимается научное издание трудов Ломоносова, возобновляется научно-популярный журнал «Академические Известия», основываются периодические издания «Собеседник любителей русского слова» и «Новые ежемесячные сочинения». Она была автором ряда статей по вопросам воспитания и образования, переводила сочинения западно-европейских просветителей, писала пьесы и роман.

Активным сотрудником Словаря стал непременный секретарь Российской Академии акад. И. И. Лепехин. Он участвовал в выработке плана Словаря, в подборе материалов, их объяснении, систематизации, наконец, руководил изданием. Как ученый естественник он, кроме всего прочего, определял «слова, изъявляющие естественные произведения в отечестве нашем, также орудия, в рыбных и звериных промыслах употребляемые». Лепехин — автор более четырех десятков книг, статей, заметок. Его главный труд «Дневные записки путешествия по разных провинциям Российского государства» (СПб, 1771–1805, т. I–IV) представляют собою особый вид сочинений — путевых дневников, в которых научная точность описания сочеталась с живым, образным воспроизведением окружающего мира и с занимательностью изложения. Он обладал литературным даром (писал стихи) и чувством стиля, рецензировал много книг, осуществил (вместе с акад. С. Я. Румовским и Н. Я. Озерецковским) первое научное издание Ломоносова.

Академик С. Я. Румовский получил начальное образование в семинарии, продолжил его в академическом университете. Это был ученый-энциклопедист (занимался математикой, физикой, химией, руководитель географического департамента) и популяризатор науки. Прекрасно зная греческий, латынь, немецкий и французский языки, много переводил, в том числе предназначенные широкому читателю специальные сочинения. Он просматривал и исправлял рукописные словари К. Кондратовича и А. Богданова, Румовский участвовал в организации работы над словарем и его проектом, состоял в «объяснительном отряде», определяя главным образом математические и астрономические термины, участвовал в обсуждениях, собирал материал по буквам и, как сказано в «Кратком начертании» к 2-му тому словаря, «много спомоществовал своими примечаниями» Академии.

Акад. Н. Я. Озерецковский, начав свое образование в семинарии и в академической гимназии, заканчивает его в Лейденском и Страсбургском университетах, получив степень доктора медицины. Он прилагал много усилий для популяризации науки и развития народного образования. В числе его работ, как и у Лепехина, дневниковые описания совершенных им путешествий, в которых обращено особое внимание на выявление местных названий растений, животных, предметов быта,

производственных процессов. Озерецковский занимался определениями слов, специально — медицинских.

Акад. С. К. Котельников, ученик и сподвижник Ломоносова, профессор математики. Он занимался изданием памятников старины, был автором первого курса геодезии на русском языке. Участвуя в «объяснительном отряде», определял слова, обозначающие деньги, меры, вес.

Акад. А. П. Протасов обучался в семинарии, затем в академическом университете, окончил Лейденский и Страсбургский университет, где занимался анатомией, физиологией, физикой, получил степень доктора медицины. Он много занимался переводами, обращая особое внимание на их терминологическую часть, а его «руководство по анатомии»[82] было первым опытом перевода анатомической терминологии. Как член Российской Академии Протасов взял на себя определение анатомо-физиологических и медицинских терминов, а также слов, относящихся к типографскому делу.

Акад. П. Б. Иноходцев, принятый в члены Академии в 1785 г., астроном, математик, педагог, географ и этнограф. В Словаре он использовал свои диалектологические материалы, собранные в экспедициях. За труды над Словарем дважды награждался золотой медалью.

Следовательно, многие из вышеперечисленных членов Российской Академии были людьми сходной судьбы, близкие по социальному и общественному положению, по своим интересам и социальной позиции. Они прошли одну школу, оказались под воздействием идей и личности Ломоносова, а в своей научной деятельности постоянно соприкасались с проблемами русского языка, занимаясь переводческими, терминотворческими, редакторскими и просветительскими делами.

Активным сотрудником Академии в начальный период, когда создавался и обсуждался проект Словаря, был знаток русской истории И. Н. Болтин. Он был вторым, после И. И. Лепехина участником словаря, награжденным большой золотой медалью.

В работе над Словарем принимали участие и москвичи. Проф. Московского университета А. А. Барсов, один из инициаторов создания «Вольного российского собрания», получил образование в стенах Академического университета, занимаясь философией, словесными науками и посещая «стихотворские лекции» Ломоносова. Серьезным трудом Барсова была разработка грамматических правил языка. Грамматика его не была издана, но она была известна членам Российской Академии, которые руководствовались ею при составлении первой академической грамматики русского языка. Как член Академии, Барсов консультировал главным образом вопросы, связанные с грамматикой и орфографией, и принимал участие в обсуждениях. При составлении словаря были использованы переданные Барсовым материалы начатого «Словаря русского языка». Но практическое участие Барсова было недолгим, через год он отошел от словарных дел Российской Академии.

[82] [Чезик.] Ясное показание и основательное представление об анатомии живописцев, сообщено от Иогана Даниила Прейслера. СПб., 1749 [перев. А. П. Протасов].

Проф. Московского университета С. Е. Десницкий, известный своими речами, главным средством выразительности которых была церковная архаика, занимался прежде всего выборками слов из древнерусских юридических памятников.

Ректор Московского университета И. И. Мелиссино пополнял алфавитный словник новыми словами, причем к собранию материалов привлек университетских студентов, которые получили от Академии звание «приобщников».

Лица духовного звания, такие как П. А. Алексеев, Д. Семенов-Руднев, митрополит Гавриил и некоторые другие занимались преимущественно выбиранием слов из церковных и конфессиональных текстов и истолкованием их. И. Красовский, И. Сидоровский («мужи, в Российском слове искусные») и И. С. Захаров, кроме того, разрабатывали семантическую часть словарных статей первых томов Словаря — они вычленяли значения в слове и давали им определения; позже эту работу исполняли Д. М. Соколов и П. И. Соколов, «за ревностное усердие в сочинении Словаря» награжденные золотыми медалями. Подбором материалов для Словаря занимались также члены РА Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, И. Ф. Богданович, Я. Б. Княжнин и др. Эти краткие сведения об основных, самых деятельных участниках Словаря, позволяют утверждать, что в целом сложилось сообщество единомышленников и в то же время крупных ученых или знатоков той или иной области знаний. Правда, среди них было мало специалистов-филологов, но это зависело от объективного состояния науки того времени в России.

Словарь отличала продуманная организация работы, что было главной заслугой Дашковой. На первом же заседании был образован «комитет» или «отдел», возглавивший работы по созданию словаря. Митрополиту Гавриилу, Лепехину, Фонвизину, Румовскому и Н. В. Леонтьеву было поручено написать программу готовящегося словаря, и уже на третьем заседании, через 20 дней, представленный проект — «Начертание для составления толкового словаря Словяно-Российского» был обсужден и одобрен членами Академии. По-видимому, основным его автором стал Фонвизин. В «Начертании» определялся тип словаря: «Толковый словарь Славяно-Российского языка должен содержать в себе по алфавиту, порядком этимологическим, все известные Славяно-Российского языка слова и речения, с истолкованием оных употребления и знаменования».[83] В «Начертании», состоящем из краткого введения и четырех «статей», излагались соображения о выборе слов и «речений» с перечнем того, что не должно войти в Словарь (статья 1-я), о правописании, ударении и о грамматических характеристиках слова (статья 2-я), о семантике и стилистике слов (статья 3-я. «О знаменовании слов и речений»), наконец, о способах размещения словарных материалов в Словаре (статья 4-я. «О порядке алфавитном»). Этот труд можно считать первым опытом особого

[83] По кн.: Полное собрание сочинений П. А. Вяземского. СПб., 1880. Т. V. С. 304.

вида лексикографического сочинения — проекта для инструкции словаря. В этот первоначальный план в ходе обсуждений и практической словарной работы были внесены некоторые изменения и уточнения. В переработанном виде основные его положения были изложены в «Предисловии» к 1-му тому Словаря, автором которого стал Лепехин.

Были выявлены главные лексикографические пособия — «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова, «Российский Целлариус» Гелтергофа, «Церковный словарь» П. Алексеева, «Симфония на новый завет» и «Симфония на псалтырь». Кроме того, РА получила в свое распоряжение рукописные словари Кондратовича-Ломоносова и словарь Богданова. Были определены источники, из которых нужно было делать выборки цитат. Весь лексический материал распределялся по буквам между участниками. Затем отдельные части были соединены в один общий алфавитный список слов — «Аналогические (т.е. алфавитные) таблицы» (далее — АТ). Слова в них сопровождались грамматическими формами и пометами, а также некоторыми ремарками (например, для разделения омонимов), иногда краткими определениями. Была проведена предварительная стилистическая маркировка, кое-где введены этимологические указания. Отпечатанные 100 экземпляров таблиц, составившие большой том, были розданы всем участникам для внесения дополнений в словник и исправлений в нем. В итоге составители получили обработанный реестр слов, преобразованный затем в соответствии с окончательно принятым принципом гнездового размещения — по алфавиту заглавных слов гнезда и алфавитно-словообразовательным порядком внутри него. Участники работы были разделены на три так называемых «отряда» — объяснительный, грамматикальный и издательный, а позже было образовано еще два — технический и словопроизводный. Каждый «отряд» специализировался на определенном круге проблем и мог их решать лучше, оперативнее и, что очень важно для словаря, более или менее единообразно. Кроме того каждый исполнитель занимался теми группами слов, в которых он лучше разбирался. Один определял математические термины, другой — естественно-научные, третий — исторические, четвертый — общественно-политические и т.п.

2. Словник и стилистическая характеристика слов в Словаре

Авторы САР исходили из того положения, что язык российский произошел «от языка славенского». Сам же славянский язык, благодаря христианству и переводу церковных книг, получил «совсем иной вид и образование», он приобрел «обилие, важность, силу, краткость в изображении мыслей, удобность к сложению слов, и другие красоты», так что сравнялся с языком греческим. Российский язык в своем развитии тесно соприкасался с этим очищенным и облагороженным славенским языком, сам обогащаясь и «очищаясь» благодаря такому взаимодействию. Поэтому авторы Словаря обозначили объект своего внимания

как славено-российский язык, т.е. язык, имеющий основу свою в славенском, хотя «великое множество содержит слов собственно Русских, по свойству коих некоторые из Славенского языка почерпнуты иное окончание, иное образование, а другия и новой смысл получили» (САР, I. Предисловие. С. VI). Естественно поэтому, что для Академии «открылось поле, подлежащее к возделыванию, едва пределы имеющее», и потребовалось, прежде всего, определить границы этого «поля», т.е. выяснить, что именно следует включать в Словарь, а от чего отказаться.

При формировании словника САР принималось в расчет несколько критериев. Первый и, пожалуй, основной — употребительность слова. По этому критерию были выведены за пределы Словаря специальные слова узко-профессионального употребления (те, которые «единственно ученым и художникам известны»), все старинные слова, вышедшие из употребления, и областные слова. Второй критерий связан с идеей самодостаточности славенороссийского языка и соображениями пуризма. На этом основании исключались «все иностранные слова, введенные без нужды и которым равносильные Славенская или Российская находятся». По этому же критерию были оставлены в словаре «естественные в России произведения, имеющие особливые названия, которыя большею частию народные», а также те областные слова, «которые своею ясностию, силою и краткостию могут служить к обогащению языка». Критерий, который можно назвать «культурно-историческим», позволял вводить в словник историзмы (слова, «которые к разумению древних деяний, обрядов или обычаев способствуют»), старые заимствования церковных книг, а также иноязычные слова, связанные с реалиями иноземных государств. Не помещались в Словарь имена собственные (имена людей, названия земель, городов, морей, рек, озер и пр.), поскольку они «составлению языка не способствуют». Отвергались «неблагопристойные» слова и наречия. Следует заметить, что хотя уже в «Начертании» были определены группы слов, исключаемых из словаря, некоторые пункты вызывали сомнения. Так, составители не сразу определили свое отношение к именам собственным.[84] В реестре АТ (на буквы А, Б) нашли свое место имена личные и их производные (напр., *Алексей, Алексеев, Алексеюшка, Алѣ̑ша, Алѣ̑шинька, Алѣ̑шка; Анна, Аннин, Аннинский, Аннушка, Анюта, Анютушка, Анютка*). Приводились в АТ и географические названия (*Африка, Афины, Архангельск, Бахмут, Балашов*), а также названия жителей стран, городов (*Балахновец, Бахмутец, Афинянин*). После долгих споров, с рекомендацией «Начертания» согласились, и в АТ, начиная с буквы В, имена собственные уже не вносятся. Тем не менее некоторые наименования, вероятно, в связи с особенностями их словообразования, были помещены в САР (напр., *Архангелогородец, Архангелогородский*).

Таким образом, за исключением указанных выше лексических групп в Словаре описывалась лексика широкого диапазона. Включая в состав

[84] Западно-европейские словари, в том числе и Словарь Французской академии, включали выборочно имена собственные в словник.

Словаря лексику российского и славенского языков, авторы Словаря считали необходимым «вникать в тот и другой язык с возможной точностию». В связи с этим предлагалось различать — «славянское ли оно, например: вещати, или Российское, например: говорить».

Однако такой чисто генетический принцип противопоставления был осложнен и дополнен другим — сопоставлением функционально-стилистическим, поскольку слова славянские играли определенную роль в создании высокого слога. Авторы словаря исходили при этом из Ломоносовской теории трех стилей и в соответствии с нею разработали свою систему стилистических характеристик.

Поэтому оказалось, что пометой *слав.* («славенское») обозначались слова церковно-славянского языка, уже не функционировавшие в языке XVIII в., и слова, употребительные в памятниках всех стилей и жанров, но обладающие особой окраской книжности и более свойственные научной и публицистической литературе. Наконец, слова, выполнявшие действительно стилеобразующую функцию в памятниках высокого слога. Об этой сложности размежевания лексики свидетельствуют и попытки дополнительных ремарок — «в высоком слоге», «в высоком и славенском слоге», «в церковных книгах».

Всего в Словаре 12 % лексики отмечено пометой *слав.*

Стилистическое размежевание шло не только на уровне слова, но и значения. «Славенское» было противопоставлено в Словаре словам живого, собственно русского разговорного языка, характерным для простого, а отчасти и среднего слога. Для них были введены пометы *«просто»* (с нею совпадает ремарка — «в обыкновенном» или «в общем употреблении»), *«просторечие»* и *«простонародное»*. Помета «просто» характеризует слова и формы живого употребления в противопоставлении их устаревшим формам славенского языка или славянизмам высокого слога (напр. *есень*, слав., просто же осень; *дерзостно*, в обыкновенном языка употреблении, а по-славянски дерзостн). Эта помета могла обозначать и более узкое употребление, особое значение по сравнению с более употребительным (напр. *плен*, просто же полон; *охра*, просто же вохра). Помета «просторечие» определена в самом Словаре как «употребление слов простым народом». В предисловии было указано, что «просторечные» — это слова, употребляемые в обыкновенных разговорах. Так что уже в самом определении «просторечного» была отражена двойственность, сближающая слой просторечной лексики, с одной стороны — со словами, для которых дается помета *просто*, а с другой, — с простонародными словами. И действительно, просторечная лексика в Словаре оказывается внутренне неоднородной. В ее составе объединяются 1) слова, широко распространенные в разговорной речи, противостоящие словам славенским, высоким на том основании, что они не употреблялись в произведениях высокого стиля (напр. *свадьба* — как противостоящее церк.-слав. *брак*; *жадный* — ср. в слав. *алчущий и жаждущий*); 2) слова с экспрессией фамильярности, грубости, противостоящие не только «слав.», но и общим, нейтральным, лишенным экспрессии (напр. *головорез* — сорванец, забияка; *пропащий* — «Он

человек пропащий»; *хрыч, чушь, шашни, штукарь* и пр.); 3) слова, связанные с речью простого народа или с диалектной средой — они нередко сливаются с простонародным разрядом лексики (напр. *ономедни, очéсливый* 'учтивый', *пропастный, честить* 'угощать' и пр.).

Помета «простонародное» дается при словах, свойственных речи «простого» народа, т.е. крестьянской и городской мещанской среды. По стилистическому учению Ломоносова она допускалась лишь в низкие жанры — такие как комедия, комическая опера, простонародные песни. Реально сюда вошли слова и выражения, связанные с крестьянским бытом (напр. *большак* 'старшина в доме или деревне'; *валенок, зипун; варенуха, сусляник*); диалектные слова, используемые в простых литературных жанрах (*бахарь, ботать, бутор, дубец*), слова с резкой грубоватой экспрессией (*ахинея, верзило, глазеть, дрязги, грабаздать*). Следовательно и круг простонародных слов оказался не менее пестрым и разнообразным, чем просторечие.

В Словаре был значителен пласт слов локального употребления, обычно сопровождаемых указаниями «на Волге», «на Урале», «в Сибири» и пр. (напр. *нарты, лахтак, балаган, ерник* 'мелкий лес', *свинчатка* 'род сети', *шитик* 'водоходное судно'), а также лексики ремесел, в основе исконно русской (*балда* 'большой кузнечный молот', *зубило* 'род долота', *ворба* 'орудие для очерчивания круга', *подбор* 'каблук, составленный из коженых обрезков' и пр.).

Но основной корпус Словаря составляла лексика, не имеющая ограничительных помет.

Принятый способ расположения слов по «чину словопроизводному», в результате чего под одним корневым словом объединялись все дериваты (напр. под глаголом *иду* помещено 273 словарных строки), повлек за собою потребность выявления словопроизводных возможностей слова. Поэтому в словник вошли такие разряды производных слов, которые, за исключением ближайших предшественников САР, включались эпизодически. Это существительные с суффиксами со знач. уменьшительности, увеличительности, пренебрежительности (*ряд, рядóк; сын, сынок, сыночек; дом, домик, домишко, домище; губа, губка, губища*), существительные м.р., обозначающие лицо женск. пола (*Вáрвар*, ра, с.м. *Вáрварка*, ки. с.ж.; *Тáкальщик*, ка, с.м. *Тáкальщица*, ы, с.ж.; *Ослýшник*.. *Ослýшница, Щéголь*.. *Щеголúха*), помещаемые в одной словарной строке с основным именем.

Включались уменьшительные и уменьшительно-ласкательные прилагательные с суф. -еньк- (-оньк-), -ехоньк-, -ешеньк- (-ошеньк-) (*беленек и беленький, реденький, рыжехонек, тверденек, худенький и худенек*), прил. с суф. -оват (*беловатый, редковатый, рыжеватый, холодноватый*) и наречия, от них образованные. Значительное место в словнике САР занимают префиксальные глаголы (напр. *давлю — вдавливаю, выдавливаю, задавливаю, надавливаю, одавливаю, отдавливаю, передавливаю, подавляю, придавливаю, продавливаю, раздавливаю, сдавливаю, удавляю и удавливаю* с их коррелятами сов. вида) и

образованные от них существительные (*вдавливание, вдавление, выдавливание, выдавление, надавливание, надавление, раздавливание, раздавление, сдавливание, сдавление, удавливание, удавление*), а также глаголы страдательного залога, образованные как от бесприставочных (*сажаюсь, сверлюсь*), так и от приставочных глаголов (*ввиваюсь, довершаюсь, обиваюсь, всаживаюсь, раскрашиваюсь, ссучиваюсь*). Помещаются существительные, образованные от глаголов со значением «лицо, производящее действие, обозначенное глаголом» (особенно с суф. -тель, напр. *добиратель, довершитель, зберегатель, обогатитель, возхититель, стяжатель, творитель*).

При этом принцип употребительности того или иного производного слова нередко отступал на второй план, поскольку среди действительно употребительных слов, подтверждаемых различными текстами XVIII в., находятся и такие, которые не нашли документального подтверждения в несловарных источниках (в частности, в словарной картотеке Словаря русского языка XVIII в.). По-видимому, ведущим было стремление продемонстрировать регулярность в образовании словопроизводных рядов и заполнить «пустые ячейки» словами, образуемыми по живым моделям языка. Эта тенденция прослеживается в ближайших предшественниках САР, в частности в Российском Целлариусе, который был одним из источников формирования словника САР, и в Словаре Нордстета.

По сведениям, приведенным в «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (СПб., 1806–1822. Ч. 1–6), САР содержит 43 257 слов. Но эта цифра условна, так как неизвестны правила, по которым велся подсчет. Контрольный подсчет по приложенным к каждому тому САР алфавитным спискам (с учетом слов, обозначенных сокращенно при основном слове, напр. глаголов на -ся, сущ. женск. рода на -ца и некоторых других, разработанных в тексте САР) дал цифру 44 952 слова. Кроме того, в списки не входили слова, помещаемые за заголовочным словом — коррелятивные глаголы, существительные и прилагательные с экспрессивно-оценочными суффиксами и др. По-видимому, общее число учтенных в САР слов не менее 55 000.

3. Орфографические принципы Словаря

Еще в начале работы, приступая к составлению АТ, составители должны были принять для Словаря определенные орфографические правила. Вопрос об орфографии был не праздным и не простым. На протяжении XVIII в. велись споры не только о правописании отдельных слов, но и о принципах русского правописания вообще. Идущий еще с древности морфологический принцип орфографии не проводился последовательно и безоговорочно. В него врывались элементы фонетического письма. Обосновать разумность письма по произношению в середине XVIII в. попытался В. К. Тредиаковский. Порывая со старой книжной традицией, Тредиаковский обращался к живому русскому языку и его функционированию в речи. «Так писать надлежит, как

звон требует, — утверждал он, — ибо должность писмен в том, чтобы хранить голосы и как заклад отдавать их читателям».[85] Главным достоинством предлагаемого им принципа письма Тредиаковский считал его простоту, ибо «основательнейшия и легчайшия ортографическия правила на одном токмо звоне утверждаются». Правда, Тредиаковский ввел ограничения в теорию своего письма, признавая правильным лишь произношение «знаюшчих» людей и отвергал диалектные произносительные особенности. Разбирая же достоинства и недостатки морфологического, или этимологического письма, Тредиаковский указывал, что орфография «по кореням» — это ученое письмо, и нужна она лишь «ученым людям».

Однако столь радикальное преобразование орфографических основ не было принято обществом. Не могли признать приемлемыми для себя рекомендации Тредиаковского и авторы САР. В предисловии ко второму тому было помещено изъяснение их позиции относительно орфографических правил в Словаре — «Академия почла за нужное следовать в Словаре своем правописанию книг церковных, пока сей же самый труд откроет ей довольные способы к утверждению единожды навсегда правил правописания».[86] Тем самым составители Словаря провозгласили традицию и авторитет церковных книг как основу своего отношения к орфографическим проблемам. В этом они не расходились с позицией Ломоносова, который в числе основных правил правописания обозначил морфологический принцип — писать надо так, чтобы «не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений».[87] Он подчеркивал также, что в правописании часто «погрешают» те, кто «немного и невнимательно по церковным книгам читать учились».[88] Но Ломоносов обращал внимание и на опасность «удаляться много» от «чистого выговора», т.е. допуская в письме отражение фонетических черт (напр., перед звонкими согласными приставки — з, воз, из, раз, перед глухими — с, вос, ис «надлежит оставить»).

Принятая орфографическая концепция не снимала затруднений в решении практических вопросов. Авторы словаря во многих случаях должны были определить, какое правописание предпочесть для того или иного слова или разряда слов, часто этому посвящались целые заседания, проходившие в горячих спорах.

Принимая какое-либо конкретное решение, составители Словаря исходили из принятого ими положения, что «хотя Российское правописание в кратких содержательных правилах, однако много в оном зависит от употребления». (Предисл. С. XIII). Осторожная позиция создателей Словаря предопределила известный разброс и непоследовательность в

[85] *Тредиаковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой... СПб., 1747. С. 187.
[86] САР1, I. С. XIII.
[87] *Ломоносов М. В.* Российская грамматика... ПСС. М. ; Л. : изд. АН СССР. 1952. Т. VII. С. 430.
[88] Там же. С. 430.

орфографическом оформлении слов, признание допустимым вариантных написаний, а также отступление от исходных позиций в пользу «употребления». В некоторых заглавных словах приводятся как равно возможные два написания, напр. *каблук* и *коблук*, *канат* и *конат*, *стокан* и *стакан*, *тавар* и *товар*, *щелок* и *щолок*, *желтый* и *жолтый*. Причем в производных, помещаемых под этим словами, варианты как правило не воспроизводятся, дается лишь одна орфографическая форма, не всегда воспроизводящая репрезентативную (напр. *стаканчик*, а не *стоканчик*). Наблюдается разнооформленность и внутри гнезда, напр. *загвазживаю*, но — *подгважживаю*. Не смог избежать Словарь неоправданных орфографических разночтений и недосмотров. Это особенно отчетливо обнаруживается при сличении правописания слов в заголовках и в самом тексте Словаря, напр. при установленном правописании *крючек, рожек, имя-рек, серебряный* в примерах дается правописание *крючок, рожок, имярек, серебреный*; при орфографии глагола — *сковываю* в дефиниции к отглаг. сущ. скование дано «оконченное действие *скавывавшаго*».

Соединение книжной, церковно-славянской и собственно русской разговорной стихии находит свое отражение и на орфографически-произносительном уровне. Например, двойное написание *жернов* — *жорнов* вызвано различным его произношением (*жернов, в просторечии говорят и жорнов*).

В связи с желанием показать произносительные варианты САР включил в графический состав словаря диаграф *ıо̑*, активно употребляемый со 2-й половины XVIII в. в текстах, воспроизводящих особенности живой и разговорной или диалектной речи (произношение *о* после мягкой согласной или начального jo); в конце века в аналогичной позиции стала применяться также буква ё. Диграф *ıо̑* был использован Ломоносовым для обозначения пары гласных: о («дебелая или тупая гласная») и *ıо̑* («тонкая или острая»). Но Ломоносов считал ненужным включать ее в алфавит, поскольку она представляет собою «двуписьменное начертание из *ı* и *о* ». Аналогично использовано *ıо̑* в САР, напр. *ıо̑ж, ıо̑лка* даны в алфавите на *е*. Обычны и стилистические ремарки, напр. *валек, в просторечии валıо̑к; одежда, в просторечии одıо̑жа*. Этот же диграф применяется и в иноязычных заимствованиях для обозначения дифтонга jo, напр. *маıо̑р*.[89] Сопоставление орфографии САР и его ближайших предшественников — Российского Целлариуса и Словаря Нордстета показывает, что эти словари решительнее в отказе от двойных орфографических вариантов. Так, в Целлариусе только *каблук, канат, товар, щелок, желтый, жернов*. У Нордстета: *каблук, стакан, товар, желтый, жернов*; но для слов *канат* и *щелок*, разработанных на своем алфавитном месте даны в реестре отсылочные строки (Конат... siehe Канат, Щёлок.. siehe Щелок). Эти словари не пользуются диграфом *ıо̑*, традиционно обозначая соответствующий звук буквой е (Нордстет: *валек, залет, мережа*).

[89] Для передачи общеевропейского io после гласной не было установленного правила (ср. написания маıо̑р, мазор, майор, маıо̑р в текстах XVIII в.).

Уточнение орфографии отдельных слов было продолжено в Словаре Гейма, обратившего особое внимание на этот вопрос. Автор этого Словаря, «сочиненного по Словарю Академии Российской» отмечает, что он «часто удалялся от правописания, наблюдаемого во многих местах Словаря Российской Академии». Он же впервые отметил и непоследовательность, разнобой в правописании САР, «смотря по тому, какое наблюдает которой нибудь из них (авторов — Г. Б.) особенно». Подверглась уточнениям орфографическая часть САР и при его переиздании; в САР2, в частности, значительно уменьшилось число вариантных написаний, реже использовался диграф *ȣ̂*. Некоторые орфографические позиции были проработаны в словаре достаточно четко. Так, было принято единообразное написание слов с приставками без-, воз-, из-, раз-, с- независимо от звонкости или глухости следующей согласной, что было отступлением от рекомендаций Ломоносова. Довольно последовательно проведено написание -чн- (*баночный, карточный, мелочный, скучный* и пр.), -щик (*закащик, откащик, прикащик, извощик*), слитное написание наречий с приставкой по- (*поконски, покупецки, полюдски, поскирдно*).

В целом в САР была проведена огромная работа по нормированию правописания и по выработке его правил, хотя эти последние не были детально и полно сформулированы. Важно также, что САР, как отмечал Г. О. Винокур, «своей орфографией как бы предвозвещает то направление, по которому пошло в ближайшие к эпохе его составления десятилетия развитие и закрепление этих правил»[90]

Ориентация на орфографию церковных книг распространялась и на акцентологическое оформление слов. «Различное произношение и ударение слов» — читаем в предисловии, — «по разности областей Академия тщилася соображать по выговору в столицах употребляемому, наблюдая в книгах Славенских принятое, доколе не будут открыты точныя на сие правила» (с. XIII).

4. Грамматическая характеристика слова в Словаре

В САР впервые в отечественной лексикографии слово получило столь детальное грамматическое описание. Все слова имеют обозначение той части речи, к которой они относятся — с. (существительное), прил. (прилагательное), местоим. (местоимение), нар. или нареч. (наречие), предл. (предлог), сою. или союз., гл. (глагол), междом. (междометие).

Имя существительное, представленное в начальной форме им.п. ед.ч. (для pluralia tantum — мн.), сопровождается указанием на форму род.п., и род, по которым определяется тип склонения. Такой способ демонстрации типа склонения был традиционен для отечественных и западноевропейских словарей, особенно учебных. Прилагательное дается

---

90 *Винокур Г. О.* К истории формирования русского письменного языка в конце XVIII в. // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 188.

в им.п. м.р., имеет окончания ж. и ср. рода и сопровождается пометой прил.

Наиболее сложной оказалась грамматика глаголов. Авторы Словаря попытались ввести конкретный словарный материал в систему учения Ломоносова о парадигматике русского глагола. Ломоносов рассматривал в рамках одной парадигмы 8 времен от «простых» глаголов, в образовании которых участвуют глаголы несовершенного и совершенного вида, однократные и многократные (трясти — трясу, тряс, трясывал, тряхну, тряхнул). В парадигму включались также два времени, образуемые от «сложенных» глаголов — будущее и прошедшее совершенное (напишу, написал).

В связи с этим в словарной строке фиксировались видо-временные корреляции разных типов, объединяемые «единством парадигмы», с набором форм, напр. Костенéю, ешь, закостенéл или окостенéл, закостенею, окостенéю, костенéть, закостенéть и окостенéть, гл. ср.; Дéлаю, ешь, сдéлал, сдéлаю, дéлать, дéлывать, сдéлать, гл. д.; Робéю, ешь, обробéл и сробéл, обробéю и сробéю, робéть, обробéть и сробеть.

Составителям удалось достаточно единообразно объединить в одной словарной строке глаголы несов. и сов. вида *бросаю, бросил; сгущаю, сгустить; погубляю, погубить; увядаю, увянуть*. Сложнее был выбор приставочного коррелята к бесприставочному глаголу (*алею, поалеть; порчу, испортил; богатею, разбогател; мужаю, взмужал; голодаю, оголодел* и пр.). В «Российской грамматике» Ломоносова были приведены большие списки бесприставочных глаголов с их приставочными коррелятами. Авторы Словаря, вне сомнения, были знакомы с этими списками. Однако, сопоставление глагольных пар списков с глагольными строками Словаря показывает, что при совпадении некоторой части пар (*алкаю, взалкал; бледнею, побледнел; делаю, сделал; седлаю, оседлал; богатею, разбогател; матерею, заматерел; каменею, окаменел; молодею, помолодел; тоню, отонел* и пр.), есть и значительные расхождения. Так, в ряде случаев в качестве коррелята используется глагол с иной приставкой (в «Российской грамматике»: *блею, взблеял; зеленею, позеленел; жирею, ожирел*, а в САР: *блею, заблеял; зеленею, зазеленел; жирею, пожирел* и пр.). Другое несовпадение состоит в том, что в Словаре многие приставочные глаголы сов. вида оформляются в виде самостоятельной словарной строки с набором присущих им грамматических форм и с определением (*одичать, обвенчать, одолжать, вздумать, взпылать, пожелтеть, спеть, поцеловать* и пр.). Значительное число приставочных глаголов сов. вида рассматриваются в Словаре в паре с приставочными вторичными имперфективами (в «Российской грамматике»: *мараю, замарал; густею, огустел; колею, околел; пустею, опустел, запустел; кую, сковал*, а в САР: *замарываю, замарал; огустеваю, огустети; околеваю, околел; запустеваю, запустел; опустеваю, опустел; сковываю, сковал* и пр.). Наконец, возможно помещение приставочного коррелята сов. вида под исходный глагол и под вторичный имперфектив (*берегу, сберечь; сберегаю, сберечь*).

Следовательно, авторы Словаря, приняв для себя определенный теоретический постулат, считали необходимым отходить от него в своей словарной практике в тех случаях, когда конкретный материал плохо вписывался в рамки грамматической теории. Следует заметить, что позиция САР относительно распределения глаголов по видо-временной сетке и определение границ глагольной парадигмы во многом была поддержана следующими словарями.

В глагольной строке отмечалось также, если тот или иной глагол не имел полной парадигмы времен. Для этого использовались ремарки *неполн.* (неполный) обычно для глаголов несов. вида («Линя́ю», ешь, линять гл. ср. неполн.; «Кую», ешь, ковать гл.д. неполн.) и *нед.*, *недост.* или *недостат.* (недостаточный) для глаголов сов. вида («Повя́нуть», повял, повяну гл. ср. недостат.; «Высалить», лил, лю, гл. д. нед.). Такая маркировка при глаголах сов. вида проведена последовательно, почти без изъятий, что же касается глаголов несов. вида, то она часто отсутствует. Отмечалась также принадлежность глагола к залогу — *д.* или *дей.* (действительный), *сред.* (средний), *возвр.* (возвратный), *взаим.* (взаимный), *средний, общий, страд.* (страдательный).

Исходной словарной формой было избрано 1-е л. ед.ч., несов. вида наст.вр. Такое оформление имеет давнюю традицию, продолженную в XVIII в. (напр. в Лексиконе Поликарпова, Российском Целлариусе, Словаре Нордстета) и связанную с разработкой глаголов в грамматиках, в которых 1-е л. рассматривалось как начальная и определяющая форма парадигмы. Для Словаря важным резоном предпочтения этой формы инфинитиву было также частое омонимическое совпадение форм инфинитива. Опорной формой глаголов признается, опять-таки в согласии с традицией, 2-е л. ед.ч. наст. вр. Вынесенные в реестр глаголы сов. вида («недостаточные») даны в форме инфинитива (в наклонении «неокончательном». При́ них указывается прош. вр., а затем будущее простое («Изкове́ркать», веркал, веркаю, гл.д. недост.).

Глагольная парадигма могла осложняться соединением двух грамматических систем — старой, «славенской» и русской (напр. *Дви́жу*, дви́жеши, дви́гнух, дви́гну, дви́гнути, сл. В обыкновенном же языка употреблении: дви́жешь, дви́нул, дви́ну, дви́нуть, двигивать). Глагольная парадигма свидетельствовала о способности к образованию формы, но не о возможностях ее реального употребления, связанного с семантикой конкретного слова. Авторы словаря выходили из возможного противоречия разными способами, в частности, введением дополнительных ремарок в толковании (напр. *Ввисаю*.. Говоря о вещах, в третьем лице употребляется). Возможно и отступление от грамматических правил в пользу семантического соответствия, напр. *Квакаю*, ешь, квакнула, заквакала.. гл. ср. употребляемый для означения лягушечьяго и утинаго крика (формы прош. времени даны в ж.р.).

Что касается таких форм глагола как причастия и деепричастия, то они в глагольную строку не включаются. Деепричастия вообше не попали в Словарь, а причастие страд. прош. вр. обычно выносится в

реестр как самостоятельное слово и сопровождается определением, соотносящим его с соответствующим глаголом (*Втáщенный*, нная, нное. Прил. имеющее знаменование глагола своего; *Обтéсанный*, нная, нное. Прил. имеющее знаменование своего глагола). Использовались и иные виды толкований, в которых «глагольность» не была выражена прямо (*Вы́тесанный*, ная, ное, прил. Выровненный, сделанный гладким посредством тесания; *Натесанный*, нная, нное, прил. Изготовленный тесанием). Основанием для такой демонстрации причастий явилось, очевидно, их отнесение к «особливой части слова» и обозначение их «глагольными именами», поскольку они «в переменах причастны имени» (Российская грамматика, с. 407). Кроме того, именно в XVIII в., особенно со второй его половины, усиливается процесс окачествления причастий, что также требовало внимания к ним. До САР регулярное включение причастий этого типа в алфавитный реестр было проведено в Словаре Нордстета, но с указанием part. (participium — причастие).

В Словаре нашел отражение активный в XVIII в. процесс образования наречий из словосочетаний с неясной еще степенью их адвербиализации. Такие сочетания (обычно состоящие из предлога и сущ., прил. или числит.), а также существительные в тв.п., как правило, выносятся в реестр и сопровождаются пометой во образе нареч. или в виде нареч. (*С разлоту*, во образ. нареч.; *В захват*, в виде нареч.; *Бок о бок*. Употребляется во образ. нареч.; *С боку*. Предложной сей падеж употребляется во образе нареч.: *Вечером*. Во образе нареч.; *В двойне*, во образе нареч.). Значительно реже составители Словаря оценивали их как уже сформировавшиеся наречия и давали как цельнооформленное слово (*Изблизка*. Нар.: Влево, нареч.; «Боком», нареч.).

5. Семантическое описание слова в Словаре

В Словаре впервые в отечественной лексикографии было представлено развернутое описание слов в совокупности их значений («знаменований» или «смыслов», по терминологии того времени). На эту сторону Словаря было обращено особое внимание при выработке его основных принципов. В предшествующих словарях, прежде всего, в переводных лексиконах, семантическое содержание слова преобразовывалось применительно к задачам перевода. Оно могло быть представлено в свернутом виде или, наоборот, быть раздроблено, получить вид ложной многозначности в связи с семантическими особенностями иноязычных соответствий. В САР содержательная сущность слова стала его главной задачей.

При семантической разработке предполагалось установить первичный, исходный, «точный» смысл слова — и смысл распространенный, т.е. номинативно-производный, отделить смысл собственный от метафорического (т.е. переносного значения).

В «Начертании» дается такое разъяснение: «слово скорбь, например, относится в нашем языке к болезненному телочувству и к душевному страданию, но точный смысл сего слова означает телесную болезнь,

а отсюда распространен оный и до страдания души». (С. 308). Метафорический смысл представляет собою «следствие и зависимость» от собственного смысла. При этом подчеркивалось, что именно он составляет «главное обилие языков, которое без размножения слов достигнуто» (с. 309).

Поскольку САР имел дело со словом, функционирующим в разных сферах языка — в языке письменности и обиходно-разговорном, в специальных подсистемах языка (наука, техника, ремесла и пр.) и в областном употреблении, то семантическая структура слова могла оказаться достаточно сложной. Поэтому потребовалось отмечать различные сферы функционирования лексико-семантических вариантов с помощью ограничительных ремарок (*Жи́ла*... 1) В телоразъятельной науке так называется всякий сосуд, кровь и другие соки в себе содержащий... 2) У рудокопов так называется вещество имеющее протяжение и содержащее в себе металлическую руду).

К этому надо добавить и то обстоятельство, что под одной вокабулой объединялись семантические единицы двух языков — российского и славенского, в результате чего оказывались соединенными семантические структуры, в которых отсутствуют отношения семантической производности (*Зазо́р*... 1) Сл. Стыд, посмеяние. 2) У артиллеристов называется зазором тот промежуток, который остается между ядром и стеною пушки...). Приоритет при установлении исходного значения принадлежал славенскому языку независимо от его действительного функционирования.

Установление круга значений строилось на анализе текстов. Поскольку среди них первенствовали тексты церковного характера, а светские книги привлекались с отбором, то естественны пропуски в семантическом описании слова. Кром того, по отношению к смысловым единицам действовал критерий «всеобщего употребления», и на этом основании могли отвергаться значения, свойственные специальным или социально-ограниченным сферам языка, а также недостаточно сформировавшиеся переносные значения (ср. замечание в «Начертании»: «На Словарь строго взыскивать не можно всех знаменований и присвоений метафорических, довольно, если в нем больше употребительных», с. 309).

При рассмотрении значений слова составители Словаря обратили внимание на лексические и синтаксические связи слова, что считается достижением теоретической семантики XX века. Так, в протоколе одного из заседаний было замечено, что глаголы «по разному их сопряжению с другими словами» заключают в себе различный смысл, и приводится как пример: возводить кого на что ‘вести вверх, возвыша́ть, возводить на кого что ‘слагать на кого что, клевета́ть. В разработке словарных статей подобные указатели на глагольное управление предваряют определения значений (напр. *Доучиваю*... гл.д. 1) Что. Оканчиваю то, что начал учить. Доучивать, доучить урок. 2) Кого. Оканчиваю то, чему начал учить другаго. Доучить кого читать, писать; *Учу*... гл.д. 1) Кого чему. Наставляю, преподаю, делаю наставление кому в чем, доставляю

способ получить познание, сведение о чем.. 2) Что: твержу, вперяю в мысль, в память).

Указания на лексические связи осуществлены с помощью семантических уточнителей при определении (*Жестокий*... 4) Говоря о жизни: суровая, исполненная трудов).

Часто семантические уточнители сочетались с грамматическими (*Перевожусь*. 1)... 2)... 3) Говоря о книгах употребляется в третьем лице и значит: прелагаются с одного языка на другой.. Бюффонова естественная история переводится).

Первоначально перед каждым значением повторялась вокабула, как это было принято и в Словаре Французской Академии, к практике которого нередко обращались авторы САР. Но затем, по предложению Лепехина, было решено отделять «разные смыслы» цифрами. Тем самым вынесение вокабулы в ее словарной форме стало признаком отдельного «словарного» слова, а нумерация укрепилась в русской лексикографии как прием разграничения значений.[91]

В связи с разработкой семантических особенностей слова решался вопрос об определениях и их типах. Были выработаны общие рекомендации о форме определений. Они были сформулированы следующим образом: «При объяснении знаменования слов главным пособием употребила Академия сословы или слова тожде значащия, после коих ... присовокуплены определения (Предисловие, с. XIII). На предпочтение сословов, т.е. синонимов, возможно, оказала влияние практика переводных словарей, в которых сополагались два слова, объединяемые общностью значения (или понятия), для одноязычного же словаря такой прием представал как реализация внутреннего перевода и мог применяться весьма ограниченно. И действительно, на практике в САР были применены различные варианты определений. Использовались только сословы, причем число таких определений невелико (*Боры*... Складки, сборы, сгибы; *Робкий*... Боязливый, трусливый, пужливый; *Поблажка*... Потворство, потачка), сословы, дополненные определением в различных комбинациях (*Убивалка*... Ровнялка, коотушка; орудие, которым убивают, ровняют землю; *Близость*... Недалекость, близкое разстояние; *Ропщу*... Негодую, изъявляю словесное неудовольствие), а также определение без сословов, оказавшиеся самыми употребительными в Словаре (*Вар*... Солнечный зной; *Тащу*... Употребляя усилия волоку, влеку что; *Редкий*... В нарочитом один от другаго разстояния находящийся, отстоящий; противополагается частому).

Опасаясь впасть в ошибку, называемую «круг в определении», составители постулировали отказ от определения слов, обозначающих отвлеченные понятия («всеобщия существ собственности»), такие как *бытие, пространство, время*, а также общие, по отношению к частным, напр. *дерево*. Но реально все подобные слова, в том числе и те,

---

[91] В практике западноевропейских переводных словарей нумерация иногда использовалась для отделения семантических или фразеологических рубрикаций; одним из первых русско-иноязычных словарей в России этим приемом воспользовался Нордстет.

которые были оговорены в предварительном проекте, получили истолкование. Эпизодически не определялись некоторые наречия на -о, -ски, помещенные под своими прилагательными (*арифметически, збивчиво, брюзгливо, избыточно, быстровато, побудительно*).

Особое внимание обращалось на точность и краткость определений: «Надлежит делать оное (объяснение — Е. Б.) внятно, точно, и сколь возможно кратко, ибо тут краткость помогает ясности». (Начертание, с. 308). Исключение делалось для естественнонаучной номенклатуры, для наименований промыслов, реалий быта и некоторых церковных слов. Для них было принято развернутое подробное описание с четко выдержанным, особенно для ботанических имен и зоологических, порядком изложения (*Апельсин*... Citrus sinensis. Плод древесный, круглый, цвета бледножаркова, весьма сочный, вкусом сладкий с небольшою кислотою, запахом приятный. Название его есть Голландское, значущее Китайское яблоко; понеже дерева, приносящия плод сей, с начала вывезены были из Китая; *Вороба*... Речен. Каменьщ. Орудие употребляемое для черчения круга. Делается оно из доски, у коей на одном конце проверчивается дира, которая надевается на кол, так, чтоб могла около онаго обращаться, на другом же конце вбивается гвоздь, которым поворачивая воробу в строении поверяют круг и округлость стен).

В процессе работы составители Словаря обратили внимание на производные слова, в семантическое содержание которых входит лексическое значение основы и аффикса, и создали типовые, обобщенно-грамматические определения для них. Это относится к описанию приставочных глаголов, в определение которых включается характеристика протекания действия, напр. для глаголов с приставкой за- с начинательным значением (*Засверкать*... Начать сверкать), до- (*Досыпаю*. Сыпля дополняю; *Дотеребливаю*... Привожу к концу теребление); на- (*Намять*... Посредством мятья наготовить чего в известном количестве; *Напариваю*... Много чего посредством паренья приготовить); на- + -ся (*Навеселиться*. Довольно, досыта веселиться; *Набегиваюсь*... Довольно, много бегаю); пере- (*Переминаю*... Сызнова что мну); про- с временным знач. (*Проплакать*... Известное время провести в плакании; *Прождать*... Долгое время ждать кого) и др. Фактически все разряды приставочных глаголов с большей или меньшей регулярностью определялись по типовым моделям определений, иногда варьирующимся.

Дефиниции отглагольных имен действия включали видо-временные характеристики. Так, существительные, образованные от глаголов несов. вида, определялись по формуле «действие» + причастие или производящий глагол (*Подбивание*... Действие подбивающего; *Ткание*... Действие ткущаго; *Збивание*... Действие того, кто збивает), от глаголов сов. вида через причастие и глагол того же вида (*Выткание*... Действие выткавшаго; *Подбитие*... Действие исполненное подбивающаго). При использовании определений *сословов* соблюдалось совпадение вида определяемого имени и определяющего (*Забивание*... Вколачивание,

вбивание).[92] Имена на -ость, -ство, -ота, -ина со значением отвлеченного свойства, качества, состояния определялись через эти понятия (*Жидкость*... Свойство того, что жидко; *Гнилость*... Состояние вещи, посредством гниения изпортившейся). Для имен, обозначающих лицо по действию, свойству или состоянию было принято типовое определение: «Тот, кто (который)»... (*Обиратель*... Тот, кто обирает; *Горделивец*... Тот, кто гордится; *Перехватчик*... Тот, которой перехватывает или перехватал что).

Глаголы страд. залога определяются через вспомогательный глаг. быть (бывать) и прич. страд. (*Употребляюсь*... гл. страд. Бываю употребляем, нахожуся в употреблении; *Отрясаюсь*.. 2) В зал. страд. Отрясаем бываю; *Потребоваться*... гл. страд. Быть потребовану). Вынесенные в словарную строку страд. прич. хотя и сопровождались пометой «прил.», но в толковании соотносились с производящим глаголом (*Втащенный*... Прил. имеющее знаменование глагола своего; *Обтесанный*... Прил. имеющее знаменование своего глагола) или определялись с помощью причастия (*Стесанный*... прил. Сглаженный; *Вытесанный*... прил. Выровненный, сделанный гладким посредством тесания).[93] Относительные и притяжательные прилагательные имели определение «принадлежащий», «относительный», «свойственный», или конкретизирующие — «сделанный, изготовленный из чего», «состоящий из чего» и под. (*Теткин*... Тетке принадлежащий; *Банковый*... Банку принадлежащий; *Бабий*.. Бабе свойственный, бабе принадлежащий; *Бабровый*... Из меха бабра сделанный; *Тестяной*... Свойственный тесту; *Тенетный*... Принадлежащий, относительный к тенетам).

Идея о необходимости единообразно определить подобное, равно как и найденные типы определений были восприняты и развиты в дальнейшем.

Заключали семантическую характеристику примеры, приводимые «для бо́льшей внятности».

В САР применялось два вида иллюстраций. Первый — цитаты из авторитетных для составителей словаря книг и авторов. Больше всего цитат из старинных и церковных книг, из авторов XVIII в. использовались извлечения из сочинений Ломоносова, единично привлекались примеры из произведений Сумарокова, Петрова, Хераскова, Ф. Прокоповича, Дашковой, Кострова. Второй вид иллюстраций — это анонимные примеры, представляющие собою фразы или словосочетания, почерпнутые из каких-либо письменных источников (в числе которых был и Словарь Французской Академии) или речения, сочиненные авторами САР.

---

[92] Первоначально предполагалось не давать определений при отглагольных именах и отыменных глаголах «для избежания повторения» (Начертание, с. 310).

[93] Есть случаи определения причастий через субстантивные определения (*Введенный*... Тот, котораго куда или во что «ввели»; *Возвеличенный*... Тот, которого возвеличили...; ср. также *Завезенный*... прил. которого куда завезли) в двух первых томах.

Цитаты из Библии, особенно щедро привлекаемые в первых томах Словаря, подтверждали и дополняли объяснительную часть не только славенских слов, но и слов общего употребления. Они, кроме того, служили образцом применения слова «в высоком и красном слоге», то есть, кроме семантической, выполняли еще и задачу стилистическую. Придавая большое значение церковным цитатам, авторы учитывали, что они «по малому их в общем обращении употреблению, немногим сведомы», поэтому давали точную ссылку на источник, с тем что «если в объяснении их какая либо может оставаться темность, оная прочтением преведеннаго примера в связи с предъидущим и последующим отъята быть может».[94]

Значителен вес второго вида иллюстраций, а именно авторских речений (количественно они преобладают по сравнению с примерами книжными). В 1-м томе САР их около 5 тыс., во 2-ом около 8 тыс. Они даются при словах общего употребления, а также при просторечных и простонародных. Структурно-грамматически речения варьируются от простых именных или глагольных сочетаний (*Березовый веник, Набивание обручей, Свить веревку*), фраз в виде простых предложений (*Течет река, источник, Море волнуется, утихло, Он сего не желает*) до развернутых повествований (*В Москве обычай есть на кануне вербнаго воскресенья съезжаться в Кремль на площадь для покупки верб, а больше для прогулки, и съезд бывает превеликой*).

Примеры, сочиненные авторами Словаря, представляют иллюстрируемое слово в наиболее выгодном для него контексте (*От сильнаго удара вся рука побагровела; Прибрать ключ к замку; Раскуси дело хорошенько, и увидишь свою ошибку*). Можно утверждать, что в САР вырабатывался тот тип примеров — речений, который впоследствии был признан наиболее удобным для современных толковых словарей, а именно тип речений объективированных, отвлеченных от конкретной языковой ситуации, с предельной краткостью контекста.

В использовании анонимных примеров составители САР поддержали практику Словаря Французской Академии. Французские лексикографы отказались от иллюстрирования примерами из книг, предпочитая им нарочитосоставленные примеры, поскольку эти последние дают более четкое представление о слове, нежели цитаты из писателей.

Описывая семантику слова, составители должны были определить свое отношение и к тем контекстам, которые не входили непосредственно в рубликацию значений, а оказывались за ее пределами. В «Начертании» обращалось внимание на включение в Словарь и описание пословиц, поговорок и «разного рода вещаний», что свидетельствовало о позиции отразить «самобытность» русского языка, подкрепляемой также и соображением Ломоносова, что «выбирание из книг хороших речений, пословий и пословиц необходимо тому, кто хочет говорить красно».

Интерес к пословицам в XVIII в. подтверждается их собраниями (самого Ломоносова, Барсова, Богдановича, Н. Курганова, Татищева),

---

[94] Протоколы Заседаний Академии Российской. Архив АН, ф. 8, оп. 1. Собрание 11 ноября 1788 года.

как рукописными, так и изданными типографски. Так что составители САР имели достаточный материал, и трудность заключалась лишь в том, чтобы выработать критерии их отбора в Словарь. В Предисловии к Словарю отмечалось: «Никакой поистинне язык не может равняться обилием пословиц, присловиц и поговорок с языком российским: но как многие из них низки, а некоторые и не благопристойны, то Академия приняла больше такие, которые кратки, заключают в себе острый смысл, или ясное нравоучение» (с. XIV). Таким образом, был выдвинут, с одной стороны, критерий нормативности, с другой, принята во внимание их содержательная сторона. Было принято и еще одно ограничение — включать лишь те «коих знаменованию можно дать ясную и довольную причину», т.е. поддающиеся истолкованию. Но, несмотря на принятые ограничения, отбор был в известной мере произволен, да и сам объект недостаточно ясен. Во всяком случае от тома к тому количество пословиц уменьшается (всего включено 176 пословиц). В последующей же словарной практике пословицы и поговорки используются в качестве примеров, подтверждающих то или иное значение слова.

Те устойчивые сочетания, которые относятся к собственно фразеологии, составляют более 2700 единиц. Источники ее те же, что и для лексики Словаря. Церковные источники отражены во фразеологизмах *богатеть в бога, извитие словес, заградити уста, отверзти двери слова* и под., книжно-литературные дали новые единицы — *душевный взор, гремящий перун, царь веселых дней, круг света* и пр. Основная же масса помещенных в САР фразеологизмов принадлежала разговорной речи (около 20 % идиом имеют пометы «просторечное» или «простонародное»).

Структурная и семантическая разнородность фразеологии нашла отражение в ремарках и способах описания. Напр., отмечается метафоричность сочетания (в отличие от прямого своего употребления) в единицах, которые у современных фразеологов считаются фразеологическими единствами (*рыть яму кому, развязать кому руки, гладить по головке, попасться в когти, расхлебать кашу*). Фразеологизмы, представляющие собою сравнительные сочетания, определяются по типу «Уподобительно говорится...» (*Войлок войлоком.* Уподобительно говорится о волосах, когда они склокатятся, сваляются).

Терминологические сочетания вводились в Словарь двумя способами. Нерасчленяемые единицы помещались в алфавит заглавных слов (*Борисова трава, Бурная птица, Бесово молоко*), членимые сочетания под основное слово с истолкованием (*Артиллерия осадная... Артиллерия полевая... Артиллерия полковая...*).

Наконец, в виде словосочетаний оформлялись фразеологически связанные новые значения слов (*легкий сон, глухая ночь, метать икру*). Обычно толковалось лишь то слово, ради которого выделялось сочетание (*Бью масло.* Выжимаю масло в станке; *Метать икру.* Говорится о рыбах. Испускать, извергать из себя икру). При этом в приведенном примере может варьироваться лексический состав сочетания (*Беру девицу.* Поемлю, женюся. Он взял *невесту* из хорошаго дому).

Работа над Словарем продолжалась не менее 11 лет, срок предельно краткий для столь большого издания, особенно, если учесть, что за это время был выполнен весь объем работы, начиная от выявления источников Словаря и сбора лексических материалов до издания Словаря в свет. Примечательны календарные даты работы. 21 октября 1783 г. на торжественном собрании, посвященном открытию Российской Академии, были определены основные направления ее деятельности. Через неделю был создан «комитет» для составления проекта Словаря, а 11 ноября представленное на обсуждение «Начертание для составления толкового словаря Славяно-Российскаго» было одобрено всеми членами Академии. Участники Словаря занялись выбиранием слов из определенных для этой цели печатных и рукописных словарей и имеющихся в распоряжении Академии рукописных собраний слов, а также из книг церковных и «лучших писателей». Отдельные части собранных материалов соединялись в общий алфавитный список — аналогические таблицы. 13 января 1784 г., т.е. через два месяца после принятия проекта, рассматривались первые листы таблиц, а к 25 ноября того же года были отпечатаны таблицы на буквы А — Д, а 2 октября 1787 года были розданы членам Академии последние вышедшие из печати листы таблиц. Параллельно шла работа по преобразованию алфавитного списка слов в порядок «этимологический», т.е. по алфавиту гнездовых слов и формированию гнезда, и 23 августа 1785 года появились два пробных листа словопроизводного словаря. 25 ноября 1786 года на обсуждение представлено Предисловие к Словарю. 10 февраля 1789 г. Академия окончила рассмотрение первой части Словаря, в том же году она вышла в свет. 3 марта 1789 г. началось, а 23 ноября 1790 года окончилось рассмотрение второй части Словаря, в том же году издана. С 7 декабря 1790 г. по 27 марта 1792 г. рассмотрена третья часть, издана в 1792 г. С 23 апреля 1792 г. по 9 апреля 1793 года рассмотрена четвертая часть, в том же году издана. 14 мая 1793 года началось, а 11 марта 1794 года окончилось рассмотрение пятой части, изданной в том же году. Наконец, с 18 марта по 5 августа 1794 года рассмотрена шестая, последняя часть, и в том же году издана.[95]

Этот результат был достигнут благодаря четкой организации всех этапов словарных дел, точному распределению обязанностей между «отрядами» и подвижнической работе основных исполнителей.

Впервые в практике отечественной лексикографии словарь создавался усилиями многих людей. Успех предпринятого труда был обеспечен принятой всеми участниками программой словаря и коллегиальностью работы. Научным основанием программы послужили взгляды Ломоносова на литературный язык. Это нашло отражение в самом определении объекта описания Словаря (язык славенороссийский), в отборе слов, в стилистическом их размежевании и в самом наборе стилистических помет; грамматическая характеристика слов и формирование

---

[95] *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1784–1888. Т. VIII С. 64–66.

словарных строк давались в соответствии с грамматическим учением Ломоносова. Коллегиальность решений обеспечивалась проводимыми еженедельно заседаниями, на которых обсуждались все вопросы составления Словаря — уточнялись его принципы, рассматривался словник Словаря, состав словопроизводных гнезд, приемы разграничения значений, велись споры о способах определения слов и пр. Благодаря этому Словарь отличается единством концепции и высоким уровнем исполнения.

В дальнейшем большим лексикографическим предприятиям всегда предшествовал этап осмысления принципов готовящегося словаря и разработка практических рекомендаций по его составлению. Что касается проекта САР — «Начертания для составления толкового словаря Словяно-Российского языка», то он начинает собою особую разновидность лексикографического сочинения инструктивного характера.

За ходом создания Словаря следило образованное общество России, о нем сообщалось в журналах. Высокую оценку Словаря дал Карамзин: «Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностию, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев».[96]

С похвалой отзывался о нем Пушкин. Словарь был замечен и за пределами России. В 1794 г. по указанию Дашковой Словарь был послан в Геттингенский университет. В 1801 г. появился отзыв на него А. Л. Шлецера.[97] Предваряя сообщение о Словаре очерком о предшествующих российских лексиконах (первым упоминается Вейсманнов лексикон), автор излагает далее краткую историю создания Словаря, начиная от учреждения Академии Российской, упоминает некоторых исполнителей. Касаясь вопроса об «этимологическом» расположении слов, Шлецер подчеркивает, что для древних языков, каким является славянский, именно такая организация слов удачна. Среди достоинств Словаря отмечается введение акцентологических сведений о каждом слове. Выход в свет большого словаря всего за 6 лет Шлецер называет «подарком», особенно подчеркивая что этот словарь одноязычный, в котором все слова и выражения объясняются через русские синонимы и описания. Высоко оценивая Словарь как «сокровищницу языка», Шлецер указывает на его важную роль в развитии всего славянского языкознания.

Позднее акад. И. И. Срезневский признал, что в Словаре Академии Российской «в первый раз собрана и приведена в порядок громада сорока трех тысяч слов уже не одного книжного русско-славянского языка,

[96] *Карамзин Н. М.* Сочинения. 3-е изд. М., 1820. Т. IX. С. 306.
[97] Göttingenische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1801, Bd. 2, S. 1463–1472. Перевод отзыва Шлецера с кратким введением В. И. Осипова и М. Ш. Файнштейна см.: ВЯ. 1985. № 6. С. 104–110.

но и русского общественного, простонародного, ученого, технического. Сравнивая же этот русский словарь со словарями западно-европейских языков того времени, нельзя не согласиться, что очень немногие составлены лучше, сообразнее с потребностями общими». (ЖМНП. 1848. № 6).

Словарь создавался в тот период, когда происходил процесс слияния различных языковых стихий в единый литературный язык, с его еще недостаточно определившимися, зыбкими нормами. В отборе слов, в стилистических оценках, в орфографических и грамматических рекомендациях Словаря проявилась его нормативная направленность, осознаваемая как необходимость совершенствования языка, который в своем изобилии и красоте «ни единому европейскому языку не уступает». Идея самодостаточности славено-русского языка, выразившаяся в минимальном допуске в словарь слов иноязычного происхождения и его ориентация на образцовое употребление (строгий отбор источников) сближали САР с толковыми западными словарями, прежде всего со Словарем Французской Академии. Словарь Французской Академии (DAF)[98] считался образцовым словарем национального литературного языка в странах романского языкового ареала, он совершенствовался и дорабатывался от издания к изданию; к началу работы над САР в 1762 г. вышло издание 4-е. Авторы САР обращались к нему при разработке проекта, особенно в той части, где речь шла о семантическом описании слова (в частности, о метафорическом значении, об истолковании значения через синонимы с последующим определением). По образцу DAF определялись некоторые отвлеченные понятия (которые вначале предполагалось не определять), а также некоторые заимствованные специальные слова (напр. «поэзия, эпопея, ода, сонет, эпиграмма»). Но уже в принципах отбора слов были значительные расхождения. «Чистота, ясность и точность», которых придерживался DAF, привели к тому, что, по словам И. И. Срезневского, «Словарь Французской Академии был только выбором того, что невозможно отвергнуть».[99] Действительно, для слов устарелых, вновь вводимых, областных, иноязычных в DAF был строжайший отбор. Хотя САР также ограничивал ввод иноязычных слов, но для остальных перечисленных разрядов были предусмотрены исключения, позволявшие частично включать их в реестр Словаря.

Используя, как и DAF, в качестве примеров краткие речения составителей, САР включал также и цитаты из церковных и светских сочинений.

Следовательно, создатели САР, учитывая опыт предшествующих отечественных и зарубежных словарей, создали особый тип толкового словаря, отражающий своеобразие становления русского литературного языка XVIII в.

В свою очередь, сам Словарь стал таким лексикографическим трудом, который определил во многом дальнейшие пути развития русской

[98] Dictionnaire de l'Acade'mie Française. T. I–II. Paris, 1694.

[99] *Срезневский И. И.* О французских словарях. СПб., 1860. С. 7.

лексикографии вплоть до середины XIX в. Были продолжены работы над разными типами словопроизводных, «этимологических» словарей как в стенах Академии Российской (труды А. С. Шишкова), так и за ее пределами (словари Ф. Рейфа). В Обществе любителей российской словесности разрабатывался предложенный И. Ф. Калайдовичем[100] русский «ручной» производный словарь, отдельные части которого в виде списков слов с грамматическими пометами печатались в «Трудах» Общества.

На САР, прежде всего на его словник, грамматические и стилистические характеристики ориентировались составители русско-иноязычных словарей — русско-немецких, русско-французских, русско-польских и др. Первым словарем, принявшим для своей русской части словник и систему стилистических характеристик САР был «Словарь немецко-российский и российско-немецкий», вторая часть которого (Полный российско-немецкий словарь по большому словарю Российской Академии сочиненный Иваном Геймом) вышла в свет в 1795 г., т.е. всего через 2 года после издания последнего тома САР.[101]

В качестве источника для своих словарей указывают на САР лексикографы Ф. Рейф, А. Якубович, И. Шмидт.[102] САР был в поле зрения тех, кто продолжал работать над проблемами составления последующих толковых словарей. Так в Словаре П. Соколова[103] при всей его самостоятельности много общего с САР в подходе к отбору слов (в частности, областных и иноязычных), использован опыт академического Словаря для семантического описания слова (вплоть до повторения структуры словарной статьи и истолкования значений; заимствованы из САР модели дефиниций (напр. для отглагольных существительных, причастий, относительных прил. и пр.), а также часто сами дефиниции.

С критического разбора и обобщения опыта Словаря Академии Российской начинались работы по созданию нового академического словаря — Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением имп. Академии наук. (СПб., 1847. Т. 1–4).

Вскоре после издания словопроизводного «Словаря Академии Российской» стали ясны неудобства пользования им, в связи с чем возникает мысль о «приведении славяноросійского этимологического словаря

---

[100] *Калайдович И. Ф.* Опыт правил для составления русского производного словаря, с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом // Труды Об-ва любит. росс. слов. Ч. V. М., 1824. С. 330–390.

[101] Следующие дополненные издания: Новый российско-французско-немецкий словарь. Т. 1–3. М., 1799–1802; Полный росс.-фр.-нем. словарь..., исправленный и во многом дополненный Карлом Мессом. Т. 1–4. М., 1826.

[102] *Рейф Ф.* Новые параллельные словари языков: русского, французского, немецкого и английского... Ч. I–IV. СПб., 1842–1849; переиздания в 1852–1854 гг., в 1862–1865 гг.; *Якубович А.* Словарь российско-польский, сочиненный по словарям Академии Российской первого и последнего изданий, с приумножением технических выражений. Т. 1–2. Варшава, 1825–1828; *Шмидт И. Э.* Ручной словарь росс.-нем. и нем.-росс., по словарю Академии Российской Санкт-Петербургской сочиненный. Лейпциг, Гаухниц.

[103] *Соколов П.* Общий Церковно-славяно-российский Словарь. Ч. 1–2. СПб., 1834.

в буквенный порядок». С 1801 года составители словаря приступили к намеченной цели. Это привело к изданию «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного» (ч. I–VI. СПб., 1806–1822). Количество слов в Словаре достигло 51388 (некоторое увеличение связано прежде всего с ракладом этимологических гнезд словопроизводного словаря). Несмотря на устранение некоторых недочетов первого издания, Словарь в новой редакции «не имел того живого теоретического и практического Значения, как первооригинал». В лексике русского литературного языка конца XVIII — начала XIX вв. произошли существенные изменения. Ломоносовская теория трех стилей отходила в прошлое. Ломались старые нормы литературных стилей. Создавалась новая стилистика (реформа Карамзина, творчество Державина, Крылова, Батюшкова, Жуковского). Обновлялась литературная фразеология. Ширилась струя живой речи в составе литературного языка, и сдавались в архив истории архаизмы высокого стиля. Эти изменения в литературной лексике почти не нашли отражения в азбучном «Словаре Академии Российской».[104] Далее акад. В. В. Виноградов заключает, что «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», не является новым этапом в истории русской лексикографии».[105]

[104] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 218.

[105] Там же. С. 219.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ XIX ВЕКА

Общая характеристика

В XIX в. русская национальная культура достигла в литературе, искусстве, во многих областях знания тех высот, которые определимы словом «классический» (в смысле 'могущий служить образцом; совершенный '[1] и вместе с тем 'основополагающий, отличающийся особенной точностью и полнотой '[2]). Значительны и успехи лексикографии. Важной переменой явилось выдвижение в качестве ведущего типа толкового словаря национального языка. Этот поворот в ориентации словарного дела произошел уже в конце 80-90-х гг. XVIII в., ознаменованный выходом в свет Словаря Академии Российской. На исходе XIX в. была решена (в плане лексикографическом) кардинальная проблема славяно-русских взаимодействий. С этого времени толковые словари непосредственно ориентированы на описание русского языка. Названный перелом был предопределен тем, что в ходе развития языка национального, являющего собой синтез разговорной и письменной речи, объектом все более пристального внимания лексикографов становится живая русская речь в ее городском и крестьянском обличии (ср.: Словарь живого великорусского языка В. И. Даля, 1863–1866 гг.). Значительным для лексикографической практики XIX в. и ее теоретических обобщений было также все более четкое осознание и оформление отличительных признаков филологического словаря, его несходных с энциклопедией, сложных и разнообразных функций.

XIX в. начался с переиздания САР (1806–1822 гг.) и параллельных с этим усилий по выработке основ нового академического словаря. Подготовкой его в это время руководил А. С. Шишков, а после организации второго (словесного) отделения Академии Наук — А. Х. Востоков,[3] решительно изменивший лексикографические научные планы. «Словарь церковнославянского и русского языка» (в 4-х томах) был напечатан в 1847 г. В этом труде выявлены и отграничены от смежных областей параметры избранного (филологического) аспекта описания

---

[1] БАС. Т. V, стб. 997. Слово «классик» в том же словаре определено: 'образцовый, выдающийся, общепризнанный писатель, деятель науки, искусства ' (стб. 994).

[2] Там же, стб. 997.

[3] Смерть в 1841 г. президента Академии Российской А. С. Шишкова послужила поводом для ее закрытия.

словарного состава в виде ряда характеристик, указывающих на отношение лексики к другим языковым уровням — грамматике и фонетике; разграничены словообразовательные и орфографические варианты лексем; решается по языковым признакам проблема омонимии; отработаны отвечающие принципам языкового анализа типы лексических значений. Разработка профиля филологического словаря была интенсивно продолжена в начальном томе (А–Д) третьего академического словаря, вышедшего в 1895 г. под редакцией академика Я. К. Грота. Выдающееся значение этого труда не только в том, что объектом описания впервые явился современный литературный язык, но и в том, что задача описания значений слов здесь осмыслена в органической связи с описанием образцового словоупотребления. Изучение семантических и стилевых особенностей применения слов потребовало широких материалов и вызвало настоятельную нужду в создании фундаментальной словарной картотеки.[4] Начиная со второго тома, работу над академическим словарем возглавил А. А. Шахматов.[5] С преобразованием гротовского нормативного словаря в шахматовский тезаурус, в котором, помимо лексики литературного языка, должны были быть описаны и слова других подсистем языка нации, объем картотеки стал быстро и непрерывно возрастать, а состав ее становится все более многоплановым. Отвергнувший рекомендательный подход к языковым материалам, Шахматов не только не отрицал принципа анализа словоупотребления, но именно этот анализ и стал непременным условием выявления смысловых структур, а требование возможно более полного и объективного отражения состояния языка и обязательной документации, сделанных обобщений, придало еще большую весомость роли словарных фондов.

Возникновение магистральной линии в развитии русской лексикографии, всецело устремленной к собиранию, разработке и описанию лексики национального языка, вызвало коренные изменения в самой структуре этой области знаний. Произошло заметное обособление двух ее функциональных сфер: переводной лексикографии, в том числе и учебных словарей, и лексикографии энциклопедической. Обе эти области описания слов или ветви лексикографии, то расходясь, то смыкаясь, были ведущими на протяжении трех четвертей XVIII в. Насущно необходимые и сами по себе, они вместе с тем подготовили почву для создания толковых словарей национального языка. «Работа над составлением русско-иноязычных словарей, — пишет в этой связи акад. В. В. Виноградов, — имела громадное значение для развития русского литературного языка. Поиски русских соответствий иностранным словам приводили к более глубокому пониманию значений и оттенков русских слов. Устанавливались национальные русские формы для выражения

---

[4] Начало собирания материалов для картотеки, связанное с этим периодом развития лексикографии, относится к 1886 г.

[5] В 1894 г. Шахматов был избран адъюнктом Академии с целью заместить умершего в 1893 г. Грота.

понятий, выработанных западноевропейскими языками. При определении значений чужого слова точнее осознавались смысловые оттенки синонимов в составе самого литературного языка. Все эти процессы обострились еще необходимостью объяснять широким кругам общества значение недавно заимствованных терминов».[6] Столь же значительна для развития науки, культуры и языка, а также для словарных трудов, выполняемых в филологическом аспекте, роль энциклопедий и всякого рода специальных словарей. Без опоры на них не будет достаточно достоверным и филологический анализ словесных значений. Слова представляют собой наименования классов реалий. Описание их смыслового содержания не может быть оторвано от познания самой действительности, или, точнее, исторической изменчивости наших сведений о реальном мире. Соответствие толковых словарей современного языка современному уровню научных знаний во многом зависит от возможности привлечь компетентные источники. Академическая лексикография XIX века получила такую опору. Энциклопедическое направление на этом этапе достигло небывалых успехов. В течение этого столетия осуществлен целый ряд капитальных изданий в виде многотомных энциклопедий (Плюшара, Крайя, Толля, Березина, Брокгауза и Ефрона, Граната и др.).

Выше упоминалось, что переводная и специальная лексикографии обособились, проявив тенденцию к автономии,[7] однако утверждение магистральной линии, вызванной потребностью в словарях национального языка, имело не только центробежные, но и центростремительные последствия. Вокруг жанра толковых словарей возникли словарные разработки, которые углубляли (в историческом и современном аспектах) те или иные стороны изучения процесса формирования языка русской нации. Так «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. был призван фиксировать состояние этих языков, описав под этим углом зрения лексику русской книжности середины XIX в. Предвидя дальнейшее развитие русского языка, естественней было бы сделать упор на его ежечасно крепнущие позиции, о чем и говорили противники выдвинутого Академией плана, но у Второго (словесного) отделения АН была иная цель. Выход в свет в 1858 г. «Словаря церковнославянского языка» А. Х. Востокова показывает, что этой целью вовсе не было смешать языки, названные в заголовке академического словаря, скорее, напротив развести их, выявив зоны наибольших сближений, запечатлев результаты их длительного взаимодействия на том переломном этапе, которым была для русского литературного языка середина XIX века. Научное значение поставленной и решенной Словарем

[6] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 213.

[7] В связи со специфичностью каждого из процессов историю переводных словарей, а также специальных (особенно трудов энциклопедического направления) целесообразно излагать в отдельных очерках, а не в общем исследовании по истории лексикографии, совместно со словарями, обращенными к задаче описания лексики языка русской нации.

1847 г. задачи неоспоримо. Нельзя не отметить, что материалы его еше далеко не использованы и не оценены. Что касается «Словаря церковнославянского языка», то его состав не только имеет самостоятельное научное значение, но и во многом служит обоснованием того отбора церковнославянских слов, который был сделан при создании второго академического словаря.

Стремясь создать базу для исторического понимания и изучения лексического состава русского языка, создатели Словаря 1847 г. включили немало слов, почерпнутых из старинных памятников русской письменности. Обстоятельно и углубленно эта задача решалась в «Материалах для словаря русского языка» И. И. Срезневского.[8] Первый том Словаря опубликован в конце XIX в. (1893 г.).[9]

В цикле исторических Словарей заняли свое место лексикографические труды, посвященные изысканию этимологий. Едва ли не самое ценное среди них — «Этимологическое словорасписание» А. Х. Востокова. Его задача сформулирована самим автором: «... утвердив, если можно, историческими и логическими доказательствами словопроизводство российского языка, пояснить сию историческую часть грамматики для будущих наших лексикографов...»[10] «...Многие фонетические законы, подтвердившие гениальные догадки Востокова, были открыты значительно позднее», — отмечают исследователи, касаясь рассеянных в этой работе наблюдений.[11] «Работа над этимологическим словарем помогла Востокову сделать ряд замечательных открытий в области славянской филологии».[12] Труд был начат не позднее 1808 г. и так и не издан в целостном виде.[13]

Вопрос о происхождении слов привлекал внимание с глубокой древности. В XVIII в. пристальное внимание стали вызывать также словопроизводные и родственные связи слов. В XIX в. наблюдается дальнейшая разработка всех этих аспектов. В этот период выходят в свет несколько этимологических словарей. В первой половине века — труды Ф. И. Рейфа (1835–1836 гг.) и Ф. С. Шимкевича (1842 г.) с явно учебной ориентацией. Они не имеют еще вполне обоснованных принципов анализа слов, однако оригинальны и весьма показательны для характеристики начального этапа в становлении нового жанра. Первый из упомянутых трудов совмещает профиль двуязычного словаря с задачей этимологических разысканий. Он так и назван: «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или

---

[8] Труд И. И. Срезневского не был завершен самим автором (из-за кончины в 1880 г.) и в связи с этим опубликован Академией с заглавием «Материалы...».

[9] Том II-й вышел в 1902 г., III-й (с дополнениями) — в 1912 г.

[10] Цитируется по книге: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб , 1904. С. 660–661.

[11] *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. С. 49.

[12] Там же.

[13] Рукопись на 40 листах мелкого набора, вмещающая огромное число слов. Частично опубликована в книге: *Срезневский И. И.* Филологические наблюдения А. Х. Востокова. СПб., 1865.

этимологический лексикон русского языка». В Словаре Рейфа усовершенствована система, разработанная в Целлариусах Гёлтергофа, вместе с тем в основе труда — словопроизводный «Словарь Академии Российской». Помимо общеупотребительных слов здесь собраны слова устаревшие, областные, «простонародные», иностранные (последние из труда Яновского и других источников). Современники ценили Словарь за множество справок о происхождении русских слов и об их грамматических свойствах. Налицо — поиски словарного типа.[14] В словаре Шимкевича «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» русские «коренные» слова трактуются иначе, чем в словаре Рейфа, причем в полемике с ним. В отличие от предшественника здесь нет и слов иноязычных. Пояснения к отдельным словарным статьям, по мнению, высказанному самим автором, «дают корнеслову вид критического исследования о русском языке», где он «стремится вскрыть семантические закономерности в истории слов».[15]

Об уязвимости научного уровня труда можно судить по замечанию И. И. Срезневского, отметившего, что «в словаре говорится о 20 славянских языках; сербский язык, например, фигурирует под пятью названиями: боснийское, далматское, рагузское, сербское, славонское наречие, при этом каждое наименование принимается за самостоятельный язык».[16] «Но несмотря на все недостатки и ошибки «Корнеслова», он является первым русским собственно этимологическим словарем».[17] В конце XIX в. этимологические разыскания обрели научную базу, которую дал им сравнительно-исторический метод.[18] Но словарные труды в это время еще имеют характер работ подготовительного этапа. Таков «Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими» М. Изюмова (1880 г.), а также и «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Н. В. Горяева (1896). Оба, скорее, принадлежат к разряду учебных пособий. О составителе первого из них Бодуэн де Куртене заметил, что «Автор, очевидно, не признает строгих звуковых законов и определенных соответствий звуков отдельных европейских языков».[19] Словари, посвященные теме происхождения русских слов и их родственных связей с другими словами (русского и иных языков), строго научного уровня достигли лишь в XX в.

С историческим аспектом разысканий внутренне связаны наряду с другими и словари иностранных слов, имеющие наиболее тесные скре-

---

[14] Подробнее в кн.: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. С. 50–52.

[15] Там же.

[16] Подробнее см. там же. С. 53.

[17] Там же.

[18] Исследования в области этимологии славянских слов принадлежит многим выдающимся ученым. Среди них — А. А. Потебня, А. И. Соболевский, Г. И. Ильинский, Р. Ф. Брандт, К. К. Буга.

[19] Цитата из журнала «Вестник Европы» за 1893 г. № 4. *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. С. 90.

пы с лексикографией древней поры. Вместе с тем присутствие иноязычных слов в живом языке, а также степень их усвоения учитывается и при составлении нормативных словарей, среди отличительных признаков состояния современного языка. «Новый словотолкователь» Н. М. Яновского (далее — НС) — словарь иностранных слов и самый ранний из лексикографических трудов, изданных в XIX в. (1803–1806 гг.)[20]. Незаурядность этого труда и его заметная роль в освоении и развитии словарной традиции XVIII в. не раз отмечались исследователями.[21] «... К концу XVIII в. русская лексикография уже накопила достаточно богатый и разносторонний опыт подачи и толкования иноязычной лексики, в том числе терминологического характера», — читаем в работе Л. А. Войновой.[22] Далее показано, что к этому времени определился в основных своих границах и круг терминов, относящихся к той или иной сфере специальных знаний. Касаясь затем словаря Яновского, автор высказывает мнение, что труд этот «представляет собою, с одной стороны, своеобразное обобщение лексикографической практики XVIII в. в деле создания словарей иностранных терминов, а с другой — первый опыт нового типа словаря иностранных слов, созданного на значительно более высоком лексикографическом уровне, характерном уже для XIX в.».[23] Соглашаясь с этим, нельзя не отметить, однако, что в научной литературе пока не прослежены связи труда Яновского с более ранним этапом истории русского словарного дела, а они весьма выразительны. По словам Л. А. Войновой, например, Словарь Яновского — «это первая попытка» собрать воедино лексику самых разнообразных функциональных сфер языка, самых различных отраслей науки, техники и культуры, — лексики, которая до того была разбросана по отдельным словарям, очень выборочно и случайно представлена в словарях других типов или еще вообще не попала в поле зрения лексикографов».[24] В этом суждении многое верно, но разве не уместно было бы отметить, что своды иноязычной лексики существовали и в русской средневековой лексикографии или, что в азбуковниках Московской Руси, представлявших собой обширные собрания слов, в основном иноязычных, находим значительное число самых разнообразных терминов. Непосредственно примыкая к периоду текстовой лексикографии, идея одного объединительного словаря издавна сочеталась с

[20] Н. М. Яновский — переводчик и писатель, сотрудничавший в журнале И. А. Крылова и А. И. Клушина «Санкт-Петербургский Меркурий». Прервав литературную деятельность, стал чиновником (статский советник). Составление словаря совмещал с иными занятиями.

[21] *Войнова Л. А.* «Новый словотолкователь Н. Яновского» и его источники // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980; *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М.,1958; *Василевская И. А.* Отражение новых иноязычных заимствований в русской лексикографической практике XVIII века. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

[22] *Войнова Л. А.* «Новый словотолкователь» Н. Яновского... С. 46.

[23] *Войнова Л. А.* «Новый словотолкователь» Н. Яновского... С. 46.

[24] Там же.

идеей раздельного описания слов по темам и разным областям людского труда и быта. Понятно, что своды иноязычной лексики, издаваемые со второй половины XVI в. и в XVII в., вызваны иными потребностями, чем словари иностранных слов XVIII-го или XIX-го веков,[25] тем не менее нельзя не признать и того, что «Новый словотолкователь» Яновского не был «первой попыткой» объединения иноязычных слов: труд этот имел свою (и при этом давнюю) традицию. Не даром среди ряда других свидетельств упрек в известной неравномерности и случайности материалов НС очень сходен с тем, который был в свое время высказан в науке относительно состава азбуковников. Произведя детальный анализ словника НС, Л. А. Войнова делает вывод, что «лексика одних отраслей знаний (например, терминология военная, морская, астрономическая, анатомо-медицинская, церковно-богословская, государственно-правовая, торгово-финансовая, музыкальная, архитектурная, горного дела) представлена в нем более широко и полно, чем других (таких как география, физика, минералогия, математика, за исключением геометрии, оптика, скульптура, книгопечатание, монетное дело; совсем исключена номенклатура зоологии и ботаники)».[26] Описатель состава русских азбуковников А. Карпов,[27] обнаружив в них термины, которые (в соответствии с данными энциклопедий XIX в.) следовало бы отнести к разным областям знания (географии, этнографии, минералогии, ботаники, зоологии, орнитологии, ихтиологии, философии, языкознанию, истории, мифологии и др.), делает заключение, что некоторые из этих областей представлены с большей подробностью (языкознание), другие — скупо (библиография) и почти не имеют при себе энциклопедических сведений. Наряду с пространными описаниями различных реалий, местностей и народов, в азбуковниках обычны и статьи, где дан лишь перевод слова или краткое объяснение его лексического значения. Такова историческая специфика их структуры.[28] К ней близко и строение текста НС.[29] Соединение двух начал — филологии и энциклопедизма — самая характерная черта азбуковников, восходящая к традициям византийской лексикографии. Следуя тому же

[25] Основная идея азбуковников, как упоминалось, собрать рассеянные в рукописных книгах толкования лексики иноязычной, а также и славянских слов, истолкованных из-за архаичности и локальности значений, или же своеобразия выражаемых ими символических смыслов.

[26] *Войнова Л. А.* «Новый словотолкователь» Яновского... С. 48–49.

[27] *Карпов А.* Азбуковники, или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878.

[28] *Ковтун Л. С.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей конца XVI–XVII вв. (об историзме в критике источника) // ВЯ. 1980. № 5. С. 84–93.

[29] По наблюдениям Л. А. Войновой, Яновский «широко использовал способ буквального перевода и калькирования заимствованных слов, но далеко не всегда применял этот тип определений. В тексте НС можно найти все их разнообразие — «от кратких указаний на значения и сферу применения ... до развернутых толкований, перерастающих иногда в целые научно-популярные статьи...» (*Войнова Л. А.* «Новый словотолкователь» Яновского... С. 54 и сл.

образцу, НС преемственно связан в этой черте с прошлым. Он далек еще от того направления развития, которое затем было активно проявлено в словарях XIX в. (тенденция обособления энциклопедий). Но понятно, что источники, из которых он черпал сведения, совсем иные, чем те, которыми пользовались составители азбуковников, иная и цель словаря.

В энциклопедических статьях НС — «подробнейшее описание реалии», «многочисленные исторические сведения» и «разнообразные фактические данные». Иногда в НС цитируется (целиком или в извлечениях) используемая литература, нередко дана отсылка к тому или иному источнику (для более подробного знакомства с предметом). Точно так поступали и составители азбуковников.[30]

Трудно усомниться, наконец, в том, что составитель НС был знаком с азбуковниками, поскольку они отмечены среди источников «Словаря Академии Российской». Но вряд ли в связи со всем сказанным окажется исторически обоснованным тезис, что НС нов лишь по содержанию, но не по форме (структуре Словаря). «... Результаты, достигнутые Яновским, свидетельствуют о том, что НС явился качественно новым типом словаря иностранных слов».[31] Его создатель, как полагает Л. А. Войнова, пытался «представить иноязычную лексику той или иной функциональной сферы во всей ее совокупности» и в этом ему удалось достичь «поразительного для своего времени успеха, — ср. хотя бы системы собранных им военных, астрономических, музыкальных терминов».[32]

[30] В отличие от НС источниками азбуковников в подобных случаях были не «Книга Морской инженер» Н. Курганова, «Физика» В. Петрова или «Описание телеграфа» в переводе с немецкого 1795 г. (Войнова Л. А. Там же. С. 57) и другие подобные сочинения, а литературные труды византийцев или славянских авторов (периода средневековья и Московской Руси) — Епифания Кипрского, Дионисия Ареопагита, Иоанна, экзарха болгарского, Максима Грека, тексты Писания. Неодинаков и объем словарей (в НС — 10.000 статей, в азбуковниках конца XVI в. — свыше 5.000, но в XVII в. словари — и со значительно более богатым словником).

[31] *Войнова Л. А.* «Новый словотолкователь» Н. Яновского... С. 50. Автор ссылается на согласие с упомянутым выводом и других — Р. М. Цейтлин и И. А. Василевской, — и добавляет: «Они же указали на то, что по способу подачи и обработки материала НС был первым словарем иностранных слов филолого-энциклопедического типа». Но названное положение было выше оспорено. Можно внести некоторые поправки и в некоторые другие характеристики НС. Например, что в нем впервые введены указания на то, из какого языка заимствовано объясняемое слово (языковые пометы есть и в азбуковниках) или, что лишь в нем даются не только новые заимствования, но и все другие иноязычные слова (ср. «новшеством для лексикографической практики той поры явилось и впервые осуществленное Яновским объединение в одном словаре как только что заимствованных, так и давно уже усвоенных иностранных слов», — *Войнова Л. А.* Там же. С. 49); но подобных различий не делали и азбуковники, и даже более ранние глоссарии).

[32] Там же. С. 50. Азбуковники, как и НС, в заголовках объявляют своей задачей — объяснение непонятных слов: Ср. «Книга, глаголемая алфавит, содержащия в себѣ толкование неудобь разумеваемых речей...», Азб. по ркп. ГПБ О. XVI.I, л. 7.

Столь же ценны наблюдения о преобразованиях и самих словарных структур, сделанные И. А. Василевской: «Как никакому другому словарю иноязычного состава того времени присуще «Новому словотолкователю» стремление к фиксации в рамках одной словарной статьи разных (как правило, изолированных друг от друга на русской почве) значений иноязычного слова, полнота их характеристики, а также довольно последовательный принцип построения словарной статьи, включающий в себя и сведения о происхождении слова, и функционально-стилевые пометы. Одной из специальных задач, которые ставил перед собой составитель этого словаря, была фиксация формальной дублетности и вариантности иностранного слова. В XVIII в. подобного словаря иностранных слов в России еще не было и не могло быть в силу крайне неустойчивого положения в русском языке иностранных слов».[33] Для выявления степени новизны НС существен также избранный его составителем метод накопления материалов. Сам Яновский считал своей главной задачей отбор и определения слов, «которые весьма часто встречаются в газетах и журналах, в книгах различного содержания, в дипломатических бумагах, во многих даже обыкновенных разговорах, которые однако ж значение не всякому известно».[34] Усмотрев в этом подходе к основанию базы НС причину неравномерности его словника, Л. А. Войнова несколько ниже и в другой связи все же отмечает, что это и обусловило то, что в НС «впервые так широко и полно представлена иноязычная бытовая лексика конца XVIII в. (названия кушаний, напитков, одежды и предметов домашнего обихода, терминология светских развлечений — картежных игр, фехтования, охоты, верховой езды и т.п.), а также разнообразная отвлеченная и конкретная лексика общекультурного характера...»[35] «В этом — несомненное достоинство НС, выводящее его за рамки терминологического словаря в разряд общего словаря иностранных слов своей эпохи».[36] Следует иметь также в виду, что «Словарь Яновского для своего времени был существенным дополнением к академическим словарям», т.к. «в нем помещены многие слова, употреблявшиеся в русском литературном языке, но отсутствуюшие в словарях «Российской академии».[37]

Изучены и словарные источники НС. Ими оказались Второе издание «Полного французского и российского лексикона» 1798 г., «Полный немецко-российский лексикон Словаря Аделунга 1798 г. и Словарь

то же и в НС, где говорится, что словарь будет толковать «разные в российском языке встречающиеся иностранныя речения и технические термины, значение которых не всякому известно». Но содержание и тех и другого — шире этой задачи.

[33] *Василевская И. А.* К методологии изучения заимствований (Русская лексикографическая практика XVIII в.) // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1967. Т. XXVI, вып. 2. С. 167 и сл. Войнова Л. А. «Новый словотолкователь» Н. Яновского... С. 50.

[34] *Войнова Л. А.* Там же. С. 48.

[35] Примерами подобных слов являются: журнал, идеальный, интерес, каприз, оригинал, оригинальный, панический, эгоизм и многие другие. Там же. С. 49.

[36] Там же. С. 49.

[37] Там же. С. 41.

Академии Российской 1784–1789 г. Л. А. Войновой выявлены и продемонстрированы принципы вовлечения материалов этих источников, их разработки и дополнения.[38]

Из анализа следует, что «НС построен на широком использовании, с одной стороны, различных лексикографических трудов, последней трети XVIII в., с другой — разнообразной научной, научно-популярной и учебной литературы».[39] Определив вслед за этим характер словаря как «в известной степени компилятивный», (что, думается, в данном случае не имеет оснований, ведь и самый оригинальный словарь возникает на основе словарной традиции), автор делает заключение, что именно это свойство словаря и «позволяет его рассматривать как своеобразное, но достаточно яркое и точное отражение уровня знаний, круга представлений, образа суждений русского образованного общества конца XVIII в».[40] Но если это так, то не следует ли признать, что Н. М. Яновскому удалось достичь наивысшего успеха, т.к. он в полной мере осуществил поставленную им задачу. Недаром в науке признается, что «тип словаря иноязычных слов, сложившийся под пером Яновского, сохранился в своих основных чертах в большинстве словарей этого рода XIX и XX вв».[41]

Рассмотрение словаря Н. М. Яновского представилось целесообразным не только из-за редкой содержательности его труда (в нем ярко проявилась и личность изобретательного и неутомимого автора), но также из-за того, что обстоятельный и вдумчивый анализ текста НС исследователями, писавшими об этом словаре, позволил рассмотреть на конкретных материалах один из наиболее общих вопросов — взаимосвязь и противостояние традиции и новаторства.

Важным в теоретическом отношении является и вопрос об отражении в словарных трудах идеологии их составителей и социальной среды, к которой они принадлежат, времени, в которое появился тот или иной труд. Пример «Нового словотолкователя» здесь показателен и любопытен. Автор его открыто высказывает в словаре свои воззрения. Л. А. Войнова приводит немало примеров «очевидного желания Яновского повлиять на сознание тех, кто обратится к его сочинению. Так в статье на слово «атеист» сказано: «Атеисты не должны быть терпимы ни в каких обществах, поелику они разрушают основания оных», в статье на слово «анаграмма»: «Занятие деланием анаграмм есть ребяческое употребление времени»; в статье на слово «журнал» выдвинуто предложение об организации в России национального журнала, а в статье на слово «технический» автор призывает к замене интернациональных терминов греко-латинского происхождения «словами своего наречия», если таковая возможна; и т.д. и т.д.[42] В рассказах эпизодов из жизни автора словаря, в советах читателю и доверительных

---

[38] Там же. С. 50.
[39] Там же. С. 59–68.
[40] Там же. С. 69.
[41] *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. С. 41
[42] *Войнова Л. А.* «Новый словотолкователь» Н. Яновского... С. 56.

беседах с ним — литературность НС. (Она в высокой степени была присуща и азбуковникам; но проявление этого свойства в словарях XVI–XVII вв. и в словаре конца XVIII в. — начала XIX века — совершенно иное).[43] В других наших словарях (ранних и поздних) идеология автора-составителя не выражена столь непосредственно. Однако в сороковых годах XIX в. в русской лексикографии появился труд, который был не менее литературен и еще более идеологичен, чем НС. Выражение передовых идей — главная задача этого труда, а словарная форма использована с целью обойти (хотя бы на время) цензурные запреты. «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» был издан в 1845–1846 гг., в эпоху николаевской реакции. Словарь стал орудием острой идеологической борьбы, хотя издатель его, Н. С. Кирилов,[44] был далек от этой цели. Его интересы сводились к выпуску добротного словаря, и тот был сделан вполне профессионально (внимательно отобранный для краткого словаря словник, четкость в описании значений слов, показ наиболее употребительных словосочетаний, необходимые этимологии и пояснения к производным, в том числе и переносным значениям слов). Но под пером лиц, взявших на себя редакцию издания и написание основных статей, он стал сочинением в жанре публицистики и средством проявления свободомыслия.[45] Редактор первого выпуска[46] — молодой литературный критик В. Н. Майков, а второго[47] — М. В. Буташевич-Петрашевский.[48] Идеологическая тенденция и вывела этот труд в ряд наиболее значительных и ярких общественно-политических сочинений XIX века.

«Петрашевцы ринулись горячо и смело на деятельность и удивили всю Россию», — писал А. И. Герцен.[49] «...У нас нет прямых указаний на участие Петрашевского в первом выпуске словаря, но даже в нем были статьи весьма прогрессивного содержания», — отмечает Р. М. Цейтлин, и, касаясь характеристики самого текста, добавляет: «Разъяснялись, например, такие слова, как авторитет, анархия, аристократия, демократия, деспотизм, календарь французской республи-

[43] Просветительские пассажи в НС, как и отмеченная современниками «приятность» слога его статей, как понятно, — в духе литературной и общественной жизни XVIII-го столетия.

[44] Н. С. Кирилов — преподаватель кадетского корпуса и создатель школьных пособий для военных учебных заведений.

[45] «В словаре то и дело попадались ссылки на запрещенные в России книги Гольбаха, Прудона, Луи Блана, а также сочинения Э. Кабэ, Ш. Фурье, Сен-Симона и других социалистов-утопистов» (*Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. С. 44).

[46] Первый выпуск — СПб., 1845 (слова «абадонна — мариотова трубка»).

[47] Второй выпуск — СПб., 1846 (слова «марка — малтийский»).

[48] Из-за занятости В. Н. Майкова в «Отечественных записках» он отказался от редактирования словаря. Затруднением Н. С. Кирилова воспользовался Петрашевский — организатор и руководитель петербургского кружка передовой разночинной интеллигенции.

[49] *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1946. С. 678: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. С. 43.

ки, конституция, идеал, идея, идеализм, индивидуальный».[50] Статьи самого Петрашевского во втором выпуске «были еще более насыщены и революционны по своему содержанию». И далее: «В статье нация, например, давалась незавуалированная пропаганда социализма (в понимании Петрашевского), статьи негрофил и негры были всем своим содержанием направлены против крепостного права, статья натурализм — против христианской религии, и содержала взгляды Фейербаха на религию».[51] «Книга сейчас же, как вышла из печати, привлекала к себе внимание передовой русской интеллигенции» и вызвала нападки реакционеров, хотя имена авторов «крамольных статей» долгое время оставались неизвестными».[52] Оба выпуска словаря были конфискованы и издание прекращено.

Система русских словарей, разработанная в академических кругах середины XIX в. была, таким образом, ориентирована в первую очередь на изучение истории языка. «Толковые словари русского языка, — пишет об этом состоянии знаний акад. В. В. Виноградов, — отрываются от живого процесса литературного развития».[53] И далее, имея в виду «Словарь Академии Российской» в издании 1806 г. и особенно «Словарь церковнославянского и русского языка», вышедший в свет в 1847 году: «Казалось, что главной задачей академических словарей стала реставрация старого литературного наследия».[54]

Создание В. И. Далем в 60-х гг. XIX в. его знаменитого словарного труда, — богатейшего собрания народной речи, в высшей степени отвечало насущным потребностям своего времени. Национальный язык продолжал интенсивно разрабатываться и всечасно твориться русским народом и его писателями. Современное состояние лексических фондов языка стало предметом живейшего и далеко не праздного внимания. «Крупнейшие писатели XIX в. стремились как можно теснее сблизить литературный язык с народным. Гоголь собирал материал для нового словаря русского языка».[55] Им должен был стать труд, объединяющий «все книжные и народные богатства родной речи».[56] В «Напутном слове», прозвучавшем 21 апреля 1862 г. на заседании «Общества любителей русской словесности», В. И. Даль произнес свои широко известные

---

[50] Там же. С. 43–44.

[51] Там же. С. 44.

[52] Там же. С. 44.

[53] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка. С. 223. Весьма существенно для понимания нужд русской культуры того периода и сказанное вслед за этим: «Правда, необходимость обособления церковнославянского от русского к середине XIX в. была очевидна всем. Даже в стенах Академии наук раздавались голоса (например, П. С. Билярского, И. И. Срезневского, призывавшие к работе над нормативным словарем живого литературного языка. Но вопрос о границах литературного языка был не вполне ясен». (Там же. С. 224).

[54] Там же.

[55] Там же. С. 224.

[56] *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. С. 74.

слова: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный».[57]

Однако несмотря на противостояние труда Даля академической лексикографии, несомненна их взаимная связь. Дискуссия активизировала работы и той и другой стороны. Словарь Даля занял свое место в образовавшейся в XIX столетии системе словарей, оказав в дальнейшем известное влияние и на концепцию шахматовского тезауруса. Вместе с тем «Даль не разрешил вопроса о словаре русского литературного языка».[58] «В академических кругах, — пишет акад. В. В. Виноградов, — «Толковый словарь» Даля рассматривался лишь как сборник первоклассных материалов для исследования народной речи...», и добавляет: «Уже в начале 50-х годов в стенах Академии наук обсуждается программа нового словаря. В этом обсуждении принимают участие Греч, Павский, Даль, Шевырев, Буслаев, Грот». Говоря иными словами, в истории академической лексикографии наступал новый этап, связанный с деятельностью Грота, а затем Шахматова. Этап этот был подготовлен разнонаправленной и долголетней традицией.

Словарные работы Российской Академии 1810–1840-х гг.

Выход в свет двух изданий «Словаря Академии Российской» (1789–1794 и 1806–1822) завершил первый период деятельности главного гуманитарного центра России. Второй этап лексикографических занятий Академии был определен ее уставом 1818 г. По нему предполагалось создать другой словопроизводный словарь, а также азбучный, сравнительный словарь всех славянских наречий, словари технические и словесных наук. Эти работы диктовались особенностью направления в изучении и описании русского языка, возросшим вниманием к проблеме общности славянских языков, места и роли каждого из них в родственной семье, степени связанности со старославянским языком.

Лексикографические работы первой трети XIX в. тесно связаны с именем ее последнего президента А. С. Шишкова.

В 1796 г. А. С. Шишков избирается членом Российской Академии и сразу же становится одним из ее самых видных деятелей. Он активно участвует в обсуждениях азбучного «Словаря Академии Российской» и трудов по языкознанию, литературных сочинений, присылаемых в Академию.

В 1813 году А. С. Шишков назначен президентом Российской Академии. Во вновь принятом в 1818 году академическом уставе отразились основные мысли Шишкова по кардинальному переустройству Российской Академии. Был увеличен штат и бюджет Академии, расширена

[57] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935. Т. I. С. I–II.

[58] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка. С. 230.

библиотека, основана типография. Для того чтобы оживить деятельность Академии, президент пытался привлечь к ее работе всех известных литераторов и историков. В некоторых исследованиях встречаются утверждения о необъективности А. С. Шишкова к своим литературным и научным противникам. Это неверно. Так, Шишков сумел оценить заслуги Н. М. Карамзина, рекомендовав его в академики. Позднее президент организовал сбор средств и содействовал установлению памятника автору «Истории государства Российского» в Симбирске. В 1832 году по предложению А. С. Шишкова был избран в Академию и Пушкин.

Благодаря А. С. Шишкову Российская Академия стала крупным научным центром по изучению славянских культур, установила тесные контакты с европейскими учеными-славистами. Издавались не только труды ученых, состоящих в Академии, но и сочинения античных, средневековых авторов, произведения западноевропейских писателей XVIII — первой трети XIX века. Особое внимание уделялось изданию русских классиков.

В 1795 г. Шишков публикует «Треязычный морской словарь». Это был научно-технический переводной словарь, сразу ставший настольной книгой как для гардемаринов, завершавших свое учение, так и для офицеров флота, желавших познакомиться с новинками морского дела, установить деловые контакты с иностранными флотами, где русские не один год проводили в качестве практикантов. Словарь Шишкова нашел свое применение и в литературе. Достаточно упомянуть, что в своей работе над переводом популярного в России романа Ф. Купера «Красный морской разбойник» (СПб., 1832) известная детская писательница А. О. Ишимова использовала «Треязычный словарь» Шишкова. В 1835 году Российская Академия переиздала этот словарь, который до начала XX века был необходимым пособием для обучающихся в морских училищах.

В соответствии с новой программой, принятой Российской Академией в 1818 году, Петербург должен был стать крупнейшим лексикографическим центром. В России и за рубежом приобретались десятки книг и словарей, в том числе и рукописные, которые должны были служить источниками при создании словарей различных типов: нормативных, этимологических, терминологических и других. На академических заседаниях активно обсуждались проблемы составления словарей. Президент старался поощрять лексикографов, оказывая им, если требовалось, и необходимую финансовую помощь. Золотыми академическими медалями были награждены Ф. Рейф, а также славянские ученые — В. Ганка, П. Шафарик, Ф. Челаковский, В. Караджич. Помощь Академии позволила завершить работу над словарем «Корнеслов русского языка...» Ф. Шимкевичу. Интересно отметить, что в этом словаре автор решительно критикует взгляды Шишкова на историю развития русского языка.

С 1815 года на страницах «Известий Российской Академии» начинают публиковаться многочисленные статьи Шишкова по лексикографии. Среди них — «Некоторые замечания на предлагаемое вновь со-

чинение Российского словаря», «Опыт славянского словаря», «Опыт славянского языка, или объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов» и многие другие. Основная идея этих статей — составление словопроизводного словаря — была сама по себе очень плодотворной. Именно в таком словаре можно показать соотношение корня и образованных от него слов, выявить всевозможные словообразовательные связи в гнезде. Шишков предполагал также широкое привлечение материала из других славянских языков, что могло помочь составителю дать семантическую и словообразовательную характеристику слов в историческом аспекте. В публикации «Некоторые замечания на предлагаемое вновь сочинение Российского словаря» президент подверг критике первое издание «Словаря Академии Российской», а также составляемое академией новое азбучное издание. Касаясь первого академического словаря, Шишков отмечал, что за прошедшие 30 лет филологическая наука шагнула вперед и поэтому лексикон необходимо переработать, сократить в нем «излишества», недостатки дополнить, погрешности исправить, а по образцу оного сочинить новый словарь».[59] Азбучный словарь тоже не устраивал Шишкова, ибо он «разрывал великую связь между словами». При составлении нового словопроизводного словаря следовало перепроверить значения слов, чтобы «сомнительные и темные привесть в точность и ясность», лучше выбирать примеры и рассматривать корни слов с «вящими и надежнейшими способами, то есть с помощью славянских наречий».[60] Следуя принципам «Плана этимологического словаря всех славянских языков» известного чешского филолога и историка И. Добровского, президент предлагал заимствованные слова помещать в конце словаря. Лексику же неславянского происхождения предлагалось заменять эквивалентными словами из славянских языков. Такой подход был характерен и для других славянских лексикографов, в частности для Й.Юнгмана.

Словопроизводный словарь представлялся Шишкову как собрание корней, из которых произошли «деревья слов с ветвями». Основная задача лексикона должна была заключаться в тщательном отыскании корней и произведения от них всех производных слов, чтобы показать, «каким образом ум человеческий сперва к корню присоединяет мысль, а потом от сей мысли, сообразуясь с нею, рождает другие». Каждое «дерево» состоит из трех уровней: 1) корень; 2) «колено»; 3) «ветвь». Соотношение корня и «колена» связано с общим понятием, которое, якобы, прослеживается во всех «коленах». Во втором уровне заглавное слово «колена» передает главную мысль («понятие») «ветвям». И, наконец, в последнем уровне представлены прямые производные, образованные от основного слова «ветви».[61] Подчеркивая таким образом ступенчатый характер русского словообразования, Шишков при построении своих «деревьев слов» следовал традиции этимологов XVIII — начала XIX вв.

[59] Известия Российской Академии. 1815. Кн. I. С. 8.
[60] Там же. С. 9–16.
[61] Там же. Кн. 6. С. 54.

Своеобразный макет будущего словаря представлен в последней, двенадцатой, книжке «Известий Российской Академии». Это — «Опыт словаря по корням, иначе называемом словопроизводным» (1828). В глоссарии двадцать пять «колен», в основе которых лежат корневые буквы МР (корень). Количество слов, входящих в «колена» корня, различно. Так, первое «колено» МЕРЕТЬ включает в себя 112 слов, второе — МЕРЛУХА — 3 слова, последнее — МИР — 76 слов. Основную задачу нового словаря Шишков видел в «отыскании доказательств и связыванию корней». Глоссарий Шишкова — это своеобразные таблицы, представляющие собой роспись слов с их толкованиями, связанных друг с другом «единым понятием».

Работы по составлению словопроизводного словаря продолжались Шишковым и в начале 1830-х гг. Это подтверждает сохранившийся в С. -Петербургском отделении Архива АН печатный экземпляр первого издания «Словаря Академии Российской» с многочисленными заметками Шишкова, непременного секретаря Академии Д. И. Языкова и академического библиотекаря В. М. Перевощикова.[62] Новое детище Шишкова представлялось значительно богаче по словнику первого издания Словаря Академии Российской. Увеличение словника нового лексикона шло по нескольким направлениям. Первое было связано с представлением Шишкова о соотношении русского и церковнославянского языков. Он и его литературные сторонники видели неразрывное единство русского языка с церковнославянским и другими славянскими языками, не признавали разделения этих стихий в литературной русской речи.

Шишков предполагал составить словарь нового типа — тезаурус, в который должны были войти «все слова, и ныне, и прежде людьми в разговорах употребляемые». Но он прекрасно понимал также и то, что вместить в один словарь такой материал практически невозможно. Поэтому он стремился отобрать лексику, «свойственную» русскому языку, а все остальное исключить. Под «несвойственной» лексикой Шишков подразумевал прежде всего заимствования, которым отказывалось в «гражданстве» в предполагаемом словаре. 95 % заимствований исключались из словаря. Так же как в первом академическом словаре к ним подбирались русские эквиваленты (*геодезия — землемерия, анатомия — трупоразъятие, анемометр — ветрометр*). Часть заимствований предполагалось заменить лексикой из других славянских языков (*алхимия — чистнарство, алхимик — чистнарь* (чеш.), *министр — срешнек, архивариус — старинарь* (хорв.)). Как говорилось выше, именно в этом особенно отчетливо прослеживаются идеи Шишкова об общности словообразования в славянских языках.

Шишков предполагал включить в свой словарь только небольшую группу заимствований — «самонужнейшие слова». Они должны были составить небольшой глоссарий в конце словаря. К таким словам относились, в основном, специальные термины — *редут, реестр, резидент, реляция, рейтар, рекрут* и некоторые другие.

[62] Архив АН, ф. 8, оп. 4, д. 1–6.

В первую треть XIX века художественная литература становится источником, из которого черпался материал для лексикографических трудов. И Шишков считал, что произведения как древней, так и современной ему литературы должны были лучше раскрыть значение вновь вводимых слов, продемонстрировать их употребление, подтвердить стилистические оценки. Среди примеров встречаются и произведения карамзиниста П. И. Шаликова и А. А. Бестужева-Марлинского. Выясняется также интересный факт, проливающий свет на отношение президента Российской Академии к А. С. Пушкину: 107 примеров заимствовано из произведений великого поэта. Отметим, что еще в 1828 году Шишков цитировал «Евгения Онегина» (Известия Российской Академии. Кн. 12).

Произведения Пушкина были использованы и при формировании словника задуманного словаря. Так, ссылаясь на них, Шишков ввел в свой лексикон такие слова как *козлоногий* и *сладострастие*. Можно с уверенностью сказать, что впервые права гражданства в лексикографии поэт получил в лексикографических работах архаиста Шишкова, а не в Словаре церковнославянского и русского языка (1847), как это утверждалось раньше. Более 70 примеров заимствовано из Евгения Онегина. Среди других источников — поэмы и стихотворения: Руслан и Людмила, Кавказский пленник, Вадим, Песнь о Вещем Олеге, Торжество Вакха, Андрей Шенье, Граф Нулин, К Овидию, Румяный критик мой...

Последним лексикографическим трудом 84-летнего президента явилось переиздание знаменитого «Сравнительного словаря всех языков и наречий» П. С. Палласа, изданного в 1786 году. В отличие от первого издания, где русским словам соответствовали только эквивалентные лексемы, в издании Шишкова каждому слову сопутствовало пространное объяснение его возможного происхождения и связей со случайно созвучными словами из разных языков. В переработке этого монументального труда Шишкову помогал академический переводчик, знаток старых и новых языков К. Гроссгейнрих, составивший рукописный план словаря. В работе над словарем были использованы многочисленные лексиконы, хранившиеся в академической библиотеке, а также уникальная лингвистическая коллекция известного историка и филолога Ф. П. Аделунга, из которой можно было почерпнуть сведения о всех языках мира. Материал для словаря собирали и другие ученые. Так, А. С. Гульянов, член Российской Академии и известный впоследствии востоковед, занимаясь в 1820-е годы в парижских архивохранилищах, по поручению Шишкова делал выписки о языке индейцев-гуарани Парагвая.

Наряду с этимологическими разработками в стенах Российской Академии продолжались занятия, связанные с разработкой азбучных словарей. Эти исследования относятся к концу 1820-х гг. — через 5–6 лет после выхода в свет последнего тома азбучного словаря Академии Российской (1806–1822).[63]

[63] Подробнее о работе над словарем такого типа см. в главе «Словарь церковносла-

В 1834 г. вышел в свет Общий церковно-славяно-российский словарь. Его автором был известный деятель русской филологической науки, непременный секретарь Академии Российской П. И. Соколов. Разночинец по происхождению, выпускник Московского университета, в начале 1790-х гг. он принял участие в работах над «Словарем Академии Российской», за что был поощрен золотой медалью и взошел на «Российский Парнас», где около 50 лет прослужил науке. Первой опубликованной работой П. И. Соколова стали «Начальные основы российской грамматики» (1788) (совместно с Д. М. Соколовым). Затем в 1802 г. они выпустили новое издание — «Российскую грамматику», получившую широкое признание современников.

В 1802 году после смерти И. И. Лепехина Соколов избирается непременным секретарем Российской академии. Научно-административную работу в академии ученый сочетал с работой в ряде других учреждений; был библиотекарем в Библиотеке Академии наук, преподавал русский язык в Академической гимназии, а также в училище корабельной архитектуры.

С 1797 по 1829 год он редактировал одну из старейших русских газет «Санкт-Петербургские ведомости»; с 1805 по 1823 год издавал журнал «Сочинения и переводы Российской Академии»; в 1821–1823 годах — «Журнал Департамента народного просвещения».

В 1818 году П. И. Соколов создал академическую типографию, которой заведовал до 1831 года, совмещая должности издателя, редактора и «справщика корректурных листов всех книг».

Перу П. И. Соколова принадлежат переводы произведений художественной и научной литературы, им составлялись антологии произведений русских писателей и поэтов XVIII века, разрабатывалась риторика. До самой смерти ученый активно участвовал и во всех словарных начинаниях Российской академии.

Соколов стремился создать общедоступное учебное пособие, необходимое для нужд Министерства народного просвещения. Оба издания «Словаря Академии Российской» для этих целей не годились — тираж их был невелик, книги громоздки, стоили очень дорого — 60 руб. Необходимо было создать новое, удобное для пользования учащихся лексикографическое пособие. К составлению учебного словаря П. И. Соколов приступил в середине 1828 г. Академия охотно поддержала это начинание и взяла на себя все расходы по изданию словаря.

Для более успешной работы над словарем был создан специальный комитет в составе: А. Х. Востокова, П. А. Ширинского-Шихматова, Д. И. и И. И. Мартыновых. Им поручалось чтение и исправление материалов словаря в процессе его создания. После завершения работы коллектив помощников представил отчет в академию, где подчеркивалось, «что сей словарь, будучи гораздо полнее и исправнее всех изданных доселе, соответствует своему назначению и что продолжительные

вянского и русского языка».

и усердные труды, употребленные при сем случае почтеннейшим сочленом заслуживают всякого уважения».[64] В год издания словарь Соколова был представлен на ежегодный Демидовский конкурс и был удостоен полной Демидовской премии в размере 5 тыс. рублей.

Словарь Соколова относится к числу словарей справочного типа. В него вошли слова, «сколько издателю собрать было можно». В лексиконе можно найти не только слова русского языка, но и церковнославянского и древнерусского. «Общий церковнославяно-российский словарь» был во многом совершеннее и полнее всех предшествующих академических словарей. Многие лексикографические приемы были осуществлены впервые автором этого словаря и в дальнейшем использовались составителями других словарей. Так, Соколов в основном исключил энциклопедические толкования слов, заменив их определениями, коротко раскрывающими значение слова. Вместо принятых подробных и громоздких описаний предметов живой и неживой природы лексикограф предложил новый тип определения слов, в которых отмечались лишь наиболее характерные особенности обозначаемого предмета. В словаре 1834 года был впервые осуществлен системный принцип размещения некоторых разрядов производных слов — существительных, прилагательных и наречий с суффиксами эмоциональной оценки. В академических словарях эти слова рассматривались как особые формы и помещались под основным словом. Соколов же включил их в словник словаря, сопроводив словарными статьями. Много удачных приемов имеется и в технике оформления материала. Например, предложены удобные приемы сокращения для обозначения родовой принадлежности слова (м., ж., ср.). Словарь П. И. Соколова сыграл важную роль в истории русской лексикографии, послужив во многих отношениях образцом для составителей последующих словарей.

Академии удалось воплотить в жизнь и другие пункты лексикографической программы, например, создать отраслевые словари типа «Технико-ботанического словаря» (1820) и «Словаря родовых имен растений» (1826) академика И. И. Мартынова (1771–1833), известного филолога-классика, педагога и переводчика, члена Российской Академии с 1807 г., почетного члена Московского, Виленского, Харьковского, Казанского, Петербургского университетов, одного из основателей Русского минералогического общества. В предисловии к «Технико-ботаническому словарю» Мартынов подчеркивал, что труд его рассчитан не только на ботаников, но и на «любителей общей русской словесности». По мнению лексикографа, язык обогащается «переводом, составлением и введением слов, необходимых при распространении областей наук и искусств».

В «Словаре родовых названий растений» Мартынов старается привести все возможные сведения о растениях: родовое название, его происхождение и название на русском языке, количество видов и география

---

[64] *Мальцева И. М.* Страничка из истории русского языкознания // Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та. Рязань, 1962. Т. 30. С. 118.

их распространения. Здесь же имеются и сведения о ботаниках, употреблявших или переводивших родовое название на русский язык. Труды Мартынова продолжают иметь исключительный интерес для исследователей, занимающихся историей развития естествознания у нас в стране.

Большое значение Российская Академия придавала собиранию диалектного материала.

В 1823 г. по поручению президента Российской Академии совершил свое годичное путешествие по северу чиновник Министерства внутренних дел В. Я. Никонов, отчитавшийся за поездку рукописным «Словарем местных слов Архангельской и Олонецкой губернии», в котором было представлено около 200 диалектных слов, а также топонимы, поговорки, выписки из старинных грамот. Автор словаря предполагал совершить еще одно путешествие и продолжить сбор материалов, обещая составить и «словари самоедского, лопарского и карельского наречий». «Я имею ныне корреспондентов во всех обозренных мною местах, которые будут присылать ко мне, повременно, продолжения сего подносимого собрания — для поднесения оных в Академию», — сообщал Никонов в Петербург. Собранный Никоновым словарный материал и поныне не утратил своего научного значения; он использован при составлении «Словаря русских народных говоров».

Итак, лексикографические занятия Российской Академии в последние десятилетия ее существования отличались от первого этапа ее истории многообразием направлений. Велись работы над этимологическим, азбучным и техническими словарями. Однако многое из задуманного не удалось завершить.

Лексикографические поиски А. Х. Востокова: предистория Словарей 1847, 1852, 1858 гг.

После завершения основных работ по истории языка, от «Рассуждения о славянском языке» (1820) до издания Остромирова Евангелия (1843), А. Х. Востоков вплотную занялся работой, к которой готовил себя много лет — лексикографической обработкой словарных богатств *славенорусского языка*. Судя по протоколам заседаний Академии (Архив РАН, фонд 108, оп. 1, дело 185),[65] 25 октября 1841 г. Востоков избран ординарным академиком, с 19 января 1842 г. он — член комитета правления АН, сразу же, 24 января 1842 г. назначен редактором второго тома, намеченного к изданию словаря, а уже 5 декабря 1842 г. докладывает академикам первый корректурный лист этого тома. 16 января 1843 г. принимается решение о печатании этого тома, но Востоков

[65] Эволюция лексикографических взглядов А. Х. Востокова прослеживается по архивным источникам Архива Российской Академии Наук (фонд 108). Ссылки на Архив АН для краткости приводятся в тексте.

продолжает работу над ним, в связи с чем и входит в АН с предложением по обработке словника и о системе грамматических помет, напр. 13 февраля 1843 г. — «Об обозначении видов глагола в словаре», вопрос важный, если учесть всю неопределенность его в инструкции к словарю. Накануне издания, 15 февраля 1847 г., Академия предлагает Востокову составить проект предисловия к Словарю 1847 года, и этот текст, после некоторых поправок, был принят, теперь широко известен, является своего рода программой дальнейших лексикографических работ, уже вполне различавших, с одной стороны — русскую, а с другой — «церковнославянскую» лексику. Лексикографические идеи, во многом оригинальные для своего времени, Востоков развивает в многочисленных отзывах о словарях и словарных материалах, рецензирование которых ему поручает та же Академия. Он становится признанным специалистом в этой области филологической работы с текстом. Очень содержателен отзыв о словаре (русско-французском) Рейфа; подписанный 18 января 1832, он еще не очень подробен, со многими замечаниями, поскольку и сам Востоков пока лишь уясняет для себя принципы лексикографической обработки слова; убеждая оппонента, он пытается увериться в справедливости своих собственных размышлений над словом. Отзывы на материалы, оставшиеся после рано умершего П. И. Прейса (14 февраля 1848 г.), на труды Фр.Миклошича (18 декабря 1851 г.) или на немецко-русский словарь Павловского (22 ноября 1851 г.) уже много короче, содержат основные положения, выношенные Востоковым, сформулированные им в результате длительной работы над словарями.

Еще идут корректуры словаря 1847 года, а Востоков получает новое задание Академии — рассмотреть «собрание областных слов» (17 мая 1847 г.); ему передаются многочисленные списки «областных слов», составленные различными лицами и присланные в Академию. Хотя одновременно с тем Востоков входит в академический комитет по составлению «Академической грамматики русского языка» (1 мая 1848 г. — вместе с академиками И. Давыдовым, П. Плетневым и Кочетовым), этот последний труд не стал для него основным. К тому времени вышло уже несколько изданий его собственной «Русской грамматики», полный вариант которой и без того воспринимался как грамматика академическая. В архиве Востокова сохранилось множество документов — переписка по поводу нескончаемого ведения корректур при переизданиях грамматики, что отнимало много времени и сил, почти не давая материального возмещения.

Основная черта Востокова-ученого состояла в том, что он, как правило, не вел сразу нескольких параллельных исследований. Сосредоточившись лишь на одной, самой важной в данный момент, работе, он исполнял ее истово и педантично. Поэтому, получив 30 апреля 1849 г. поручение печатать «Опыт областного великорусского словаря», он целиком отдался этому делу, пока труд этот не был завершен полностью в 1852 году.

Результаты подвижнической деятельности ученого хорошо известны специалистам, нас здесь интересует его деятельность в момент ста-

новления научной русской лексикографии, одновременно ставший моментом истины для петербургской филологии. Это было время, когда общепринятой методики работы над словарем не существовало, даже словник не был определен, а стилистические и грамматические пометы находились на уровне интуитивного озарения того или иного академика, «трудившего глаза над академическими корректурами». Не забудем, что конечным результатом создания словарей 1847 и 1852 гг. стало научное определение границ собственно *русского языка* в его *литературном* варианте. Если словарь 1847 г. по традиции еще не разграничивал функциональные сферы действия церковнославянского и собственно русского языков, воспринимал их как высокий и простой стили общего языка, то после составления Областного словаря 1852 г. утвердился новый взгляд на русский язык, поскольку в этом последнем словаре были представлены материалы «простого» стиля, но уже противопоставленные стилю «низкому». Ломоносовское учение о трех стилях, которому по традиции следовали академики, предпринимая свои труды, оказалось разорванным на две попарно противопоставленные «стихии», из которых первая, оформленная и в грамматиках как «язык», благодаря настойчивым требованиям А. С. Шишкова (одного из инициаторов словаря 1847 г.), на фоне второй «стихии», состоящей из среднего и низкого стилей речи, неожиданно оборачивалась не попарным совмещением двух стилей, но противопоставлением двух вполне самостоятельных языков, церковнославянского и русского. Внимательное изучение этих двух словарей показывает путь, каким направлялась научная мысль первой половины XIX века: постепенно осознавался тот факт, что включение «областных слов» в состав русского лексикона выбивает церковнославянскую лексику (*библеизмы* в точном определении Востокова) за границы *живого* русского языка. Происходило очищение языка от архаизмов, сохранявшихся пока что в старинных текстах, еще читаемых, но уже не признаваемых за образцовые.

Это значение словарной работы Академии невозможно переоценить по ее последствиям. С одной стороны, обозначились границы собственно русского языка, т.е. предмет изучения, а с другой — и границы «грамматики онаго», т.е. на тот момент объект научного исследования. Тем самым грамматику русского языка уже нельзя было составлять по немецким или французским образцам, как прежде пытались это делать (те же Рейф или Павловский делали это по отношению к русскому словарю, исходя из семантики соответственно французских или немецких слов); своеобразие русской речи стали воспринимать и в отношении к содержательным формам слова, подчеркивая особенности «русской ментальности».

Речемыслительную функцию языка Востоков признает за основную, само родство языков он воспринимает — в духе времени — как проявление в языке народного миросозерцания. Коммуникативный аспект языка, язык как средство общения, передачи информации, уже накопленной другими, находится для него на втором плане. Он отдает себе

отчет в том, что «миросозерцание» народа определяется языком и словом, но постичь такое миросозерцание, уловить его и описать можно только опираясь на уже готовые тексты. Тексты поставляют материал для суждений о смыслах слова. «Народные выражения» могут стать таким материалом для суждений о «добродетелях и пороках народа русского» (1810). Вот небольшая часть его выводов, сделанных на основе пословиц, афоризмов, народных песен:

Г. Правда или справедливость.

I. В отношении к божеству, или благочестие:

1. *Богопочитание, вера (~ суеверие, ханжество).*

2. *Судьба, промысел и правосудие Божие.*

II. Справедливость в отношении к людям:

1. *Совесть, верность, долг (~ вероломство, лихва).*

2. *Правота, или правосудие:*

а. к другим: *достоинство, мзда, благодарность*

(~ *неправосудие, неблагодарность*)

б. к себе: *самолюбие, естество (~ эгоизм, своекорыстие*).

3. Правдивость, искренность (~ *лживость, притворство, обман*)...

Подробные росписи такого рода становились как бы этическим подтекстом всей последующей работы ученого со словом. Они выступали в роли *априорных категорий сознания*, руководившего отбором и систематизацией лексики с точки зрения ментальных категорий языка. Собственно, таково уже философское обеспечение словарной работы Востокова: поражает почти буквальное совпадение «росписи» с этическими классификациями В. С. Соловьева в его «Оправдании добра». Отличие от Соловьева лишь в том, что определение достоинств, в данном случае правды, в отношении к «себе самому» еще не вычленено как самостоятельное (у Соловьева это исходное чувство *стыда*), но это и понятно в эпоху романтического движения чувства: не о себе речь. Изучение народной песни и пословиц помогает создать конструкцию нравственных установлений народа, и не только как схему словаря, впоследствии заполненную подходящими словами.

Востоков в своей грамматике ориентировался на «средний слог образцовых писателей», прежде всего Пушкина. Можно предположить, что и лексикографическая обработка русского языка была заданно нацелена на выявление *среднего*, т.е. нормативного стиля. К тому же для Востокова грамматика всегда была всего лишь сводом правил для упорядочивания слов в тексте и, таким образом, работая над словарями, он мог просто искать подтверждения своим идеям, уже изложенным в грамматике, наполняя грамматические парадигмы, так сказать, реальным словесным материалом. Судя по архиву Ломоносова, так работал и

создатель первой русской грамматики, так работал и Востоков, от эмпирически сводных словесных масс восходя к грамматическим обобщениям. Двуединость исполнения общей задачи — грамматика восполняется словарем — вообще существенный признак научной деятельности Востокова. Тот же принцип он использовал и при создании Грамматики и Словаря церковнославянского языка — опять-таки нацеленно описавших «высокий» стиль читаемых еще текстов.

Таким образом, и для самого Востокова, и для его современников стало ясным своеобразие старославянского языка на фоне русского, словесные богатства последнего стали осваиваться энергично, открылась дорога к составлению словарей русского языка — от «живого великорусского» В. И. Даля до тезауруса типа «Словаря русского языка» Шахматова, основанного уже на «литературных текстах разного характера». Одновременно встал вопрос о стилистических пометах в словарях, поскольку прежнее понимание стиля как функции сменилось новым представлением о стиле.

Словари 1847 и 1852 гг. важны не только сами по себе, но и теми преобразованиями в научном осмыслении предмета, которые сразу же перевернули все представления о языке, о словаре, о слове, о стиле, о грамматике, а, в конечном счете, и о русском этносе, его культуре, его искусстве, его философии и т.д. Все, что мы считаем важнейшим достижением русской филологии XIX и начала XX в., восходит к революционизирующему научное знание столкновению двух «словесных стихий», воплощенных — *явленных* — в словарном материале указанных лексиконов — и осознанная необходимость в нормализации письменной формы литературного языка (орфографические реформы Я. К. Грота), и диалектологические исследования (по программе А. А. Шахматова), и многочисленные этнографические и исторические исследования того же времени.

Востоков признавался: «Всегда имел я отменную (вместо зачеркнутого *непреодолимую*[охоту]...» к наукам историческим и грамматикальным... Я знаю, сколь предмет сей запутан и какая по оному господствует вообще нерешительность; знаю, что этимологию называют бесполезным занятием, служащим к удовлетворению пустого любопытства. Но нельзя ли, руководствуясь осторожностью и, за разбором мелочей, не теряя никогда из виду целого, пройти в этимологии, правда, недалеко, но зато надежно; извлечь из сего хаоса столько по крайней мере свету, сколько нужно для основательного и философического словопознания... Моя цель при сем была, чтоб утвердить, если можно, историческими и логическими доказательствами словопроизводство Российского языка, пояснить сию историческую часть Грамматики для будущих наших Лексикографов, и пресечь чрез то единожды навсегда всякие произвольные и неосновательные словопроизвождения, каких у нас немало выкидывала в свет самоумная неученость или всеугадывающая полуученость» (Из письма директору Публичной библиотеки А. Н. Оленину, 1809 г. Архив РАН, ф.108, оп.1, д.4, л. 2–2 об.). В этой саморецензии указаны все проблемы, которые занимали Востокова в эти годы, и

все результаты, которых он добился позднее.[66] «Показание различных степеней сродства между всеми языками и постепенное происхождение и прехождение слов из одного языка в другой» — эти слова в «Рассуждении» 1820 года выделены самим Востоковым, они подчеркивали двуединость задачи, центральным аспектом исполнения которой являлась, несомненно, *этимология*, под которой в то время понимали все — от морфологии до «происхождения» (*производжения*) слов. Говоря о «словопроизводстве Российского языка», Востоков находится во власти синкретизма научного знания: словопроизводство понимается одновременно и как происхождение, и как история слов, как словообразование и формообразование одновременно. Не мудрено было бы заплутать в хаосе подобных терминов, но Востоков нашел удачный светильник: этимологию слова он понимает как историю слова (семантически) и грамматику формы («словопроизводство»).

В архиве Востокова (Архив РАН, фонд 108, оп.1) сохранились материалы, позволяющие восстановить последовательные этапы его работы над словом — начиная с этимологии и кончая словарями.

«Коренные и первообразные слова языков славянских» (дело 1) — эти слова разнесены по трем столбцам: имена (и краткие прилагательные), глаголы и остальные части речи. В основе классификации грамматический принцип, сама классификация во многом случайна и не всег да соблюдается, ср. рядом: *бѣсъ, бѣшусь* или, наоборот, *вижду, видъ, свидѣтель, зависть, ненависть, video, visum*. Словообразовательный ряд еще целиком «этимологичен», поскольку с его помощью молодой исследователь хочет уяснить для себя исконное значение (семантику) *корневой* морфемы слова. Соотнесение слов с грамматическими их характеристиками чисто внешне, но помогает ориентироваться в словарном море (выписки по составлению словника делаются пока по подручным материалам, прежде всего по словарю Академии Российской).

Однако замысел работы и сам по себе быстро перечеркивает эмпирически случайный «принцип» распределения материала. Свое значение при этом получают фонетические чередования в границах корня, а корень для Востокова по-прежнему sui generis *слово*. Словообразовательный ряд формально наталкивает на выявление подобных чередований, столь важных в дальнейшем для сравнительно-исторического метода, ср. *вѣтую // вѣтия, завѣтъ, извѣтъ, обѣтъ, отвѣтъ, voveo, votum, повѣсть, повой, подвой, превой, vitilis* гибкий, *vitta* повязка, а в более поздней, но также черновой рукописи «Этимологическое словорасписание» (дело 2) все такие ряды множатся бесконечными цепочками однородных примеров: *вѣю, віение, вилокъ, вилой, виляю, витие, витой, вица, витьвина, вѣтви, вьюга, въюрокъ, въюшка* (позже дописаны: *юла, юрокъ, юрить), въюкъ, вьючу, навъючусь* (следуют те же глаголы с другими приставками), *взвиваюсь, довивка, завиток* (и другие производные), *прививной, прививальный, свивальник, свиль, свитка, свилеватой, свиток, свивчивой, винтъ*... Затем в обоих списках

[66] Об этом: *Колесов В. В.* Поиски метода: Александр Христофорович Востоков // Русские языковеды. Тамбов, 1975. С. 82–113.

идут производные, известные другим славянским языкам, прежде всего польскому (по словарю Линде), и в подробном «словорасписании» их несколько сот. Сравнивая первоначальный текст (восемь голубоватых листков) с последующей рукописью в 586 листов, мы видим, во-первых, чисто лексикографический подход к этимологии. Следует собрать максимально большие количества родственных корней. В первоначальном наброске Востоков озабочен поисками этимона, он идет от внутреннего образа всей сети производных, и приходится внимательно вглядываться: не внес ли он в свой список не относящихся к данному «корнеслову» слов? Во-вторых, пока его интересует только *внутренний образ* славянского корня, отчего и глубина этимологии невелика, но зато уже на этом этапе проникновение в этимон достаточно точно.

По этой причине всюду, где возможно, Востоков старался объяснять слова как славянские. Такое старое заимствование из германского, как *глазъ* (нем. Glas 'стекло'), он объясняет иначе: «зачем не произвести от коренного слова *гляжу, глядь?*» Происхождение слов *буки, бука, букашечка* от слова *Богъ* «едва ли принять можно» («словом *бу-у-у* стращают детей»), «*притча* от *тычу*», «*лысый* может быть произведено от *лѣзу* 'линяю'», и т.п. «Таким образом, — полагает ученый, — нарочито убавится число слов, кои доселе почитались несловенскими». Расчищение лексикологического пространства — заметная заслуга Востокова наряду с прочими его достижениями.

При этом общие принципы исследования древнейшей истории слов вполне определенно вырисовываются: должна быть общность (или близость) звучания, сходство в значениях, которые чем более общи, тем достовернее являются древними, исходными: слова частного значения могут переходить из языка в язык, заимствуясь вместе с означенными ими предметами. Так, несмотря на близость слов типа *меч, скамья, репа, мышь, вепрь, осел* и др. к соответствующим латинским или греческим словам, Востоков осторожно признает их неясными по происхождению; некоторые могут быть и заимствованиями, как например, слово *скамья*. Но слова типа *голова, сердце, день, ночь, солнце, месяц* и под. — могут быть общими для всех родственных языков, они восходят к глубокой древности, общей для всех них.

В первоначальных материалах Востокова еще много слов, не разработанных ни этимологически, ни исторически, поскольку словообразовательных рядов либо нет в природе, либо они не фиксируются, ср. отдельные заметки типа: *гнюсъ* — всё (правда, позже, во втором списке при слове *гнусный* стоит уже слово *носъ*!). В основе этимологических штудий незаметно, но последовательно оказывается *глагольный корень*. Из глагольного корня Востоков исходит при этимологизации, тогда как имена этимологизуются пока что чисто внешним образом, путем сравнения с родственными языками, ср.: *вода* — water, ὕδωρ, udus; *воскъ* — viscum; *время* — χρόνος; *воръ* — φῶρ,fur (во втором списке даются уже и русские производные, причем всегда подчеркивается глагольная форма, очевидно, как ведущая, ср. по отношению к последнему слову глагол *проворю*; возможны и дополнения из других индоевропейских языков,

ср. в данном случае φῶρ, φωρα , fur, furtum, varati `обмануть´ и пр.). Понятно, что в таком случае, при отсутствии исчерпывающих данных, могут возникнуть предположения, не подкрепленные ни историческим, ни сравнительным материалом, ср.: *гость* см. *годъ* (Словорасписание, л. 72 об.), *годъ* см. *ходъ, хожу* (л. 67 об.), *глина, глистъ* и т.п. Иногда семантическое подобие кажется вполне достаточным для того, чтобы этимологизировать исходное значение по совокупности совершенно различных слов, ср.: *гладкий, склизкий, скольской,* тут же *глина, глиста, лысый, лоскъ* и др. (л. 62 об. и 65) на том основании, что одновременно даются иноязычные параллели: γλῆνα, γλίσχρος, λείωσις лоск, *glis, glissis* глина, *tubrucus* скользкий, *lumbricus* глист, *glaber* лысый, *lecvigo* глажу и пр.: родство приведенных славянских слов Востоков определяет через семантику соответствующих греческих и латинских слов.

Чаще всего основой сравнения становится общность консонантных сочетаний, в чем Востоков отталкивается от фонетики *современного языка* и восполняет материалами неиндоевропейских языков, прежде всего ивритом. Тогда *горбъ* и *хребетъ* оказываются однокоренными, *чреда* («стадо по-старинному») соединяются с «восточными *орда, артель, рота*». Сопряжение слов с общим консонантным сочетанием довольно обычно в первых опытах Востокова, ср. в ранней тетрадке сопоставления типа «*гроздъ* см. *груда (громада), grandis, gross, gravis,* а затем и ряд производных, как правило — отглагольных (*гребу/погреб, сугроб, гробъ, греблю, гребень*»; *горсть* при *raub, rapio, rapto* (в позднем списке появляются еще *грезнъ, гурьба, гурт // hoard, herd* и пр. — л. 74 об.). Подобные сопоставления, эмпирически все более расширяющиеся по спискам, с одной стороны, помогают отысканию ведущего признака, по которому возможно соединение внешне неродственных слов (чередования, общность корня, отсылка к глаголу и т.п.), с другой же — позволяют вычленить основные морфемы каждого отдельного слова, т.е. начать работу по классификации словообразовательных единиц и установить грамматические чередования гласных в корнях слов.

«Этимологическое словорасписание», примеры из которого здесь приведены в выполнение кратких сводов, построено уже по другому принципу. В различных колонках листа представлены слова «словенорусские», затем «прочие славянские», немецкие, греческие, латинские и пр., в общем (не строгом) алфавитном порядке — сначала имена, затем глаголы, после чего «прочие». Отдельными списками под каждой буквой даются «нерусские, из иных языков принятые, или одному русскому диалекту свойственные слова» (ср. л. 38 об. и др.) Таким образом, попутно создается словник этимологизируемых слов, хотя иные из признаваемых за заимствованные слова ими не являются (*ватрушка, векша, возгри, волдырь* и пр.).

Этимологических реконструкций во всех ранних списках, собственно, нет. Перед нами самые ранние сопоставления (а в первом перечне их всего около 1200), которые представляют материал для последующей

этимологизации. Этимологический комментарий получают только ближайшие соответствия, да и то лишь на фоне параллельной мотивации через иноязычную лексику, ср. на л. 6 об.: «*робя* происходит от *работы*, так же, как *liberi* от *labor*: дети были первые помощники в роботе, первые рабы». Однако уже соседняя заметка указывает на случайность удачной этимологии: «*res* и *вещь* от глагола *рку, вѣщаю*» (лат. *res* и слав. *рьку*, как и слав. *вещь,вѣщаю* на самом деле несопоставимы столь явным образом).

Все многообразие привлеченных к сравнению лексем в «Словорасписании» сводится к определенным группам слов, выявленным по некоторым их признакам, ср. *длань/ладонь, долонь; древо/дрова, деревня, dorf; есть/естество, сый, сущность* (с отсылками к словам *истый, истинный); меркотно/marceo `сохну, вяну´; ость, острый, острю, arista,* ἀθήρ, ὀξίνη,, *ascia, acer,* ср. еще: «*оглобля, ослопъ ?*», где знак «?» вполне уместен, поскольку сопряжение слов произведено по стилистическим и семантическим мотивам, и никаких иных связей эти слова не имели. Таковы тупики в поисках материально доказательных фактов общего словопроизвождения.

Другой принцип «собирания сходств» определяется в ряду глагольных слов: *рѣю, рву, рою, рублю, рѣжу, рушу* — эти глаголы пять раз в различной последовательности записаны в тетрадь, причем все варианты следования зачеркнуты, кроме одного, который и предстает как окончательный: *рушу, рву, рою, рублю, рѣжу* (к ним впоследствии дописываются *роню, реву, рѣсный*...). «*Семантическое сродство*» (эти слова также зачеркнуты в рукописи) приведенных корней состоит в некоем семантическом признаке «разрушения» и, таким образом, перед нами — своеобразная «понятийная» цепь соответствий, на фоне которой и с помощью сходства корневых консонантных сочетаний Востоков ищет «сродство», способное прояснить далекую историю приведенных слов.

По мере изложения архивных материалов, мы уже несколько раз коснулись этого вопроса, существенно важного для понимания философской позиции Востокова. ***Форма слова определяет границы лексемы, однако смысл его — в семантике.*** «Понятийные категории» (если использовать позднейшую терминологическую интерпретацию обозначенного Востоковым) явлены как системообразующие единства лексического материала, который в противном случае остался бы эмпирически разбросанным по различным текстам и не сводимым ни в какие системы. К этой мысли Востоков возвращается постоянно, под любым предлогом возражая сторонникам «формальной» точки зрения на слово. Так, приводя высказывание К. С. Аксакова: «Действие вне своего выражения существует как общее понятие» — Востоков добавляет: «Не понимаю смысла этих слов». В качестве примера приводится категория времени в русском глаголе. На мнение Аксакова о том, что «прошедшего времени в нашем языке нет вовсе», поскольку нет соответствующих грамматических форм (то же сказано и относительно будущего времени), Востоков замечает: «Но это причастие церковнославянского

языка на *-лъ, -а, -о* в русском языке обратилось в глагол прошедшего времени. Следовательно, прошедшее время в русском языке есть, *какою бы формою оно ни было выражено*» (фонд 108, оп. 1, д. 101, л. 1 — 1 об.). По-видимому, Аксаков имеет в виду «вещь» вне «формы слова» (не имеющую знака), т.е. *существующую как общая идея*; это типично «реалистическое» (в средневековом смысле *реализма*) представление о равенстве идеи и вещи в их общем отношении к слову-знаку. Представление, легшее в основу славянофильских медитаций о слове. Номиналистическая позиция самого Востокова накладывает запрет на подобную связь между вещью и понятием о вещи. «Слово отражает и указывает их единство, а не подобие».

Во многих случаях Востоков вообще не дает никаких пояснений или соответствующих им словесных рядов в словообразовательном их разнообразии. Выписанные из Словаря Академии Российской слова типа *стклo, степь, тризна* и под. оставались нераскрытыми даже с точки зрения внешней их характеристики. Это показывает, насколько Востоков зависел от эмпирического материала, который он «разыскивал отовсюду», где возможно, не поддаваясь на интуитивные, а потому и случайные сближения.

Возможно, что «Этимологическое словорасписание» и связанные с ним материалы и не должны были содержать этимологий в современном нам смысле слова. На основе своего материала Востоков только приступал к созданию «Заметок по этимологии отдельных слов» (дело 3, 1807 г.) На одном примере покажем ход его мысли, в своей идее вступившей на новый уровень наблюдения над словом.

Смуриться — хмариться (хмура — смура). Сначала дается фонетическое обоснование варианта: «Известно, что *х* превращается в *с* и в *ш*, так как *г* в *з* и в *ж*, а *к* в *ц* и в *ч*, но наоборот *с, ш, з, ж, ц, ч* в *х, г, к* не превращаются» (л. 1). Явление праславянских палатализаций не только уже ясно Востокову, но практически и применяется в его этимологическом описании.

Затем рассматриваются контексты, в которых возможно употребление одного из альтернантов: *хмурить* — только о бровях, *хмуриться* — о погоде, а вот куры скорее «*хохлятся*» («*нахмурить перья*, говоря о птице, едва ли употребительно»), *принахмурить* — «несколько», «придать нахмуренный вид», и т.п. В подобных заметках стилистически-нормативное распределение слов в отдельном (русском) языке, и древнейшие «законы фонетического перехода» еще не сопрягаются в общую доказательственную последовательность выявленного этимона. Предварительные соображения, которые выводят уже за пределы чисто внешнего сопоставления слов различных, хотя и родственных языков, еще не стали убедительным доказательством. Работа происходит пока на уровне интуиции, объективные доказательства только-только прощупываются в бесконечности фактов и примеров. Востоков может уже отвергнуть родство некоторых заимствований (например, слов *книга* и *князь*, л. 10) и даже заметит, что «словопроизводство *красный* от *gratia*, *смерть* от *смердѣти*... показывает нарочитое незнание правил

этимологических» (л. 10 об.) — однако умение критически отнестись к чужим этимологиям не избавляет еще от ошибок самого Востокова. Дело в том, что всюду он ищет именно «первообразные формы», т.е. самые древние, тогда как история отдельных слов в каждом привлекающемся для сопоставлений самостоятельном языке не находится в сфере его интересов — «истории языка» еще попросту нет. Востоков и сам сознает этот недостаток своих этимологий, стремится исправить его, между прочим, прибегая к этимологизации этнонимов, топонимов и пр.

Позже, уже пройдя полный круг изучения истории старославянского и русского языков, составив грамматики и словари, Востоков приступил к этимологизации наиболее доступных для этого слов. Всего нагляднее это видно в отзыве на «Русско-французский производный словарь» К. Ф. Рейфа (отзыв 1832 г.): «В отыскивании корней он [т.е. Рейф] идет далее, нежели Словарь Академии Российской, заключая притом и большее число слов... при первообразных словах показаны в скобках корни или сходные слова других языков, европейских и азиатских» (д. 107. Л. 1). Подчеркнутые места фиксируют три задачи, которые тридцать лет назад ставил перед собою и сам Востоков, а теперь воспринимает всего лишь как подготовку к реальной этимологии. Парадокс состоит в том, что составление этимологий для Востокова есть всего лишь предварительная разработка слова, выявление исходного его значения. К этимологиям Востокова восходит все, им совершенное, но сама этимология как самостоятельный предмет деятельности оказывается ненужной. Предварительная разработка материала привела к важным выводам, но к научно достоверным этимологическим изысканиям еще не готова.

Зрелость Востокова-этимолога проявляется в этом отзыве вполне отчетливо, здесь он формулирует важные научные положения.

Из приведенных цитат ясно, что термин «производный» еще целиком соотносится с этимологическими (мотивированными исторически) связями слов, не представлен как отражение системных связей в виде известного нам теперь *словообразования*. Это характерно для науки начала XIX в. Многозначность термина в то время повернута только к актуальным для науки признакам: в момент расцвета исторического языкознания «производность» слов понимается как категория историческая, а не структурная или системная (не типологическая, или какая-либо еще). Не все слова нуждаются в этимологизации, говорит Востоков, некоторые из них вполне достаточно просто перевести на русский язык (*комедия, пародия, трагедия* и пр.), поскольку сам русский язык «не участвовал в производстве сих слов». Диахроническое и синхроническое в определении производности еще не разведены как самостоятельные. То, что является производным в одном языке (синхронически — в словообразовании), остается производным и в исторической перспективе, т.е. в этимологии. Историческое и системное не расчленены и в сознании ученого, поскольку историческое и сравнительное на

уровне метода также еще совпадают, одно является естественным продолжением другого. Однако Востоков пытается уже уяснить для себя различие между «производными», склонными к словообразовательным отношениям, и «первообразными», которые связаны с этимоном, хотя еще только на уровне словесного корня.

Конкретные замечания к словарю Рейфа показывают, что выделение первообразных и их историческое изменение в конкретных языковых системах уже ясно Востокову, поскольку его комментарии являются чисто историческими, не относятся к этимологии, связаны с историей русских слов, хотя и подправленной сравнением с другими языками. Вот некоторые примеры.

«*Убрус*, собств. утиральник, происх. не от *брать*, а от старинного глагола *брысати*, означавшего тереть (ср. с *brisati*)» (л. 3); «*павороз*, помещенное после слова *поворотъ* и пр., должно относиться к корню *верзу, версти*, а *завора*, помещенное под словом *завертывать*, происходит от стар. слав. глагола *вру, врѣти* или *верти*, польск. *wrzeć* затворять» (л. 4); «*дыба* чтоб происходила от нем. Dieb, — весьма сомнительно... также и *дѣва* от лат. *diva sainte*» (л. 6 об.); «*обуща*, которое автор производит от *уста*, ошибочно изъяснено в Сл. Рос. Акад. подарок, принос» — это обувь (л. 15 об.) и пр. Становится ясным, что невозможна этимология *слова*, полученная на основе материала одного лишь (русского) языка, хотя бы и посредством сравнения самых разных словообразовательных гнезд. Нельзя также ставить в одну статью однокоренные типа *безвинный/невинный, самовольный/своеволие*, поскольку «у них разные значения, которые скрываются за значением французского слова», из сопоставления с которыми Рейф этимологизует русские слова, в данном случае — *volontaire, libre, non force*: «только *самовольный* говорится о таком, который действует без спросу, *qui agit sans permission*, а *своевольный* — который действует по своей воле, слушается своих только прихотей, *qui ne fait que sa volonte*» (л. 4 об.).

Теперь Востоков не обманывается уже внешним подобием корней, поскольку подобие не есть сходство, ср. его замечания относительно слов: «*вѣкъ* от *вѣять* — может быть от *вѣра?* скорее *вѣкъ* — лат. *aevum, aetas,* греч. αἰών , а *вѣно* от *вѣнец* едва ли произвести можно», «и по звуку и по смыслу» это скорее греч. φερή (л. 5); «клобук... и каблук нельзя смешивать одно с другим и производить последнее от первого» (л. 7 об.); «*смѣяться* едва ли может быть произведено от *смѣть*» (л. 13 об.); «сомнительно, чтоб *харя* происходило от исп. *cara* лице. Русские слишком отдалены местопребыванием от испанцев, чтобы заимствоваться словом из их языка» (л. 16 об.). Порядок производности (вектор этимологизации) определяется посредством различных признаков, в том числе и историей культуры, ср. «*морж* произведен от фр. *morze*. А я думаю, что скорее наоборот, фр. *morze* от русского *морж*, потому что животное сие водится в Северном море» (л. 10 об.); «*мотъ* от *мотать*, а не *мотать* от *мотъ*!» (л. 10 об.) и мн. др.

Таковы результаты, с которыми Востоков подошел к работе над словарями 1847 и 1852 гг. В процессе наблюдений над словами в их

текстовой соотнесенности и в исторической перспективе их развития он выработал оригинальные взгляды на составление словарной статьи, разработку словника, на семантическое описание слова.

Полезно во всех деталях показать редакторскую и авторскую правку Востокова на полях уже набранных академических словарей — она обширна и поучительна. Наиболее интересен вопрос: насколько сознательно Востоков дифференцировал лексику русского (высокий стиль) и церковнославянского языков.

Так, на вклеенных в корректуру Словаря 1847 г. больших листах (дело 23) он предлагает устранить из словаря церковнославянизмы и архаизмы, представленные уже только в библейских текстах: *варяти, васнь, вдавати, вдушити, велегласие, велегласити* (но сохраняются *велегласно, велегласный), велемудрый, велительница* (поскольку сохраняется русское слово *повелительница), вергание, вжадатися, взалкаться, взиматься* (но сохраняется слово *взимать), взорный, винарь, винословствовать, висѣти, вкупоматерний, владычествие* (но сохраняется вариант *владычество), влаятися* (поскольку в церковнослав. это слово имеет значение быть волнуему); ср. и отдельные застывшие, обычно наречные формы типа *вдалеко, смалѣ* при сохранении русизмов *вдалеке, помалу* и под. Именно эти рекомендации были приняты, а оставленные слова стали литературными.

Устранялись Востоковым и формы притяжательных прилагательных *(вахмистров, вдовицын* и пр.), и причастия, особенно страдательные *(ваянный, введенный* и пр.) — грамматические формы слова не признаются за самостоятельные слова, равно как не признаются таковыми и те сложные слова, которые представлены лишь в церковных текстах. Усекаются, таким образом, и просторечные, низкого стиля *(вдовицын)*, и слишком высокие *(вверженный)*; предпочтение русского варианта церковнославянскому вполне намеренное, этим начинается последовательное наступление на обветшавшие по форме или значению слова «церковнославянского и русского языка».

То же происходит и со словообразовательными рядами слов, из чего становится ясным, между прочим, почему развитие словообразования столь долго задерживалось на уровне «словопроизвождения»: пока еще словообразовательные модели распределялись по «языкам» на основе чисто стилистической их дифференциации, не могло быть и речи о системном изучении словообразовательных типов в рамках отдельного (литературного русского) языка. Из словаря устранялись все устаревшие производные, ср. *ветошников, ветошницын, ветошенный* и под. при сохранении производящего слова *ветошь*. Это не означает, конечно, что Востоков сохранял в словаре лишь «первообразные» слова древнеславянского языка, попавшие в русский, тем самым сводя весь словарь к набору гиперонимов самого общего значения. Наоборот, среди слов, добавляемых Востоковым в словарь, находим множество лексем конкретной семантики, но всегда это слова живого языка, иногда даже в разговорной форме, ср.: *верхолаз, верхолёт, верховик, вёх*

`cicuta´,*винегрет, власоглав* `глиста , *водомерка, волосатка, вонючка* `росомаха´, *впечатлительный, выверять, выдыхать, выстрадать, вясло* (связка из соломы или колосового хлеба для связывания снопа) и пр. Выделенные слова — заимствование и калька с французского, т.е. совершенно новые для середины XIX в. слова.

В корректуре Областного словаря 1852 г. Востоков добавляет бесконечное множество слов (в первой корректуре 1-го тома около тысячи, в последней корректуре последнего тома около 110, не считая дополнений по семантике уже представленных в словаре лексем) (в архиве Востокова это дела 25 и 26). Укажем только начало списка: *берёга, бережа, битюк, бич, бличка, блукать, бобина, бойка, ботаться, ботовки, брашень, бреда, бубнить, будка, булыга, бурелом, бутыли, бухнуть, былка* и мн. др. В Словаре Грота нет слов *берёга, бережа, бличка, блукать, ботовки, брашень, бреда*; все они показаны в «Словаре русских народных говоров» как диалектные.

Только за год до кончины Востокова, в 1863 г. появилась в печати «Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам». Если при изучении современного языка Востоков шел от грамматики к словарям, выделяя лексический пласт современного русского языка, в исторических его изысканиях направление работы обратное: от «Словаря церковнославянского языка» (два тома, 1858–1861) к грамматике «оного». Это было осуществлением давно задуманной нормализации «другой ипостаси» прежде осознаваемого «общего славянорусского языка». Обе работы Востокова — труд всей жизни. Краткость изложения и богатый иллюстративный материал — основные достоинства и словаря, и грамматики. Своей принципиальной ориентацией на факты языка и речи Востоков молчаливо полемизировал с так называемым «философическим направлением» в языковедении, исходившим из дедуктивных схем типологического характера, строившим свои заключения о русском языке на основе рациональных схем «всеобщей» грамматики. Работы Востокова сильны достоверностью и основательностью, но в поверхностном позитивизме его также не обвинишь. Внутренним нервом всякого научного исследования, проведенного этим ученым, всегда был конечный теоретический результат, выведенный из системного анализа фактов и точно отобранного материала. Характерно понимание им *системы*. В отзыве на риторику Н. Ф. Колшанского, который утверждал, что «системою называют прочность, постепенность, связь» и т.д., Востоков заметил: «Слова *прочность* и *постепенность* кажутся лишними» (д. 104, л. 4 об.).

Для создания церковнославянского словаря Востоков просмотрел около 130 оригинальных древних рукописей и все старопечатные книги, сравнил собранные им слова с греческими и латинскими, определяя их значение не по случайным примерам, а путем сравнения разных памятников, списков и текстов. Грамматическая характеристика сопровождает каждое слово, все возможные варианты также представлены. Всем этим словарь выгодно отличался от современных словарей такого

типа. Тщательность исполнения словарной статьи у Востокова подкупает точностью определения значений слова; автор всегда исходит из контекста и обращает внимание на самые тонкие оттенки значения, которые выявляются и путем сопоставления однозначных слов по всему словарю.

Первый уровень старой лексики, представленный в его источниках, Востоков снимает указанием на греческие эквиваленты. Выясняется, что в древнеславянских переводных текстах слова, может быть, и похожие на слова, например, современного русского языка, лишь по форме с ними совпадают, являясь словами *другого языка* (этот язык и эксплицируется как старославянский). В качестве примеров укажем *остроумьнъ* — калька с греч. ὀξύφρων , *отърада* облегчение, ср. *въ страду* с греч. ἐν ἀφέσει , но *отърадныи* различный при греч. διαφορά и лат. *varia* («отърадны муки суть» — вовсе не «радостные»: так же, как и *отръгавый* вовсе не оструженный, а шероховатый, и пр.). Таков хронологический уровень, который можно соотнести со старославянским и церковнославянским языками (простые заимствования из греческого являются обычно только принадлежностью старославянского языка). Переносные же значения слов под влиянием греческих текстов и словоупотребления обычно возникали уже на уровне церковнославянского и древнерусского языков, ср. приводимое в словаре *отишие* как *тишина* и как λιμὴν , *portus*.

В словаре Востокова нашли место многие слова, по происхождению литературные, т.е. вошедшие в славянский язык как результат калькирования или семантического переосмысления традиционных славянских слов. Например, имевшиеся под руками ученого тексты давали ему возможность описать *литературные слова* с отрицанием — как правило, кальки с греч. ἀ : *небогъ* — ἄθλιος (вместо коренного славянского *убогъ*), *невисть (невистьтный)* — ἀβλεψία `слепота´, *незаяпъ* — ἀδόκητον `неожиданность, внезапность´, *неключимый* — ἀδόκιμος `негодный´, *непразднь* — ἀσχολία `занятие, дело´ и под. Интересны примеры типа *неприязнь* и производные от этого слова, уже в докирилловских славянских переводах обозначавшие дьявола, беса (Ф. И. Буслаев), ср. *от неприязни* как калька с греч. ἀπὸ τοῦ πονηροῦ, ἐκ τοῦ πονηροῦ — *от лукавого*; οὔπω как наречие *неоука* `еще не´ — в обоих случаях уже без отрицательной частицы в греческом. Таких примеров очень много в словаре, их совокупное рассмотрение может показать словообразовательные потенции старославянского языка как искусственного языка для перевода литературных текстов.

Словарь Востокова вообще настолько содержателен, что в размышлениях над его страницами можно сделать множество интересных наблюдений, связанных с историей славянских слов. Текст словаря, давший направление всем последующим исследованиям в этой области, странным образом втягивает в себя полученные результаты, ретроспективно вновь сжимая в одной точке эти результаты. Скупыми мазками своих словарных статей Востоков как бы завершает собственное «Словорасписание», так никогда и не опубликованное. Это — подпись

мастера на законченном им полотне. В «Словорасписании» были представлены обширные выписки, длинные перечни слов и форм, вынесенных из различных источников, но, однако, без окончательных выводов, со многими сомнениями, как черновик. В Словаре же, напротив, иллюстраций мало, тексты приводятся скупо, зато значения слов даются исключительно точно, они не примышлены к тексту, обычно соотнесены с греческим подлинным текстом (где он имеется). Без многолетней работы со словом, без составления словарей столь лаконично данный результат по характеристике древнеславянского слова был бы невозможен.

Востоков непременно приводит все, замеченные им в конкретных рукописях, формы слова, тем самым как бы выстраивая (пока еще неполную) его парадигму, и словообразовательную в том числе. Вот один ряд: *опасъ, опасение, опасньство, опасьство*... Все четыре приводятся из разных источников, и у нас нет уверенности, что они относились к «одному языку»; их *объединяет общность значения и одинаково ясная соотнесенность с греческим эквивалентом* — ἀκρίβεια, *accuratio* — 'тщательность, старательность, точность'. Подобные словообразовательные ряды в «славенорусском» языке выстраивались постепенно, как бы распускаясь почками на живой ветви глагольного корня, сохранявшего *внутреннюю форму слова* — предмет особого интереса со стороны Востокова. Со временем производные могли обогащаться новыми значениями, и тогда сохранялись в литературном языке. Но вот соседнее в словаре слово — *опасие* — представлено здесь совсем с другим значением — *rei curiositas* 'любопытство', а еще одно — *опасивъ* — с третьим значением, равным греческому слову πανοῦργος *(callidus)* 'искусный, ловкий, знающий'. Удачно показано, насколько семантически богат славянский глагольный корень, если при столкновении с греческим текстом, при необходимости перевести греческое слово он способен вызывать (порождать) из себя такое множество форм и значений.

Неясные по происхождению слова обычно никак не комментируются, но приводятся в словаре. Рассмотрим это на поучительном примере, показывающем вместе с тем внутреннюю логику самого текста Словаря, учитывающего возможные синонимы во взаимном соотношении заключенных в нем словарных статей.

Для названия хвоста фиксируются следующие слова:

«*Очесъ*. см. хвост. Парем. XIV в., Исаи IX.15; *се очесъ* οὗτος ἡ οὐρὰ *(сеи ошибъ)*».

Опашь οὐρὰ, *cauda*.

Ошибѣ с.ж., то же, что *ошибъ*. Исаи XIX.16 по сп. XV в. с рпси 1047 г. Тол[кования на пророков] *сдръжящеи ошибъ людьску*. Левит XXII.23 по сп. XVI в. *телецъ же и овца безушию или без ошиби* Палея 1494 г. *ошибию правящеся*».

Не касаясь пока других слов, выражающих то же понятие (также описанных Востоковым), сравним сжатую до предела информацию Востокова с тем, что известно нам по современным историческим словарям.

В чешском Словаре старославянского языка приводятся эти два слова, но *очесъ*, действительно, только в переводе текста Паремейника (сделанном, по-видимому, в Паннонии Мефодием), причем приводятся те же тексты, которые даны Востоковым; *ошибъ* все в том же переводе Апокалипсиса. Приведенное Востоковым третье слово, *опашь*, дано им по переводу Триоди (οὐρὰ, *cauda*), чешский словарь приводит соответствующие примеры из Супрасльской рукописи XI в., представляющей собою Четью Минею на март (переведена в Восточной Болгарии в X в.). Ничего не добавляет по числу примеров и словарь Срезневского; те же примеры с уточнением, что все случаи употребления слова *опашь* приходятся на переводы, сделанные в Восточной Болгарии (Изборник 1073 г.), а *ошибъ* встречается гораздо шире, распространяясь и на древнерусские переводы (слова *очесъ* в словаре Срезневского нет). Вместе с тем происходит расширение материала, в том числе и по указанным Востоковым словам *хвостъ* и *хоботъ* (в значении 'хвост') — эти последние представлены в основном древнерусскими памятниками, и их вслед за А. И. Соболевским признают древнерусскими русизмами.

Таким образом, Востоков выявил все возможные варианты слова (*ошибъ* и *ошибь, ометъ* и *ометь* и под.), перекрестно показал соотношение возможных «синонимов» древнеславянских текстов, выявил их отношение к греческим эквивалентам, по существу обозначил жанровое, а через него и территориальное приурочение каждого из однозначных слов, но самое главное — он показал, что всякое из этих слов привязано к определенному тексту, встречается в известных выражениях-формулах, и тем самым он подвел к пониманию древнеславянских «диалектизмов», вынесенных в книжные тексты из определенных славянских диалектов. Сравнительные материалы, в данном случае не привлеченные Востоковым, показывают действительную связь восточноболгарского *опашь* с болг. *опашка*, паннонского *очесъ* с чешским и словацким ocas (ср. и серб. *оћас*), что подтверждается и русским вариантом *ощась*, уже своей фонетической формой указывающей на заимствование из болгарского (гиперизм вместо ожидаемого русского произношения *очас*).

Содержательность словарной статьи у Востокова со временем развернулась в словесные ряды *квази*синонимов в процессе специализации словарей: старославянского, церковнославянского, древнерусского языков. Однако жанр и содержание словарей определяются уже характером избранных источников и историческими пределами описываемой лексики. Востоков еще слишком приблизительно описывает этот мир лексики как *общий церковнославянский язык*. Условием продуктивности научного исследования является возможность *углубления* в объект при *расширении* материальной базы исследования. Сравнительно-исторический метод оказался именно таким — продуктивным — методом. Востоков на своем примере доказал, что последовательная дифференциация прежде неопределенного по составу, происхождению, функциям, стилистическим параметрам «русско-славянского»

языка на историческую последовательность «языков» старославянского, церковнославянского, древнерусского и т.п. позволяет углубить познание семантики слова и его грамматических форм; в частности, с этим связано открытие морфемы — на *корне слова*, т.е. исходя опять-таки из общности семантики словоформ. Была и принципиальная разница в работе над словарями. Словари современного языка служили Востокову материалом для выявления методов лексикографической обработки слова, работа над историческим словарем давала ему возможность изучать через семантику слова последовательное развитие общекультурных потенций народа (напомним, что в то время *история* вообще понималась как *этнография*). Нерасчлененность понятия *история, историческое* до времени не давала возможности дифференцировать материал в исторической перспективе его развития. Востоков только начинал эту работу, хотя уже в своем «Рассуждении...» он вполне отчетливо представил различие между старославянским и церковнославянским в их совместном отличии от русского.

Может быть, последнее, что нужно сказать, определяет само направление той научной школы, которая позже получила название Петербургской. Ее основные принципы заложены — еще неявным образом — в работе Востокова над словом и словарями: семантика слова является основным элементом и содержанием языковой системы, она определяет действие всех уровней и элементов, организует силовое поле языка как структуры, в том числе, естественно, организует и грамматические категории, и синтагматически отработанные связи слов. Лексикографическая работа со словом становится ведущим компонентом славистических исследований и обеспечивает тем самым содержательную сторону славянской филологии как науки.

... Кто знает, может быть, в глубине сознания и теплилась при этом заветная мысль, уводящая нас в средневековую традицию постижения слова: нет ничего в языке, в понятиях, в жизни выше, чем Слово — *Логос*.

Словарь церковнославянского и русского языка

Одним из наиболее ценных и интересных лексикографических трудов XIX в. является «Словарь церковнославянского и русского языка», составленный Вторым отделением Академии Наук.[67] Это во многих отношениях более совершенный, чем все предшествующие словари, словарь, который не может не привлечь внимания как памятник, в котором должен был найти отражение язык пушкинской эпохи.

Выступая с отчетом по Отделению, П. А. Плетнев заметил, что «с истечением 1847 г. кончился и первый и главный труд Отделения русского языка и словесности — оно составило и напечатало Словарь

[67] Т. I-IV. СПб., 1847 (далее — Словарь 1847 г.).

церковнославянского и русского языка... Так как Отделение учреждено в конце 1841 г., то труд этот совершен ровно в шесть лет».[68]

Однако Отделение никогда бы не справилось с такой трудной задачей в столь короткий срок, если бы еще до образования Отделения не была проделана огромная работа по подготовке нового словаря в стенах Российской Академии. Фактически работа над словарем продолжалась в течение двадцати лет.

Впервые мысль о создании нового словаря была высказана в 1815 г. президентом Российской Академии А. С. Шишковым[69]. К этому времени Российская Академия, созданная в 1783 г., ознаменовала уже свое существование выпуском в свет словопроизводного словаря[70] и приступила к переработке его в алфавитный, что способствовало обнаружению в первом словаре целого ряда упущений и недостатков.

Позднее сама Академия считала первым практическим шагом в этом направлении создание в 1817 г. Издательского комитета, однако основной задачей этого комитета было завершение переиздания словопроизводного словаря в азбучном порядке. Поэтому, когда в 1822 г. вышла последняя часть алфавитного словаря, Издательный комитет реально прекратил свое существование.

Во второй половине 1826 г. было поручено А. Х. Востокову и членам Рассматривательного комитета (А. С. Никольскому, П. М. Карабанову, П. И. Соколову и С. А. Шихматову) разработать план нового алфавитного словаря. Это и явилось фактическим началом работы над будущим Словарем 1847 г.

16 апреля 1827 г. на рассмотрение академического собрания было представлено «Начертание Российского словаря, азбучным порядком расположенного»,[71] т.е. план создания будущего словаря.

В «Начертании» обосновывается необходимость создания нового словаря, обусловленная прежде всего недостатками существующих словарей: даже в алфавитном словаре опущены многие общеупотребительные слова (например, бояться, благодатный, внезапность, воевать и др.); неудовлетворительные определения целого ряда слов — в одних случаях они недостаточны, в других слишком пространны; неудачно подобраны примеры для иллюстраций, не соблюдено единство в правописании и т.д.

Вопрос об отборе лексики в словарь, об объеме словаря по существу был сведен в «Начертании» к решению судьбы иностранных, заимствованных слов. Это не было случайностью, так как проблема лексического состава русского языка вообще и проблема допустимости в нем иностранных по происхождению слов в особенности стояли тогда очень

[68] Отчеты Имп. АН по Отделению русского языка и словестности за первые два года по учреждении его. СПб., 1844. С. 1.

[69] См. *Шишков А. С.* Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря (Изв. Российской Академии. СПб., 1815. Кн. I. С. 8–35).

[70] Словарь Академии Российской. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

[71] Архив АН СССР, ф. 8, оп. I, № 32, л. 195–198.

остро (достаточно вспомнить полемику шишковистов и карамзинистов, сторонников «старого» и «нового» стиля).

Некоторые члены Академии (А. С. Шишков и его приверженцы) считали, что абсолютное большинство иностранных слов необходимо из словаря исключить, заменив их соответственными русскими, и лишь некоторые поместить в конце словаря.

В ответ на это Рассматривательный комитет обратил внимание академиков на то, что многие заимствованные слова настолько обрусели, так прочно вошли в русский язык, что без них невозможно обойтись, например: *император, сенат, луна, кафтан, лев, овца* и многие другие (в числе заимствованных здесь ошибочно названы и такие исконно славянские слова, как *луна, овца*). Не беря на себя ответственности решать, какие же слова допустить в словарь, какие исключить, комитет предложил сначала напечатать «полную роспись вместе с российскими всем словам иностранным, вошедшим в российский язык, также речениям старинным, в древних летописях и книгах славянских находящимся»,[72] т.е., употребляя современный термин, комитет решил прежде всего составить словник.

Другие правила комитета касались особенностей помещения в словаре отдельных грамматических категорий (глаголов совершенного и несовершенного вида, степеней сравнения прилагательных и наречий, сложных слов и т.п.); несколько замечаний было сделано о характере определений и др. Впоследствии все это варьировалось, дополнялось без существенных изменений и было окончательно сформулировано в предисловии к словарю.

«Начертание» предусматривало и технический ход работы над словарем: после утверждения всеми членами выбора слов по росписи комитет должен приступить к определению и объяснению значений, снова рассылая каждый составленный и напечатанный лист членам Академии для внесения поправок и дополнений, которые должны затем обсуждаться на общих заседаниях Академии, и лишь после такого утверждения готовый, исправленный лист может сдаваться в печать.

12 мая 1828 г. были заслушаны пять мнений о выборе слов для словаря, и эти мнения оказались самыми противоречивыми: одни из членов предлагали совсем исключить такие слова, как автор, адвокат, аудитория, другие считали необходимым поместить их в словарь, третьи — допустить их только в конце словаря, в виде приложения.

Таким образом, с первых шагов стало ясно, сколько будет субъективизма в подходе к отбору лексики для словаря. Это заставило Академию пойти на еще большие уступки по отношению к иностранным словам: решено было все их помещать в словарь, не давая, однако, самостоятельных определений, а сопровождая лишь ссылкой на соответственные русские, если такие найдутся (например: *Аллегория* — см. иносказание и т.п.).

[72] Архив АН, ф. 8, оп. I, № 32, л. 196.

В течение двух последующих лет (1828 1830 гг.) шло обсуждение росписи слов и чтение слов, выбранных тем или иным членом из какой-нибудь книги и отсутствующих в имеющихся словарях. По совету А. С. Шишкова каждый член взял по одной или несколько книг. чтобы выбрать из них неизвестные, необыкновенные или малоупотребительные слова, выписывая и соответственный текст. Пока выходил алфавитный словарь Российской Академии, эти слова предназначались для включения в него, затем — для печатания в виде дополнений к изданному словарю, а с 1827 г. они передавались Издательскому комитету для включения в роспись слов (Издательным комитетом стал называться Рассматривательный комитет, т.к. ему было поручено заняться составлением нового азбучного словаря), в 1829 г. вместо П. М. Карабанова и С. А. Шихматова в него были включены В. А. Поленов и П. А. Ширинский-Шихматов).

В 1831 г. вновь возникла дискуссия о принципах отбора лексики. М. М. Сперанский снова поднимает вопрос о допущении иностранных слов в российский словарь и, солидаризуясь с А. С. Шишковым, категорически возражает против введения их, считая, что это, во-первых, обезобразит словарь, во-вторых, придаст ему вид временного периодического сборника (так как иностранные слова появляются и исчезают и фиксировать их нет никакой надобности, да и невозможно), в-третьих, это помешает утверждению истинного смысла исконно-русских слов.

Обстоятельный ответ на все замечания М. М. Сперанского дал В. А. Поленов, один из авторов «Начертания». В. А. Поленов показал, что введение иностранных слов, существующих в языке, нисколько не помешает объяснению исконно русских слов; многие иностранные слова прочно вошли в русский язык, стали общеупотребительными, всем понятными и их просто нечем заменить; если бы Академия и нашла какие-то эквиваленты, они все равно остались бы только в словаре, как убеждает опыт. Нет никаких оснований исключать иностранные слова, замечает В. А. Поленов, если решено помещать даже все старинные, «обветшалые», в живом языке неупотребительные слова.

В октябре 1831 г. М. Е. Лобанов обратил внимание на другие вопросы, касающиеся словаря, указав прежде всего, что составление его идет очень медленно и при таких темпах вряд ли будет закончено через 15 лет, а между тем потребность общества в словаре все более увеличивается.

Основным требованием к лексическому составу словаря было у М. Е. Лобанова требование предельной полноты охвата лексики. При этом словарь должен быть достаточно кратким, М. Е. Лобанов предлагает уместить весь словарь в один том вместо шести томов прежнего издания, что сделает его более дешевым и более удобным для употребления.

Замечания М. Е. Лобанова об ускорении работы по составлению словаря были очень своевременны, так как чтение и обсуждение росписи слов шло очень медленно: в течение 1828 г. было прочтено только 22 листа, в 1829 г. дошли до 73 листа, в 1830 г. до 152 листа.

Академия учла мнение М. Е. Лобанова, и со следующего заседания (31 декабря 1831 г.) было начато чтение корректурных листов, подготовленных членами Издательного комитета. Однако это чтение продвигалось еще медленнее: к 24 августа 1835 г. было прочитано всего-навсего 48 листов (до слова «вытачивать»).

К этому времени в издательном комитете осталось два человека — А. Х. Востоков и В. А. Поленов, так как П. И. Соколов умер, а П. А. Ширинский-Шихматов не принимал никакого участия в работе ввиду занятости по службе. В сентябре 1835 г. Издательный комитет был пополнен новыми членами: Б. А. Загорским и С. В. Руссовым. Но такое незначительное пополнение не могло повлиять существенно на ход дела. Поэтому решено было создать особый Словарный комитет, который, собираясь отдельно, а не в обычные субботние заседания, взял бы на себя основной труд по составлению словаря.

В состав Словарного комитета вошли: А. Х. Востоков, В. А. Поленов, М. Е. Лобанов, И. А. Вельяминов, П. А. Загорский, В. И. Панаев, П. А. Ширинский-Шихматов, А. И. Малов, С. В. Руссов, И. С. Кочетов и Б. М. Федоров — всего 11 человек.

Комитету снова поручено было разработать проект правил, которыми он будет руководствоваться при составлении словаря.

В 1835 г. Словарный комитет провел отдельные заседания, где были заслушаны мнения М. Е. Лобанова, П. А. Ширинского-Шихматова и разработаны правила составления словаря, в основу которых легли высказывания М. Е. Лобанова.

Направляя все это в Российскую Академию, члены Словарного комитета заверяли в своем искреннем стремлении как можно скорее и лучше завершить порученное им дело, «ибо, говорили они, у нас нет еще полного словаря, а словарь отечественного языка есть первая книга народа».[73]

Весьма пространное мнение П. А. Ширинского-Шихматова не содержит в себе почти ничего принципиально нового. Во всем, что касается плана словаря, он присоединяется к М. Е. Лобанову, акцентируя лишь некоторые вопросы, в частности, вопрос об источниках словаря. Поскольку словарь, по определению П. А. Ширинского-Шихматова, «должен быть сокровищем языка во всем его пространстве и на протяжении веков, от первых изданных в свет письменных памятников русской словесности до нашего времени»,[74] то в качестве его источников следует привлекать летописи, древние исторические и юридические акты, государственные грамоты, а также полное собрание законов. Вместе с тем П. А. Ширинский-Шихматов подчеркивает важность строгого отбора слов для словаря, который как бы узаконивает существование в языке того или иного слова.

Интересна в высказывании П. А. Ширинского-Шихматова мысль о необходимости привлекать к работе над словарем не только членов

[73] Архив АН, ф. 8, оп. 3, № 64, л. 6.
[74] Архив АН, ф. 8, оп. 3, № 64, л. 11.

Российской Академии, но и других ученых. При этом он ссылается на опыт Французской Академии, в словаре которой различные термины рассматривались специалистами в каждой области знания, что несомненно способствовало усовершенствованию словаря. Впоследствии этим советом практически воспользовалось Второе отделение.

Понимая непрерывную изменчивость словарного состава языка, П. А. Ширинский-Шихматов считал, что из этого вытекает постоянная необходимость все в новых и новых словарях, так что если сегодня закончен один справочный словарь, то завтра же нужно начинать другой.

Замечания М. Е. Лобанова и на этот раз носят более конкретный характер. Снова (как в 1831 г.) указывая на насущную потребность в удобном и доступном словаре, М. Е. Лобанов подчеркивает, что составление его идет по-прежнему очень медленно: с октября 1831 г. по 1-е октября 1835 г. прочтена в корректурных листах примерно десятая часть словаря, следовательно, только на прочтение остальных девяти частей потребуется почти 40 лет. По мнению М. Е. Лобанова, после образования Словарного комитета следует вести дело совершенно иначе. Каждый член комитета должен обрабатывать слова на какую-либо букву, получая за это определенное вознаграждение; приготовленные каждым членом листы необходимо прочитывать на заседаниях Словарного комитета для внесения поправок, изменений и дополнений, а затем отдавать в печать; спорные вопросы решать большинством голосов или выносить на общее собрание Академии, в зависимости от важности предмета спора.

19 октября 1835 г. Словарный комитет принял «Правила для составления алфавитного словаря Российской Академии»,[75] в основу которых были положены предложения М. Е. Лобанова. Правила эти являются более развернутыми и полными по сравнению с предыдущими (1827 г.). Ими руководствовалась сначала Российская Академия, а затем Второе отделение, и с некоторыми дополнениями и поправками они были напечатаны в предисловии к Словарю 1847 г.

Если в «Начертании» 1827 г. основное внимание было направлено на вопрос о допущении или исключении иностранных слов, а остальные пласты лексики и проблема включения их в словарь не детализировалась, то в «Правилах» 1835 г. проблема иноязычной лексики занимает соответствующее место, не выдвигаясь вовсе на передний план и не затушевывая других проблем.

В первом параграфе «Правил» сказано, что следует «помещать в словарь все слова, к какому бы слогу они ни принадлежали, ибо словарь не есть выбор слов, но полное собрание языка и библейского, и народного, как в древних и новейших писателях, в рукописях и печатных книгах, так и в устах народа сохранившегося; и, кроме срамных и самою низкою чернью в брани употребляемых, нельзя отвергнуть

[75] Архив АН СССР, ф. 8, оп. 3, № 64, л. 14–15.

ни одного слова, не делая тем насильственного похищения из сокровищ языка русского»[76] (примерно то же самое относительно состава словаря повторено впоследствии в предисловии к Словарю 1847 г.).

Это общее положение о составе словаря конкретизируется в целом ряде других параграфов, уточняющих пределы допущения областных слов, иностранных, а также отдельных грамматических категорий.

В «Правилах» указывается, что областные слова включаются в словарь лишь в том случае, «если они хорошо выражают предмет и пополняют существенный недостаток в языке».[77] Правда, на основании приведенного правила трудно решить, какие же областные слова включаются в словарь и какие остаются за его пределами. Не случайно поэтому указанное правило, почти дословно повторенное в Словаре 1847 г., вызвало возражения у некоторых рецензентов.

В «Правилах» далее говорится, что следует исключить иностранные слова, «не нуждою, а прихотью введенные и не народом, а некоторыми только лицами употребляемые, например, вояжер, вояжировать, интерес[78] и им подобные. Но речения наук, искусств, художеств, заимствованные из иностранных языков по необходимости, вносить в Словарь Академии».[79] Никаких ограничений для слов последней категории в «Правилах» еще нет. Однако, практическая работа над словарем показала, что невозможно помещать в словарь всю массу слов (и не только иностранных), относящихся к области какой-либо науки, искусства и т.д. Поэтому в предисловии к Словарю 1847 г. был добавлен специальный пункт, в котором говорилось, что из слов, входящих в область науки, искусства, художества, следует включать в словарь лишь «наиболее употребительные, потому что каждая из сих частей отдельно имеет свой собственный, более или менее обширный объем языка, достаточный к составлению словаря такой-то науки, искусства или художества».[80]

Правила призывают членов Академии создавать новые слова для замены иностранных, пользуясь материалами собственного своего языка или других славянских наречий. В качестве образца приводится уже не раз встречавшееся слово «накидок», которое, по мнению М. Е. Лобанова, прекрасно заменяет два иностранных слова: эскиз и кроки.

В целях обогащения русского языка, а также для замены иностранных слов «Правила» советуют прибегать к заимствованию из других славянских языков. Так, авторы «Правил» считают возможным включить в словарь сербское зерница в значении «пилюля». В этих замечаниях заметно влияние тех тенденций, которые были выражены в

---

[76] Правила для составления алфавитного словаря (Архив АН, ф. 8, оп. 3, № 64, л. 14).

[77] Правила для составления алфавитного словаря (Архив АН, ф. 8, оп. 3, № 64, л. 14).

[78] Слово *интерес* и его производные вошли в Словарь 1847 г.

[79] Правила для составления Алфавитного словаря (Архив АН, ф. 8, оп. 3, № 64, л. 15).

[80] Словарь церковнославянского и русского языка СПб., 1847. Т. I. С. XII.

высказывании А. С. Шишкова[81] и которые не нашли места в Словаре 1847 г., куда не попали ни накидок, ни зерница, ни им подобные.

В «Правилах» предлагается собрать все собственные имена городов, земель, рек и пр., обычно исключаемые из словарей, и приложить их в конце словаря особой статьей, присоединив и происходящие от них нарицательные имена, например, *Москва, москвич, московский, Замоскворечье* и т.п. Однако эта идея, не лишенная сама по себе интереса, осуществлена не была.

Несколькими словами в «Правилах» определяется структура словарной статьи: «При словах, вносимых в алфавит, сперва ставить грамматические объяснения, потом логическое определение значения оных, некоторые сословы или подобозначащие слова и примеры... Вносятся и объясняются все особенные выражения слов, например, при слове *бог — с богом, спасибо* и т.д.[82]

Грамматическую характеристику (в целях сокращения объема словаря) в «Правилах» предлагается свести до минимума: указывать для имен существительных род и форму родительного падежа единственного числа; для прилагательных — окончания женского и среднего рода, к которым позднее решено было присоединить также краткую форму; для глаголов — 1-е и 2-е лицо единственного числа настоящего времени, все виды, залог и управление в примерах.

Об определении значений слов в основном повторено все известное из прежних правил. Новым является решение оставлять вообще без определения названия животных, растений, ископаемых, прибавляя к ним лишь латинское наименование.

В целом ряде параграфов отражается наметившаяся еще в высказывании М. Е. Лобанова тенденция к предельному сокращению размеров словаря. Следуя указанным правилам, Академия (вернее, Второе отделение) достигла намеченной цели: Словарь 1847 г., заключая в себе слов в два с лишним раза больше, чем предыдущий, был умещен в 4 тома вместо 6 томов алфавитного словаря Академии Российской.

«Правила» Словарного комитета были приняты Российской Академией, постановившей приступить к осуществлению их с 1836 г. Отныне ход работы по составлению нового словаря должен был коренным образом измениться. Вместо чтения и обсуждения пробных листов словаря на общих собраниях Академии все дела по подготовке его были переданы Словарному комитету.

Теперь каждый из членов Словарного комитета получил определенные буквы и должен был обрабатывать все слова, начинающиеся с этих букв. Первые сведения о результатах этой работы находим в середине 1837 г., когда М. Е. Лобанов сообщил, что обработано 9564 слова.

Аналогичные сведения подавались и в дальнейшем, причем не всегда указывалось, какие именно слова обработал тот или иной член

---

[81] См. Изв. Российской Академии. СПб., 1815. Кн. I. С. 3.

[82] Правила для составления Алфавитного словаря (Архив АН, ф. 8, оп. 3, № 64, л. 16).

комитета, но непременно сообщалось, сколько слов. Последнее вызвано было необходимостью определить сумму причитающегося вознаграждения, т.к. за каждые 150 слов, что составляет в среднем один печатный лист, положено было платить 75 рублей.

Постоянными и наиболее деятельными членами комитета были В. А. Поленов, А. Х. Востоков, М. Е. Лобанов, П. А. Загорский и И. С. Кочетов. Но одни они не могли завершить создание словаря в столь короткий срок (3 года). Не ускорило дела и пополнение комитета тремя новыми членами.

В течение следующих лет в обоих отделениях Словарного комитета шла работа по составлению словаря. 23 августа 1841 г. на общем заседании Российской Академии было объявлено, что подготовлено около 70 тыс. слов (на первые 13 букв, а также с, у, ф, х). Словарный комитет большинством голосов постановил начать печатание словаря. М. Е. Лобанов составил правила, касающиеся практической стороны подготовки к печатанию; в правилах предлагалось избрать пятерых редакторов, которые должны следить за единообразием во всех частях словаря.

Общее собрание Академии одобрило решение о печатании и предложенные правила, но министр народного просвещения предложил повременить с изданием словаря, так как после смерти президента Академии А. С. Шишкова готовилось преобразование Российской Академии.

19 октября 1841 г. Российская Академия была присоединена к Академии Наук как Отделение русского языка и словесности, или Второе отделение, как его сокращенно называли (в отличие от первого — физико-математического и третьего — историко-филологического). Назначенный председательствующим на двухлетие П. А. Ширинский-Шихматов на первом заседании изложил план занятий отделения. В числе первоочередных задач он назвал создание грамматики и полного алфавитного словаря, который служил бы пособием при чтении не одних только современных русских, но и церковных, и старинных светских книг. Выступивший от имени московских членов И. И. Давыдов возражал против объединения в словаре русского и церковнославянского языков. Для обоснования мнения большинства членов отделения о преждевременности разделения русского и церковнославянского языка было предложено адъюнкту Я. И. Бередникову рассмотреть исторически составные элементы русского языка. Эта работа была проделана, отделение одобрило основные положения Я. И. Бередникова о трех составных началах, или стихиях, русского языка и впоследствии воспользовалось ими в предисловии к словарю.

Работа над словарем продолжалась в основном по тем же принципам, какие были приняты Российской Академией. Заново разработанные правила, изложенные позднее в предисловии, лишь с некоторыми дополнениями и уточнениями повторяли правила Словарного комитета.

Решено было словарь напечатать в четырех томах, поместив в первый слова на буквы А–Ж, во второй — З–Н, в третий — О–П, в четвертый — Р–Я. Постоянными редакторами утвердили: для 1-го тома

В. А. Поленова и П. А. Плетнева, для 2-го — А. Х. Востокова и Я. И. Бередникова, для 3-го — М. Е. Лобанова и К. И. Арсеньева, для 4-го — И. С. Кочетова и В. И. Панаева.

В наследство от Российской Академии осталось 71 626 слов (на 20 букв алфавита), обработанных и обсужденных в Словарном комитете. Обработку слов на оставшиеся 12 букв приняли на себя В. А. Поленов, А. Х. Востоков, М. Е. Лобанов и И. С. Кочетов.

В 1842 г. был намечен набор всех четырех томов, на заседаниях обсуждались корректурные листы второго тома.

Каждый черновой лист словаря после редакторской обработки рассылался для замечаний другим членам Отделения, затем передавался лицам, участвующим в исправлении толкований технических терминов и вообще специальных слов, наконец, прочитывался на общем заседании Отделения — и лишь тогда утверждался к печатанию. «Словарь в нынешнем виде своем, — говорит П. А. Плетнев, — будет уже весь ответственным трудом Отделения, которое внимательно пользуется для обогащения русского языка всеми новыми изданиями Археографической Комиссии, разными узаконениями и постановлениями правительства и другими памятниками наук и современной нашей словесности».[83]

18 декабря 1843 г. была подана «Записка комиссии, составленной при 2-м отделении Академии Наук для прочтения и рассмотрения в рукописи неоконченных листов Словаря церковнославянского и русского языка»,[84] в которой сообщалось, что с 13 февраля по 13 декабря на 49 заседаниях прочтено и разобрано более 12 тыс. слов, обработанных членами комиссии.

В этой «Записке» впервые появляется название — Словарь церковнославянского и русского языка, которое так и закрепилось за изданным в 1847 г. словарем 2-го отделения.

Хотя словарные материалы Российской Академии перерабатывались заново, печатание словаря не было отменено. В течение 1843 г. было отпечатано 20 листов, в 1844 г. — 60 листов, в 1845 г. — 64 листа, в 1846 г. — 63 листа, а в конце 1847 г. вышел из печати весь «Словарь церковнославянского и русского языка», в 4-х томах, на 246 печатных листах, содержащий 114 749 слов. Из числа ученых, принимавших участие в работе над Словарем 1847 г., один А. Х. Востоков был филологом в строгом смысле.

С именем Александра Христофоровича Востокова связана целая эпоха в истории развития лингвистической мысли в России.

Гениальный ученый, тонкий знаток как современного, так и церковнославянского и других славянских языков, А. Х. Востоков в продолжение почти 60-ти лет трудился на благо отечественной науки сначала

[83] Отчеты Имп. АН по Отделению русского языка им словесности за первые два года по учреждении его. СПб., 1844. С. 47.

[84] Архив АН, ф. 9, оп. I, № 26, л. 6–11.

в Российской Академии,[85] затем во Втором отделении, не отказываясь от любой, пусть даже самой незначительной, работы.

Вся система грамматической характеристики слов в Словаре 1847 г. была разработана А. Х. Востоковым, и этого одного было достаточно, чтобы увековечить его имя в числе создателей Словаря 1847 г. Будучи членом всех комитетов, А. Х. Востоков активно участвовал в выработке всех правил словаря; кроме того, он редактировал II-й том, занимался составлением словарных статей и для других томов.

Итак, в 1847 г. вышел в свет Словарь церковнославянского и русского языка. Работа над ним продолжалась почти без перерывов в течение 20 лет, начиная с 1827 г., когда были разработаны первые правила нового издания.

Вместо предполагавшегося вначале нового издания алфавитного словаря Российской Академии, расширенного и дополненного, получился в конце концов совершенно новый словарь, базирующийся на иных и, можно сказать, прямо противоположных принципах.

Продолжительность работы над Словарем объясняется, с одной стороны, желанием достигнуть предельной полноты, вследствие чего приходилось неоднократно возвращаться к уже сделанному по мере поступления новых материалов; с другой — стремлением к усовершенствованию, для чего было поставлено широкое обсуждение каждой словарной статьи, каждого слова, чтобы они были плодом творчества не одного человека, а всего коллектива.

Положительную роль в деле ускорения работы над словарем сыграло присоединение Российской Академии к Академии Наук в качестве ее Второго отделения. «Из прежнего учреждения с неопределенным кругом действия и слишком обширным, разнохарактерным составом создана была другая, менее многочисленная коллегия, но зато с ясно выраженным научным значением, которое состояло, главным образом, в исследовании русского языка»,[86] и в первую очередь в создании словаря. Это назначение было выполнено вполне успешно.

В предисловии к Словарю 1847 г. излагается точка зрения его составителей на историческое развитие русского языка и на составные части, из которых сложился русский язык.

По мнению составителей словаря, русский язык исторически сложился из трех стихий. Первая стихия — церковнославянский язык, принятый в X в. при введении христианства как язык церковный, богослужебный. Вторая стихия — славяно-русское наречие, возникшее в сочинениях духовных писателей в результате смешения слов и оборотов церковнославянских с русскими. Третья стихия — старинный русский язык, богатый, самобытный, отличный от всех других славянских наречий и сохранившийся в древнейших грамотах, памятни-

[85] А. Х. Востоков был избран в действительные члены Российской Академии в 1820 г.

[86] *Грот Я. К.* Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за 50-летие с 1841 по 1891 гг. (Сб. ОРЯС, 1892. Т. 53. С. 3).

ках старинного законодательства, в таких произведениях, как «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха» и др.

Там, где речь идет о собственно русском языке и его истории, рассуждения составителей словаря интересны и убедительны. В частности, вполне правильно оценивается влияние на судьбы языка объединения разрозненных княжеств в единое государство, что и положило начало созданию единого языка. Интересно излагается история языка в Петровскую эпоху, когда преобразование государства, расширение связей с заграницей, развитие науки, искусства и т.д. потребовали обновления языка. «Для выражения предметов, нужд и отношений нового общества надлежало создать и новое слово»,[87] — говорится в предисловии. Новые слова создавались на основе русского языка или заимствовались из иностранных языков, отмечается в предисловии к Словарю. В предисловии даны очень интересные и в основном исторически верные оценки творчества отдельных писателей (Ломоносова, Фонвизина, Державина, Пушкина, Грибоедова, Крылова). Продолжая традиции Российской Академии и ее президента А. С. Шишкова, известного поборника «старого слога», Отделение решило объединить в одном словаре церковнославянский и русский язык (современный для составителей словаря и древнерусский). Практическим оправданием этого объединения, по мнению составителей словаря, является то, что нередко слова церковнославянские и старинные русские употребляются в произведениях новых писателей, а если какое-то слово еще не встречалось в литературе, то завтра оно может встретиться, поэтому необходимо истолковать значения всех этих слов.

Правильность такого решения оспаривалась уже современниками составителей словаря (в частности, возражал против этого еще при обсуждении плана словаря И. И. Давыдов, резко отрицательно высказался после выхода словаря анонимный рецензент «Отечественных записок»). Сами составители словаря признавали, что церковнославянский язык и славяно-русское наречие, являясь орудиями богослужения и веры, были наречиями книжными, а в устах народа слышался другой, самобытный русский язык; они даже осуждали то безотчетное сближение церковнославянского языка с русским, которое имело место у неискусных подражателей Ломоносова, и тем не менее в самом словаре было узаконено такое смешение.

Выбор источников и подбор лексики для словаря диктовался теоретической установкой о трех «стихиях» русского языка.

Отделение хотело собрать воедино все богатство русского языка, ибо словарь должен «быть сокровищницей языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений словесности».[88] Т. е. имелся в виду не нормативный словарь современного литературного языка, а своеобразный справочник, в котором бы можно было найти любое непонятное слово, встретившееся в

[87] Словарь 1847 г. СПб. Т. I. С. V.
[88] Словарь 1847 г. СПб. Т. I. С. XI.

церковной книге или старинной рукописи, в народной песне, сказке или у современного писателя.

При составлении Словаря 1847 г. были использованы многочисленные и самые разнохарактерные источники, служившие материалом как для иллюстрации значений того или иного слова, так и для пополнения лексического состава словаря, его словника. Список источников словаря[89] заключает в себе свыше двухсот названий книг и имен авторов, причем из этого перечня исключены названия книг библейских, «как всем известных».

К середине XIX века в России был уже накоплен богатый лексикографический опыт, составители Словаря 1847 г. прекрасно знали все предшествующие словари и в своей работе использовали из них все лучшее.

Основной лексикографической базой для Словаря 1847 г. послужили словопроизводный и главным образом алфавитный Словари Российской Академии, а также Общий церковно-славяно-российский словарь П. Соколова.[90] Последний был построен целиком на материалах алфавитного словаря с некоторыми дополнениями в словнике (прибавлено около 12 тыс. слов) и значительными сокращениями иллюстративного материала, а частично и толкований слов.

О характере использования этих словарей можно судить, сопоставив несколько примеров.

Алфавитный словарь.

Корпе́ть, корплю́, пи́шь, гл. ср. 3 спр. Простонар. Пристально над чем сидеть, трудиться. Корпит день и ночь над переводом (В Словаре Соколова так же).

Неимове́рный, ая, ое, неимове́рен, а, о, прил. Превышающий, превосходящий вероятие. Носся ужасный флот в струях пучины черной, что создан в скорости Петром неимоверной. Лом[оносов] (В Словаре Соколова так же, только без примера)

Нена́стье, я, с.ср. 2 скл. Непогодь, дождливое или снежное время. Стоит, продолжается ненастье. За ненастьем не выходил со двора. [В Словаре Соколова так же].

Словарь 1847 г.

Корпе́ть, плю́, пи́шь, гл. ср. Прилежно чем-либо заниматься. Корпеть над книгами.

Неимове́рный, ая, ое, -рен, рна, о. пр. Превосходящий вероятие. Нося ужасный флот в струях пучины черной, Что создан в скорости Петром неимоверной. Лом.

Нена́стье, я, с. ср. Дождливое или снежное время, непогодь. За ненастьем я не выходил сегодня со двора. В деревне скучно, грязь, ненастье. Осенний ветер, мелкий снег. Пушк.

[89] См. Словарь 1847 г. Т. I. С. XVIII–XXII: Объяснительная таблица сокращений имен сочинителей и заглавий книг, из которых заимствованы в словаре примеры.

[90] *Соколов П. И.* Общий церковно-славяно-российский словарь.. Ч. I–II. СПб., 1834.

Или еще сопоставление двух слов, взятых из Словаря Соколова и отсутствующих в алфавитном словаре.

Словарь Соколова

Значи́тельно, нар. Много.

Сле́га, и́, с. ж. I скл. Длинное посредственной толстоты бревно.

Словарь 1847 г.

Значи́тельно, нар. 1) Много, довольно, приметно. Вода значительно прибывает. Барометр значительно понижается. 2) Выразительно, с особенным значением. Он посмотрел на меня значительно.

Слега́, и́, с. ж. Длинное бревно посредственной толщины.

Сопоставление приведенных статей убеждает, что действительно алфавитный словарь и Словарь Соколова явились основой для Словаря 1847 г., тем остовом, фундаментом, на котором возводилось здание словаря. Из него были взяты все (за единичными исключениями) слова для словника, некоторые статьи повторяются слово в слово, часто приводятся одни и те же примеры.

Но это лишь с одной стороны. С другой стороны, сопоставление показывает, что большинство определений подверглось коренной переработке, направленной к тому, чтобы достигнуть предельной краткости при сохранении точности толкования, во многих словах были показаны значения, отсутствующие и в алфавитном словаре, и в Словаре Соколова; даже в тех случаях, когда в основном статья сохранялась, она подвергалась стилистической обработке и усовершенствованию. Кроме того, многие слова получили иную стилистическую оценку. Так, в Словаре Соколова слова кикимора, космач, кочан сопровождаются пометой простонар. (простонародное), а в Словаре 1847 г. они даны без помет; у Соколова набедренник — без пометы, в Словаре 1847 г. — с пометой обл. (областное); у Соколова знахарь с пометой малорос. (малороссийское); а в Словаре 1847 г. — стар. (старинное).

Отделение воспользовалось в своей работе также некоторыми специальными словарями энциклопедического и терминологического характера. К числу первых относится названный в списке источников Энциклопедический лексикон Плюшара (1835–1841 гг., 17 томов), доведенный только до буквы Д (*дятлина*).

Этот словарь явился источником прежде всего для пополнения словника: впервые помещенные в нем слова автография, авторитет, агава, агроном, агрономия, акварель, акробат, баллада, бархотка и др. — вошли в Словарь 1847 г.

Энциклопедический лексикон оказал влияние и на определение значений в той степени, в какой это было допустимо при различии характера словарей. Нередко в определении значений некоторых слов в Словаре 1847 г. сказывается явная зависимость от Энциклопедического лексикона. Например:

Энциклопедический лексикон 1835 г.

Баттарея. В физике так называют прибор, состоящий из нескольких одиноких приборов, соединенных между собою для того, чтоб получить сильнейшее действие. Т. о. имеется электрическая баттарея, состоящая

из нескольких лейденских банок или плоских стекол, которые, кроме краев, обложены на обеих сторонах оловом...

Словарь 1847 г.

Батарея электрическая. Физ. Прибор, состоящий из нескольких лейденских банок или плоских стекол, которые, кроме краев, обложены на обеих сторонах оловом.

Этот и ряд других примеров (ср. автография, акушер, баталическая живопись, диспоши, досканец и др.) показывают, что Словарь 1847 г. использует определения Энциклопедического лексикона, перерабатывая их в духе толкового словаря и опуская энциклопедические подробности.

Широко и полно был использован Горный словарь Спасского. Все слова и выражения с пометой горн. (горное), а также с некоторыми другими и даже без помет, вместе с их объяснениями почерпнуты из этого словаря. Например:

Горный словарь

Баба, деревянная стойка с проушиной, в которой утверждается брус (долонь, ладонь), служащий для удержания подъема и к отражению молота при кричном действии.

Баклушка. 1) Деревянный гвоздь или пыж длиною около двух вершков, загоняемый в буровую скважину, или шнур, после засыпки пороха, где нет годного к тому камня, песку или глины, для безопасности, чтобы шнур во время заряда, дав из камня искру, не произвел выстрела и не причинил вреда рабочим...

Словарь 1847 г.

Баба,... 7) Горн. Деревянная стойка с проушиной, в которой утверждается брус, служащий для удержания подъема и к отражению молота при кричном действии.

Баклушка, и, с. ж. Горн. 1) Деревянный гвоздь или пыж, вбиваемый в буровую скважину после засыпания пороха.

При использовании Горного словаря тоже наблюдается тенденция к устранению энциклопедичности в определениях, стремление придать пояснениям более общий характер.

При работе над Словарем 1847 г. привлекались и другие словари. Сопоставляя Словарь 1847 г. с «Опытом терминологического словаря..» В. Бурнашева,[91] легко заметить сходство и даже тождество некоторых определений (ср.: *ботун, ботва, водомоина, опушка* и др.).

Этим фактом был введен в заблуждение М. В. Канкава, который в своей работе «В. И. Даль как лексикограф» утверждает, что Словарь 1847 г. широко использовал «Опыт терминологического словаря..», и приводит в доказательство довольно длинный перечень слов (181) на букву Т,[92] якобы вошедших в Словарь 1847 г. именно из «Опыта..» Бурнашева.

[91] *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. В 2 т. СПб., 1843–1844.
[92] *Канкава М. В.* В. И. Даль как лексикограф. М., 1952. С. 302.

На самом деле большинство слов, которые приводит М. В. Канкава (155 из 181), встречается уже в Словаре П. И. Соколова и совпадение в определении значений между Словарем 1847 г. и «Опытом..» Бурнашева обнаруживается как раз там, где тот и другой зависят от словаря Соколова. Например, *гарпиус* в Словаре Соколова и у Бурнашева определяется как «твердая, ломкая смола, остающаяся после перегонки жидкой смолы», в Словаре 1847 г. — «твердая, ломкая смола, остающаяся после перегонки жидкой смолы или живицы, при получении скипидара».

В тех случаях, когда Бурнашев в толковании значений расходится со словарем Соколова, непосредственная связь определений между Словарем 1847 г. и словарем Соколова, с одной стороны, и отсутствие такой связи со словарем Бурнашева, с другой, становятся еще очевиднее. Например: *дубас* в Словаре Соколова — 1) Род одежды, подобной сарафану, употребляемой в некоторых областях России и названной так потому, что красят в дубовом листу. 2) Корыто, из дуба выдолбленное. В «Опыте..» — 1) В Сибири верхняя рабочая или дорожная одежда. Камлея из дымленных оленьих шкур с подрезанной шерстью. 2) Корыто, из дуба выдолбленное. В Словаре 1847 г. — 1) Обл. Одежда, похожая на сарафан и выкрашенная в дубовом листу. 2) Корыто, из дуба выдолбленное. 3) Судно на реке Буге.

Сходство или общность определений ряда слов в Словаре 1847 г. и в «Опыте..» Бурнашева объясняется лишь тем, что при составлении обоих был использован в качестве источника Словарь Соколова, вследствие чего и оказались возможными такие параллели.

Но если исключить из приведенного в работе М. В. Канкава списка вышеупомянутые 155 слов, встречающихся в словаре Соколова, а также 8 слов, являющихся названиями растений и известных по ботаническим словарям и специальным работам, то останется 17 слов, зафиксированных впервые у Бурнашева и имеющихся в Словаре 1847 г. Вполне возможно, что Отделение воспользовалось материалами словаря Бурнашева для пополнения словника, тем более, что иногда можно заметить преемственность в толкованиях (ср. *драчка, толкунцы, точево* и немногие другие).

Поскольку в работе над Словарем 1847 г. принимали участие Академики Первого физико-математического отделения и специалисты по разным областям знаний, то они по своему усмотрению привлекали различные специальные труды и словари, перерабатывая их материалы сообразно с задачами Словаря 1847 г.

При составлении словника могли быть полезны параллельные русско-иностранные и иностранно-русские словари, которых в первой трети XX в. появилось довольно много. Однако Отделение в какой-то мере унаследовало от Российской Академии отрицательное отношение ко всему иностранному, в том числе к словарям, поэтому в предисловии уже не был указан даже русско-французский словарь Рейфа, упомянутый в первоначальном варианте правил для составления словаря.

Помимо лексикографических изданий, при составлении Словаря 1847 г. были использованы многие другие самые разнохарактерные источники. Составители словаря проявили много настойчивости и упорства в изучении различных сочинений и выборке из них того, что не вошло в прежние словари.

Среди источников словаря произведения писателей XVIII и XIX вв. занимают не первостепенное место. Из писателей в словаре названы Аблесимов, Батюшков, Бенедиктов, Богданович, Вяземский, Гнедич, Голиков, Грибоедов, Державин, Дмитриев, Жуковский, Загоскин, Измайлов, Капнист, Карамзин, Княжнин, Крылов, Ломоносов, Озеров, Петров, Пушкин, Фонвизин, Хемницер, Хмельницкий, Шишков, Феофан Прокопович. (В самом словаре 1847 г. встретились примеры из Воейкова и Кантемира, хотя их имена в списке источников не были указаны).

Из этого списка видно, что произведения многих писателей первой половины XIX в. (таких, как Баратынский, Кольцов, Лермонтов, Гоголь, Языков, Рылеев, Белинский и некоторые другие), получившие позднее самое широкое признание, не нашли отражения в Словаре 1847 г.

По сравнению с прежними словарями количество примеров из художественных произведений значительно увеличилось, изменился и круг писателей, на которых ориентировался словарь. Ведущее место по количеству цитат из их произведений занимают Пушкин, Крылов, Грибоедов, затем Жуковский, Державин, Гнедич и др.

Тем не менее критика сразу же после выхода Словаря 1847 г. отметила (и вполне справедливо), что наряду с некоторыми достоинствами в использовании произведений писателей в Словаре церковнославянского и русского языка имеются и многие, весьма существенные недостатки: нужно было до минимума сократить количество примеров из Ломоносова, не злоупотреблять цитатами из Озерова и особенно Гнедича (из перевода «Илиады» в Словаре 1847 г. почти столько же примеров, сколько из Пушкина); следовало строже подойти к отбору примеров из Державина и других писателей.[93]

Приводимые в словаре цитаты из художественной литературы тонут в бесчисленном множестве примеров из книг библейских, богослужебных, а также памятников древнерусской письменности, которые привлекаются иногда даже для иллюстрации слов без пометы церковное или старинное (например, при словах кознь, мерзость, плач, поведать, полнота, полный, помощь, пояс, предавать, развевать и др.).

Впоследствии Отделение пересмотрело свое отношение к произведениям художественной литературы; сразу же после выхода Словаря 1847 г. была начата более полная выборка из произведений Пушкина, впервые были привлечены произведения Гоголя («Мертвые души»), Тургенева («Записки охотника») и др. Основным критерием допуска в

[93] См. подробную рецензию на Словарь 1847 г (Отечественные записки. 1848. Т. 57. Отд. V. С. 18–20.

словарь всех без исключения слов (церковных, старинных, областных, специальных) стало употребление их писателями.

По объему Словарь 1847 г. оказался почти вдвое большим, чем самые обширные из словарей того времени: если в словопроизводном словаре Российской Академии было помещено 43257 слов, в алфавитном — 51388, у Соколова — 63432, то в Словаре 1847 г. их насчитывается 114749.

Первое правило предписывало «помещать в словаре вообще слова, составляющие принадлежность языка в разные эпохи его существования, потому что словарь не есть выбор слов, но полное систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа».[94]

В результате тщательнейшего изучения церковнославянских памятников Словарь пополнился целым рядом слов, опущенных в прежних словарях (они сопровождаются пометой церк. — церковное), например: ***аллилугиар, бденно, буявый, главица, глупец, дерзосердо, тавла, тажде, эктения*** и др. Из церковнославянского языка в словарь вошли слова, ассимилированные русским языком, представляющие активный пласт в книжных стилях не только церковной, но и светской литературы, слова, находящиеся в процессе ассимиляции, и даже такие, которые еще М. В. Ломоносов отвергал как «обветшалые».

Не менее, если не более значительный лексический пласт в Словаре 1847 г. представляют слова с пометой стар. (старинное), извлеченные из различных памятников древнерусской письменности, давным-давно вышедшие из живого употребления. Огромное количество их предстало в словаре впервые, например: ***алам, алча, батожник, говейно, дернь, тарченник, храбор*** и др. В отношении старинных слов словарю гораздо труднее достичь желаемой полноты, так как источники были просто неисчерпаемы, и несмотря на то, что множество старинных слов было извлечено из разнообразнейших памятников и включено в словарь, все-таки многие оказались опущенными.

В Словарь 1847 г. включено множество терминов, относящихся к разным областям науки, искусства, ремесел и т.п. (они сопровождаются соответственными пометами). Значительная часть терминов впервые получила место в общем словаре языка, например: ***азимут, апогей, параллакс*** (астр.); ***пароксизм, скальпель, стетоскоп*** (мед.); ***дендрит, диабаз, тиннин, хлористый, фосфор*** (хим.); ***адажио, аккорд, дилетант, мажор, партитура, стаккато, хорал*** (муз.); ***акварель, акватинта, готический*** (худ.) и др.

Составители словаря понимали, что целиком охватить все области науки и искусства невозможно. Поэтому решено было из слов, относящихся к специальной терминологии, включить лишь наиболее употребительные, но такая формулировка открывала неограниченный простор субъективизму и произволу. А так как в составлении Словаря

[94] Словарь 1847 г. Т. I. С. XII.

1847 г. принимали участие многие специалисты по различным областям знания, то, возможно, их пристрастиями объясняются многие излишества по части специальной терминологии; в словарь включено, например, множество морских терминов: одних сочетаний с *грота* и *грот* — 80, с *крюйс, крюйсель* — 40, с *фор* — 80 и т.д.

Впервые были зафиксированы в словаре литературного языка многие слова, относящиеся к народным говорам и просторечию, например: *балбес, бахвал, богатей, вахлак, гулена, знахарка, серчать, стибрить, хворь* и др.

Значительно пополнился Словарь 1847 г. заимствованными словами, отсутствующими в других словарях, например: *абонент, античный, вальсировать, гипотеза, дезертир, демагог, диалектика, сигнал, синоним, эмпиризм, эра, эпический* и др.

Составители словаря стремились с достаточной полнотой отразить и лексику современного им живого языка, в результате чего словарь пополнился многими общеупотребительными русскими словами, которых не было в прежних словарях, например: *бричка, бушевать, бередить, быстроногий, вихлять, водянистый, вольнодумство, вольнодумствовать, гражданственный, последовательный, развенчать, разочаровать, сосредоточить, степь, упростить* и др.

Значительное увеличение объема Словаря 1847 г. произошло также за счет пополнения его производными словами (относительные прилагательные, отглагольные и некоторые другие существительные, приставочные глаголы и глаголы на -ся).

Кроме того, увеличение произошло за счет выделения в самостоятельные статьи ряда грамматических категорий: совершенных, однократных и многократных видов глагола (с определением только при несовершенном), страдательных причастий прошедшего времени, существительных, обозначающих лиц женского пола; существительных с суффиксами субъективной оценки, прилагательных с суффиксами -*оват (-еват), -охонек (-ёхонек)* и т.п.

Словарь 1847 г. изобилует сложными словами: в нем помещено 530 сочетаний с одним словом *благо*, 120 со словом *добро*, свыше ста со словом *мало*, более двухсот со словом *зло* и т.д.

Сложные слова, часто созданные по подобию греческих, являющиеся кальками их, были широко распространены и в церковной, и в светской литературе. Отделение поставило себе задачей подвергать их тщательному отбору, так как многие из них «без рассуждения введены в разное время в нашу словесность».[95]

Но очень часто это разумное правило нарушается, и в словарь попадает множество слов, представляющих собою единичные или редкие образования, взятые у отдельных писателей, особенно у Гнедича (напр.: *грязноутесный, длиннохитонный, лепокудрый, пространновластительный* и т. п.).

[95] Словарь 1847 г. Т. I. С. XII.

Есть в словаре и некоторые другие излишества. Без всякой пользы увеличился словарь за счет введения фонематических, орфографических и т.п. вариантов слов, которые помещались отдельными статьями: *амфибия — амфивия, амбар — анбар, сомнение — сумнение, скрыпач — скрипач* и др.

Нельзя не упомянуть и о злоупотреблении некоторыми производными словами. Словарь буквально наводнен отглагольными существительными типа: *вскочение, изсыпание, изубыточение, отхаркнутые, отхлебание, отшастание* и т.п. Последовательность, полнота и система в приведении подобных образований отсутствует, наблюдается сплошь и рядом помещение одних и пропуск других, совершенно аналогичных.

Итак, в Словаре 1847 г. были объединены три исторических пласта русского языка, как говорится в предисловии, фактически же, можно сказать без преувеличения, три языка: современный, живой русский язык, с весьма значительной долей элементов специальной терминологии, а также лексики областной и простонародной, язык церковнославянский и древнерусский. Соединение в одном словаре столь разнородных элементов объяснялось стремлением составителей сделать словарь сокровищницей языка на всем протяжении веков и в полном его объеме.

Однако при всей кажущейся полноте (словник увеличился почти вдвое по сравнению с самым обширным словарем) Словарь 1847 г. не включает все-таки многое, чего можно было бы ожидать, исходя из его установок.

Полнее представлена в словаре церковная лексика, чего нельзя сказать о словах древнерусских. Невозможно было в сравнительно короткий срок исчерпать сокровищницу древнерусской письменности, поэтому сразу же после выхода Словаря были обнаружены многие пропуски. Оказались пропущенными в словаре многие общеупотребительные русские слова, например: *безбрежный, безучастный, воодушевлять, мировоззрение, кривляка, неудачник, обосновать, плоскогорье, сопоставление, сторонник, целесообразный* и др., встречающиеся в произведениях писателей первой половины XIX века.

В Словаре отсутствует ряд иностранных слов, широко употребляемых в художественной литературе и публицистике того времени: *версия, газель, грандиозный, драматизм, идеализм, контраст* и т.д.

Итак, Словарь 1847 г. не является исчерпывающим, не представляет собой в полной мере «сокровищницу языка на протяжении многих веков», как этого хотели авторы. Сами установки словаря относительно состава его лексики были противоречивыми. Вопреки утверждению, что «словарь не есть выбор слов», Отделение осуществляло именно выбор. Об этом свидетельствуют все правила, ограничивающие допуск слов специальных, областных, иностранных. Это подтверждается и самой практикой составления словаря: были исключены устарелые слова, отмеченные в словарях Зизания и Берынды, многие слова из произведений Ломоносова, Державина, Гнедича и других писателей того времени.

Вместе с тем, по объему словника Словарь 1847 г. оказался почти вдвое большим, чем самые обширные из предшествующих словарей: если в алфавитном Словаре Академии Российской было помещено 43 527 слов, в Словаре Соколова — 63 432, то в Словаре 1847 г. их насчитывалось 114 749.

Историческая ценность всякого словаря определяется не только внешней его полнотой, заключающейся в богатстве словника, но также полнотой внутренней, т.е. характером определения вошедших слов, точностью и ясностью толкования значений, четкой дифференцированностью их, логической последовательностью.

Основное правило, которым руководствовались составители Словаря 1847 г., заключалось в том, чтобы «определения значений слов составлять со всей логической точностью и краткостью».[96] В Словаре 1847 г. отчетливо проявляется тенденция к устранению таких развернутых определений, какими изобиловали словопроизводный и алфавитный словари Российской Академии, — определений, представляющих собою не столько толкование слов, сколько описание предмета, обозначаемого словом. Особенно ярко обнаруживается это в подходе к объяснению названий животных, птиц, рыб, ископаемых и т.п.: в Словаре 1847 г. решено было давать при них латинский перевод и самое общее указание о родовой принадлежности предмета, впрочем, последнее может иногда конкретизироваться замечаниями о наиболее характерных, бросающихся в глаза признаках, особенностях (см., например, определения слов: волнуха, двупятка, елец, мадрепор, сом, тубероза и т.п.).

При всех перечисленных категориях имен широко приводятся синонимические параллели, не являющиеся, однако, средством определения значения, а превращающиеся в цель показать богатство самобытных, чисто русских названий (при слове *болиголов*, например, даются синонимы: омег, головолом, мутник, вяха, вонючка, дехтярка).

Очень широкое распространение в словаре получили грамматические определения, последовательно применяемые для объяснения слов некоторых грамматических категорий, в частности страдательных причастий прошедшего времени, глаголов совершенного вида (имеющих видовую пару), однократных и многократных глаголов, имен существительных и прилагательных с суффиксами субъективной оценки, прилагательных (и наречий) сравнительной степени и некоторых других менее значительных грамматических образований.

Если же помимо грамматического значения слово приобретает добавочные лексические значения (по сравнению со словом, от которого оно образовано), эти значения получают свои особые определения, логические или синонимические.

По своей однотипности примыкают к грамматическим определения отглагольных существительных (особенно на *-ание, -ение* и т.п.), притяжательных и отчасти относительных прилагательных, глаголов

[96] Словарь 1847 г. Т. I. С. XII.

страдательного залога, глаголов с приставками и некоторых других форм.

Например, *медление* определяется как состояние медлящего, *унятие* — действие унявшего, аналогично и все подобные.

Наиболее распространенным в словаре является метод толкования слов путем кратких логических определений и добавления к ним синонимов.

Виды определений, применяемых в словаре, варьируются в зависимости от структурно-семантических особенностей лексики: в характере определений отражаются, с одной стороны, смысловые группы лексики и их специфика, с другой — грамматическая природа слов, словообразовательные связи и отношения между словами.

В определении значений Словарь 1847 г. сделал огромный шаг вперед по сравнению со всеми предшествующими словарями, в чем убеждает сопоставление статей вышеназванного словаря и алфавитного Словаря Академии Российской (ср., например, статьи: кипеть, пазуха, рифмач, творило и др.).

Сами толкования в Словаре 1847 г. приняли более совершенную, более лексикографическую форму, стали предельно краткими, из них была устранена расплывчатость и неточность выражений с обилием описательных оборотов типа: собственно говорится о..., так называется..., означает... и т.п. Короче говоря, в Словаре 1847 г. была выработана строгая и последовательная система определения значений, сохранившаяся в основном до настоящего времени.

Помимо стилистической переработки, сокращения объема статей за счет устранения ненужного в словаре общего языка энциклопедизма, в Словаре 1847 г. была значительно расширена смысловая характеристика слов, стала строже классификация значений, были объединены или вовсе исключены значения, выделявшиеся прежде лишь на основе наличного языкового материала в силу неумения составителей подвести какой-либо оттенок значения слова в конкретном примере под типовое значение слова (ср. толкование слов: мелкий, метаться, периодический, писать, работать и т.п. в алфавитном словаре и в Словаре 1847 г.).

Обогащение словарного состава языка может идти не только по линии появления новых слов (путем словообразования или заимствований), но и по линии возникновения новых значений в существующих словах.

Составители Словаря 1847 г. стремились по мере возможностей отразить этот процесс семантического обогащения русского языка: в словаре были впервые отмечены многие значения слов, или недавно возникшие в языке, или существовавшие в нем и раньше, но не зафиксированные прежними словарями (ср. толкования слов: денница, затмение, капкан, кланяться, конечный, критический, крутить, тонкий и мн. др. в алфавитном Словаре Российской Академии и в Словаре 1847 г.).

При всех достоинствах в области семантической характеристики слов в Словаре 1847 г., безусловно, имеются и некоторые недостатки: встречаются не вполне точные, неясные или ошибочные толкования

(см., например, зенит, летоисчисление, термин, торбасы и некоторые другие), наблюдаются колебания и известная непоследовательность в определении зоологических, ботанических и минералогических терминов, в отдельных словах были пропущены значения, известные в языке того времени.

Схема построения словарной статьи в общих чертах была очерчена в предисловии к словарю, где сказано, что при всех словах, вносимых в словарь, сначала даются грамматические объяснения, затем логическое определение их значения, синонимы и примеры, слова объясняются как в прямом, так и в переносном значении (которое обозначается звездочкой), в конце статьи приводится фразеология.

Характер построения словарной статьи зависит от семантической насыщенности слова, от его смыслового объема.

Наиболее богатые по смысловому содержанию слова основного словарного фонда, живущие в течение многих веков, имеют множество значений, сложную и разнообразную фразеологию (см., например, слова: брать, глаз, давать, живый и др.).

При определении последовательности значений составители словаря неуклонно придерживались правила — на первом месте ставить значения прямые, а затем переносные. Так, в слове личина первым идет прямое значение — маска, затем переносное — ложный, притворный вид, и дальше следуют специальные, терминологические значения.

Что касается значений, присущих тому или иному слову в церковнославянском и древнерусском языке, то они выступают в словаре обычно на равных правах (лишь с пометами «церк.» и «стар.») со значениями, свойственными живому русскому языку, с учетом, однако, принципа наибольшей употребительности, вследствие чего на первом месте чаще стоят значения живого русского языка, затем церковные, старинные, специальные.

В некоторых случаях перемещение церковного или старинного значения в начало статьи бывает вызвано историко-этимологическими соображениями. Так, первым в слове *город* идет значение с пометой «стар.» — ограда, затем живое прямое, широкоупотребительное значение — селение, огороженное стеною или валом, состоящее из жителей разных сословий, управляемых городским начальством, и переносное — жители города. В данном случае это объясняется тем, что старинное значение слова (т.е. значение его в древнерусском языке) сохраняет непосредственную связь со значениями в русском языке (как первообразное с производными) и помогает уяснению их.

В Словаре 1847 г. нет разграничения значений и оттенков значений: те и другие выступают или как самостоятельные, за особым номером, или оттенки значений объединяются с тем основным значением, к которому они ближе всего примыкают (см. статьи: высокий, низкий, палец, полнеть и др.).

В выделении омонимов словарь проявляет известную непоследовательность: в одних случаях совпадающие по форме, но различные по значению (разошедшиеся исторически или генетически не связанные)

слова приводятся отдельными статьями (см. *альт* — голос и *альт* — род скрипки, *знать* — сущ. соб., *знать* — гл. д. и *знать* — нар. и т.п.), в других случаях в одной статье объединяются никак не связанные между собой слова (например, русское *клуб* — клубок и заимствованное *клуб* или *клоб* и др.).

Наблюдаются колебания и при выделении фразеологии, обусловленные тем, что у составителей не было четкого разграничения, что следует относить к «особым выражениям языка» (как сказано в предисловии), а что толковать как значение отдельного слова.

По точности и краткости толкований, по их лексикографической прозрачности Словарь 1847 г. не имеет себе равных в предшествующих лексикографических трудах. Многие из толкований Словаря служили образцом для словарей последующих, ими воспользовался и Я. К. Грот.

Большим достижением Словаря, определяющим его историческую ценность, является тщательность и систематичность грамматических квалификаций слов. Выработанная в Словаре система грамматической характеристики слов легла в основу принципов грамматической характеристики во всех последующих словарях и с некоторыми изменениями (вызванными изменениями в грамматической структуре, в грамматических нормах самого языка, или в осмыслении их наукой) дожила до наших дней.

Поэтому некоторые свободные значения слов толкуются лишь в каком-либо словосочетании (см. верх, низкий) и, наоборот, отдельные связанные значения, проявляющиеся лишь как фразеологические, выступают самостоятельными значениями (см. вести, высокий и др.).

Место фразеологии обычно отводится в конце словарной статьи, но если ясно, к какому значению слова тяготеет словосочетание, то оно приводится непосредственно после этого значения.

В грамматической характеристике Словарь 1847 г. всецело опирался на грамматическое учение А. Х. Востокова. Расплывчатость, отсутствие строгой выдержанности в грамматической характеристике, свойственные всем прежним словарям, в Словаре 1847 г. уступили место стройной, последовательной системе лаконических и тем не менее достаточно полных грамматических указаний. В словаре неизменно обозначается принадлежность слова к части речи, к тому или иному грамматическому разряду, указываются основные грамматические формы слова, особенно если образование их сопряжено с какими-либо затруднениями.

Если в каком-либо из значений полисемантичного слова имеются дополнительные грамматические признаки или грамматические отличия от приводимых после заглавного слова грамматических указаний, то это отмечается помещением после арабской цифры соответствующих дополнительных сведений. Так, в существительных, например, отмечается употребление данного значения в одном каком-нибудь роде (м., ж. или об.), в глаголах — видовые и залоговые различия, отношение к безличности и т.п.

Наиболее ярко успехи словаря в области грамматической характеристики слов можно проследить на примере глагола, одной из самых сложных частей речи. В словаре была выработана стройная система видовой характеристики глагола: у каждого глагола обозначался вид; с глаголов совершенного вида, имеющих видовую пару, постоянно делались ссылки на соответствующие глаголы несовершенного вида, с учетом различия между приставками, изменяющими только видовое значение, и приставками, изменяющими и лексическое, и грамматическое значение слова.

Наряду с многими и бесспорными достижениями в области грамматической характеристики слов в Словаре 1847 г. имеются и некоторые недостатки. Так, рассмотрение залоговой характеристики глаголов в словаре обнаруживает в ряде случаев некоторую непоследовательность в классификации глаголов по залогам: одинаковые по своим грамматическим признакам и однотипные по семантике глаголы относятся иногда к различным залогам и, наоборот, различные по своему характеру глаголы определяются как глаголы одного залога. Однако причина таких несоответствий кроется не в ошибках по незнанию или недосмотру, а в неустойчивости и некоторой противоречивости самого учения о залоге в грамматике.

Словарь не ставил перед собой узких целей нормализации, особенно грамматической. Он был задуман как исторический словарь, в котором должны быть представлены все богатства языка на протяжении многих веков. Кроме того, составители словаря исходили из положения о том, «что язык образуется не по произволу академий, но в быту и жизни народной».[97] Поэтому многочисленные орфографические, фонетические и грамматические варианты слов в большинстве случаев приводятся безоценочно, без указания, какое слово, какая форма являются более правильными или более употребительными (отдельные попытки в этом направлении носят случайный характер).

Грамматическая характеристика слов в Словаре 1847 г. опиралась на достижения передовой лингвистической мысли того времени и вполне соответствовала тому уровню, которого достигла научная разработка русского языка к середине XIX в.; этим объясняются все достоинства словаря в области грамматической характеристики, этим же объясняются и в известной мере оправдываются и имеющиеся недостатки.

Оценка Словаря 1847 г. современниками была различна. В появившейся сразу после выхода словаря рецензии в Отечественных записках (1848, т. 57, отд. V, стр. 1–22) резко осуждался алфавитный порядок словаря и смешение в нем русского и церковнославянского языков. В отзыве И. И. Срезневского,[98] наоборот, план Словаря и его исполнение целиком оправдывались.

Историческое значение Словаря 1847 г. определяется прежде всего его лексической полнотой, богатством словника.

---

[97] Словарь 1847 г. Т. I. С. VII

[98] Журнал Министерства народного просвещения. 1848. № 3. С. 167–188; № 6. С. 161–181.

Словарь 1847 г. добился огромных успехов и в определении значений: по точности и краткости толкований он не имеет себе равных в предшествующих лексикографических трудах.

«Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии Наук, — говорит акад. В. В. Виноградов, — представляет собою крупный шаг вперед по сравнению с азбучным Словарем Академии Российской и учебным словарем акад. П. И. Соколова. Особенно важны выдвинутые здесь принципы грамматического и семантического определения и объяснения слова. Недаром в составлении этого словаря принимали участие такие крупные филологи, как акад. А. Х. Востоков, как историк П. Г. Бутков, археограф Я. И. Бередников, переводчик Д. И. Языков, историк права М. А. Коркунов, поэт и критик П. А. Плетнев»[99].

Несмотря на мелкие недостатки исполнения, Словарь 1847 г. был *лучшим* словарем своего времени, новой, более высокой ступенью в лексикографической разработке русского языка.

Своего значения он не утратил и до настоящего времени.

Словарь 1847 г. поставил целый ряд общих теоретических проблем и практических вопросов, часть которых была в основном тогда же разрешена, а другая часть не утратила своей актуальности до сих пор и постоянно всплывает при обсуждении плана всякого нового словаря.

«Начертание» рассматривательного комитета и «Правила» словарного комитета явились первыми наиболее полными инструкциями, в которых освещались основные вопросы словарной практики.

При обсуждении их вопрос об объеме словаря, о подборе лексики для него был поставлен теоретически и увязан с вопросом о целях и задачах словаря, о том, на какого читателя он рассчитан (см. мнение Сперанского, Поленова, Лобанова, Оленина и др.).

Интересно и то, что Отделение придавало огромное значение работе над словарем, считая, что «словарь есть первая книга народа», призванная «сеять просвещение, предупреждая злоупотребления невежества».

Во многом поучительна и сама организация работы над словарем, широкое обсуждение на общих заседаниях каждого слова, включаемого в словник, каждой словарной статьи, привлечение членов других отделений к редактированию слов специальных и т.д.

Изучение опыта работы по составлению Словаря 1847 г. имеет огромное значение для лексикографии, помогая разрешению целого ряда теоретических и практических вопросов современной словарной практики.

[99] *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке // Ученые записки Московского гос. университета. 1946. Вып. 106. Т. III. Кн. I. С. 59.

И. И. Срезневский и его «Материалы для словаря древнерусского языка»

Изучение мировоззренческих взглядов ученого сложно и потому, что эти взгляды складываются из реакции на основные представления современников — и нужно глубоко изучить мировоззрение эпохи; но и потому еще, что частные проявления такого мировоззрения, т.е. собственные взгляды ученого на язык и его развитие проявляются как факт науки много позже, уже в трудах учеников и последователей, в развитом и исправленном виде. Оба источника не отражают всей ясности предмета, но и позволяют реконструировать основополагающие его признаки чисто *герменевтически*, как современную точку зрения на то, *что было*.

Здесь рассмотрим отношение И. И. Срезневского к слову в тексте как к основному элементу динамической системы языка; конкретные примеры покажут, насколько точно выявляются содержательные особенности слова, в данной концепции представленного как ключевой элемент культуры, развивающийся во времени.[100]

Сложная фигура И. И. Срезневского в истории отечественной филологии еще несет на себе несомненные черты эпического характера. Этим Срезневский похож на таких создателей нашей науки, как А. Х. Востоков или А. А. Потебня. Разделяя с современниками многие представления о языке и его развитии, обычно Срезневский во всем придерживался примиряюще средней позиции. Он избегал споров по мелочам, никогда не настаивая на своем мнении. Всякое *мнение* вызывает *сомнение*. Ему достаточно сознавать, что разделяемое им мнение является общепринятым, а «все охотники до окончательных выводов» вольны «выбирать ту из крайностей, которая на ту или другую пору кажется им более приличною» (Слово, с. 16).

Обсудим некоторые высказывания И. И. Срезневского о языке. По отношению к древнему его состоянию язык предстает через *форму его воплощения*, т.е. как данное. Это язык *письменный*, который дает возможность отразить этнически, может быть, и разные культуры — но такова центростремительная по содержанию функция средневековой славянской книжности, объединившей многие государства Центральной и Восточной Европы. Например, «язык договоров с греками (X в.) не есть чисто русский, а смешанный из русского, старославянского и греческого» (Слово, с. 44), да еще с сильной долей скандинавизмов (последнее утверждение сегодня может быть оспорено). О современном литературном языке сказано, что он одновременно «церковнославянский

---

[100] Для краткости ссылки на работы И. И. Срезневского делаются в тексте: Материалы — Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893; Т. II. СПб., 1902; Т. III. СПб., 1912; Мысли — Мысли об истории русского языка. М., 1959; Слово — Русское слово. М., 1986.

и русский язык», и такое утверждение понятно с точки зрения 1847 года, когда эта мысль была высказана. Синкретичность представлений о предмете исследования не расчленяла еще происхождения, структуры и функции языка книжного и литературного, и путаница с определением этого языка как «русского» или как «церковнославянского» не должна нас смущать сегодня, когда в ретроспективе мы уже различаем эти языки. Мы различаем их потому, что для нас *язык* и *текст* не одно и то же. *Текст — дан, язык — задан*, или наоборот (зависит от направления исследования). Для Срезневского и его современников язык и текст — одно и то же, *речь и есть язык*.

Последующее развитие науки долго тормозилось именно из-за непонимания этого расхождения. Слишком общее по содержанию понятие «языка» стало преградой для реального изучения восточнославянских литературных языков, в том числе и в отношении к понятиям «родство», «общность», «происхождение» и т.д. (в чем также проявляется известный синкретизм научного термина прошлого века, чего не замечают историки науки).

Подобная пристрастность простительна историку, который в состав собственно «русского» склонен включить все словесное богатство славянских языков, накопленных их книжностью. Таковы культурологические устремления всех деятелей славянского Возрождения, которые придерживались идей панславизма. Одновременно в их высказываниях заметно перемещение внимания с письменной формы речи на устную. Смещение перспективы в изучении предмета происходило за счет ограничения самого предмета: «внутреннее знание языка предполагает знание слов и знание сочетаемости слов» (Слово, с. 107). Анализ древнеславянских текстов должен идти, сужаясь от синтагм текста к отдельному слову системы, поскольку в установлении коренного элемента славянской речи и «важны не грецизмы выражений, а отдельные слова», потому что одни лишь «слова не придумывают» — они существуют объективно (Слово, с. 16). Они *и даны, и заданы*.

Слово как важнейшая единица динамической системы языка безусловно остается в центре внимания И. И. Срезневского. Этим определяется и его словарная работа, например, работа над историческим словарем во всех аспектах его *формирования как научного жанра*. Тщательное изучение последовательных моментов семантического развития значений, соотношения слова с эквивалентом в переводных текстах, выражения грамматических характеристик слова, стилистически ограниченных вариантов и пр. не всегда доведены до конца у самого Срезневского. Но именно принципиальная незавершенность этой работы и свидетельствует о том, что для самого автора она была процессом, научным поиском, постоянно усложнявшим первоначально поставленную задачу, может быть, позитивистского характера.

И. И. Срезневский ограничен условностями сравнительного метода, он почти всюду в своем исследовании вынужден идти от формы к смыслу, а поскольку форма в самом общем ее виде (и в традиционном

понимании) является книжной по определению, — отсюда все ограничения и условности семантических толкований слова у Срезневского.

Вот как толкуется, например, лексема *гнѣвъ*. Это слово, вполне ясное и для современного читателя, толкуется с помощью греческих ὀργή, θυμός, затем в иллюстративном материале упоминаются еще μῆνις и μανία , также латинское ira. При восприятии слова в древнем тексте наше сознание тотчас же переключается на традицию *истолкования классических текстов*; с этой традицией, как правило, связаны и приводимые в словаре иллюстрации. Все это уводит читателя от поверхностного отождествления древнерусского слова со значением современного его эквивалента *гнев*.

Греческие слова вообще многозначны, и знаменателен сам факт возможности перевода каждого из данных греческих слов посредством одного славянского *гнѣвъ*. Возникает предположение, что славянское слово либо само по себе многозначно, подобно греческому, либо еще семантически синкретично и по этой причине, собственно говоря, не является точным эквивалентом соответствующих греческих слов (таковых более десятка). В толковании (не в переводе, а именно в толковании) книжной лексики для Срезневского важно столкнуть два (иногда и больше) греческих слова и, выявив общую для них сему, соотнести ее со значением славянского слова. Любой человек, закончивший гимназический курс, понимал эту особенность словаря Срезневского, и печально, что современному филологу приходится объяснять этот замысел автора, целиком лежащий в филологической традиции его времени. Не тем ли и объясняется тяга наших современников к «замутняющим» предмет непонятным терминам, что разобраться в самом объекте изучения им трудно? Феноменологическая установка на понятие, заменяющее «вещь», лишает нас возможности вглядеться в прозрачно ясную установку классиков науки.

Вернемся к примеру. Равнодействующий в семантическом смысле элемент текста, и особенно переведенного с греческого языка, соотносится со значением славянского слова: словарной фиксации предшествует лексикологическое исследование, проведенное, разумеется, в строгом соответствии с принципами научной школы: *история заменяется сравнением*, история слова дается через сравнение контекстов. Греческое слово ὀργή имеет множество значений: и marrсклонность, и `нрав´, и `раздражение´, и `гнев´, и `злоба´, но только второе из этих значений по видимости оказывается значимым для славянского эквивалента, с ним совпадая. Греческое же слово θυμός также имеет множество значений, но соотносимое со славянским *гнѣвъ* значение встречается редко, обычно в форме множественного числа, т.е. грамматически фиксировано. В словарях оно приводится как одно из последних, являясь чисто переносным по происхождению значением. Выражая по существу положительную характеристику того же страстного чувства (`жизненное начало, горячее стремление, смелость, отвага, мужество´ и пр.), данное слово переосмысляется славянскими книжниками и уже

ими *подверстывается* под предыдущее слово, иными значениями совпадая и со словом μῆνις 'гнев, негодование, злоба' или μαία 'безумие, сумасшествие (исступление)'. Более ясно с латинским словом ira — это столь же собирательное, как и в славянском слове, значение 'гнев, злоба'. Значения греческих эквивалентов в фокусе пересечения их сем выявляют смысл славянского слова, во всяком случае — его семантическую доминанту: чувство сильного возмущения, негодование, лишь отчасти объяснимое злобным состоянием субъекта гнева. По существу, в чистом виде эта эмоция индифферентна к нравственным оттенкам, на что указывают и тексты русского происхождения, и сочетаемость слов, напр., формула *гнѣвъ Божий*.

Таким образом, семантика славянского слова не эксплицирована в словаре Срезневского, но, тем не менее, дана она вполне исчерпывающим образом — именно характерным для русской науки прошлого века образом. Подобно А. А. Потебне, который в своей книге «Из записок по русской грамматике» поступал так же, И. И. Срезневский расположением материала и суммой отсылок, в том числе и к общеизвестным словам греческого языка, строит словарную статью как синтез всех известных ему фактов, не претендуя на аналитическую дробность семантических определений. Это скорее словарь понятий, а не лексем. *Это культурологический словарь*, несущий в себе потенциально большой объем сведений самого разного характера (что и проявилось в многочисленных исследованиях исторического типа впоследствии).

Вторая особенность каждой статьи в этом словаре и связана с выявлением *понятия* на основе столкновения семантики слов разного типа, происхождения или характера, но общих по функции в составе переводного текста, что соединяется у Срезневского с другим принципом — с подачей текстов древнерусского происхождения. Все такие слова приводятся в составе формул обычного употребления, т.е. вовсе *не как отдельные слова*; ср. в нашем случае *гнѣвы* 'в гневе', *на гнѣвѣхъ* 'в сердцах', *держати гнѣвъ* 'гневаться', *положити (что) въ гнѣвъ* 'разгневаться (за что-либо)', *отдати гнѣвъ* 'перестать гневаться' и др. Современный лексикограф на основе полученных контекстов стал бы реконструировать «значение» древнерусского слова, однако Срезневский не делает этого, по той же причине, по какой он не выводит однозначного соответствия между славянским и греческим эквивалентами. Древнерусский язык, вообще древний книжный язык (речь) — специфическое образование, это качественно новый сравнительно с народно-разговорным тип *языка*. Семантический синкретизм слова не представлен вполне как законченное «значение» слова, смысл имеет только совокупная множественность контекстов, которая образует систему: *парадигма представлена синтагматически*. Такие контексты и приведены в словаре.

Если при определении «значения» слова на основе переводных текстов исследователь идет от слова к контексту, от идеи к ее реализации в тексте, то в данном случае, наоборот, делается попытка дать определение, идя от контекста к слову. В месте пересечения всех этих опе-

раций лексикографической обработки исходного материала и возникает конструируемое лексикографом «основное значение» слова, в нашем случае слова *гнѣвъ*. *Гнѣвъ*, конечно, не просто `негодование, возмущение´, как полагают составители современных исторических словарей. Древнерусское слово воспринимается применительно к современному состоянию науки и критики. И. И. Срезневский прав, разводя в своем словаре «значения» слова, полученные из переводных книжных текстов и из народных формул: они несводимы в общей лексеме, в принципе это *разные слова*. Историзм ученого состоит в его умении материально, через посредство иллюстраций выстроить семантическую перспективу слова в тот момент его семантического развития, когда наложение культур — языческой и христианской — еще только осуществлялось, а результаты самого процесса не были ясны. Ретроспект с позиции того, что в конечном счете «получилось», только сместил бы акценты, затушевывая содержательность самого процесса.

Эмпирически представленная и тезисно описанная «история» слова в Материалах Срезневского отражает не исторический, а еще предварительно сравнительный метод исследования. Но лишь полное историческое исследование в состоянии дать точную реконструкцию исходного элемента семантической системы. Такой возможности при жизни ученого еще не было.

Если А. Х. Востоков *историю слова вел от этимологии* корня, то И. И. Срезневский *историю слова вел от сравнения текстов*. Идеальное и материальное в истолковании слова еще не сошлись на общем поле семантики. Корни слова как дискретность отдельных знаков и континуантность текстов не воспринимались как две равноценные стихии, способные *показать значение слова с его изменениями в тексте*. Отсюда же и различия в понимании оттенков текста. Если Востоков четко разводит контексты исходя из их стиля, Срезневский предпочитает описывать слово в зависимости от его функции. Объективно истории слова нет ни в том, ни в другом случае: у Востокова потому, что в исследовательской процедуре предпочтение отдается *началу процесса*, у Срезневского — потому, что для него маркирован *конец семантического развития слова*.

Однако начальные шаги к сближению двух разведенных линий исследования уже налицо. Именно в Материалах Срезневского впервые со всей очевидностью показаны процессы развития русской лексики на фоне культурных движений Средневековья. Столкновение оригинальных русских и переводных текстов способствовало развитию переносных значений слова, образованию отвлеченных значений у исконно славянских лексем. Ср. в этом смысле описанные Срезневским значения слова *любовь* как `отношение´ в книжных (переводных) текстах и как `согласие, братство´ — в русских. В результате синтеза прямых и переносных значений постепенно (уже за хронологическими рамками материалов, включенных в словарь Срезневского, т.е. после XIV века) формируется современное значение слова *любовь* — `приязнь, любовь´. Ср. также столкновение значений в слове *правда*: как `справедливость´

и как `право (суд)´, с кристаллизацией значения `право´, и т.п., особенно на именах существительных, которые быстро и весьма наглядно демонстрируют развитие содержательных форм слова от образа к символу.

Главным трудом И. И. Срезневского в области лексикографии являются несомненно его «Материалы...». Вся лексикографическая работа ученого связана с этим памятником русской лексикографической мысли, на подготовке словаря формировались принципы исторических словарей, сама незаконченность этого предприятия показательна: существуя как идеал и недостижимая цель, словарь постоянно подвигал ученого на изучение материала, на его компоновку — готовил результат, не приближая к нему самого исполнителя.

Каков путь к историческому словарю от текстов? И. И. Срезневский подробно перечисляет памятники, которые могли бы стать источником исторического словаря: «уменье вчитываться в рукописи придет само собою, когда несколько важных рукописей будет прочитано внимательно по нескольку раз. Соперника в таком труде ожидать трудно: а если бы и были они, всякий соперник делается невольно помощником в труде, хорошо задуманном и хорошо веденном.

У нас нет ни словаря наших летописей, ни словаря наших старинных актов, ни тем менее общего словаря старорусского языка, столь необходимого для литераторов, для историков, для юристов. Как бы хорошо было собраться составить хотя бы подробные словоуказатели к нашим древним и старым памятникам, чтобы было средство хотя с помощию их добираться до значения непонятных слов и выражений» (Слово, с. 101).

Составление словоуказателей к памятникам письменности стало заботой И. И. Срезневского на многие годы после того, как сделана была эта запись (1848 г.). Суждение о том, что нам не следует пренебрегать «римской традицией», согласно которой словарь языка строился на основе серии словарей языка писателей, сопровождается у Срезневского надеждой на то, что залогом успешной словарной работы может стать предварительная палеографическая и текстологическая подготовка словарного материала и текстовых иллюстраций. Сам Срезневский с учениками (в их числе таким, как Н.Г. Чернышевский) в 1850-е годы составил более двенадцати указателей и словарей к отдельным памятникам, три раза последовательно собирал весь этот материал в обширные словарные своды. Действительно, в архиве И. И. Срезневского[101] хранятся эти материалы, а также выписки из рукописей, сделанные рукой ученого: «Рассмотрение терминов семейного быта» (в сопоставлении с другими языками, 1840-е гг., №399), «2. Быт общественный. Власти. Народ» (то же), «Алфавитный список терминов быта» (использованы все славянские языки, которые Срезневский изучал во время зарубежной командировки, №400), «Указатели слов, относящихся к одежде» (№420, 139 листов), заметки об отдельных словах

[101] Архив АН в г. Санкт-Петербурге, ф. 216, оп. 1.

в «древнеболгарском наречии» (435в) — своего рода изучение слов в предварительно системном виде — по лексико-семантическим группам (1840-е годы). Затем последовали упомянутые уже словари к отдельным памятникам, а в 1860-е годы появляются первые «Материалы к словарю» (506–520), а также и аналитические разборы, касающиеся исторической лексикологии, в словарях, изданиях и исследованиях по истории русского языка (например, у Ф. И. Буслаева, №508). В 1870-е годы Срезневский приступает уже к составлению словарных статей, но делает это опять-таки постепенно, накапливая словарные разработки — своего рода опыт создания словарной статьи («записка о слове *скобель*», №498; «о слове *богатырь*», №499, о словах *рай* и *порода, научы, кметь, обруч, веник, щелок* и пр.). Поиск Срезневского двунаправлен: от памятников, вчитываясь в которые (путем их издания и исследования) ученый переходит к контекстам все более узкого диапазона, и от современного народного языка, изучение которого помогает постичь закономерности сложения и развития семантики слова. Составлением указателей «Источники словаря древнерусского языка» (№505) и «Записки о словаре древнерусского языка» (524–1860-е годы) завершается подготовительный этап в разработке исторического словаря.[102]

Пробные листы словаря[103] обсуждались и визировались, а сам автор не мог еще определить, как именно станет называться его словарь. «Словарь древнерусского языка книжного и народного» или «Словарь народного и церковного языка по древним памятникам», «Словарь церковного и народного языка по древним памятникам русской письменности» или «Словарь русского народного и письменного языка по древним памятникам», или «Словарь церковного и народного русского языка по древним памятникам русского языка»?[104] Подобные колебания в названии отражают и колебания в выборе источников. Какими «внешними качествами можно руководствоваться, чтобы определить несколько сотен, может быть даже несколько тысяч слов» — по употреблению их в текстах? «Но говоря: это слово славянское, а это — русское, рискуешь принять за славянское то, что есть общеславянское, а не церковнославянское, которое сделалось нашей собственностью вместе с христианством. А если на форме слов нет никаких признаков особенности, то вопрос делается чрезвычайно затруднительным. Есть несколько окончаний слов, которые в народном языке менее обычны, например на *ство*, на *ость*, на *ще*; но и тут опять является механическое отделение. Почему же предполагать, что в простонародном языке, то есть в народном русском языке эти окончания в то время не были обычны?.. Из всего этого видно, что нельзя составлять словаря русского языка только народного, а нужно, вместе с тем, составлять и словарь книжного

[102] См.: *Богатова Г. А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 47–59.

[103] *Срезневский Вс.И.* Об истории составления Словаря древнерусского языка // Изв АН. Отд. общ. наук. Л., 1933. С 710 и сл.

[104] Там же. С 716.

языка — следовательно, всех слов, которые можно проследить в памятниках», которые в свою очередь поддаются некоторой классификации: по происхождению (южнославянские, южнославянские с русскими дополнениями, оригинальные древнерусские и переведенные на Руси с греческого, и пр.). При этом важно выделить «такие подражания, которые суть подражания и по языку, и по мысли» (!) южнославянской церковной литературе; всегда имеются образцы «нерусской речи» даже в летописном тексте — и во всех тонкостях такого текста слово и нужно интерпретировать; даже записи и надписи — важный источник при составлении исторического словаря.[105]

Колебания Срезневского настолько значительны, что со стороны некоторых академиков следует совет вроде того, который подал Ф. И. Буслаев: назвать словарь «Словарем письменности в России».

Принципиальность текстовой установки словаря видна и в том, что Срезневский остановился только на пятом варианте корректуры заглавия своего словаря, хотя во всех пяти неизменными оставались указания на то, что это словарь «по древним памятникам» (отчасти это влияние со стороны А. Х. Востокова). Вместе с тем автор не возводил в культ само понятие «письменность», он просто доверял источникам как наиболее надежному и объективному свидетельству бытования слова. Лексико-семантическая целостность текста сохранялась до словарных результатов работы с этим текстом, не утрачивая присущих данному контексту оттенков смысла: выписки с самого начала лучше делать так, чтобы «смысл этого слова выражался как можно резче», если же значение представлено в оттенках — выписок должно быть несколько. Иные слова «постоянно и неслучайно употребляются для перевода известных греческих слов. Эти слова тем более дороги, что составляют в нашем языке основание терминологии богословской и философской, одним словом — научной»,[106] т.е. отражают терминологическую традицию русской культуры. За 32 года работы над словарем (1880–1912 гг.) дочь Срезневского О. И. Срезневская многое сделала для уточнения и расширения словаря, как в части словника, так и в подаче материала. Однако общие установки сложились еще в результате собственных изысканий академика. Всего расписано 2700 рукописных источников, сложились принципы составления словарной статьи в историческом словаре.

Прежде всего, возникал вопрос, как определять значение слова? Представления И. И. Срезневского о презентации содержательной структуры слова все еще не теряют своей значимости. Задолго до Г. О. Винокура он, например, четко различал употребление слова и значение слова, говорил о двух типах объяснений: «1) условия значения и употребления слов по требованиям духа языка и слога (т.е. функциональное — авт.), 2) смысл и те понятия, которые выражаются ими

[105] Труды I Археологического съезда в Москве 1869. М., 1871. Т. I. с. CXXXIV–CXXXVI.

[106] *Срезневский Вс.И.* Об истории составления... С. 716–717.

(т.е. семантическое — авт.)».[107] Таким образом, кажется, для словаря важнее не стилистическая или сочетаемостная иллюстрация семантики, а восхождение к семантике от словоупотреблений. Значение слова «снимается» с текста в целом, опирается на этот текст, сводится как инвариант контекстных созначений. Под первым типом объяснений имелись в виду синтаксические и стилистические данные о слове, синонимы, также насыщенные контекстными значениями, разного рода оттенки в значении и употреблении, экспрессивно-эмоциональная характеристика слова; под вторым родом — логические определения: описания предметов, качеств, действий и пр. Срезневский согласен с тем, что следует максимально «сокращать грамматические и всякого другого рода объяснения и отметки», но «при всех вообще словах, вносимых в словарь, сперва ставить грамматические объяснения, потом логическое определение их значения, сословы или подобнозначащие слова и примеры. Слова объяснять как в собственном, так и в переносном смысле; переносный смысл означать звездочкою, причем присовокуплять все особенные выражения. Выражения, составляющие особенности языка, от определений и примеров отделять чертою» (Слово, с. 94).

Логические определения в свою очередь могут быть двоякого рода — общие и особенные. Общие — для известных и общераспространенных значений, особенные — для местных, малоизвестных слов и значений. Слово нужно объяснять тем подробнее, чем менее известно общее понятие. «Словарь литературный должен не переводить слова, под которыми подразумеваются те или другие понятия, а самим понятиям давать определенное название... Словарь помогает незнанию, памяти и соображению, помогает тем более, чем лучше составлен» (Слово, с. 60). Словарь Академии Российской, например, объяснял понятия, заключающиеся в словах, и потому не разграничивал значение слова и понятие — он энциклопедичен по существу (Слово, с. 77). И. И. Срезневский вводит понятие безэквивалентной лексики, противопоставляя ее общим понятиям, существующим в каждом языке у людей равной степени образованности.

Ясно сознавая различие между энциклопедическим и филологическим объяснениями слова, Срезневский выступает против тех, кто стремится освободить филологический словарь от энциклопедизма, сделать его формально «лексическим». Невозможно обойтись без некоторых историко-литературных толкований, известных науке на момент составления словарной статьи. «Без этого рода объяснений нельзя быть отчетливым в определении смысла именно тех слов, которых значение менее понятно, которых определение менее возможно помощию одних общих выражений» (Слово, с. 58). В противном случае неотчетливость в определении станет принципом словаря. Срезневскому ясно, что в границах исторического словаря «культурный фон» воссоздается столкновением образцовых текстов «из писателей и из говора народного»

[107] См.: Изв. АН по ОРЯС. СПб., 1854. Т. 3. С. 182.

(Слово, с. 58). При этом, как полагает Срезневский, «великие писатели постоянным изучением достигали сознательной уверенности, что их выражения в самом деле верны, правильны, естественны, не с самоуверенностию в свои собственные силы, а с верою в силу языка народного, в необходимость покорить эту силу» (Слово, с. 60). Таким образом, привлечение слов (или значений общерусских слов) из «своего природного языка» не просто позволяет «более отчетливо» (все это — выражения Срезневского) представить семантический фон рассматриваемых литературных слов, но и показать динамику семантического развития слова.

Тут снова возникает вопрос о разграничении «церковнославянских» и «русских» слов. Как уже замечено, Срезневский в 1848 году выделяет старославянское и русское наречия, т.е. функциональные подсистемы одного языка. Чтобы каким-то образом снять с объекта непроизвольно возникшую «смешанность языка», он и предпочитает ограничиться словарными материалами, извлеченными из текстов XI–XIV веков («смешанность языка», например, у П. Берынды, определяется как раз неразграниченностью генетически и функционально разных пластов лексики (Слово, с. 74).

По расположению значений в словарной статье Срезневский давал следующие рекомендации: «Приводя свои объяснения в порядок, до́лжно держаться естественного хода изменения смысла слов и выражений, начинать с первообразного, первоначального смысла и следить постепенность его развития и изменений» (Слово, с. 94). В результате возникало некоторое противоречие между требованием следовать за текстами, исходить из них при формулировании *инварианта* значения, и следованием семантическому содержанию слова в его историческом развитии. Это вообще кардинальная сложность исторической лексикографии, и в разное время ее преодолевали различным образом. Если в Материалах Срезневского это противоречие разрешалось ориентацией на текст, сегодня его преодолевают «от слова». Неслучайно известная монография Г. А. Богатовой называется «История слова (не текста — ред.) как объект русской исторической лексикографии» (М., 1984). Но справедливо было бы утверждать, что вторая линия развития этой дисциплины без тщательной разработки слова на древних текстах не могла бы осуществиться, и вот почему.

В собственной лексикографической практике Срезневский стремился выделить тончайшие смысловые оттенки слова. Он избегал термина «значение» и чаще пользовался выражениями «оттенок слова», «оттенок смысла», что понятно, поскольку в своих определениях он исходит из *смысла текста* как целого. Срезневский также избегал громоздких определений с исчислением семантических признаков значения и заменял их простым переводом на современный русский язык или соотносил с латинским эквивалентом (по примеру Востокова), а также с соответствующим словом греческого языка, если цитата извлечена из перевода. Иногда Срезневский давал исторические комментарии, вводившие читателя в круг проблем, связанных с определенным терми-

ном (например, статья *богомили*). Современное представление о полисемии заставляет лексикографа обязательно разбивать материал по «значениям», хотя довольно часто встречаются иллюстрации как бы промежуточного типа значений. Мы говорим о диффузности семантики, переходном характере многих словоупотреблений, которые как раз и создают напряжение между собственно значением и употреблением слова. Для Срезневского употребление и есть значение: ***функция семантически заряжена***.

«Оттенки значений» получают особую важность, и у Срезневского все они подаются наравне со значением, прямым и переносным, через тире. В отказе от порядковых номеров значений при передаче словарной статьи содержится не слабость, но сила Срезневского, каково бы ни было происхождение этой особенности материалов. Сравнивая толкования этого словаря с более поздними историческими словарями, видишь, насколько огрубила семантическую структуру изменяющегося слова обязательность выделения самостоятельных значений слова. У Срезневского подобные переходные созначения даются обычно без толкования. Так, при представлении слова *голова/глава* сначала дается значение `голова´ с соответствующей иллюстрацией, а затем приводятся «созначения»: ***главою мучим да будет, откупитися главою своею*** (из летописных текстов — употребление данных формул связано со значением `жизнь´ как христианским переосмыслением языческого ***голова*** `мертвая голова, труп´). Из трех возможных и представленных в своих контекстах сочетаний с формой слова в творительном падеже Срезневский решился выделить сочетание с глаголом ***мучити***, поскольку содержательно в данном случае глагол психической сферы действия сочетается с предметным значением имени существительного, что создает ускользающе новый оттенок значения. Одновременно некоторые оттенки выделены исходя из того или иного типа сочетаемости: по-видимому, такова общая установка автора. Например, глагол ***глумиться*** без управления именем определен как `забавляться, веселиться, радоваться´, а с управлением — как `насмехаться´ (***о мнѣ глумяхуся*** в переводе Пандект Антиоха по рукописи XI в.).

Значения слова в Материалах даны не как семы, т.е. логические конструкты, а как результат законченных по ясности употреблений слова. Характер употребления для Срезневского важнее аналитически выделенного семантического признака слова, а интересы текстовой истории слова выше логической схемы, представляющей его многозначность (которая также во многом есть конструкт исследовательского сознания). Так, для слова *бесѣда* первым значением Срезневский дает `седалище, место сидения´, затем — `разговор в собрании´, потом — `разговор с кем-н.´ и т.д. С точки зрения современного литературного языка метонимический перенос будто бы фиксируется раньше прямого значения слова, но, этимологически *бесѣда* и есть «сидение снаружи» (согласно древнему значению приставки *без-*). Г. А. Богатова приводит другой пример, со словом *лукавый*: Срезневский на первое место выводит значение `извилистый´, хотя в своих рукописных материалах

и не находит такого значения (прямое значение сохраняется только в наречной форме, т.е. является в известном смысле архаичным для этого периода).

Логической схеме полисемии Срезневский предпочитает этимологическую схему, а этимологической схеме — текстуальную историю слова. Именно в такой иерархии «схем» и заключается глубокий историзм его исторического словаря.

Анализ словарных статей Материалов в их системе позволяет выявить еще некоторые особенности лексикографической обработки слова, может быть, и осознаваемые академиком чисто интуитивно, однако ставшие результатом его работы над словарной статьей. Об этом можно судить по материалам и карточкам, сохранившимся в академическом архиве Срезневского; составленные учениками и помощниками академика, они отличаются от того, что мы находим в самих «Материалах».

Сравнивая принципы выделения самостоятельных значений слова, его оттенков, их распределения в тексте, способы обозначения в словарной статье, как они представлены в различных словарях, мы замечаем, что в нашей лексикографической традиции наблюдается сжатие определений значения до самого общего, родового. Дело в том, что лексикографическая разработка слова теперь уже далеко отошла от комментирования и истолкования конкретных контекстов, от характера сочетаемости и т.п. — короче говоря, *от фактов, от текста, от речи*. Современного лексикографа интересует скорее не синтагматика речи, а семантическая парадигма языка; иллюстрации для него не доказательство, а всего лишь примеры на данное значение слова. Индуктивный метод прошлого века и в словарной работе сменился методом дедуктивным. Не станем обсуждать, хорошо ли это или плохо, а примем как факт. При составлении исторического или этимологического словаря опираться на традицию опасно, поскольку цели и материал каждого нового исторического словаря в корне различаются. Это можно видеть фактически на всех словарных статьях. В качестве примера рассмотрим толкование слова *бѣда*.

В Материалах словарная статья строится по общему принципу. Сначала дается толкование — с помощью перевода на русский язык, греческими и латинскими эквивалентами. «*Бѣда — бѣдствие, calamitas,* συμφορά (греч., напр., в переводе Хроники Георгия Амартола, т.е. опять-таки соотнесено с греческим оригинальным текстом); *опасность, periculum,* κίνδυνος ». Раскрытие семантических границ латинского и греческого эквивалентов помогает установить пределы семантического варьирования данного слова. Так, в значении `бедствие´ это — `бедствие, несчастье; ущерб, урон´, для латинского — `взнос´, `случайность´, `несчастье, беда´ или, наоборот, `счастливое происшествие, благополучный исход´. Энантиосемия греческого эквивалента не должна казаться случайностью, якобы не существенной для славянского слова: последующая его история, например, в русских говорах,

показывает сближение с этим значением: *беда* — `много (большое количество)´, `хорошо, благополучно´. Второе значение, `опасность´ — в латинском эквиваленте `опыт, попытка´, `опасность, риск´, а в греческом — `опасность´, `рискованное предприятие´. Все указанные значения так или иначе встречаются в древнерусских текстах, хотя и не фиксируются столь явным образом. Значит ли это, что составитель должен описать все возможные в подобных контекстах оттенки? Вряд ли, ведь синкретичность славянского слова, в соответствующих текстовых формулах проявляемая, не дает оснований для столь детальных интерпретаций.

Затем, после черты, Срезневский предлагает набор свободных предложных сочетаний, каждое из которых связано с определенным (и тем самым уже осознаваемым формально) значением и притом почти всегда — в соотнесении с греческим эквивалентом, удостоверяющим именно данное значение слова (опускаем эти эквиваленты). Ср.: *-безъ беды, -на беду, -беду подимати, -бедою* (`нужда, принуждение´), *без великы беды, -от беды, -в беде* и пр. В одном случае это `необходимость, нужда´, в другом `опасность´, в третьем `страдание´, в четвертом `заманивание (в ловушку)´ и т.п. Перечислением таких формул Срезневский и вводит содержательную схему в свой словарь, из конкретных контекстов он извлекает, во-первых, грамматическую парадигму слова (т.е. реконструирует лексему — *объект* своего описания), а во-вторых, из многих «оттенков значения» воссоздает типовое значение слова — семантический *инвариант*, — которое в последующей лексикографической традиции уже и принимается как эталон «значения». Последнее легко заметить, сравнивая материал Срезневского с пометами и определениями, например, в словаре Грота и особенно в 17-томном Словаре, ср. в последнем: *беда* — `несчастный случай´, `горе´, `неприятность´, а также в выражениях, которые показаны в типовых примерах, в значении сказуемого и т.п. Типичные предложные конструкции численно уже сократились, представляя собою идиоматические обороты (*что за беда, не беда, на беду*). Современные словари, в том числе и исторические, точнее и полнее раскрывают значения слова, но вне исторического контекста; современные составители видят древнерусское слово как бы со стороны, *готовой лексемой* вне набора текстовых словоформ, каждая из которых указывает *свое собственное значение в рамках контекста*. Проще говоря, сегодня пытаются аналитически представить семантический синкретизм древнерусского слова, пользуясь всем инструментарием, который доступен исследованию благодаря лексикографической традиции. Толкуется слово как понятие, причем минуются все стадии его сложения — через символ, образ и т.п. Следовательно, толкуется смысл слова, а не его значение, отсюда некоторые издержки, которые получаются оттого, что содержание понятия и значение слова не совпадают по контекстам.

Имплицитно системное описание, присущее материалам Срезневского, просматривается и по многим другим направлениям, подробное изучение которых еще впереди. В частности, пределы семантического

варьирования легко устанавливаются по сводимости «близкозначных» слов, которые в древнерусском языке таковыми вовсе не были. Например, семантический разброс слова *радость* лимитируется семантикой слова *веселье*, хотя и тому и другому, если соотнести их значения со значениями греческих эквивалентов, свойственно в свою очередь множество созначений и вне формулы *радость и веселье*. Уже сама сочетаемость слова *веселье* показывает, что к лично переживаемой радости *веселие* никакого отношения не имеет — это переживание соборное (и действие, а не состояние). *Веселье* — земное (не связанное с духовными переживаниями), соборное (не индивидуальное), чисто физическое (не душевное) переживание. Ср. с этим истолкование и прочих формул типа стыд и срам и под.

Сам по себе язык для Срезневского — не цель исследования, поскольку «лингвистическая филология еще не слишком молода как наука» (Слово, с. 62). Язык — средство расшифровки общекультурных потенций народа, «сила судеб языка» — таково откровенно «этнографическое» отношение к языку, которое в едином исследовательском акте позволяет связать «мысль и быт русского народа» во времени и в пространстве: «язык народа — клад неисчерпаемый: была бы только воля им пользоваться» (Слово, с. 118). Пользоваться — не потому, что такова прагматическая установка общественной среды, в которой работал ученый, нет: «Изучая язык, надобно изучать именно то, чего требует сама природа [его]».

Конечно, с общепринятой точки зрения подобные рекомендации оказывались материальным и теоретическим обеспечением идей славянофильства. Но не только. Из своих опорных характеристик постепенно создавался объективно научный метод, поскольку основой его становилось последовательное перенесение внимания от языка к культуре, тем более, что каждый современный славянский язык, использованный в сравнении, и в свою очередь является «орудием образования» (Слово, с. 107): «Представляю себе народ или общество, которого язык стал недвижимо, без силы развивать из себя ничего нового, ни одного слова или выражения, ни придавать нового значения старому: возможно ли для такого общества движение образованности? Конечно, нет. Заключаю: чем более жизненной силы в языке, тем более жизненной силы образованности может быть в обществе или народе, которому он принадлежит, если только ничто другое не мешает» (Слово, с. 107).

Научный подход к объекту исследования у Срезневского в целом синкретичен. Таково общее свойство национальной научной традиции, не склонной к позитивистскому копанию в частностях («анализах»). По-видимому, «синкретическое мышление» Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, И. И. Срезневского и других филологов прошлого века обусловлено отсутствием дробности самого предмета науки (как это случилось в XX веке) и одновременно своеобразием философского подхода к объекту исследования, без свойственных нам сегодня легковесных попыток подмены объективной цельности языка субъективными представлениями о системности (отсюда и формальнолингвистический анализ

произвольно избранных — не единиц языка даже, а только их признаков: *сем* или *дифференциальных признаков*).

Однако и «история» понимается Срезневским не в современном нам представлении ее как «хронологии» последовательностей, поскольку хронологические рамки изменения нужны для тех, кто и историю раскладывает «по срезам», т.е. понимает ее как перерыв постепенности (*не развитие, а смена*). В научных реконструкциях хронология строится по различным признакам, не совпадающим по ценности и не всегда входящих в общую систему каждого отдельного «синхронного среза». И. И. Срезневский исследовал язык «по природе», для него важнее всего логика развертывания системы, а не различные ипостаси этой системы в разные периоды ее развития.

Оригинальным для своего времени был призыв Срезневского «изучать язык общенародный», а не «временный говор» определенной социальной группы в известное время, хотя бы это и был язык литературный (Слово, с. 113). В общенародном языке всегда присутствуют потенциальные силы для образования новых форм, почему и «говорит не писатель, а сам язык». Такова неосознанная установка на потенции языковой системы, способной к саморазвитию. С точки зрения современных нам представлений Срезневский говорит на самом деле о «речи» и о «слове», т.е. о *логосе*, синкрете в цельности лексико-грамматических признаков; это еще не лексема как предмет чисто лексикографических штудий. Если вникнуть, в терминах старой филологии выражена та мысль, что потенциальные возможности языковой системы определяют дальнейшее ее развитие (*развертывание*, сказали бы мы). Именно потому и осознается особая важность реконструкций исходной системы на основе последовательно предлагаемых операций по ее выявлению. Настоящее и прошлое тут не разделены на чуждые друг другу цельности: из наличных форм языка всегда возможно создание семантически новых «систем». Слово *система* в то время не употреблялось для обозначения объекта — это был термин для выражения системы взглядов, теорий или концепций; применить его для обозначения объективно существующей «вещи» было бы некорректно.

Преодоление первоначального эмпиризма в науке прошлого века осуществлялось в границах сравнительного метода, для которого характерна установка на исходную систему языка (реконструкция), или на сравнения конечных результатов состоявшихся изменений (конструкция), а не на развитие этой системы в дальнейшем (такую задачу ставил перед собою исторический метод, сосуществовавший со сравнительным). Соотношение обоих методов в академической науке XIX в. таково: история — цель исследования, сравнение — его средство, сами же языки сравниваются непременно в сочетании с изучением истории народного быта (например, филологии и этнографии). Исходят из убеждения в том, что одно только слово универсально и постоянно, неизменно, грамматическая же форма «движется, живет»; семантические соотношения устойчивы, тогда как форма варьируется (пресловутое «господство частных звуковых законов»), в целом же развитие языка

есть *самовыражение народного духа*. В известном смысле филология была основной общественной наукой прошлого века, поскольку именно на ней основывались культурные потенции общества и создавались научные методы исследования культурных феноменов вообще.

Подводя итог исторического изучения славянских языков, Срезневский писал: «Не употребляем, говоря о жизни и переменах языка, слово «развитие», потому что и прежде перемен в нем и всегда язык уже развит — неразвитого состояния он не может иметь. Эти изменения могут быть в известном языке очень различны, и история должна следить все их» (Мысли, с. 96). В другом месте он образно говорит, что язык развивается, как из желудя дуб. Отказываясь от всякой попытки познать объективно происходящее *развитие*, он четко формулирует свое отношение к гносеологической стороне дела: жизнь и перемена языка (все метафоры!) суть его *изменения*; *история* языка в подобном контексте понимается как чисто описательная процедура, ничем не отличающаяся от *сравнения*, хотя и важнее последнего в эвристическом смысле, поскольку «состав языка» (т.е. словарь) важнее его «строя» (грамматики) (Мысли, с. 97): и вот мы можем следить, как развивались слова языка, то есть (!) *понятия народа*. «Языки движутся внутреннею силою» (там же), «язык изменялся бы, хотя б и совершенно не было на него никаких внешних влияний; мысль это новая, но все более и более принимаемая, хотя и темно понимаемая многими» (Мысли, с. 100). Еще и в наше время мысль эта «темно принимаема»: ведь отрицание саморазвития языковой системы без внешнего давления посредством различных экстралингвистических факторов по существу устраняет понятие «системы», но современные эклектики одновременно и «признают системность» языка, и говорят о «внешнем давлении» на систему в момент ее развертывания. И. И. Срезневский более последователен, он, безусловно, выражает идею системности языка, но подходит к этой идее не типологически или функционально, а единственно так, как это могло быть в его время: исходя из *реконструкции прасистемы (праязыка)*. Таким видит Срезневский второе отличие истории языка от сравнительного изучения его систем: развитие осуществляется не через столкновение с другой системой, а на основе имманентных, «внутренних» законов самого языка.

«Изменяемость в языке есть всегда», хотя, конечно, лучше говорить иначе: «история изменений языка». Поскольку речь идет собственно о развертывании исходной системы, то самым удачным, по мнению Срезневского, было бы третье определение: Так как история — наука о развитии, то о языке можно сказать «историческое развитие» (Мысли, с. 105, 107, 109). Ясно, что понятие о «внутренних законах развития» не идет пока дальше поверхностных констатаций, но, в отличие от немецких романтиков и русских славянофилов, И. И. Срезневский ничего не говорит о «народном духе» как силе, скрепляющей эти законы. Он больше лингвист, чем многие его современники-филологи. Тем не менее «народ» и «язык» и для него еще очень близкие понятия, и это характерно. Славянское понимание народа как носителя определенного языка, а

через него и всех форм социальной и духовной связи, что выражено в старинном термине *язык*, определяет и терминологическое понимание слова. *Символическое значение превалирует над понятийным* и тем самым приводит к образным определениям термина. Вот слова Срезневского: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может... Народ действует, его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражаются в языке его. Деятельность есть движение; ряд движений есть ряд изменений; изменения, происходящие в уме и деятельности народа, таким образом, также отражаются в языке. Изменяются народы, изменяются и языки их» (Мысли, с. 16–17). Решение всех этих вопросов в их совокупности и есть история языка, *история русского слова*. «Изыскания о языке, входящие в состав народной науки, невозможны без направления исторического». Таким образом, и здесь различие между методом историческим и методом сравнительным понимается еще исходя из объекта изучения: поморфемная реконструкция как задача сравнительной филологии, история слов как задача филологии исторической.

Мы видим, что даже своими слабыми сторонами взгляды И. И. Срезневского поучительны: его теория практична, его идеи много выше идей его современников, его понимание языка и слова, представление об их развитии опережали свое время.

Даже посмертная слава Срезневского как *источника новых идей* и составителя добротных материалов тревожит наших современников, и они говорят об «университетском консерватизме» ученого, стороннике «правых взглядов», которые к началу 60-х гг. приобрели якобы «черты великорусского национализма и даже шовинизма» — забавное утверждение после предшествующих слов: Срезневский «был чужд одностороннего славянского патриотизма, и он признавал вклад любого народа в сокровищницу мировой цивилизации».[108] Авторов невозможно обвинить даже в противоречии, поскольку их собственная позиция заставляет признавать «шовинистом» любого отечественного ученого, изучающего народную — *русскую* — культуру в ее исторической перспективе и, в отличие от подобных авторов, понимающего, что русский, украинский, белорусский одинаково идут от общего корня — *древнерусского* [материалом работ Срезневского как раз и является все, что связано с древнерусским периодом истории восточных славян]; о «Материалах» и «Мыслях» Срезневского, как раз и обосновывающих такого рода «национализм» Срезневского, эти авторы и не упоминают. «Принципиальность и честный скептицизм» Сварожича (под этим именем вывел своего профессора Д. И. Писарев) они выдают за «политическую» позицию Срезневского. Вообще подобные утверждения «национально» озабоченных авторов нелепы, если учесть, что среди учеников Срезневского были представители многих национальностей и вероисповеданий

[108] *Бернштейн С. Б., Досталь* М. Ю. Срезневский И. И. // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 320.

«Российской империи», а уж об их политических пристрастиях и говорить нечего, поскольку среди учеников были Добролюбов, Чернышевский, Писарев и др.

То же относится и к научной позиции Срезневского, которую сегодня следует оценить уже совершенно иначе, чем это делали в последние годы. Вот лишь два высказывания на этот счет. «Словарь Срезневского представляет в значительной степени сырой материал, не прошедший окончательной лексикографической обработки даже в условиях тогдашней практики словарного дела», хотя и является непревзойденным «по охвату древнеславянского фонда — свыше 120 тысяч примеров-карточек».[109] Еще раньше: «Значения слов определяются очень скупо — посредством современных русских синонимов, путем перевода на латинский язык или путем указания греческих соответствий. Классификация значений — внешняя, произвольная и нередко очень поверхностная, субъективная. Но иллюстрации, примеры из древнерусских текстов разнообразны и исчерпывающи. Иногда предлагаются справки этимологического характера — родственные слова из других языков и изредка — историко-бытовые комментарии-параллели».[110]

Даже критики отмечают огромный объем материалов, собранных Срезневским, его учениками и детьми. В сущности здесь содержатся *все слова древнерусского языка*, известные нам по первоисточникам. Но критики забывают основную цель, которой руководствовался собиратель. Словарный состав должен был показать *историю жизни русского народа (русского* в историческом смысле), ориентировочное заглавие словаря «Словарь книжного и народного языка по древним памятникам русской письменности». Однако «история слов» и этимологические исследования еще не разобраны, еще мало представлены работы по исторической стилистике — ничего этого и нет в словаре. Заслуга автора (авторов) в другом: они дали мощный толчок к развитию всех этих научных дисциплин.

Логика научного творчества Срезневского в отношении к «главному занятию» его жизни вполне определенна и охватывает все сферы его личной жизни вообще. Сначала он создает программу («Мысли...»), затем активно занимается разбором чужих словарей, вырабатывая принципы такого специфического словаря, каким является словарь исторический (в аспекте этнографическом сначала и культурологическом по мере накопления материала). Затем он занимается изданием старинных текстов, т.е. готовит ***источники*** своего словаря (свыше 2700 памятников использовано так или иначе в «Материалах...»). Происходит постепенное накопление материалов — списки слов по отдельным памятникам и жанрам, в процессе расписывания которых возникало своего рода представление о «лексической системе» древнерусского язы-

---

[109] *Мещерский Н.А.* И. И. Срезневский // Русский язык в Петербургском-Ленинградском университете. Л., 1971. С. 29.

[110] *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке // Уч. Зап. МГУ. Вып. 106, т. III. М., 1946. С. 86.

ка (любопытны, например, попытки его студента Чернышевского расписывать лексику ипатьевской летописи по синонимическим гнездам). Собранный таким образом и классифицированный по известным признакам *материал* теперь представлял *данные* в виде картотеки и пробных словарных статей (они обсуждались на заседаниях Академии), в виде полного словника. Материалы и данные становились *фактами* науки, в окончательном виде попадая в текст Словаря. Фактически на пустом месте проделана грандиозная работа, ставшая таким же памятником русской лексикографической традиции, как и Толковый словарь В. И. Даля.

Иногда Срезневского называют позитивистом в науке, не окрыленным никакой общей идеей (так отзывался о нем еще его слушатель И. А. Бодуэн де Куртене). Это верно, если говорить о кропотливой работе над «позитивными» фактами, которыми филолог должен располагать. Тот же Бодуэн признавал, что общение со Срезневским дало ему такую филологическую «акрибию», которая обеспечила его «материально» на всю жизнь. Но упрек Срезневскому в его якобы позитивизме несправедлив в другом отношении. Русский позитивизм XIX в. как *научный принцип* принципиально отличался от номиналистически ориентированного западноевропейского позитивизма, с которым сражались отечественные философы, в частности В. С. Соловьев в своей университетской диссертации, защищенной в присутствии Срезневского. Традиционной особенностью русского философствования являлось устремление к философии «онтологического реализма», это именно та точка зрения, согласно которой «идея» столь же важна в процессе научного творчества, что и «вещь»: теоретическая установка исследователя определяет подбор материала, уяснение данных и установления ценности научных фактов. В полной мере эту позицию разделял и Срезневский, и «вынужденный позитивизм» его научной работы не должен служить основанием для утверждений о философских основах его мировоззрения. И в этом случае подмена понятий влечет за собою неоправданные упреки в адрес основателя нашей исторической лексикографии и лексикологии.

Словарь русского языка под редакцией Я. К. Грота, т. 1 (А–Д), 1891–1895 гг.

После выхода в свет в 1847 г. Словаря церковнославянского и русского языка перед II Отделением АН встал вопрос о новом *словаре русского языка*.

Акад. В. В. Виноградов отмечал, что к середине XIX в. в научных кругах все более ясно осознается, что толковые словари русского языка отрываются от живых процессов развития литературного языка. В них

просматривается тенденция реставрации, оживления старого языкового наследия; «необходимость обособления церковнославянского словаря от русского... была очевидна всем».[111] Все настойчивее высказывается требование создать нормативный словарь живого литературного языка.

В 50-е годы в Отделении русского языка и словесности активно обсуждается программа такого словаря. В обсуждениях принимают участие крупнейшие филологи того времени: Буслаев, Греч, Грот, Павский, Даль, Давыдов, Шевырев. Четыре десятилетия шло оживленное обсуждение концепции Словаря, принципов его создания.

Практически работа над новым Словарем русского языка началась с пересмотра и дополнения состава Словаря церковнославянского и русского языка 1847 года.

В мае 1852 года II Отделение АН постановило приготовить пробный лист нового словаря, составление которого взяли на себя акад. И. И. Давыдов и И. И. Срезневский.[112]

За два года (с сентября 1852 г. по октябрь 1854 г.) почти все буквы алфавита были распределены между редакторами — составителями для обработки слов.

Вскоре началось чтение и коллективное обсуждение приготовленных словарных статей на отдельные буквы согласно с «Правилами...», которое показало, насколько изменился состав нового словаря по сравнению со Словарем 1847 г.[113]

Во П Отделение АН поступало значительное количество разного рода замечаний и дополнений к словарю 1847 г., разнообразные списки слов; увеличилось количество выборок из произведений художественной литературы.[114]

Однако работа по составлению словаря велась очень медленно и в сентябре 1855 года совсем прекратилась.

В январе 1857 года во II Отделении АН вновь поднимается вопрос о словаре русского языка. Акад. И. И. Давыдов изложил свое мнение о

---

[111] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка. //Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 223.

[112] Извлечения из протоколов II Отделения АН за май 1852 г. // Изв. II Отд. АН. 1852. Т. I. С. 241.

[113] Об этом можно судить, например, по обработанной В. И. Далем букве Н: он исключил из словаря 1847 г. на эту букву 1124 слова (Востоков, просмотревший эти слова, 188 слов предложил оставить), включил вновь 1056 слов и из Опыта областного словаря 43 слова (см. Извлечения из протоколов II Отд. АН за август 1854 г. Изв. II Отд. АН. 1852, Т. I. С. 306).

[114] П. П. Дубровским были сделаны выписки из сочинений Дмитриева, Одоевского, Луганского, Муравьева, Марлинского, из труда Вяземского о Фонвизине, из «Чтений о словесности» И. И. Давыдова; И. И. Давыдовым — выборки из сочинений Д. Давыдова; П. А. Плетневым — из сочинений Батюшкова; С. С. Афанасьевым — из сочинений Гоголя; М. И. Сухомлиновым — из сочинений Аблесимова, Жуковского.

новом издании общего русского словаря. Было решено продолжать выписку слов и выражений для нового издания словаря из русских писателей.[115] В марте 1857 года И. И. Давыдов предложил «приступить к изданию сокращенного общего словаря русского языка, не прекращая собирания материалов для словарей пространного общего и сравнительного». Отделение поручило академикам И. И. Срезневскому, А. В. Никитинко и Я. К. Гроту составить план издания сокращенного общего словаря русского языка, взяв за основу правила для пространного общего словаря русского языка.[116]

Но и это издание было отложено, а приготовленные и обсужденные статьи на букву А были напечатаны как «Пробные листы общего словаря русского языка».[117] В конце 1858 года встает вопрос о новом издании словаря церковнославянского и русского языка 1847 года. В начале 1859 года И. И. Давыдов представляет новый проект правил для словаря, основанный на прежде составленных «Правилах для нового издания словаря русского языка».[118] 19 ноября 1859 года Я. К. Грот читает во II Отделении АН записку «О новом издании русского академического словаря»,[119] которая была принята за основу при переиздании словаря 1847 года.

Хотя Отделение поставило перед собой задачу переиздать словарь 1847 г., Я. К. Грот в своей записке все-таки считал, что церковнославянский язык в словаре должен составить «второстепенный элемент» и словарь справедливо должен называться или «Словарь русского и церковнославянского языка» или «Русский словарь, в который включены также важнейшие слова церковнославянского языка». Окончательная редакция и наблюдение за печатанием предлагаемого издания словаря была поручена И. И. Срезневскому.[120] Но дальше обсуждения плана словаря и распределения обязанностей дело не пошло.

С 1861 года работа по словарю русского языка прекращается на продолжительное время, до середины 80-х годов XIX в.

В отчете ОРЯС АН за 1885 год (С. 2–3) А. Н.Веселовский вновь поднимает вопрос о словаре русского языка «Дело, — по его словам, — стало за собиранием словарных данных — подготовительным трудом, требующим множества рук и работников и материальных средств, которыми Отделение пока не располагает. Что касается до научной разработки и упорядочения собранного материала, то руководители этого

[115] Извлечения из протоколов II Отделения АН за май 1857 г. // Изв. II отд. АН. 1857. Т. VI. С. 82–83.

[116] Извлечения из протоколов за март 1857 г. // Изв. II Отд. АН. 1857. Т. VI. С. 181.

[117] Материалы для словаря и грамматики. Т. V, л. 8–15. С. 113–146 и поправки. С. 190–192 или Приложение к Изв. II Отд. АН. 1858. Т. VII.

[118] Выписки из протоколов за янв., февр. 1859 г. // Изв. II Отд. АН 1858. Т. VIII. С. 72.

[119] Текст этой записки Я. К. Грота см. в Протоколах II Отделения АН от 19 ноября 1859 г.

[120] Выписки из протоколов II Отд. АН за ноябрь, дек. 1859 г. // Изв. II Отд. АН. 1859. Т. VIII. С. 306.

дела у нас найдутся вполне к нему приготовленые». И как на лицо, подготовленное в этом отношении, А. Н.Веселовский указал на Я. К. Грота.

В 1886 году II Отделение АН возобновляет работу над словарем русского языка. Оно поставило перед собой две задачи: приступить к приготовлению материала для словаря литературного языка, «в котором значение и употребление слов будет подтверждаться примерами, заимствованными из сочинений лучших наших писателей, начиная с Ломоносова в хронологической их последовательности»; 2) признать необходимым переиздать прежний академический словарь, предварительно пересмотрев и исправив его, где это потребуется, так как в словаре 1847 года, наряду с множеством достоинств, есть немало недостатков.[121]

Акад. Я. К. Грот взял на себя труд в непродолжительное время познакомиться с характером и содержанием имеющихся во II Отделении АН словарных материалов.[122] 24 января 1886 года Я. К. Грот сообщил, что «общий обзор этих материалов приводит к убеждению, что они составлялись без определенного плана и ясно сознанной цели.. Для изготовления нового словаря труд, оставленный нам в наследство нашими предшественниками, может служить только некоторым пособием, но потребует во многих частях обширных дополнений, в других совершенной переделки; самые же выдающиеся писатели, из которых должен быть почерпнут главный материал, остались почти нетронутыми».[123]

Главнейшей задачей, по мнению Я. К. Грота, было составление русского словаря, «который отвечал бы всем требованиям современной научной лексикографии и приближался к тому образцу, который преподала литература этого дела словарями — немецким Гримма и французским Литтре».[124] В первую же очередь он считал, что можно переиздать академический словарь 1847 года в исправленном и дополненном виде, принимая меры к постепенному выполнению основной задачи.

При всех неоспоримых достоинствах словаря 1847 года Я. К. Грот находил в нем и существенные недостатки. Прежде всего он отмечал неполноту его лексического состава: отсутствие множества слов, которые или уже существовали при составлении словаря, но были пропущены, или вошли в употребление в последнее тридцатилетие. Во-вторых, он

121 См. Отчет по ОРЯС за 1886 г. А. Ф. Бычкова.

122 См. Протоколы ОРЯС за 11 и 17 января 1886 г.

123 См. Протоколы ОРЯС за 24 января 1886 г.

124 См. Архив АН, ф. 9, оп. 4, № 17, где помещены дополнительные сообщения по изданию словаря от 20 августа 1886 г., написанные рукой Я. К. Грота. Еще в 1858 г., когда во II Отделении АН поднимался вопрос о словаре, Я. К. Грот считал необходимым при составлении словаря русского языка «принять к соображению то, что сделано или высказано в новейшее время по подобным предприятиям в других государствах либо обществами, либо отдельными лицами» (Изв. Имп. АН по отд. рус. яз. и слов. 1858 г. Т. VII. С. 243).

находил, что словарь 1847 года обременен немалым количеством церковнославянских слов, которые без ущерба для словаря могли бы быть исключены из него. Оставлять в новом издании словаря следует, по мнению Я. К. Грота, только те из церковнославянских слов, «которые служат к объяснению русского языка, имеют значение для его истории или и до сих пор еще не совсем вышли из употребления, особенно в деловой литературе, в сочинениях архидуховных писателей».[125]

В заседании II Отделения АН от 24 октября 1886 года Я. К. Грот заявил, что с его точки зрения работа по переизданию словаря 1847 года должна вестись «при непосредственном участии одного лица», «если в помощники ему будут избраны молодые, достаточно подготовленные к тому ученые».

Я. К. Грот, по желанию других членов Отделения, принял на себя составление краткой записки о тех измерениях, которые необходимо ввести в исправленное издание словаря. Он предлагал: 1) исключить из словаря малоизвестные и необщеупотребительные областные слова; 2) исключить те древнерусские и церковнославянские слова, которые не служат к объяснению современного языка; 3) исключить притяжательные прилагательные на -ов, -ев, сохранив из них только наиболее употребительные, как: государев, а, о; царев, а, о; 4) исключить при большей части прилагательных, образованных от существительных, указания: «относящийся или принадлежащий к тому-то», и заменить его указанием: «прилагат. от такого-то существительного»; 5) исключить излишние и неуместные примеры; 6) исключить образованные от прилагательных наречия, которые ни по форме, ни по ударению, ни по значению не отличаются от краткой формы среднего рода этих прилагательных, например: роскошно, грубо, грязно, отдельно; 7) дополнить словарь как пропущенными в нем в свое время словами, так и вошедшими с тех пор в употребление новыми словами по разным отраслям общественной деятельности, особенно судебной и административной; 8) при определении значений слов соблюдать, чтобы простейшее и первоначальное значение стояло на первом месте; 9) не вводя в план издания постоянных примеров из писателей, включать их при удобных случаях, дополняя, таким образом, то, что отчасти уже сделано в предыдущих изданиях словаря.[126]

Намеченные Я. К. Гротом в этой записке принципы нового издания словаря 1847 года были одобрены II Отделением АН.

Для ведения подготовительных работ по новому изданию словаря Отделение решило привлечь кандидатов СПб. университета Смирнова и Петухова, а непосредственное наблюдение за их работой, а также окончательную редакцию словаря поручить Я. К. Гроту.[127]

[125] См. Архив АН, ф. 9, оп. 4, № 17, записка от 2 авг. 1886 г., написанная рукой Я. К. Грота.

[126] Текст этой записки Я. К. Грота приложен к протоколам II Отд. АН за 1 ноября 1886 г.

[127] Назначение Я. К. Грота редактором словаря русского языка было не случайным.

В архивных материалах АН (ф. 9, оп. 4, № 17) имеются «Дополнительные соображения по изданию словаря», написанные рукой Я. К. Грота и относящиеся по времени или к концу 1886 года или к началу 1887 года.[128] В них идет речь о сокращении объема словаря без ущерба его содержанию и предлагается: 1) при существительных опускать их обозначение буквой с, а оставлять только указание рода: м., ж. и ср., при прилагательных, выступающих в значении существительных, как: столовая, животное, избегать выражения в виде сущ., т.к. в граматике слово вид имеет особое значение; 2) при прилагательных указывать все три рода: веселый, ая, ое, без прибавления пр., допуская последнее обозначение только в редких случаях, когда это окажется нужным; 3) имена существительные на -ность, образованные от прилагательных, ставить после этих прилагательных, указывать их род без дальнейшего определения словами свойство или состояние: Важный... важность, и, ж., но и из этого правила могут быть исключения; 4) глаголы записывать группами (в качестве образца Я. К. Грот обработал для словаря глаголы вкатить, вкачать, вкашивать, вкладывать); 5) не приводить однотипные и известные грамматические обозначения, как род. пад. ед. ч. у существительных с твердой основой; 6) указывать ли обозначение страдательных причастий; 7) церковнославянским и старинным руским словам, а также приводимому к ним иллюстративному материалу должно быть уделено гораздо меньше места, чем в словаре 1847 года.[129]

Грот интересовался вопросами лексикографии с самого начала своей научной деятельности (в 1844 г., будучи профессором Гельсингфорского университета, он редактировал двухтомный шведско-русский словарь, в 50–80-ые гг. XIX в. принимал активное участие в работе II Отделения АН над словарем русского языка и т.п.). Его лексикографические взгляды отражены во многих работах (см. в его «Филологических изысканиях», т. 1, 1875 г. «Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка», статьи о различных словарях под общим заголовком «К соображению будущих составителей русского словаря»). Я. К. Грот намеревался «представить общий обзор лексикографических трудов в Европе», — как пишет об этом А. В. Никитенко в отчете по отделению русского языка и словесности за 1858 год. К сожалению, этот замысел Я. К. Грота не был им полностью осуществлен. Круг лексикографических интересов Я. К. Грота был очень широк и разнообразен: его интересовал и словарь современного русского языка, и словари местных наречий, и словарь народного языка (типа словаря Даля), и словари языка писателя, и двуязычные словари, и сборники иностранных слов и т.д. Широкое знакомство Я. К. Грота как с русской, так и с западноевропейской лексикографической литературой, безусловно, помогло ему выработать четкую и ясную перспективу и принципы работы над словарем русского языка. А интересы Я. К. Грота в области изучения лексического состава русского литературного языка, его стилистических и орфографических норм, нормализации русского правописания, исследования в области литературного ударения — определили тип и характер составлявшегося под его редакцией словаря, а именно словаря русского литературного языка нормативного типа.

[128] Более подробно они изложены в письме Я. К. Грота, Н. А. Смирнову от 10 июля 1887 г. (Архив АН, ф. 137, оп. 2, № 91).

[129] Приступая к работе над новым изданием словаря 1847 года, Я. К. Грот пере-

Я. К. Грот с самого начала ясно представлял себе, каким должен быть лексический состав задуманного нового издания словаря 1847 года. В Отчете о деятельности ОРЯС за 1887 год (с. 15) он писал: «Существенное отличие будущего издания академического словаря от прежних заключается в том, что это будет словарь собственно русского языка».

Подготовительные работы по словарю шли по двум направлениям. С одной стороны, дополнениями прежнего издания словаря и с другой стороны — предварительной черновой обработкой первых букв словаря (этим занимались Смирнов и Петухов, которыми за 1887 год, как отмечает акад. Я. К. Грот, под его руководством «вчерне обработаны слова на 12 первых букв»),[130] а в течение 1888 года Петухов трудился уже над буквой П, Смирнов — над буквой С. [131] До занесения обработанных букв на карточки в обязательном порядке производилась сверка их со словарем Даля.[132] Составлявшиеся из этих материалов черновые листы словаря переводились на карточки, которые не один раз дополнялись, переделывались и потом, после окончательного просмотра Я. К. Гротом, отправлялись в типографию.

Таким образом, на подготовительные работы по словарю потребовалось более двух лет, после чего в 1889 году появилась возможность начать печатание словаря. Сохранившиеся в Архиве АН СССР письма Смирнова[133] и Петухова[134] к Я. К. Гроту за период 1887–89 гг. и письмо Я. К. Грота к Смирнову от 10 июля 1887 г., относящиеся к начальному периоду работы над словарем, в какой-то мере дают представление о характере возникавших у них вопросов в процессе работы над словарем. Я. К. Грот в письме к Смирнову от 10 июля 1887 года советует при помещении в словарь сочетаний существительного с прилагательным придерживаться следующего правила: «Слова, как Васильковый чертополох, или Верба иерусалимская, или Веймутова сосна ставить не отдельно, а под слова Васильковый или чертополох, Верба, Сосна»).[135]

смотрел не только хранившиеся во II Отд. АН материалы для словаря русского языка (см. выше), но и теоретические основы намечаемого к изданию в начале 50-х годов XIX в. словаря русского языка. В архивных материалах Я. К. Грота сохранился напечатанный экземпляр «Замечаний разных лиц о русском словаре» с подчеркиваниями и заметками на полях, сделанными Я. К. Гротом (Архив АН, ф. 137, оп. 1, № 60).

[130] Отчет по ОРЯС за 1887 г., С. 14.

[131] Отчет по ОРЯС за 1888 г., С. 3. В словарных материалах ОРЯС, хранящихся в картотеке словарного отдела ИЛИ РАН, имеются: Замечания и добавления Я. К. Грота к словарю 1847 г. на буквы В, Д, Е, Ж, (5/24б), З, И, К, Л, Н (6/24в), М, О (4/24а); написанный Я. К. Гротом на 355 листах в алфавитном порядке отрезок для словаря от Ф до Ч (чахнуть) (3/23) — этот материал был получен П. К. Симони от акад. А. Ф. Бычкова 12 ноября 1893 г; обработанные Петуховым буква П (7/24г) и Смирновым буквы Р, С, Т (8/24д).

[132] Письмо Петухова Гроту от 9 марта 1892 г. Архив АН, ф. 137, оп. 3, № 726.

[133] Архив АН, ф. 137, оп. 3, № 137.

[134] Архив АН, ф. 137, оп. 3, № 736.

[135] Архив АН, ф. 137, оп. 2, № 91.

В период подготовительных работ по словарю в заседаниях II Отделения АН рассматривался ряд вопросов, вызывавших затруднение при его составлении: структура словаря и словарной статьи грамматическая и семантическая характеристика и др.

Производилась выписка примеров из лучших писателей в дополнение к выборкам слов и примеров из произведений художественной литературы, имевшимся во II Отделении АН и у самого Я. К. Грота.

В этот период энергично велась работа по созданию картотеки словаря русского литературного языка. Обсуждался вопрос о том, какие произведения и каких авторов должны послужить источником для выборки цитат, причем совершенно справедливо на первом плане были произведения основоположника русского литературного языка А. С. Пушкина; выяснились все подробности, связанные с подбором иллюстративного материала — цитата должна представлять собой законченное предложение, хорошо раскрывать значение слова и т.п.; должно быть единообразие в сокращении названий авторов и произведений, из которых берется цитата.

1 апреля 1889 г. Грот сообщил во II Отделение АН, что им составлена объяснительная записка о новом издании академического словаря, т.к. в этом появилась настоятельная необходимость в связи с тем, что предлагалось начать рассылку первых коррекрурных листов академикам и другим лицам и определить, чем руководствовались составители и редактор словаря в своей работе.

Объяснительная записка Грота о новом издании академического словаря[136] состояла из 6 разделов: 1. Объем словаря. 2. Порядок занесения слов и относительная полнота словаря. 3. Определение значений слов. 4. Оправдательные примеры. 5. Объяснение чужеязычных слов. 6. Грамматические определения.

В разделе «Объем словаря» говорилось о том, что нет необходимости соединять в одном словаре, как это было в словаре 1847 года, церковнославянский, древнерусский и современный русский язык.

«Настоящее издание имеет предметом собственно общеупотребительный в России литературный язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова»,[137] — говорится в объяснительной записке. В намеченных пределах содержания словарь «стремится к возможной полноте номенклатуры, т.е. списка слов».

Порядок расположения слов в словаре предполагался алфавитный. Работа по составлению словаря шла далее следующим образом: редактор раздавал в заседаниях II Отделения АН корректурные листы словаря членам Отделения, которые в следующие заседания сообшали свои устные или письменные замечания на них. Работа по словарю становилась, таким образом, предметом общего обсуждения членов II Отделения АН. Затем Я. К. Грот как главный редактор вносил в текст

[136] Объяснительная записка была напечатана в Сборнике ОРЯС. 1890. Т. 46.
[137] Сб. ОРЯС. 1890. Т. 46. С. XV.

словаря одобренные II Отделением АН исправления, дополнения, сокращения и т.п. замечания. После этого новые корректурные листы рассылались членам двух других Отделений, а также ученым, изъявившим желание помочь II Отделению в его предприятии. В начале обсуждения корректурных листов, кроме замечаний членов II Отделения АН, очень часто рассматривались замечания членов I и III Отделений АН и др. посторонних лиц, в дальнейшем же эти замечания рассматривались только самим Гротом. Одновременно с обсуждением корректур словаря на первые буквы алфавита шло приготовление и обработка их к печати.

14 декабря 1891 года Грот представил во II Отделение АН экземпляр 1-го выпуска словаря, состоящего из 18 листов (А — Втас) с предисловием[138] и заглавным листом.

14 декабря 1892 года вышел 2-й выпуск словаря русского языка (Втас — Да), в небольшом предисловии к которому редакция выражает признательность лицам, которые или в печати, или в письменных сообщениях «доброжелательно высказали замечания на первый выпуск», и отмечается, что все эти замечания тщательно собраны и будут приняты во внимание при новом издании словаря.

Я. К. Грот был всецело поглощен этой работой, являясь одновременно и выборщиком цитат для словаря, и составителем словарных статей, и главным редактором этого труда, оказывая повседневную помощь своим помощникам в подготовительных работах по словарю.

Не случайно поэтому 1-ый том словаря русского языка (А — Д), вышедший под редакцией Я. К. Грота, называют часто словарем Грота. Так, В. М. Истрин писал, что «словарь акад. Грота был в сущности его единоличным делом, хотя и совершенно справедливо его указание в предисловии, что целый ряд лиц, в том числе и члены II Отделения, делали свои замечания на корректурных листах, которые им рассылались. Эти замечания, при всей своей существенности, должны были иметь характер случайный».[139]

После смерти Я. К. Грота в 1893 г. II Отделение АН решило закончить работу над 3-м выпуском 1-го тома словаря русского языка на букву Д, начатую Гротом. Руководить окончанием работы над 3-м выпуском 1-го тома словаря русского языка было поручено А. Ф. Бычкову. В 1895 г. выпуск вышел в свет.

После смерти Я. К. Грота словарь русского языка создавался на основе иных теоретических принципов и установок.

---

[138] В основу предисловия к словарю русского языка была положена составленная Гротом объяснительная записка о новом академическом словаре 1889 г. (см. выше). В предисловии к 1-му выпуску словаря были перечислены все принимавшие участие в чтении корректур лица, как члены I и III Отделений АН, так и др. лица.

[139] *Истрин В. М.* Работа над словарем русского языка в Академии Наук // Изв. АН СССР. VI серия, том XXI и последний. 1927. С. 162.

Источники словаря Грота

При составлении словаря Грота были использованы самые разнообразные материалы и источники. Были учтены дополнения и замечания к словарю 1847 года.

При обработке буквы А Я. К. Гротом были привлечены «Пробные листы общего словаря русского языка» на букву А, составленные И. И. Давыдовым и опубликованные в 1857 году,[140] на что указывал и сам Я. К. Грот.[141] Я. К. Грот, безусловно, воспользовался дополнениями и поправками к словарю Даля: «Дополнения и заметки к Толковому словарю Даля» самого Я. К. Грота,[142] И. Шейна,[143] И. Ф. Наумова.[144] Однако главным и основным источником словаря Грота явился академический словарь 1847 года.[145] Лексический состав словаря 1847 года явился тем остовом, который оброс затем значительным количеством новых слов и получил в окончательной редакции словаря более точную и подробную семантическую, грамматическую, стилистическую характеристику, был богато проиллюстрирован материалами прежде всего художественной литературы. Лексический материал словаря 1847 года в значительной своей части подвергся основательной переработке.

Это видно из следующих сопоставлений:

Акад. словарь 1847 года

Вторый, числ. Другой; следующий по первом.

Говор. 1) Гул, происходящий от множества говорящих вдали. И говор людской и топот конский страшен. Царств. Лет. 424. 2) Стар. Щебетанье птиц. Говор галич убуди. Слово о полку Игореве. 3) Церк. Пузырь. Говор на воде погибает, И память гордого не пребывает по смерти. Прол. Янв. 12. 4) То же, что говорок во 2 значении.

Словарь Грота

Второй, числит. порядок. 1. Следующий за первым, другой.

2. Второстепенный, сопровождающий первого. Играть вторую скрипку. / Он играл вторую руку (на фортепиано). Тург. Двор. гн.

3. Не подлинный, не настоящий, но подобный ему, заменяющий его. Второе отечество. Второй отец. Второй — на десять, числит. порядк. Стар. Двенадцатый. Во-вторых, говорится при означении двух или нескольких пунктов числами.

---

140 См. приложения к Изв. II Отд. АН за 1858 г. Т. VII.

141 См. протоколы ОРЯС за 24 сентября 1887 г.

142 Грот Я. К. Филол. разыскания. СПб., 1899. Т. II. С. 401–433.

143 Сб. ОРЯС. 1873. Т. X, № 8.

144 Сб. ОРЯС. 1874. Т. XI, № 6.

145 О том, что словарь 1847 г. послужил основой при составлении словаря Грота, свидетельствуют сохранившиеся в Архиве АН (ф. 137, оп. 1, № 59) и в словарных материалах словарного отдела ИЛИ РАН (5/24б; 6/24а) экземпляры словаря 1847 г., на которых Я. К. Гротом сделаны пометки и добавления или на полях, или на вложенных чистых листах бумаги как на первые (а,в,д), так и на последующие буквы словаря (е, ж, з, и, к, л, м, н, о).

Говор. 1. Произношение, слышимая речь в противоположность письменному ее изображению; речь. Письмо не всегда согласно с живым говором. Где нажурчали ручьи«?» говор любовный тебе. Дельвиг, Удел поэта.

2. Шум или гул нескольких голосов. Все с тем же говором и хохотом офицеры поспешно стали собираться. Война и мир.

3. Вообще: шум, гул. Шумный говор сраженья. Жук. Под говором древес, пустынных птиц и вод. Батюшк. И блеск, и тень, и говор волн. Пушк. Прощанье с морем. Волынки говор, скрип телег. Цыганы.

4. Молва, толки, слухи. Об этом происшедствии идет говор по всей губернии.

5. Мн. говоры, ов. Местное видоизменение наречия, диалекта. В великорусском наречии различают несколько говоров. Два главные говора великорусские на А и О, акающий и окающий.

6. То же, что говорóк 2.

Лексика Словаря 1847 года, не отвечающая программным требованиям словаря Грота, не была включена в его состав: по букве А — 252 слова, по Б — 2170 слов, по Г — 673 слова, по Д — 1291 слово (всего по буквам А–Д — 5918 слов). Исключена была прежде всего церковная и старинная лексика, неупотребительные в живом языке искусственные грамматические образования, фонетические, морфологические варианты слов, например: церковные слова *áки, аскалóния, бáснити, безблáзненный, благúня, велеглáсие, врáска, гаждáти, гáщи* и др. Устарелые слова: *áкоже, алáм, алафá, áнсырь, áти, баáльствовать, бáлий, бéрный, бúльница* и т.п.; некоторые узко специальные, терминологические, областные и др. категории слов: *аденотóмия.* Анат., *алик.* Обл. *áсции.* Геогр., *лáшка.* Горн., *гик-тáли.* Мор., *áер, ассáрий, блудя́га, бóлтень, вашезéмец* и др.; искусственные и неживые грамматические образования, фонетические, морфологические и т.п. варианты слов: *безгрáмотство, бездáнность, гúблемость; аплодирóвка, вбожéние, вважéние, ввалéние, вспы́хнутие; архúвский, вероúмчивый; вбожáть, вбéгивать, вы́влечься, выстáвливаться, гадáтельствовать; анатóмленный, гнáтый; анбáрщина; архúва, асфальтúческий* и т.п.

Одним из главных лексикографических источников словаря Грота явился «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

Словарь Даля был широко использован составителями словаря Грота прежде всего для пополнения лексического состава многими общеупотребительными словами (*бáрствовать, батрáчество, безвóлие, безвы́ездный* и т.п.); значительным количеством просторечных и простонародных слов (*бабёха, бабúться, балмошúть, баз, баля́кать, безделю́га, босомы́жничать, брехня́, быстрýха, гвáздать, глядéлки, голошмы́га, горлодéр, горькýха, грустúться, гулемы́га, гулéж* и т.п.); большим количеством областной лексики (*бабáка, бакáй, бакáлда, бакýлить, бакýны, бáрлый, бóлоком, бóсва, бусúть, бýсый, бéсиво, грéчка, грýба* и т.п.); заимствованной лексикой самого различного характера, в том числе терминологической и узкоспециальной: *абсолютúзм, авáнс, агóния, агрегáт, адéпт, акцéнт, амбúция, ам-*

путация, амфора, антрепренер, арьергард, аскариды, ассоциация, астма и др.

Словарь Даля явился базой для расширения семантической характеристики уже известных слов путем добавления новых значений, преимущественно из области народного или областного употребления слова, из узкоспециальных отраслей науки, ремесла, торговли и т.п. Так, можно полагать, что следующие значения слов (цифра рядом со словом показывает номер значения в словаре Грота) были взяты из Далевского словаря: *бездольный* (1. Несчастливый; кому не везет; неудачник), *большак*. Простон. (4. Большая дорога); а также: *блесна*. 2 и 3, *болванка*. 3. Торг., *болотник*. 1 и 3, *бугай*. 1, 2, 3, 4 и 5, *буза*. 2, 3 и 4, *булка*. 3. Стекл., *бунтовать*. 4. Сахароварен., *белок*. 1, 4, 5, 6 и 7, *бель*. 4, 5, 7 и 8, *беляк*. 1 и 4, *гвардия*. 2. Обл., *гвоздильня*. 2. Плотн., *глазница*. 2 и 3, Гон. 1, 3, 4 и 6, *горка*. 2 и 3, *гость* 2 и 3, *гривка*. 3 и т.п.

Из словаря Даля взяты в качестве иллюстративного материала богато представленные в нем пословицы и поговорки. Словарь Даля, по словам Я. К. Грота, «представляет... двойной словарь: словарь языка и вместе словарь пословиц»,[146] т.к. он заключает в себе сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа» (1862).

«Ботанический словарь» Н.Анненкова (Изд. 2. 1878), указанный в перечне трудов, использованных при составлении словаря Грота, следует отнести к числу второстепенных лексикографических источников, хотя бы потому, что из него был почерпнут только один слой лексики — преимущественно русские народные названия растений, трав, деревьев и т.п., а также их синонимы и фонетические варианты.

В числе специальных лексикографических трудов, упомянутых в списке источников Гротовского словаря, назван и Юридический словарь М. Чулкова (1792),[147] отразивший в своем составе терминологию петровского времени. На этот словарь имеется ссылка при слове *акциденция*: 1. Доход за труды в коллегиях (по генеральному регламенту 1721 г. Юридический словарь М. Чулкова). Из этого словаря включены в словарь Грота слова *аликант, винтер-квартиры* и др.

Впервые в истории русской академической лексикографии словарь Грота широко использовал лексическое богатство русской классической литературы. Это отмечалось и в Предисловии к словарю, где говорится, что «в прежнем академическом Словаре (1847 г.) выписки из книг делались очень редко, и притом большею частью из памятников старинной письменности, при словах современного языка они являлись совершенно случайно и заимствовались из весьма немногих писателей. В настоящем издании, напротив, такие извлечения составляют весьма существенную часть его» (С. XI).

---

[146] *Грот Я. К.* Филол. разыскания. СПб., 1876. Т. 1. С 47.

[147] Словарь юридический, или свод российских узаконений, временных учреждений суда и расправы, ч. I, по азбучному порядку.. , собранный М Чулковым (1792); этот словарь не назван в списке источников словаря 1847 г.

В общем перечне имен писателей, из которых взяты в словаре Грота примеры, находим имена таких известных писателей и поэтов второй половины XVIII и XIX вв., как: А. А. Аблесимов, С. Т. Аксаков, Е. А. Баратынский, К. Н. Батюшков, И. Ф. Богданович, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, А. С. Грибоедов, Д. В. Григорович, Д. И. Давыдов, А. А. Дельвиг, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, Ф. М. Достоевский, В. А. Жуковский, А. Е. Измайлов, А. Д. Кантемир, В. В. Капнист, Н. М. Карамзин, Я. Б. Княжнин, А. В. Кольцов, И. А. Крылов, В. С. Курочкин, М. Ю. Лермонтов, М. В. Ломоносов, Луганский (псевдоним В. И. Даля), Н. С. Лесков, Ап.Н. Майков, Н. А. Некрасов, И. С. Никитин, Н. И. Новиков, В. Ф. Одоевский, В. А. Озеров, А. Н. Островский, Печерский (псевдоним П. И. Мельникова), А. Ф. Писемский, А. Н. Плещеев, А. И. Полежаев, Я. П. Полонский, Н. Г. Помяловский, А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, Ф. М. Решетников, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Сумароков, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, В. К. Тредиаковский, И. С. Тургенев, Д. И. Фонвизин, И. И. Хемницер, М. М. Херасков, Н. М. Языков и др.

Широко представлен в словаре фольклорный материал: народные песни, сказки, былины, пословицы, поговорки и т.п.

Были использованы также сочинения русских общественных деятелей и ученых XVIII–XIX вв.: А. Н. Апухтина, Н. В. Берга, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Н. Болтина, А. М. Бутлерова, Н. П. Гилярова-Платонова, Т. Н. Грановского, В. И. Григоровича, Д. Н. Кайгородова, П. А. Каратыгина, П. Ковалевского, М. Ф. Корфа, Кохановской (псевдоним Н. С. Соханской), Н. И. Пирогова, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, А. С. Шишкова и т.п.

Словарь Грота привлекал и самую разнообразную специальную литературу: филологическую, историческую: («Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева; «История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла» Д. А. Милютина; «История Петра Великого» Н. Г. Устрялова и др.); экономическую («Очерк истории политической экономии» проф. И. В. Вернадского); юридическую («Курс гражданского права» К. П. Победоносцева); ботаническую и зоологическую («Ботанические беседы» А. Н. Бекетова; Учебник зоологии Ф. Ф. Брандта); краеведческую («Описание Камчатки» Крашенинникова; «Енисейский округ и его жизнь» Кривошапкина; «Магазин землевладения и путешествий»; Географический сборник Н. Г. Фролова. М., 1852–1860; «Путешествие» И. И. Лепехина и др.); периодические и повременные издания того времени (Известия II Отд. АН, Сб. ОРЯС, Филологические записки А. А. Хованского, Вестник естественных наук и др.), богослужебную (Акафист, Апокалипсис, Откровение св. Иоанна Богослова, 2-ое послание апостола Павла к коринфянам, 2-ое послание апостола Павла к Тимофею, Евангелие от Иоанна, Евангелие от Луки, Евангелие от Матфея, Молитва господня (Отче наш), Псалтырь и др.); разного рода уставы (акцизный, ратный, торговый. церковный, воинский — 1719 г. и др.); акты археологической экспециции, акты исторические и др.) и т.п.

Сочинения Тургенева, Кольцова, Никитина, Мельникова-Печерского. Глеба Успенского и др. и произведения устно-поэтического народного творчества дали повод для включения в словарь простонародной лексики, имеющей при себе помету простон.: *брехунéц* — 'адвокат' (Тург. Новь), *глядéлки* (Тург. Певцы), *горевáньице* (нар. песня), *горевóй* (Салт. Благонам.р.), *горе-гóрький* (Гл.Усп.), *гормя́* (Кольц. Молод.жница), *грязь* (Тург. Стар.портр.), *гудовéнь* (Никитин. Поездка на хутор), *гулемы́га* (На Горах) и др. Значительное число областных слов было почерпнуто из произведений русских классиков (И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова и др.), из произведений устно-поэтического народного творчества, из сочинений, описывающих путешествия по той или иной части России, рассказывающих об особенностях местных нравов и обычаев какого-либо края, местности и т.п., например: *бáрловая шкура.* Сиб. (Черкас. Зап. ох. Вост. Сиб.), *бáрлый.* Весенний (о соболях в Сибири). Кривошапк. Енис. окр. и его жизнь; *берли́ны.* Обл. (Арх. губ.) Макс. Год на севере; *воротúльщик.* Новгор. (Якушк. Пут. письма); *вы́рей* (Малор.), Афан. Поэт. воззр. славян на природу; *гýгля.* Малор. (Гог. Старосв.пом.) и др.

Состав словаря пополнился за счет малоупотребительной и старинной лексики, извлеченной из произведений поэтов и писателей, начиная со времен Ломоносова, что было предусмотрено планом словаря, не исключающего «слов, которые хотя и вышли из употребления, но встречаются в сочинениях, относящихся к обнимаемому словарем периоду»: *веселорéзвый.* Малоупотр. (Держ.); *вестонóсец.* Малоуп. (Одисс.); *гля́женый.* Малоупотр. (погов.); *го-гý.* Малоуп. (Жук. Сраж. с зм.); *даванýть.* Малоуп. (Тург. Новь); *далекобóйный.* Малоуп. (С. Акс. Зап. р. охотн.); *дáтельство.* Малоупотр. (Мертв.д.); *двуóстрый.* Малоупотр. (Одис.); *дендúзм.* Малоупот. (Некр.) и др.; *басмéнщик.* Стар. (На Горах), *волтериáнец.* Стар. (Горе от у.); *гофрéя.* Стар. (Лесков, Соборяне); *дóлжить.* Стар. (Аблесимов) и др.

Наиболее широко литературные источники были использованы в словаре Грота как иллюстративный материал, помогающий лучше раскрыть значение слова, показать его употребление в речи. По обилию цитат из произведений художественной, мемуарной, политической, научной, деловой и т.п. литературы, из произведений устно-поэтического народного творчества словарь Грота намного превосходит предшествующие академические словари, и в частности Словарь 1847 года, который был очень скуп в отношении приведения примеров из современной для его составителей литературы, и прежде всего художественной.

Структура словаря Грота

Расположение слов в словаре было принято азбучное, т.к. «строго алфавитный порядок расположения слов более всякого другого отвечает назначению справочной книги, каковою должен быть словарь» (Предисловие к словарю. С. VII). Однако в самом словаре наблюдается

отклонение от этого правила и введены некоторые элементы гнездования: а) как правило, объединяются в одну словарную статью с именами существительными мужского рода образованные от них и не отличающиеся по смыслу имена женского рода, например, слово *бессты́дница* помещено в одной словарной статье со словом *бессты́дник, благотвори́тельница* — со словом *благотвори́тель* и т.п. В словаре 1847 года подобные имена существительные мужского и женского рода занимают самостоятельное место. Правда, в словаре Грота тоже иногда наблюдаются случаи, когда имя существительное женского рода стоит на своем месте по алфавиту со ссылкой на соответствующее имя мужского рода. Так, при слове *актер* даются слова *актриса* и простонар. *актерка*, расположенные самостоятельно на своем месте по алфавиту со ссылкой на слово *актер*; б) включаемые в словарь Грота как исключение притяжательные прилагательные на -ов (ев), -ин(ын) приводятся под соответствующим именем существительным; в) в наречиях на -о в тех случаях, если они отличаются от прилагательного или значением, или ударением, как наречие *бо́льно*, не сходное с кратким прилагательным *больно* в обоих указанных отношениях, даются под соответствующим прилагательным и не занимают самостоятельного места по алфавиту, как в словаре 1847 года; г) параллельные словообразования имен существительных, прилагательных, глаголов и т.п., как правило, объединяются в словаре Грота в одну словарную статью фигурной скобкой (в словаре 1847 года такие случаи наблюдаются редко), например:

бурёна бурёнка бурёнушка
вылупливать вылуплять
гравёрный гравёрский
и др.

Словарь отказался от соединения не только двух отдельных, хотя и близких по образованию языков, как русский и церковнославянский, но и от объединения даже нескольких исторических этапов развития русского языка, исключив из своего состава древнерусский язык. «Включение в нынешнее издание церковнославянского и древнерусского языка, — говорится в Предисловии, — было бы тем более несвоевременно, что уже имеются отдельные словари как первого (словарь Востокова и Миклошича), так и второго (словарь Срезневского, ныне издаваемый Отделением)».

«Назначение словаря — быть истолкователем живого языка». Поэтому словарь Грота ставил перед собой задачу представить в своем составе «общеупотребительный в России литературный и деловой язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова».[148] Словарь должен был с возможной полнотой отразить русский литературный язык

[148] Щерба Л. В. полагал, что во второй половине XIX в. церковнославянизмы перестали входить в лексическую систему русского языка, даже как его пассивный словарный запас, и считал, что необходимость в словаре, объединяющем церковнославянские и русские слова, отпала. Поэтому вполне оправданным и своевременным, с его точки зрения, являлся выход в свет I-го тома словаря русского

с половины XVIII века. Эта полнота достигалась за счет включения в свой состав недостающих в прежнем академическом словаре 1847 года слов и «неологизмов», которыми в последние десятилетия обогатилась русская речь «по естественному ли ходу развития, или вследствие многочисленных преобразований во всех почти отраслях общественного и государственного быта» (Предисловие к словарю. С. VII).

Слова, вышедшие из употребления, но встречающиеся в произведениях писателей обнимаемого словарем периода, имели право на включение в состав словника. Словарь давал довольно широкий доступ в свой состав областной лексике, т.к. «часто очень трудно определить, к общерусскому ли языку или только к его говорам принадлежит такое-то слово». В словаре должны были найти место областные слова или получившие широкое распространение, или встретившиеся у писателей, или «удачно выражающие такие понятия, для которых в общеупотребительном языке не достает слова». В отношении помещения областной лексики предисловие словаря советует «лучше давать лишнее, нежели опускать то, об излишестве чего могут быть разные мнения».

Лексический состав словаря Грота по сравнению со словарем 1847 года в количественном отношении не увеличился[149], а, наоборот, даже уменьшился, правда, незначительно — на 694 слова (общее количество слов на буквы А–Д в Словаре 1847 г. — 22 342, в Словаре Грота — 21 648 слов; на букву А: в Словаре 1847 г. — 956 слов, в Словаре Грота — 1 393 слова; на Б: 4 583 — 4 240 слов; на В: 9 493 — 8 674 слова; на Г: 2 588 — 2 768 слов; на Д: 4 722 — 4 573 слова).

Вместе с тем Словарь обновился более чем на одну четверть по сравнению с предыдущим словарем 1847 года (из общего количества 21 648 слов в словаре Грота 15 738 слов имеются в словаре 1847 года, что составляет 73 % от общего числа слов; лексика, вновь включенная в Словарь Грóта, составляет 5 910 слов, или 27 % от всего количества слов).

В словарь включены такие категории слов, как названия сортов яблок: ***антоновка, 1. Апорт, аркад, боровинка, воргулек, виноградка***; названия вин: ***аи, аликант, бордо*** (Ев.Он.), ***глинтвейн*** (Жук.) и т. п.[150]

В словарь вошло некоторое количество малоупотребительных и вышедших из употребления слов, имеющих соответственно при себе пометы малоупотр. и стар.; редко встречаются слова из церковнославянского

языка под ред. Я. К. Грота «в том виде, как он образовался со времен Ломоносова». (*Щерба Л. В.*, «Опыт общей теории лексикографии», Изв. АН СССР, 1940. № 3. С. 93.

[149] Грот Я. К. предполагал, что издаваемый им словарь увеличится в объеме по сравнению со словарем 1847 года примерно вдвое. Это заключение было сделано на основании представленного во II Отделение АН 4 февраля 1889 г. «Пробного листа» нового словаря об Бирюлечка бо бичевание (в словаре Грота в данном отрезке 58 слов, в словаре 1847 г. — 29 слов.

[150] Этих слов нет в словаре 1847 года, в подавляющем большинстве они впервые зафиксированы словарем Даля.

вянского языка с пометой церк.: *алабандин* (стар.), *аредь* (стар.), *аркебузировать* (стар.), *баян* (стар.), *браница* (стар.), *бывый* (стар.), *белоторговый* (стар.), *безмытный* (стар.), *бродники* (стар.), *брусь* (стар.), *векошник* (стар.), *виктория* (стар.), *виска* (стар.), *волюм* (малоупотреб.), *вотолка* (стар.), *воща* (стар.), *выпрать* (стар.), *гласник* (церк.), *годовины* (малоупотреб.), *государить* (малоупотр.), *грамотейный* (малоупотр.), *гремкать* (малоупотр.), *гроховница* (стар.), *грыдоровать* (стар.) и т.п.[151]

Заметно пополнился словарь Грота обыденной, разговорной лексикой, обычно сопровождаемой пометой простор.: *акала, бабник, баболюб, бездельга, брехня, бубнить, бедовать, вертопляс, военщина, впервой, втесаться, выведывальщик, выкрутасы, выпивала, вышмыгнуть* и т.п.

В словаре Грота нашел отражение значительный слой областной лексики, что отвечало программным установкам словаря, дававшим широкий доступ в него областным словам.

Вполне оправданным является включение в словарь большого количества заимствованных слов, т.к. литературная речь второй половины XIX в., как указывает акад. В. В. Виноградов, «насыщается заимствованиями из западноевропейских языков», «лексическими варваризмами», по большей части относящимися к следующим областям: «к естественным и социально-экономическим наукам, к общественному быту, промышленности, к политическим, экономическим и юридическим устоям буржуазной гражданственности, к характеристическим определениям личности и к нормам светского поведения».[152] Так, в словаре Грота мы встречаем довольно большое количество иностранных слов, которых нет в словаре 1847 года: *абажур, аванс, автономия, агитация, адепт, аквариум, агония, агрегат, альтернатива, амбиция, амбулаторный, амортизация, амплуа, ампутация, ангажемент, ансамбль, антагонизм, антрепренер, аншлаг, апартамент, апатия, апломб, апологетика, аппарат, арена, ареопаг, аскет, ассамблея, ассистент, ассортимент, ассоциация, эффект, бактерия, балерина, баллон, баррикада, беллетристика, бельэтаж, берет, бетон, библиофил, бигамия, буржуазия, бутафор, буфер, бюджет, бюллетень, бюргер, бюрократия, вакцина, вагон, валюта, велосипед, вельбот, вентиляция, веранда, версия, вето, вибрация, виза, гарантия, генезис, генерация, германофил, гид, глицерин, глоссарий, глюкоза, гнома, гонорар, градация, грамм, грация, гризетка, гуманист, гуманитарный* и т.п.

Придерживаясь правила — при отборе терминов помещать те из них, «которые могут встречаться как во вседневном быту, так и в не слишком специальных сочинениях», составители словаря включили в

[151] Указанных слов нет в словаре 1847 года.

[152] *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв 1934. С. 246.

его состав, например, следующие специальные слова:[153] *абсцисса* Мат., *адэкватный* Филос., *акр* Метрол., *алиби* Юрид., *амортизм* Мин., *анемия* Мед., *антрацит* Мин., *аорта* Анат., *арбитраж* Торг., *аргумент* Лог. и Ритор., *апострофа* Рит., *арпеджио* Муз., *артрит* Мед. и т.п.

В словаре Грота несравненно в большей степени, чем в словаре 1847 года представлены слова из области мифологии, т.к. они получили широкое распространение в произведениях художественной литературы, особенно в поэзии, хотя программой словаря и не было предусмотрено их включение в словарь. В словаре помещены, например, такие слова, как: *аврора, авгур, автомедон, аид, алатырь, альциона, амазонка, амур, амфитрион, аргонавт, аргус, ариаднина нить, баба-яга, буян, вакханка, венера, весталка, волкодлак, гарпии, геркулес, герма, гименей, гордиев узел, гном* и т.п.

Впервые в практике академической лексикографии программой Словаря Грота предусматривалось включение в его состав некоторых этнографических наименований: наиболее известных названий племен и народностей, «так как подобные имена, имеющие и множ. число, считаются нарицательными», и некоторых прилагательных от названий стран и народов: *абдериты, австралийский, австриец, австрийка, австрийский, альпийский, англичанин, англичанка, английский, армянин, армянка, армянский, бельгиец, бельгийка, бельгийский, вотяк, вотячка, вотяцкий, галл, готы, гунны* и т.п.[154]

В словарь вошло большое количество производных слов, созданных посредством различных аффиксов: *аббатик, амбаришко, англичаночка, армячишко, бабуля, беседушка, вагончик, виноградинка, водичка, волосенки, головенка, грязища* и т.п.; *ближайший, богаче, большущий, горчее* и т.п.; *бедноватый, вязковатый, грустноватый* и т.п.; *быстрешенек, веселенький, виднехонек, грязненький* и т.п.; *авантюрист, аккомпаниатор, актерка, альманашник, артельщица, архитекторша, балаганщик* и т.п.; *античность, банальность, барственность, безупречность, благовоспитанность* и т.п.; *бинтование, бродяжничанье, вбитие, глушение, гримировка* и т.п.; *агентура, аристократизм, басурманщина, батрачество, взяточничество* и т.п.; *авторитетный, айвовый, артистический, бархатистый, болевой, былинный* и т.п.; *атерничать, адвокатствовать, бондарить, вольнодумничать, главенствовать* и т.п.

Единодушное одобрение получила общая программная установка Словаря на отделение русского языка от церковнославянского, на зна-

[153] С. И. Ожегов писал, что «решающим моментом для отбора терминов должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль». (*Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей русского языка // ВЯ. 1952. № 2. С. 100).

[154] Хотя словарь не включает в свой состав названия жителей городов, отдельных местностей и т.п., в нем помещены слова: *амчанин.* Простонар. житель г. Мценска (народн. Амченска), *волжанин* «Так зовут уроженца Поволжья, особенно среднего и низового» (На Горах народн. Амченска), *вологжанин.* Житель вологодского края.

чительное ограничение допуска в словарь русского языка церковнославянизмов и архаизмов. А. О-ский писал, что «соединение в одном словаре церковнославянского и русского языка не соответствует потребности всякого образованного человека, не специалиста, иметь под рукой истолкователь живого русского яозыка».[155]

Смысловая характеристика слов в Словаре Грота

Я. К. Грот понимал всю трудность и сложность семантического анализа слова: выделения значений и оттенков в словаре, прослеживания последовательного и постепенного развития значений в слове и т.п. «К сожалению, — читаем в Предисловии к словарю, — в редких только случаях определение развития значений так легко дается; большей частью оно составляет самую трудную задачу лексикографии, и приходится либо основываться на одних предположениях, либо прямо довольствоваться одним разграничением различных значений, начиная с самого обычного в настоящее время и не принимая на себя решения вопроса об их постепенном переходе». В тех же случаях, «когда историческое развитие значений слова очевидно, — на первом месте объясняется древнейшее, а затем последовательные его изменения» (Предисловие к словарю. С. XI).[156] В 1853 году в «Замечаниях касательно нового издания русского словаря» Я. К. Грот отмечал как недостаток словаря 1847 года неразличение в нем омонимов. «В прежнем словаре часто не разделены такие слова, — писал он, — которые хотя и однозвучны, но происходят от разных корней, и потому непременно должны быть показаны каждое отдельно». Эта точка зрения Я. К. Грота на омонимы нашла отражение как в программе редактируемого им словаря русского языка, так и в самом словаре. Омонимы в традиционном их понимании в словаре Грота разъединены.

Словарь 1847 г.	Словарь Грота
Брак... 1) Законное сочетание мужа и жены; вступление в супружество. Вступить в брак. Сочетаться браком. Расторгнуть брак. 2) Товар, не имеющий надлежащей доброты. Многие товары пошли в брак. 3) Браковка, разбор товара. Строгий брак.	1. *Брак*... Супружество, сочетание мужа и жены. Вступить в брак. Сочетаться браком. Расторгнуть брак. Я дочь мою мнил осчастливить браком. Борис Год. Гражданский брак, сожительство незаконное, не освященное венчанием в церкви. 2. *Брак*... 1. Товар, не имеющий надлежащей доброты, бракованный. 3. То же, что бракование и браковка 1 и 2. Строгий брак. Многие товары пошли в брак.

[155] Образование. 1892. № 2. С. 176.

[156] Еще в разборе словаря Даля Я. К. Грот указывал, что прежде всего надо выставлять внутреннее и первичное значение слова, а затем «наружное, второстепенное».

См. также слова акт (2), балка (2), бродить (2), былина (2), вал (3), волна (2), враг (2), голубец (4), голубица (3), голь (2), горн (2), господский (2), грабить (2), град (3), гранатный (2), гриф (2), грот (3), губа (4) и т.п.[157]

Словарь Грота стремился отразить процесс семантического обогащения русского литературного языка XIX в.: многие слова обогатились за счет включения новых значений.

Словарь 1847 г.	Словарь Грота
Академик... Член академии. *Гордый*... Надменный, высокомерный. Гордый взгляд. Гордая выступка. Он до крайности горд.	*Академик*... 1. Член академии: в России общее название действительных членов Академии наук; в других русских академиях звание, получение которого обусловлено известными правилами. 2. Подобный академику по любви к науке или по своим занятиям. То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник. Пушк. Стансы. Не дай мне бог сойтись на бале С семинаристом в черной шали Иль с академиком в чепце. Евг.Он. 3. Кончивший курс в одной из академий военного ведомства; собственно: академист.

Гордый... 1. Считающий себя превосходнее других, слишком высоко ценящий свои достоинства и презрительно относящиеся к другим: надменный, высокомерный, кичливый. Противоп.: смиренный, скромный.

Господь гордым противится (Пос.Иак. 4, 6). Оставь нас, гордый человек. Цыганы.

2. Обнаруживающий гордость 1 и 2. Гордый взгляд. Гордая усмешка. // Узнав о таком гордом требовании, Сигизмунд изъявил досаду. И. Г. Р. XI. ... лишь гордою стопою Касается ко праху он. Жук. Ретивый конь, осанку горду, Храня, к тебе (водопаду) порой идет. Держ. Водоп. Доныне гордый наш язык К почтовой прозе не привык. Евг.Он.

3. Чувствующий или сознающий свое достоинство или превосходство. Семейным сходством будь же горд. Пушк. Стансы. Гордый конь его (льва) копытом крепким бьет. Кр. Лев состар. ... (Лев), на горах обитающий, силою гордый, В ветер и дождь на добычу выходит, сверкая глазами... Одис.

4. Го́рдый и гордо́й... В свад. песнях: почетный, праздничный, торжественный. Гордой стол. Гордой обед или ужин. Гордые гости. См. Гордый (2).

5. Величавый, величественный. Три гордые пальмы высоко росли. Лерм. Три пальмы.

Для словаря Грота характерно расширение семантической структуры многих слов за счет включения новых значений,[158] выделенных на основании переносного, распространительного употребления слова

[157] Цифра в скобке показывает, сколько выделено в слове самостоятельных омонимов в словаре Грота.

[158] Как и в словаре 1847 г., они отмечаются в словаре Грота звездочкой.

в литературном языке XIX в. Например: *Весна́*. 2. Весна жизни, молодость (Жук.); *взве́шивать*. 2. Обдумывать, соображать. Взвешивать слова, обстоятельства (Горе от ума); *ве́яние*. 3. *Господствующие в обществе взгляды, понятия, образ мыслей. Современные веяния (Тург. Кл.Милич); *го́речь*. 3. *Неприятность, огорчение, досада, едкость, ядовитость. Горечь разлуки. Горечь нищеты. Горечь упреков (Дельвиг, На смерть Невевит, Пик.дама, Арап П. В.). В некоторых случаях переносное значение не выделяется в самостоятельное, а после точки с запятой присоединяется к определению прямого значения слова. Например: *Божество́*. 2. Истинный бог и бог языческий; вообще: предмет поклонения или олицетворение силы, красоты и т.п.; *вакха́нка*. Жрица Вакха; сладострастная женщина.

На основе тщательного и всестороннего филологического анализа многим словам в словаре Грота дается более четкая и ясная смысловая характеристика, более логически выдержанная и строгая классификация их значений, опирающаяся «на современное понимание слова»,[159] чем в предыдущем академическом словаре 1847 года.[160] В этом отношении словарь Грота сделал новый шаг по пути дальнейшего улучшения семантического анализа слова. Ср. разработку прилагательного *верный* в обоих словарях:

Словарь 1847 г.

Верный... 1) Тот, на кого можно положиться. Верный друг познается в несчастии.

2) Церк. Исповедающий истинную христианскую веру. Святится жена неверна о мужи верне. I.Кар.VII. 14.

3)Безусловно верующий, нисколько не сомневающийся. Принеси руку твою, и вложи в ребра моя: и не буди неверен, но верен. Иоанн. XX, 27. — Верный целовальник. Стар. Присяжный выборный из горожан или поселян, для распорядков по городскому и сельскому благочинию. Откупу на нем взяти, что собрали в 94 году верные целовальники. Акты Археогр. экспед. I, 399. — Верный сбор. Стар. Взыскание казенных сборов, посредством присяжных лиц. Да в том же приказе ведомы болши 40 городов, посадские люди. ... откупы и верной сбор. О России, Коших. 70.

Словарь Грота.

Верный... 1. кому. Постоянный, твердый, надежный, особливо остающийся неизменным в своей привязанности к другому, в исполнении своих обязанностей к нему, в отношениях любви, дружбы или подчиненности и покорности. Быть, оставаться верным кому. Верный друг. Верный супруг. Собака верна своему хозяину. Верный слуга, надежный, честный. Будь верен Пророку, Будь славе вернее. Лерм. Беглец.

---

[159] *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 106. Т. III. Кн. I. С. 77.

[160] Наряду с добавлением новых значений к слову словарь Грота пересматривал классификацию значений многих слов в словаре 1847 г. или вовсе исключал одни из них, или объединял другие, менял порядок их последовательного расположения.

2. чему. Постоянный в каком-нибудь деле, в образе мыслей. Верный своему слову, обещанию, своим правилам. Природа здесь верна стезе привычной. Жук.

3. Согласный с подлинником, с оригиналом, точный, правильный. Верный перевод, верный список. // С подлинным верно, выражение, которым удостоверяется точность копии. Пятьсот рублей тут верным счет. Кр. Откупщ. и сап.

4. Справедливый, истинный, согласный с действительностью. Верная мысль. Верная догадка. Верное правило, описание. Верное заключение. Верные часы. // (Муз.). Верный слух. Верно брать ноту.

5. Церк. Исповедующий истинную веру, безусловно верующий. Верный сын церкви.

6. Надежный. Едва ли для тебя текущий верен час. Кр. Стар. и трое мол.

Пристань находится верная там. Одис.

Я был от балов без ума: Верней нет места для признаний. Евг.Он.

В протоколах ОРЯС за 4 февраля 1889 г. отмечалось, что «слово *бить* является образцом метода, которого держался редактор при обработке важнейших слов» в словаре русского языка. Сравним словарные статьи *бить* в словаре 1847 г. и словаре Грота:

Словарь 1847 г.

Бить... 1) (сов. приби́ть). Наносить удары. Бить палкою. Прибил его до полусмерти. 2) (сов. уби́ть). Лишать жизни, умерщвлять. Бить скотину, домашних птиц. 3) (сов. разби́ть). Раздроблять, разрушать. Бить посуду, стекла, яйца. 4) (сов. вби́ть). Вколачивать. Бить гвоздь в стену. — Бить сваи чесноком, т.е. бить сваи сплошь одну подле другой. 5) (сов. проби́ть). Производить звук ударением во что-либо твердое или звонкое. Бить в барабан, в тарелки. Пробить зорю, рынду, поход. Бить такту. — Часы бьют, т.е. издают звон. 6) Вытекать с стремлением. Бьет вода, ключ. 7) Трясти в болезненных припадках. Бьет лихорадка. — Бить (сби́ть) масло, зн. а) выжимать из семян масло посредством станка; б) мешать сметану, чтобы жирные части сселись. — Бить металл. Расколачивать металл в листы. — Бить (вы́бить) монету. Делать, чеканить монету. — Бить (сбить) шерсть. Расчесывать шерсть посредством ударения в струны. — Бить в ладоши. Изъявлять одобрение плесканием рук. — Бить челом: а) земно кланяться; б) отдавать кому поклон; в) Стар. просить о чем-нибудь; г) приносить что-либо в дар. Челом бить бараном. — Бить баклуши. То же, что баклу́шничать.

Словарь Грота.

2. Бить...

А. д. 1. (поби́ть, приби́ть, изби́ть). Ударять, колотить, поражать. (пр. из Кр. Вороненок). Кого люблю, того и бью, погов. (пр. из И. Г. Р. VIII). Его бьет лихорадка, т.е. трясет, одолевает.

2. (поби́ть, уби́ть). Лишать жизни, умерщвлять, уничтожать. Бить скотину, — домашних птиц.

3. (разби́ть). Раздроблять, разрушать. Бить посуду, стекла, яйца.

4. (вбить). Вколачивать, вбивать. Бить гвоздь в стену // Бить сваи.

5. Действовать в разных производствах. Бить (сбить) масло: а) болтать сливки, чтобы они сгустились в масло; б) выжимать из семян масло посредством особого станка. // Бить (выбить монету, медаль), чеканить. // Бить (сбить) шерсть, трепать лучком. // Бить печь, делать глиняную печь. // Бить баклуши. См. Баклу́ша.

6. (пробить). Боем давать какой-либо условный знак. Часы бьют полдень.

Бить зорю, — рынду, — тревогу, — поход. (пр. из Лом.).

7. Метать. Рыба бьет икру. // (пр. из С. Акс. Зап. об уж.р.).

Б. ср. 1. Ударять. Бить в барабан, в бубны. // Бить в набат. // Бить в ладони или в ладоши, рукоплескать, аплодировать. (Пр. из Пушк. Ответ анон., Лом., Тж, Война и мир, Пушк. Русалка).

Звонко * били перепела в полях. С. Акс. Сем.Хр. Лошадь бьет задом, задними ногами. // Ружье бьет (стреляет) хорошо.

// * Бить в дудки, для приманки перепелов. Бить челом (кому): а) кланяться в землю; б) стар. подавать просьбу или жалобу; в) приносить что-либо в дар. Челом бить бараном. (Пр. из Пушк. К Жук.).

2. Стремительно течь, вырываться. (пр. из Лом., Жук., Кр. Мельник., Кр. Лев. и Ком. Кровь бьет ключом. Кровь бьет в голову. (Пр. из Пушк. Егип. ночи).

3. Иметь в виду, метить. Бить на авось наверняка. Он бьет на чин.

В. (проби́ть). безличн. Ударять. Бьет семь часов. (Пр. из Жук., Держ. На счастие).

См. также глаголы *броса́ть, быть, взять, взя́ться, води́ть, гляде́ть* и др.

Еще в 1853 году в «Замечаниях касательно нового издания русского словаря» Я. К. Грот находил очень важным, «чтобы в самом объяснении слов соблюдаема была строгая логическая последовательность с избежанием всего лишнего, как в толкованиях, так и в примерах».[161] Этим требованиям, по мнению Я. К. Грота, не всегда отвечают определения слов в словаре 1847 года, которые поэтому должны быть значительно изменены. В отношении же объяснения слов, имеющих во всех языках почти одинаковый объем значений, как, например, дух и душа, Я. К. Грот предлагал принимать во внимание то, что достигнуто лучшими лексикографами других народов. В 1859 г. в своей Записке по поводу нового издания русского академического словаря, отзываясь о характере толкования слов в словаре 1847 года более снисходительно, чем раньше, Я. К. Грот считал, что объяснения слов в словаре 1847 года могут в основном быть оставлены прежние, но их необходимо будет улучшать всякий раз «для достижения либо большей точности, либо большей краткости». Однако позже Я. К. Грот главным достоинством объяснения слов признает их подробность и точность, а степень этих основных качеств определения ставит в зависимость от «степени надобности в каждом отдельном случае».[162] При всем этом

[161] Изв. Имп. АН по ОРЯС. 1853. Т. II. С. 11.

[162] *Грот Я. К.* Филол. разыскания. СПб., 1876 Т. I. С. 209.

Я. К. Грот считал излишней педантическую точность при толковании общеизвестных слов, таких, например, как слово стол, и предлагал при определении последних «держаться самых общих признаков».[163]

Общее требование Я. К. Грота к объяснениям слов в словаре сводится к тому, что они должны представлять собой определенную систему, отсутствие которой признается им недостатком того или иного словаря, в частности словаря Даля. Определения многих слов в Словаре Грота отличаются от их толкований в словаре 1847 г. большей ясностью, четкостью и подробностью, иногда даже переходящей границы обычного толкования и превращающейся в описание предмета или понятия, но отнюдь не в ущерб их точности:

Словарь 1847 г.

Адвокат... Ходящий в судах по чьим-нибудь делам; стряпчий.

Аккомпанировать... Муз. Вторить, подыгрывать на музыкальном орудии, или подпевать играющему или поющему. Аккомпанировать на скрипке, на басе.

Грамматика... 1) Наука правильно говорить и писать. Грамматика есть основание словесных наук. Не должно погрешать против грамматики.

Словарь Грота.

Адвокат... Лицо, защищающее чьи-либо интересы на суде в гражданском или уголовном процессе.

Аккомпанировать... Муз. Сопровождать, т.е. поддерживать пение или игру соло на музыкальном инструменте игрою на одном или нескольких инструментах.

Грамматика... 1) Отдел науки слова (филологии), объясняющий законы языка и правила его употребления. Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи. Пушк.

Для словаря Грота характерно введение в текст определений таких слов или сочетаний, как: *вообще, специально, собственно, особенно, в особенности, преимущественно, по преимуществу, иногда, в собственном смысле, в общем смысле* и т.п., подчеркивающих в какой-то степени характер и распространенность употребления того или иного значения слова. Чаще других в определение включается слово *вообще*, которое указывает на распространительное или переносное употребление слова. Например: *Апостол*. 3. Вообще: лицо, которому поручено или которое приняло на себя распространение какой-либо важной идеи, в чуждой для нее среде; *армада*. 2. Вообще: военный флот; ассамблея. 2. Общественное собрание вообще; *бард*. 2. * Вообще: певец, песнопевец (Жук.Дм. к Держ.); *баснословие*. Стар. 2. Вообще: вымышленное сказание; *бог*. 5. Вообще: олицетворение чего-либо святого и совершенного; *война*. 2. Вообще: взаимная вражда между отдельными лицами, выражающаяся действиями разного рода и др.

В ряде случаев слово *вообще* присоединяет к определению значения после точки с запятой его вторую часть, указывающую на распространительное или переносное употребление слова, которое чаще,

[163] Там же. С. 210.

как видно из приведенных выше примеров, выделялось в самостоятельное значение. Например: *Ад.* 4. Муки, испытываемые в аду; вообще: мучительное состояние от волнующих душу дурных страстей; *арена.* 2. * Место какого бы то ни было публичного состязания или представления, вообще поприще деятельности (Лерм. Умир. Глад., Некрас. Несчастн.); *баталист...* Живописец, изображающий сражения или вообще военные сцены; *вакханалия...* Пир в честь Вакха; вообще. шумная, хмельная попойка или исступленная пляска и др.

Вводимое в толкование слово особенно выделяет качества предмета, его назначение, область применения и т.п., одним словом, то, на что желательно особо обратить внимание, начинает именно ту часть определения, на которую хотят как-то обратить внимание. Например: *Ансамбль...* Стройное согласие отдельных предметов или действий, составляющих одно целое. Особенно: дружное, единодушное действие артистов при исполнении какой-либо драматической или музыкальной пьесы; *атласистый...* Имеющий свойства атласа, особенно его глянцевитость и упругость; *бандо...* Повязка в женских нарядах, особенно головная; *бледный...* (о цвете или краске). Не живой, беловатый; особенно в применении к цвету лица; о других красках: светлый, слабый и др.

Назначительная группа слов получила в словаре Грота развернутые определения энциклопедического характера, переходящие границы обычного толкования и представляющие собой описание самого предмета, обозначаемого словом. Например: *Блин...* 1. Лепешка из растворенного жидкого, преимущественно гречневого теста, выпекаемая на сковороде; обрядное печение, коим угощают при поминках по усопшим, равно и на масленице, празднование которой, еще со времен язычества, связано с помяновением умерших родственников; *горелки...* Народная игра, в которой играющие становятся по двое, одна пара за другою, а впереди тот или та, кто горит, и ловит одно из лиц, разбегающейся врознь самой задней пары (аналогичные определения при словах: *акрида, бирюлька* и др.).

Наряду с толковыми определениями и в некоторых случаях объяснениями развернутого, энциклопедического характера, словарь Грота в значительной мере использовал в качестве определений синонимы.

Как самостоятельные определения синонимы выступают при некоторых общеупотребительных словах, в переносных значениях, и, как правило, при тех словах иностранной, областной, просторечной, а в ряде случаев старинной и церковной лексики, которые имеют параллели в живом общеупотребительном языке. Например: *Администрация.* 1. Вообще: управление; *аккуратный.* Точный, тщательный; *артель.* 3. Толпа, ватага; *банальный.* Пошлый, заурядный; *баснословить.* 2. Лгать пустомелить; *басурманство.* 1. Магометанство; и т. п.

Следует отметить, что если в качестве определения выступает целый синонимический ряд, то словарь стремится более близкие по смыслу синонимы объединить и расположить в строгой логической последовательности; в этом случае они становятся рядом и отделяются от по-

следующих точкой с запятой. Такое разделение синонимов имеет место обычно при определении прилагательных, и в какой-то мере похоже на выделение оттенков в том или ином толкуемом значении слова. Например: *Апатия*... Бесстрастие, равнодушие, холодность; вялость, бездеятельность; *балда*... 4. Болван, дылда; дурак, полоумный; *безмерный*... Неизмеримый, беспредельный; чрезвычайный, необычайный; чрезмерный; *всегда*, нар. Во всякое время; при всяком случае; вечно; во веки веков и т.п.

К синонимическому типу определений примыкает толкование слов с помощью оборота «то же, что» и См. Такое толкование получают слова, отличающиеся друг от друга в стилистическом, морфологическом или фонетическом отношениях. В этом случае объясняется обычно одно нейтральное слово, а при других его вариантах делается только указание: то же что, см. и т.п. Например: *Альбум*... См. Альбом, *амвра*... То же что амбра; *Безгреховный*. То же что безгрешный, и т.п.

В некоторых случаях в объяснении значений слов приводятся антонимы, чаще как дополнение к уже имеющемуся определению. Например: *Антарктический*. Противоположный арктическому, или северному, южный; *большой*.. 1. Великий, обширный, значительный по размерам. Противоп. малый, маленький; *выгнутый*, страд. прич. гл. выгнуть. Противоп. вогнутый; *горький*.. 1. Вкусом противоположный сладкому; далекий.. 1. Находящийся в отдаленности. Противоп. близкий и т.п.

Своебразием Словаря Грота явилось использование им в качестве определений примеров из произведений художественной литературы, что, однако, не закрепилось в дальнейшей лексикографической практике.

Вновь включенные в словарь лингвистические термины получали определения на основе современных грамматических трудов Востокова, Павского, Буслаева и др.

В Словарь Грота впервые в практике академической лексикографии были включены наиболее известные этнографические названия народов, племен. Названия отдельных племен и народов получают в словаре указание области, местности, которую они населяют или населяли; иногда же их определение может ограничиваться лишь самым общим названием. Например: *Вятичи*... Древний народ славянского племени, вероятно, живший в нынешних губ. Калужской, Тульск. и Орловской; *гольды*... Монгольское племя, живущее по Амуру, Уссури и Сунгари и т.п.

Принадлежность лица к какому-либо государству, народу, племени чаще всего объясняется следующим образом: уроженец такого-то государства или области, реже: житель, гражданин, подданный. Например: *Абиссинец*... Уроженец Абиссинии; *албанец*... Уроженец турецкой области Албании; *австриец*... Уроженец Австрии или подданный Австрийской империи; *бельгиец*... Уроженец Бельгии; и др.

Распространенным является также определение типа «принадлежащий к такому-то народу, племени, государству». К этому толкованию

может добавляться указание места, области, где живет данное племя, народ и т.п. Например: *Англичанин*... Принадлежащий по рождению или по праву гражданства к английскому народу или государству; *болгарин*... Принадлежащий к болгарскому племени; *бурят*... Принадлежащий к народу монгольского племени, обитающему преимущественно в Иркутской губ. и Забайкальской области вокруг озера Байкала, и др.

Некоторые слова вместо обычного толкования получают лишь указание на их принадлежность к какой-либо грамматической категории со ссылкой на основную грамматическую форму. Если такие слова имеют и свои самостоятельные значения, то, помимо грамматического определения, они получают особые толкования, непосредственно присоединяемые к грамматическому определению, или выделяются отдельно, в самостоятельное значение. Грамматически определяются имена существительные субъективной оценки, качественные имена прилагательные субъективной оценки, причастия, однократные и многократные глаголы и т.п. Например: *анекдотец*..., уменьш. с. анекдот; *аленький*..., ласк. от прил. алый; *баливать*, многокр. гл. болеть; *гаркнуть*, однокр. гл. гаркать и т.п.

В отличие от словаря 1847 года глаголы совершенного вида не получают в словаре Грота даже обозначения их грамматической категории, а имеют при себе только указание См. со ссылкой на соответствующий глагол несовершенного вида. Например: *Выдергать*. См. Выдергивать; *Выдумать*. См. Выдумывать и т.п.

К грамматическим определениям примыкают по своей однотипности объяснения отглагольных и отвлеченных существительных, имен существительных, обозначающих лиц женского пола, притяжательных и отчасти относительных прилагательных; стремление к однотипности чувствуется и в толковании некоторых других, менее значительных, групп слов.

Слова получили в словаре русского языка под редакцией Я. К. Грота на основе тщательного и продуманного филологического анализа более логически выдержанную классификацию их значений, опирающуюся «на современное понимание слова».

В словаре устанавливается более тесная и глубокая последовательность в связи и развитии значений слова, чем в предыдущем академическом словаре 1847 года, прослеживается «историческое развитие значений слова», где это более или менее очевидно. Омонимы в традиционном их понимании, т.е. разные по происхождению слова, разъединены. Значительно расширилась семантическая характеристика слов как за счет включения переносных значений, свойственных русскому литературному языку XIX в., так и областных, просторечных, профессиональных словоупотреблений.

Богато представленный в словаре фразеологический материал располагается под соответствующим значением слова, что не было характерно для предшествующего академического словаря 1847 года.

Терминологические сочетания, состоящие из определения и определяемого (преимущественно из области ботаники, зоологии, минерало-

гии), как правило, помещаются внутри или чаще в конце словарной статьи соответствующего имени прилагательного или существительного (Словарь 1847 года не придерживался в размещении подобных сочетаний единого правила).

Приемы живого словопроизводственного истолкования относительных прилагательных, образованных от существительного и тесно связанных с ним по значению; отвлеченных существительных, происшедших от качественных прилагательных на -ние, -тие и др., — как отмечает акад. В. В. Виноградов, — «с несущественными видоизменениями были заимствованы и «Толковым словарем русского языка» (1934–1940 гг.)».[164] «Грот придавал особенное значение четкости и точности семантических определений слова, — пишет акад. В. В. Виноградов, — И в этом отношении составленная им часть академического словаря (А–Д включительно) является до сих пор непревзойденным образцом (выше по качеству лишь выпуск И — до слова идеализироваться, обработанный проф. Л. В. Щербой)».[165]

Таким образом, словарь русского языка под ред. Я. К. Грота сделал новый шаг по пути дальнейшего улучшения и усовершенствования смыслового анализа и характеристики слова.

Грамматическая характеристика слов в Словаре Грота

Грамматическая характеристика слов в словаре Грота представляет дальнейшее улучшение по сравнению с предыдущим академическим словарем 1847 года в плане установления большего единства и выдержанности в указании принадлежности слова к тому или иному грамматическому разряду, части речи, в плане выработки для этого более совершенной системы грамматических помет.[166]

Грамматическая часть словаря основана на достижениях русской лингвистической мысли (Ломоносов, Востоков, Павский, Буслаев). В словаре нашли отражение грамматические труды самого Я. К. Грота, особенно его исследования по вопросам ударения и правописания русского языка, что сказалось на нормативном характере многих грамматических помет и указаний.

Нормативность грамматических указаний и замечаний тесно связана с практическим назначением словаря отвечать «потребностям образованного класса людей вообще, но к которому мог бы прибегать с пользою и литератор, и ученый» (Предисловие к словарю. Т. I. С. XII).

[164] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка. 1941. С. 383.
[165] *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке. С. 77.
[166] Я. К. Грот еще в 50-е годы XIX в. при обсуждении теоретических основ нового издания русского словаря писал, что «словарь должен отчасти служить и грамматическим пособием» (Изв. II Отд. АН. 1853. Т. II. С. 13).

Для имени существительного характерно указание исходной формы в имен. падеже ед.ч., окончания род. падежа ед.ч. и указание рода имени. Например: *абзац*, а, м., *аорта*, ы, ж., *багрение*, я, ср., *боек, бойка*, м., *ветерок*, рка, м. и т.п.

При некоторых существительных женского рода на -а отмечается переход ударения с окончания на основу, и, наоборот, в вин.пад. ед.ч. или возможность двоякого ударения в этом падеже: *во́ду, бо́роду, го́лову; бечеву́, вдову́, версту́* и *ве́рсту, весну́* и *ве́сну*.

При существительных мужского рода, преимущественно с односложной непроизводной основой, с устойчивым ударением на основе в падежных формах ед.ч. отмечается ударяемое окончание предл. пад. ед.ч. на -у(ю) при употреблении с предлогами *в* и *на*, указываются и параллельные формы на -у(ю) и безударное -е: *в, на боку́, в бою́* (Бой. 2), *в гру́нте* и *в грунту́ (грунт 1), в глазу́* и *гла́зе*.

Формы множественного числа существительных указываются всякий раз, когда они имеют в своем образовании какие-либо особенности: различные чередования, наращение или выпадение суффиксов, наличие двух разных форм для одного и того же падежа, перенос ударения и т.п. При многих существительных приводится форма им. и род. падежей мн. числа (а в других случаях дательного, творительного, предложного); некоторые формы мн.ч. получают стилистическую оценку или указание на степень их употребительности.

Составители словаря стремились отразить характерное для своего времени явление: все усиливающееся проникновение в русский литературный язык из народного языка им.п. мн.ч. на -а́(я́) некоторых существительных мужского рода, вытесняющих неударяемое окончание на -и(ы).

Преследуя нормативные цели при указании тех или иных грамматических форм слов, составители словаря стремились в какой-то мере отразить и исторический характер их употребления. Так, прилагательные *богатый, горький, громкий, густой* имеют указание двух форм сравнительной степени на -е и -ее: богатее и богаче; горче и горчее; громче и громчее; гуще и густее.

Формы сравнительной степени *богатее, горчее, громчее, густее* были помещены в словарь потому, что употреблялись в литературном языке начала XX в. И хотя словарь отдавал безусловное предпочтение сравнительной степени этих прилагательных на -е, авторитет писателей заставил редактора словаря поместить и менее употребительные, выходящие из употребления литературного языка формы на -ее. Так, при прилагательном *густой* в словаре делается оговорка: «Употребительнее форма: гуще».

Исходной формой глагола в словаре дается инфинитив, затем приводится 1 л. ед.ч., как и в предыдущем акад. словаре 1847 года.

Своеобразием словаря Грота в приведении грамматических показателей при глаголе явилось отступление от традиционного указания формы 2 лица ед.ч. и замена ее формой 3 л. мн.числа: *Аплодировать, рую, руют*...; *Воспитывать, ываю, вают*... и т.п.

Однако это нововведение Я. К. Грота не закрепилось в дальнейшем лексикографической практикой.

Развернутую грамматическую характеристику получила в словаре небольшая группа глаголов, образование форм которых не подчинено общим правилам. При подобного рода глаголах, помимо полного спряжения настоящего времени, указываются формы повелительного наклонения, деепричастие, причастие, будущее, а также прошедшее время (см. глаголы *быть, бежать* и т.п.).

Словарь различает возможные варианты тех или иных форм, двоякое ударение в той или иной форме глагола и т.п. Например: *Брызгать*, гаю, гают и брызжу, брызжут..., *Валить*, валю, валя́т, ва́лят... *Гнездиться*, зжусь, здя́тся и гне́здятся и т.п.

Самостоятельной словарной статьей со ссылкой на неопределенное наклонение помещаются различные формы глагола, имеющие в своем образовании какие-либо отклонения от общей нормы: *Бей*, бейте. Пов. накл. гл. бить; *Блюю*. См. Блевать; *Брею*, бреют. См. Брить; *Буду*, дут, буд. вр. гл. быть; *Вошел*, вошла, вошло. См. Войти; *Гляжу*. См. Глядеть и др. При собственно безличных глаголах указывается после инфинитива только форма 3 л. ед.ч. и ставится помета безл.: *Ветренеть*, неет, ср., безл.; *взгрустнуться*, нется, ср. безлично; *вздремнуться*, вздремлется, вздремнулось, безл. и т.п.

К безличным отнесены в словаре и некоторые слова, которые современные грамматисты включают в категорию состояния, они обычно помещены в конце соответствующей словарной статьи, не занимая самостоятельного места по алфавиту.

Отметим еще некоторые особенности в грамматической характеристике глагола в словаре Грота. Среди глаголов движения, относящихся к несовершенному виду, выделяются глаголы краткого и некратного подвидов. В Словаре Грота различаются эти видовые оттенки в глаголах движения, чего не делал Словарь 1847 года. Эти парные глаголы получают в словаре помету «гл. движения однообразного» или «гл. движения разнообразного»,[167] причем при каждом из них делается взаимная отсылка на другой глагол: сравни глагол такой-то. Например: *Бежать...*, гл. движения однообразного. Ср. *бегать* (см. также глаголы *вести, весть* (1 и 2) — *водить; брести, бресть* — 1. *Бродить; везти, везть* — *возить; гнать* (1 и 6) — *гонять; валить* — *валять*).

Нормативным целям словаря отвечал и показ особенностей управления того или иного слова. При некоторых именах существительных, прилагательных, даже наречиях, управление указывается местоимением с предлогом или без него (реже с помощью одних предлогов): *Алчность* (чего, к чему); *благоговение* (к кому, к чему или перед кем, перед

[167] Эта терминология, как и само определение глаголов однообразного и разнообразного движения, взяты у Павского (*Павский Г.* Филол. наблюдения. Рассуждение 3-е о глаголе. СПб., 1842. С. 4), о чем говорится и в словаре Грота в примечании к слову *брести*.

чем); *близость* (к кому, к чему, 2 знач.: к кому или с кем); *восприимчивость* (к чему-либо); *близкий* (к кому, к чему); *вредный* (кому, для кого); *верный* (1. кому; 2. чему); *годный* (с предлог.: к, для, на) и т.п.

После некоторых слов в словаре помещаются особые, печатаемые мелким шрифтом, примечания.[168] в которых разъясняются вопросы формы, правописания, произношения, происхождения слов, их употребления и т.п. Такие примечания можно найти, например, при следующих словарных статьях: *абонировать, абсентеизм, адмиральский, апоплексический, армажный, барашек, бог, бечева, видный, ворота, выглядеть, документ, дешевка, должный* и др.

Отдельные грамматические формы, то или иное правописание или произношение слова и т.п. получили в словаре Грота оценочный характер: указывалось, какая форма слова является более употребительной, иногда очерчивалась стилистическая сфера употребления какой-либо формы слова, делалось замечание о том, какое произношение или правописание слова из двух его вариантов следует признать нормативным и употребительным в языке, какое устарело и поэтому должно быть признано неупотребительным и т.п.

Нормативным целям отвечает обязательная постановка ударения при каждом слове, а также при тех его формах, которые имеют двойное ударение: род.п. ед.ч. и указания рода при существительных и т.п., форм слова, уклоняющихся в своем образовании от общих правил; показ синтаксических возможностей слова: обозначение управления при существительных, прилагательных, особенно при глаголах; замечания о правописании и произношении отдельных слов; справки этимологического характера и т.п.

Со стороны критики грамматическая сторона словаря Грота не вызвала каких-либо серьезных, принципиальных возражений. Грамматическая характеристика слов в словаре Грота, опираясь на достижения передовой лингвистической мысли, соответствовала уровню научной разработки русского языка своего времени.

В словаре Грота, по мнению акад. В. В. Виноградова, «выработана стройная система грамматических объяснений, принятая в основном (кроме обозначения залоговых различий глаголов) всеми последующими толковыми словарями русского языка. Обозначено управление глаголов. Указываются видовые варианты глагола. Делаются необходимые ссылки на грамматические формы слова».[169]

Критика единодушно подчеркивала своевременность появления академического словаря русского языка.[170]

---

[168] Такого рода примечания к слову не делались в предшествующих трудах академической лексикографии, их нет в Словаре 1847 г., но они иногда встречаются в Словаре Даля.

[169] *Виноградов В. В.* Русская наука о русском литературном языке. // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 106. Т. III. Кн. I. С. 76.

[170] См. рецензии на словарь русского языка Грота А. Пыпина (Вестник Европы. Сент. 1892. С. 306), А. О-ского (Образование. 1892. № 2. С. 176), А. Б. (Славян.

Большинство рецензентов давало словарю Грота положительную оценку. А. Пыпин писал: «Правила, принятые редакцией Словаря, вообще весьма целесообразны — при том ограничении его цели, каким вообще определено его содержание».[171] Единодушное одобрение со стороны критики вызвало разделение в словаре церковнославянской и русской лексики.

Д. Никольский желал видеть в издаваемом Академией труде прежде всего словарь современного русского литературного языка нормативного типа, являющегося «настольною книгою, по которой можно было бы учиться правильно говорить и писать». «Примеры и выписки из произведений наших писателей должны быть направлены к той же цели: их следует подвергнуть самому строгому выбору и те из них, которые не могут считаться образцовыми по языку, хотя бы и принадлежали выдающимся писателям, могут быть помещены в словаре с объяснением, в чем их недостатки».

Д. Никольский возражал против включения в словарь общеупотребительного литературного и делового языка со времен Ломоносова (что было предусмотрено программой словаря), так как в этом случае в словарь попали бы и слова прошлого XVIII в., не употребляющиеся в современном для того времени языке. В словаре Грота соединены, — как отмечает Д. Никольский, — «два разнородные элемента языка: его прошлое и современное состояние, вследствие чего он не может быть причислен ни к типу словарей современного языка, ни к типу исторических словарей».[172]

Д. Никольский осуждал составителей словаря за то, что они не решились взять для своего труда исключительно современный язык, т.к., с его точки зрения, ощущается необходимость, в первую очередь, в такого рода словаре.

Акад. А. И. Соболевский в своей рецензии на словарь отмечал, что объем словаря русского языка Грота определен «не совсем удачно», т.к. Академия задалась целью дать не простой словарь современного литературного и делового языка, а исторический, в котором современный словарный материал был бы прослежен по произведениям писателей и ученых XVIII и XIX вв., начиная с Ломоносова. В действительности же словарь Грота, по мнению Соболевского, не получился историческим, о чем свидетельствует «скудность примеров из сочинений и переводов XVIII и первой четверти XIX в. (особенно прозаических), а представляет собой «простой словарь русского языка наших дней, но с значительною примесью слов, не находящихся теперь в общем употреблении».[173]

А. Пыпин выступал сторонником исторического словаря, но, пока появится такой труд, он желал бы, чтобы в издаваемый Академией

обозрение. 1892. № 2. С. 238), М. А. (Русская школа. 1892. № 5–6. С. 249–250), В. З. (отова) (Исторический вестник. март 1892. С. 827).

[171] Вестник Европы, сент. 1892. С. 304).

[172] Филол. записки. 1893. Вып. V–VI. С. 12.

[173] Живая старина. 1892. Вып. II. С. 123.

словарь «общеупотребительного» языка был введен до некоторой степени исторический элемент, т.к. «во многих случаях только история слова дает полное понятие о развитии его значений».[174]

Я. К. Грот внимательно следил за всеми выходившими на словарь отзывами. Работая над последующими буквами словаря, он учитывал замечания критики, а также делал сам дополнения и поправки к уже изданным выпускам словаря. Об этом свидетельствует сохранившийся в Архиве АН СССР экземпляр Словаря русского языка[175] с замечаниями на полях или на чистых вложенных листах, сделанными Я. К. Гротом.

Словарь русского языка, т. I, А–Д, 1891–1895 гг. гротовской редакции явился новым этапом в развитии русской лексикографии.

Историческая ценность и значение словаря состоит в том, что он представляет первую весьма удачную попытку создать словарь русского литературного языка толкового типа, опирающегося прежде всего на образцы произведений художественной литературы конца XVIII и XIX вв.

По словам акад. В. В. Виноградова, Словарь русского языка Грота явился «самым замечательным и самым ценным начинанием этой эпохи (второй половины XIX в.) в области изучения литературной лексики».[176]

«Шахматовская редакция» Словаря русского языка

Выбор путей исторического развития отечественной лексикографии, поиски новых типов словарей и способов совершенствования словарного описания слова невозможны сегодня без осмысления такого лексикографического труда как Словарь русского языка «шахматовской редакции». Возникнув на стыке веков, «шахматовская редакция» вобрала в себя наивысшие достижения русской лексикографической мысли XIX в. и тем самым завершила собой определенный исторический этап в развитии словарного дела в России — эпоху «дошахматовской» лексикографии. Одновременно с этим «шахматовская редакция» заложила основы современной системы различных словарей, охватывающих русский национальный язык в его хронологической, географической и функционально-стилистической целостности. В самом деле, появление на свет таких типов словарей, как словари общелитературного языка (БАС), сводных терминологических и диалектных словарей (СРНГ), словарей языка писателя (Словарь языка А. С. Пушкина, Словарь автобиографической трилогии А. М. Горького), ежегодников «Новое в русской лексике. Словарные материалы» и др. было в значительной степени предопределено идеями шахматовской лексикографии.

[174] Вестник Европы. Сент. 1892. С. 312–313.
[175] Этот экземпляр хранится в Архиве АН, ф. 9, оп. 4, № 24.
[176] Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 106. Т. III. Кн. I. С. 116.

В современном фонде лингвистических знаний накоплено немало разнообразных и по своему достаточно полных сведений об этом уникальном памятнике русской лексикографической мысли, дающих более или менее целостное представление об истории создания и эволюции словаря,[177] его теоретической концепции.[178] и поаспектных характеристиках[179] Однако семантическая концепция словаря остается и по сей день не вполне изученной и не до конца понятой. Информация о способах решения кардинальных проблем лексикографической семантики оказывается слишком фрагментарной для того, чтобы отчетливо представить себе, каким образом основополагающие принципы этого издания: идея «словарного богатства русского языка» и идея «речетворчества» (или динамизма языковых изменений) преломлялись в архитектонике всего словаря и в каждой из его статей в отдельности.

История создания II тома Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук (под редакцией А. А. Шахматова)

В 1894 г. председатель Отделения русского языка и словесности А. Ф. Бычков пригласил А. А. Шахматова в Академию в качестве адъюнкта. 17 декабря 1894 г. молодой ученый впервые принимал участие в заседании Отделения русского языка и словесности. В отчете о деятельности за этот год отмечалось: «Избрание нового члена... должно послужить к ускорению выхода словаря современного языка, в котором так нуждается образованное общество, ибо после 1847 г. мы не имеем словаря».[180] Как известно, Я. К. Грот (редактор 1-го тома, умерший

[177] *Истрина Е. С.* А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ. М., 1946. Т. V. Вып. 5.; *Чмыхова Н. М.* Теоретические основы, источники и история создания «Словаря русского языка» под ред. А. А. Шахматова // Уч. зап. Балашовского гос. пед. ин-та. Ист.-филол. серия. 1957. Т. II; *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958; *Шиманская И. Н.* «Академический словарь русского языка» / Под ред. А. А. Шахматова. — Дисс. канд. филол. наук. Л., 1964; *Логинова К. А. и Пеньковская Н. П.* Словарная картотека в период деятельности Постоянной словарной комиссии при АН СССР (20-е–30-е годы, по архивным материалам) // Практическая лексикография: 100 лет Словарной картотеке / Отв. ред. Р. П. Рогожникова. М., 1989.

[178] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии; *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка; *Ковтун Л. С.* Основная идея шахматовской лексикографии // ВЯ. 1971. № 2.

[179] *Чмыхова Н. М.* Принципы построения словника и смысловая характеристика слов в «Словаре русского языка» под ред. А. А. Шахматова // Уч. зап. Балашовского гос. пед. ин-та. 1958. Т. 4.

[180] Все архивные документы цитируются здесь и далее по работам Н. М. Чмыховой и И. Н. Шиманской. — См. Чмыхова Н. М. Теоретические основы, источники и история создания Словаря русского языка под ред. А. А. Шахматова. С. 268.

в 1893 г.) не оставил после себя определенной программы нормативного словаря русского литературного языка (от Ломоносова до конца XIX в.), который был задуман им. Вместе с тем опубликованные выпуски содержали в себе немало отступлений от общего первоначального замысла. Но редактора II тома заботили не только они: Шахматов не разделял самой концепции этого научного предприятия. Поэтому 7 января 1895 г. Шахматов впервые выступает на заседании ОРЯС с «Запиской об издании Словаря русского языка», где дает оценку сделанного и намечает контуры нового плана. Главное достоинство словаря, по мысли Шахматова, в «его полноте — абсолютной или относительной, а это стоит в зависимости от объема и состава источников словаря».[181] К приходу Шахматова для работ по II тому и остальным томам в распоряжении Отделения были лишь листы Словаря Академии 1847 г. с дополнениями от Словаря Даля (до буквы Т включительно), отдельные и весьма нерегулярные выписки из произведений писателей и выдающихся русских ученых, общественных деятелей (преимущественно второй половины XIX в.), а также два словарика писателей к произведениям М. В. Ломоносова (Н. А. Смирнова) и произведениям И. А. Крылова (В. И. Срезневского).[182] Поскольку каждое слово, каждый оборот или выражение, по мнению А. А. Шахматова, должны быть строго документированы ссылками на памятники, он считает необходимым существенно расширить круг писателей, сохранив при этом гротовскую иерархизацию имен. В первую группу включались имена авторов, лексика которых должна была быть исчерпана полностью (Пушкин, Крылов, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Л. Толстой, Аксаков, Островский, Тургенев и др.). В этих целях предполагалось составить сначала полные словари их произведений. В качестве образца Шахматов сначала предложил свой словарик к «Горю от ума» Грибоедова. Писатели второй группы были призваны лишь для выборочного извлечения языкового материала по представленной редактором и утвержденной Вторым отделением программе (среди них оказались Батюшков, Некрасов, Киреевский, Грановский, Хомяков, Языков, Белинский, Катков, Добролюбов, Писарев и др.). Первоначальный список авторов насчитывал всего 53 фамилии. Однако несмотря на свою ограниченность, он покрывал собою широчайший спектр литературных жанров и функциональных стилей: художественную прозу, поэзию, публицистику, критику, духовную литературу. Свое представительство в нем получили по существу все значимые течения общественной мысли России второй половины XIX в. Таким образом, не меняя еще кардинального замысла своего предшественника, Шахматов шел по пути расширения и углубления эмпирической базы словаря. При этом, как видно из источников, он заметно сузил хронологические рамки словаря, приблизив его к современности (нижней точкой отсчета стал не Ломоносов, а Пушкин). В

[181] *Шиманская И. Н.* «Академический словарь русского языка» под ред. А. А. Шахматова. С. 61.
[182] Там же. С. 6–7.

апреле 1895 г. отдельным оттиском напечатаны составленные Шахматовым образцы будущего словаря русского языка на слова *живой* (с наречием *живо*), *жизнь* и *жить*, обнаруживающие явную тенденцию отойти от механического объединения Словаря Академии 1847 г. с материалами Словаря Даля. Уже пробные словарные статьи воплотили его усилия систематизировать материал выписок из произведений писателей первой группы в соответствии с собственными представлениями о будущем словаре и научными установками на объективное воспроизведение реальных фактов словоупотребления, на их документированность, способную заменить нормативные рекомендации Я. К. Грота. Характер источника, по представлению А. А. Шахматова, сам по себе указывает на то, насколько слово или его применение в контексте речи достойно подражания. В образцах впервые приводятся параллели из других славянских языков. Смысловая структура избранных слов отличается полнотой охвата значений и их филиаций, дробностью (нередко чрезмерной) семантических делений, богатством фразеологических сочетаний и обилием иллюстраций. Каждое слово снабжено орфоэпическими и грамматическими пометами, ориентированными на узус их применения в различных функционально-стилистических сферах. Это была реальная заявка на новый тип словаря. Образец был одобрен Ф. Ф. Фортунатовым и членами Второго Отделения. Однако сам Шахматов испытывал неудовлетворение по поводу опубликованных словарных статей. Причиной сомнений оказывались историко-диалектологические устремления ученого, побуждавшие его к поиску иных путей улучшения программы словаря.

Еще в 80-е годы XIX в. в университете А. А. Шахматов вынашивал идею создания исторического словаря русского языка, в обсуждении которой принимал участие И. В. Ягич. Тогда же будущий ученый начал собирать и первые исторические сведения для своего словаря, привлекая к работе И. И. Козловского и В. Н. Щепкина. В рукописи «Материалов для исторического словаря древнерусского языка», хранящейся в архиве, широко представлены извлечения из грамот и летописей. Знаменателен в связи с этим тот факт, что едва ли не сразу после прочтения своей Записки, провозглашавшей, казалось бы, сужение хронологических границ словаря, Шахматову приходит мысль о привлечении материалов XVIII в., о чем он тут же сообщает в письме Ф. Ф. Фортунатову от 17 января 1895 г. Историческими интересами Шахматова объясняется во многом и его тяга к диалектологии, также отчетливо проявившаяся уже в студенческие годы. Как известно, он активно собирал сведения по русским диалектам. Недаром в составе источников словаря фигурируют и «Областные слова записанные А. А. Шахматовым в Калужской губ.». В 1886 г. по просьбе Е. И. Якушкина он подготавливал «Программу для собирания особенностей народных говоров», касающуюся окающих районов России. Осенью 1895 г. после соответствующей обработки она была разослана по всей территории северно-русских говоров. Изучение живых говоров, дававших богатейший материал по

современной разговорной речи, с одной стороны, и обследование памятников русской письменности, с другой, увязывались А. А. Шахматовым в единую концепцию исторического развития языка, которую он и стремился воплотить в своем будущем словаре. Таким образом, к ноябрю 1895 г. в представлениях Шахматова обнаруживается явная тенденция к расширению как временных, так и пространственных границ словаря. Ее можно было бы сформулировать как «назад к Ломоносову» и «вперед к живому великорусскому языку». Тем самым был выдвинут принцип изучения русского национального языка в единстве его книжной и разговорной форм. Отступление от провозглашенной ранее установки на ограничение круга источников словаря исключительно авторами второй половины XIX в. отнюдь не означало исторической переориентации словаря, призванного отразить современное состояние языка русской нации. Дело в том, что историческая преемственность в развитии русского языка XVIII–XIX вв. не могла, вероятно, не сказаться на формировании представления о хронологических границах самого понятия «современность» применительно к тому языку, который получал свое отражение в словаре русского языка, чем, по-видимому, и объясняется наличие ссылок на произведения Ломоносова и других авторов предшествующей эпохи в словарных статьях шахматовских выпусков.

Итак, 16 ноября 1895 г. А. А. Шахматов читает новую Записку о программе «Словаря русского языка», в которой решительно высказывается в пользу «словаря всего живого великорусского языка со всеми говорами его»,[183] поскольку язык писателей, по его мнению, лишь подспорье при определении значения слов и их употребления. Таким образом Шахматов поддерживает ориентацию В. И. Даля на «живой языковой организм». «Зачем же избегать личной с ним встречи... и стремиться к знакомству с ним через посредство третьих лиц — наших писателей? — спрашивает он. — Все русские слова, насколько их значение и употребление известно Отделению... должны войти в словарь и найти там объяснение».[184] В отчете о деятельности ОРЯС за 1896 г. засвидетельствовано решение Отделения о расширении первоначальной программы словаря за счет введения в него «народного элемента». Доводы А. А. Шахматова (они будут опубликованы затем в Предисловии ко второму тому Словаря) были признаны Отделением убедительными. Отделение русского языка и словесности отказалось «от деления русского языка на языки — общерусский, употребляемый в России, и областной, имеющий местный характер»[185], поскольку «ряд слов, употребляемых в языке письменном, носят сами ясный отпечаток местного происхождения (паук, земляника, бороновать, пахать, брюква, ботва

[183] *Шиманская И. Н.* «Академический словарь русского языка» под ред. А. А. Шахматова. С. 29.

[184] *Чмыхова Н. М.* Теоретические основы, источники и история создания «Словаря русского языка» под ред. А. А. Шахматова. С. 272.

[185] Словарь русского языка, составленный II Отделением Императорской Академии наук. СПб., 1907. С. VI.

и т.д.)».[186] Так возник и оформился замысел словаря-сокровищницы языка русской нации на современном этапе его развития. Идея тезауруса не была шахматовским открытием. В истории русской лексикографии известны и другие высказывания этого плана. Мысль о полном словаре звучала в свое время при обсуждении Словаря Академии Российской 1789–1794 гг., ее разделял П. И. Соколов — автор Общего церковно-славяно-российского словаря и современник В. И. Даля академик А. Пыпин; наконец, та же идея владела и самим В. И. Далем. Однако на практике ни один словарь не реализовал ее в том объеме и с той последовательностью, с которой она осуществлялась в выпусках Словаря русского языка (под редакцией А. А. Шахматова). В 1897 г. вышел в свет первый выпуск словаря (Е — Железный — IV выпуск II тома с начала издания). С этих пор выпуски издавались регулярно вплоть до 1917 г., когда работы по словарю были приостановлены. Самим Шахматовым было подготовлено 9 выпусков словаря: Е — Железный, 1897; Железный — За, 1898; За — Заграчить, 1899; Заграять — Закреплять, 1900; Закреплять — Заносить, 1901; Заносить — Засада, 1902; Засада — Заудиться, 1903; Заудок — Зелье, 1905; Зельецо — Зятюшко, 1907. В 1907 г. А. Шахматов практически отошел от лексикографической деятельности. Еще в 1902 г. в качестве соредактора был приглашен С. К. Булич (буква И). В 1905 г. — Д. К. Зеленин (буква К), в 1912 г. — С. П. Обнорский (буква Л) и П. Л. Маштаков (буква М), в 1913 г. — В. И. Чернышев (получивший материал с «Не»), в 1914 г. — Д. В. Бубрих (буква О). Начиная с 1908 г. выпуски продолжали выходить под общей редакцией Шахматова, которая перешла впоследствии в руки П. Л. Маштакова. Возобновление редакционно-издательской деятельности падает на послереволюционное время. В 1921 г. была учреждена Комиссия по составлению словаря, названная в 1925 г. Постоянной Словарной Комиссией при ОРЯС АН СССР. В 1922 г. опубликован первый выпуск слов на И. В общей сложности Словарь русского языка насчитывает 24 выпуска, включая отдельные выпуски на И — Н.

Надо сказать, что изменение программы Словаря вызвало и немало неодобрительных откликов. Так, например, И. В. Ягич решительно возражал против столь несоразмерного вливания в словарь областной лексики, так как последняя, по его мнению, составляет объект областной лексикографии. Сотрудник словаря В. Н. Бельский, со своей стороны, считал нецелесообразным введение в Словарь элементов индивидуального словотворчества типа зафинтикуляпина, запиндрючить, запузырить, разводить антимонии и т.п. В своих «Замечаниях», помещенных в «Материалах для словаря русского языка», он упрекал Шахматова в порче родного языка.[187] Подобные претензии предъявлял Шахматову и Н. А. Антонович, недоумевавший по поводу засорения словника словами, «испорченными» людьми малограмотными или грешащими против

[186] Там же. С. VI.

[187] *Шиманская И. Н.* Академический словарь русского языка под ред. А. А. Шахматова. С. 36.

правил грамматики.[188] При этом явное неодобрение вызвал и отказ редакции от нормативно-стилистической квалификации словоформ, о чем со всей прямотой заявил И. Х. Пахман в своей статье «План нового академического словаря с точки зрения иноязычного». Читателю, по мнению И. Х. Пахмана, необычайно трудно установить самостоятельно границу между литературным и областным, грамматически правильным и неправильным употреблением.[189] С этим доводом был согласен и И. В. Ягич.

Отвечая на критические замечания оппонентов, Шахматов последовательно отстаивал свою лексикографическую концепцию. В статье «Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана» он подчеркивает, что Академия не вправе узаконивать те или иные языковые факты; она может лишь констатировать употребление какой-либо формы и ее реальное предпочтение сравнительно с другой формой.[190] Даже порча языковых форм, как считал Шахматов, подчиняется своим весьма определенным законам. Идея научного (объективного) представления языковых фактов в словаре, проводимая Шахматовым в противовес их нормативно-стилистической интерпретации, отвечала распространенной в конце XIX в. точке зрения о том, что лингвист, подобно ботанику, имеет право лишь объективно отражать языковые явления, не рассуждая об их красоте и уродстве.

Источники «Словаря русского языка» и принципы их использования

Принцип научности в подходе к языковым фактам, который отстаивал А. А. Шахматов в своем словаре, связывался с установкой на объективность их отражения. Основой же объективности, по мнению ученого, служил узус словоупотребления в устной и письменной речи носителей языка. Такая позиция автора словаря предъявляла новые требования к принципам формирования эмпирической базы. Отбор источников, положенных в основу шахматовской редакции, подчинялся идее исчерпывающей полноты словника и был ориентирован не на литературный язык, как у Я. К. Грота, а на живой язык русской нации, в основе которого, по представлениям Шахматова, лежала его разговорная разновидность. Указатель источников (изданный под редакцией Шахматова) включает около 660 единиц, не считая газет и рукописных материалов. Следует отметить, что изменения в области эмпирической базы словаря не сводились лишь к наращиванию количественного состава источников литературного языка, хотя и этот факт уже сам по себе свидетельствовал о принципиально ином уровне ее подготовки. При А. А. Шахматове не просто продолжалась работа, проведенная сотрудниками Я. К. Грота по выборке цитат из сочинений

---

188 Там же. С. 36.
189 Там же. С. 35–36.
190 Там же. С. 37.

русских писателей, ученых и общественных деятелей XVIII–XIX вв., этот процесс был заметно интенсифицирован. Даже намеченный им самим же первоначальный список авторов художественных произведений был расширен (с 53 до 120). Помимо этого в словаре использовано свыше 160 научных сочинений, написанных специалистами различных отраслей знаний (А. Н. Бекетовым, Д. И. Менделеевым, К. А. Тимирязевым, С. П. Боткиным, Ф. И. Буслаевым, Е. Ф. Будде и др., не говоря уже об учебниках для средних и высших школ). В дополнение к ним было привлечено более 240 работ по проблемам диалектологии и этнографии. Не менее значимую роль в создании эмпирической базы шахматовской редакции играли и словари. В распоряжении Шахматова был фундаментальный справочный аппарат, состоявший из толковых словарей (Словаря Академии 1847 г., Словаря Даля), специальных энциклопедических словарей (Ботанический словарь Н. И. Анненкова 1878 г., Морской словарь А. С. Шишкова 1838 г., Юридический лексикон Я. Гурлянда 1887 г., Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного (в 2 т.) В. Бурнашева 1843–1844 гг., Словарь Брокгауза и Ефрона и др.), областных словарей и сборников местных слов (Опыт областного великорусского словаря 1852 г. и Дополнение к нему 1858 г., словари В. Н. Добровольского — по Смоленской губернии, Г. И. Куликовского — по олонецкому наречию, А. И. Подвысоцкого — по архангельскому наречию и др.), этимологических словарей и словарей иностранных слов, двуязычных и трехязычных лексиконов (Н. В. Горяева, Словарь польского языка Линде, Российско-французо-немецкий словарь Гейма) и пр. Лексикографические труды активно использовались в издании для пополнения словника, уточнения дефиниций, разработки системы типовых определений, расширения иллюстративного материала. Только из Словаря Академии 1847 г. по одной лишь букве Е было введено в состав около 340 (из 453) слов, т.е. приблизительно 75 % словника.[191] Из Словаря Даля заимствуются целые пласты областной, разговорно-просторечной и профессиональной лексики (Заватлать, Жемерина, Жемыхаться, Ерзала, Загребала, Забесноваться, Завалюга, Загреби, Железопыльник и др.). С небольшими изменениями попадают в шахматовские выпуски даже целые словарные статьи этого словаря (см. *Единодушествовать, Есаулить, Желвачистый, Ерохвостить, Ерофейничать* и др.). В изобилии входят в новую редакцию Словаря академии собранные В. И. Далем пословицы, поговорки, прибаутки и др. материалы из жанров устного народного творчества. Однако значение словарей в ходе подготовки задуманного Шахматовым издания не ограничивалось сугубо прагматической целью использовать их в качестве лексикографического источника. Именно они оказали весьма заметное влияние на сам процесс формирования шахматовской концепции в целом и облик словаря в частности. Это относится не только к идее словаря как «сокровищницы языка»,

[191] Все статистические данные, касающиеся состава словника, приводятся здесь и далее по результатам подсчетов Н. М. Чмыховой и И. Н. Шиманской.

но и к идее «историзма словаря, повернутого к современности», на которые был ориентирован Словарь Академии 1847 г. Эта же установка поддерживалась и тенденциями развития европейской лексикографии, например, Словарем E.Littré (Dictionaire de la langue franc ,aise. Paris. 1873), воспроизводящим современное употребление, начиная с классического периода и «включающим прошлое повсюду, где оно проливает свет на настоящее»,[192] а также Словарем современного немецкого литературного языка M.Heyne (Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1889–1894 г.) с его иноязычными параллелями и этимологическими справками.

Изменения в области создания эмпирической базы словаря затрагивали и глубоко содержательные аспекты (расширение типологии источников, актуализацию нетрадиционных для лексикографии того периода материалов и др.), заметно сказавшиеся на объеме и составе словника, организации системы значений в структуре словарной статьи, способах иллюстрирования значений и т.п. Словарь ввел, к примеру, в лексикографический оборот такие типы источников, как периодика (в опубликованном списке около 40 периодических изданий: «Живописец» Н. И. Новикова 1772–1773, «Зеркало света» Ф. О. Туманского и И. Ф. Богдановича 1786–1787, Журнал Министерства Народного Просвещения, Губернские Ведомости 19 губерний России и пр.); духовные произведения (сборники духовных стихов, собранных Н. И. Барсовым, В. Варенцовым, Решения Сената, а также сочинения известных церковных деятелей; рукописные материалы (Труды и Архивы Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии, Российского Географического общества и др.); анкетные данные (112 ответов, полученных на Программы для собирания особенностей народных говоров, изданные Отделением).

Формирование эмпирической базы Словаря, таким образом, подчинялось идее всеобъемлющего охвата языка русской нации на современном (для создателей нового труда Академии) этапе его функционирования, причем с прояснением исторических корней этого языка. В этой идее совмещены две творческие стихии родного языка: стихия книжности, представленная в словаре языком художественного творчества, языком деловой письменности, языком науки, богословия и стихия разговорности, которая охватывает обиходно-разговорную, народно-разговорную, жаргонную и профессиональную речь, включая и речь индивидуальную (ср. признание С. К. Булича по поводу записанных им слов зафинтикуляпина и зафинтикуляпистый, принадлежавших якобы одному плотнику).[193] Именно Шахматовым были разработаны основы словарной обработки литературного источника и принципы организации академической картотеки в виде алфавитного собрания извлечений из памятников русской письменности, ответов корреспондентов, записей устной речи. В картотеке Большого Академического Словаря

---

[192] *Шиманская И. Н.* «Академический словарь русского языка» под ред. А. А. Шахматова. С. 15.

[193] Там же. С. 36.

ИЛИ РАН сохранились образцы таких извлечений, сделанных рукою А. Шахматова.

Научный подход к формированию эмпирической базы словаря и его справочному аппарату, расширение круга источников и накопление языкового материала кардинально изменили и принципы иллюстрирования слова в словаре. В догротовской лексикографии цитата оказывалась лексикографической редкостью: основным средством иллюстрации слова выступало речение. Еще в Словаре Академии 1847 г. литературные примеры крайне нерегулярны и весьма скудны из-за ограниченного круга цитируемых авторов. В I томе Словаря академии под ред. Я. К. Грота впервые в истории русской лексикографии каждое по сути слово имеет оправдательные примеры из произведений как лучших, так и второстепенных писателей, сочинений общественных деятелей и ученых, из произведений устного народного творчества. Объектом иллюстрирования в шахматовской редакции объявлялось уже не слово как таковое, а отдельное словоупотребление, что способствовало весьма заметному увеличению числа цитат. Причем выписками из утвержденного Отделением списка источников должно было сопровождаться, по идее, любое словоупотребление, независимо от его временного функционально-стилистического или ареального статуса. Цитатами в шахматовских выпусках подтверждены не только значения слов или их семантические филиации, но и варианты слова (акцентологические, орфоэпические, морфологические и словообразовательные), грамматические особенности его функционирования (безличные и страдательные формы глаголов, употребление наречий и прилагательных в роли сказуемого, лексикализация множественного числа существительных и т.п.), функционально-стилистические различия словоупотреблений и даже устойчивые словосочетания, которые уже сами по себе представляют готовую иллюстрацию-речение (ср. ***европейская женщина, европейское равновесие, ежова голова, ежовые прижимки, единство власти, единство единоначальствования*** и т.п.). Перевес цитатного материала над речениями, еще не столь очевидный в томе, изданном под ред. Я. К. Грота, проявился в выпусках А. А. Шахматова со всей своей очевидностью. Документирование словоупотребления в шахматовской редакции словаря было направлено на описание полифункциональности языка, обслуживавшего социальные потребности нации, на отражение его хронологической многослойности и ареальной неоднородности. Ярким примером тому может служить распределение иллюстративного материала в слове Единый. Как полифункциональное слово оно сопровождается примерами словоупотреблений из книжной и разговорной речи, как общенародное слово — литературными и областными извлечениями, как хронологически маркированное слово — материалами русской книжности, начиная с Собрания 4 291 древних Российских пословиц (1770) и кончая авторами второй половины XIX в. Ср.: ***Единый***... I. В книжной речи. 1. В оборотах и выражениях, заимствованных из церковнославянского языка; один, один только. Цитаты: Собр. др. посл. 1770, Тург., Лерм., Гог. // ***Единый Бог*** противоп. многим богам;

единое Божество — многобожию. Цитаты: Пушк. и Леск. Единый вм. е-ый Бог с цит. Печер. // *Единая святая, соборная и апостольская церковь* с цит. Филарета // В выражениях, заимствованных из Св. писания. Цитаты: Пушк., Жук., Л. Толст., Остр., Дост. // У церк. писат. единый вм. один, в значении: нераздельный, общий, цельный. Цитаты: Филарета и Никанора. // То же у светских писателей, причем единый, прилагаясь к словам, означающим понятия отвлеченные, значит `один только´, а нередко однозначаще и с `единственный´, `одинаковый´. Цитаты: Болтина, 4 Пушк., Л. Толст., 2 Вяз., Тург., Фонвиз., Полеж., Держ. // В финансовой науке проект или теория единого налога ... с цит. Янжула. «Основные начала финансовой науки», 1890 // Единый с кем или с чем — тождественный с цит. Костомарова. 2. Стар. Некоторый с цит. М. Щербатова «История России». 3. В народной поэзии и заимствованных из нее оборотах. Цитаты: Кирши Данилова и Гильф. II. В разговорной речи. 1. Единый особенно часто заменяет «один» после предлогов, при чем значение единичности вследствие этого усиливается. Ср. в особенности оборот: все до единого или до едина. Цитаты: 2 С. Акс., 2 Тург., 3 Гог., Гильф. и Пермск. сб. 4. Единая у охотников до выпивки с подразумеваемым сл. рюмочка. Цитаты: Семенова, Остр. и областные материалы.

Таким образом, все источники картотеки получали равные права на свое представительство внутри словарной статьи: как письменные, так и устные, как литературно-художественные, так и публицистические. Более того, документированными оказывались в Словаре не только употребления слов, но и сами дефиниции: все заимствованные из научных или лексикографических трудов определения сопровождаются библиографическими данными.

Наполнение Словаря цитатами в корне изменило характер в целом, сделав его бесценным филологическим справочником — сводом слов и их применений в современном языке русской нации на срезе второй половины XIX в. Богатство цитатного материала способствовало превращению шахматовской редакции в энциклопедию материальной и духовной культуры нации. Историко-культурная и этнографическая струи слились в Словаре воедино, воссоздав многогранную и многокрасочную картину мира в ее сугубо национальном преломлении. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть хотя бы в словарную статью на слово Европейский, в составе которой 11 (из 26) цитат обрисовывают русский быт, нравы и воззрения русского народа в составе европейской этнической общности, а 8 актуализируют его самобытность.

Словник Словаря и его функционально-стилистическая характеристика

Изменение концепции Словаря неизбежно затрагивало все его уровни: от словника до семантики. Однако в теоретическом отношении А. А. Шахматов как редактор второго тома не мог не зависеть от лексикографических принципов, принятых в первом томе Словаря русского языка под ред. Я. К. Грота. Вполне естественно поэтому, что гротовский критерий общеупотребительности в отборе лексики, определивший состав словника в первом томе лексикографического труда, разделялся отчасти и Шахматовым. Однако на практике он оборачивался снятием всех по существу ограничений и заменой критерия общеупотребительности принципом всеобъемлющего охвата словарного состава русского языка второй половины XIX в. Вместе с тем Шахматов вполне отдавал себе отчет в том, что снятие ограничений с таких категорий лексики, как научная терминология может повлечь за собой перерождение филологического словаря в энциклопедический: одна ботаника, по мнению ученого, в состоянии дать до 200 тысяч слов. Поэтому в процессе подготовки выпусков составители все-таки вынуждены были отбирать наиболее употребительные термины, причем прежде всего из учебников и руководств по различным отраслям знаний и лишь потом — из произведений писателей и словарей. Такой подход Шахматова к терминологии вызывал категорическое несогласие специалистов в области языка науки, в частности Н. Е. Васильева, готовившего для словаря естественно-историческую и медицинскую номенклатуру. Н. Е. Васильев считал, что Академический словарь должен давать исчерпывающие сведения о языке науки и содействовать выработке четкой и правильной терминологии. Если «в словарь вводятся слова, употребляемые в каком-либо одном их наших уездов, то очевидно, что и люди науки имеют право на получение того языка, на котором они наполовину говорят ежедневно».[194] Тем не менее Шахматов несомненно способствовал широкому привлечению в словарь специальной лексики, причем вне всякой зависимости от степени ее распространенности. Не пострадали и народные наименования. То же самое произошло и с устарелой лексикой. Вслед за Гротом Шахматов сделал объектом Словаря лишь те устарелые слова, которые встречаются в литературных произведениях. Однако хронологическое возвращение границ словаря к Ломоносову и расширение круга церковной литературы не могло не отразиться на составе лексики и этой категории. Так, например, в словник вошло более 43 % церковнославянизмов только из Словаря Академии 1847 г., причем многие из них даже без пометы церк.: см. единоборец,

[194] Там же. С. 48.

единодушествовать, единствовать и др. (А между тем среди них попадались и явные анахронизмы типа единственный или единитный знак, ежевременный, епистолия, ерихонец и пр.). Надо сказать, что присоединение Шахматова к традициям своих предшественников, например, в плане формирования словника словаря носило, как правило, скорее умозрительный характер. Так, вполне очевидно, что Шахматов разделял взгляды В. И. Даля в отношении народной лексики и жаргонов. Действительно, более половины словника составляют собственно областные слова (включая «испорченные слова иноязычного происхождения» типа: *епутат* 'депутат', *ерой* 'герой', *картофей* 'картофель'), не говоря уже о словах разговорно-просторечного и жаргонного характера: *загадить, залечь* 'лечь спать', *заломить цену, затасканный, заместо, жрать, жор, жопа, жулик* 'ножик', *жулить* 'резать' (из офенского наречия), *канна* 'кабак' (из языка воров), *камчатка* 'задняя парта', *закирпичиться* 'рассердиться' (из школьного жаргона) и др. Вместе с тем Шахматов включает в свои выпуски иноязычную и книжную лексику. Отсюда закономерно последовало и наполнение словника так называемыми потенциальными словами системного характера. Введение недокументированных, искусственных слов тем не менее не отвечало основному принципу шахматовской редакции, ориентированной на узус словоупотребления в языке русской нации второй половины XIX в. Более того, он сам критиковал материалы подобного рода в тексте словаря, редактированном его предшественником (см. слова типа *доспорить* и *достачествовать*, на которые он ссылался). Однако стремление к полноте словника неизбежно влекло за собой помещение в корпусе словаря языковых фактов подобного рода. В результате без каких-либо текстуальных подтверждений или с единичными примерами, весьма далекими от современности и от общего узуса, в выпуски попадали многие из отвлеченных существительных, уменьшительные образования, названия лиц женского пола от мужского, начинательные глаголы, глаголы средневозвратного залога и др. (см. *желчение, забодание, забрыскивание, захирелость, жеребость, жертвовательница, жанрик, завереньице, забезбожничать, забеззаконничать, замяукаться*).

Таким образом, кардинальное отличие шахматовского словаря от всех предшествующих изданий (в том числе и с тезаурусной ориентацией) заключается в том, что он единственный в истории русской лексикографии воплотил в жизнь идею создания «сокровищницы русского языка», собрав в ней с небывалой широтой и относительной полнотой лексику, представленную в языке русской нации (в основном без ограничений хронологического, нормативно-стилистического, ареального или узуального характера).

Своеобразие в формировании словника шахматовской редакции дает о себе знать прежде всего в расширении количественного состава тех разрядов слов, которые традиционно входили в объект лексикографического описания академических словарей: терминологии (так, только на буквы Е, Ж, З терминов насчитывается в 11 раз больше,

чем в Словаре Академии 1847 г. и в 13 раз больше, чем у В. И. Даля), областной лексики (составившей в словаре почти половину словарного состава (см. *жамка-тыква, кабачок; жабрить, жрать, жареница* \`пирог´, *зарод* \`постройка для просушки снопов´, *запрос* \`плата за невесту´, *жалобный* \`милый, дорогой´ и др.), системной (по сравнению со Словарем 1847 г. в него введены: *жеребцовый, женкин, жениховский, забавненький, жавороночек, европеизация* и др.; только образования с приставкой за- образуют по сути 5 выпусков) и даже устарелой, не считая иноязычных заимстований (см. *епрак, ефрейт, жавель, жакет* и др., не представленные у В. И. Даля). Наряду с этим в состав словника введены языковые единицы, не включавшиеся, как правило, в толковые словари русского языка — слова индивидуально-авторского характера (окказионализмы) — плод творчества отдельного человека, независимо от того, принадлежит ли она кругу писателей или рядовых носителей языка (см. *ежеворукавичный* \`реакционный´ у Салтыкова-Щедрина, *европист* с пометой *единоустно* у Гоголя, *евангелизировать* у архиепископа Никанора, *желтоперчаточный* у Буренина, *косноумный* у Вяземского и др., не считая вышеупомянутой *зафинтикуляпины*; ср. также встречающиеся у Я. К. Грота индивидуально-авторские употребления некоторых общеупотребительных слов. С этой категорией лексики Шахматов связывал свои представления о творческих потенциях национального языка, перспективах его развития и возможностях их отражения в процессе лексикографического описания языковых фактов (собственные имена, клички животных, географические названия, названия всех крупных звезд и созвездий). Подобные категории лексики не вносились в первый том словаря, изданный под ред. Я. К. Грота (исключение, как известно, составляли лишь те из них, которые переходили в разряд нарицательных). Надо сказать, что гротовский том получил немало упреков по этому поводу. Достаточно указать на то, что одна лишь группа наименований звезд и созвездий пополнилась в шахматовских выпусках такими единицами, как *Заяц, Змея, Зев Льва, Золотая Рыба, Капелла, Кассиопея* и др., они не представлены ни в одном из предшествующих словарей). Кроме того, в шахматовские выпуски вошли также собственные имена, обозначавшие народные наименования календарных дат(*Евдокии свистухи, плющиха Егорий*), народные прозвища и клички (*Елеся-льстец, Елисей* \`прозвище хитрого человека´, *Емеля* \`врун´, *Епифан* \`глупый, простофиля´, *Жучка, Котофей, Котофеич*), названия материков, городов и других мест, значимых в историко-культурном или этнографическом отношении (*Евразия, Европа, Ерусалим, Заволжье* и пр.), причем большинство из них помещалось в словарь вместе с дериватами (*египетский, ерусалимский, егорьевский, екатерининский, елизаветинский, европеец, европейка, европеянка, ефиоп, ефиопка* и пр.); первые части сложных слов: *желто, железо* и т.п., вводящие целые гнезда одномодельных дериватов; многочисленные фонематические, орфографические и словообразовательные варианты: *заамбонный* и *заамвонный, забалаболить* и *забалабонить, забельботать, забелькотать* и *забельпотать,*

ежегодный и *ежегодний, заболотник* и *заболотень, заботящий* и *заботливый.*

Система стилистических помет Словаря

Идее описания языкового единства нации подчинена и система стилистических помет словаря. По своим интересам Шахматов был далек от стилистики. Ему близка была позиция В. И. Даля, отказавшегося по сути дела от стилистической квалификации слова в словаре. Игнорирование стилистических помет в «Толковом словаре живого великорусского языка» было продиктовано, как известно, стремлением В. И. Даля к намеренному смешению всех стилей речи, в том числе и разговорного и книжного словоупотребления. «Пусть всяк судит и рядит по своему вкусу» — писал он. Противопоставляя нормативно-стилистической ориентации словаря Я. К. Грота свою объективную точку зрения на язык, Шахматов оказывался в какой-то степени единомышленником В. И. Даля. Не случайно в статье «Несколько замечаний по поводу записки И. Пахмана» он указывает, что «словарь должен содержать не плоды сочинительства и «научных» соображений о том, как следует говорить, а такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени».[195] Однако как в сфере формирования словника, так и в области стилистики словаря в шахматовских выпусках было немало отступлений от теоретической концепции в целом. По-видимому, сила лексикографических традиций словарного дела в России, с одной стороны, и жанровое многообразие источников в эмпирической базе словаря, с другой, склонили ученого к частичному пересмотру своих позиций. Как ни парадоксально, но в тексте выпусков Шахматова воспроизведена вся по существу рубрикация стилистических характеристик, принятая в томе Я. К. Грота: экспрессивные (*шутливое, шуточное, ироничное, бранное* и др.); функционально-стилистические (в литерат. яз., в обл. яз., в разгов. яз. и др.) (*стар., устарелое, ц.-слав.*); узуальные (*неупотребительное, редкоупотребительное*), вплоть до рекомендательных, если таковыми можно считать комментарии типа: *Жизнь*... «Следует отметить, что в сл. жизнь — ж. произносится твердо, но и не переходит в ы. Известно и произношение несколько аффектированное жизнь: *Слово жизнь (выговаривай: жызнь) звучало в моей душе*... Тург. Андр. Колос. Впрочем, в обл. говорах произносится *жызнь*. Аффект.: *жжизнь* цит. Салт.». Еще... (произн. ещо). «В былинах, песнях духовных стихах еще, по своему употреблению, оказывается иногда излишним, соединяя два определения и два понятия, а также другие части предложения».

[195] Там же. С. 33.

Более того, не намного отличаются шахматовские выпуски и в количестве помет, встречающихся в томе, изданном под ред. Я. К. Грота. В самом деле, если в Словаре Грота пометой сопровождается каждое шестое слово (по букве Г, например), то в шахматовской редакции текста — каждое седьмое (ср. в словаре Академии 1847 — каждое третье). Несмотря на это, упрек в отказе от стилистической квалификации слова в словаре фигурирует в качестве одного из главных в существующей критике словаря как прошлого, так и настоящего. Достаточно вспомнить высказывание В. В. Виноградова, утверждавшего, что «тонкая работа по разграничению значений, смысловых и стилистических оттенков отходила на задний план при упоре словаря на коллекционирование слов и широкий охват словарных материалов».[196] В чем же тут дело? Оказывается, реализация системы стилистических помет в шахматовской редакции, если принять нормативную точку зрения, приобретала весьма непоследовательный и достаточно случайный характер, поскольку стилистические комментарии давались лишь там, где сами материалы обнаруживали те или иные стилистические нюансы словоупотребления. Поэтому без всякой стилистической квалификации остались в шахматовской редакции обширнейшие пласты лексики, требовавшие с позиций общелитературного (нормированного) словоупотребления, безусловно, соответствующей стилистической маркировки: церковнославянизмы, термины, областные слова и др. единицы словаря (см. *захребетница, зеебахит, зеефакел, звездица, зейгер, зеленение, жеребейное, жупанство* и т.п.).

Нельзя отрицать и того факта, что набор стилистических помет, принятый в шахматовской редакции, подвергся все-таки некоторым сокращениям по сравнению с системой стилистических помет Я. К. Грота. Изменения, внесенные Шахматовым в перечень помет, затронули как книжную, так и разговорную формы существования языка (ср. отсутствие в шахматовских выпусках помет: *канцелярское, деловое* и т.п., с одной стороны, и пометы *просторечное* — с другой). Сокращение набора помет неизменно влекло за собой и расширение диапазона каждой из них. Так, помета *обл.* стала покрывать не только местные наименования, но и фольклорные словоупотребления, а в ряде случаев и языковые единицы широкого распространения, соответственно в словаре стирались границы между лексикой областной и просторечной, областной и простонародной, наконец, просторечной и разговорной.

Самое существенное, однако, в том, что в выпусках шахматовского словаря принципиально изменен характер помет. Как известно, функционально-стилистическая оценка в гротовском словаре направлена на выявление своеобразия слова в системе литературного языка. В отличие от дифференцирующих помет Я. К. Грота стилистические пометы А. А. Шахматова носят обобщающий характер, о чем со всей наглядностью свидетельствует наличие сдвоенных помет типа: *в литерат. и разгов. яз.; в литерат. и обл. яз.* См.: I. Жила... 1. В теле

[196] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка С 233.

животных: вена, артерия, сухожилие и нерв. // Медиц. Ныне в научных сочинениях не употребляется; прежде употреблялось: или исключительно для обозначения вен, напр. воспаление жил: phlebitis; расширение жил: phlebectasia, varicositas (в обширном смысле)..., или с прибавлением слов: «боевая» — для обозначения артерии... // В литерат. и разгов. яз. Цитаты. I. Жатель... То же, что жнец... Употребл. церковн. писателями, в стариннн. литер. яз. и обл. говорах. Безусловно, все это давало основание для упреков в области стилистики, и особенно тем оппонентам Шахматова, которые стояли на позициях словаря общелитературного языка. Этому в значительной степени способствовал и тот факт, что большинство помет в шахматовских выпусках лишены какой бы то ни было нормативной оценки, которой требовали от ученого критики словаря. Функционально-стилистический комментарий, принятый в словаре, отражает то, как говорят в той или иной сфере языкового общения, местности, среде и т.д. Поэтому в отличие от нормативно-стилистических помет Я. К. Грота и других академических словарей, предшествовавших шахматовскому, его пометы носят не законодательный, а узуальный характер. И еще одна особенность функционально-стилистической характеристики слова в выпусках Шахматова. Поскольку большинство слов бралось лексикографом непосредственно из естественной среды их функционирования (церковнославязнизмы — из произведений духовных лиц, термины — из научных сочинений, учебников и руководств, областные слова — из речи деревенских жителей), шахматовские пометы отличаются «источниковедческой» направленностью (ср. пояснения такого типа: *в народной поэзии, у духовных лиц* или *церковных писателей, у школьников* и т.п.). Не случайно наиболее детально в шахматовской редакции разработана система помет, относящаяся к различным отраслям знаний (подъязыкам или подсистемам науки), а помета *в обл. говорах* или *обл. языке* заменяется, как правило, конкретными указаниями на место распространения лексемы. Информация такого рода встречается в шахматовских выпусках наиболее часто.

В то же время Шахматов явился родоначальником и помет принципиально иного качества — так называемых семантико-стилистических помет (переносно и образно), а также некоторых грамматических помет (например, *перех.*). Пометы такого рода не уступают по частотности своего применения функционально-стилистическим пометам словаря. Их введение в научный обиход способствовало формированию современного метаязыка отечественной лексикографии.

Структура словаря и его грамматическая концепция

Грамматическая концепция шахматовской редакции опиралась, главным образом, на традиции предшественников и не подверглась сколько-нибудь существенной реорганизации. В ее основу были положены идеи А. Х. Востокова, уже получившие свое воплощение в Словаре

Академии 1847 г. и в томе, изданном под ред. Я. К. Грота. Не случайно в Предисловии ко II тому, провозгласившему изменение первоначального замысла словаря, вопросы грамматики даже не упоминаются. Однако сугубо прагматические задачи словарного описания лексики самых разнообразных категорий требовали от Шахматова разрешения ряда теоретических проблем, предопределявших во многом развитие русской отечественной лексикографии в последующие периоды.

В самом деле, академические словари 1789–1794 и 1847 гг. разрешили, например, в пользу слова традиционный вопрос любого словаря о границах между словом и словоформой. Критерием разграничения их впервые стал тогда комплексный подход к языковой единице, предполагавший единство лексических признаков и грамматических показателей. В соответствии с этим в качестве самостоятельных единиц языка в словник попали лексикализованные формы, словообразовательные дериваты и варианты (в том числе наречия, видовые пары глаголов, глаголы средневозвратного значения и др.). Такой подход к материалу обнаруживается и в шахматовских выпусках, причем именно в них статус самостоятельных единиц словаря обретают слова с фонетическими изменениями индивидуального характера (регулярные фонетические изменения приводят, по мнению Шахматова, к образованию форм: словообразовательных вариантов и суффиксальных образований: *желаньице, желвачок, жёлтенький, желтёшенек, жбанище* и др.); морфологические варианты, различающиеся своим значением (*запек* и *запека, запон* и *запона*; совпадающие по значению помещаются в одной словарной статье: *жало* и *жала*); многочисленные лексикализованные формы (*жеребейное, желтая, жаркое* и пр.), сложные и сложносоставные слова (*желудочно-кишечный, желудочно-сосудистая* и т.п.). Однако шахматовское восприятие языка как живого организма не могло не сказаться на структуре словаря в целом.

По своей архитектонике словник шахматовского словаря представляет собой систему систем, включающую в себя словарный состав общелитературного языка, собрание областных слов, распространенных на территории России, и коллекцию терминологических единиц, относящихся к различным подъязыкам науки. Организация слов в такой системе подчиняется алфавитному принципу их расположения, поскольку время этимологического или корнесловного словаря, по мнению Шахматова, еще не настало. Избрание алфавитного порядка расположения языковых единиц в корпусе словаря отнюдь не означало категорического отказа от идеи гнездования в целом. На смену словообразовательному гнезду В. И. Даля в шехматовские выпуски пришло «формообразующее» гнездо Я. К. Грота. Это гнездо должно было, вероятно, объединять те языковые единицы, которые занимали еще промежуточное положение между словом и формой в языке названного исторического периода. Недаром в гнездо попадают те же по существу типы языковых единиц, которые представлены в корпусе словаря в качестве самостоятельных слов со своими словарными статьями:

— фонематические и акцентологические варианты слов (преимущественно местного характера: *Жалейка... Жулейка*; Остащ. Псков. *Жалейщик... Жулейщик* (Д). *Жнивьё, ья*, ср.: *Жнивье*; Мещов. (Черныш.), Яросл. *Жневье*.

— грамматические формы слова с особенностями и примерами их словоупотребления (формы причастий и деепричастий, сравнительных степеней прилагательных и наречий и т.п.). *Жаждать... Жаждущий*, ая, ее: *жаждущ*. (цит. Гонч. и Леск.) // Жаждущий как сущ. (цит. Помял.) Ждать... *Жданный* в смысле 'желанный' (цит.) *Ждучи: дожидая, ожидая* (послов. Даля). *Жаркий... Жарче*, сравн. ст. *Жарчее, ей* вм. *жарче*, стар. и обл. *Жарчайший*, ая, ее, превосх. ст. (в знач. сравнит. ст.). *Жарчае*. Стар. То же что жарче.

— формы специализации синтаксического употребления, обычно означающие первоначальную ступень лексикализации, формы безличного употребления глагола, функционирование кратких прилагательных и наречий в качестве сказуемого и т.п. *Жарить... Жарило*, безличн. (цит. В. Марк). *Задергать...* // Безличн. *Задёргало* — рыба начала клевать. *Жалкий... Жалче*, нареч. сравнит. и прилаг. — сказ.

— лексикализованные словоформы (прил. в знач. сущ., прич. в знач. прил. и др.). *Жаберный*, ая, ое. *Жаберныя*, как сущ. Branchiata — одна из двух главных групп членистоногих (Arthropoda) при делении последних на жаберных и трахейных. *Жаропонижающий*, ая, ее. // *Жаропонижающие*, как сущ. *Жарить... Жареный* прилаг. о пище: приготовленный при помощи огня.

— части сложных слов и регулярно образуемые на их основе гнезда сложносоставных слов или словосочетаний (наречия с усилительным значением, наречные существительные с предлогом и т.п.). *Желтоватый... Желтовато* — в словах: сложенных с прилагательными, обозначающими цвет (с перечислением и иллюстрациями последних: *ж.-белый, ж.-золотистый...* — всего 14 единиц).

— однокорневые слова отдельных способов словообразования (наречия на -о, -е, -ски и др.; глаголы совершенного вида при несовершенном, глаголы одного вида, образованные с помощью разных суффиксов, если их значения совпадают, глаголы с суф. -ну и пр., разноприставочные образования и т.п.): *Естественный... Естественно, естественнее*, нареч. 1. Согласно с природою вещей, противоп. «искусственно».

Опираясь на традиции описания грамматических свойств слова в академической лексикографии, Шахматов решительно разошелся в этом вопросе с В. И. Далем, из словаря которого, как уже было отмечено, он почерпнул немало материалов для своих выпусков. Так, например, он вынимает из гнезд такие типы слов, как, например, страдательные формы глаголов (*ерохвостить — ерохвоститься*) или существительные — обозначения лиц женского пола (*жалователь — жаловательница*, выделенные в Словаре Академии 1847 г. и в Словаре Грота самостоятельными словарными статьями). Следует отметить, что выделение зоны переходных грамматических или лексико-грамматических явлений, открытой Шахматовым, будет воспринято

современными толковыми словарями как выдающееся достижение русской лексикографии предшествующей эпохи (ср. наличие в БАС особой зоны для лексикализованных форм, находящихся на начальной ступени семантизации или для словосочетаний, занимающих промежуточное положение между речением и фразеологией, между лексемой и словосочетанием). Таким образом, оставаясь традиционным в области теории грамматики, шахматовский словарь подготавливал почву для современной грамматической концепции описания слова в словаре. В этом плане новаторство Шахматова проявилось и в повышенном внимании к синтаксическим особенностям функционирования слова. Так, впервые в истории русской лексикографии в шахматовских выпусках кодифицировано своеобразие синтаксического употребления слова (ср. пометы: *прилаг.* — *сказ.* или *нареч.* — *сказ.*).

Вместе с тем Шахматов отказался от принятой в предшествующих словарях системы обозначения залогов, что послужило еще одним поводом для нападок на словарь со стороны И. Пахмана. Шахматов признал, однако, критику справедливой. С самого начала работы над словарем он неоднократно обращался к своему учителю Ф. Ф. Фортунатову по всем вопросам, связанным с залоговой характеристикой глагола: какой вид поставить в заголовке словарной статьи, какой терминологией лучше воспользоваться. В октябре 1897 г. Шахматов просит его ответить, какие залоги следовало бы обозначить в словаре: ограничиться ли действительным, страдательным и средним или приводить еще взаимный, общий и т.д. В ближайшем же выпуске лексикограф оставил лишь указание на переходность глагола. В августе 1899 г. Фортунатов передал Шахматову заметку «О залогах русского глагола», идеи которой и были положены в основу аспектуальной характеристики и глаголов в словаре. Шахматов отмечает страдательно-возвратное и переходное значение глагола — правило, ставшее основополагающим для современной отечественной лексикографии.

Безусловно, каждая категория слов имела свой тип лексикографического описания. Однако в самом общем виде словарная статья в шахматовской редакции представляет собой следующую модель:

1. Заголовочное слово.

2. Основные (опорные) словоформы, указывающие обычно на тип словоизменения и частеречную принадлежность. При неизменяемых словах грамматическая информация ограничивается, как правило, указаниями на лексико-грамматический класс и выделяемые в нем подклассы.

3. Зона этимологии и эквивалентности, содержащая: а) указание на словоформу языка-источника, из которого она заимствована, в основном с переводом (для иноязычной лексики); б) указание на производящее слово (для производных). Одновременно она как бы открывает толкование слов данной категории: в) ссылку на инославянские и славянские параллели.

4. Зона толкования.

5. Зона употребления, совпадающая с зоной иллюстративного материала. Здесь размещаются: а) примеры абсолютно свободной сочетаемости (обычно в виде цитат, реже — речений); б) типовая (относительно устойчивая) сочетаемость, не нуждающаяся в толкованиях. Она показывается либо посредством речений, либо выделяется разрядкой и дополняется примерами из различных источников; в) устойчивые (толкуемые) сочетания терминологического и обиходно-бытового характера, иллюстрирующие фразеологическую связанность значений, семантические смещения и т.п.; г) фразеологические сочетания и собственно фразеологизмы.

6. Зона вариантности (в области написания, произношения, грамматических форм и т.д.) или лексикализованных словоформ и частей слов, отличающихся своей семантической, синтаксической и т.п. спецификой (т.е. так называемое формообразующее гнездо).

Семантическая концепция шахматовской редакции Словаря

Как и все другие уровни лексикографического описания слова, семантическая концепция словаря органично сочетает в себе черты лексикографической преемственности и новаторства. Опираясь на традиции русской академической лексикографии XIX в. в области семантики (выработку типологии дефиниций, выбор способов иерархизации значений и словоупотреблений, определение границ между многозначностью и омонимией, показ сферы применения слова и другие семантические параметры словаря), Шахматов давал одновременно толчок новым тенденциям развития отечественного словарного дела, окрепшим в современной толковой лексикографии.

Словарь Шахматова задуман как тезаурус, в котором каждая категория лексики получала свой тип толкования. В нем представлены такие типы дефиниций, как: собственно филологический, состоящий из указания на родовое понятие и видовой признак или признаки (такой тип толкований был принят в словаре для основной массы обиходно-бытовой лексики, причем как общеупотребительного, так и областного характера; ср.: *елочник* 'лицо, занимающееся приготовлением и продажею елок к рождественским праздникам'; *естественный* '1. Физический, производимый самою природою, без участия человека'; *жарить* '1. Подвергать что-либо высокой температуре'; *жарина* 'мелкослойное хвойное дерево'. Смол.; *жареха* — '2. Большая глиняная сковорода различной формы'. Симб. и др.); энциклопедический и описательно-энциклопедический, ориентированный либо на введение элементов чисто научного описания (латинских названий, указаний видовых разновидностей растений, животных, частей тела и т.п.), либо на исчисление признаков реалий и понятий о них; как и во всех предшествующих словарях этот тип толкований распространен в словаре

главным образом среди терминологической и этнографической лексики. Известно, что начиная со Словаря Академии 1789–1794 гг. вплоть до Словаря Грота академическая лексикография считала за правило приведение латинских соответствий при словах названных категорий. Описательно-энциклопедический тип толкований широко использовался в Словаре Даля и был взят на вооружение Шахматовым как один из наиболее частотных типов определения значения слова. Большинство таких определений представляло собой цитату-заимствование из терминологических источников. Ср. *Желудь*... Бот. glans, односемянный плод с деревянистым или кожистым околоплодником, снабженный по основании чешуйками или листоватыми возросшими прицветниками. Желудь собственно (glans) у дуба; орех (nux) у орешника /Бекет./. См. также *Заборник, Экзарх* и др.; синонимический или эквивалентный тип дефиниций, основанный на приведении номинативных или стилистических соответствий слова. Он был принят во всех предшествующих словарях и распространялся традиционно на такие категории лексики, как устарелая, областная, иноязычная, экспрессивная; отсылочный или соотносительный тип толкования значения слова охватывает лексику регулярных моделей словообразования. Состав его толкований сложился в своем окончательном виде уже в Словаре Академии 1847 г., и Шахматов лишь воспользовался готовыми формулировками своего предшественника: действие по знач. глаг., свойство чего-л., уменьшит., увеличит., унижит.; от ж.р. от м.р., относящийся к кому-, чему-л., свойственный, принадлежащий кому-, чему-л., состоящий из чего-л. и др.

Для неизвестных или малоизвестных реалий существовала своя формула подачи: «значение неизвестно», «значение неясно»; иногда она заменялась указанием на родо-видовые признаки со знаком вопроса: ***житой*** ʻзажи́точный?ʼ, ***жербница*** ʻназвание какой-то травы (колючий бодяк?)ʼ. Такой тип толкований нередко встречается в Словаре Даля.

Своеобразие шахматовских выпусков проявилось в основном в изменении частотности применения некоторых типов толкований (главным образом энциклопедического и отсылочного). Заметно расширилась и область применения отдельных типов толкования. Так, энциклопедический и описательно-энциклопедический способ раскрытия значений используется в словаре не только применительно к терминологической лексике, но и применительно к обиходно-бытовой (особенно в тех случаях, когда они оказываются принадлежностью соответствующей номенклатуры: названий растений, животных, веществ, мер длины, частей тела и т.п.). Ср., например, разработку слова *Заборник* в Словаре Шахматова и в Словаре Академии 1847 г.

Слов. Акад. 1847 г.

Заборник... Бревна для делания заборов.

Словарь Шахматова

1) Бревна, при длине от 3-х саж. имеющие в верхнем отрубе около 3-х вершков и употребляющиеся на заборы и холодные постройки.

Стремление к полноте раскрытия признаков реалии, явления или понятия нередко приводило к тому, что толкование слова перерастало в достаточно свободное и весьма пространное повествование. См. описание церковного чина Екзарх.

Слов. Акад. 1847 г.

Екзарх... 1) Местоблюститель патриаршего или митрополичья престола. 2) Архиерей, которому поручается управлений одной из первостепенных епархий или церковные дела целой области.

Словарь Шахматова

1) Иерарх или старший и первенствующий епископ в церкви. В древней церкви этим именем назывался главный епископ главного города или округа (диоцезии). Именование это не вошло в употребление в церковной канонике, но скоро заменилось сперва словом «архиепископ», а потом «патриарх». В России титул екзарха одно время имел местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан Яворский. В настоящее время архиепископ Карталинский и кахетинский носит титул екзарха Грузии // Екзархом называют высшее духовное лицо болгарской церкви, независимое от константинопольского патриарха. 2) В восточной римской империи — наместник императора, управляющий городом или целой областью.

Как видно из примеров, словарные статьи такого рода содержат в себе сведения не только о самой реалии, но и об истории ее наименования или эволюции исторических представлений народа о том или ином понятии.

Проблема разграничения многозначности и омонимии разрешается в шахматовской редакции также в духе академических традиций того времени. Как известно, начиная со Словаря Академии 1789–1794 гг. в русской лексикографии господствовали две противоборствующие тенденции: разделение слов, совпавших по своей звуковой и графической оболочке, на основе их генетического различия и объединение в пределах одной словарной статьи разнородных по своему происхождению слов с общим звуковым и графическим оформлением. Надо заметить, что в шахматовских выпусках омонимы выделяются более или менее последовательно. К ним относятся слова, восходящие этимологически к разным языкам-источникам (ср. *жига* `брань´ и *жига* `танец´, *жижка* `жидкость´ и *жижка* `поросенок´), русские слова — производные от разных слов (ср. *жиловой* `от жило и жила´, *жировой* `от жир и жировать´, *жировка, заловка* `от заловить и вм. золовка´, *залучить* `от залучать и лук´ и др.); слова (преимущественно из разных диалектов), а также многие несходные по своим лексическим значениям единицы, не имеющие, однако, достаточных оснований для подтверждения своей генетической неоднородности (ср. *замереки* `намерения´ и `заморозки´, *замакать* `начать макать´ и `попасть шаром в лунку´, описываемые в разных словарных статьях). Таким образом, основным критерием разграничения многозначности и омонимии в шахматовской редакции оставался по-прежнему генетико-семантический принцип, о

чем со всей наглядностью свидетельствует тот факт, что наличие любой (даже самой слабой генетической или семантической связи считалось достаточным для сохранения значений в составе единого слова; см. *железняк, железянка, живучка* и т.п.). При этом ни стилистические, ни местные различия не оказывали по существу никакого влияния на установление тождества или раздельности слова. Однако, как и всем другим словарям, шахматовской редакции не удалось избежать и многочисленных фактов объединения в составе единой словарной статьи значений разных по своей природе слов (ср. *замолаживать* `приводить в брожение´ и `подмораживать´, *замолаживаться* `молодиться´ и `переходить в брожение´ и др.). Причина такого явления между тем не только в состоянии этимологических и диалектологических исследований того периода, но и в самой концепции словаря, опиравшейся на слово в языке нации. Вполне естественно поэтому, что шахматовские выпуски намеренно делали ставку на семантическую общность всех подсистем национального языка, игнорируя по возможности те признаки, которые направлены на различие этих подсистем. Подобная ориентация словаря не ставила перед его автором и проблемы семантических омонимов, ставшей актуальной в русской лексикографии XX в.

Ставка на словоупотребление стала не только теоретической посылкой шахматовского издания, но и основой его эмпирической базы. По замыслу его редактора, именно словоупотребление должно было быть как можно более широко показано в словаре, поскольку оно и есть реальная жизнь слова. Обычай, употребление — «главный и единственный авторитет в языке».

Своеобразие шахматовской редакции в сфере употребления проявлялось в следующем:

1) Ни один предшествующий словарь академического типа не вторгался столь мощно и властно в область функционирования слова, как Словарь Шахматова, несмотря на то, что о своей опоре на словоупотребление заявил первый же академический словарь 1789–1794 гг. В его вводном разделе сказано: «Не из правила язык рождается, но из употребления оного извлекаются правила».[197] Однако своеобразие шахматовской редакции состоит как раз в том, что впервые в истории русской лексикографии сочетаемость стала не только средством иллюстрации значений, как это было ранее, а относительно самостоятельным объектом лексикографического описания. Даже БАС, ориентированный на широкое отражение сочетаемости слова, заметно уступает шахматовским выпускам по собранию своих материалов (ср., например, чисто количественное соотношение словоупотреблений в Словаре Шахматова и в БАС на слова *жизнь*: 300: 100; *жизненный*: 48: 14; *железистый*: 16: 8; *железный* в своих прямых значениях 34:7, а в переносных — 55:16). И дело не только в том, что объектом БАС стал не язык нации во всей совокупности его подсистем, а лишь общелитературный язык

[197] Словарь русского языка, составленный II отделением Имп. Акалемии наук. СПб., 1907. Т. II. С. VI.

(как концентрирующее начало любого национального языка). Главное и принципиальное отличие БАС заключается в том, что он не воспринял тезаурусной установки Шахматова в сфере сочетаемости слова даже применительно к языку общелитературному. Этот словарь, как известно, опирается исключительно на дифференцирующую сочетаемость слова, подчиненную идее различения языковых единиц. Поэтому, широко показывая, например, фразеологически связанную сочетаемость, БАС заметно сдерживает возможности отражения свободной сочетаемости, диффузных применений слова, словоупотреблений, общих для различных значений многозначного слова. Таким образом, именно Словарь Шахматова закладывал основу словаря принципиально иного типа — словаря сочетаемости.

2) Впервые в истории русской лексикографии в шахматовских выпусках представлены на равных правах как писательские, так и народные употребления (причем, как типовые, общеупотребительные, так и индивидуально-авторские, окказиональные). Как известно, предшествующие толковые словари не отличались сбалансированностью книжного и разговорного словоупотребления. Каждый словарь накладывал свой тип ограничений не только на словник, но и на сочетаемость: Словарь Академии 1847 г. и Словарь Грота — на областное применение слова. Словарь Даля — напротив, на книжное словоупотребление. Специфика шахматовской редакции заключается как раз в том, что в словарь неограниченно вливались все наличествующие в источниках словоупотребления независимо от их стилистических и региональных характеристик.

3) Приводимые в шахматовских выпусках факты словоупотребления выполняли двоякую функцию: они не только иллюстрировали богатейшие сочетаемостные, эмоционально-экспрессивные и стилистические возможности применения слова, но и отражали те семантические потенции его, которые могли быть реализованы в последующие периоды исторического развития национального языка. Среди них переносные, образные, распространительные и др. типы употреблений, составляющих и пружину языкового прогресса, и национальную самобытность любого языка. Примечательно, что эти потенции Шахматов искал не только в языке писателей, но и в диалектной речи, отличающейся, как известно, большей мобильностью по сравнению с книжной формой существования языка. Являясь наиболее полным сводом словоупотреблений своего времени, словарь обращал читателей к тем языковым единицам, которые уже бытовали в речи народа или в языке писателей и могли со временем раздвинуть границы своего функционирования до общерусских.

Показ словоупотребления в Словаре Шахматова носит в известной мере систематизированный характер, определенный семантическим количеством словоупотреблений, их стилистической характеристикой или степенью распространенности, освоенности в национальном языке. Неслучайно книжные (письменные) словоупотребления предшествуют, как правило, устным, обиходно-бытовые — терминологиче-

ским (или наоборот: в зависимости от этимологии слова и первоначальной среды его бытования), общерусские — диалектным, свободные — связанным, нетолкуемые — толкуемым, прямые — переносным и образным, нейтральные — экспрессивным, типовые (общелитературные) — индивидуально-авторским и т.д. И хотя в словаре можно найти немало отступлений от этой системы, она прослеживается как явная закономерность. Апробированный Словарем Шахматова, этот порядок расположения словоупотреблений воспринят впоследствии всеми толковыми словарями, оперирующими массовой сочетаемостью (и прежде всего, конечно, непосредственным наследником шахматовской редакции — БАС).

В соответствии со своим программным заявлением Шахматов стремился охватить все известные современному русскому языку того времени типы грамматических и лексических связей. Словарь вобрал в себя абсолютно свободную сочетаемость, не имеющую каких-л. иных ограничений, кроме отношений внеязыковой действительности, относительно свободную (т.е. устойчивую, воспроизводимую, типовую) сочетаемость слова, фразеологически связанную сочетаемость разных типов. В словаре получила свое представительство: а) грамматическая сочетаемость (управление, согласование, примыкание; предложные и беспредложные конструкции, обязательные или факультативные типы контекстуальных связей и др. ее разновидности); б) тематически ограниченная сочетаемость, реализуемая в строго определенных, лексически однородных словосочетаниях (распределение сочетаемости по таким тематическим рядам позволяло с достаточной полнотой и широтой описать сочетаемость того или иного слова); в) сочетаемость лексико-грамматического характера; г) сочетаемость, отражающая парадигматические отношения слова, его способность вступать в синонимические или антонимические связи.

Несмотря на то, что сочетаемость слова являлась относительно самостоятельным и по существу главным объектом лексикографического описания в редакции Шахматова, она оставалась неотъемлемой частью смысловой структуры слова, основой семантического обобщения значений и критерием их дифференциации. Ее главенствующая роль в семантическом членении слова подчеркивается местом семантических конкретизаторов, предваряющих нередко толкование значения или его оттенка. Например, *Жаркий*... // О теле человека и животных: разгоряченный внешним или внутренним жаром. 2. Страстный, горячий — о душевных движениях человека. // О сердце: разгоряченное страстью (именно таким образом акцентировал внимание читателей еще Словарь Академии 1789–1794 гг. Прием актуализации лексических и грамматических связей слова в каждом из характерных для него значений унаследован, между прочим, рядом более поздних словарей русского языка, см. Словарь Ожегова, Словарь эпитетов и др.).

Несмотря на то, что показ словоупотреблений был заявлен в качестве основной программной цели нового словарного предприятия, Шахматов не только не отверг саму идею систематизации значений (как

это сделал, например, В. И. Даль), но и заметно продвинулся на пути дальнейшего преобразования словарной статьи из хаотичного набора существующих значений слова в сложную и динамичную структуру слова.

В отличие от словоупотребления значение предстает в Словаре Шахматова как высшая форма лексикографического обобщения, охватывающая не только самые разнообразные его применения, но и многочисленные семантические сдвиги, в т.ч. и те из них, которые обнаруживают тенденцию к смене понятия (переносные и образные переосмысления). В словаре выделяются такие типы значений и употреблений, которые сами по себе предопределяют весьма устойчивый и достаточно регулярный порядок расположения в рамках словарной статьи: исходные — производные, вторичность которых обусловлена историческими или логическими причинами; свободные — фразеологически связанные, подчиненность которых детерминирована зависимостью от конкретных речевых условий их реализации; нейтральные — стилистически маркированные (терминологические, областные, эмоционально-экспрессивные и т.п.), периферийность которых находится в непосредственной зависимости от их функциональной ограниченности. В своих выпусках Шахматов использовал все многообразие приемов систематизации значений и употреблений, известных лексикографической практике того времени: от более старого — к более новому, от конкретного — к абстрактному, от прямого — к переносному, от общераспространенного — к малоупотребительному или функционально ограниченному (в переводе на современный язык: исторический, актуальный, традиционно-логический и функционально-стилистический способы расположения значений). Однако приоритет в Словаре Шахматова получили, по всей видимости, два принципа, которые можно назвать основополагающими для этого словаря в силу его особенностей: исторический и функционально-семантический. Именно они в наивысшей степени отвечали «идее речетворчества», «динамизма» (=историзма в том его понимании, которое приложимо к словарю живого реально функционирующего языка) и идее собирания сокровищницы живого языка во всей его совокупности.

Как известно, все предшествующие толковые словари, начиная со Словаря Академии 1789–1794 гг., выделяли в особую категорию лишь метафорические значения и только их сопровождали соответствующим знаком фигурального применения (*). Сфера действия пометы *перен.*, введенной Шахматовым, оказывалась значительно шире, ибо она покрывала не только метафорические переосмысления, но и переосмысления других типов, например, метонимию. Ср.:

Слов. Акад. 1789–1794 гг.

Зима... 2. В смысле ˘употребляется в стихотворстве уподобительно вместо старость.

Железо... 2. В витийственном слоге, а наипаче у стихотворцев берется вместо меча, копья и вообще за всякое оружие — без знака (*).

Словарь Шахматова

Железный... 1. Железная дорога — рельсовый путь, служащий преимущественно для передвижения посредством пара // Переносно: станция на железной дороге.

2. Переносно: одетый в железные доспехи. Железный Рим, железные полки, железные бароны.

3. Переносно: неуклонный, твердый, неизменный. Железный закон, железная логика.

Судя по кругу явлений, охваченных пометой «переносно» в шахматовском словаре, по месту ее расположения в структуре словарной статьи (а она почти всегда неизменно входит в состав толкования), главными факторами, определяющими появление этой пометы, можно считать: генетический (т.е. наличие значения или употребления, служащего основой переноса), логический (сам факт перенесения наименования) и контекстуальный (фразеологическая связанность, наложение сочетаемостных свойств прямого и производного значения и т.д.). Собственно стилистические особенности функционирования переносных значений и употреблений слова (его образность, выразительность, эмоционально-экспрессивное содержание), выходящие сегодня на передний план при квалификации значения пометой *перен.*, не имели, вероятно, столь существенной значимости для Словаря Шахматова. Об этом наглядно свидетельствует совмещение в ряде случаев помет: *переносно* и *образно* или отсутствие обеих при значениях и употреблениях того же качества (ср. *жемчуг вод, росы, блестящей пены, драгоценных стихов, живой истины* или *железо* в определениях физической природы человека: духовные стороны человека сопоставляются с железом как с синонимом бесчувственности или твердости). И хотя словарь еще не провел границ между переносными и образными значениями или употреблениями (как это сделали впоследствии БАС или Словарь русского языка XVIII в.), он поставил вопрос о возможности их совмещения, с одной стороны, и противопоставленности таких значений и употреблений семантическим переосмыслениям принципиально иного качества (метонимии, распространениям, синекдохе). Таким образом, Шахматов оказался не только инициатором пометы переносно; он ввел в лексикографический оборот пометы: *образно* и *в образных выражениях*, также вошедшие в золотой фонд русской лексикографии. Как известно, знак * совмещал в себе сразу два языковых качества: *переносное* и *фигуральное*, которые и сливались в метафоре. Шахматов обратил внимание на их относительную самостоятельность, показав возможности не только их совмещения с помощью объединения помет *переносно* и *образно*, но и их независимого использования.

Принцип функционально-семантического гнездования значений и употреблений, проявляющийся в объединении их вокруг одного понятия, был вызван к жизни не столько теоретическими посылками словаря, сколько практикой описания обширнейшего языкового материала, вливавшегося в словарь. Разворачивание слова в пространстве и во времени приводило к формированию блоков значений и их переосмыслений, что и подготавливало почву для функционально-семантического

принципа организации значений и их употреблений. Этот принцип применялся в словаре главным образом для описания диалектных слов и слов, общих для литературного языка и говоров. Он оказывается закономерным 1) при объединении значений и оттенков, варьирующих одно (обычно родовое) понятие (растение, животное, болезнь, сосуд и др.). Напр., *Жбан*... Деревянный сосуд с крышкою для кваса, пива или меду. Волог., Судог., Новгор., Рыбин. и др. // Горшок, обвитый берестой. Псков. // Горшок, горлач. Смол. // Род боченка, в коем крестьяне возят воду в поле. Тамб., Курск. // Деревянная, оловянная или медная кружка с ручкою и крышкою для кваса. Яросл. // Медный кувшин. Жиздр. // Медный сосуд в виде кувшина с крышкою. Дон. Канун... 4. Обл. Название приносимых в церковь для освящения напитков и кушаний. а) Сусло, принесенное в церковь в честь праздника. б) Особое кушанье (мед или вареный рис с изюмом), употребляемое при поминовании умерших. в) Общественное мясное кушанье, которое варится в некоторые летние праздники.

Камчуг... 1. Народное название нескольких болезней. а) Крымская болезнь — красная сыпь по всему телу, слившаяся в один струп. б) Карбункул. Нижегор., Красноуф. в) Веред, затвердевший нарыв. Никол. Великоуст. и Устьсыс. г) Боль в руке, сопровождаемая скрипом в суставе кости вследствие усиленного жнитва. Чистоп. д) Болезнь ноги вроде ногтоеды. 2. Народное название нескольких растений (которыми лечат болезнь камчуг).

2) при объединении «идентифицирующих» значений под значением с широким денотативным полем. Напр., *Жарить*... 2. Жарить употребляется вместо многих др. глаголов для выражения усиленного совершения означаемых ими действий, причем после жарить ставится тот падеж или предлог, которого требует глагол, им замененный. // Хлестать, бить. Буйск., Уржум., Волог. и др. // Стрелять. Даль и Гог. // Донимать. Писем. // Пить. Жарили рюмку за рюмкой (без маркировки). // Писать. Леск. // Играть. Мам.-Сиб. // Ругать. Волог. // Кричать. Васильс. // Усиленно заучивать, зубрить. Помял. // Скакать, бежать, Обоян., Мельшин. // Говорить. Сарат.

3) при объединении переосмыслений одного и того же значения или словосочетания. Напр.,

Канарейка... 3. Шуточное название различных предметов желтого цвета: а) Кредитный билет. б) Золотая монета. *Канитель*... 2. Переносно: тянуть, разводить канитель — выражения эти применяются ко всякому медленному и наводящему скуку своим однообразием делу, разговору и т.п. Разводить канитель. Канитель твердить (о скучных разговорах). Тянуться канителью. Отсюда сл. канитель получило вообще значения: а) Проволочка, потеря времени. Яросл. Ворон., Остр. Последн. жертва. б) Скучное однообразие. Григор. и Гонч. Канитель чего. Салт. в) Хлопоты, возня, беспокойство. Волог. г., Захарьин. г) Пустая дрянная вещь или дело. Орл. г.

4) при объединении значений, примыкающих к одному понятию (преимущ. метонимических, метафорических и расширительных се-

мантических сдвигов). Напр., *Жатва*... 1) Срезывание хлеба на корню серпом или косой. // Время, пора полевой работы, состоящей в уборке преимущ. хлебных растений. 2. Хлеб на корню. // Сжатый хлеб, результат жатвы. // Сжатое поле. 3. Переносно: гибель людей от мора или войны. // Люди, обреченные гибели. См. также Канцелярия, Жар и др.

5) при объединении значений или сочетаний, относящихся к одной понятийной или функционально-стилистической сфере. Напр., *Жгучий*... 3. В приложении к душевным волнениям и настроениям: а) острый, пронизывающий, мучительный, резкий. б) требующий немедленного удовлетворения. в) резкий (для физического ощущения слуха, для нравственного сознания). г) производимый, произносимый горячо, пылко. *Желтый*... — Бот. Желтый, как воск. употребл. при описании растений. 144 наименования: Желтые авиньонские зерна. Желтая Адамова голова. Желтая азалия и др. — Зоол. 11 наименований: Ж-ый болотный воробей. Ж-ый варан. Ж-ый карась и др. Хим. Ж-ая соль. Ж-ый крон. Ж-ый фосфор. — Минерал. 12 наименований: Ж-ая железная охра. Ж-ая железная руда. Ж-ый железняк и др. — Фарм. 10 наименований: Ж-ый вазелин. Ж-ый жасмин. Ж-ая кровяная трава и пр. — Медиц. Ж-ая горячка или лихорадка. Ж-ая окраска. Ж-ая вода. — Анат. 5 наименований: Ж-ый костный мозг. Ж-ое пятно. Ж-ые связки. Не случайно этот принцип был взят на вооружение преимущественно диалектными словарями (СРНГ, Псковским областным словарем и др.). В толковых словарях его применение ограничивается, как правило, предлогами или отдельными полнозначными словами типа рожок в БАС-1 или барашек в БАС-2. Отсюда видно, что, оперируя традиционными в рамках русской академической лексикографии XIX в. способами иерархизации значений, Шахматов заметно разнообразил конкретные формы их проявления, обогатив накопленный уже опыт по обобщению словоупотреблений многозначных слов. Кроме того, оставаясь в пределах этих способов организации смысловой структуры слова, Шахматов (а впоследствии и его ближайшие сподвижники) переосмыслили ряд логических взаимоотношений между значениями, кардинально изменив характер их соподчинения (ср. помещение — учреждение — работники, а не наоборот; составленный, содержащий и т.п. какое-л. вещество — свойственный ему, а не наоборот, как это было, скажем, в предшествующих словарях — см. Канцелярия, Камфарный и т.п.). Заданный порядок соподчинения стал впоследствии стандартом семантического описания слова в толковых словарях XX в.

Установка авторов словаря на детальность смысловой разработки слова подводила их и к идее выделения оттенка. Уже тогда, в момент его осознания, оттенок представлялся необходимым средством обобщения однородной сочетаемости. Об этом достаточно наглядно свидетельствует факт объединения под единым общим толкованием тех разрозненных словосочетаний, которые в Словаре Академии 1847 г. и в Словаре Даля подавались толкуемыми речениями. Ср.:

Слов. Акад. 1847 г.:

Железный

2. Сделанный или состоящий из железа. Ж-ый крест (в цит. Прол.). Ж-ая полоса. Ж-ые двери. Ж-ые опилки. — Ж-ый завод. Завод для плавки железной руды и ковки железа. — Ж-ый рудник. Рудник, в котором добывается железо. — Ж-ый ряд. В рынке: ряд, где продается железо.

— Ж-ый цвет. Цвет, похожий на железо.

— Ж-ый человек. а) человек нечувствительный или нерасположенный к добру. б) терпеливо переносящий душевные и телесные страдания. — Ж-ые руки. Грубые руки, которые все ломают или коверкают и др.

— Ж-ая дорога. Дорога, устроенная для езды на паровозах. Ж-ый урок. Стар. Доля пошлины за наложение оков, причитавшаяся на каждого из судебных служителей и тюремных сторожей.

Словарь Шахматова:

3. Торгующий железом. Ж-ые торговцы. Ж-ая лавка и др. // Выделывающий железо. Ж-ый заводчик (в цит. С. Акс.) Ж-ые заводы (в цит. Пушк.).

7. Переносно: неуклонный, твердый, неизменный. Ж-ый закон (в цит. Кольц.). Ж-ая логика, т.е. веская, неопровержимая и др. // Строгий, неумолимый. Ж-ое протекторство (в цит. Гоголя). Ж-ые цепи долга (в цит. Тург.). Ж-ая рука предводителя (в цит. Дост.). // Грубый, жестокий. Люди ж-ые (в цит. митр. Алексия). Ж-ая жестокость (в цит. Тург.). Ж-ое лицо (в цит. Тург.).

С другой стороны, некоторые семантические единицы, квалифицированные в предшествующих словарях в качестве самостоятельных лексических значений, были переведены Словарем Шахматова в разряд оттенков. Ср.:

Слов. Акад. 1847 г.:

Канцелярия:

1. Производители дел и писцы при каком-либо присутственном месте или лице. К. государственного совета. 2) Комнаты, в которых производители дел и писцы занимаются. Идти в к.

Камфарный:

1. Свойственный камфаре. К-ый запах. 2. Составленный с камфарою. К-ая мазь.

Словарь Шахматова:

Комната, в которой пишут приказные дела, в отличие от судейской, где присутствуют члены. // Присутственное место при должностном лице или учреждении для письма деловых бумаг. // собир. Канцелярские чиновники.

1. Составленный, сделанный из камфары или пропитанный ею. К. микстура (Болот.). К. спирт. (Дорош.). // Свойственный камфаре. К. запах (Слов. Акад.).

Судя по всему, взаимоотношения между значением и оттенком строились на тех же по существу основаниях, что и сегодня: диалектике

конкретного и абстрактного, общего и частного, свободного и зависимого и т.д. При этом границы семантической емкости самого значения и его оттенка были предельно широки. В состав оттенков попадали даже такие семантические сдвиги, которые находились в отношениях смежности или подобия с опорным для них значением.

В лингвистической литературе нередок упрек в адрес шахматовского словаря в размытости границ между семантическими единицами, якобы сводившей на нет его практические достижения. Думается, что этот упрек снимается в контексте общей концепции словаря с его установками на «язык нации» и «речетворчество». Как известно, с точки зрения динамических возможностей языковые единицы едины: индивидуально-авторское употребление может социализоваться, преобразуясь в общенародное, типовое, стандартное; диалектное нередко становится общерусским; термины входят в достояние национальной культуры; оттенки разрастаются до значений, а значения не лишены потенций к переосмыслениям, порождающим новые употребления и новые значения. В виде такого круговорота представлялся, вероятно, судя по словарю, процесс развития русского национального языка и Шахматову (ср. отклик И. В. Ягича на изменение замысла словаря от 24 декабря 1894 г.: «русский язык (литературный) с каждым поколением разрастается, обновляется, и то, что сегодня еще можно назвать областным, может благодаря талантливому писателю сделаться общим литературным. Но ведь задача словаря не загадывать, а обозревать прошедшее».[198] Время показало, что ориентация «щахматовской редакции» не только на прошедшее, но прежде всего на настоящее (на живой язык нации во всех его социальных и функциональных разновидностях) была в высшей степени перспективна, о чем свидетельствуют не только сами факты языка, получившие свое отражение в словаре, но и метасистема шахматовских выпусков. Ведь выработка устойчивой модели лексикографического описания происходит путем перехода элементов единичного использования в постоянные элементы структуры словарной статьи.[199]

Диалектные словари первой половины XIX века

Особенности диалектной речи, ее отличия от общенародного языка обращали на себя внимание задолго до появления диалектологии как особого раздела языкознания.

Уже в первой трети XVIII в. проявляется интерес к собиранию областных слов. На первых порах записи местных лексических особенностей не преследовали каких-либо исследовательских целей и задач,

[198] *Чмыхова Н. М.* Теоретические основы, источники и история создания Словаря русского языка под ред. А. А. Шахматова. С. 269.

[199] *Глебовский А. С.* Эволюция структуры словарной статьи в англоязычной лексикографии. АКД. Л., 1988. С. 2.

а представляли собой сопоставления слов местных с общенародными, литературными. Такие записи делались русскими путешественниками, учеными, членами научных экспедиций. Таковы собрания слов историка Г. Ф. Миллера, ботаника И. Г. Гмелина, И. Яхонтова, математика П. Б. Иноходцева.[200]

Весьма ценные записи с сопоставлениями местных и общенародных слов оставили ученые-путешественники, естествоиспытатели и моряки во второй половине XVIII в.: ботаник и географ И. И. Лепехин, естествоиспытатель и путешественник С. Крашенинников, путешественник П. И. Челищев. Встречаясь в своих поездках с новыми предметами и явлениями, авторы приводят их местные наименования или пользуются местными терминами при описании природы, быта, кустарных промыслов, ремесел и т.п. Например, у Г. А. Сарычева: Увал есть понижение высокого и ровного берега косогором;[201] у А. И. Фомина: Беломорские крестьяне проливы морские называют салмами, а мезенские — шарами[202].

Более обширные списки диалектных слов, относящиеся к XVIII в., содержат уже несколько сот местных названий. Это — «Словарь местных слов, употребляемых в городе Устюге Великом» (1754 г.), содержащий 301 слово и «Слова и речи в Вятской провинции, особливо у простолюдинов употребляемые» (1772 г.), в котором представлено 178 слов до буквы С.[203]

Наличие этих сборников слов в XVIII в. свидетельствует о более или менее осознанном противопоставлении русского литературного языка местным говорам.

Интересные наблюдения о различиях в произношении, формах и в значениях слов в разных местностях России встречаются у В. К. Тредиаковского. Знаменитый поэт и переводчик отмечал две противопоставленные стихии — книжный язык и простой разговор, указывая на наличие в последнем местных, локально ограниченных явлений.[204]

С именем М. В. Ломоносова связывается введение в русскую науку понятия «диалект» (наречие). В «Российской грамматике» он говорит о трех «главных российских диалектах: московском, северном и украинском».[205] В рукописных сочинениях М. В. Ломоносова встречают-

---

200 *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии // Сб. ОРЯС. СПб., 1877. Т. 16. Вып. 3. С. 243; Панов В. М. Сборник областных слов И. Яхонтова и И. Г. Гмелина // Тр. научн. конф. Кемеров. пед. ин-та. 1956. Вып. I.

201 Путешествие флота капитана Г. Сарычева. СПб., 1802.

202 *Фомин А. И.* Описание Белого моря с его берегами и островами. СПб., 1797.

203 *Симони П. К.* Два старинных областных словаря XVIII столетия // Живая старина. 1898 г. Вып. III–IV. С. 443–450.

204 *Тредиаковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи // Сочинения. СПб., 1748. Т. 3. С. I–IV.

205 *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Полное собр. соч. М. ; Л., 1952. Т. VII. С. 429–430.

ся заметки типа о «нынешних диалектах»,[206] «диалект северный»,[207] «о диалектах российских»,[208] записи диалектных слов, фонетических и грамматических особенностей.[209] М. В. Ломоносов одним из первых высказал мысль об общей основе литературного языка и говоров, подчеркивал значение последних для изучения истории русского языка. Он понимал важность и значимость диалектных слов прежде всего для этимологических исследований.

Много внимания особенностям местной народной речи уделяется в рукописной «Обстоятельной российской грамматике» (1784–1788) московского профессора А. А. Барсова (сохранились только списки с рукописи). Историк В. А. Татищев в «Истории Российской с древнейших времен» также обращает внимание на местные лексические особенности.[210]

Таким образом, во второй половине — конце XVIII в. проявляется более осознанное отношение к местным особенностям языка. Начинает осмысляться их важная научная роль: служить необходимыми материалами для лексикологических и этимологических исследований. Такую роль отмечает ученый-лингвист А. Л. Шлецер.[211]

К концу XVIII в. относятся и попытки определить значение диалектной лексики в развитии и обогащении литературного словаря, в становлении норм литературного языка: при определении границ нормативного литературного языка, определении сферы употребления диалектных слов в нем. Такое осмысление диалектной лексики происходило в контексте сложных общественных, культурных и языковых процессов середины и конца XVIII в. Интенсивное развитие русской литературы и сложение национального языка ставят перед русским обществом задачи определения и формирования норм литературного языка. Решающую роль в этом играет Словарь Академии Российской, в котором принимали участие крупнейшие писатели и ученые. К концу XVIII в. при определении языковой нормы дает себя знать стремление отстоять национальные основы языка. Президент созданной в 1783 г. Российской академии Е. Р. Дашкова в народном языке видела богатый источник пополнения литературного языка, в народных выражениях замену иностранным заимствованиям («Нам приходилось употреблять иностранные термины и слова, между тем как соответствующие им русские выражения были гораздо сильнее и ярче»).[212] В статье А. И. Фомина

---

[206] *Ломоносов М. В.* Филологические исследования и показания к дополнению грамматики надлежащие // Полн. собр. соч. М. ; Л., 1952. Т. VII. С. 763.

[207] *Ломоносов М. В.* Материалы к Российской грамматике. // Там же. С. 672.

[208] Там же. С. 608.

[209] Там же. С. 628, 678 и др.

[210] *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен. М., 1768–1769. Т. I. Гл. 41.

[211] Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная // Сб. ОРЯС, 1875. Т. XIII. § 44, прим. 19. С. 476.

[212] *Дашкова Е.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 153.

«К любителям российского языка» высказывается мысль о необходимости и неизбежности для литературного языка усваивать лучшее, что есть «в местных разветвлениях общего языка». В этой связи А. И. Фомин ставит вопрос о создании областного словаря, охватывающего все русские говоры. Статья А. И. Фомина поднимала голос в защиту «природной чистоты» русского языка, идея которой получает утверждение в первой трети XIX в.[213]

Во второй половине XVIII в. русский литературный язык пополняется не только за счет заимствований, но использует и внутренние ресурсы — общенародную и диалектную лексику, что говорило об активизации процесса демократизации литературного языка. Все это становится возможным только в период формирования литературного языка, когда областные элементы более четко, чем в предшествующие периоды, противопоставлены общенациональному языку, когда происходит (или произошла) выработка и закрепление норм литературного языка. Таким образом, интерес к диалектным словам в конце XVIII — начале XIX вв. был вызван формированием общенациональной нормы литературного языка, стремлением определить «точные границы норм литературно-разговорного и литературно-письменного выражения», отграничить общенациональное от областного.[214]

Среди сложных процессов, наблюдаемых в русском литературном языке этого периода, одним из наиболее активных был процесс пополнения литературного языка словами различных лексических пластов, в том числе и словами из местных диалектов. Передовые писатели XVIII и начала XIX веков (Фонвизин, Новиков, Радищев, Державин, Карамзин, Крылов и др.) с разных сторон и в разных направлениях открывают в литературе новые средства словесного выражения и новые сокровища «природного» русского слова.[215] Словарь Академии Российской (1789–1794) в той или иной степени отразил этот процесс. Показ диалектных слов в САР ставил перед составителями Словаря такие сложные проблемы, как взаимоотношение литературного языка и диалектов, роль диалектных слов в историческом процессе развития русского литературного языка, пополнение последнего словами из народных говоров. При этом составители САР руководствовались следующими своими воззрениями и принципами: пополнение лексики литературного языка словами живого разговорного языка; этому желанию соответствовало стремление авторов противопоставить иностранным заимствованиям, широко вливавшимся в XVIII в. в русский язык, богатство живой народной речи.[216] При отборе диалектных слов в Словарь основным правилом для составителей была употребительность

[213] *Фомин А. И.* К любителям российского языка // Новые ежемесячные сочинения. 1787. № 11. С. 70–84.
[214] *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959. С. 508–509.
[215] Там же. С. 472.
[216] *Мальцева И. М.* Локализмы в словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 106.

слова в письменных источниках. Такими источниками явились изданные к этому времени записки и описания русских путешественников и ученых (С. Крашенинникова, С. Г. Гмелина, П. С. Палласа и др.; в Словаре даются ссылки на труды этих ученых).

Из слов местной народной речи в САР попали следующие лексические разряды: а) этнографизмы: наименования не известных городскому жителю предметов, сельскохозяйственных орудий, сельских построек, средств передвижения и т.п. (*кережа* 'повозка наподобие лодочки, употребляемая ездоками'); б) лексика местных промыслов, в особенности рыбного (*стокные сети* 'речные рыболовные сети, коими ловят севрюг в Каспийском море'); в) наименования местных природных явлений; географическая, ботаническая, зоологическая номенклатуры (*побережник* 'слово архангельскими мореходцами употребляемое к означению восточного ветра, от берега идущего'; *белая рыба, бельчуг* 'в Камчатке так называют обыкновенную сельдь'). Бóльшая часть этих слов в толковании имеет указание на местный характер употребления: на Низовой Волге, в Сибири и т.п. Эта часть диалектных слов представляет собой слова, употребляющиеся в произведениях определенного жанра (описание путешествий, научные описания). Это подтверждается нередко прямыми ссылками в Словаре на конкретный источник, а также характером их толкований (близких к источникам текстуально и по существу). Включение этих слов, как правило, не имевших литературных коррелятов, отвечало намерениям авторов Словаря помещать в САР слова, «к обогащению языка служащие».[217]

Часть диалектных слов (около 20), включенных в САР, имеет пометы «областн.» или «слово областное»: *блинцы*, областн. 'блины с творогом или яйцами, сырники'; *паорок* «слово областное» 'крестьянский сын — подросток, могущий боронить землю, водить лошадь с бороною'. Различный способ показа диалектных слов в САР свидетельствует о довольно четком их разграничении, которое опиралось на принцип — относить к разряду слов литературного языка слова, употребляющиеся в письменных произведениях XVIII в. Таким образом, слова первого рода, т.е. этнографизмы, признавались словами литературного языка. В дальнейшем часть из них получила в литературном языке права гражданства, стала стилистически нейтральной (арба, сопка, балык, умет и т.д.).[218]

Таким образом, в практике САР отчетливо проявилось зарождение подлинно научного подхода к русским народным говорам.

В начале XIX в. интерес к народным говорам обостряется и углубляется. Отечественная война 1812 г. вызвала подъем национального самосознания, привлекла внимание русского общества к его истории, древним русским памятникам, их языку, произведениям народного творчества, породила широкое движение в защиту национального своеобразия русской культуры и языка. В это же время начинается деятельность известного румянцевского кружка (Н. М. Карамзин,

---

[217] *Мальцева И. М.* Локализмы в Словаре Академии Российской. С. 102–113.
[218] Мальцева И. М. Там же. С. 113–117.

А. Н. Бантыш-Каменецкий, А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович и др.); энтузиазму его членов русская наука обязана изданием «Собрания государственных грамот и договоров», «Софийского временника», «Памятников российской словесности XII в.» и т.д. Над своей «Историей государства Российского» (1818–1829) работает А. М. Карамзин. В русской литературе утверждается романтизм с его интересом к старине, истории и национальному.

Намечающаяся в этот период демократизация литературного языка приводит к расширению его границ в сторону живой народной речи. «Крестьянский язык» рассматривается в качестве источника пополнения и обогащения общенародного языка недостающими элементами — названиями многих предметов и явлений действительности (см., например, мнение К. Ф. Калайдовича[219] и известных журналов того времени).[220]

Именно в этот период появляются многочисленные статьи, заметки, рассуждения, в которых развиваются идеи об исторической судьбе русского языка, об общей основе говоров и литературного языка, об отношениях литературного и народного языка, о возможности замены иноязычных заимствований словами народными, употребляемыми в той или иной местности.[221] Осознается и историческая значимость диалектных слов. «Нельзя не заметить, что во многих словах, совершенно забытых в языке старого общества, но сохраненных где-нибудь между крестьянами, скрываются объяснения на историю нашего отечества, — писалось в «Вестнике Европы». [222]

«В диалектизмах, — как замечает акад. В. В. Виноградов, — романтически настроенное общество находило колорит экзотики, очарование первобытной свежести».[223]

Надо сказать, что интерес к народным говорам, как и ранее, сосредоточивается прежде всего на лексических особенностях. Фонетика и морфология пока почти не попадают в сферу внимания исследователей. В то же время активизируется работа по собиранию диалектной лексики, увеличивается число публикаций собранных материалов.

Все чаще раздаются призывы «замечать и собирать областные наречия, особые выражения, необыкновенные грамматические формы, пословицы и другие особенные свойства языка в разных странах неизмеримой России», чтоб способствовать «составлению сначала обозрения, а потом словаря и сравнительной грамматики русских провинциализмов».[224]

---

[219] *Калайдович К. Ф.* Опыт правил для составления русского производного словаря. Соч. в прозе и стихах // Тр. Общ. любит. рос. словесности. М., 1824. Ч. 5. С. 334.

[220] Тр. Общ. любит. рос. словесности. М., 1817. Ч. 8. С. 239–241.

[221] См., например, *Востоков А. Х.* Рассуждение о славянском языке // Тр. Общ. любит. рос. словесности. М., 1820. Ч. 17.

[222] Вестник Европы. 1817. Ч. 95. С. 308.

[223] *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982. С. 229.

[224] *Греч Н. И.* Рец. на книгу Ф. П. Аделунга. Übersicht aller bekannten Sprachen und

К изучению народного языка призывали историк и критик М. Т. Каченовский, этнограф З. Долуга-Ходаковский, поэт А. Ф. Мерзляков, ученые Н. И. Греч, П. И. Кеппен, И. Ф. Калайдович и другие деятели русской культуры XIX века. «Никогда раньше и никогда после наши общелитературные журналы не обнаруживали такого живого интереса к языку и языкознанию, как в это время», — писал С. К. Булич.[225]

Московское Общество любителей российской словесности обратилось к иногородним членам общества с просьбой сообщать и присылать сведения, касающиеся отечественного языка. Это обращение получило достаточно широкий отклик: из разных мест России в Общество стали поступать материалы, содержащие записи областных слов. В 1824 году прислал список «провинциальных слов», употребительных в Саратовской и Пензенской губерниях писатель И. И. Лажечников (93 слова).[226] Около 120 слов, употреблявшихся в районах Полоцка, Смоленска, Новгорода-Северского и Гродка, приведено этнографом З. Долуга-Ходаковским в его отчете о путешествии в 1821 году.[227] В начале XIX века (с 1817 по 1828 гг.) в Трудах общества были опубликованы собрания диалектных слов с приведением литературных коррелятов из Вологодской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Курской, Пензенской и других губерний России, собранные учителями А. Фортунатовым, А. Мудровым, Е. Кичиным, М. Муромцевым и др.[228]

В 1817 г. в примечаниях к книге Семивского «Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири» (СПб., 1817. С. 15–26) опубликован «Алфавитный список областным простонародным словам, употребляемым в Иркутске» (более 190 слов).

Собиранию диалектных слов придавала значение и Российская Академия. На ее заседании в 1820 г. были заслушаны объяснения тверских слов, собранных учителем Осташковского училища С. Н. Суворовым. По поручению президента Российской Академии А. С. Шишкова на Севере России (в Архангельской и Олонецкой губерниях) занимался сбором диалектных слов чиновник В. Я. Никонов.[229]

Таким образом, идея собирания отличительных особенностей словарного состава русской народной речи была живой и популярной, и многие деятели русской культуры не только призывали замечать и записывать народные слова и выражения, но и сами делали гакие записи.

---

ihrer Dialekte // Сын Отечества. 1820. Ч. 61. С. 269–271.

[225] *Булич С. К.* История языкознания в России. СПб., 1903. С. 1441.

[226] *Лажечников И.* Несколько провинциальных слов, употребительных по Пензенской губернии // Тр. Общ. любит. рос. словесности. 1824. Ч. V (25). С. 309–310.

[227] Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога. Новгород // Русский исторический сборник. 1839. Т. III. Кн. 2. С. 131–200.

[228] Тр. Общ. любит. рос. словесн., М., 1817; 1818. Ч. 12. С. 10–11; 1820. Ч. 20, год V. С. 12–26; 38–42; 104–115; 115–117; 117–127; 128–132; 135–137; 144–150; 150–166; 194–195; 197–216; 217–226; 227–230; 1822. Ч. I (21). С. 213–217; 231–245; 256–260; 263–287; 313–320; 1822. Ч. II. С. 282–288; 1823. Ч. III. С. 51–86; 1824. Ч. V (25). С. 309–311; 327–329; 1828. С. 7, 295–296.

[229] *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных. Л., 1986. С. 75.

Публикации диалектных материалов в первой половине XIX в. были положительно оценены передовой общественностью.

Именно в этот период высказывается идея о создании и практическом воплощении сводного диалектного словаря. Она принадлежит писателю и этнографу М. Н. Макарову. Это предложение о необходимости создать сводный диалектный словарь прозвучало на три десятилетия раньше появления в свет академического Опыта словаря областного великорусского языка. Цель и задачи такого словаря для М. Н. Макарова очевидны. По мнению М. Н. Макарова, словарь позволит: «1) отличить слова иностранные от слов славянорусских; 2) отметить слова, известные по их всеобщему употреблению; 3) сравнить между собою одни и те же слова, употребляемые в разных наших провинциях, с замечанием: в одном или в разных смыслах они употребляются» и др.[230] В 1826 году он публикует небольшое собрание областных слов, существовавших в древнерусском языке и сохранившихся теперь только в местных говорах: *батог, бортник, вологa, воложно* и т.п. Этот словарик был первой попыткой составить на основе своих и собранных другими материалов сводный областной словарь. М. Н. Макарову принадлежит ряд статей, в которых высказываются мысли о пользе «провинциальных речений в обогащении языка русского», о необходимости их собирания и составления словаря диалектных слов. Итогом работы М. Н. Макарова по собиранию и истолкованию диалектных слов явились «Краткий словарь народных речений»[231] и «Опыт русского простонародного словоупотребления».[232] Эти первые опыты составления русского сводного диалектного словаря были далеко несовершенны. Однако как первые попытки создания сводного диалектного словаря — нового для русского языкознания — опыты М. Н. Макарова и других собирателей сыграли свою большую положительную роль, доказав возможность и необходимость такого словаря как ценного источника для истории русского языка и русского народа.

Эти различные по объему и характеру обработки собрания слов с приведением значений объединялись тем, что в их основе лежит сопоставление лексики диалектной и литературной. Поскольку еще не пришло научное осознание диалектов как необходимой части общерусской системы, диалектное слово собирателями по-прежнему воспринимается как единица чужой и пока неизвестной системы. С этим связан и метод толкования диалектных слов — обычно это перевод диалектного слова литературным и лишь изредка приводится развернутое истолкование

---

230 *Макаров М. Н.* К сочленам // Тр. Общ. любит. рос. словесн. 1822. Ч. 21. Протоколы. С. 287–298.

231 Макаров М. Н. Краткий словарь народных речений // Маяк. 1844. Т. 18. Кн. 35. Гл. V. С. 49–56; Кн. 36. Гл. V. С. 143–150.

232 Макаров М. Н. Опыт русского простонародного словотолковника // ЧОИДР. 1846. № 3, отд. 12. С. 24–43; 1847. № 1, отд. 12. С. 1–19; № 2, отд. IV. С. 33–38; № 3, отд. IV. С. 89–112; № 4, отд. IV. С. 143–154; № 6, отд. IV. С. 1–24; № 7, отд. IV. С. 17–27; № 9, отд. IV. С. 1–21; 1848. № 5, отд. IV. С. 145–159; № 9, отд. IV. С. 267–295.

значения. Например, *баско* — `нарядно´, *извара* — `ушат´ и т.п. Неизученность диалектов, отсутствие сведений об их особенностях объясняет тот факт, что диалектные слова в этих собраниях представлены без грамматических форм, без указания на синтаксическую функцию, отношения к частям речи и т.п.

В 1820–1830-х годах в русской культуре преобладающими становятся «три центральные идеи — народности, исторического развития и социального прогресса, языковой общности славянских народов и решающей роли в успехах просвещения и национальной независимости, языкового единства и культурной самобытности».[233]

В журналах и в научных кругах первой половины XIX века (Н. И. Надеждин, М. А. Максимович, В. Г. Белинский, К. С. Аксаков и др.) рассматриваются проблемы исторической судьбы русского языка, отношения русского языка с церковнославянским языком. В то же время внимание многих деятелей науки, культуры и литературы привлекает народный язык, поскольку изучение народности и всего народного становится центром научной, философской и критической мысли. Обсуждаются такие вопросы, как а) источники пополнения недостающих в литературном языке наименований предметов и явлений русской действительности; б) роль областной лексики в изучении истории словарного состава русского языка; в) значение диалектной лексики в изучении особенностей быта и жизни, материальной и духовной культуры («народной психологии») русского народа.

Народную речь с интересом изучает А. С. Пушкин, дань «диалектному собирательству» отдают Н. В. Гоголь, К. С. Аксаков, И. С. Тургенев, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов и др. В это же вермя появляется целый ряд трудов, посвященных описанию особенностей народного быта, знакомящих с русским народным творчеством: «Русские в своих пословицах» И. М. Снегирева в 4 т. (М., 1831–1834), его же «Русские народные пословицы и притчи» (М., 1848), «Сказания русского народа» в 3 т. (СПб., 1836–1837) и «Песни русского народа» в 7 т. (СПб., 1848) А. Терещенко. Эти издания не только свидетельствовали о богатстве народного творчества, но в них содержались и сведения о словарном составе русского народного языка.

Непрекращающийся интерес к языку в 30–40-х годах XIX века и обсуждение языковых проблем в широком историческом и философском плане определялись, по мнению Ю. С. Сорокина, широким размахом в этот период литературного движения, связанного с формированием реалистического направления, глубоким интересом к народному творчеству и открытием и началом систематического изучения многих русских и славянских памятников письменности.[234]

Быстро набирающий силу в русской литературе первой половины XIX в. реализм как метод изображения действительности с созданием

---

[233] См.: *Сорокин Ю. С.* Эволюция понятия историзма в русском языкознании 1830–1840-х гг. // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. Л., 1984. С. 202.

[234] Там же. С. 205.

национальных характеров из разной социальной среды «с многообразием социально-речевых стилей народно-разговорной речи»[235] привлекал в литературу все большее количество народных слов и выражений.

Развивающееся сравнительно-историческое языкознание, связанное с именами А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, открывало новые горизонты: народный быт и старина, поэзия и язык стали предметом небывалого прилежного изучения. Неуклонно расширяются поиски, сбор и публикация новых исторических, этнографических и фольклорных источников. Созданная в 1834 г. при Министерстве просвещения Археографическая комиссия издает «Полное собрание русских летописей», «Акты Археографической экспедиции», «Акты исторические», «Акты юридические» и другие памятники русского языка и русской истории.

В выдвинутой И. И. Срезневским программе изучения русского языка («Мысли об истории русского языка», 1849) указывается на важность полного диалектного описания народных наречий во всех их местных разновидностях.

В середине XIX в. и особенно в пореформенное время в развитии филологии, этнографии и истории наступает новый этап. Одновременно с утверждением метода сравнительно-исторического изучения проявляется тенденция к объединению совокупных усилий родственных наук (истории, этнографии и филологии) для объяснения развития общества, народа и языка. Применение этого метода изменило и способ исследования материала и самый взгляд на историческое развитие. Новый метод не удовлетворялся отдельными случайными материалами; для своих работ он нуждался в большом количестве языковых данных, планомерно собираемых. Выводы, опирающиеся теперь на огромную массу разнообразных заново собранных фактов, становятся более доказательными и точными. Диалектные факты наряду с историческими оценивались как необходимые источники при построении истории русского и общеславянского языков. Изменяется отношение к диалектным словам (поскольку изменяется само представление о национальном языке) — теперь это не слова чужой лексической системы, а слова близкородственных систем, составляющих вместе с литературным языком одно сложное образование.[236] Важность изучения и сбора диалектных фактов неизмеримо возрастает.

В 40–50-е годы активизируется деятельность Академии Наук, Русского географического общества и Московского общества истории и древностей. По инициативе РГО начинается планомерный и массовый

---

[235] *Виноградов В. В.* О языке художественных произведений. С. 438.

[236] См. у И. И. Срезневского: «Язык является нам теперь как сложная, пестрая масса образований, созданных в самые различные периоды его развития и связанных с употреблением в одно целое, которое кажется однородным, хотя на деле идет из разных исторических эпох». Записка о трудах профессора А. А. Потебни, представленная во II-е отделение Академии наук // Сб. ОРЯС. 1878. Т. XVIII. С. IXXXIX-CXVII.

сбор по заданной программе этнографических сведений (в том числе и местных особенностей языка) из разных регионов России.[237]

Это знаменовало новый этап в русской диалектной лексикологии и лексикографии: кончался «собирательский», отчасти — любительский этап, начиналось сознательное и целенаправленное собирание и изучение диалектных фактов как элементов общенародной лексической системы.

Обращение Академии наук к областной лексике в значительной степени было вызвано настойчивыми просьбами любителей и ценителей русского слова и собирателей-энтузиастов о создании областного словаря русского языка, интересом русского общества к национальному прошлому, усилением движения за национальную самобытность русской культуры и языка, развитием сравнительно-исторического метода в языкознании. Создание областного словаря становится одной из насущных задач русского языкознания.

Опыт областного великорусского словаря и Дополнения к нему

В проекте академического устава 1841 г., подготовленном А. Х. Востоковым и Д. И. Языковым, говорилось о необходимости создания областного словаря. В 1845 г. директорам и смотрителям губернских гимназий была разослана программа по собиранию областных слов, правильному обозначению ударения, точному истолкованию значений и записи примеров употребления слов в речи.[238]

Получив через два года списки слов (с толкованием значений) более чем из двадцати губерний России, Академия Наук приступила к составлению первого (не считая Опыта Макарова) сводного диалектного словаря — Опыта областного великорусского словаря (18 011 слов). Первоначальный план составления словаря принадлежал его редактору выдающемуся филологу академику А. Х. Востокову.

Источниками словаря помимо слов, полученных Академией как ответы на программу, явились материалы, напечатанные в Трудах Общества любителей русской словесности, и личные собрания членов Отделения русского языка и словесности, в особенности И. И. Срезневского и М. А. Коркунова.

Большие заслуги в подготовке Опыта областного великорусского словаря принадлежат крупнейшему слависту, знатоку русской и славянской филологии, акад. И. И. Срезневскому. В известной работе «Мысли об истории русского языка» И. И. Срезневский в ряду условий,

[237] См.: *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1; 1915. Вып. 2; 1916. Вып. 3 (В ряде описаний приводятся диалектные слова).

[238] Архив АН, фонд I, оп. I, № 98.

необходимых для воссоздания подлинной истории русского языка, указывает на необходимость создания областных словарей.

И. И. Срезневским были написаны правила составления словаря, значительно дополнившие и развившие первоначальный план А. Х. Востокова.[239] Естественно, что И. И. Срезневский (пришедший в Академию Наук в 1851 г., когда работа над словарем была уже начата) обобщил опыт, накопленный составителями словаря; особое внимание при этом он обратил на ошибки, неточности и непоследовательности, обнаруженные им в уже составленных частях словаря.

По замыслу составителей областной словарь должен был дополнять Словарь церковнославянского и русского языка Академии наук 1847 года. Этим выполнялась задача составления словаря — сокровищницы языка на протяжении многих веков.[240] Таким образом, намечалась определенная система словарей, отражающих лексику русского языка во всех ее частях.

Областной словарь строился по образцу словаря литературного языка: расположение слов в нем алфавитное, словарная статья состояла из заглавного слова, толкования его значений, примеров их употребления в речи. Отличие в структуре словарной статьи заключалось в том, что в ней содержалось указание на территорию, где слово было записано.

Как видно из Предисловия к Опыту, его создатели различали несколько видов диалектных слов, помещаемых ими в словарь: «слова, уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искаженные до крайности, или иноземные слова, заимствованные от соседних инородцев, частию верно сохранившиеся, частично измененные; ко второму роду относятся слова, некогда принадлежащие к общему языку народа и вытесненные из него другими, а уцелевшие в народе вместе с заветною прародительскою песнью, сказкой, пословицей; третьего рода слова родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека природы и от особенных занятий народа».[241] Эта генетическая классификация диалектных слов по существу определяла причины появления диалектизмов.

Следует сказать, что работа над Областным словарем началась в то время, когда диалектология еще не сформировалась в самостоятельную науку, а сведения о местных особенностях речи собирались и описывались этнографами.

Составление сводного областного словаря было сопряжено с целым рядом трудностей, не имевших места при составлении словаря литературного языка. Это прежде всего — выбор формы написания заголовочного слова, сведение в одно слово значений, зафиксированных в разных губерниях, обобщение под одним значением явлений, связанных с некоторыми семантическими филиациями в разных говорах и нек. др.

---

[239] Подробно об истории создания словаря см. *Балахонова Л. И.* История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему // История русской диалектологии. М., 1961. С. 98–124.

[240] Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847. Т. I. Предисловие.

[241] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. Предисловие. С. II.

Пожалуй, самой большой трудностью была проблема написания диалектных слов, особенно тех, происхождение которых было неясным, неизвестным.

Вопреки убеждению А. Х. Востокова о необходимости сохранения в неприкосновенности записей собирателей и помещения всех фонетических вариантов как самостоятельных слов на своем месте алфавита И. И. Срезневский совершенно определенно высказался в «Правилах» за сохранение тождества диалектного слова, независимо от его местного произношения: «Одно и то же слово может быть произносимо в разных местах очень различно: оттого оно однако не делается многими словами».[242] Таким образом, при работе над Опытом был поставлен и положительно решен вопрос о тождестве единого общерусского слова, имеющего местные произносительные варианты.

Мнение И. И. Срезневского основывалось на убеждении, что в говорах реализуются закономерные фонетические особенности, описание которых может быть сделано в Предисловии к словарю, и особенности, представляющие собой «случайную прихоть говора». В областном словаре в качестве самостоятельных слов помещаются слова только с результатами последних, как принято теперь говорить, лексикализованных фонетических особенностей.

Проблема написания диалектных слов из-за неизученности фонетических особенностей диалектов, отсутствия этимологии диалектных слов так и осталась непреодолимой. Во многих случаях словарь отразил в написании слов закономерные особенности местного произношения (нередки случаи написания одних и тех же слов с О и А: *азя́м* и *озя́м, латоши́ть* и *лотоши́ть*, с Е и И: *осеби́* и *осебѣ, дижа́* и *дежа́*, с А и Е: *дрега́* и *дряга́*, с Ц и Ч: *доцерь* и *дочерь, цецверть* 'четверть' и т.п.).

В отборе слов в словарь и их разработке составители во многом зависели от материалов, которыми они располагали: последние не были равноценными и достаточными для описания всех сторон слова. Это накладывало свой отпечаток на все стороны словаря: полноту словника, точность и адекватность семантической характеристики, иллюстративный материал и указания на территорию распространения слова.

Перед создателями Опыта впервые в истории русской лексикографии встала очень сложная задача: отразить лексику всей совокупности русских говоров. «При обширности, с одной стороны плана, обнимающего все великорусские наречия, а с другой — непомерного пространства, в пределах которого они живут в устах народа, Отделению предлежал труд огромный», — писал Я. К. Грот.[243] Вместе с тем перед создателями Опыта и Дополнения к нему встали и очень сложные теоретические вопросы, до этого не поднимавшиеся в науке о русском языке: о тождестве общерусского слова, о материальной вариантности

[242] Архив АН СССР, ф. I, оп. I, № 108.
[243] *Грот Я. К.* Областные словари // Филол. разыскания. СПб., 1876. Т. I. С. 142.

его, о закономерных и незакономерных фонетических и морфологических особенностях диалектов, о характере диалектной семантики и, наконец, о принципах лексикографического представления диалектных слов во всей сложности и многообразии их фонетического облика, с их своеобразной диалектной семантикой в едином лексикографическом труде.

Естественно, что практически эти вопросы решались, исходя из научного опыта составителей, уровня развития науки того времени и, в известной мере, интуиции авторов-составителей словаря.

Подготовка и издание Опыта породили ряд новых научных проблем (в частности, разработку этимологии диалектных слов), связанных с дальнейшим изучением народной речи. Работа над Опытом способствовала собиранию произведений народного творчества и диалектных слов.

В 1852 г. И. И. Срезневский разрабатывает «Программу для собирания образцов народного языка и словесности» (была разослана гимназиям и училищам). Эта программа вызвала поступление многих новых материалов, которые легли в основу «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858). «Дополнение» по объему словника превосходило Опыт (22895 слов), хотя и уступало ему в тщательности обработки (в этом сказывалось отсутствие коллективного редактирования словаря).

Создание Опыта областного великорусского словаря и Дополнения к нему явилось значительным событием в деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук. Ф. И. Буслаев и Я. К. Грот связывали с появлением этого словаря начало нового этапа в развитии отечественного языкознания.[244]

Конечно, не все стороны разработки словарного состава русских народных говоров в Опыте получили удовлетворительное разрешение, на что указывали уже современники Словаря. Так, оценивая Опыт, В. И. Даль писал, что «в областной словарь Академии вошло все, без разбора, что только присылали, по должности, уездные учителя, и с теми же безобразными объяснениями. Слова офенские, то есть деланые, как ***корюка*** 'девка'; ***кьяр*** 'пиво' и пр., десятками вставлены, наряду с русскими; объяснения вообще криво понятые, либо односторонние, иногда переносные, а прямого нет; одно и то же слово повторено под буквами А и О, по высокому и низкому говору».[245]

Уникальное знание В. И. Далем русских говоров, многообразной народной жизни и быта давало ему возможность видеть недостатки Опыта: неразграничение областных слов с просторечными и жаргонными,

---

[244] Замечания профессора Я. К. Грота: (по поводу «Опыта областного великорусского словаря») // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других наречий. Изд Вторым отд. имп. Акад. наук. СПб., 1873. С. 113–120.

[245] *Даль В. И.* О русском словаре // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. I. С. XXXIV.

неудовлетворительность толкований слов, недостаточность сведений о слове, отсутствие единообразного написания одного и того же слова и т.п.

Суровая оценка Далем опыта своих предшественников, создавших первый сводный областной словарь русского языка, была, однако, не совсем справедливой. И хотя Даль указывает на недопустимость пользования областными словарями Академии наук «вообще без строгой критики», он сам использовал для своего словаря из Опыта свыше 15 000 слов и такое же количество слов из Дополнения.[246]

Это подчеркивает Я. К. Грот, говоря, что словарь Даля обязан «значительной частью своего громадного материала Областному словарю Академии».[247] Конечно, указанные ошибки в Опыте встречаются, но, во-первых, их не так много, а, во-вторых, объясняются они прежде всего неизученностью говоров (их фонетических, морфологических и лексических особенностей). Нельзя согласиться с Далем, упрекающим Опыт за включение таких слов, как *га́лицы, коледу́ха, куде́зиться, ку́зик, кухол, ато́жко, дрянка, ерпе́сить* (по Далю должны быть показаны: *голи́цы, голеду́ха, куде́ситься, гу́зик, кухоль, одрянка, ербези́ть*). Даль считает, что ошибочно образовано повел. накл. *изопе́й* (вместо *испе́й*) и др. под., с чем тоже нельзя согласиться. Нельзя признать справедливым упрек за введение в Опыт слов *тама́лка* (отыма́лка), *су́претка (су́прядки), бати́к, ба́йтик, бато́г, бадо́г, падо́г* (Даль считал возможным свести пять последних слов к одному).

Даль требовал писать *горо́ховина* вместо *горо́фина, кумухи* вместо *комоха, возжица* вместо *вожжица* и т.п.

Сами упреки В. И. Даля в большинстве случаев вызваны отсутствием четких представлений о фонетических особенностях диалектов и их географическом распространении, неразработанностью русской, в особенности диалектной, этимологии.

Между тем современники отнеслись вполне сочувственно к труду Академии наук. Выход его из печати приветствовали крупнейшие периодические издания, такие как «Современник», «Сын отечества», «Библиотека для чтения», «Москвитянин».[248] С рецензиями выступили Ф. И. Буслаев и Я. К. Грот. По мнению Ф. И. Буслаева, Опыт областного великорусского словаря явился выполнением завещания Ломоносова, предполагавшего написать работу о русских диалектах.[249] По словам Я. К. Грота, Опыт представляет собой труд чрезвычайно полезный для изучения русского языка и русского народа.[250] Диалектные слова могут помочь при исследовании слов литературного языка, нередко указывая на корень, морфологический состав, первоначальное значение

[246] *Канкава М. В.* В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958. С. 136–137.
[247] *Грот Я. К.* Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 по 1891 г. // Сб. ОРЯС. 1892. Т. 53. С. 6.
[248] См.: *Канкава М. В.* В. И. Даль как лексикограф. С. 133.
[249] *Буслаев Ф. И.* Словарь областных речений великорусского наречия // Сб. ОРЯС. 1852. Т. I. Кн. 4. С. 167.
[250] *Грот Я. К.* Областные словари. С. 145.

или более раннюю форму. Они представляют собой важный и ценный материал для изучения других славянских языков, истории русского языка, законов русской просодии, они дают материал для этнографии, так как представляют драгоценные указания для изучения нравов и обычаев народа.[251] Как и другие ученые того времени, в областных словах Я. К. Грот видел источник пополнения русского литературного языка недостающими понятиями. «Наконец, — пишет Я. К. Грот, — чтоб одним словом определить всю важность Опыта областного словаря, несмотря на его относительное несовершенство, скажем, что без помощи его не может уже обойтись ни одно исследование в области русского языка, сколько-нибудь полное и основательное».[252]

Опыт сыграл большую роль в развитии русской диалектологии и областной лексикографии. Отразив и подытожив предшествующие представления о задачах диалектологии в соответствии с уровнем развития современной ему филологической науки, лексикографически решив ряд важных теоретических вопросов, Опыт способствовал тем самым дальнейшему развитию исторического языкознания, в том числе русской диалектологии. Можно утверждать, что появление в конце XIX–начале XX вв. целого ряда областных словарей во многом обязано созданию Опыта.

Изучение истории русского народа, его быта, обычаев и языка, собирание народных произведений особенно оживляется и расширяется в 50–60-е годы XIX в. в связи с изменением общественно-политической обстановки в стране, осуществлением ряда реформ, подготовкой отмены крепостного права. Издаются сразу получившие известность и высокую оценку современников такие сборники народных произведений, как Песни, собранные П. Н. Рыбниковым ч. I. Народные былины, старины и побывальщины (М., 1861) — всего 4 тома. Путевые письма из Новгородской и Псковской губернии (СПб., 1860), Бывалое и небывальщина (СПб., 1865) П. И. Якушкина, Русские народные песни, собранные П. В. Шейном (ч. I, 1870), Онежские былины А. Гильфердинга и др. В русской литературе получают распространение местные описания, бытовые рассказы, очерки народного быта (Даль, Тургенев, Григорович, Потехин, Писемский, Мельников-Печерский, С. Максимов и др.). Чрезвычайно расширяется русская народная стихия в литературном языке: 60–80-е годы — период демократизации литературного языка.

В этом контексте становится понятной деятельность В. И. Даля в области лексикографии, русской литературы и этнографии.

---

[251] Там же. С. 150.
[252] Там же. С. 150.

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля

С именем Даля связан продуманный и обоснованный план лексикографического отображения словарного состава русского языка в его различных проявлениях. Далю принадлежит идея создания системы словарей русского языка, в которых русский язык был бы описан во всех своих функциях и ответвлениях. В эту систему, по мнению Даля, должны войти: 1) общий русский словарь («все словари старинного письменного и обиходного языков, речения научные, ремесленные, промысловые, даже, пожалуй, и церковного — все без различия располагаются в общем алфавитном порядке, с указанием, к которому из этих разрядов слово принадлежит, и затем, с самым кратким объяснением, при ссылке на пятый отдел»); 2) словарь великорусский («полное собрание слов очищенного, обиходного русского языка, с устранением всего прочего»), каждое слово должно быть объяснено более подробно с примерами, с приведением синонимов современного, древнерусского и церковнославянского языков, а также диалектными «тождесловами». Этот словарь должен содержать богатый выбор народных выражений, пословиц, поговорок и т.п.; 3) словари частные (словари отдельных наречий русского языка, а также словари — церковнославянского, украинского и белорусского языков, древнерусского языка, с введением, содержащим сравнительную грамматику и обзор говоров русского языка, и других славянских языков); 4) корнеслов (понимая под этим принцип организации лексического материала, нашедший отражение в Толковом словаре живого великорусского языка); 5) словарь толковый, «расположенный не в простом азбучном порядке, а по предметам».[253]

Даль предполагал, что последний словарь и должен служить для изучения родного языка, «для отыскания всех выражений, какие могут кому понадобиться для сравнения тождесловов и пр.». «Вместо списка всех слов языка, размещенных в азбучном порядке, словарь этот будет состоять из целого ряда статей, в каждой из которых должны быть объяснены десятки и сотни слов». Даль, следовательно, на первое место выдвигает идею идеологического словаря.

Все пять словарей должны быть взаимосвязаны и дополнять друг друга. Это, по мысли Даля, пять «отделов» одного словаря, призванного отразить во всем объеме словарный состав русского языка, показать его с различных сторон. Этот план следует считать отчетливо выраженным мнением о необходимости создания системы словарей — идеи, которая утвердилась в современной русской лексикографии.

«Толковый словарь живого великорусского языка», созданный Далем, в истории лексикографии занимает особое место. Явлением исключительным делает его уже то, что он является плодом более чем

[253] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. С. LXXXII.

полувекового труда одного человека, специальностью которого языкознание не являлось. Словарь писал «не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка»,[254] — так подчеркнуто скромно писал о себе В. И. Даль.

Своеобразие Далевского труда проявилось и в его оригинальном замысле и в исполнении. Даль был выдающимся знатоком русского языка в его самых разнообразных видах, внимательным наблюдателем народной жизни, ценителем, собирателем и хранителем сокровищ русского слова. Этими качествами составителя объясняется полнота словника словаря, тонкость и точность характеристики семантики слов и особенностей их употребления.

Пятьдесят три года собирал В. И. Даль слова, пословицы, поговорки, составляя и совершенствуя свой словарь. В «Автобиографической заметке» Даль сообщает: «3 марта 1819 года... мы выпущены в мичмана, и я по желанию написан в Черное море в Николаев. На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательное основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотоле не слышал».[255] А за неделю до смерти в сентябре 1872 г. Даль просит дочь внести в подготавливаемое им второе издание Словаря четыре новых слова, которые он услышал от прислуги.[256]

В. И. Даль был замечательным и оригинальным исследователем русского языка. Не получив специального филологического образования, он вместе с тем был филологом по существу, причем филологом самого широкого профиля. Все, что им сделано, это плод его «необыкновенной проницательности, его ценою почти всей жизни приобретенной опытности к знанию народного языка во всей его обширности и глубине».[257]

В подготовке Даля как лексикографа не последнее место занимает его писательская деятельность. Рассказы и очерки Даля (казака Луганского) на народные темы отмечались прекрасным знанием народной жизни и языка. Неслучайно, их ценили многие деятели русской культуры (Пушкин, Белинский, Тургенев, Чернышевский). По мнению Белинского, значение литературного творчества В. И. Даля заключается в том, что он знает и любит русского мужика, «он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком».[258] Он много сделал в собирании памятников народного творчества — былин, народ-

---

[254] *Даль В. И.* Толковый словарь... Т. I. С. XV.

[255] *Даль В. И.* Автобиографическая заметка // Полн. собр. соч. СПб., 1897. Т. I. С. XCI–XCV.

[256] *Мельников П. И.* Вл.Ив.Даль: Критико-биографический очерк // Там же. С. I–XC.

[257] Из отчета о деятельности II Отд. Академии наук за 1872 г., читанного в публичном заседании 29 декабря 1872 г. академиком А. В. Никитенко // Отчеты Акад. Наук по отд. рус. яз. и словесн. за 1866–1891 гг. СПб., 1903. С. 181.

[258] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 80.

ных песен, сказок, легенд, собрал и издал сборник русских пословиц и поговорок, до сих пор самый полный сборник такого рода.[259] Ему принадлежат ценные работы по этнографии, в которых исследуется народный быт, обычаи, поверья и т.п. Работы Даля по диалектологии и истории языка сохраняют свое значение и в наши дни. Даль был не только превосходным знатоком русских говоров, он, по словам академика А. А. Шахматова, «дал замечательное по полноте и точности описание современных великорусских говоров, в их грамматическом и лексическом составе».[260] Такого научного описания русских говоров до Даля никто не сделал.

В. И. Даль хорошо понимал значение диалектного словаря для этнографии и истории русского народа, установления его родственных связей. «В бытовом (этнографическом) отношении местный словарь получает еще другое значение: он указывает на происхождение и сродство поколений, и потому областное наречие или говор не могут быть оставлены без внимания этнографом».[261]

Более ста лет прошло со времени выхода в свет первого Толкового словаря Даля, с тех пор он неоднократно переиздавался, его достоинства и недостатки, роль в развитии русской лексикографии, его значение как историко-культурного явления были предметом исследования и обсуждения многих филологов, писателей и общественных деятелей, современных ему и нашего времени.[262]

В Словаре Даля нашли отражение его взгляды на русский язык и пути его дальнейшего развития. Даля не удовлетворял разрыв между письменным языком и устной речью простого народа. В оторванности письменного языка от народно-разговорной речи он видел нарушение самого духа русского языка: «С той поры, как составитель этого словаря себя помнит, его тревожила и смущала несообразность письменного языка нашего с устной речью простого русского человека... Для меня сделалось задачей выводить на справку и поверку: как говорит книжник, и как выскажет в беседе ту же, доступную ему мысль человек умный, но простой, неученый, — и нечего говорить о том, что перевес, по всем прилагаемым к сему делам мерилам, всегда оставался на стороне последнего. Не будучи в силах уклониться ни на волос от духа языка, он поневоле выражается ясно, прямо, коротко и изящно».[263] «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный»,[264] — горячо призывает Даль.

---

[259] *Даль В.* Пословицы русского народа. М., 1957. 991 с.

[260] *Шахматов А. А.* Русский язык // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1899. Т. 55. С. 581.

[261] *Даль В. И.* О наречиях русского языка // Толковый словарь... Т. I. С. XIII.

[262] Детальный анализ теоретических и практических проблем, связанных со Словарем Даля, дан в монографии *М. В. Канкавы* «В. И. Даль как лексикограф» (Тбилиси, 1958). В ней обстоятельно изложено также отношение к словарю современной ему критики и критики последалевского времени.

[263] *Даль В. И.* Напутное слово // Толковый словарь... Т. I. С. XV–XVI.

[264] Там же. С. XIII.

Даль давал высокую оценку русской народной речи: «Живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи».[265] «Простонародный» язык для Даля — «корень и основание образованного языка; его живой и напояющий источник».

Давая такую высокую оценку народному языку, Даль не требовал его утверждения в качестве общенародного языка. «Повторяю, — писал он, — для людей добронамеренных, что вовсе не утверждаю, будто вся народная речь, ни даже все слова речи этой должны быть внесены в образованный русский язык; я утверждаю только, что мы должны изучить простую и прямую русскую речь народа и усвоить ее себе, как все живое усвояет себе добрую пищу и претворяет ее в свою кровь и плоть».[266]

Естественно, что при выборе типа словаря, при выработке его принципиальных положений Даль опирался на предшествующий лексикографический опыт, с которым он был хорошо знаком. В основу словаря Даль положил народный язык, хотя слова книжно-письменного языка, как и многие усвоенные иностранные заимствования, также нашли в нем свое место. В словаре получили отражение устаревшие слова и церковнославянизмы (но включение всех этих элементов обязательно корректировалось их употребительностью в живом языке). Нашли отражение в словаре и областные, местные слова. Количество последних довольно велико, значительно большее, чем в Опыте и Дополнении, что объясняется большими запасами собственных далевских материалов. Основными источниками народно-разговорной и областной лексики Толкового словаря были следующие: Опыт областного великорусского словаря (1852), Дополнение к нему (1858), Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного В. Бурнашева (СПб., 1843–1844. Т. 1–2), Ботанический словарь Н. Анненкова (СПб., 1878. Ч. 1–2) и многочисленные собственные записи В. И. Даля (т.е. те богатейшие материалы, которые явились итогом его многолетней собирательской деятельности). Таким образом, Даль объединяет в одном труде, своеобразно перерабатывая, распределяя по гнездам и истолковывая, «лексику письменного русского языка с лексикой живого устного народного языка во всех его видоизменениях, с широко представленной терминологией разных ремесел и профессий».[267] Кроме этого основного материала В. И. Даль использовал записи слов своих многочисленных корреспондентов, поступавшие систематически с 1840 г., собрания диалектных слов, публиковавшиеся в газетах и журналах (материалы П. Ф. Кузмищева, М. Н. Макарова, С. Гуляева, Л. И. Шренка).[268] Опора Даля в своем словаре на народно-

265 Там же. С. XIV.
266 Там же. С. XVIII.
267 *Канкава М. В.* В. И. Даль как лексикограф. С. 128–175.
268 Там же. С. 175.

разговорную стихию языка (наличие в нем большого количества пословиц, поговорок, слов разговорных, просторечных, наконец, включение в словарь диалектных слов) окрашивает весь словарь, придает ему чисто русский народный характер. Этим обстоятельством, очевидно, объясняется тот факт, что В. И. Ленин, высоко оценивая труд В. И. Даля, назвал его «областническим»,[269] хотя собственно таковым он не является.

Особо ценным в словаре Даля является громадное количество областных слов, значительная часть которых собрана самим составителем словаря: слов, связанных с ремеслами, промыслами, народной медициной, народными названиями растений, животных, птиц, обычаев, поверий. Часть этих слов содержалась в различных изданиях (специальных и неспециальных) и не была известна лингвистам. Далю принадлежит заслуга в том, что он выбрал слова из многочисленных источников, свел их в одном труде, сделав, таким образом, доступными и обозримыми для специалистов по русскому языку и славистике.

Общий объем словника далевского словаря превышает 200 000 единиц. Это самый большой по объему словника словарь русского языка.

Однако Толковый словарь живого великорусского языка — это не словарь литературного языка, это и не словарь диалектный, областной в полном смысле этого слова. В нем собраны и объединены различные стихии русского языка — язык литературный (язык образованного общества) и язык народный. Это объединение для Даля не было случайным.

Разграничение общенародной и местной лексики — дело огромной важности в теории и практике русской лексикографии, но вместе с тем, — это дело величайшей трудности. Сам Даль, превосходно знавший народный язык, не взял на себя такой задачи (не только из-за ее сложности, но скорее из-за своих теоретических убеждений). Для этого, по его мнению, нужно было знать живой русский язык на всей громадной территории его распространения.

В статье «О наречиях русского языка» Даль писал: «Мы вообще большей частью ошибаемся, отмечая слово курским, нижегородским потому только, что в первый раз его там слышали; но мы слишком мало знакомы с народным языком, и один только случай даст нам, особенно письменникам, повод услышать не письменное реченье».[270] А отсюда вывод — «нам еще едва ли можно отделять словарь наречий от словаря народного языка и что именно труд наш тогда только достигнет цели своей, когда ознакомит нас сколь можно ближе с языком народным и со всеми местными особенностями его».[271] И это был наилучший выход из затруднительного положения давать из народного языка все, что известно и возможно, по необходимости, ограничиваясь пока только указанием места, где записано слово.

[269] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 121–122.
[270] *Даль В. И.* О наречиях русского языка // Толковый словарь... Т. I. С. XXXI.
[271] Там же. С. LXXXI.

Основные принципы далевского словаря, его концепция заключались в следующем:

1. Показать как можно шире лексическое богатство русского языка: не только письменного, книжного языка, но также стихию народно-разговорной речи с включением слов народных говоров, слов различных промыслов и ремесел.

2. Показать «дух» русского языка, т.е. его словопроизводственные отношения (словообразовательные типы и модели). Этому, по мнению Даля, отвечал избранный им порядок расположения слов в словаре: совмещение алфавитного и гнездового расположения слов.

3. Отобразить духовные и нравственные взгляды русского народа, черты его характера, обычаи и нравы.

Эти принципы были обусловлены теоретическими взглядами автора, его настойчивыми стремлениями к обогащению литературного языка словами народными. Этим принципам подчинены основные правила словаря и вся система лексикографической обработки слов.

Кладя в основу своего Словаря народный язык — «потому что язык этот силен, свеж, богат, краток и ясен» — Даль высказывает свое отношение к местным народным говорам. Он считает, что в русском языке нет наречий, существуют лишь говоры, которые отличаются «от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины и с прибавкою весьма немногих, образованных на месте речений, всегда верных общему духу языка... Наши местные говоры — законные дети русского языка и образованы правильнее, вернее и краше, чем наш письменный жаргон».[272] Любое слово местных говоров, по мнению Даля, должно занять по праву ему принадлежащее место в словаре литературного языка («в великорусском словаре»). Это послужило основанием для Даля включать в словарь «великорусского языка» все областные слова, попавшие в поле зрения составителя. Вводить или не вводить областные слова в словарь — «этот вопрос не заставил делателя призадуматься: слова, речи и обороты всех концов Великой Руси, для изучения живого языка, должны войти в словарь, но не для безусловного включения их в письменную речь, а для изучения, для знания и обсуждения их, для изучения самого духа языка и усвоения его в себе, для выработки из него постепенно своего, образованного языка. Читатель, а тем паче писатель, сами разберут, что и в каком случае можно принять и включить в образованный язык».[273]

По подсчетам самого Даля в его словарь включено около 100 000 слов из общего Словаря церковнославянского и русского языка 1847 г., около 30 000 из других источников (прежде всего из «Опыта областного великорусского словаря 1852 г. — 15 тыс. и столько же — из Дополнения к нему); около 70–80 тысяч слов собрано самим составителем. «Не

---

[272] *Даль В. И.* Напутное слово // Толковый словарь... С. XVIII. (Как видно из рассуждений В. И. Даля, он имел свое особое представление о понятиях «наречие» и «говор»).

[273] Там же. С. XVIII.

воображайте однако, — предупреждает Даль, — чтобы прибавка эта состояла вся из слов коренных или неслыханных доселе областных выражений; напротив, девять десятых из них простые, обиходные слова, не попавшие только доселе в наши словари именно по простоте, по безвычурности и обиходности своей: словари набирались из книг, а книги пишут, взбираясь на ходули и подмостки. Мы с неба звезды хватаем, а под ногами ничего не видим».[274]

Большой материал по диалектной лексике содержится в цитатном материале далевского словаря, особенно в составе пословиц и поговорок, которые занимают в словаре первое место (по словам составителя — их более 30 тысяч): «при бедности примеров хорошей русской речи, решено было включить в словарь народного языка все пословицы и поговорки, сколько их можно было добыть и собрать».[275]

Характер Словаря хорошо определил сам составитель: «речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; иноязычные усвоенные и вновь захожие, с переводом, объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных, с одно (тожде) словами и выражениями окольными; с показанием различных значений, в смысле прямом и переносном или иноречениями; указания на словопроизводство; примеры, с показанием условных оборотов речи, значение видов глаголов и управления падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.»[276]

Даль применил в своем словаре средний между алфавитным и корнесловным способ расположения слов: группы слов, возводимых к общему корню, объединяются в гнезда, во главе которых ставятся глагол или имя (приставочные образования помещаются в особые словарные статьи под буквами, с которых они начинаются). «Вот тот порядок, то устройство словаря, на которое составитель словаря решился: собрать по семьям или гнездам все очевидно сродственные слова, устранив, однако же, предложные и те производные, в которых изменяются начальные буквы; это попытка на способ средний между *голословным* и *корнесловным* словарями».[277] Даль считал, что такой способ расположения слов в Словаре способствует постижению духа русского языка, что так раскрываются законы его словообразования. «Не усвоим ли мы себе легче утраченный нами дух языка при том гнездовом или семейном порядке составления словаря, какой читатели видят ныне пред собою».[278]

Это давало возможность экономно раскрыть смысловые связи и отношения слов, дать их семантическую, словообразовательную характеристику. Однако избранный Далем способ расположения слов в словаре

[274] Там же. С. XXVI.
[275] Там же. С. XXII.
[276] Там же. С. XXIII.
[277] Там же. С. XX.
[278] Там же. С. XX.

таил в себе многие трудности, приводил составителя к разного рода ошибкам и промахам. Не будучи языковедом по образованию, Даль нередко произвольно объединял в одном гнезде слова, которые не являются родственными. Так,в одной статье объединены актер и акциденция; вальс и вальц и т.п. А, с другой стороны, слова дикий и дичь, знак и значок, круг и кружить и другие оказались в разных гнездах.

Даль отрицательно относился к приему толкования значений слов при помощи развернутых логических определений. Он считал, что общие определения слов, как и описание самих понятий, предметов — «дело почти неисполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее».[279] Составитель решительно отстаивает преимущества другого способа истолкования значений слова — подбор к толкуемому слову группы синонимов и слов, более или менее сходных по значению. «Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры еще более поясняют дело»,[280] — подчеркивает Даль.

Счастливое совмещение в одном лице прекрасного знатока русской словесности, этнографа, талантливого писателя, медика, естествоиспытателя, диалектолога, лексиколога и лексикографа, наконец, хорошее знакомство Даля с особенностями жизни и быта разных слоев русского общества, его близкое отношение к широким народным массам — все это способствовало успешному выполнению главного труда всей его жизни. Это отмечает и сам составитель Толкового словаря, говоря, что «разнородность занятий и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, в различных частях низшего управления, наклонность к наукам естественным и ко всем ремесловым работам ознакомили его, по языку и по понятиям, с бытом разных сословий и состояний, наук и знаний».[281]

Это самым благоприятным образом сказалось на характеристике понятийного содержания многих разрядов лексики. Рецензентами единодушно отмечалось богатство содержания тех статей Толкового словаря, «которые относятся к быту, к нравам: обычаям, поверьям русского народа, к промыслам, торговле, мореплаванию, наконец, к естественным наукам. В этом-то, рядом с богатством запаса собранных Далем слов и примеров, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря». В словаре заключен «обширный круг сведений о русском народе», «богат словарь Даля объяснениями разных сторон жизни русского народа и русской природы». Причем здесь приводятся «сведения, почерпнутые не из книг, а из непосредственного общения с народом и из наглядного знакомства с предметами».[282] Многие слова этих лексических разрядов разработаны Далем в «энциклопедическом ключе».

---

[279] Там же. С. XXII.
[280] Там же. С. XXII.
[281] Там же. С. XVII.
[282] *Грот Я. К.* Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // Труды. СПб., 1899. Т. II. С. 53–55.

Вот как, по мнению Даля, должна выглядеть словарная статья на слово, разработанное таким образом: «*Алюр*, образ хóда или бега лошади, побежка; она бывает: *ступá*, нога — пó ногу; *шаг*, равный шагу человека; *ходá*, шагистый шаг, с *нáрысью* зада; *нáрысь, притрýска, грунцá, рысцá, хлынь* или мелкая рысь; *грунь* или *рысь*, побежка с выкидкой ног накрест; *рысь* малая, легкая или мелкая, и большая, частая, крупная; *ѝноходь*, когда обе ноги одного бока выкидываются разом; *перевал* или *в три ноги перебой, шуточно: цыганская побежка, ни рысь, ни иноходь*; *трóпоть*, мелкий перебой, сбивчатая нáрысь, самая шибкая хода; *нáметь, зáйчиком*, курцгалоп, обе передние ноги вздымаются почти разом; *меть* или *галоп, полная меть*, то же, но помашистее; *скачь, карьер*, то же, но без дыбков и с растяжкою; *слань, стéлька, марш-марш* (воен.), во весь дух, во все лопатки».[283] В таком же духе должны разрабатываться многие «бытовые» слова: «Стол.. он состоит из подстолья и столечницы; подстолье из ножек (иногда с разножками) и обвязки, в которой нередко ходит ящик. Столечница бывает глухая, поворотная и съемная; в столе на стоялах (тумбах) весь верх съемный, а обвязка скреплена со столечницею; у столов о стоя́ле или об одной ножке, для устойчивости бывает широкая подножка. Столы по назначению своему бывают: простые, разъемные и разборные, раздвижные, раскидные и подъемные; названия им: банкетный, обеденный (вытный), ломберный (игорный), рабочий (письменный), диванный (гостиный) и проч.»

«Иногда вкратце объясняется выделка вещи, названия, в мастерстве принятые и проч. Думаю, что это полезнее сухих и никому не нужных определений».[284] Так, при слове масть приводится и объясняется до 50 названий конских мастей; при слове гриб — десятки видов грибов и т.п. «Самое усиленное внимание прилагал я, чтобы достигнуть полноты словаря, относительно выражений народных и правильно объяснять их».[285]

Даль утвердил употребление термина «толковый словарь». Известное с XVIII в. название своего словаря толковым Даль объясняет так: «Стараясь принять значение каждого слова сперва в самом обширном смысле его, объяснить затем значения частные, потом понятия подчиненные, средние, поколику это согласуется с азбучным порядком, указывая местами на родство, связь и образование слов, и стараясь придать всему этому взаимный смысл и толк человеческой речи — составитель словаря полагал, что должен, хотя одним словом, намекнуть на эти особенности. Ведь заглавие должно же выражать, насколько можно, смысл и дух сочинения, а самое слово *толковый*, в весьма недавнюю старину означало именно то, что здесь хотелось высказать».[286]

Уже после выхода первых двух выпусков Толкового словаря Даля И. И. Срезневский опубликовал рецензию на Словарь, отмечая его куль-

[283] *Даль В. И.* О русском словаре // Толковый словарь... С. XXXVIII.
[284] Там же.
[285] Там же. С. XXXIX.
[286] *Даль В. И.* Напутное слово // Толковый словарь .. С. XXIV.

турное и воспитательное значение: «Давно уже в русской литературе не было явления в такой мере достойного общего внимания и признательности, как этот словарь... Это вместе с тем одно из тех произведений, которые своим появлением действуют на ход образованности народной тем более, чем их самих более, и чем более лиц, умеющих ими пользоваться».[287]

К числу положительных сторон словаря И. И. Срезневский отнес включение в него слов, принадлежащих научной и технической сфере употребления, и слов областных; наличие толкований значений; включение народных выражений, пословиц, поговорок; указание на происхождение слов.

Лексикографический труд Даля получил высокую оценку в научных и общественных кругах России второй половины XIX в. Издание Словаря имело широкий отклик в печати. Отзывы публиковались в таких журналах, как «Отечественные записки», «Русский вестник», «Библиотека для чтения», «Книжный вестник», «Век» и др., в газетах. Рецензенты отмечали не только практическую полезность словаря Даля — служить справочником, но писали и о его высокой патриотической роли. «Словарь имеет практическое назначение: служит справочной книгой при чтении, к нему обращается тот, кто не владея обширным знанием языка, встречает непонятные слова — в разговоре ли, в книгах или в иных случаях и обстоятельствах... Но точно ли... Словарь родного языка должен быть прежде всего *справочной книгой*? Да, он справочная книга, но не в том узком смысле, о каком обыкновенно говорят, а в высоком значении справочной книги истории народа, его характера и вообще всего, что мы называем дорогим именем своей народности. Тот никогда не поймет и не оценит подвига В. И. Даля, кто к его Толковому словарю станет прибегать лишь в случае обиходной нужды, по необходимости понимать то, что случается читать или слышать... Словарь — это зеркало и вместе с тем истолкователь явлений жизни народа, с которым нас роднят и кровные узы, и высшие духовные стремления; здесь собрана наша внутренняя история, неподкупная правда нашей жизни... Таким образом, становя нас лицом к лицу с народом и самим собою, Словарь родного языка исполняет великую образовательную задачу, он равно влияет и на воспитание гражданина, и на образованность одиночного человека».[288]

Комиссия Русского географического общества, представлявшая словарь на соискание Константиновской медали (И. И. Срезневский, А. Н. Пыпин, П. И. Савваитов), указало на большое значение далевского словаря для развития этнографии: огромные лексические богатства, заключенные в словаре, с большой долей народно-разговорных слов и выражений, фольклорные материалы и этнографические сведения делают словарь «весьма важным лингвистическим источником для

[287] *Срезневский И. И.* Библиографические записки // Изв. ОРЯС. 1861–1863. Т. 10. Вып. 1–7 (листы 11–17). С. 245.

[288] *Котляревский А. А.* Сочинения. СПб., 1895. Т IV С. 337–441.

изучения живой великорусской народности... живого русского человека, со складом его способности, силы, действий, с его взглядом на себя и на всех, что представляется ему в быту домашнем и общественном».[289]

«Представляя итог нашей истории, вывод, до которого дошла многовековая жизнь нашего народа, труд В. И. Даля ровно драгоценен и необходим для истории и для исследования народности — этнографии. Замените только словарное расположение предметным — и в его Словаре вы получите полное изображение современной жизни русского народа, живую картину его современного нравственного бытия и деятельности, его нужд и потребностей, его мыслей, наивных верований, нравов, обычаев; вы живо почувствуете и то, что ожидает в грядущем этот народ, создавший такой звучный язык, такое богатство понятий»,[290] — писал А. А. Котляревский.

Оценивая Толковый словарь, Я. К. Грот отметил богатство заключенной в нем лексики и особенно новое для русской лексикографии — опору на живой народно-разговорный язык. Он писал, что «Толковый словарь» должен был обнять весь запас великорусского языка, как он является в устной речи, в литературных произведениях и отчасти даже в памятниках древней письменности, но живой язык вообще составлял главную задачу нашего лексикографа».[291]

«Даль, перелив в свой труд все, что для его цели было годно из напечатанных до него русских словарей, и прибавив к этому массу слов, им самим собранных, дал нам самый полный русский словарь из всех, какие мы до сих пор имеем».[292] Высоко оценил Я. К. Грот привлечение в качестве иллюстраций большого количества пословиц и поговорок («в словаре, где на первый план поставлен язык народный, пословицы и поговорки весьма уместны»), так как они выражают ум и мировоззрение народа».[293]

Я. К. Грот считал, что словарь Даля «в современной русской лексикографии это без всякого сравнения самый полный и многообъемлющий словарь, притом его труд, задуманный смело и оригинально, выполненный самостоятельно».[294]

Толковый словарь Даля — это поистине энциклопедия русского народного быта, в которой отразились характерные черты склада ума и характера русского народа. Словарь не укладывается в рамки обычных филологических словарей: в нем объясняются не только значения слов и выражений, но и описываются предметы и явления, характеризующие русский народный быт, поверья, приметы, обычаи и множество других этнографических сведений. Это роднит далевский труд с энциклопедическими словарями и справочниками.

[289] Отчет о присуждении медалей Русского географического общества 1862 // Зап. РГО. 1863. Кн. I. С. 24.

[290] *Котляревский А. А.* Сочинения. Т. 4. С. 441.

[291] *Грот Я. К.* Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. С. 26-29

[292] Там же. С. 29.

[293] Там же. С. 47.

[294] Там же. С. 57.

Вот почему «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля до сих пор остается незаменимым пособием — справочником по русскому языку и русской культуре XIX века, прежде всего по живой русской речи прошлого столетия. «Пока мы пользуемся дореволюционной литературой, пока сталкиваемся с русским народным языком, Толковый словарь Даля оказывается для нас необходимым пособием».[295] «Толковый словарь живого великорусского языка» — это своеобразный итог кропотливой, большой работы по выявлению и фиксации бесценных богатств русской диалектной лексики, работы, которая велась, начиная с XVIII в. Это и вершина лексикографической работы XIX в., с высоты которой открывались новые перспективы ее развития.

Диалектные словари конца XIX — начала XX в.

Общественный подъем, рост национального самосознания в России после отмены крепостного права проявился в небывалом до сих пор интересе к русской народности, русскому языку, произведениям народного творчества.

Предпринятая различными обществами и учреждениями широкая статистическая и описательная работа различных сторон русской народной жизни (экономики, права, обычаев, нравов, быта, особенностей языка), распространение этой работы на периферию (деятельность местных статистических комитетов и др.) давало богатый материал бурно развивающейся этнографии и науке о языке. Оживление деятельности Академии наук, выпуск ею Опыта областного великорусского словаря и Дополнения к нему, активная собирательская работа (записи народных песен, былин, сказок и т.п. П. В. Киреевским, Е. В. Барсовым, П. Н. Рыбниковым, И. Афанасьевым, А. Ф. Гильфердингом, А. И. Соболевским, П. Шейном и др.), издание Толкового словаря В. И. Даля, распространение сравнительно-исторического метода, нуждающегося в большом количестве точных языковых фактов, и, наконец, приход в науку таких ученых, как А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, Лавровский, А. И. Соболевский, Я. К. Грот и др., увидевших в народных говорах богатейший источник для лингвистических исследований, — все это явилось новым толчком к изучению местных диалектов, к более активному и сознательному собиранию диалектных слов.

Знаменательно, что в 60-е годы в научных кругах распространяется мысль о том, что «только на местах может быть собран с достаточной полнотой материал».[296]

Одновременно с начавшейся работой по диалектологии (описанием диалектов и диалектных явлений) в разных местах России широкое

---

[295] *Чернышев В. И.* Владимир Иванович Даль и его труды в области изучения русского языка и русского народа // Избр. тр. М., 1970. Т. 2. С. 385.

[296] *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1891. Ч. 2. С. 74.

развитие получает работа над диалектными словарями отдельных губерний. В конце XIX — начале XX вв. создается сразу несколько диалектных словарей разного объема, ознаменовавших качественно новый этап русской диалектной лексикографии.

Словарь областного архангельского наречия А. О. Подвысоцкого

Среди областных словарей конца XIX — начала XX в. первое место по праву принадлежит Словарю областного архангельского наречия[297] — первому большому областному словарю, включающему диалектную лексику, употребляющуюся на территории всей Архангельской губернии. Словарь А. О. Подвысоцкого представляет собой выдающееся достижение русской лексикографии XIX в. Словарь не только знакомил читателей с лексическим богатством архангельских говоров, но служил также источником для изучения и других особенностей этих говоров (фонетических и морфологических), содержал сведения по этнографии Архангельской губ. Составленный одним автором по определенной программе, на основе твердо установленных принципов, Словарь отличается богатством диалектной лексики (около 5 тысяч слов), высоким уровнем ее лексикографической обработки: это проявилось в стилистически безупречных толкованиях слов, логичном, красивом построении словарных статей (каждая статья представляет собой краткий и в то же время художественный рассказ о слове или гнезде слов). Словарь областного архангельского наречия намного опередил развитие русской диалектологии и диалектной лексикологии. По мнению современного исследователя, «ни один из последующих областных словарей по существу не поднялся выше словаря А. О. Подвысоцкого».[298]

Словарь по достоинству был высоко оценен научной общественностью. В 1881 г. Академия Наук присудила ему Ломоносовскую премию, а в 1885 г. (спустя два года после смерти автора) словарь был издан на средства Академии Наук. Такой успех Словаря объясняется прежде всего незаурядностью личности самого А. О. Подвысоцкого, его богатым жизненным опытом, интересом к языку и хорошими литературными способностями. Не будучи лингвистом по образованию (последние годы своей жизни А. О. Подвысоцкий занимал должность управляющего архангельской конторой государственного банка), он отличался широкой образованностью, владел украинским и польским языками (отсюда в Словаре украинские и польские параллели к севернорусским словам). По словам акад. Я. К. Грота, — А. О. Подвысоцкий «первым опытом

[297] *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

[298] *Васильева Е. З.* Принципы составления «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого // Слово в народных говорах Русского севера. Л., 1962. С. 121.

своим в области языкознания вдруг обнаружил редкую филологическую способность» (Предисловие к «Словарю областного архангельского наречия»).

К началу работы над Словарем А. О. Подвысоцкий был уже известным автором нескольких исторических заметок, очерков из местной жизни, календарей и справочных книг.[299] Прожив последние десять лет (с 1873 г.) в Архангельске и по долгу службы часто бывая в поездках по Архангельской губернии, он близко познакомился с жизнью и бытом ее жителей и с местными говорами. Записи диалектных слов, выражений, пословиц, поговорок, этнографических сведений, которые он делал в поездках, послужили ему материалом для Словаря.

Улучшению качеств архангельского словаря способствовало прочтение его выдающимся специалистом в области лексикологии и лексикографии акад. Я. К. Гротом. Руководствуясь подробным отзывом Я. К. Грота, автор исправил и дополнил свой Словарь ранее опубликованными материалами.

А. О. Подвысоцкого отличает хорошо продуманный и научно обоснованный подход к работе над архангельским словарем. Так, он совершенно правильно считал, что целью составления областных словарей является приведение в известность лексического богатства диалектов. В то же время А. О. Подвысоцкий отдавал себе отчет в том, что составленный им словарь (в том виде, как он им был задуман) заключает в себе сведения не только лексические, но и фонетические, и морфологические. Будучи сторонником словаря диалектно-этнографического, он хорошо понимал и его чисто языковые задачи и возможности. А. О. Подвысоцкий считал, что с помощью областных словарей можно выполнять задачи более широкие, чем только лексикографические. Публикацией словаря он надеялся восполнить недостаток сведений о русских диалектах («добыть характеристику наречий, их грамматические особенности»).

А. О. Подвысоцкому принадлежит замысел создания областных словарей русского языка, описывающих диалектную лексику Европейской части России (всего 30 губерний), практическое руководство по сбору материалов для них (программа собирания сведений для областных словарей), а также план и организация работы над областными словарями.[300]

А. О. Подвысоцкий был сторонником дифференциального типа словаря, включающего только диалектную лексику. В то же время он был убежден, что областной словарь должен быть и этнографическим (неслучайно название словаря: «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении»), объясняя это характером образования местных диалектов: «Так как областные наречия

[299] См. об этом: *Кузнецова О. Д.* Архангельский словарь А. О. Подвысоцкого // Русская речь. 1974. № 1. С. 98–103.

[300] *Нефедов Г. Ф.* А. О. Подвысоцкий и его словарная работа // Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962. С. 122–128.

образовались под влиянием различных в разных местностях этнографических условий, которыми только и можно объяснить склад и происхождение весьма многих областных слов и особенностей наречий, — то необходимо, чтобы словари были с тем вместе и этнографическими».[301]

Он считал, что составитель областного словаря обязан быть лично знаком с «общей этнографической и бытовой обстановкой данной местности». По его мнению, «недостаточно черпать материал за глаза, так сказать, на веру, лишь через местных корреспондентов». Этим принципам отвечал предложенный план составления областных словарей, как он выражался, «на правильных систематических началах и под руководством высшего Ученого учреждения — Академии».[302] План А. О. Подвысоцкого отличался простотой и практичностью: агенты Академии Наук (один или два) организуют поочередно в каждой губернии (всего в 30 губерниях Европейской части России) через посредство преподавателей, священников, писарей и т.п. сбор диалектных материалов и составляют областные словари отдельных губерний.

Предложенная А. О. Подвысоцким программа собирания сведений содержала перечень разделов или тем, включающих несколько лексических групп (наименования реалий крестьянского быта, домашнего хозяйства, скотоводства, огородничества, птицеводства, полеводства, строительства и т.д.). В каждом разделе содержатся практические указания, какие слова и выражения собирать; обязательно упоминается о сборе поговорок, пословиц и т.д. на конкретную тему. Например, в разделе «внутреннее домашнее хозяйство» — выражения для обозначения приемов гостеприимства, приветствий, угощений и потчеванья. «Поговорки, присловья, народные приметы и пословицы».[303] Эта программа обеспечивала сбор значительного количества весьма разнообразного лексического и фразеологического материала. А требование записывать слова с примерами их употребления в живой речи обеспечивало полную языковую и понятийную характеристику лексики.

По мысли А. О. Подвысоцкого, составление областных словарей отдельных губерний является предварительным этапом создания великорусского словаря, включающего материалы всех областных словарей. План А. О. Подвысоцкого по своему характеру был как бы антитезой академическому замыслу, воплощенному в Опыте и Дополнении к нему, так как, по его мнению, составление областных словарей возможно только людьми, хорошо знающими диалекты и условия жизни их носителей, а создание словаря, включающего материалы диалектных словарей отдельных регионов, возможно только после составления последних. Таким образом, план А. О. Подвысоцкого обеспечивал создание областных словарей значительно более высокого уровня, чем Опыт и Дополнение.

Теоретические взгляды А. О. Подвысоцкого нашли воплощение в архангельском словаре. Стремление включить в словарь как можно

---

[301] Там же. С. 124.
[302] Там же. С. 121.
[303] Там же. С. 125–126.

больше диалектной лексики, показать богатство северной народной речи с ее своеобразными выражениями, пословицами и поговорками и в то же время отразить ее характерные фонетические и морфологические особенности, поместить как можно больше этнографических сведений обеспечило полноту отражения и детальность характеристики словарного состава архангельских говоров. Словарь А. О. Подвысоцкого до сих пор остается самым полным собранием архангельских слов. Акад. Я. К. Грот как самую важную особенность Словаря отметил богатство его словника («Это первый целый словарь значительного объема по одному областному наречию»). Сравнивая Словарь с предшествующими собраниями архангельских слов, рецензент обнаружил, что все слова, включенные в них, за очень небольшим исключением, имеются в словаре А. О. Подвысоцкого, причем с более подробными объяснениями и иллюстрациями, показывающими употребление их в живой речи.[304]

Однако стремление включить в свой словарь как можно больше разнообразной информации о слове привело к нарушению в ряде случаев дифференциального принципа в отборе слов. В словаре находим отдельные слова, тождественные с литературными по значению, отличающиеся только фонетически: результатами закономерных фонетических особенностей: ви́тер, исть, ми́сто, взеть, гове́дина, бо́цка, клюц, ци́рей, горсь, стрась и т.д.[305] В качестве заголовочных слов в словарь включались литературные слова, входящие в состав пословиц, поговорок, поверий, фразеологических выражений, терминологических сочетаний. Например: Ворота. Поговорка: Широ́ки ворота запрёшь, а мирскова ротка не запрёшь. (Кем.); Пятница. Поверье у поморов: в пятницу ветер сменяется как бы ни играл круто; Весна́. Народная примета: Весна красна — лето красное, зима бела — осень черная (Холм., Шенк.) и т.д.

Совмещение нескольких задач дало возможность автору представить не только лексические особенности говоров, но также фонетические, морфологические, сообщить этнографические сведения, развернуть богатство пословиц, поговорок Северного края. Все эти материалы обогатили словарь, сделали его более насыщенным в разных планах (лексическом, фольклорном и этнографическом). В одной книге была сосредоточена и очень экономно представлена богатейшая и разнообразная информация, большей частью совершенно не знакомая до этого читателю.

В словаре А. О. Подвысоцкого широко представлена бытовая лексика, то есть слова и выражения из самой обыденной жизни (назва-

---

[304] *Грот Я. К.* Отчет о присуждении Ломоносовской премии // Зап. Академии Наук. СПб., 1882. Т. 40. Кн. I. С. 115.

[305] Возможно, А. О. Подвысоцкий опирался в этом отношении на мнение Я. К. Грота, который писал: «Не должно было пренебрегать никаким словом, никаким изменением звуков или ударения в словах уже известных, ничем, что может послужить сколько-нибудь полезным указанием наблюдателю, желающему изучить современный нам язык во всех его проявлениях» (Грот Я. К. Областные словари // Филол. разыскания. СПб., 1876. Т. I. С. 145).

ния крестьянских построек, домашней утвари, посуды, кухонных принадлежностей, различных кушаний; одежды: *изголо́вье* `подушка для спанья́´, *вороту́шка* `надеваемый особо от юбки обтяжной лиф с рукавами́´, *ото́пки* `старые истоптанные башмаки или коты́´, *до́йльница* `подойник´, *дуплё* `небольшая из древесной коры корзина для собирания лесных ягод´, *гри́бник* `пирог с грибами́´, *воло́га* `приварок, приправа к еде´, *гу'сто молоко* `творог´ и т.п.), названия домашних животных, упряжи, телег, саней, сельскохозяйственных орудий: *во́зка* `зимний на оленях транспорт с рыбою и пушным товаром из самоедских тундр´, *во́рочь* `лопасть колеса водяной мельницы´, *дубе́ц* `древко у молотильного цепа´, *грабловйще* `древко граблей´, *граби́лка* и *наби́рка* `деревянное орудие с зубьями и ложбиною между ними для сбора лесных ягод´ и т.п.

Многочисленна географическая и топонимическая лексика: *долгомочь* `пространная низменность, иногда поросшая лесом´, *ви́рга* `заросшая кустарником или мелким лесом болотистая местность´, *остри́ло* `узкий, остроконечный мыс на реке´, *изло́жина* `глубокая рытвина´, *отпа́дыш, па́деж, паду́н* `оторвавшаяся с горы или иной возвышенности льдина или снежная лавина´, *меже́нь, меже́нная, межо́нная пора, время* `летнее время, средина, самый разгар лета´, названия угодий и пожней и т.д. В особенности широко представлена лексика, связанная с морем; здесь собраны и объяснены не только названия морского побережья, отмелей, мелей, льдов: *водопо́ймина* и *водопо́ймян* `покрываемые водою в морской прилив... камень или мель в море´, *отпря́дыш* `камень в море, лежащий отдельно от рифа или у приглубленного берега´, *втя́жня* `пучина, водоворот´, *водю́шка* `полое, открытое среди сплошных льдов место в море и т.д., но и названия ветров, морских течений, приливов и отливов, стран света, румбов компаса, морских волнений´ (см. статьи на слова *Вода́, Межни́к, Побере́жник, По́водь* и др.). Имеются местные названия рыб, зверей, особенно промысловых, птиц, растений, грибов: *галадья́* и *галдья́* (Clupea sardina) `мелкий вид сельди, промышляемой в Белом море´, *голья́ш* и *голы́ш* `рыба, разновидность корюхи´, *гага́рка* `птица кайра´, *гуме́нник* `дикий гусь на о.Колгуеве´, *острохво́ст* `утка — шилохвост´, *долби́лка* `дятел´, *гу́ньба* `растение полевой анис´, *душки́* `растение кошачья мята´ (Glechoma hederacea), *оси́нник* `гриб волнуха´ и т.п.

Заметное место занимает лексика различных промыслов и ремесел, бытовавших в Архангельской губ. (морского, прядения, ткачества, лесного, лесосплавного и др.), наименования судов, лодок, снастей, рыболовных сетей и устройств (*ка́рбас, карбасо́к* и т.д., см. также статьи на слова *Пере́мёт, Поддо́н, Подлёдный лов* и др.); наименования человека по родственным отношениям: *дочу́ха* `дочь´, *де́ва́ка* `девушка, девка´, *де́дина, де́динька* `жена дяди´, по различным качествам; народные названия болезней: *во́спица* `оспа´, *гнетхе́я* `лихорадка´, *горлови́ца* `болезнь горла´, *даве́я* `лихорадка´; названия многочисленных игр (*дре́ма на суботу* `игра в веревочку...´, игра в заеньку, игра рюхами и т. д.),

лексика, относящаяся к народным обрядам, верованиям. При этом приводятся народные пословицы, поговорки, приметы, поверья.

А. О. Подвысоцкий поместил в Словарь местные названия населенных мест, сел, городов, островов и т.п.: *Воскресенский погост* `прежнее название бывшего города, теперь селения Кевроль в Пинеж. у.´, *Ворзого́ры* `погост в Онеж. у.´, *город, Арха́нгельский город* `Архангельск´, *Го́рская* `деревня в Шенкурском у.´, *городо́к* `местное название с.Пустоозерска в Мез. у.´, *Гру́мант* `остров Шпицберген´, *Да́тска* `Норвегия´ и т.д.

Словарь содержит богатый набор различных фразеологических выражений, бытовавших на Русском Севере: одни из них приводятся в словарных статьях наряду с другими материалами, другие помещаются самостоятельными статьями. При слове *крошни* `род кузова´, например, имеется поговорка: *попал из короба в крошни*, соответствующая литературному *из кулька в рогожку*; в статье *Рука́* приведены выражения: *к руке, не к руке*, означающие `надо´, `не надо´, `требуется´, `не требуется´. *Не к руке рыбёшки?* — `не надо ли рыбы?´ (Мезен.). См. также выражения: *живой рукой* `живо, проворно´ (*живой рукой сделал да принес), заложи́ть за ухо* `забыть о чем-л.´ В статье на слово *Идти* приведено свыше двадцати выражений (*идти по лакомке* `мотать деньги на разгульную жизнь´ и т.д.).

Все лексическое и фразеологическое богатство словаря подается весьма компактно, экономными средствами. Слова в словаре расположены преимущественно в алфавитном порядке. Такое расположение удачно сочетается с гнездовым порядком: когда в одной словарной статье помещаются фонетические варианты и однокоренные синонимы, преимущественно одной части речи: *лопать, лопасти́на, лопоти́на, лопоти́шка, лопоти́нка, ло́поть, ло́потье; на́звище, на́зовь, на́зывище; зда́рье, зада́рье, взда́рье* и т.п. Гнездование применяется и в некоторых других случаях: *ди́вень* `диво, чудеса´. Отсюда: *ди́вой* `дивный, удивительный´, *ди́вненько* `дивно, удивительно´ (Мезен.) или *е́ресь* `сварливость, бранчливость´. Отсюда *ересті́ться* `брюзжать, ворчать, ссориться´, *ересли́вой* `сварливый, ворчливый´, *ересту́н* `сварливый человек´ (Онеж., Холм., Пинеж.) и т.п.

А. О. Подвысоцкий стремился отразить в своем словаре фонетические и морфологические особенности говоров, а также их вариантностные, синонимические и словообразовательные возможности. Это достигается несколькими способами: употреблением немногочисленных грамматических помет, отмечающих грамматические формы (ср. ст., сов. в., мн. ч., род. п. и некоторые др.), приведением некоторых форм (падежных, личных глагольных, сравнительной степени и т.п.), иллюстрациями (примерами из живой народной речи, где слова употреблены в своеобразных диалектных формах). Таким образом, несмотря на ограниченность грамматических помет и несистематичность приведения при заголовочном слове грамматических форм, А. О. Подвысоцкому весьма экономными средствами удается показать морфологические особенности архангельских говоров: грамматические формы приводятся,

главным образом, в тех случаях, когда они отличаются своеобразием, представляют собой отклонение от литературных, например, формы мн. ч.: *зуб*, мн. ч. *зу́бья*; *ки́бас*, мн. ч. *ки́басы* и *ки́басья*; *крень*, мн. ч. *кре́нья*; *ту́ес*, мн. ч. *ту́есья*; *ще́лье*, мн. ч. *щелья́*; формы других падежей: *за́еч*, мн. ч. *за́ячи*, род. п. мн. ч. *за́ячей*; *плець* `плечо´, мн. ч. *пле́ци*, твор. п. *пле́цью, пле́цьем, пле́цеми* и т.п. (иногда даже вплоть до выделения особо своеобразных случаев в самостоятельные статьи).

Представлены местные словообразовательные особенности говоров: более широкое, чем в литературном языке, употребление собирательных существительных. В словаре они или помещаются самостоятельными статьями или даются при существительных, от которых образованы: *пру́товье*, собир.; *хворостьё*, собир.; *ко́чет* (собир. *ко́четьё*), *ви́ца, ви́ча* (собир. *ви́чье*). При существительных указаны производные уменьшительные, увеличительные: *взво́день, зво́день* (увел. *взво́днишшо*), *пясть* (уменьш. *пя́сточка*) и т.п.

А. О. Подвысоцкий выработал весьма удобные приемы и способы передачи семантики диалектных слов. Слова, полностью совпадающие с соответствующими литературными по значению, толкуются с помощью литературных коррелятов (*отга́нуть* `отгадать´, *моря́ной* `морской´). Большинство слов истолковано с помощью лаконичных филологических толкований (*зажи́н* `начало жатвы´, *не́сыть* `ненасытный, жадный человек´). Наряду с филологическими толкованиями применяются толкования энциклопедические. Они используются для объяснения слов терминологического или этнографического характера (названия животных, рыб, растений, явлений природы, орудий труда, обычаев, обрядов и т.п.), обозначающих местные реалии и понятия. Статья на слово *Забор* `устройство для ловли семги´ занимает, например, почти целую страницу; детально описывается *ка́рбас* `судно для речного и прибрежного морского плавания´, *по́плавень* `невод для ловли семги´ и многие др. Благодаря обстоятельным энциклопедическим толкованиям читатель получает хорошее представление о местной природе (ст. *Вода́* и др.), местных промыслах, народных обрядах (ст. *Пропо́й, Смотри́ны, Борода́* и т.п.), играх (ст. *Ба́рина женить*), поверьях (ст. *Тоска́, Шишко́*).

Дифференцированное использование этих трех видов толкований слов в диалектном словаре оказалось весьма удачным: оно с успехом применяется в современной диалектной лексикографии.

Одной из положительных сторон словаря является наличие в нем большого количества иллюстраций: значения диалектных слов подтверждаются примерами употребления в говорах, представляющих собой отрывки живой разговорной речи северян. Например, значение слова *жить* `бодрствовать, не спать´, иллюстрируется следующим образом: *Были тамотки спозаранку, да хозяева, сказывали, еще не живут* (т.е. спят). В качестве иллюстраций автором используются поговорки, пословицы. Другое местное значение глагола *жить* подтверждается следующими употреблениями: *В нашем городе кажду неделю торги*

живут; Што в людях живет, то и нас не минет (поговорка). Благодаря богатству иллюстраций, а также точным и ясным определениям слов, логичности построения словарных статей Словарь А. О. Подвысоцкого до сих пор с читается с интересом. Почти каждая словарная статья представляет собой увлекательный рассказ о слове или о гнезде слов. Например, статья на слово ***пыль*** `пена в море во время волнения´, включает следующий текст: *Пыль, страшонная пыль в море, вода словно мылом налита.* Когда говорят: *В море пыль стоит*, это значит, что море волнуется, бурлит. Отсюда ***пыли́ть*** (о волнении в море), `бурлить, разбрасывать брызги, пениться´: ***пы́лкой*** (о морском ветре) `сильный´: *Погода шибко разыгралась, пылит уж оченно; пы́лко в море стало.* Словарная статья построена так умело, с таким проникновением в смысл и структуру диалектных слов, что читатель получает представление не только о словообразовательных связях слов, но и об их мотивировочных отношениях.

Заслугой А. О. Подвысоцкого является также и то, что он не ограничился обычным толкованием значения слова, а во многих случаях указал на характер функционирования его в живой речи. В словарных статьях присутствуют указания на экспрессивную, эмоциональную окраску слов: насмешливо: ***полоро́той*** (насм.) `разиня, недалекий, глуповатый человек´ (Онеж., Шенк.), ругательно: ***не́сыть*** (ругат.) `ненасытный, жадный человек´ (Кол.), шутливо: ***деделю́ха*** (шут.) `видная, полная женщина´, ласкательно: ***помили́ночка*** `миленькая моя´ (Онеж.).

Автор удачно ипользовал такие приемы толкования, как: *так говорят, называют, говорится о том-то..*, когда следует показать ограниченность употребления слова или значения (только какой-то частью говорящих) или применение такого употребления только к определенным предметам или явлениям: *дразни́ть ветер.* Гребцы говорят, что не следует грести в попутный ветер, чтоб не дразнить ветер (Помор.) или ***снима́ть, понима́ть.*** Говорится о прибылой воде, когда она затопляет землю, мель или выступающие камни (Повсем.) и т.п.

А. О. Подвысоцкий тщательно отрабатывал и структуру словарной статьи, думал над очередностью расположения лексических значений. Им был избран принцип — помещать на первое место значения, употребляемые в Архангельской губ. повсеместно, например, *Дере́вня.* 1. Пахотное поле. 2. Сельская община. Такая очередность расположения значений наблюдается в большинстве словарных статей.[306]

Таким образом, А. О. Подвысоцкий собрал и ввел в научный оборот значительное количество севернорусской лексики, с указаниями на языковые особенности, характер употребления и место распространения слов, с диалектными примерами. Словарь, созданный А. О. Подвысоцким, знакомил читателей с фонетическими и морфологическими особенностями архангельских говоров, опередив, таким образом, описательную диалектологию, которая еще не располагала характеристикой

---

306 *Васильева Е. З.* Принципы составления «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом отношении» А. О. Подвысоцкого. С. 115.

архангельских говоров.[307] Следует подчеркнуть, что не только научная сторона, но и чисто лексикографическая в Словаре А. О. Подвысоцкого стоит на высоком уровне: четко проявляется следование избранным принципам и определенным правилам представления материала (в толкованиях слов, структуре словарных статей, грамматической характеристике слов, а также в системе отсылок от одного слова к другому, проведенной регулярно по всему словарю).

Словарь областного архангельского наречия положил начало созданию целого ряда областных словарей. По богатству лексики и уровню ее лексикографической обработки Архангельский словарь явился образцом при создании других диалектных словарей. Его основные идеи — дифференциальный принцип отбора лексики, широко проведенный этнографизм и способы лексикографической обработки слов — стремились использовать авторы последующих диалектных словарей. Авторитет Словаря был настолько высок, что и в дальнейшем составители диалектных словарей не решались отказываться от этнографической стороны и, называя составленные ими словари, повторяли название А. О. Подвысоцкого: см., например, «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского (СПб., 1898) и «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом отношении» П. А. Дилакторского (рукопись ИРЯ. СПб., 1902).

В конце XIX — начале XX вв. диалектные словари разного объема публикуются как приложения или части описаний говоров (см. работы по диалектологии классического периода Е. Ф. Будде, А. А. Шахматова, В. А. Водарского, А. Грандилевского, В. Мансикки, П. Н. Тиханова, М. Г. Халанского, В. И. Чернышева и многих других, а также ответы на программы АН и программы МДК)[308] или как самостоятельные произведения. К последним можно отнести словари В. И. Анучина (Материалы к областному словарю сибирского наречия. Красноярский у. Енисейской губ. // Изв. Краснояр. подотд. Вост.-Сиб. отд. РГО. 1904. Т. I. Вып. 6. С. 31-71), В. Г. Богораза (Областной словарь Колымского русского наречия // Сб. ОРЯС. 1901. Т. 68. №4. С. 19–163), Н. М. Васнецова (Материалы для объяснительного Областного словаря вятского говора. Вятка, 1907), Н. И. Виноградова (Областной словарь Костромской губернии. Кострома, 1916), В. А. Водарского (Областные слова Рыбинского у. Ярославской губ. // Живая старина. 1902. Вып. 3-4. Отд. 2. С. 392-412), В. Волоцкого (Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губ.) говора: Словарь Ростовского говора // Сб. ОРЯС, 1902. Т. 72. №3. С. 1–115; В. Н. Добровольского (Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914), М. К. Герасимова

[307] Уместно напомнить, что появление Архангельского областного словаря А. О. Подвысоцкого совпало с начальным периодом русской классической диалектологии: еще впереди была публикация многочисленных описаний русских говоров и их последующая классификация в результате работы МДК (Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1914).

[308] См. СРНГ. М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 18–99.

(Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 87. №3. С. 1–111), А. Б. Карпова (Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск. 1913), Ф. И. Поликарпова (Материалы для изучения великорусских говоров: Нижнедевицкий словарь // Филол. зап. Воронеж, 1911. Вып. 2–5; 1912. Вып. 1, 3), А. И. Сахарова (Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губ. // Сб. ОРЯС. 1901. Т. 68. №5. С. 1–48), И. Т. Смирнова (Кашинский словарь // Сб. ОРЯС. 1901. Т. 70. №5. С. 1–212), Е. Якушкина (Материалы для словаря народного языка в Ярославской губ. Ярославль, 1896) и др.

Словарь областного олонецкого наречия Г. И. Куликовского

Олонецкий словарь, составленный Г. И. Куликовским,[309] во многом напоминает архангельский словарь А. О. Подвысоцкого: те же основные принципы, лежащие в его основе, тот же этнографизм (обилие разного рода этнографических сведений), наличие в нем большого разряда местной терминологической лексики с подробным толкованием ее, значительное количество пословиц и поговорок. Все это не случайно. Г. И. Куликовский сознательно придерживался тех же взглядов на составление областных словарей, что и А. О. Подвысоцкий. Последнее объясняется направлением развития филологической науки в конце XIX в., не разделяющей диалектологических и этнографических задач, а также наличием образца, который получил заслуженное признание.

Перед изданием Словарь был просмотрен и дополнен акад. А. А. Шахматовым (его дополнения, как вообще все материалы, записанные не самим автором, отмечены соответствующими пометами). Словарь областного олонецкого наречия вышел в свет в 1898 году, а в 1901 году Вторым отделением Академии Наук Словарю была присуждена премия имени М. В. Ломоносова.

Словарь Г. И. Куликовского представляет собой наиболее полное собрание олонецких слов. Г. И. Куликовский поместил не только слова, собранные им самим, но также все олонецкие слова, которые он нашел в опубликованных этнографических, лингвистических и фольклорных статьях и заметках (из Олонецких губ. ведомостей, журнала «Живая старина» и изданий РГО, фольклорных источников), а также все слова с пометой «олонецкое» из Словаря В. И. Даля. Это обеспечивало известную полноту Словаря, но в то же время имело и отрицательную сторону, поскольку не все слова имели точное указание на место записи и не всегда их значение было правильно записано собирателем-любителем.

В Словаре Г. И. Куликовского широко представлена бытовая лексика с различными местными выражениями и оборотами речи, лексика

[309] *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 162 с.

местных промыслов, географическая и топонимическая лексика, вообще слова, относящиеся к природе, лексика, относящаяся к народной медицине, обрядам, обычаям, народным играм, слова местных верований и т.д.

В Олонецком Словаре собрано значительное количество разнообразных фразеологических выражений. Богатство приведенных Г. И. Куликовским фразеологических выражений вместе с теми фразеологизмами, что представил в архангельском словаре А. О. Подвысоцкий, явилось своеобразным открытием: оно свидетельствовало об образности и выразительности языка русских северян. Примеры этому читатели находили буквально на каждой странице: *первое слово скажи — не ответит* `о молчаливом, необщительном человеке´, *дождем бежать, бежать как дождь* `бежать большой толпой или врассыпную´, *собра́ться на ум* `подумать о чем-либо, представить себе что-либо´ (*не могу, лю́бка, и на ум собраться!*). Одни из них приводятся в статьях на диалектные слова; другие помещаются в статьях при каком-либо общенародном слове, включенном в словарь ради показа фразеологизма (или фразеологизмов). Такова, например, статья на слово *Пень*, где приведены фразеологизмы *в пень вырубили* `все вырубили, одни пни торчат´ или статья *По́ходь*, в которой находим только фразеологические выражения: *в по́ходь идти* `идти вслед за кем-нибудь, идти по тому же пути, нагонять, преследовать кого-либо´, *в по́ходь ходить* `ходить из угла в угол, из конца в конец селения, города, без устали, не отдыхая, не садясь´. Большая часть фразеологизмов выделяется в самостоятельные статьи: и не только те, которые состоят из слов общенародных, как выражение *клу́бом сердце вьется* `о человеке, испытывающем сильное горе, страдание, отчаяние´, *глаз с глазом не было* `о ком-либо, кто совсем не спал, не смыкал глаз´, но и фразеологизмы, имеющие в своем составе диалектное слово, *как одоли берут* `изумление овладевает´, *росту́чий огонек* `жар, лихорадочное состояние у маленького ребенка´.

В Олонецком Словаре присутствует весьма значительный разряд заимствованных слов: *вара́ка* `скала, гранитный камень..´, *ва́рандать* `ворчать, брюзжать, ругаться´, *ви́ранда* `лгун´, многочисленные глаголы типа *ва́жандать, кала́бандать, ка́ландать, ля́байдать* и т.д.

Близкое соседство с угрофинскими языками, наличие заимствованной лексики наложило определенный отпечаток на олонецкие говоры, породив значительное количество материальных вариантов слов. При показе вариантов Г. И. Куликовский не упрощает сложной картины, а стремится отразить ее как можно полнее и точнее, во всем ее многообразии. Приводятся не только варианты, различающиеся фонемами в сильном положении: *гва́здать, гво́здать; се́льга, сё́льга*, но также и варианты, различающиеся безударными гласными, качеством гласных и согласных фонем: *гвазду́ха, гвозду́ха; жеру́н, жору́н; шело́ник, шало́ник; лebи́вой, либи́вый; ке́рдега и ке́рдяга; лепа́к, ляпа́к; ви́ца, ви́ця; глу́дкой, глю́дкой; хи́нькать, хы́нкать; щу́ка, шшука; ка́ча и ка́чча; ла́бои, ла́ббои; лонча́к, лоньча́к* и т.д.

При показе вариантов в словарных статьях Г. И. Куликовский не делает различий между их разновидностями, не дифференцирует он их и с однокоренными словами. Они все представлены совершенно одинаково: например, *га́лить, гали́ть, га́литься, га́ляндать; жарави́на, жарави́ца, жарави́ча, жарави́ця* и т.д.

Все это материальное многообразие вариантов, так бесхитростно отраженное словарем, свидетельствовало и о разных путях адаптации заимствований и о разнообразии фонетических особенностей олонецких говоров. И хотя материальные варианты в Словаре никак не дифференцированы и показаны вместе со словами-синонимами, однако даже простое их представление в Словаре в том виде, как они были записаны, для конца XIX в. было весьма ценным и новым.

Слова в Словаре Г. И. Куликовского расположены преимущественно в алфавитном порядке, однако автор так же, как и А. О. Подвысоцкий, прибегал к объединению нескольких слов в одной словарной статье, но делал это реже, объединяя кроме вариантов главным образом слова-синонимы, а не вообще родственные слова: ср. статью *Поровё́нки, поровё́ночки* ‘ровня, ровесник, однолеток’ (*Где-то у молодешеньки дорогие поровеночки*. Песня) или статью *Сугре́ва, сугре́вушка, сугре́ва моя теплая, сугре́юшка* ‘ласковое обращение к женщине’.

Большинство слов имеет краткие, лаконичные толкования: *сторо́нник* ‘нелюдим, кто бегает от людей, дичится’, *околе́ть* ‘озябнуть, промерзнуть’ (*Ребята ваши страсть околели!*), *ове́ршье* ‘верхний слой сена в стоге’. Другая часть слов толкуется путем перевода на литературный язык: *о́льга* ‘болото’, *отня́ться* ‘отказаться’ и т.д.

Терминологическая лексика (рыболовецкая, сельскохозяйственная и др.) имеет пространные, энциклопедические толкования с детальными объяснениями внешнего вида и устройства реалий и их применения. Подробно объясняются различные устройства для ловли рыбы, охотничьи ловушки на зверей. Например, в статье *Поездо́к* или *Се́тка* не только рассказывается, как вяжется рыболовный снаряд, но указывается также, как им ловить и какую рыбу. Целую страницу занимает описание *невода (неведа)*. Такие же пространные, детальные описания получают слова *мережа, мерда, мутник* и другие термины, обозначающие рыболовные снаряды и снасти. Очень подробно толкуются слова терминологического характера, относящиеся к местному быту, сельским работам, обычаям, нравам, а также лексика народной медицины и т.п. При этом приводятся различные приметы, поверья, сведения из народной медицины. Примером может служить статья с заголовком: *Он, сам, хозяин, овсяник, зверь* и реже *гря́зной* — такими словами, по свидетельству Г. И. Куликовского, олончане называют медведя. Далее следует объяснение, почему, говоря о медведе, олонецкие жители употребляют именно эти слова; здесь же приводятся местные суеверия, приметы, поверья и обычаи, связанные с медведем.

Г. И. Куликовский стремился показать в своем словаре грамматические особенности говоров, своеобразие местной грамматики. Однако в словаре нет систематических указаний на грамматические формы в

заголовке статей. Грамматические формы приводятся в статьях (довольно редко), в тех случаях, когда они отличаются своеобразием, не совпадают с литературными: например, в статье на слово *Ви́ца* приведены формы им. мн. *ви́чья*, род. мн. *ви́чьев* и т.д., в статьях на слова *Во́лос* — им. мн. *воло́сья*, род. мн. *воло́сьев, Во́пы* — им. ед. *воп*, род. мн. *во́пов, Га́д* — им. мн. — *гадо́вья* или *гадо́вье, Гора́зно* — сравн. ст. *гора́же, гора́жия*, а также *гражée, ражée* и т.д.

Кроме упомянутых указаний на формы, особенности олонецкой грамматики отражают также иллюстрации — примеры употребления в диалектной речи. На слово *жу́кнуть* дается: *жу́кни-же ещё!*, на слово *кобя́ниться — ты чего кобя́нишься-то?*, на слово *ми́деть — золото не мидеет*, на слово *моди́ть — полено-то сыро, модит, а не горит* и т.д.

Несомненным достоинством Словаря являются иллюстрации употребления слов в живой речи, которые вместе с выражениями и оборотами, пословицами и поговорками подтверждали богатство северной народной речи. Например, в статье на слово *надия* `надежда´: *На отца надия нуне плохая!, Надия ты наша! Надия моя крепкая!* — их адресуют человеку, от которого надеются что-либо получить, ждут помощи, поддержки; в статье *Пясть, пя́сточка, пя́стка* `щепотка, горсть, горсточка´: *Дай пя́сточку муки. Нет ли пясточки соли до завтра*, выражения *скупая пясть* `о скупом человеке´, *душа в пясти'* `о сильно испугавшемся человеке´ (*Не говори, не спрашивай, у него душа в пясти*).

В Словаре Г. И. Куликовского отрабатывался и уточнялся тот идеальный тип словаря, о котором писал А. О. Подвысоцкий и который был им составлен: проверку жизнью и диалектным материалом прошли его принципы и основные правила. Словарь Г. И. Куликовского не только представил лексическое богатство олонецких говоров, их фразеологию, пословицы, поговорки, разнообразные этнографические сведения, но также познакомил читателей с фонетическими, морфологическими особенностями говоров и с заимствованной лексикой. Материалы, представленные Г. И. Куликовским, содержащие многочисленные варианты заимствованных слов, давали возможность специально исследовать эту лексику, изучить пути адаптации заимствованных слов русскими говорами.

Вятский областной словарь Н. М. Васнецова

С 1892 года в Памятной книжке Вятской губернии и вятском календаре начали печататься «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова. В 1907 году губернский статистический комитет в Вятке издал этот Словарь отдельной книгой.[310]

[310] *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 357 с.

Будучи сельским учителем, Н. М. Васнецов всю жизнь прожил в Вятской губернии и потому хорошо знал местные говоры, разбирался в их особенностях.[311] По сведениям Н. М. Васнецова, говоры средней части Вятской губ. (южные части Глазовского и Слободского уездов, Вятский, Нолинский, Котельнический и Орловский уезды) представляют собой типично вятское наречие. Словарь содержит лексику именно этих говоров («Как слова, вошедшие в словарь, так и заметки к особенностям говора взяты из наблюдений только над говором средней части губернии, над говором чисто вятским, с его характерными особенностями». Предисловие. С. 6.).

Н. М. Васнецов с увлечением занимался собирательской работой, подготавливая материалы для будущего Словаря. Свою задачу он видел в том, чтобы познакомить читателей со своеобразным языком своей родины — Вятского края. Он был убежден, что живая речь вятичей заслуживает интереса, так как в ней много старинных, не сохранившихся в литературном языке слов и поэтических выражений. По мнению рецензента Д. К. Зеленина, словарь Н. М. Васнецова «тогда же обратил на себя внимание русских диалектологов и лингвистов».[312] Главными достоинствами словаря Д. К. Зеленин называл «чисто лингвистические: обилие прекрасных примеров почти на каждое слово; обилие глаголов, сложных с предлогами; отсутствие слов, взятых из печатных источников или вообще из вторых рук: внесены только слова, которые сам словарник слышал непосредственно из народных уст; подробное выяснение значений слова».[313]

Вятский словарь составлялся как дифференциальный с теми же отступлениями, что и словарь А. О. Подвысоцкого: при показе грамматических или каких-либо других особенностей, фразеологических выражений делались отступления от этого принципа (см. статьи на *вéдомо, гумнó, гýща, двóйня* и т.п.).

Вятский словарь Н. М. Васнецова содержит лексику бытовую, разговорную (названия одежды, пищи, крестьянского обихода: *парёнка, сухомéс, кулáга, кулебáка* и т.д.), лексику, относящуюся к деревенскому строительству (названия жилья, крестьянских построек: *гóлбец, гумéнник, ды́мник, жи́тница, завóрки, залáвок, звоз* и т.п.), а также лексику сельскохозяйственную (слова и термины полеводства, пчеловодства), лексику, относящуюся к лесному хозяйству, смолокурению, рыболовству, ткачеству, слова и выражения, относящиеся к местным обычаям и обрядам (*величáть, горны́е, дары́, дрýжка* и т.д.), народным верованиям (*дóлгой, еги́бова, жи́хорко, кики́мора, кóканко, некошнóй* и т.д.). В отличие от словарей А. О. Подвысоцкого и Г. И. Куликовского в вятском словаре в меньшей степени проявляется этнографизм:

[311] См.: *Кузнецова О. Д.* Вятский словарь Н. М. Васнецова // Русская речь. 1975. №1. С. 97-100.
[312] *Зеленин Д. К.* Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного вятского словаря // Живая старина. СПб., 1910. Вып. 3. Ч. 19. С. 260.
[313] Там же. С. 261.

толкования местной терминологической лексики в нем более краткие, реже встречаются приметы, поверия, описания обычаев (эта особенность Словаря отмечена была Д. К. Зелениным).[314]

Кроме отдельных слов в Словарь включены также различные фразеологические выражения и обороты, которые, как правило, оформлены в самостоятельные статьи: *Наза́д — переды́* `задом наперед, обратно, навыворот´ (*рубаху надел назад-переды; ты считай назад-переды*), *вал-валом* `массою´, *ерма́к*, употребляется в выражении: *наш ермак на все стороны однак*, когда желают выразить непостоянство человека. Таких выражений и оборотов в Словаре немного, немного также пословиц, поговорок и примет; часть из них помещается самостоятельными статьями, большинство же приводится в качестве иллюстраций. Например, слово *лихосно́й* `приобретаемый несправедливо, нечестным путем´ иллюстрируется поговоркой — *лихосное живет неспоро*, слово *погля́дка* `поглядыванье, взгляд´ — поговоркой — *с поглядки сыт не будешь* и т.д. В Словаре Н. М. Васнецова слова расположены преимущественно в алфавитном порядке. Однако автор прибегает и к гнездовому способу показа слов. В одной статье помещаются разнообразные фонетические и акцентные варианты слов: а́ленький, а́ленькёй; ва́таракша, ва́торокша; вбегу́тки, вбегутки́; веде́рник (ведёрник) и т.д.

В вятском словаре находим большой набор материальных вариантов, обычно помещаемых в заголовке одной статьи, редко — в тексте статьи или разными статьями: *аржани́ца, аржани́ця; а́рент, аре́нт; ба́еть* и *баять; бажи́ть, баже́ть; беспомо́шной, беспомощной* и т.п. Варианты отражают известные закономерные особенности вятских говоров и многочисленные незакономерные, лексикализованные явления.

Тонкий слух, лингвистические способности и хорошее знание вятских говоров дали возможность Н. М. Васнецову показать в своем словаре многообразные фонетические явления, реализованные в вятской лексике: как ёканье (*ёзга́ться, жола́ть, говеньё, гульби́шшо, па́шшолок, хотитё*), произношение Е на месте А обычно между мягкими согласными (*меки́нница, ба́еть, изма́еться, ма́еть, ма́еться, торче́ть*) и т.д.

Постоянно отмечается разное место акцента в словах: *ла́баз, лаба́з; го́лик, голи́к; ко́шеньшик, коше́ньшик*.

В вятском словаре Н. М. Васнецова имеются (начиная со слов на букву З) систематические указания на грамматические свойства слов: при всех словах имеются сведения о части речи, о форме родительного падежа (или существительных); слова приводятся с ударением; отмечается употребление слова одной части речи в функции другой. Однако грамматическая характеристика слов не является исчерпывающей: отсутствуют, например, в заголовке статей личные формы глаголов (правда, частичное представление об этих формах читатель получает из приведенных в статьях иллюстраций).

---

[314] Там же.

При толковании значений слов, как и в Словаре А. О. Подвысоцкого, автор нередко прибегает к переводу его значения с помощью литературного коррелята: *по́лишной* `лишний´, *обраде́ть* `обрадоваться´. Большинство слов имеет краткие определения значений.

В ряде случаев автор пользуется и более пространными определениями значений, толкуя слова терминологического характера, как, например, *дружка*. В статье на это слово не только говорится, кто может быть дружкой, каковы его функции на свадьбе, но описывается почти весь местный свадебный обряд. См. также *бастры́к, берёзовица*, `сок березы...´, *бере́стеник, бирка, борноволо́к, борт, боя́рин, бе́лая изба, вата́га, верши́ть* и т.д. В ряде случаев и обычные слова получают довольно пространные объяснения значений. Иногда пространные объяснения явно излишни, особенно в тех случаях, когда толкуются диалектные слова, имеющие литературные соответствия. Не нуждается, например, в подробном объяснении значение слова *вихля́вой, ви́ник* и некот. др.

Многие слова и значения слов подтверждены примерами из живой диалектной речи. Например, слово жатьё `работа´: надо начинать жатье ржанова; теперь только и жатье, покуле ведро; забе́дно `обидно, очень горько́´; `весьма прискорбно´ — *как это она вымолвила, так-то мне забедно стало, ой!*.. В качестве иллюстраций нередко используются народные песни, поговорки, прибаутки, сказки. Песнями автор обычно подтверждает употребление народно-поэтических слов, не встречающихся в обычной, бытовой речи. Например, *спону́ть* `заныть´ (*мое сердце ретивое споныло во мне...*), воздыха́ть, восси́ять, засту́пушка, назо́ла и т.д.

В Вятском словаре заметно стремление автора передать как можно точнее семантическое содержание диалектных слов, функциональную роль их в диалектной речи, а также отобразить присущую им стилистическую, экспрессивную и эмоциональную окраску. В ряде случаев в статьях имеется соответствующий комментарий. Например, *Бе́льмы*. `Название глаз в ругательном смысле´; *Беспелю́ха*.. Часто употребляется как брань; *Зна́йка*. Употребляется в смысле иронии. —*Ну, уж этот знайка!* или статья *Здо́хнуть*. 2. В отношении к человеку употребляется только в недоброжелательном смысле. *Здохнуть бы тебе, окаянному; Засту́пушка* `защитница, заступница´. Более поэтическое выражение; *Зи́монька* — `зима´. Поэтическое выражение: употребляется в песнях; *Назо́ла*. Поэтическое выражение и т.п.

В некоторых случаях в толковании слова может присутствовать указание на характер применения слова: Бережи́стой. `Относительно реки, ручья: имеющий глубокие, крутые берега´; *Берёжой*. `Беременный´. Применительно к скоту и т.п. Иногда указание на ограниченность употребления слова имеет лексический характер, т.е. употребление слова ограничено рамками конкретных выражений или сочетаний. Например, *Закро́шки. Взять закрошки* или *взять в закрошки значит*...; *Жданьё*. Отсюда слово *жданики*, употребляющееся в выражении: *ждали, ждали и жданики все съели* и т.д.

Наличие подобного комментария в Словаре свидетельствовало о прекрасном знании автором вятских говоров, к которым он, по его словам, «прислушивался еще с детства и с которыми затем сроднился в продолжении двадцатилетней службы сельским учителем».[315]

В вятском Словаре обнаруживаются зачатки системного подхода к лексике, проявляющиеся в указаниях (в отдельных случаях) на синонимические, родовидовые или антонимические отношения слов. Например, в статье *Бакла́жка* помимо толкования приводятся синонимы: *лагужка, лагунец*; также в статье *Ви́нность* `виновность´. Синоним сему — *провинность*. В статье *Варави́на* `веревка, свитая из пеньки´ приводятся еще сведения: «веревка, свитая из одного мочала, называется просто веревкою». Слово *заку́ржеветь* истолковывается словом *заи́ндеветь*. Далее в статье значения этих слов сопоставляются с целью показа их различия: («Понятия закуржеветь и заиндеветь несколько неподобно значущи...»). Такое сопоставление присутствует в следующем толковании значения слова *беля́на*: Так называется белая корова, так же как называется *буре́̈на* `бурая корова´ или *пестра́ха* `пестрая корова´ и т.д. Иногда значение слова истолковывается через указания антонима: *Безопа́ска.* `Противоположное значение слову опасность´. Конечно, с точки зрения современной лексикографии в вятском словаре можно найти некоторые погрешности. Например, отдельные контекстуальные употребления слов здесь принимаются за самостоятельные значения; иногда в одной статье объединяются очень далекие понятия, которые правильнее было бы поместить отдельными статьями. Иногда присутствуют лишние сведения, многословие в определениях значений слов и т.д.

Однако эти погрешности не являются существенными; не они определяют значение вятского словаря, созданного еще в конце XIX века. Главное достоинство и ценность Вятского областного Словаря в богатстве собранной в нем диалектной лексики, подтвержденной примерами живой диалектной речи конца XIX века.

Смоленский областной словарь В. Н. Добровольского

Смоленский областной словарь,[316] как и архангельский словарь А. О. Подвысоцкого, составлен также в духе традиций XIX в., когда в диалектных словарях задачи языковедческие сочетались с задачами этнографическими. Он занимает почетное место в истории русской лексикографии. Эта роль определяется поистине огромным количеством диалектной лексики, которая содержится в Словаре, богатством иллюстраций — примерами употребления слов из живой разговорной речи.

[315] *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного Словаря вятского говора. С. 4.

[316] *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь Смоленск, 1914.

Все содержание словаря представляет собой богатейший материал для исследования не только лексической стороны смоленских говоров, но также их фонетических, морфологических и синтаксических особенностей.

Автором Смоленского областного словаря был известный в свое время этнограф и фольклорист В. Н. Добровольский, открывший сокровища народного творчества юго-запада России. Из Московского университета, где он учился у Ф. И. Буслаева и В. Ф. Миллера, В. Н. Добровольский вынес живой интерес к русской народной жизни и быту, к русскому языку, веру в то, что народный язык является богатейшей сокровищницей при изучении истории русского народа. Эти идеи определили всю его жизнь и характер деятельности.[317]

Окончив Московский университет, В. Н. Добровольский почти всю жизнь прожил на родине, в Смоленской губернии, долгое время занимаясь исключительно собирательской деятельностью. Он много ездил, неустанно записывая произведения народного творчества, обычаи, приметы, поверия, смоленские слова и выражения. В. Н. Добровольский был членом Русского Географического общества (с 1886 г.) и Общества любителей естествознания, антропологиии и этнографии при Московском университете, куда был избран в 1887 году. В. Н. Добровольский написал и опубликовал ряд статей и заметок по этнографии и диалектологии. Но главными его трудами были Смоленский этнографический сборник,[318] которому он посвятил 20 лет жизни, и составленный на его основе Смоленский областной словарь. Уже первый выпуск Смоленского этнографического сборника, по словам рецензента, произвел впечатление на современников огромным богатством материалов, «какого можно ожидать от самого усердного и наблюдательного собирателя».[319] Рассказы крестьян о своей жизни, работе, народные песни, легенды, сказки, приметы, поверия и т.п. были очень любопытны, содержательны, и читатели с трудом верили, что они записаны от простых крестьян, а не выдуманы самим собирателем. В предисловии от редакции к IV выпуску сборника подчеркивается, что в Смоленском сборнике отражена «почти вся духовная жизнь народа Смоленского края».[320]

Смоленский словарь, созданный на основе многочисленных материалов, собранных на сравнительно ограниченной территории на протяжении тридцати лет, содержит очень большое количество слов (словарных статей в Словаре 16 560). Как справедливо заметил академик

---

[317] См.: *Кузнецова О. Д.* Смоленский областной словарь // Русская речь. 1975. № 2. С. 109–113.

[318] *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник // Зап. РГО по отд. этнографии. Ч. I. СПб., 1891. Т. 20; Ч. II. СПб., 1894. Т. 23, вып. I; там же. Ч. 3, вып. 2; Ч. 4. М., 1903. Т. 27.

[319] *Янчук Н. А.* Словарь // *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. С. 693–716.

[320] *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник Ч. IV. С. IX.

Е. Ф. Карский, Смоленский областной словарь «отличается достаточной полнотой и богатством содержания».[321]

Кроме собственных лексических материалов, внушительных по объему (составивших 4 больших тома Смоленского этнографического сборника), В. Н. Добровольский использовал диалектные материалы других авторов (они перечислены им в предисловии к Словарю).[322] Подобно словарю А. О. Подвысоцкого Смоленский областной словарь создавался на основе двух основных принципов — дифференциального отбора слов и широкого показа этнографического материала. Вместе с тем В. Н. Добровольский стремился как можно шире отразить фольклорное богатство Смоленской губернии. В угоду этим задачам дифференциальный принцип отбора слов нередко нарушался: в реестре слов можно видеть и литературные слова (*баня, барин, волк, волна, вяз, коровай, медуница, омут* и др.), приведенные здесь с целью показа фразеологизмов, фольклорных или этнографических материалов.

В Смоленском областном словаре помимо бытовой разговорной лексики содержится лексика сельскохозяйственная, терминология ткачества и различных других промыслов, а также многочисленные слова, относящиеся к названиям народных праздников, обрядов, верований, игр и т.д. Кроме того, здесь помещены собственные имена в диалектной форме и с диалектными уменьшительными, ласкательными образованиями (*Лекса, Лексашка, Алексаха; Ганна, Ганка, Гапа, Гапка; Гараська* и т.п.), названия городов, рек, озер и т.п.

При отборе слов в словарь и выработке словника были использованы Опыт и Дополнение к нему. Ориентируясь на них, В. Н. Добровольский создавал свой словник за счет смоленских слов, не зарегистрированных в Опыте и Дополнении. Так, например, в Опыте имеется глагол кавирзать с пометой смол., В. Н. Добровольский не включает его в свой словарь, помещая однокоренные слова, которых нет в Опыте: *каверза, каверзе́нь* и т.п.[323]

В словаре сосредоточено поразительно большое для говоров одной губернии количество фразеологических выражений и оборотов. Часть их помещается самостоятельными статьями: *ма́ком сесть* ˋпропасть, погибнуть, исчезнутьˊ (*Засеяли овес, а ён сел маком*), *соломы ни пирямомить* ˋо тихом характереˊ, *шестом рыла не дастанишь*, — ˋговорится о гордомˊ и др. Однако бо́льшая часть фразеологизмов приведена в статьях под знаменательным словом: *уложить у поганыя коры-*

---

[321] *Карский Е. Ф.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 442.

[322] Главным образом, «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта (12 писем. 1872–1887; М., 1960); Смоленская губерния: (материалы для географии и статистики России, собранные офицером генерального штаба). 1893. Вып. 42; *Орловский И. И.* Краткая география Смоленской губ. Пам. книжка Смоленской губ. на 1908 год. Смоленск, 1907.

[323] См.: *Гуліцкі М. Ф.* «Смаленскі абласны слоўнік» У. Дабравольскага // Народнае слава. Мінск, 1976. С. 277.

та `осрамить, разбранить кого-либо´ (ст. *Коры́то), большим утром* `поздним утром´ (ст. *Большо́й*).

Передавая смысл диалектных слов, В. Н. Добровольский пользуется тремя видами толкований: кратким филологическим (*вя́тка* `гурьба, толпа´, *заво́зно* `о большом привозе на мельницу´, *заго́рище* `курган, возвышение´), используемым в большинстве случаев; приведением литературного коррелята (*вярьхо́вья* `сметана´, *вясе́лья* `свадьба´, *веселуха* `радуга´), и энциклопедическим толкованием. Последнее нередко представляет собой обстоятельное описание реалий с приведением связанных с ними примет, поверий, легенд, сведений из народной медицины, описание местных способов охоты, рыбной ловли, подробные описания местных обычаев, обрядов. Такие толкования получают многие слова в Словаре.

В словарных статьях заметно стремление автора представить историю развития значений, поставить на первое место значение исходное, а после него поместить значения производные, вторичные. См., например, статью *Бичук*: 1) `Часть цепа, которою бьют по снопам´. 2) `Неловкий, неповоротливый´; или *Подкулупну́ть*. 1) `Отделить или взять незначительный кусочек какого-либо вещества´. 2) `Задеть кого за живую струнку´, *Га́вкаться*. 1) `О грызне собак, волков´; 2) `О ссоре´. Но в Словаре немало случаев, когда явно производные значения поставлены автором на первое место: *косты́ль*. 1) `Плохой работник´. 2) `Большой гвоздь для прибития толстых досок´ и т.д.

При лексикографической обработке слов В. Н. Добровольский использовал не только опыт русской диалектной лексикографии (главным образом, академический Опыт и Дополнение к нему), но также и достижения белорусской лексикографии, в частности Словарь белорусского языка И. И. Носовича (СПб., 1877). Об этом свидетельствуют нередкие в Смоленском областном словаре сравнения со словами из словаря И. И. Носовича, ссылки на его работы, а также схожесть в ряде случаев толкований слов и структур словарных статей.[324]

Выгодной стороной словаря является богатство иллюстраций. Употребление почти каждого слова и значения подтверждается многочисленными записями живой, непринужденной речи: *взбечь (Ты ж, Мархут, вечернем узбеги ко мне — позюхаем, кода лен брать); люкнуть* `бранясь, крикнуть´ (*Як тукнул, як люкнул, до смерти спужалась), лучиться* `присоединяться´ (*Что вы одны идетя? Лучитися к нам — веселее будеть*) и т.д. Довольно часто в качестве иллюстраций автор использует отрывки из народных песен, пословицы, поговорки, заговоры, заклинания и т.п.: *ве́тка (Березанька кудрявая, Иде ветьтя дела? Дяўчонычка маладая, Иде щастя потеряла?); галубятки (Детки мае Галубятки мае, На што я вас кармила, На што я вас паила*) и т.п.

Организация всего богатейшего лексического материала, сосредоточенного в Словаре, представляла для В. Н. Добровольского тяжелую

[324] *Гуліцкі М. Ф.* «Смаленскі абласны слоўнік» С. 276–287.

задачу, с которой он не всегда справлялся. Не случайно критики отмечают некоторые погрешности в этом отношении.[325]

Первой и самой важной проблемой, с которой столкнулся автор Смоленского словаря, было написание слов. Уже первый рецензент Словаря Е. Ф. Карский обратил внимание на то, что автор затруднялся решить, в какой форме ставить слово в заголовке статьи: орфографической или фонетической.[326] Это в значительной мере объясняется тем, что Смоленский словарь был первым крупным словарем акающих говоров. Как известно, смоленские говоры отличаются большим своеобразием, наличием большого количества диалектных фонетических особенностей. В то же время смоленские говоры не одинаковы на всей территории Смоленщины: кроме южнорусских на юго-западе, на северо-западе находятся говоры с севернорусскими чертами, а на границе с Белоруссией — с белорусскими особенностями. Разнообразные фонетические особенности весьма причудливо реализовались в смоленской лексике, привели к изменению, преобразованию (иногда до неузнаваемости) фонетического облика многих диалектных слов. Фонетическая запись южнорусских слов затруднила осмысление слов в ряду родственных образований. Перед создателем смоленского Словаря остро встала задача выбора формы написания диалектных слов, т.е. оформления заголовочных слов в словаре, а также сведéния многочисленных и многообразных произносительных вариантов в одну словарную статью. В. Н. Добровольский колебался между орфографическим написанием слов и стремлением отразить диалектный облик слова, показать тем самым фонетические особенности смоленских говоров. Он понимал, что неукоснительное следование орфографическому написанию привело бы к унификации всех диалектных фонетических вариантов. Поэтому в словаре встречаем статьи с заголовочным литературным словом и с иллюстрациями, в которых употреблены диалектные слова, фонетический облик которых весьма отличен от литературных. Так, при слове *взвалье* находим *узвальле, овражек — врáжек; одеяло — дéяла; окна — вóкны, около — вóкала, кала, каля; окунёк — вукунькá; окунёчек — кунёчку, опять — ипять* и т.д.

Нерешенность вопросов о написании заголовочных слов, о материальном тождестве-нетождестве диалектных слов отрицательно сказывалось на разрешении проблемы омонимии и полисемии слов. Определение границы между этими явлениями, столь сложное и в современном литературном языке, на материале смоленских говоров конца XIX — начала XX вв., было еще неразрешимой задачей.

В. Н. Добровольский не выработал практических правил, которыми он мог бы руководствоваться при разграничении омонимии от полисемии или с целью простого упорядочения огромной массы лексического

[325] *Панов В. И.* Некоторые вопросы областной русской лексикографии // Лексикограф. сб. 1958. Вып. 3. С. 61.

[326] *Карский Е. Ф.* В. Н. Добровольский: Смоленский областной словарь (отзыв) // *Карский Е. Ф.* Тр. по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 442.

материала. В словаре поэтому имеются случаи, когда самостоятельными статьями представлены значения одного слова (см. слова *гаво́рка, гак, галу́зацъ, гамана́ть, го́мон, ме́жень, овся́нище, пригоня́тый* и т.д.) и, наоборот, встречаются статьи, в которых объединяются слова, значения которых весьма далеки друг от друга и которые могли бы быть показаны как отдельные слова, например, *маши́на* 1) `машина´, 2) `нечто большое, громадное, нескладное´, *ла́ска* 1) `милость, расположение´, 2) `зверек´ и т.д.

В словаре наблюдаются и другие непоследовательности в разработке слов, например, употребление отсылок, указывающих иногда на фонетические варианты, а иногда на синонимы.

Своеобразный характер консервативных смоленских говоров, недостаточный уровень развития русской диалектологии в начале XX в., неразработанность теории и практики диалектной лексикографии — все это вместе взятое обусловило характер лексикографической разработки материала, его организации, структуры Словаря и словарных статей.

Как отмечал рецензент Словаря Е. Ф. Карский, редакционные промахи и недосмотры «не умаляют значения словаря».[327] В. Н. Добровольский впервые собрал и описал в своем словаре огромное количество южнорусской лексики и фразеологии, подтвержденных богатыми иллюстрациями. Как и другие диалектные словари, Смоленский областной словарь имеет историческое значение: он широко отразил живую речь смоленских крестьян конца XIX–начала XX в. Лексическое наполнение Словаря недвусмысленно говорило о чрезвычайном своеобразии смоленских говоров, их неоднородности и различии. Богатейший лексический материал содержал большую информацию о фонетических, морфологических и синтаксических особенностях смоленских говоров. Смоленский областной словарь показал и словообразовательные особенности говоров (см. слова на вз-, поза-, ува- и т.д.). Таким образом, материалы Смоленского словаря давали возможность разрабатывать многие вопросы диалектологии и истории русского языка.

Изданием Смоленского областного словаря В. Н. Добровольский поставил многие сложные и важные проблемы, до него не стоявшие так остро и определенно: о материальном и семантическом тождестве диалектного слова в границах определенной группы акающих говоров, о материальной вариантности, о разграничении полисемии и омонимии на диалектном материале и др.

Диалектные терминологические словари

В середине XIX в. получившая широкое распространение собирательская и описательная работа начинает вскоре давать свои плоды.

[327] *Карский Е. Ф.* В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь (отзыв). С. 442.

Появляются словари, отражающие лексику народных промыслов, ремесел, сельского хозяйства и других различных занятий, включающие областные термины. Среди них первым по времени был словарь В. Бурнашева - «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» (СПб., 1843-1844. Т. 1-2), содержащий термины различных промыслов и занятий русского народа с их толкованиями. Его материалами при составлении своего Толкового словаря воспользовался В. И. Даль.

Демократические, патриотические настроения способствовали тому, что русские народные промыслы с их своеобразием и национальным характером оказались в поле зрения русских ученых и исследователей. Начиная с конца 50-х годов XIX в. сначала по инициативе РГО и морского ведомства, а позже научных обществ, статистических комитетов и министерств в России проводится планомерное изучение народных промыслов.

В 1913 году выходит специальное издание, посвященное кустарным промыслам: Кустарная промышленность России (СПб.). Специалистам становится ясно, что без знания местной терминологии невозможно подлинное знакомство с промыслами. Эта мысль четко прозвучала еще в 1902 г. на Международном конгрессе по рыболовству и рыбоводству.[328] Именно поэтому материалы изучения народных промыслов содержат списки и словари местных терминов.[329]

В Записках Казанского экономического общества (1855. Ч. 1. Кн. 1-12; 1856. Ч. 2. Кн. 1-12) публикуются Материалы для русского сельскохозяйственного словаря Я. Г. Клыковского, в который наряду с общенародной сельскохозяйственной терминологией включено большое количество слов диалектных. Русский толковый лесотоварный словарь Д. Н. Кайгородова (СПб., 1898) также содержал диалектные термины. Местную лесопромышленную терминологию отражал словарь И. Корнилова (в статье «О лесопромышленности по реке Унже и о строении близ г.Кологрива гусянок» // Этнограф. сб. 1864. Вып. 6. С. 1-34). Терминологию местного кожевенного производства представлял словарь Г. Г. Поварнина (Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб., 1912. Ч. 1.). Народной медицине и ветеринарному делу был посвящен ряд словарей: М. К. Герасимов. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком у. Новгородской губ. // Жив. старина. 1898. Вып. 2. Отд. 1. С. 158-183; Попов Г. Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро В. Н. Тенишева (СПб., 1903); Виноградов С. Г. Самоврачевание и скотолечение у

[328] См.: Тр. Конгресса. Ч. 2: Протоколы заседаний и докладов VI русского отдела Конгресса. СПб., 1902. С. 196.

[329] См., например: *Кузнецов Д. И.* 1) Материалы по изучению рыбных промыслов Азовского бассейна. СПб., 1903 (с. 100-108 — Краткий словарь рыбопромышленных терминов); 2) Терские речные и притерские морские рыбные промыслы. СПб., 1898 (с. 183-193 - Краткий словарь технических рыболовных выражений Притерского края).

русского старожилого населения Сибири // Жив. старина. 1915. Вып. 4. С. 325–429.

Особенно много было составлено и издано словарей по морскому и речному делу: плаванию по рекам, озерам и морям, судостроению и промыслу на морских зверей, вообще мореведению, изучению рек и озер. В Кратком морском словаре для любителей морского дела В. В. Вахтина (СПб., 1874) содержались и диалектные слова. Народные термины судоходства помещены в Материалах для словаря, изданных в Известиях Вост.-Сиб. отд. РГО (1885. Т. 16. С. 184–186), в Словаре волжских судовых терминов С. П. Неуструева (Н. Новгород, 1914) и т.д.

Особенный интерес именно к этим отраслям производственной деятельности человека, скорее всего, следует объяснять следующим:

Мореплавание и плавание по рекам и озерам с целью передвижения или с целью охоты на морских зверей и рыболовства издавна были одним из основных занятий жителей побережий Белого и Баренцова морей, больших рек и озер России. Здесь сложились свои народные терминологические системы, обслуживающие судостроение, мореплавание, плавание по рекам и озерам, рыболовство, морской промысел.[330] Своеобразие этих систем, их глубоко народный, чисто русский характер привлекали внимание специалистов, моряков, мореведов, биологов.

Собрания русских морских и речных слов печатаются в Записках Географического департамента Морского ведомства с 1844 по 1852 г.: П. Ф. Рейнеке. Собрание особенных местных беломорских слов. 1844. Ч. 2; Соколов А. П. 1) Собрание отличительных морских слов, употребляемых каспийскими мореходами. СПб., 1845. Ч. 3; 2) Собрание местных морских слов. СПб., 1849. Ч. 7; 3) Старинные русские и иностранные морские слова. СПб., 1850. Ч. 8; Кузмищев П. Ф. 1) Собрание особых поморских и речных слов, употребляемых на Восточном океане и в Восточной Сибири. СПб., 1846. Ч. 4; 2) Дополнение к собранию беломорских слов. СПб., 1848. Ч. 6; Фрейганг А. В. Собрание русских морских слов. СПб., 1852. Ч. 10.

Такие собрания печатаются также в губернских ведомостях, например, Кузмищева П. Ф. — в Астраханских губ. ведомостях за 1841–1842 гг., его же — в Архангельских губ. ведомостях за 1847–1849 гг. В Морском сборнике издаются: Фрейганг А. В. Несколько славянских морских терминов. 1848. Т. I; Соколов А. П. Собрание местных, старинных и малоизвестных русских морских слов. 1854. Т. II и др.

---

[330] Как известно, у поморов русского Севера были свои морские лоции или «мореходные книги» см., например, Морозов Н. В. Лоция Мурманского берега Северного Ледовитого океана от островов Вардэ до Белого моря. СПб., 1901; Гемп К. П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980.

Рыбопромышленный словарь Псковского водоема

Первый диалектный словарь псковских рыбопромышленников — Рыбопромышленный словарь Псковского водоема (Петроград, 1915) был создан на основе материалов, собранных участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 гг., руководителем которой был И. Д. Кузнецов.

Иннокентий Дмитриевич Кузнецов был известным ученым-ихтиологом, членом РГО, автором ряда специальных работ. Для И. Д. Кузнецова была живой мысль В. И. Даля о важности народного языка, необходимости его изучения. Выясняя состояние рыболовства в России (до этого он обследовал Азовское и Черное моря и р.Терек), И. Д. Кузнецов убеждается в необходимости изучения промыслового языка различных мест страны. Этот язык, содержащий поразительно большое количество местных слов и выражений, был совершенно не исследован. Даже небольшое знакомство с рыболовством на псковских озерах и реках показало, «как богат, разнообразен и интересен промысловый язык этого края» (Предисловие к Словарю).

Рыбопромышленный словарь Псковского водоема — интересный и своеобразный лексикографический труд. Он содержит не только специальную лексику рыболовства, но также слова и выражения «всего рыбацкого обихода» (около 2250 слов).

В Словаре получила широкое отражение специальная лексика, относящаяся к рыбным промыслам в широком смысле, то есть не только к ловле рыбы, но ко всему рыбному хозяйству на псковских реках и озерах. В словарь вошли наименования рыболовных снастей, их частей и деталей, с описанием устройства и способов применения: *бродни́к, мо́рда, мере́жа* и т.п.; названия рыболовных лодок: *водови́ца, матни́ца* ʽбольшая лодка при осеннем неводном лове...ʼ, *ладья́* ʽбольшое грузовое судноʼ и т.д. Нашли отражение в Словаре местные названия различных рыб: *краснокры́лка* ʽкрасноперкаʼ, *ле́жень* ʽпескарьʼ и т.д. Здесь приведены также названия рыб, отражающие различия по возрасту: *кобя́шник* ʽокунь по четвертому году, длиной около 18 см, без икрыʼ, по качеству: *белая рыба* ʽязь, лещʼ, противоположность: *темная рыба*, по способу приготовления: *ба́бьи, ба́бские снетки* ʽснетки домашнего приготовленияʼ. В словарь также вошли названия рыбаков и промысловых рабочих по их функции: *коло́льщик* ʽколющий рыбу острогойʼ, *подтяга́ла* ʽдвое рабочих артели, производящие тягуʼ, *печни́к* ʽзанимающийся сушкой рабочийʼ и т.д., лексика, отражающая социальные отношения, как *подписны́е ловцы́* ʽловцы, обязавшиеся сдавать свои уловы снетосушилам, выдававшим им задаткиʼ и т.д., лексика, связанная с переработкой рыбы (сушкой, солкой, замораживанием и т.п.), наименования производственной одежды рыбаков (*бара́нковые рукавицы, тяпу́хи* ʽкожаные непромокаемые рукавицыʼ и т.п.) и т.д.

В словарь помещены названия разновидностей течений воды: *вóдобег, вóдобежь* ‘прилив в озеро весенних вод’, *водоздым* ‘поднятие воды при половодье’ и т.п.; названия ветров: *зимня́к* ‘юго-восточный ветер’, *межéнец* ‘северо-восточный ветер’ и т.д., лексика местного ландшафта, в особенности прибрежного, рельефа речного или озерного дна: *заводю́шка* ‘заливчик на реке, затончик’, *зáбережье* ‘пространство вблизи самого берега’, *вир, виры* ‘глубокое место в реке’ и т.д.

Представлена также лексика, относящаяся вообще к природе: местные названия животных, растений, такие слова и выражения, как *зáвидно* ‘засветло’, *зóлак* ‘рассвет зари’, *мáреванно, мареванная тишина* ‘полный штиль, тишина на озере’ и т.п., лексика производственной жизни и вообще повседневного обихода рыбаков: глаголы *вывивáть (рыбу)* ‘вынимать рыбу из матки невода’, *грузи́ть* ‘опускать, погружать в воду’ (*волока грузят вечером*), *дéнички* ‘вязаные из шерсти рукавички’, *ожерёлок* ‘воротник’ и мн. др.

В словаре И. Д. Кузнецова широко представлены терминологические сочетания. Обычно это сочетания определяемых существительных с прилагательными: *елóвая пóветерь, ершóвая мережа* и т.д. Как правило, они представляют собой наименования рыб, растений, рыболовных снастей, лодок, ветров и т.д.: *головнáя сежа; залежнáя мережа, кругoвáя мережа; залéдний снеток; заливéнный ветер, запýтная дорога* и т.п. В словаре имеются также сочетания глагола с существительными в роли прямого дополнения, обозначающие специальное действие: *закладáть тоню, заложи́ть вёсла, выглядáть рыбу, гоня́ть рыбу* и т.п., а также некоторые другие сочетания (*голóвка клещицы, жерогло́ ризца*).

Помимо отдельных слов и терминологических словосочетаний в словаре содержится диалектная фразеология: различные фразеологические обороты и выражения. Одни из них включаются в текст словарных статей, другие даются отдельными статьями или в специальном приложении к словарю «Пословицы и поговорки рыбацкого быта»: При слове *Дудá — с дудой приехал* ‘ничего не поймал’, *дудá разби́та* ‘поймана одна рыбина’; при слове *сдóба — всякой сдобы понемногу* ‘говорится про смешанный улов рыбы’ и т.п.

В отличие от обычных диалектных словарей в Словаре И. Д. Кузнецова иллюстраций значительно меньше — только небольшая часть слов подтверждается примерами употребления. Сами иллюстрации имеют иной характер: в основном это не непосредственные записи живой диалектной речи, употребляемой псковскими рыбаками, а извлечения из нее. Иллюстрации представляют собой краткие речения, т.е. типичные сочетания, характерные для иллюстрируемого слова. Например, в статье *Загнетáть, загнети́ть* имеются иллюстрации: *загнетать самовар, загнетить печь; зашéринеть* ‘обмерзнуть, вмерзнуть в лед’ — *лодка зашеринела; знаковáть* ‘обозначаться’ — *берег знакуется* (чуть заметен); *обкори́ться* (о снетке): *снеток обкорился; подстóй* — ‘зимнее скопление рыбы’: *рыба с подстоя* и т.п. Иллюстрации, представляющие собой целые предложения, встречаются зна-

чительно реже: *жáгло* `жало, острие´: *жагло какое востроe; залúть, залúться* `утопить, утонýть´: *Боюсь я, можно лошадь залить; осенью двое на ладье залились; покрю́каться* `повертеться´: *придется нам покрюкаться, едучи рекою* и т.д.

Словарные статьи в словаре И. Д. Кузнецова отмечаются небольшим размером. Они состоят из заголовка, краткого толкования значения, иногда одной — двух иллюстраций (*Повóрки* `отдаленные от берега части озера´: *в повóрках ловят*). При каждом слове и значении имеется указание на место записи. Благодаря богатству диалектной лексики и фразеологических выражений, правильно записанных и точно истолкованных, «Рыбопромышленный словарь Псковского водоема» явился ценным памятником диалектной лексики начала XX века.

Владение ихтиологическими знаниями, хорошее знакомство с реалиями рыболовного дела, с образом жизни псковских рыбаков, прекрасное знание рыболовецкой лексики и вообще бытовой псковской речи позволило И. Д. Кузнецову отразить не совокупность хаотически записанных диалектных слов, а единую целостную терминологическую систему. Именно это обстоятельство обусловило тот характер словаря, те его особенности, которые явились определенным достижением диалектной лексикографической практики начала XX в.

И. Д. Кузнецов исходит из определенной системы понятий, что позволяет ему отразить в своем словаре лексические системные отношения: синонимические, родовидовые и антонимические.

Синонимы, отмечаемые в словаре И. Д. Кузнецова, являются словами с тождественным значением. Это или слова, употребляемые в одном диалекте, или слова, бытующие в разных местах, т.е. односистемные или межсистемные синонимы. Как уже говорилось, в словаре они или помещаются в одной статье, или показываются другими способами: путем отсылочных толкований: *вúгма* `то же, что *пáдара*´; *воротáха* `то же, что *воротáшная мерéжа*´; *воротовóй топор* `то же, что *засекальный топор*´; приведением синонимов со словами «иначе», «иногда» и т.п. в конце статьи или значения: *вóзжи* `путцы угреловной рамы´ (иначе *пристя́жки, рóстуги*); *вы́головка*... иногда также *отбóрка; вы́севки* или *осы́пки*; в иных местах *опáшки*; и т.д.

В словаре постоянно отмечаются антонимические отношения: *лéтник* `летняя дорога, летний проезд´; противоположность: *путúще, зимнее путище; пересы́пы* `более глубокие места в забуруньях´; в противоположность *мелям; внизý, нúже* `дальше от берега, вглубь озера´; противоположность: *вверхý, вы́ше* и т.д. Чаще всего в качестве антонимов выступают терминологические сочетания: *бáрские ловцы́* `рыбаки из бывших крепостных´; противоположность — *вóльные; вóльные ловцы* `ловцы из бывших государственных крестьян´; противоположность — *бáрские; бегýчая ячея́* `ячея, свободно передвигающаяся по тетиве сети´; противоположность — *стоя́чая ячея*; *берéжный, бережнóй* `береговой, направленный к берегу´: бережное крыло невода, противоположность — наречный и т.д.

Представление в словаре терминологической системы, содержащей номенклатуру рыб, разновидностей рыболовных снастей, описание их устройств, обусловило показ и родовидовых отношений. Можно сказать, что словарь во всех частях (его структуре, структуре словарных статей, толкованиях значений) пронизан указанием на системные отношения. Иногда это чисто родовидовые отношения как в статье *го́рло*; здесь же приводятся сочетания *горло среднее, частое* или в статье *кош-кош выливальный, сборный; лед — лед голый, забо́йный* и т.д. Однако чаще всего словарные статьи содержат наименования понятий, относящихся друг к другу как равноправные, отражающие видовые отношения: это обычно наименования рыб, как *песка́рь болотный* и *песка́рь песочный* и т.д., другие названия: *пе́рвая режа* \`наиболее редкая сеть в начале смежного волока´; далее идут: *сере́дница* и *матня́; водови́ца, матни́ца* \`большая лодка при осеннем неводном лове´; другая лодка поменьше — *подъезд; ко́роб* — \`большие сани для перевозки подледного невода округлой формы´; сани с острыми углами — *водови́к* и т.д.

Диалектные слова в словаре И. Д. Кузнецова в основном расположены в алфавитном порядке. Однако автор допускает и гнездование слов, объединяя в одной словарной статье помимо материальных (фонетических и акцентных) вариантов а) однокоренные синонимы с тождественным значением: *беребёр, беребра*; *бобовни́к, бобовня́к*; *ве́рес, вереси́на, вересня́г, вереснюг*; *вир, ви́ра; водови́к, водо́вня*; *вяз, вязь*; б) существительные и их уменьшительные производные: *бродни́к, бродничо́к; бродня́, бродню́шка; вязки́, вязо́чки*; в) вообще синонимы с тождественным значением: *большина́, бо́тина́, крупнина́* \`крупная рыба разных пород´; *бреднюшка, заводю́шка* \`маленькая заводь´; *бута́ть* или *колоти́ть* \`пугать стуком рыбу´; *водови́ца, матни́ца* \`большая лодка...´; *волкода́в, волкоре́з* \`холодный осенний северо-восточный ветер´; *вороток* иначе *обхо́дница* \`небольшой неводок...´ и т.п.

Кроме того, в одной словарной статье объединяются глаголы сов. и несов. вида (*вы́пахать, выпа́хивать; загнета́ть, загнети́ть*), возвратные и невозвратные глаголы (*зали́ть, зали́ться*), а также существительные и терминологические сочетания с этими существительными (*кош, кош выливальный, кош сборный; го́рло, горло среднее, частое*), существительное и творительный падеж его в функции наречия (*пикалёк*, \`мотылек, подёнка´, *пикалько́м паруса́* \`постановка двух косых парусов на две стороны, в виде бабочки´).

Непосредственно в заголовочной части словарный статей имеются указания на грамматические свойства слов: падежные формы существительных (и не только в случаях, когда падежные формы образуются незакономерно или с переносом акцента). Чаще всего в заголовке показываются формы мн. ч.: *вьюр, вьюры́; го́роб, горбы́; жура́в*, мн. *журавы́; камья́*, мн. *ко́мьи; козёл, ко́злы; ло́ботья*, мн. *ло́ботья, лом*, чаще во мн. *ломы́* и т.д. Редко приводятся формы других падежей, чаще всего род. п.: *вязе́ль*, я; *гложи́* (в ед. — *гложь*); *грем, грема́, о́в;*

журавúна, ны; кастóк, род. *кастка́* и т.п. О морфологических особенностях слов можно судить и по приведенным в статьях иллюстрациям: *грём* `холмик´: *дом на грему*; *закоженéть* `сделаться твердым, малогибким, как кожа́´: *парус закоженевши; знаков'аться* `обозначаться´: *берег знакуется* (чуть заметен) и т.д.

В словаре последовательно отмечаются фонетические и акцентные варианты: слова, различающиеся гласными: *глёв* и *глев; клюкéшки* и *клюкúшки; брéнька* и *бря́нка; горьва́* и *гарьва́; ерла́к* и *юрла́к, кобя́чка* и *кубя́чка* и т.п.; слова, отличающиеся согласными: *барга́нник* и *барка́нник; имта́ть* и *инта́ть; бродни́к* и *бронни́к; жирога́лье* и *шпрога́лье*; слова, отличающиеся количеством фонем: *жердь* и *жерсть; зру́бье* и *изру́бье; веретенó* и *вертенó, гóрон* и *горн; дя́нки* и *дья́нки; дени́цы* и *деяни́цы; ерш* и *ерёш; мши́на* и *имши́на*, и т.п.; слова, различающиеся местом акцента: *берéжный* и *бережнóй; дя́гло, дяглó, дя́гла, дягла́*; *корчёвье* и *корчевьё* и т.д. Конечно, здесь нет еще каких-то определенных правил относительно способа показа вариантов: они то помещаются в одной статье, то разводятся по разным статьям.

Заметно внимание автора и к другим особенностям местного языка. В словарных статьях имеются указания на происхождение слов, словообразовательные связи, сопоставление со словами других языков: *дóлика* (старое слово); *жа́гло* (слово это старое); *пак сетей* (польск. рак); *покрю́каться* (от слова *крюк*) и т.д.

Интересно, что И. Д. Кузнецов вводит указание на степень употребительности слов и их вариантов. Нередко они сопровождаются примечаниями: чаще, реже, иногда и т.д. (*клéщица*, реже *клéшица; ерла́к*, чаще *юрла́к* и т.д.), что в начале XX в. могло быть достижением даже для лингвистического словаря.

Диалектные словари русского языка конца XIX — начала XX в. явились значительным достижением русской филологической науки. Работа над этими словарями совпадает с началом изучения и научного описания русских говоров. Отсутствие систематического описания и классификации говоров русского языка к концу XIX — началу XX в. отчетливо осознавалось создателями диалектных словарей, и они стремились с помощью областных словарей решить задачи более широкие, чем чисто лексикографические и лексикологические: восполнить недостаток сведений о русских диалектах («добыть характеристику наречий, их грамматические особенности» — А. О. Подвысоцкий). Это не могло не сказаться на информативной стороне диалектных словарей — в них в той или иной мере получили отражение фонетические, грамматические, акцентные, синтаксические и фразеологические особенности говоров.

Во всех диалектных словарях этого периода реализовалось убеждение А. О. Подвысоцкого в том, что при создании диалектных словарей «недостаточно черпать материал за глаза, так сказать на веру, лишь

через местных корреспондентов».[331] Отсюда ведет начало утвердившееся в современной диалектологии мнение о том, что «наблюдения за живой речью являются наиболее правильным путем обнаружения областных слов».[332] Большую роль в развитии русской областной лексикографии конца XIX — начала XX в. сыграло наличие признанного образца, каким является архангельский словарь А. О. Подвысоцкого. Как уже говорилось, сбор материала для архангельского словаря производился по детально разработанной программе. Бесспорный авторитет словаря Подвысоцкого, высокая оценка его научными кругами способствовали тому, что и другие составители диалектных словарей стремились воплотить в жизнь его принципы и правила.

Общим для всех словарей был дифференциальный принцип отбора лексики, который имел некоторые отступления, обусловленные уровнем науки конца XIX в. — нерасчлененностью диалектологии, фольклористики и этнографии, недостаточной изученностью местных говоров. Дифференциальный принцип отбора слов обеспечивал включение в словарь довольно значительного количества диалектной лексики. Этому способствовало то обстоятельство, что создатели областных словарей были хорошо знакомы с местными говорами (они жили и работали среди носителей этих говоров).

Стремление авторов словарей решить не только лексикологические, но также диалектологические, фольклористические и этнографические задачи заставляло их нарушать дифференциальный принцип в следующих случаях: а) в словник словаря вносились общенародные слова, отличающиеся местными фонетическими и морфологическими особенностями; б) общенародные слова, встречающиеся в фольклорных произведениях; в) общенародные слова, входящие в описание этнографических особенностей жизни и быта русского народа.

Все диалектные словари конца XIX — начала XX в. в той или иной мере включали этнографические сведения — это был сознательно проводимый принцип разработки определенных лексических пластов, отражающих в своей семантике особенности жизни и быта русского крестьянства. Этнографический аспект получал выражение в широком применении толкований (описаний) энциклопедического характера (особенно в словарях А. О. Подвысоцкого и В. Н. Добровольского), а также во включении в словник общенародных слов с целью приведения при них различного рода этнографических сведений.

Созданные разными людьми, неся на себе печать индивидуальности их авторов, все словари этого периода объединяются общими принципами, лежащими в основе их создания.

Знание описываемых говоров создателями словарей было поистине уникальным. Оно давало возможность не только широко отразить лексическое богатство описываемых говоров, но и позволяло показать их фонетические особенности, воссоздать простейшими средствами фонетический облик многих диалектных слов.

---

[331] *Нефедов Г. Ф.* А. О. Подвысоцкий и его словарная работа. С. 124.

[332] *Панов В. И.* Некоторые вопросы областной русской лексикографии. С. 54-55.

Диалектные словари этого периода знакомили читателей с материальной вариантностью (особенно словари Г. И. Куликовского, Н. М. Васнецова и В. Н. Добровольского). В олонецком Словаре Г. И. Куликовского материальные варианты свидетельствуют не только о фонетических процессах и явлениях в северно-русских говорах, но и говорят о влиянии на них говоров карельского языка (*хáляйдать — халяндать; кéрдега — кéрдяга* и т.п.), что давало возможность изучать закономерности адаптации заимствований в русских говорах. Можно сказать, что в начале XX в., благодаря созданию диалектных словарей, был выявлен и введен в научный оборот основной состав северно-русской и южнорусской вариантности.

Русские диалектные словари задолго до появления диалектной лексикологии выявили и описали богатые запасы диалектной лексики и фразеологии больших регионов центральной России. Были определены конкретные тематические группы лексики, дававшие наибольшее количество диалектных слов.

Лексикографическая практика этого периода выработала рациональные и удобные приемы и способы передачи семантики диалектных слов: а) передача семантики диалектного слова литературным соответствием (*отганýть* — \`отгадать´, *моря́ной* — \`морской´); б) краткие филологические толкования (*зажúн* — \`начало жатвы´; *нéсыть* — \`ненасытный, жадный человек´; *овéршье* — \`верхний слой сена в стоге´ и т.д.); в) энциклопедические толкования для слов терминологического характера или этнографизмов (названия животных, рыб, зверей, растений, явлений природы, орудий труда, обычаев, обрядов и т.п.). Умелое дифференцированое использование этих видов толкований полностью оправдало себя (с некоторыми уточнениями — например, уменьшение энциклопедизма — эти три типа определений применяются и в современной диалектной лексикографии).

Диалектные словари конца XIX — начала XX в. содержали наблюдения о характере лексических значений слов, в них заметны элементы нового функционального подхода к языку, утвердившегося в русской лексикологии значительно позднее — в 50–70-е годы XX в. Заслугой авторов диалектных словарей было стремление показать не только, в каком значении употребляется слово, но и как оно употребляется. Так, А. О. Подвысоцкий во многих случаях указывал на характер функционирования слова в живой речи; на экспрессивную, эмоциональную окраску слов (пометы — насмешливо, ругательно и т.п.); Н. М. Васнецов — на ограничение сферы употребления слов рамками какого-либо стиля или жанра (*варея* — \`повариха´. В общежитии употребляется редко; чаще употребляется стряпуха. Встречается в песнях). А. О. Подвысоцкий удачно использовал такие приемы толкования, как: так говорят, называют; говорится о том-то, когда употребление слова или значения ограничено только частью говорящих или когда такое употребление применимо только к определенным предметам или явлениям (*снимáть, понимáть*. Говорится о прибылой воде, когда она затопляет землю, мель или выступающие камни). Этот прием используется и

в других словарях. Нередко такие замечания указывают на ограничение употребления слова или значения определенными грамматическими формами, синтаксическими конструкциями или фразеологическими условиями (*зачáть*. Употребляется только в прош. вр.; *зльíдни*. Почти не склоняется, а употребляется в одном звательном падеже — Васнецов).

Тексты диалектных словарей (особенно словарей Н. М. Васнецова и Д. И. Кузнецова) позволяют говорить об элементах системного подхода к разработке лексического состава говоров. Это проявляется в указаниях (правда, непоследовательно проведенных) на синонимические, антонимические, родовидовые связи и отношения слов, в установлении словообразовательных, а иногда и мотивационных отношений. В этом отношении выделяется прежде всего «Рыбопромышленный словарь Псковского водоема» И. Д. Кузнецова. Прекрасное знание рыболовецкой лексики и вообще псковской бытовой речи, владение системой понятий ихтиологии и рыболовства позволили Кузнецову отразить в своем словаре не совокупность случайно записанных диалектных слов, а целостную терминологическую систему.

Таким образом, диалектные словари русского языка конца XIX — начала XX в. описали значительные запасы местной лексики и фразеологии русских говоров центральной России, в систематизированном виде представили ее семантическое содержание, показали фонетические и грамматические особенности русских говоров, познакомили читателей с особенностями жизни и быта русского народа, обогатив науку многими этнографическими сведениями. В практике работы над этими словарями утвердился дифференциальный подход к отбору слов и значений (это оказалось не только удобным, но единственно возможным принципом, особенно в тех случаях, когда речь шла о диалектных словарях, отражающих лексику больших регионов). Прошли проверку выработанные в этих словарях правила и приемы лексикографической обработки слов. Многие из этих решений и находок применяются и в практике современной диалектной лексикографии.

Несмотря на то, что «в предметно-семантическом составе лексики части областных словарей и сборников, — как правильно отметил В. И. Панов, — заметно сказывается разная мера осведомленности их составителей в тех или иных сторонах жизни местного населения, особый характер их интересов, пристрастий и их общее миропонимание»,[333] русские диалектные словари задолго до появления диалектной лексикологии описали значительное количество диалектной лексики и фразеологии больших регионов центральной России. Они представили ее семантику на четко прорисованном этнографическом фоне, с показом многообразного и сложного мира традиционной крестьянской жизни конца XIX — начала XX в. Никогда больше такого культурно-исторического фона не удалось представить ни одному русскому диалектному словарю. Следует подчеркнуть, что создатели этих словарей

[333] *Панов В. И.* Некоторые вопросы областной русской лексикографии. С. 53.

не были ни лингвистами, ни лексикографами. Составлением словарей, огромной подготовительной работой по сбору диалектных материалов они занимались из побуждений патриотических, духовных, вдохновленные идеями 60-х годов и примером такой личности, как В. И. Даль. Информация о слове в диалектных словарях заключала такие сведения, как сочетаемость слова, характер его функционирования в живой речи, степень его употребительности, стилистическая окраска, экспрессивность, сведения о синонимах, антонимах и т.д. Все это убедительно свидетельствует о решающем воздействии диалектной лексикографии на само зарождение и развитие русской диалектной лексикологии. Можно с уверенностью сказать, что русская диалектная лексикология вообще начиналась с лексикографии.[334]

В результате создания диалектных словарей был накоплен значительный лексикографический опыт составления словарей отдельных регионов (т.е. значительных территорий с более или менее однородными говорами): был отработан дифференциальный принцип, на основе которого составлялись словари, выработана система толкования диалектных слов, их значений, структура словарной статьи.

Создание и публикация на протяжении сравнительно небольшого периода (1885–1914) нескольких больших диалектных словарей имело большое культурно-общественное значение. Лексико-фразеологическое наполнение словарей воочию показало богатство содержательной, понятийной стороны народного языка, его образности и эмоциональности.

[334] См.: *Сороколетов Ф. П.* Областные словари и диалектная лексикология // ВЯ 1982. № 3.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ XX ВЕКА

Введение

Конец XIX в. в истории русской лексикографии ознаменовался выдающимся явлением — созданием первого тома (А–Д) Словаря русского языка под ред. акад. Я. К. Грота. Смерть прервала работу Грота над составлением этого словаря. Преемником Я. К. Грота на посту главного редактора и руководителя словаря стал А. А. Шахматов, который по его словам, всецело посвятил этой работе первые годы пребывания в Академии. Шахматов коренным образом меняет все напрвление словаря. Прежде всего отвергается точка зрения на «пределы содержания словаря»: в словарь широко открывается доступ областной лексике, церковнославянизмам, узкоспециальным терминам, окказиональным словам, и архаизмам. Из словаря литературного языка нормативного типа издание превращается в словарь thesaurus — сокровищницу русского языка без разграничения понятий «литературное» — «областное», «современное» — «устарелое», «общеупотребительное» — «специальное». Изменились способы толкования слов и выделения значений, а также приемы грамматической характеристики. Словарь отказывается от стилистических и других оценочных помет. Нормативные указания и рекомендации вытесняются указанием источников, в которых употреблено слово. Нормативность отвергается акад. А. А. Шахматовым принципиально. Эта точка зрения была характерной для языкознания конца XIX в.[1] Во взглядах Шахматова на задачи словаря и принципы его составления сказалось также основное направление научной деятельности ученого — историко-диалектологическое.

После Октябрьской революции работа над словарем шахматовской редакции была возобновлена в 1922 г. специально созданной при АН Комиссией по составлению Словаря под председательством акад. В. М. Истрина. В Комиссию входили: С. П. Обнорский, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба, Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, И. А. Фалев. В АН был создан институт штатных научных сотрудников. Лексикографическая работа в Академии наук получила объединяющий коллективный центр. Работа каждого редактора теперь коллективно обсуждалась на

---

[1] *А. А. Шахматов.* Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана // Сб. ОРЯС. 1899. Т. I. XVII, № 1.

заседаниях Комиссии, что способствовало подъему общей теоретической мысли в области лексикографии. Однако интересный и многообещающий по замыслу «Словарь русского языка» шахматовской редакции оказался неосуществленным. Издание отдельных выпусков Словаря затянулось и продолжалось до начала 30-х годов нашего века, но так и осталось незаконченным. Вообще следует заметить, что практические достижения Словарной комиссии были незначительны. Более важной представляется теоретическая разработка вопросов, связанных с дальнейшей работой над целой серией словарей русского языка.

Подчеркивая, что словарная работа должна основываться на достижениях филологической науки, В. М. Истрин вместе с тем замечал, что при этом необходимо учитывать и конкретно-исторические условия, в которых создается каждый словарь. Отсюда — выдвигается задача вести разработку материалов русского языка в двух направлениях: а) изучение народных говоров; б) изучение литературного языка в его истории и современном состоянии. Намечается продолжение издания словаря шахматовской редакции, выпуск «время от времени» добавлений к словарю, составление (два раза в столетие) словаря литературного языка строго синхронного характера, подготовка идеографического и синонимического словарей, составление словарей языка писателя.[2] Эти планы были рассчитаны на значительный срок. Они сохраняют в определенной мере актуальность и в наше время.

Русская лексикография послереволюционного времени накопила значительный опыт в составлении толковых словарей. Четыре словаря: Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, Словарь современного русского литературного языка (в семнадцати томах), четырехтомный Словарь русского языка и Словарь русского языка С. И. Ожегова — важные вехи в изучении словарного состава русского языка, явления большого культурного значения.

Уже в начале 20-х годов высказывается мысль о необходимости словаря русского языка и в общих чертах определяется его характер и задачи: словарь «для пользования и учения всех», «словарь настоящего русского языка», словарь «слов, употребляемых теперь и классиками от Пушкина до Горького».[3] Создание такого словаря было насущно необходимо в связи с заметными изменениями в составе литературного языка и появлением нового читателя, который стремился овладеть всеми достижениями культуры. Академический словарь шахматовской редакции был далек от учета этих обстоятельств.

В значительной мере эта идея была воплощена в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н.Ушакова (1934–1940). Составители словаря «старались, поскольку это было в их силах, придать словарю характер, отвечающий этим требованиям».[4] Словарь под ред. Д. Н.Ушакова

---

[2] См. об этом: *Истрин В. М.* Работа над Словарем русского языка в Академии наук. Изв. АН, ОЛЯ. 1927. № 18. 6. С. 1663.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 51. С. 121–122.

[4] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н.Ушакова. М., 1935. Т. 1. От редакции.

оказал большое влияние на всю последующую (и русскую и национальную) лексикографию, он подвел итоги предшествующей длительной лексикографической работы в Академии Наук; будучи созданным вне стен Академии, Словарь под ред. Д. Н.Ушакова целиком лежит в русле академической лексикографической традиции.

Однако этот словарь, создававшийся в конце 20 — начале 30-х годов и опиравшийся на сравнительно ограниченные картотечные материалы был далеко неполным и во многих своих рекомендациях и оценках быстро устаревал. Это ставило перед русским языкознанием насущную задачу подготовки новых словарей, ориентированных на характеристику современного состояния словарного состава русского языка.

Так в конце 30-х годов возникает идея создания многотомного Словаря современного русского литературного языка, а в начале 50-х гг. задумывается и начинает составляться четырехтомный Словарь русского языка — словарь среднего типа. Семнадцатитомный Словарь современного русского литературного языка (Большой академический словарь) был издан в 1948–1965 гг., а в 1957–1961 гг. выходит в свет четырехтомный Словарь русского языка (Малый академический словарь). Создание этих словарей завершает целый этап в истории русской академической лексикографии.

Семнадцатитомный словарь занимает особое место среди толковых словарей русского языка. Это самый полный словарь русского литературного языка (в нем объяснено 120 480 слов). Он создавался на основе фактического материала, извлеченного из наиболее важных литературно-художественных, публицистических, научно-популярных и научных произведений XIX–XX вв. По замыслу составителей словарь охватывал «все богатство русского литературного языка от эпохи Пушкина до наших дней». Все это богатство лексико-фразеологического материала получило всестороннюю и глубокую семантическую, грамматическую и стилистическую характеристику в соответствии с уровнем лингвистической теории времени создания словаря. Особую ценность имеет показ сочетаемости слов и богатый иллюстративный материал, сопровождающий каждое значение, каждый оттенок значения и употребление слова. Это делает словарь незаменимым пособием не только для различного рода справок, но и для иследования лексических, грамматических и стилистических процессов в русском литературном языке XIX–XX вв.

Завершение работы над Большим академическим словарем русского языка явилось огромным событием для всей русской культуры и было воспринято обществом как важное национальное дело. Словарь подводит итог исканиям и попыткам прошлого «осмыслить сокровищницу родного слова» и открывает перспективу будущих исканий в этой области.[5]

[5] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // ВЯ. 1966. № 6.

Труд большого коллектива словарников по созданию семнадцатитомного словаря был отмечен Ленинской премией в 1970 г.

Когда работа над семнадцатитомным словарем была еще в самом начале, было принято решение о создании словаря меньшего объема, расчитанного на более широкий круг читателей. В 1957–1961 годах был издан четырехтомный Словарь русского языка, так называемый Малый академический словарь, отражающий нормы литературного словоупотребления 50–60-х годов нашего века. Он показывает изменения в лексике русского литературного языка с 30-х годов и строже, чем Большой словарь придерживается нормативных установок в отборе лексики и в характеристике ее семантической и стилистической сторон. Стоя ближе к Толковому словарю русского языка под ред. Д. Н.Ушакова, Малый словарь в некоторых чертах смыкается с Большим (в основе их лежат одни и те же материалы картотеки, составлялись они тем же коллективом лексикографов).

Вскоре после Великой Отечественной войны выходит в свет однотомный Словарь русского языка С. И. Ожегова (1952). Этот словарь стал самым распространенным и общедоступным толковым словарем русского языка, выдержавшим уже двадцать два издания. Этот словарь представляет собой общедоступное пособие, которое призвано содействовать повышению культуры речи широких народных масс, изучению и пониманию современного русского литературного языка. Основная задача словаря — отражение норм русской литературной речи, сложившихся в советскую эпоху.

Большой и Малый академические словари явились базой для составления серии специальных словарей.

Начиная с 50-х годов в Академии Наук ведется лексикографическая работа в двух направлениях: с одной стороны, создаются лексикографические труды, предназначенные быть источником для изучения истории русского языка, для историко-лексикографических, диалектологических, этимологических и т.п. исследований, а с другой — составляются словари, служащие пособием по культуре русской речи, справочниками по современному литературному словоупотреблению для широких кругов читателей. Именно в эти годы в советской русистике выдвигается и теоретически обосновывается идея создания системы словарей, в своей совокупности способных отразить основные черты русского языка в его современном состоянии и в историческом развитии. Эта идея постепенно претворяется в жизнь.

В 50-е годы Институтом русского языка АН издаются два словаря-справочника — Русское литературное ударение и произношение (1955) и Орфографический словарь русского языка (1956).

В это же время подготавливается и издается четырехтомный Словарь языка Пушкина — первый в нашей стране полный словарь одного писателя. Идея создания такого словаря возникла еще в сотую годовщину со дня рождения основоположника современного русского литературного языка — в 1899 г.

Принципиальное значение этого словаря состоит в том, что он явился первым в отечественном языкознании словарем писателя, составленным на уровне требований современной лексикологии и лексикографии. Основная задача словаря — описать факты русского литературного языка, отраженные в произведениях А. С. Пушкина, выполнена составителями с достаточной полнотой и тщательностью.

После выхода в свет Словаря языка Пушкина заметно оживляется работа по подготовке словарей языка других художников слова. В. Маяковский, Л. Толстой, А. Чехов, М. Ломоносов, Н.Гоголь, С. Есенин, Н.Чернышевский, М. Шолохов — далеко неполный перечень писателей и поэтов, язык которых подвергается лексикографической разработке.[6]

Словари языка писателя или отдельного произведения имеют большое значение для лексикографической работы и в научно-педагогическом отношении (в вузовской и школьной практике).

Большим событием в области русской лексикологии и лексикографии является выход в свет в 1970–1971 гг. двухтомного Словаря синонимов русского языка (главный редактор А. П. Евгеньева). Словарь представляет собой первый в отечественном языкознании опыт полного описания синонимов русского языка. Богатый и интересный материал словаря отражает реально существующие в языке системные отношения между словами, объединяющимися в синонимические группы. Большинство синонимических рядов сопровождается тщательно сделанным комментарием и продуманным набором цитат. Комментарии-легенды представляют собой род исследовательских этюдов, показывающих различия в содержании синонимов, условия и сферу их функционирования.

В 1975 г. вышел в свет, подготовленный на основе этого издания однотомный синонимический словарь русского языка, рассчитанный на более широкий круг читателей.

Полезным пособием по культуре речи является вышедший в 1973 г. словарь-справочник «Трудности и варианты норм русского литературного языка» (ред. К. С. Горбачевич). Этот словарь охватывает не всю лексику современного русского языка, в него включаются лишь те факты, которые допускают вариантность, вызывают колебания и трудности или являются отклонением от нормы, ведут к нарушению нормы литературного словоупотребления. Справочник показывает и оценивает акцентологические, формально-грамматические, формообразовательные варианты, предупреждает от типичных, распространенных в речи ошибок — семантических, стилистических, ошибок в управлении. Одной из особенностей словаря является стремление отразить новые явления, характерные для языка нашего времени.

Близко по своим целям и задачам к этому словарю стоит вышедший в 1976 г. «Словарь трудностей языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой.

---

[6] Опубликованы Словарь автобиографической трилогии М. Горького и Словарь драматургии М. Горького.

В 1984–1997 гг. выходят в свет девять выпусков «Словаря русского языка XVIII в.»

Параллельно с работой над «Словарем русского языка XI–XVII вв.» в Институте русского языка АН ведется подготовка «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» В 1988–1991 гг. вышло 4 тома.

В области исторической лексикографии необходимо отметить также начало создания этимологических словарей русского языка: «Этимологического словаря русского языка» под ред. Н.М. Шанского: вып. 1 (А), вып. 2 (Б), МГУ, 1963–1965 гг. Появлению словаря предшествовало опубликование большого количества книг и статей, посвященных общим принципам этимологического анализа и конкретным этимологическим разработкам в области русской лексики. По своему типу «Этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского отличается от известных этимологических словарей А. Г. Преображенского и М. Фасмера. Н.М. Шанский считает, что установление исходного значения слова не может исчерпать всех задач этимологического исследования; это исследование должно восстановить всю историю слова, продемонстрировать все фонетические, словообразовательные и семантические изменения в слове. Особое место в словаре Н.М. Шанского отводится словообразовательно-историческому аспекту исследования. Естетвенно, что ценность такого рода этимологических разысканий для истории лексикологии значительно повышается, ибо в основу словаря положено не абстрактное «корнеискательство», а реальная история живого слова. Большое внимание в словаре Н.М. Шанский уделяет выявлению последовательности в развитии словообразовательных процессов, выделению промежуточных словообразовательных звеньев, что составляет одну из отличительных особенностей исследовательского метода ученого.[7] В словаре значительно расширен традиционный этимологический словник.

С 1971 года выходит в свет отдельными выпусками большой Этимологический словарь славянских языков под ред. О. Н.Трубачева (словарь создается в Институте русского языка АН).

Работа над сбором материалов для Этимологического словаря славянских языков началась в 1961 году. Сбор материала для Словаря осуществлялся коллективом сотрудников Сектора под руководством О. Н. Трубачева, который, будучи идейным зачинателем и руководителем, произвел также сбор (расписывание) большого фактического — словарного и этимологического — материала из нескольких обследуемых славянских языков. Авторская работа — и это важно отметить — осуществлялась одним Трубачевым. О четкости организации работы над Словарем свидетельствует редкая ритмичность его публикации: выпуск в год. Эта строгая ритмичность неукоснительно повторялась

[7] См. об этом: *Шанский Н. М.* Принципы построения русского этимологического словаря словообразовательно-исторического характера. ВЯ. 1959. № 5; О реконструкции промежуточных словообразовательных звеньев // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4.

из года в год и была нарушена только дважды, причем оба раза — по вине издателей, а не автора или составителей: один раз — из-за навязанной свыше политики конъюнктурного умолчания имен ряда зарубежных авторов, а другой раз уже чисто по причине типографских черепашьих темпов. Ритмичный выход ежегодного выпуска словаря — обстоятельство, казалось бы, внешнее и даже техническое, но немаловажное; это обстоятельство способствовало репутации нашей науки и культуры среди зарубежных ученых.

Благодаря глубине и оригинальности концепции (не претерпевавшей зигзагообразной и поспешной эволюции, как в случае с польским «Праславянским словарем», Этимологический словарь славянских языков не только отстоял свое лицо и выдержал международную научную конкуренцию в необъявленном соревновании с упомянутым словарем польских коллег, но опередил его и, будучи начат изданием в том же году и даже месяце (декабрь 1974 года), что и краковский «Праславянский словарь», оставил далеко позади это польское издание,выходящее несравненно медленнее (1 том — примерно в три года) и доведенное в печатном виде еще только до буквы Е (русское издание — уже до Н включительно). Высокая эвристичность научных, этимологических позиций, решений, толкований Этимологического словаря славянских языков была отмечена в целом достаточно ревнивой зарубежной научной критикой, ср. специальную статью — первых выпусков русского и польского словарей (Ф. Копечный, ЧССР, на страницах «Вопросов языкознания», четкое положительное мнение американского слависта Х. Бирнбаума в новой книге «Праславянский язык», далее — оценка индоевропеиста О. Семереньи, ФРГ, в книге по истории мирового языкознания: O. Szemerényi. Richtungen der modernen Sprachwissenschaft. Die fünfziger Jahre (1950–1960), Heidelberg, 1982. S. 150)

Для того, чтобы стать действительно новым словом в науке, а не только максимально полной реляцией о том, что уже было сделано и уже было известно ранее, Этимологический словарь славянских языков должен был опираться на новую продуманную теорию, и эта теория была выдвинута Трубачевым («Проспект» 1963 года и ряд статей). Было выдвинуто и в дальнейшей практике, последовательно осуществлено положение о *словаре-реконструкции* (таким неизбежно представляется новый словарь праславянского лексического фонда, где реконструировано не только фонетическое обличье, но и само местонахождение слов в словарном фонде, не включающем более поздних местных заимствований отдельных языков, наличествующих в достаточном числе, например в старых словарях Миклошича и Бернекера, которые подходят поэтому под понятие о словаре-коллекции). Реконструируемый праславянский лексический фонд трактуется в тесной связи с реконструкцией праславянского языка в целом (и, далее, подводит закономерно к реконструкции этнической истории носителей этого языка — праславян). Совершенно логично при этом рассматривать мертвый праславянский язык как язык некогда *живой*. Этимология не может удовлетвориться идентификацией корней, она трактует потенциально

живое слово как единое целое и интересуется цельными (не корневыми) его иноязычными соответствиями. Живой язык состоял из массы производных слов. Все такие слова вводятся в алфавитный словник Словаря.

Центральное положение концепции Этимологического словаря славянских языков, лежащее и в основе отбора слов, определяющее также суть понимания диалектных отношений славянской лексики как внутреннего славянского языкового пространства, так и в его внешних, индоевропейских связях опирается на автономность праславянских состояний лексики славянских диалектов и понятие древнего лексического диалектизма.

Основным методическим приемом в работе по отбору материала для словаря явилось восстановление праславянского состава и состояния изнутри, в рамках лексики каждого отдельного славянского языка. Такую методику О.Н.Трубачев называет внутренней реконструкцией на том основании, что, несмотря на поддержку со стороны внешних сравнений, определяющими при такой реконструкции праславянского состояния оказываются данные соответствующего отдельного языка и его словарного состава.

В практике этимологической обработки лексических материалов этимологического словаря славянских языков внутренняя реконструкция доводится на ограниченной базе до еще более раннего, дославянского состояния, что также сближает внутреннюю словарную реконструкцию, принимаемую в словаре, с внутренней реконструкцией в общепринятом понимании.

В результате работы по реконструкции праславянского словарного состава была получена картотека .частных праславянских словников для старославянского, болгарского, македонского, сербохорватского, словенского, чешского, словацкого, верхнелужицкого, нижнелужицкого, польского, кашубско-словенского, русского, белорусского, украинского языков. Отдельные из названных славянских языков являются языками со сложной и длительной письменной традицией, другие заметно уступают им в этом и труднее определимы в своих диалектных и классификационных признаках (например, македонский), третьи так и не поднялись над уровнем диалектного существования (кашубско-словенский), четвертые представлены только в письменной фиксации (старославянский).

Источники лексических материалов словаря — прежде всего толковые, двуязычные, диалектные, исторические словари и списки в различных изданиях. Использовались также возможности пополнения материалов из различных рукописных, неизданных материалов и картотек.

Задачей словаря является инвентаризация праславянского пласта лексики славянских языков во всем их словообразовательном многообразии, а не только корневой лексики.

С этой задачей Этимологический Словарь славянских языков блестяще справляется, что делает его незаменимым справочником.

Для них требуется не этимологическая, а словообразовательная характеристика, но одно от другого вообще трудно отделить. В целом задачи нового Словаря понимаются, таким образом, *расширительно.*

И в отношении этимологических решений, и в отношении определения праславянской принадлежности слов автор Словаря постоянно размышляет над критериями, направленными на ограничение выбора возможностей, т. е. на повышение строгости избранных решений, однако ясно, что взяв курс на словообразовательно расчлененный словник, он усложняет свою задачу и сознательно повышает момент эксперементальности, гипотетичности отбора лексем и зачисления их в праславянские и при этом ставит себя в положение, когда далеко не всегда легко ответить на вопрос, почему слово сочтено праславянским (в случае с производными ответ нередко гласит, что слово оставлено как потенциально праславянское ввиду отсутствия прямых доказательств противного).

Продолжая работу по преодолению всесильного схематизма в представлениях о древнем языке, автор опирается на постулат, что живой язык не бывает единым и бездиалектным. Так мотивируется новое в науке положение о праславянском лексическом диалектизме (до сих пор в классическом славяноведении все начиналось с диалектизма фонетического, отчасти — морфологического и на нем в сущности замыкалось). Нивелирующему схематизму господствовавших до недавнего времени воззрений как раз на лексические диалектные различия как на нечто заведомо позднее и вторичное уже в 60-е годы О. Н. Трубачев противопоставил тезис об автономности праславянских состояний лексики славянских диалектов. Так постепенно создавалась новая отрасль словарного дела — праславянская лексикография, замечательная тем, что ею открывалась совершенно новая в принципе глава лексикографии и ее теории: праязыковая лексикография. Благодаря описываемым здесь исследованиям праславянская лексикография оказалась наиболее продвинутой отраслью, сравнительно, например, с зачаточным состоянием прагерманской лексикографии.[8]

Вышли в свет и используются в преподавании русского языка иностранцам: «Толковый словарь русского языка для иностранцев» под ред. В. В. Розановой, «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н.Денисова, В. В. Морковкина, Л. А. Новикова и др.

Учебные словари составляют новую отрасль советской русской лексикографии, возникновение и развитие которой связано с ролью русского языка как языка межнационального общения и одного из наиболее распространенных мировых языков.

---

[8] Подробнее см.: *Трубачев О. Н.* 1) Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 23–36; 2) Праславянская лексикография // Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.): Итоги и перспективы. М., 1986. С. 10–17; 3) О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. М., 1963. С. 159–196.

Накопление опыта практической работы над словарями, разработка принципов создания новых словарей, практическое воплощение этих принципов в конкретных лексикографических трудах — все это предоставило лексикографам широкие возможности для постановки и всестороннего обсуждения основных проблем лексикографической теории и практики. Теоретические проблемы словарного дела активно обсуждаются в словарной комиссии АН в двадцатые годы. Уже тогда намечается широкая программа создания системы словарей, с разных сторон описывающих словарный состав русского языка.

В 30-е годы был создан целый ряд проектов задуманных в то время словарей русского языка (современного, исторического). В этих проектах ставились и решались теоретические вопросы исторической и современной лексикографии, вырабатывались концепции словарей различных типов. Акад. Л. В. Щерба первый в отечественном языкознании отчетливо поставил вопрос о создании общей теории лексикографии. Его статья «Опыт общей теории лексикографии» (1940) до сих пор сохраняет свое значение одной из наиболее важных работ в области теории лексикографии. Особенно широкий размах приобретает теоретическая работа в области лекскографии в послевоенное время. Именно в этот период появляются многочисленные статьи, монографии, пишутся кандидатские и докторские диссертации, посвященные проблемам теории и практики лексикографии. Эти работы были вызваны прежде всего успехами практической лексикографии. Последняя имела решающее воздействие на расширение и углубление лексикологических, семасиологических, стилистических и др. исследований в общетеоретическом плане.

Л. В. Щерба и проблемы современной лексикографии

Л. В. Щерба по праву считается основоположником теории лексикографии как особой отрасли языкознания. Среди проблем, которыми занимался Л. В. Щерба, важное место принадлежит лексикологическим и связанным с ними лексикографическим аспектом изучения языка. Щерба принимал участие в создании «Словаря русского языка» (шахматовской редакции), был одним из самых активных членов академической «Комиссии по составлению словаря», обсуждавшей теоретические и практические проблемы русской лексикографии, составил (в соавторстве с М. И. Матусевич) один из лучших двуязычных словарей — «Русско-французский словарь» (1936 г.).

В своих лексикографических занятиях Л. В. Щерба, по его словам, руководствовался как «личными теоретическими интересами», так и ясным сознанием «чрезвычайной нужды в хороших и целесообразно составленных словарях». Принадлежа к числу языковедов-мыслителей.

Л. В. Щерба обладал исключительным даром теоретического обобщения и умел в каждом вопросе находить проявление общих языковых закономерностей. Лексикография в этом смысле не является исключением. В 1940 г. он публикует «Опыт общей теории лексикографии. Этюд первый — Основные типы словарей».[9] В этой работе Щерба выдвинул ряд важнейших, принципиальных положений одноязычной и двуязычной лексикографии, разработал первую и остающуюся до сих пор самой совершенной в мировой лексикографии типологию словарей, обосновал задачу системного описания лексики в толковых словарях современного языка.

Понимание системы как единого (реального) языкового сознания «определенного человеческого коллектива в определенный момент времени», восприятие нормы как динамического явления, формулирование основных положений стилистической дифференциации словарного состава, вопрос о соотношении лексики и грамматики в словарных описаниях, определение границ «современного литературного языка» и мн.др. проблем, тесно связанные с лексикографией, никем до Л. В. Щербы не были поставлены так четко и определенно. Его лексикографическая теория расценивается ныне как один из крупнейших вкладов в развитие отечественного языкознания. «В области внутренней лингвистики, — утверждает «Энциклопедия. Русский язык», — в советском языкознании были созданы три крупнейших концепции XX века: типология Мещанинова, теория фонологии, грамматики и словарей Л. В. Щербы, теория русского языка, литературных языков, стилистики и поэтики В. В. Виноградова».[10]

Оказавшись в фокусе внимания специалистов-языковедов и широкой общественности, лексикография перестает быть «искусством» составления словарей; она все более и более начинает осознавать себя особой научной дисциплиной со своим кругом задач, своим объектом и своим назначением. Этому русская лексикография прежде всего обязана Щербе. Л. В. Щерба отстаивает и пропагандирует научную основу словарной работы. «Я считаю крайне неправильным, — говорит он в предисловии к «Русско-французскому словарю», — то пренебрежительное отношение наших квалифицированных лингвистов к словарной работе, благодаря которому почти никто из них никогда ею не занимался». В словаре, утверждал Щерба, язык не только описывается, но и определенным образом интерпретируется.

Роль и значимость словарей в отражении и интерпретации лексического материала языка подчеркивается в настоящее время и тем, что в последние годы в языкознании все большее распространение получает «голая схематизация», которая, по словам Л. В. Щербы, «кроет в себе опасности для дальнейшего развития науки: люди приучаются смотреть на факты сквозь клеточки таблички (или схемы), вместо то-

[9] Известия АН СССР. ОЛЯ. 1940. № 3.
[10] Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. 6. С. 425.

го, чтобы их попросту и по возможности беспристрастно описывать».[11] Для Щербы идеалом лингвистичекого изучения живого языка было создание грамматики и словаря, адекватных действительности.

Лексикографические идеи Щербы оказывали и продолжают оказывать благотворное влияние на широко развернувшуюся работу по созданию словарей в нашей стране. Эта работа получает выражение в двух направлениях: а) составление словарей различных типов и назначений; б) выработка и формулирование теоретических основ лексикографии.

Накопление опыта практической работы над словарями, разработка принципов их создания, практическое воплощение этих принципов в лексикографических трудах способствовало решению целого ряда лексикологических, семасиологических, грамматических и стилистических проблем: вопрос о языковой норме и стилистической дифференциации лексики, вопрос о дифференциальных признаках слова, о его тождестве и отдельности, проблема вариантов слова, синонимия, омонимия, типы лексических значений и др. проблемы невозможно было бы решать без словарной теории и практики. «Основные понятия советской теории лексикологии явились итогом углубленной многолетней работы над словарем», — пишет А. А. Уфимцева.[12]

Вообще для нашего времени характерна, по выражению Дорошевского, «интеграция языкознания как теоретической науки о языке, лексикологии как науки о словах, лексикографии как науки о способах классификации словесного материала и его представления в словарях».[13]

Социальная обусловленность, общественная и научная значимость словарей ставят перед лексикографами задачу постоянного усовершенствования приемов и методов лексикографической работы, что невозможно без освещения связанных с нею основных теоретических проблем.

В последние десятилетия заметно усилилась разработка основных вопросов теории лексикографии на конкретном материале. Сюда относятся проблемы, связанные с определением роли словарей в современном мире, их значения для исследования языка и теоретического языкознания; вопросы общей теории лексикографии, включающие в себя такие аспекты изучения, как соотношение лексикографии с лексикологией и другими лингвистическими дисциплинами, лексико-семантическая система языка и ее отражение в словарях разных типов, нормативность в толковом словаре и шире — отражение нормы и узуса в словаре, соотношение понятий литературного языка и словаря. Сюда относятся и многие проблемы, касающиеся принципов построения словарей различных типов: формирование словника, структура словаря, построение

---

[11] *Щерба Л. В.* К вопросу о транскрипции // Изв. ОРЯС АН. 1911. Т. VI. Кн. 4. С. 162.

[12] *Уфимцева А. А.* Лексикология // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968. С. 233.

[13] *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973. С. 36.

словарной статьи, раскрытие значений слова, толкование, характеристика особенностей употребления слова; разработка принципов описания слов разных лексико-грамматических классов и мн.др. общие и частные вопросы сложной и многообразной лексикографической проблематики.

Для теории лексикографии важно не столько прямолинейное обособление лексического от грамматического (лексикологии от грамматики), сколько изучение сложных и разнообразных типов взаимодействия лексических и грамматических значений. Проблема взаимодействия лексических и грамматических значений связана с изучением функций разных падежных форм имен существительных, дополнительных лексических оттенков, развивающихся в них в тех или иных условиях, потенциальных возможностей и условий перехода слов из одной части речи в другую, вариаций лексических значений у разных форм одного и того же глагола, типов лексической и синтаксической дифференциации полных и кратких имен прилагательных и т.д. Особенно трудны, многообразны и мало изучены лексико-грамматические связи и взаимодействия в сфере глагола.

Одной из насущных проблем современной лексикографии является дальнейшая разработка типологии словарей. При этом необходимо учитывать, что типология словарей может быть научной, если ее понятия и категории будут сотноситься с понятиями и категориями словарного состава языка. Вопрос о дальнейшей разработке типологии словарей особенно важен сейчас в связи с необычайным расширением и разнообразием изданий, подводимых под понятие «словарь». Термины «лексикография» и «словарь» получают весьма широкое наполнение, их значение становится расплывчатым и неопределенным. Словарем называется любое издание, в котором применяется алфавитно-систематизированное расположение материала — от энциклопедий, до небольших списков слов, форм, синтаксических конструкций и т.п.

Несмотря на то, что со времени выхода в свет лексикографического этюда Л. В. Щербы прошло более 50 лет (за эти годы созданы новые словари, написано много работ по теории лексикографии, по-новому разработаны многие лингвистические понятия и проблемы), можно с уверенностью утверждать, что основой для дальнейшей разработки типологии словарей должны служить знаменитые противоположения Щербы. Эти противопоставления тесно связаны с общетеоретическими взглядами Щербы на язык и прежде всего с противопоставлениями активной грамматики и активного словарного состава пассивной грамматике и пассивному словарному составу.

Вопрос о типологии словарей теснейшим образом связан с вопросом о системе словарей, учитывающем результаты типологических построений.

В русской лексикографии утвердилось положение о том, что адекватное описание состава языка невозможно осуществить в одном словаре, каким бы большим объемом он ни отличался. Такое описание мыслимо и целесообразно в серии словарей. Выдвигается идея системы

словарей, описывающих с различных сторон словарный состав национального языка. Под системой словарей понимается совокупность словарей, которая позволяет описать лексическую систему языка (словарный состав языка) в его полном объеме. Для русской лексикографии эту систему должны составить: словарь современного литературного языка, словарь русского языка XIX в., словарь русского языка XVIII в., словарь древнерусского языка, словарь русского языка XIV(XV)–XVII вв., словарь русских народных говоров. В эту систему вместе с тем должны входить такие словари, как: синонимический, фразеологический, словарь антонимов, словарь сочетаемости слов, словообразовательный словарь, словарь этимологический и другие типы специальных лексикографических изданий. В эту систему должны входить также словари языка наших крупнейших писателей. В совокупности эти словари и должны выполнять задачу полного и всестороннего описания словарного состава национального языка, задачу, которую ставил перед своим словарем-тезаурусом акад. А. А. Шахматов.

Постоянный, неослабевающий интерес к слову, изучение его сущности является отличительной чертой русской лексикографической традиции. Ей близки концепции отечественной семасиологии, которая с самого начала была глубоко исторической наукой, ставящей перед собой задачу определения условий и закономерностей семантического развития целых разрядов слов, рассматривающей семантические изменения слов в связи не только с внешними условиями, но и внутренними, чисто языковыми. Весьма показательно, что начиная свой «Опыт», Щерба говорит о том, что дальнейшие этюды предполагается посвятить природе слова, его значению и употреблению; его связи с другими словами. Таким образом Щерба тесно увязывал решение лексикографических задач с задачами лексикологических, семантических, грамматических исследований.

По существу, считал Л. В. Щерба, словари составляются ради выделения значений слов, раскрытия их реального содержания, показа различных оттенков значения и особенностей употребления. «Словарная работа исключительно основана на семантике», — подчеркивал он. Недаром лингвистическое кредо толкового словаря ярче всего проявляется в способах семантической квалификации лексики.

Однако вопрос о принципах семантической характеристики слова в словарях различных типов далек от сколько-нибудь удовлетворительного решения. В теории лексикографии нет даже устоявшейся, общепринятой терминологии, отражающей понятия, связанные со смысловой характеристикой в словаре. В качестве синонимических обозначений здесь используются термины «определение», «толкование», «объяснение», «описание», «словарная дефиниция», «семантизация» и нек.др. Текст толковых словарей, с другой стороны, представляет слишком широкий и разнородный диапазон типов и видов лексикографических определений, что приводит нередко к упрощенному пониманию методов и приемов определения значения слова в словарях.

Необходимы дальнейшие постоянные и настойчивые поиски наиболее объективных методов выделения и определения значения слова, учитывая сложность семантической структуры слова, различие значений по своему типу, устанавливая связи и отношения лексического значения с другими свойствами слова, принимая во внимание разную степень самостоятельности лексического значения. Основу семантического анализа должны составлять поиски дифференциальных признаков значений и построения определений, необходимых и достаточных для разграничения смысла слов. Проблематика, в обсуждении которой заинтересованы лексикографы, оказывается чрезвычайно широкой, разнообразной и сложной; она далеко выходит за пределы сугубо лексикографических интересов. Задачи теоретической лексикографии тесно смыкаются, переплетаются с задачами семасиологии.

Первоочередной задачей в области практической русской лексикографии является создание нормативно-стилистического словаря современного русского литературного языка, в котором современное словоупотребление было бы представлено в более строгих границах. Этот словарь должен представлять собой тип функционально-стилистического словаря (созданный на основе функционально-стилистической лексикологии), в котором все многообразие значений и смысловых нюансов слова, его возможных применений, его отношений к другим словам и группам слов сосредотачивается и объединяется в его функционально-стилистической характеристике.

Л. В. Щерба призывал к внимательному отбору фактов и явлений, входящих в систему литературного языка, с тем, чтобы картина этой системы не была искажена. Здесь уместно привести слова Л. В. Щербы о том, что у него «возникает большое опасение, как бы наш академический словарь не пошел по тому же самому пути, по которому пошел в свое время Словарь французской Академии, который на несколько столетий задержал развитие французского языка... Мне просто страшно делается при одной такой мысли. Я считаю, что совершенно не следует выхолащивать русский язык, нельзя подходить... со своей узко нормативной, академической точки зрения».

Одна из труднейших проблем нормативного словаря в этих условиях связана с определением пределов включения в него «не всеобщих» пластов лексического состава, которые, по словам Л. В., «... как-то входят в систему языка».[14]

В словаре, ставящем перед собой задачу отразить лексико-семантическую систему современного литературного языка, должна быть тщательно продумана система стилистических помет. И это составляет одну из сложнейших проблем этого словаря.

Стилистическая структура лексики нашего времени претерпела большие изменения. Нейтральный слой словарного состава значительно расширился. Изменили свой состав и «окрашенные» слои. И теперь

[14] *Щерба Л. В.* Выступление на заседании бюро ОЛЯ АН, посвященном обсуждению Проекта «Словаря современного литературного языка».

уже нельзя подходить к стилистическим квалификациям со старыми мерками, ибо претерпели изменения сами формы существования современного литературного языка. Требуют пристального изучения вопросы о том, каковы границы нейтрального слоя, каковы масштабы включения в него терминологической лексики, покрывает ли понятие «просторечие» как стилистическая категория литературной речи специфические особенности разговорно-обиходного языка и т.п.

По-прежнему остро стоит проблема создания идеографического словаря русского языка. Самое трудное здесь — классификация понятий, которая опиралась бы, с одной стороны, на глубокое понимание лексико-семантической системы русского литературного языка, а с другой — не была бы искажена субъективными, априорными взглядами и предубеждениями, навязанными общей философией языка. Об этом условии Л. В. Щерба настойчиво напоминал в своем «Опыте».

Обогатив лексикографическую теорию новыми идеями и новыми приемами семантического анализа лексики, Л. В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии» и в ряде других работ определил место лексикографии в ряду других лингвистических дисциплин, отведя словарю, наряду с грамматикой, роль основного метода изучения языка, адекватного отражения его системы. И хотя Л. В. Щерба не оставил нам цельной, законченной и внутренне единой концепции общей теории лексикографии, тем не менее его лексикографическая идея и наблюдения оказали и продолжают оказывать решающее влияние на развитие лексикографической работы в нашей стране.

Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова

Российские события второго десятилетия XX в. (участие России в первой мировой войне с ее разрушительными последствиями для страны и народа, буржуазно-демократическая революция в феврале 1917 г., Октябрьский переворот и связанная с ним резкая смена общественно-экономической формации, гражданская война, потрясшая страну изнутри, невиданная миграция населения) имели своим ближайшим следствием заметные подвижки в языке. Уже одно это вызывало потребность в словаре, который отразил бы эти лексические перемены переломной эпохи.

Выдвигается идея создания словаря, отражающего сосотояние русского языка послеоктябрьского времени. Это находит поддержку у В. И. Ленина, который считал создание такого словаря насущно необходимым в связи с заметными изменениями в составе русского литературного языка и появлением нового читателя, сремившегося к культуре, науке и общественной жизни. Продолжавший издаваться в это время академический словарь русского языка шахматовской редакции был далек от учета новых условий и обстоятельств того времени.

Впервые эту идею о новом словаре Ленин высказал 18 ноября 1920 г. (спустя три недели после принятия «Декрета о ликвидации неграмотности») в записке наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького». И там же: «Словарь классического русского?» (Т. 51. С. 122). Эта мысль повторяется и детализируется в аналогичной записке заместителю наркома просвещения М. Н.Покровскому от 5 мая того же года: «Не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка (от Пушкина до Горького, что ли, примерно)» (т. 51. С. 192). И, наконец, директивно — в записке другому заместителю наркома просвещения Е. А. Литкенсу от 19 мая 1921 г.: «Задание — краткий (малый «Лярусс» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию» (т. 52. С. 199).

— это словарь лексики того языка, на котором явилась человечеству русская классическая литература («от Пушкина...») (применительно ко времени написания ленинских записок — период около ста лет);

— это словарь слов, употребляемых в настоящее время лучшими, авторитетными носителями языка («... до Горького») и включающий в себя новую общеупотребительную лексику;

— значит, это словарь образцовой лексики — эталонной, проверенной временем;

— это словарь «для пользования (и учения)», то есть словарь, утверждающий нормативное словоупотребление, дающий соответствующие рекомендации;

— это словарь для всех — словарь массового типа, доступный потребителю;

— это словарь по возможности краткий и потому однотомный;

— это словарь не только филологический (словарь слов), но и с большим — также кратким — энциклопедическим, понятийным разделом (персоналии, исторические события и факты, географические реалии) — словарь в духе т.н. «малого Ларусса» (популярного в Европе однотомного толково-энциклопедического словаря французской издательской фирмы «Ларусс», выпустившей к тому времени более ста тиражей однотомника);

— это словарь, издаваемый по новой орфографии (правительственный декрет об упрощении орфографии — Известия ЦИК от 18 октября 1918 г.).

Словарь, предложенный Лениным, в своей филологической части относится к толковым словарям справочного типа. Содержа в себе эталонную лексику, он предназначался в помощь тем, кто стремился к овладению литературной формой языка с ее нормативными принципами: ведь именно для них, «для людей, активно не вполне владеющих русским языком, но стремящихся к тому — русских и нерусских, — ну-

жен нормативный словарь».[15] В раздумьях о словаре Д. Н.Ушаков, оказавшийся близко причастным к нему, писал в дневнике: «Тип словаря. Какие новые потребности вызвали его? Появление массового читателя... Новые процессы в самом литературном языке. Цель практическая, а не научная. Словарь для справок... Тип живого литературного языка (нашего времени?) для справок массового читателя («с Пушкина до наших дней») + обиходного языка».[16]

Специально созданное Бюро по организации работ над словарем «определило новый словарь как словарь современного русского языка, причем основным для него материалом должны служить литература, пресса (и то, и другое с XIX в. по последнее время) ... общерусского разговорного языка».[17] В размышлениях Ленина и Ушакова выражено главное: адресат словаря и тип словаря.

В соответствии с замыслом словаря лексико-фразеологической разработке подверглись сочинения десятков авторов — от революционных деятелей (Плеханов, Кропоткин, 22 тома сочинений Ленина) до известных прозаиков (Вересаев, Горький, Куприн, Серафимович, Сергеев-Ценский, А. Н.Толстой, Шмелев и др.) и поэтов (Александровский, Ахматова, Блок, Брюсов, Есенин, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Цветаева и многие другие); лексика литературной классики XIX в. извлекалась из картотеки академического словаря (Петроград). К работе над словарем (обсуждение замысла, подготовка проекта, создание картотеки, составление словарных статей, редактирование) были привлечены лучшие лингвистические силы обеих столиц (Д. Н.Ушаков, Н.Н.Дурново, С. П. Обнорский, А. М. Пешковский, И. Л. Поливанов, Л. В. Щерба, Д. Д. Благой, А. А. Реформатский и др.).

Время, сохранив картотеку, не сберегло, к сожалению, образцы словарных статей. О словаре приходится судить лишь по его теоретическим постулатам. Но эти постулаты, основанные на ленинских указаниях, во многом определили характер словарных работ в последующие десятилетия.

Внешняя же канва работы над словарем коротко предстает в следующем виде.[18] Словарная работа протекала в 1921–1924 годах (Москва, отчасти Петроград). Был создан редакционный комитет, ведущим научным членом которого стал Д. Н.Ушаков. Лица, стоявшие у истоков словаря, ознакомились с ленинским заданием (запиской Е. А. Литкенсу от 19 мая 1921 г.) и поддержали его. Комитет вошел в контакт со Словарной комиссией Российской Академии наук. В Петрограде работала группа во главе с Щербой по использованию картотеки академического «Словаря русского языка». Началось непосредственное составление

---

[15] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1940. № 3. С. 96–97.

[16] Архив РАН, ф. 502, оп. 3, № 97, л. 14.

[17] Архив РАН, ф. 502, оп. 3, № 96, л. 1.

[18] Подробнее об истории словаря см.: Левашов Е. А. и Петушков В. П. Ленин и словари. Л., 1975. С. 54 и далее

словаря (главным образом его филологической части). «Ленин, пока был здоров, интересовался ходом работы».[19] В 1921–1923 годах он ежемесячно получал отчет о проделанной работе. Однако после его смерти было принято решение о прекращении дела, продиктованное необходимостью жесткой экономии средств, проводившейся по всей стране. Сказалось и отсутствие опыта словарной работы: она оказалась сложнее, чем представлялось вначале. После смерти Ленина Д. Н.Ушаков самокритично писал академику В. М. Истрину (март 1924 г.): «... ясно, что заняла бы она годы и годы».[20]

Однако идея нормативного словаря для массового пользования не пропала даром. Через несколько лет она «проросла» «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н.Ушакова, а в дальнейшем — однотомным «Словарем русского языка» С. И. Ожегова и общим оживлением словарного дела в стране. Поэтому можно с полным основанием считать, что словарный замысел Ленина стал заметной теоретической и практической вехой в истории русской толковой лексикографии.

В 1925 г. Д. Н.Ушаков, редактор будущего четырехтомного словаря, писал: «Спросим себя, многие ли понимают ценность такого пособия, как словарь литературного языка? Кстати сказать, у нас для русского языка такого словаря не было и нет».[21] В эти словах — и лексикографическая ситуация своего времени, и — в самом общем виде (в форме риторического вопроса) — обоснование необходимости толкового словаря современного литературного языка.

За два последних века в русском литературном языке произошла неоднократная (по меньшей мере трехкратная) смена лексико-стилистических систем и соответствующих им литературно-языковых норм. Последняя из них, по мнению (относящемуся к 60-м годам нынешнего столетия) академика В. В. Виноградова, «это время с 90-х годов XIX в. — с начала XX в. вплоть до современности»,[22] по мнению других (Д. Н.Ушаков, С. И. Ожегов, К. С. Горбачевич и др.) — это послереволюционная, советская эпоха. В любом случае значительные лексико-семантические и стилистические подвижки в языке были вызваны российскими событиями первых десятилетий XX в., до основания потрясшим страну, многомиллионное языковое сообщество. Сформировался новый общественно-политический лексикон. Вышел из повседневного обихода пласт слов, связанный с прежней государственностью. Широко (со времени первой мировой войны) распространились сложносокращенные слова и инициальные аббревиатуры. Но главное — разговорная стихия с небывалой дотоле силой вторглась в сферы языка, не стесненные функциональными рамками, и прежде всего в язык

[19] *Ушаков Д. Н.* Судьба одной ленинской идеи // Правда, 1940, 9 марта.
[20] Архив РАН, ф. 332, оп. 2, № 169, л. 10.
[21] Журналист. 1925. № 2.
[22] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // ВЯ. 1966. № 6. С. 25.

художественных произведений. Но уже во второй половине 20-х годов проявилось стремление языка к употрядоченности и стабилизации. Открылся путь к нормализаторско-языковой политике в рамках лексикографических возможностей. Недаром в предисловии к начатому в эти годы толковому словарю его инициатор и редактор Д. Н.Ушаков констатировал (т. I, 1934/1935): «Выпускаемый теперь словарь — попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать установившиеся нормы употребления слов».

Попытки создать массовый словарь русского языка (что говорит о его назревшей необходимости) предпринимались в предреволюционные десятилетия неоднократно. Наиболее ощутимые результаты были достигнуты в словарях А. Н.Чудинова и П. Е. Стояна.

В предисловии к однотомному «Справочному словарю орфографическому, этимологическому и толковому русского литературного языка» (СПб., 1901) А. Н. Чудинов (редактор издания), отметив «потребность в общедоступном словаре языка», изложил свою лексикографическую позицию: «В состав этой книги вошли почти все слова (более 60 т. — Е. Л.) русского литературного языка, на котором говорят и пишут руские образованные люди. Вследствие этого в нем не нашли себе места слова церковно-славянского языка, а также областных говоров. Из числа заимствованных слов помещены лишь наиболее употребительные». Три обстоятельства не позволили этому словарю выйти на научный уровень. На первое из них указал сам редактор: «Самая слабая часть предлагаемого труда — толкование и объяснение слов» (недаром в названии словаря слово «толковый» стоит на последнем месте). Второе отрицательное обстоятельство: приставочные слова даны в словаре списками, без какой-либо разработки. Третье: в словаре нет примеров текстового употребления слов (цитат, речений), объективирующих слово и его значение.

Не вполне филологическим является и «Малый толковый словарь русского языка. С 1300 рисунками» П. Е. Стояна, вышедший тремя изданиями (от 33 до 42 тыс. заголовочных слов, последнее издание — 1916 г.). В словаре отмечены многие новые слова начала XX в.: *боевик, богема, всхожесть, летчик, справочник, футбол* и др. В то же время автор отказался от тысяч и тысяч слов, «самопонятных русскому», «не требующих пояснения» (типа: *бледность, братоубийца, второгодный, добренький, железосодержащий, неблагодарный, небольшой, офицерша, по-солдатски, сладко-кислый* и под.). Слова в словаре представлены без какой-либо грамматической разработки.

Оба эти словаря не стали шагом вперед в русской лексикографии. Они не ставили перед собой нормализаторской задачи и фактически прошли мимо идиоматики. В силу исторических обстоятельств их словник устарел.

По своим филологическим задачам предшественником ушаковского словаря явился академический словарь под ред. Я. К. Грота (А–Д, 1891–

1895), в основу которого был положен «общеупотребительный в России литературный и деловой язык в том виде, как он образовался со времен Ломоносова». К сожалению, будучи начатым, он прервался намерением академика Шахматова создать исчертывающий словарь русской нации. Но и в своем начальном виде словарь под ред. Грота явился водоразделом между старой академической и новой толковой лексикографией.

Прекращение работы над словарным заданием Ленина не остановило Д. Н.Ушакова. Он продолжал разрабатывать основные направления словаря. Наконец, в 1927 г. издательство «Советская энциклопедия» (по предложению Н.Л. Мещерякова, старого революционера, знавшего судьбу ленинского словарного замысла) поручило проф. Ушакову продолжить работу над словарем.

Оценивая предстоящую роль Ушакова, Л. В. Щерба убежденно писал О. Ю. Шмидту, стоявшему во главе Госиздата: «Он единственный реалист, который ... обусловит то шаг вперед русского словарного дела, который понимающими людьми ожидается».[23] Так и произошло: «Идейным руководителем всей работы, ее душой, одним из основных составителей и главным редактором был Д. Н.Ушаков».[24]

Вокруг Ушакова объединились лингвистины, чьи основные достижения в науке еще были впереди: В. В. Виноградов (1894–1969), Г. О. Винокур (1896–1947), Б. А. Ларин (1893–1964), С. И. Ожегов (1900–1964), а также Б. В. Томашевский (1890–1957), которые приняли неодинаковое авторское и разноплановое теоретическое участие в подготовке словаря: «Задачи словаря, его структура, принципы установления лексических границ литературного языка и стилистической дифференциации лексики в основном были разработаны В. В. Виноградовым»,[25] ему же принадлежит осмысление подачи служебных слов по принципу их значений и функций; Д. Н.Ушаков разработал и курировал морфологическую и орфоэпическую стороны словаря; Б. В. Томашевский отличался тонкостью семантического анализа слов; С. И. Ожегов (единственный, имевший предшествующий составительский опыт в академическом «Словаре русского языка») был самым результативным по объему авторской продукции: из 435 печатных листов словаря им подготовлено 150; последний том целиком был составлен двумя из авторской когорты — Г. О. Винокуром и С. И. Ожеговым; в теоретической разработке словаря принимал участие и Л. В. Щерба.[26]

О том, в какой ситуации велась конкретная работа, знающий современник писал: «Составителям словаря приходилось, можно сказать, одновременно и везти груз, и прокладывать дороги, и разыскивать материал, и производить отбор, и строить систему грамматических и исторических категорий. Естественно, что при этом нередко им оставалось

---

[23] Архив РАН, ф. 770, оп. 1, № 15, л. 47.

[24] *Аванесов Р. И.* Дмитрий Николаевич Ушаков (к столетию со дня рождения) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1973. Т. XXXII. Вып. 2. С. 202.

[25] *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // ВЯ. 1952. № 2. С. 88.

[26] *Ожегов С. И. Б. А. Ларин* // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1964. Т 23. Вып. 5. С. 469.

полагаться на свое собственное языковое чутье».[27] Авторы словаря, в самом деле, явились теми, кто проложил первую реальную стезю в толковой лексикографии послереволюционного времени. К тому же не обошли стороной авторский коллектив и репрессии 30-х годов (ссылка В. В. Виноградова). Мужественно вел себя в этот период руководитель издания Д. Н. Ушаков (см. его письмо Сталину — Язык: система и подсистема. М., 1990).

Четырехтомный словарь был подготовлен и издан за 13 лет (1928–1940 гг.). Успешной работе помогло также то, что в 1932 г. в XX «Ленинском сборнике» были опубликованы четыре записки Ленина о словаре (Е. А. Литкенсу, май 1921 г.). На высоком государственном уровне (В. М. Молотов) было принято решение об ускорении работы над словарем, подтолкнувшее авторов и издательство к более интенсивной деятельности (1-й том — 1934/1935, 2-й — 1938, 3-й — 1939, последний — декабрь 1940 г.).

За годы работы над словарем — а каждый опубликованный том лишал возможности внести в него пропуски и лексико-семантические новообразования — накопился запас этих невольных упущений и новейших приобретений. Все они были сведены в единый список, который дан как приложение к 4-му тому. Таким образом, словарь до последней возможности стремился шагать в ногу со своим языковым временем.

Появление 1-го тома и завершение всего издания было расценено в массовой печати как «крупное литературное событие».[28] В 1947–1948 годах словарь был фототипически переиздан,[29] а в 1995 г. вторично. В послевоенное время он неоднократно издавался и за рубежом (Китай, США, Франция, Япония).

Поскольку последующие толковые словари не могут не иметь много общего и преемственного, при описании словаря под ред. Д. Н.Ушакова (в дальнейшем — ТСРЯ) указать на то новое, что им внесено в русскую лексикографию.

1. Основному корпусу ТСРЯ предшествует обширное предисловие. В нем Д. Н.Ушаков — впервые в русской толковой лексикографии — указывает на особенность толковых словарей (раньше это воспринималось как бы само собой разумеющееся): «Толковый словарь — не энциклопедический..; первый есть словарь языка и толкует слова, второй — объясняет предметы, понятия... В особенности это касается научных и технических слов»; «От словаря языка требуется дать все то, что достаточно для понимания слова, а не знакомства с самим предметом». Эти положения — одни из основных в теории толковой лексикографии.

В первой части предисловия раскрываются основные параметры словаря: его задачи, объем, построение словарной статьи, пометы, опре-

---

[27] Большевистская печать. 1938. № 16. С. 45.

[28] *Черных П. Я.* Толковый словарь русского языка // Новая Сибирь. Литературно-художественный журнал. Иркутстк, 1935. Кн. пятая. С. 107. См. также: *Гельгардт Р. Р.* Толковый словарь русского языка // Советский книжник. 1940. № 17–18; *Мещеряков Н.Л.* Ценная книга // Правда. 1940, 18 декабря.

[29] См. отклик на переиздание: Правда. 1948, 7 декабря (статья «Ценное издание»).

деляющие особенность употребления слова, принципы семантической характеристики слов и фразеологизмов, показ слов иноязычного происхождения — все те суммарные сведения, без знания которых пользование словарем является дилетантским. Предшествующие словари (и даже последующий «Толковый словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, 1948–1965) не содержат подобных систематизированных и развернутых предисловий; ТСРЯ — первый у нас толковый словарь с научно-практическим предисловием, в котором приведены сведения по правописанию, произношению и грамматике (45 столбцов текста). Помещение в словаре краткой практической грамматики служит тем же учебно-нормализаторским целям.

2. Типологически словарь под ред. Д. Н. Ушакова относится к категории толковых словарей-справочников общего типа, цель которых — представить инвентарь общеупотребительной лексики с ее оценкой с позиции нормы, т.е. ту функционирующую, живую лексико-грамматическую систему, в которой закреплено активное языковое мышление современников, осознающих себя единым языковым сообществом. Практическое назначение такого словаря состоит в том, что он обеспечивает соотнесение своего знания лексики с лексикой, общей для языкового коллектива, делает возможным приобретение новых знаний о ней.

Общая направленность словаря охарактеризована в его предисловии («От редакции»): «Составители старались ... придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка». Отсюда вытекали три основополагающие задачи: быть словарем, «рассчитанным на широкого читателя, указывающим нормы употребления и близким к современности». Эта близость к современности определялась: с позиции литературного языка — периодом «от Пушкина до Горького», с позиций живой современности — со времени первой мировой войны (что внесло в словарь многочисленные лексико-семантические новообразования). Соединение под одним переплетом широких временных рамок классического литературного языка с узкими рамками сегодняшнего словоупотребления превратило — по неизбежности — словарь-справочник в словарь компромиссный, что, впрочем, не мешало его справочному назначению. В словаре в границах единого литературного языка соединены и разграничены письменная (по сути монологическая, по выражению Л. В. Щербы) и устно-разговорная (по сути диалогическая) речь.

3. В словаре более 85 тысяч слов — тот объем общерусской лексики своего времени, который позволяет показать ее основной состав за последние сто лет. Побуждаемые необходимостью, с одной стороны, по возможности полно представить в словаре литературную и общеразговорную лексику, но, с другой, ограниченные объемом словаря как издания популярного, его авторы были вынуждены пойти на известные ограничения по словнику (в общем-то противоречащие нормативно-справочному назначению словаря). За его рамками оказались многие

тысячи слов, «которые легко образуются и легко понимаются» («Как пользоваться словарем»): отдельные группы производных существительных (уменьшительные, ласкательные, уничижительные; отадъективные на *-ость/-есть*, отглагольные на *-ние* и др.) и прилагательных (притяжательные; показывающие степень признака; с отрицанием *не*; обычные формы степеней сравнения и др.), глаголов (приставочные; многие возвратные и страдательные), наречий (образованные от прилагательных; обычные формы степеней сравнения). Такое усекновение лексики живого языка неизбежно и общепринято при создании словарей для тех, кто «вчерне» язык знает, — словарей, желающих быть достаточно объективными по словнику и не желающих быть громоздкими.

4. Почти сто лет Россия не имела законченных толковых словарей литературного языка. Словарь под ред. Д. Н.Ушакова, составленный в конце 20 — в 30-х годах, был призван отразить и классический период литературного языка, и перемены в общерусской лексике, которые произошли на глазах современников, — то, что вошло в общий язык с 1914 г., начавшего переломную эпоху в России и в мире. В словаре около 1800 позиций (новых слов, новых значений, новых устойчивых словосочетаний) с пометой *нов.* (окло 2 % словарных статей, полностью или частично отмеченных этой пометой). Все эти новые лексические, семантические, фразеологические единицы — приметы своего (главным образом советского) времени, его политики, экономики, науки, техники, быта, культуры, языка: *активист, басмач, буза, воскресник, выдвиженец, вырешить, живая газета, дезорганизовать, делячество, длинноволновый, завышаться, займовый, звездный пробег, изба-читальня, книгоноша, комбайн, комсомолец, левацкий, лишенец, по линии, многотиражка, невозвращенец, общесоюзный, октябренок, перевыполнять, передвижка, перерожденец, подковаться, попутчик, прикрепиться, пятая колонна, разукрупнить, рационализатор, самолетостроение, танкист, телевизионный, тракторизовать, уклонист, уравниловский, утрясти, фашизация, хлебозавод, хлопкороб, четвертинка, швейник, шефство, экранизация, эскимо, яровизировать* и сотни и сотни других.[30] Неологизмы, представленные в словаре, отразили актуальные перемены, происшедшие в лексическом составе общего языка. Часть слов с пометой *нов.* ныне осталась в языковом прошлом, другая сохранилась, но давно потеряла новизну, и все они были новы и общезнаемы во 2-м и 3-м десятилетиях XX века.

5. В отборе иноязычных слов и слов с недавно заимствованной основой словарь не придерживается сознательного пуризма. «Весьма многочисленный у нас отдел заимствованных иностранных слов»

[30] См. перечень позиций с пометой (нов.): *Левашов Е. А.* «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н.Ушакова. Слова с пометой «новое» // Новые слова и словари новых слов. Л., 1990.

(Я. К. Грот) представлен в словаре с общих для него позиций — позиций активного словоупотребления. Об объективности показа заимствованных слов свидетельствует следующий сопоставительный пример. А. М. Селищев в свое время вычленил некоторое количество новых иноязычных или с иноязычной основой слов, употребительных в первой половине 20-х годов,[31] — почти все они оказались в словаре: *ажиотаж, альянс, гегемон, генеральный, дауэсизация, дискредитация, диспропорция, картель, коммюнике, констатировать, лимит* и *лимитный, лимитрофы, модус, монолитность* и *монолитный, ориентироваться, пакт, рационализация, ревизия, ревю, рентабельность, солдафонство, солидаризация, стабилизация, стандартизация, стационарка, стимулировать, филиал, финиш, флуктуация, фордизация, функционер, шеф*. Из 38 отмеченных А. М. Селищевым слов только 3 (*авуалированный, лаборизация, люмпен*) не включены в словарь (как и во все последующие толковые словари). Представляя заимствованные или с заимствованной основой слова с разумной полнотой и характеризуя сферу или стилистическую особенность их употребления, авторы словаря в своей селективной деятельности опирались на давнюю мысль о вредности иноязычных заимствований без необходимости — мысль, высказывавшуюся давно (Белинский и др.) и высказанную Лениным в его известной записке «Об очистке русского языка» (Правда, 1924, 3 декабря) и сразу же поддержанную Ушаковым (Журналист, 1925, 1; в словаре она напрямую была использована в разработке слов «будировать» и «дефект»). Для объективации словника в области иноязычных заимствований было использовано издание: К. С. Кузьминский и др., «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык» (М., 1933), авторы которого, в свою очередь, использовали (о чем сообщается в предисловии) издание: Е. Ефремов. Новый полный словарь иностранных слов. Под ред. проф. Бодуэна де Куртене (М., 1911)[32] и его обновленное переиздание (1926 г.). Таким образом, при отборе иноязычных слов авторы словаря опирались на апробированные издания.

6. Со времен Далева словаря в словарной практике укореняется подача на своем алфавитном месте серийных строевых элементов, стоящих в начале слова, — приставок и первых частей сложных слов. Но если в словаре Даля эти структурные элементы представлены еще выборочно (*архи.., мало.., много...* и др.), то в словаре под ред. Я. К. Грота в их регистрацию вводится регулярность и последовательность: здесь и приставки (*анти-, архи-, воз-/вос-, вы-* и др.), и серийные первые части сложных слов (*двое...* и др.). Авторы ушаковского словаря пошли дальше: в нем впервые представлены и серийные вторые части сложных слов (*...балльный, ...градусный, ...декадный, ...дневный, ...колесный, ...метровый, ...тонка, ...фикация, ...фил, ...фоб, ...этажный* и под.). В этом отношении ТСРЯ создал новую словарную традицию.

---

[31] *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М., 1928.

[32] Словарь был использован в словарной работе начала 20-х годов, в которой принимал ближайшее участие и Д. Н.Ушаков.

В XX веке языку и — соответственно — словарям особенно «повезло» на серийные первые части сложных слов. В ТСРЯ их 115 — и почти все они с пометой [*нов.*]: *агит.., вело.., глав.., гор.., гос.., губ.., дет.., жен.., зав.., кино...* и т.д. В этих строевых элементах — дыхание времени. Подача их унифицирована. Тем самым они предстают как законный объект словаря, описывающего живую лексическую систему и желающего быть обозримым по словнику и объему.

7. Являясь словарем современного языка, ТСРЯ первым на своих страницах отразил и новый тип слов, возникших (как словообразовательный тип) в предреволюционное время и затем бурно расплодившихся в деловом и бытовом языке. Речь идет о сложносокращенных словах разной структуры, в том числе инициальных аббревиатурах: *военкомат, втуз, вуз, исполком, колхоз, комполка, помбух, продотряд, рабфак, райсовет, рик, санчасть, совдеп, техминимум, торгпредство, фабком, чека, эсдек, эсминец, юннат* и т. д.; их производные: *вузовский, колхозник, чекист, юннатовский* и т. п. Время подтвердило объективность своевременного включения таких слов в словарь.

8. Одной из сквозных и проблемных сторон русских толковых словарей является лексическая омонимия. Через все прежние словари проходит признание омонимами разных по происхождению, но совпавших по звучанию слов (*линь* `рыба´ и *линь* `тонкий канат´). Семантическое же расхождение слова и, как следствие, различная предметная отнесенность значений как лексическое явление (*долг* `обязанность´ и *долг* `взятое взаймы´) — оценка этого зависела от понимания и воли составителей словаря. Отсюда — обычная в словарной практике непоследовательность и вариантность в подаче омонимов/полисем. Однако углубленное осмысление явления омонимии применительно к первой трети XX в. позволило представить в ТСРЯ в качестве омонимов большее количество словесных пар. Так, не прежними, как в словаре Я. Грота, номерными значениями, а самостоятельными словами в нем даны (примеры хотя бы на Б): *баба* `женщина´ и *баба* `род кулича´, *болтун* `пустослов´ и *болтун* `яйцо´, *брань* `война´ и *брань* `ругательство´, *брак* `изъян´ и *брак* `сожительство´, *бунт* `мятеж´ и *бунт* `кипа товаров´, *бухта* `залив´ и *бухта* `круг укладки товаров´. Позднейшие толковые словари при разработке омонимических пар следуют за ТСРЯ.

9. Словник ТСРЯ содержит множество слов, которые занимают в нем свое алфавитное место, но не толкуются, а лишь соотносятся со словами исходными, поскольку являются их грамматическими формами. Таковы некоторые производные формы от существительных (*баре, бар* — мн.ч. от *барин; барчата* — мн.ч. от *барчонок; опята* — см. *опенок*), страдательные причастия прошедшего времени (*выжженный* — прич. страд. прош. вр. от *выжечь; разбуженный* — прич. страд. прош. вр. от *разбудить*), форма повелительного наклонения (*влей* — пов. накл. от *влить; напой* — пов. накл. от *напеть*), личные формы глагола в настоящем, прошедшем и будущем времени (*беру, берешь* — наст. вр. от *брать; гожусь, годишься* — наст. вр. от *годиться; влек, влекла* —

прош. вр. от *влечь; разбрелся, разбрелась* — прош. вр. от *разбрестись; вдадимся, вдадитесь, вдадутся* — мн. ч. буд. вр. от *вдаться; разберу, разберешь* — буд.вр. от *разобрать*), нестандартные формы сравнительной степени качественных прилагательных и наречий (*крепче* — сравн. ст. к прил. *крепкий* и нареч. *крепко; меньше* — сравн. ст. к прил. *малый, маленький* и нареч. *мало*); косвенные падежи некоторых местоимений (*меня* — род. и вин. п. от *я; ему* — дат. п. от *он* и от *оно; кого* — род. и вин. п. от *кто*) и т.д. — те формы слов, которые являются следствием значительных фоно-морфологических изменений по сравнению с исходными. И эта сторона словаря подчинена учебно-нормализаторской цели и удобству пользования им и отличает его от других толковых словарей общего типа.

10. Одним из основных вопросов при создании толковых словарей русского языка является подача глаголов в их видовых соотношениях. Не создают проблемы глаголы, у которых видовое различие не имеет формального выражения (двувидовые глаголы): оба вида совмещены в одной глагольной оболочке (*казнить, использовать, наследовать, торпедировать* и под.). Также на своих алфавитных местах всегда помещаются оба члена приставочной видовой пары. В случае чисто видовых различий они соотносятся между собой формально (ТСРЯ: *Взбаламутить*. Сов. к *баламутить. Баламутить*... несов. (к *взбаламутить*) + полная семантическая разработка слова), при различиях смысловых — разрабатываются на правах полностью или частично самостоятельных слов (ТСРЯ: *Вывалять*... Сов. к *валять*. // Валяя, выпачкать в чем-н. *Валять*... несов. 1. (сов. *вывалять*) + полная разработка слова). При частной многовариантности в подаче приставочных видовых пар толковые словари современного языка в целом равнозначны. Иное дело — подача в словарях видовых пар разносуффиксальных. Позиция ССРЛЯ: «Так как видовые (разносуффиксальные — Е. Л.) пары глаголов объединяются в одной словарной статье, в заголовке для таких глаголов приводятся обе видовые формы. На первое место ставится глагол несовершенного вида».[33] Пример: *отпирать*.., *отпереть*... Позиция СлРЯ:« а) Словарная статья с объяснением значений дается при глаголах соверешного вида. Соотносительные с ними глаголы несовершенного вида приводятся на своем алфвитном месте с отсылкой к соответствующим глаголам совершеного вида».[34] Пример: *Отпирать*. Несов. к *отпереть*. *Отпереть*... сов. (несов. *отпирать*). Столь различная позиция в подаче разносуффиксальных видовых пар (глагол какого вида является первичным, исходным при его словарной разработке) говорит, по-видимому, о равных лексикографических возможностях в решении этого вопроса. ТСРЯ в целом (при многих исключениях) преимущество отдал глаголам совершенного вида как более употребительным в живом языке (*Разбить*... сов. (к *разбивать*)

[33] Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в 15-ти томах). М. ; Л., 1958 С. 68.

[34] Словарь русского языка. М., 1957. Т. I С. XII.

+ полная разработка слова. *Разбивать*... Несов. к *разбить*). Тем самым в русской толковой лексикограии появились две «глагольные» линии: академические словари в семантической разработке предпочтение отдают глаголам несовершенного вида, ТСРЯ (и вслед за ним СлРЯ и словарь Ожегова) — глаголам совершенного вида. Таким образом, ТСРЯ стал родоначальником новой линии в семантической разработке разносуффиксальных глагольных видовых пар.

11. Четкую позицию занял ТСРЯ и в подаче идиоматики. Поскольку идиоматические обороты состоят из слов-компонетов, каждый оборот неизбежно должен быть (так принято в русской лексикографии) включен в словарную статью как тот или иной (считающийся опорным) его знаменательный компонент. Если заголовочное слово неоднозначно, теоретически появляются две возможности: связать фразеологизм с одним из значений (см. в словаре под ред. Я. Грота) или дать его в конце словарной статьи, после всех семантических разработок слова (см. в словаре 1847 г.). Составляя словарь не исторический, а современного языка и справочный по назначению, авторы ТСРЯ пошли по второму пути (см. *глаз, голова, нога, рука* и др.), что подчеркивало взгляд на фразеологизм как на структурно-семантическую единицу языка, не сводимую к совокупности значений слов-компонентов и отличную от словосочетаний. Тем самым в русских толковых словарях справочного типа закрепился определенный — удобный для пользования — способ подачи фразеологизмов (в конце словарной статьи).

По сравнению с предыдущими словарями корпус фразеологизмов в ТСРЯ заметно расширен. Так, фразеологические обороты со словом «голова»: САР (конец XVIII в.) — 8 единиц (взять/*забрать в голову, вскружить голову, ломать голову, на свою голову, выбить из головы, голову срезать, побить на голову, отдать головою*); словарь 1847 г. — 11, словарь Даля — 15 (в числе которых несколько ныне не употребительных); словарь под ред. Я. Грота — 23, ТСРЯ — 35; далее: СлРЯ в первом издании (1957–1961) — 58, во 2-м (1981–1984) — 92; Фразеологический словарь русского языка (под ред. А. И. Молоткова), изд. 5-е (1994) — 118; БАС — 132.

ТСРЯ охватил не весь идиоматический запас русского языка, который был накоплен в началу XX в. Причина того — и полная неразработанность теории фразеологии (она появилась у нас позднее и во многом благодаря самому словарю), и отсутствие полных фразеологических справочников, которые могли бы дать соответствующий материал. Кстати сказать, часть фразеологических выражений неидиоматического характера, позднее вошедших во фразеологический фонд русского языка и включенных в более поздние толковые словари (особенно во Фразеологический словарь), в ТСРЯ — речь идет о фразеологических единствах, в которых идиоматичность минимальна, — использована (как и в последующем словаре — С. И. Ожегова) в качестве текстовых иллюстраций. Примеры на разные значения слова «голова»: Он — малый с головой, Ему не сносить головы, Поплатиться головой, Ручаться головой за что-н., Сложить голову. Так или иначе, но и в

подаче фразеологического материала ТСРЯ стал путеводителем для последующих словарей.

12. ТСРЯ является первым законченным словарем в русской толковой лексикографии, который помимо орфографического, акцентного, грамматического, стилистического, семантического, этимологического и других параметров слова показывает и орфоэпическую сторону — когда орфоэпия заметно отлична от орфографии.[35] В разделе «Как пользоваться словарем» излагаются общие нормы литературного произношения, а случаи отхода от них (весьма частые) указываются при разработке конкретных слов: ***баллотироваться*** /ало/, ***бездорожье*** /жье/, ***классический*** /аси/, ***конечно*** /шн/, ***отель*** /тэ/, ***праздник*** /зн/, ***разбрызгать***, зжу /жьжю/ и т.д. В определении этих произносительных норм Д. Н.Ушаков, разработавший эту близкую ему орфоэпическую сторону, исходил из положения: «По-видимому, не будет оспариваться один главнейший принцип: московское произношение должно быть положено в основу нормального общего произношения, и другой: не все московские черты целиком в него должны войти».[36] Как видим, и в указаниях на рекомендуемое произношение словарь также придерживался справочно-нормализаторской задачи.

13. В стремлении оценить положение, вес слова в живом речевом потоке авторы словаря используют условный «количественный» фактор. В словаре — единственном руском толковом словаре — отмечается относительная частотность того или иного слова или его формы, для чего применяются соответствующие рамки: ***баловать*** (наст. мало употр.); ***балаганить*** и (реже) ***балаганничать; белúть, лю́, лúшь*** и (чаще) ***бéлишь; гащивать, аю, аешь*** (наст. мало употр.); ***старорежимщик*** (нов. разг. презрит. редко) и под. Такие ремарки не только фиксируют степень активности слова в ряду других слов, но и служат некоей рекомендацией по словоупотреблению.

14. Русские толковые словари живого языка с их нормативными задачами всегда стремились и стремятся указать на те или иные особенности слова в его неграмматическом функционировании. Та совокупность ограничительных помет, которыми пользуются толковые словари XX века, в целом сложилась в словаре под ред. Я. Грота. Авторы ТСРЯ (и прежде всего В. В. Виноградов) усовершенствовали ее и приблизили к современности. Оценивая систему стилистических помет в ТСРЯ, В. В. Виноградов позднее писал: «Разработанная мною для «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н.Ушакова система стилистических помет была направлена не столько в будущее, сколько в прошлое. Ведь было очень трудно в 20–30-е годы текущего

[35] Предшественником ТСРЯ в этом отношении мог бы считаться «Полный филологический словарь русского языка» А. И. Орлова (т. 1–2, 1884–1885), показывавший произношение последовательно и педантично, но он был опубликован частично (А–З). См. пример орфоэтических указаний в нем: *Дýться (-тца), дýешься (-есса)*, 3 л. мн. ч. *дýются (-тца)*... Сов. в. 2-го знач. вздуться, отдуться (алду).., пр. вр. -дулся (-лса).

[36] Вопросы культуры речи. М., 1964. Вып. V. С. 9

столетия — при происходивших тогда резких изменениях и колебаниях стилистической окраски множества слов и при огромном количестве новообразований — определить устойчивые принципы стилистических оценок разных групп слов».[37] Тем не менее эта система прочно вошла в арсенал русской лексикограии и стала эталонной.

Поскольку литературный язык существует в двух ипостасях — устно-разговорной и книжно-письменной, каждой из них соответствует свой спектр уточняющих помет. К пометам, характеризующим привязку слова к устной сфере языка, в словаре отнесены: разг. (*бакалейщик, женушка, карабкаться*), простореч. (*базарить, каковский, фабзавучник*), фам. (*каналья, капризуля, кислятина*), детск. (*бай-бай, баиньки*), вульг. (*по блату, жратва, косая*), арго. (*диамат, зав, камчатка*), школьн. (*задание*, т.е. урок, *камчатник, неуд*), обл. (*баламут, кавун, кажный*). Лексика функциональных разновидностей письменного языка вычленяется пометами: книжн. (*абориген, базироваться, коль скоро*), науч. (*бактерийный, каузальность, коммуникативный*), тех. (*балансир, кабельный, калиброваться*), спец. (*аббревиация, балластный, каблограмма*), газет. (*внутрисоюзный, кликуша, коренизировать*), публиц. (*кабалить, камарилья, капитулянтство*), канц. (*деловод, каковой, касательно*), офиц. (*канцлер, квартирохозяин, кодекс*), поэт. (*багряный, кладезь, Первомай*), нар.-поэт. (*кабы, клониться*). Группа помет указывает на историческую глубину слова применительно к современности: нов. (*бесплановый, зам, комсомол*), церк.-книжн. (*каноничность, промысл*), старин. (*книжник*, т.е. начетчик, *кнутобой, пещь*), устар. (*абордировать, бакебард, казусный*). Применены пометы, оценивающие экспрессию, заложенную в слове: бран. (*ишак, клейменная шельма, клуша*), ирон. (*калиф на час, кисейная барышня, козлетон*), неодобрит. (*кампанейщина, картежник*), шутл. (*кандибобер, кейфовать, клоп*), презрит. (*аллилуйщина, драпануть, профбюрократ*), пренебр. (*канцелярщина, клешник, клика*), укор. (*бедокур, бедокурить*), торж. (*когорта, знаменосец*), ритор. (*кнутобойничать, княжой, кончина*), эвф. (*камелия*, т.е. кокотка). Несколько ограничительных помет отнесено к оценке слов, обозначающих реалии несегодняшнего или несоветского быта: истор. (*кантонист, керенка, военный комунизм*), дореволюц. (*казенка*, т.е. водка, *камергер, короноваться*), загр. (*кафешантан, коммюнике, функционер*), иностр. (*абракадабра, килька, камбала*).

При развертывании семантики слов в словаре эти пометы фигурируют по отдельности или — в необходимых случаях, когда слово требуется оценить с разных позиций, — в той или иной комбинации. Пример (схематически): *Нагулять*. 1... 2. Гуляя, приобрести, получить (разг. фам. шутл.). *Н. румянец*. 3. Пробыть какое-н. время, гуляя (простореч.). *Ну, мало ж ты нагулял*! В этом примере значения слова оцениваются с одной и с трех позиций; пример, в котором характеристика

[37] Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический Словарь современного русского литературного языка и его значение для советсткого языкознания // ВЯ. № 6. С. 20.

слова требует четырех помет: *Подхалимаж...* (нов., разг., фам., презрит.).

Наконец, в словаре использованы 65 помет, указывающих на принадлежность слова к профессиональным сферам: авиац. (*аэропорт*), социол. (*беднячество*), воен. (*броневик*), мед. (*диспансеризация*), с.-х. (*зерносовхоз*), бухг. (*копиручет*), фин. (*ликвидный*), спорт. (*мотокада*), кино (*наплыв*), право (*оптантка*), полит. (*репарационный*), экон. (*самозаготовка*), торг. (*складироваться*), филол. (*текстолог*), тип. (*фотонаборный*) и т.д.

15. Известно, что семантическая разработка слов в толковых словарях строится с учетом и использованием соответствующих разработок в словарях предшествующих. Каждый новый по времени словарь обогащается не только новыми словами, но и новыми наблюдениями над развитием старых слов. Это можно проследить на примере полисемантичного глагола *двигать (двинуть)* в трех толковых словарях с примерно равными временными промежутками между ними.

Словарь 1847 г. *Двигать*... 1. Переменять место вещи посредством движения. *Д. стол.* 2. Приводить в движение, колебать. *Д. мышцами. Пружина движет колесами в часах.* (3 и 4 знач. — церк.) 5. В просторечии: Употребляется в однокр. Толкнуть, ударить. *Так его двинул, что он с ног свалился.*

Словарь Я. Грота, 1895 г. *Двигать*... 1. Переменять место вещи посредством движения; перемещать. *Д. стол.* 2. Приводить в движение, шевелить, заставлять идти вперед. *Д. мышцами. Пружина движет колеса в часах. Д. вперед какую-либо науку, работу.* 3. Двинуть. а) Заставить тронуться с места. *На русских двинул он полки.* Полтава. б) Простон. Толкнуть, ударить... *Так его двинул, что он с ног свалился.* в) Тронуть, взволновать. *Его речь двинула сердца.*

ТСРЯ 1934/1935–1940 гг. *Двигать*... 1. *кого-что.* Перемещать, толкая или таща. *Д. стулья. Паровоз движет вагоны. // Перен.* Содействовать движению по службе, передвигать кого-н. (разг. фам.). 2. *что.* Приводить в движение. *Пружина движет часовой механизм.* 3. *чем.* Шевелить, производить движения. *Д. пальцами.* 4. *кого-что.* Направлять, заставлять идти вперед. *Д. войска на неприятеля.* 5. *Перен., что.* Вызывать прогресс чего-н., содействовать развитию чего-н. (книжн.). *Д. науку.* 6. (*сов.* нет) *кем-чем.* Понуждать кого-н. (о чувствах; книжн.). *Ими движет чувство сострадания.*

Двинуть... 1. *Сов.* к двигать во всех знач., кроме 6. *Д. стул. Д. рукой. Д. работу.* 2. *кого-что.* Ударить (простореч.). *Он его двинул в ухо.*

Как видно из этих сопоставлений, при общей преемственности (а иначе и быть не может) в семантической разработке глагола *двигать/двинуть* (особенно в его физических значениях) наблюдается (при отказе от двух значений, относящихся к церковно-славянскому языку) заметное расширение семантики, реализуемое в новых значениях и оттенках значений (последнее — оттенки значений — впервые в ТСРЯ прослеживаются последовательно). Эти примеры, взятые из

различных по временной вертикали словарей, показывают также углубление словарного мышления их авторов, позволяющее подать слово более объемно. И становится очевидным, что ТСРЯ — в соответствии со своими задачами и на своем временном витке — достаточно полно отразил лексико-семантические приобретения последних десятилетий. Он дал современную ему языковую (применительно к русскому языку и русской ментальности) картину мира, что и требуется от толкового словаря языка.

16. ТСРЯ внес в толковые словари обязательный компонент разработки слов (до него бывший факультативным) — указания на синтаксические конструкции, в которых реализуются глагольные значения (или их оттенки). В словах многозначных показ такой конструкции служит цели размежевания значений. Эти указания фигурируют при значениях, связанных с принудительным управлением (требование определенного падежа) или сочетанием (требование инфинитива или придаточного предложения). См. словарные примеры (в сокращении):

Работать... 1. *без доп. Р. в три смены.* 2. ***над кем-чем.*** *Р. над книгой.* // ***на ком-чем*** и ***с кем-чем.*** *Р. с книгой. Р. на кроликах.* // ***с чем.*** *Р. со словарем.* 3. ***на кого-что.*** *Р. на себя.* 4. ***в чем, на чем.*** *Р. в школе, на заводе.* 5. ***кем-чем.*** *Р. директором театра.* 6. ***чем.*** *Р. рычагом.* 7. *без доп. Телеграф работает круглые сутки.* 8. ***на чем.*** *Паравозы работают на угле.* 9. ***что***, простореч. *Р. шкатулки.*

Встречать... 3. ***кого-что как*** или ***чем.*** *Публика плохо встречает нелюбимых актеров. В. бранью.*

Заладить... 2. *с инф. Заладил к нам в дом ходить.*

Признаться... 1. ***кому-чему в чем***, с союзом *«что»* или *без доп. П. во всем. Я должен был... признаться во всем, что я не поэт.* Пушкин.

Сообразить... 2. ***что***, *с придаточным предл. и без доп. Я не могу сообразить, в чем тут дело.*

17. Будучи словарем нормированного языка, в необходимых случаях ТСРЯ дает вместе с обычной информацией и работающие на нее сведения запретительного или разъяснительного характера. Эта информация орфографического или орфоэпического свойства обычно имеет вид кратких указаний: Блю́до (блюда́ неправ.), Валто́рна (волто́рна неправ.), Временно́й (не вре́менный), вре́мячко (неправ.) и под.

Иногда запретительная или разъяснительная информация имеет развернутую повествовательную форму:

Будировать... 2. (разг., неправ.). (Об этом слове писал В. И. Ленин в записке «Об очистке русского языка»: ...)

Довлеть... 2. С недавних пор стало встречаться неправ. употр. этого слова в смысле «тяготеть над кем-н.» или «иметь преимущественное значение среди чего-н.»: довлеет что-н. над кем-н. или над чем-н. (м.б. по ошибочной связи, по созвучию со словом «давление»).[38]

---

[38] Эта развернутая аргументация — в русле той попутной информации, которая дается в словаре Я. Грота Примеры: *Видный*. Многие пишут «видѣнъ» вм. «виденъ», полагая, что это — краткая форма страд. прич. «видѣнный». Оши-

Равняться... Примечание. В правописании часто смешивается с ровняться, тем более что в просторечии ровный может обозначать то же, что и равный.

Подобные разъяснения способствуют усвоению языковой информации.

18. Известно, что после орфографической реформы 1918 г. сочинения русских писателей еще несколько лет печатались со старых матриц, а академический «Словарь русского языка» еще 10 лет издавался по старой орфографии. ТСРЯ явился первым послереволюционным толковым словарем, изданным с учетом новых орфографических правил, что, помимо прочего, вызвало алфавитную — по сравнению с прежними словарями — перестройку словника.

19. Поскольку слово живет в тексте (письменном или устном) и все его особенности проявляются через текст, толковый словарь не может обойтись без текстовых иллюстраций — тех минимальных синтагматических или фразовых примеров, которые демонстрируют грамматические, семантические, стилистические, синтаксические, словоизменительные и другие характеристики и возможности слова. Ввиду ограниченного объема ТСРЯ как одного из его изначально заданных параметров основным типом текстовых иллюстраций в нем стали речения (словосочетания, реже — фразы). При этом некоторые разряды слов (термины и предметные существительные, названия профессий, женские формы к мужским, уменьшительные существительные, прилагательные, полностью соотносимые с существительными как производящими основами, и др.) подаются, как правило, без иллюстраций. Текстовые оправдательные примеры сосредоточены прежде всего вокруг основных слов.

Являясь словарем современного состояния языка, ТСРЯ прибегнул к ретроспективному способу подачи цитат: от современности к прошлому, чем как бы подчеркивалась его «сегодняшность». Пример: *Пода'ть*... Дать, принеся, поднеся, услуживая кому-н. ***Вовремя даме стул подает, раков не станет есть вилкой.*** Чехов. ***Данилыч, подай гостям стулья.*** А. Н.Толстой. ***Он подал руку ей. Печально... Татьяна молча оперлась.*** Пушкин. Впрочем, такая — обратная — очередность в подаче авторских текстов с демонтрацией словоупотребления не получила продолжения в русской толковой лексикографии (кроме трех первых томов БАС).

Основной цитатной базой в словаре является русская классическая литература (от Крылова и Жуковского до Чехова и Горького). Вместе с тем от тома к тому растет и представительство советских писателей (от Горького и Д. Бедного в 1-м томе к Катаеву, Федину, Шолохову и многим другим — в последующих).

бочность этого взгляда явствует... (и т.д.). ***Граница.*** В последнее время была попытка образовать суш. имя «заграница» в смысле: чужие края; но при допущении этого именит. падежа спрашивается: что же будет значить выражение: ехать заграницу, жить заграницей?

20. В словаре под ред. Д. Н.Ушакова — впервые в нашей толковой лексикографии — даны (в виде приложения-словника) и разъяснены слова и выражения, наиболее активно употреблявшиеся в устной и письменной речи образованных людей в иноязычной форме, без перевода, — и только те, которые выступают в позиции членов предложения вместо соответствующих русских: от *ab ovo* (аб óво), латин. «от яйца». С самого начала — до *volens-nolens* (вóленс-нóленс), латин. Волей-неволей, хочешь не хочешь. Наличие такого указателя в целом соответствует назначению словаря как справочного пособия по правильному пониманию и употреблению слов и фразеологических оборотов. Впрочем, это «ушаковское» нововведение не стало в нашей одноязычной толковой лексикографии традицией: обычай использования иноязычной беспереводной лексики (в таком виде, в каком она дана в словаре) уходит (пожалуй, даже ушел) из речевого обихода интеллигенции.

21. Принцип нормативности пронизывает «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н.Ушакова на всех его уровнях. Идее нормативности и справочности служат: выбор слов — золотой фонд действующего языка, унификация в их написании и произношении, показ словоизменения, выдвижение на свое алфавитное место глагольных форм, связанных с трансформацией основы, — причастий (свыше 5500 случаев), деепричастий, императива, личных форм, указания на синтаксическую сочетаемость, установление рамок употребления слов (стилистические, исторические и другие пометы), сведения о конкретных особенностях данного слова, подбор фразеологических оборотов (и едва ли не впервые — и их вариантов), демонстрация словоупотребления в образцовых текстах, этимологическая справка, наконец, филологическое толкование слова как слова. В русской лексикографии нет другого толкового словаря, который был бы так проникнут нормализаторскими устремлениями, как ТСРЯ.

ТСРЯ не только продолжил традиции нормативности в русской толковой лексикографии, начатой первым академическим словарем (конец XVIII в.), но и развил их в новых условиях, обогатив лексикографическую разработку слова новыми параметрами.[39] Если в САР слова фиксируются в 15 своих параметрах (орфография, ударение, частеречность, род, парадигма словоизменения, глагольный вид, залог, стилистическая характеристика, фразеология, дефиниции, иллюстрации и др.), если в Далевом словаре количество параметров уменьшилось до 12 (за счет сокращения грамматической информации), если в незавершенном академическом «Словаре русского языка» Грота-Шахматова параметров почти столько же, как и первом академическом (плюс эти-

[39] «Под параметром понимается некоторый квант информации о языковой структуре, который.., как правило, выступает в сочетании с другими квантами (параметрами) и находит специфическое выражение в словарях; иными словами — это особое словарное представление структурных черт языка.» *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.,1981. С. 51.

мология),[40] то в ТСРЯ их до 40.[41] Степень насыщенности лексикографической информацией в ТСРЯ намного выше, чем в любом другом прежнем толковом словаре русского языка. И по обилию лексикографических параметров ТСРЯ стал в нашей лексикографии эталонным.

Выход в свет ТСРЯ был встречен как важное событие культуры. Словарь отразил новую сложившуюся норму живого языка и, более того, стал не только ее выразителем, но ее опорой.

Сразу по выходе 1-го тома и затем всего четырехтомного издания (т.е. до войны 1941-1945 гг.) и в послевоенное время ТСРЯ вызвал критические суждения. Критике подверглись разные стороны словаря: и его словник (специально — о диалектных словах в словаре),[42] и семантическая разработка слов (в частности, глаголов),[43] и орфоэпические рекомендации в словаре,[44] и показ в нем сочетаемости (главным образом — в сфере глагольного управления),[45] и проблема синонимов,[46] и стилистическая маркировка слов.[47] Но в целом эти суждения носили частный характер и не поколебали научной и практической ценности словаря.

Будучи словарем русского языка как ведущего языка на территории СССР, ТСРЯ оказал заметное влияние на становление и развитие словарного дела в национальных республиках и тем самым способствовал превращению русского языка в язык межнационального общения (в рамках СССР). В свое время для национальных толковых лексикографий он был как бы словарным эталоном. На базе ТСРЯ один из его ведущих авторов С. И. Ожегов разработал типовой словник, который явился основой для создания серии двуязычных (русско-национальных) словарей.

Словарь под ред. Д. Н.Ушакова как словарь завершенный, как первый толковый словарь советского времени, как словарь предшественник и как словарь-образец был использован при подготовке семнадцатитомного академического словаря (1948-1965). На него оказали влияние

---

[40] Там же. С. 66.

[41] *Сороколетов Ф. П.* О словаре современного русского литературного языка // Советская лексикография. М. : Русский язык, 1988. С. 40.

[42] *Черных П. Я.* Толковый словарь русского языка // Новая Сибирь. Иркутск, 1935. Кн. пятая; *Филин Ф. П.* Заметки по лексикологии и лексикографии (некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка АН СССР) // Лексикографический сборник. 1957. Вып. 1.

[43] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический Словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // ВЯ. 1966. № 6.

[44] *Черных П. Я.* Там же.

[45] *Котелова Н.З.* Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий // Лексикографический сборник. 1957. Вып. 1.

[46] *Кутина Л. Л.* Омонимы в толковом словаре русского языка // Лексикографический сборник. 1957. Вып. 2.

[47] *Печатников А.* Замечания к Толковому словарю русского языка // Средняя школа. 1936. № 7.

словник, семантические разработки, стилистические оценки и другие параметры ТСРЯ. Его можно считать прямым типологическим предшественником четырехтомного академического «Словаря русского языка» (1-е издание — 1967–1961). Он лег в основу «Словаря русского языка» С. И. Ожегова.

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н.Ушакова выдержал испытание временем. Он был надежным лексикографическим путеводителем своего времени и сохранил свое значение как памятник соответствующей языковой эпохи, как этапная веха в русской толковой лексикографии.

Однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова

Толковый словарь в одном томе — едва ли не самый трудный жанр в системе толковых словарей общего типа. Однотомный словарь развитых языков, к числу которых относится и русский, имеет цель: в компактном виде представить тот актуальный лексико-фразеологический фонд языка, который является общим для его носителей. Вычленить такой фонд, отвечающий принципу актуальности и всеобщности, из всего запаса слов, функционирующих сегодня в языковом обществе, — задача научная (и задача трудная). Вычленить такой корпус — значит найти и представить ядро лексико-семантической системы языка. Описать лексико-фразеологический состав этого ядра в его основных связях и отношениях — вторая задача однотомного словаря. В словаре С. И. Ожегова решены обе эти задачи. Но однотомные словари обладают еще одним, присущим только им качеством: их ограниченный объем позволяет переиздавать их с необходимой оперативностью и периодичностью, то есть они могут — и должны — следовать за языковой действительностью без того заметного временнóго отрыва от нее, который по неизбежности свойствен словарям моноготомным. Оперативность переизданий однотомных словарей вызывается их справочным назначением для массового потребителя.

Мысль о необходимости однотомного толкового словаря русского языка возникла еще в начале века и воплотилась в словарях А. Н.Чудинова (Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка, 1901; около 60 000 слов) и П. Е. Стояна (Малый толковый словарь русского языка. С 13 000 рисунков; вышел тремя изданиями, последнее — в 1916 г.; от 33 000 до 42 000 заголовочных слов). Но эти словари находились в стороне от русской лексикографической традиции в разработке слов и к тому же в силу исторических событий (первая мировая война, революции 1917 г., гражданская война, коллективизация в аграрном секторе, колоссальная миграция населения) и небывалых языковых подвижек быстро устарели (и не были массовыми в нынешнем понимании).

Вопрос о создании созвучного эпохе однотомного словаря языка после революции был поднят в самом начале 20-х годов В. И. Лениным. Ленин хотел видеть словарь комплексным, двухчастным: первая часть — филологическая, собственно языковая, вторая — историческая, понятийная (события, персоналии, термины). Словарь был начат практической работой — и не завершен: со стороны материальной — по причине нехватки финансовых средств, со стороны научной — вследствие недостаточной осознанности процессов, происходивших в языке в переходный период. Через несколько лет (в 1928 г.) работа была возобновлена — и вылилась в четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н.Ушакова.

Однако идея однотомного филологического словаря не потеряла своей актуальности — тем более что была подготовлена его база: в отборе слов и в их разработке будущий словарь мог бы опереться на словарь четырехтомный. Идея этих двух словарей существовала параллельно: одна в состоянии реализации, другая — в замысле. Еще до выхода в свет 1-го тома ТСРЯ один из руководителей издательства «Советская энциклопедия» Н.Л. Мещеряков утверждающе (как о деле решенном) писал: «Трехтомный словарь [таким он представлялся поначалу, — Е. Л.] будет слишком громоздок для широких кругов читателей... Рядом с ним нужно издать хорошо составленный однотомный хороший словарь... Этот малый словарь будет составлен на основании большого».[48] Того же мнения о необходимости однотомного словаря придерживался и сам Ушаков, в начале 20-х годов игравший главную роль в реализации ленинского словарного замысла и никогда не забывавший о нем (см. предисловие к ТСРЯ): «Для такого широкого массового употребления... словарь, редактируемый мною, мне тоже сейчас кажется очень великим».[49] Идею создания краткого толкового словаря тогда же поддержали виднейшие представители филологической науки: академики В. М. Алексеев,[50] И. И. Мещанинов,[51] Л. В. Щерба.[52]

Еще до выхода из печати последнего тома ТСРЯ сформировалась инициативная группа, взявшая дело подготовки и подлинно массового словаря в свои руки. О начале новой словарной работы свидетельствует документ:

Протокол заседания Комиссии по составлению «Малого толкового словаря» 10 июня 1940 г.

Присутствуют: Д. Н.Ушаков, Е. М. Петросян, С. И. Ожегов, Н.Л. Мещеряков.

Председатель: Н.Л. Мещеряков...

---

[48] Большевистская печать, 1934, 12. С. 31.

[49] Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР // Архив РАН, ф. 546, оп. 1, № 17, л. 15.

[50] Там же, № 17, л. 3.

[51] Там же, л. 32.

[52] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1940, № 3.

Повестка дня: Организационный план издания «Малого толкового словаря русского языка»

Решение:

1. Образовать редакцию «Малого толкового словаря русского языка» в составе члена-корреспондента АН СССР Д. Н.Ушакова (главный редактор), старшего научного сотрудника ИЯМ АН СССР С. И. Ожегова (заместитель главного редактора), старшего научного сотрудника Института литературы им. Горького Г. О. Винокура и члена-корреспондента АН СССР Н.Л. Мещерякова...

3. Поручить редакции выработать детализированный план издания (объем и структура словаря) к 1 ноября 1940 г.

4. Срок сдачи словаря в производство установить июль 1942 г.[53]

Вскоре о начале работ по словарю было сообщено в массовой печати: «Словарь Ушакова состоит из 4-х довольно толстых томов. Для широкого распространения нужен другой, меньший словарь... Его можно составить только при помощи более обширного словаря... В настоящее время Институт языкознания и письменности Академии наук СССР приступает... к созданию однотомного малого толкового словаря».[54]

И тогда же С. И. Ожегов разработал проспект и план издания словаря.

План издания «Малого толкового словаря русского языка».

1. Малый толковый словарь предназначается для широкого читателя и является словарем нормативным: он должен быть пособием для изучения современной правильной литературной русской речи. На необходимость краткого пособия, словаря «образцового, современного» языка не раз указывал В. И. Ленин... Являясь пособием филологического типа, Малый словарь не ставит себе задач справочно-энциклопедического характера.

2. Словарь будет заключать в себе 60 000 слов; общий объем словаря — около 120 авт. л. в одном томе.

3. Наиболее трудный вопрос — состав словника — должен быть решен таким образом, чтобы словарь мог отражать основной лексический состав литературного языка со включением наиболее существенных разновидностей устной и письменной речи. В основу Малого словаря кладется словник четырехтомного Толкового словаря под редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. Н.Ушакова.

21. Начало работы — в 1941 г. (первые 40–45 авт. л.), окончание работы в 1942 г.[55]

Война не прекратила, но замедлила начатую работу. В 1942 г. умерли Д. Н.Ушаков, с чьим именем связано составление неакадемических толковых словарей современного русского языка в 20 — 30-х годах, и Н.Л. Мещеряков, много помогавший одному и другому словарям. Создание однотомного словаря сосредоточилось в руках С. И. Ожегова —

[53] Архив АН СССР, ф. 1516, оп. 1, № 10, л. 39.

[54] *Мещеряков Н.* Ценная книга // Правда, 1940, 18 декабря.

[55] Архив РАН, ф. 1516, оп. 1, № 10, л. 1.

и в 1949 г. вышел в свет «Словарь русского языка», составленный им (при первоначальном участии Г. О. Винокура и В. А. Петросяна, под общей редакцией академика С. П. Обнорского). Итак, Сергей Иванович Ожегов...

В 1926 г. С. И. Ожегов (1890–1964) окончил факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского университета и был рекомендован в аспирантуру академиком Б. М. Ляпуновым и профессорами (будущими академиками) В. В. Виноградовым, учеником которого был Ожегов, и Л. В. Щербой. Свою творческую деятельность он начал в академическом «Словаре русского языка» (т. 5, вып. 1, Д —. деятельный полностью составлен и отредактирован им в начале 30-х годов). Тогда же он привлекается к составлению ТСРЯ. После выхода 1-го тома для интенсификации работ он переводится в Москву (1936 г.), где становится одним из главных двигателей этого словаря. Из сферы петербургско-ленинградского академического словаря с его шахматовской тезаурусной концепцией Ожегов перешел в московский словарь современного литературного языка с его нормализаторскими установками и жестким объемом. Составление 2-го, 3-го и 4-го томов словаря в основном сосредотачивается в руках Д. Н.Ушакова, С. И. Ожегова (150 авторских листов) и Г. О. Винокура. Сергей Иванович участвует в редактировании словаря и в его издании. И когда в конце 30-х годов вновь был поднят вопрос о необходимости однотомного словаря, эти три лингвистиа, завершившие ТСРЯ, составили редакцию «Малого толкового словаря русского языка». Волею обстоятельств вначале основным, а затем и единственным автором однотомного словаря стал С. И. Ожегов, а словарь — его истинной судьбой. За совокупность трудов (и прежде всего — за словарный однотомник) Сергею Ивановичу Ожегову без защиты диссертации присваивается ученая степень доктора филологических наук.[56]

Общей исходной базой будущего словаря было признание Ожеговым литературного языка послереволюционного периода новым этапом в историческом развитии русского языка. К 30-м годам стали более или менее явственными его определившиеся нормы. На уровне лексики в интересах обобщенного носителя языка — народа их надлежало зафиксировать и представить в форме толкового словаря (что в свою очередь помогало их упрочению). Эта задача была выполнена в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Создание однотомного словаря на его базе служило той же нормализаторской цели. Определяя место своего словаря в науке о языке (поскольку толковый словарь общего типа — основное хранилище лексической семантики) и в языковой политике государства, Ожегов считал: «Создание словаря современного русского языка массового типа является первоочередной задачей советского языкознания».[57]

[56] Подробнее о жизни и словарной деятельности С. И. Ожегова см.: *Скворцов Л. И.* С. И. Ожегов. М., 1982.

[57] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1949. От редакции.

Нормативную и нормализаторскую цель своего словаря Ожегов видел в том, что он «является руководством к правильному употреблению слов, к правильному образованию их форм, к правильному произношению, а также к правильному написанию слов в современном русском литературном языке».[58]

Первая и самая главная трудность при создании однотомного толкового словаря — «правильный» отбор слов. Тот, кто намерен сделать словарь русского языка в одном томе, неизбежно встает перед проблемой вынужденного ограничения словника (что брать и без чего можно обойтись) и перед искусством краткой разработки словарных статей. Прокрустово ложе «однотомности» заставило включить в словарь только основную часть слов литературного языка в ее основной семантике. За пределами словаря остались: профессиональная лексика, областные слова (то и другое — за исключением слов особой значимости), лексика грубого просторечия, неактуальные для современников слова и (как и во всех толковых словарях) собственные имена и их производные. За пределами словаря остались также «некоторые грамматические разряды слов, если они принадлежат к числу легко образуемых производных слов» («Сведения, необходимые для пользующихся словарем») — причина, относящаяся не собственно к языку, а к степени владения им. К числу «легко образуемых» слов отнесены: многие названия действующих лиц на -ец, -тель и др., притяжательные прилагательные, прилагательные со значением ослабленного качества на -оватый/-еватый и прилагательные с уменьшительным значением, глаголы страдательного залога на -ся, причастия настоящего времени, наречия от прилагательных (иногда они демонстрируются в речениях с пометой *нареч.*), сложные и приставочные слова со значением, вытекающим из их морфемного состава (что потребовало на своих алфавитных местах представить их регулярные строевые части — приставки (до-, за-, над- и под.) и префиксоиды (авиа.., кино.., мото.., пол.., радио.., теле... и под.), без труда понимаемые сложносокращенные слова и некоторые другие группы слов.

Такое — по причине внелитературной принадлежности и легкой конструируемости слов — ограничение словника, заведомо неизбежное и потому жертвенное во имя достижения поставленной цели, позволило в первое издание словаря включить около 50 100 слов. В последующих прижизненных изданиях «автор исходил из положения о том, что словарный состав языка находится в состоянии непрерывного развития».[59]

Отсюда — в соответствии с непрерывным обогащением лексики — постоянное увеличение словника в исправленных и дополненных изданиях словаря: 2-е (и до 8-го — при научно-лексикологическом редактировании Н.Ю. Шведовой), 1953 г. — около 51 500 слова, 4-е, 1960 г. — около 53 000.., последнее, 23-е (как и предыдущие, начиная с 9-го, 1972 г. — под ред. члена-корреспондента АН СССР Н.Ю. Шведовой) — около 70 000 слов. Дальнейшие издания словаря (с 1992 г. — С. И. Ожегов

[58] Там же.

[59] *Ожегов С. И.* Изд. 2-е, испр. и доп., 1952 От автора.

и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка) также свидетельствуют о расширении словника: 1992 г. — около 72 500 слов и (подсчитано впервые) 7500 фразеологических выражений. Почти за полвека — почти полуторакратное увеличение словника (при дальнейшем вытеснении неактульных и легко образуемых слов). Такая постоянная — и естественная — переработка словника, лексическое и семантическое обновление (прежде всего за счет новообразований) постепенно превратили первоначальный словарь в сущности в новую книгу.[60] Особенно большие перемены коснулись последнего (под двойным авторством) издания (1992 г.). СССР и смена общественно-экономической формации, многопартийная политическая жизнь, либерализация экономики и рыночные отношения, увеличение роли религии и церкви в общественном сознании и многое другое привели за собой тысячи новых слов, новых значений и новых выражений: так, на букву Г в издании 1992 г. по сравнению с изданием предыдущим дополнительно включено 117 слов, на М — 127, на П — 545, а всего — около 3500 слов. При этом, как прежде, использовались внутренние ресурсы лексики, ранее в словаре не задействованные. Типичный пример последнего: гнездовая статья на глагол «двигать» в позднейших изданиях обогатилась еще одним значением и прилагательным «двигательный», что заметно изменило ее содержание.

Более 20 изданий словаря почти за полвека (несколько раз исправленные, а одно переработанное) — этот факт говорит об обновленческой оперативности однотомника как особого жанра толковых словарей. Именно словарь, обращенный к современности, исповедующий нормативность и представляющий собой одну книгу, и должен быть наиболее оперативным из всех многофункциональных филологических словарей.

Поскольку все изменения в доработанных изданиях проследить в очерке невозможно, к сравнительному анализу в дальнейшем привлекаются первое или одно из первых изданий и какое-либо из последних.

Словник любого толкового словаря и структура словарных статей являются самыми важными его типологическими сторонами. Ограниченный объем словаря не мог не повлиять на то и другое. В формальной организации словника и словарных статей предпочтение было отдано способу, который позволяет сочетать алфавитный порядок расположения слов, удобный для пользования словарем, с гнездовым: основные слова следуют в алфавитном порядке, а производные (бесприставочные) — внутри статьи. Такая иерархическая структура словарных статей мотивирована не только стремлением к компактности словаря, но и соображениями языкового характера: под крылом основного слова фигурируют только те производные слова, которые связаны с основными ближайшими живыми словообразовательными связями и относятся к другой части речи, т.е. производные слова первой ступени. Таким

---

[60] *Ожегов С. И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992. Предисловие.

образом, гнездовой способ позволяет охватить круг слов узкого семантического поля.

В русской толковой лексикографии существуют три способа расположения слов: алфавитный, алфавитно-гнездовой и алфавитно-корневой (Словарь Академии Российской конца XVIII в.). Опытный лексикограф, С. И. Ожегов пошел по второму пути как оптимальному для однотомного словаря.

Это можно видеть при сопоставлении словарей с групповым расположением слов на примере словарных статей с основным словом «двигать». В Далевом словаре (с учетом его целевых особенностей) — 18 слов (двиганье, движка, двинутие, движение, движимый, движный, движимость, движность, двигатель, двигательница, движитель, движительница, двигательщик, двигательщица, двигательный, двигун, двигалка, двиг), в ССРЛЯ — 9 (движущий, двигание, двигатель, двигательный, движок, движковый, а также возвратные глаголы двигаться/двинуться и двигнуться). В словаре же Ожегова (в поздних изданиях) гнездовых слов всего 3 (движение, двигательный и двинуть); остальные производные (движенец, движение, движимость, движимый, движитель, движок) — на своем алфавитном месте. Для сравнения: в алфавитно-корневом «Словаре Академии Российской» в статье на глагол «двигать» — около 130 (!) производных (в основном приставочных). Таким образом, автор нашего первого однотомного словаря по-новому взглянул на принцип гнездования: в определении круга гнездовых слов он пошел по пути разумного минимума. Этот критерий однозначен, но не же'сток (так, в первых изданиях словаря прил. «двигательный» находится вне гнезда на глагол «двигать», а позднее — внутри), и в целом он позволяет очертить границы гнезда.

Словарь С..И. Ожегова пронизан идеей нормативности. Нормативная сторона в нем выдерживается не только в выборе слов, не только в их стилистической или эмоционально-экспрессивной оценке, но и на уровне употребления, регулируемого семантическими, сочетаемостными, словоизменительными особенностями слов, — с помощью соответствующих ограничительных указаний, ремарок, помет. Примером может служить словарная статья на тот же глагол «двигать»; она же — и пример совершенствования словаря от издания к изданию.

Первое издание словаря (1949 г.): *Дви́гать*, -аю, -аешь и *дви́жу*, дви́жешь; *несов.* 1. (обычно -аю, -аешь) *кого-что.* Перемещать, толкая или таща. *Д. мебель.* 2. (обычно -аю, -аешь) *чем.* Шевелить. *Д. плечами.* 3. (обычно -аю, -аешь) *кого-что.* Заставляешь идти вперед. *Д. войска к побережью.* 4. *перен., что.* Содействовать развитию чего-н. *Д. науку. Движущие силы.* 5. (1 и 2 л. не употр.) *перен., кем-чем.* Быть причиной чьих-л. поступков. *Им движет тщеславие. // сов. Дви́нуть*, -ну, -нешь (к 1, 2, 3, 4 знач.).

Издания конца 80 — начала 90-х годов: *Дви́гать*, -аю, -аешь и *дви́жу*, дви́жешь; дви́гая; несов. 1. (-аю, -аешь), *кого-что.* Перемещать, толкая или таща. *Д. мебель.* 2. (-аю, -аешь), *чем.* Шевелить, производить движения. *Д. пальцами. Д. стульями.* 3. (-аю, -аешь), *кого-что.*

Заставлять идти вперед, направлять. *Д. войска к переправе.* 4. (1 и 2 не употр.; -жет), *перен., что.* Содействовать развитию чего-н. (*высок.*). *Д. науку. Движущие силы революции.* 5. (1 и 2 не употр.), *что.* Приводить в движение, в действие. *Пружина движет (двигает) часовой механизм.* 6. (1 и 2 не употр.; -жет), *перен.; кем.* Быть причиной чьих-н. поступков (*высок.*). *Им движет тщеславие.* 7. (-аю, -аешь). То же, что двигаться (во 2-м знач.) (прост.). *Двигай вперед.* // *сов.* *Дви́нуть*, -ну, -нешь (к 1, 2, 3, 4 и 7 знач.). // *сущ.* *Дви́жение*, *-я, ср.* (к 1, 2, 3, 4 и 5 знач.). // *прил.* Дви́гательный, -ая, -ое (к 1, 2, 4 и 5 знач., спец.). *Двигательные центры.*

В обоих вариантах одной словарной статьи с нормативных позиций указаны: ограничение на употребление формы лица *движу, движешь*; в некоторых значениях — неупотребительность форм 1-го и 2-го лица; управление, связанное с семантикой слова (кем-чем или кем, чем; кого-что или что). Поздний вариант гнезда отличается от раннего тем, что в нем шире показана семантика глагола (два дополнительных значения), указана возможность употребления второй личной формы (-жет в 4-м и 6-м значениях), внесена стилистико-эмоциональная оценка некоторых значений (спец., высок.), дополнительно даны деепричастная форма (двигая) и два производных слова (движение и двигательный). Таким образом, если обобщать, — нынешнее состояние однотомника есть результат работы над ним, длившейся десятилетиями и состоявшей в пополнении словника и в углублении разработок конкретных слов, а в целом — в приближении словаря к меняющейся языковой действительности.

При сопоставлении же семантической структуры словарных статей на слово *двигать* в трех словарях — четырехтомном под ред. Ушакова и в однотомном Ожегова в его первом и в одном из последних изданий (под ред. Н.Ю. Шведовой) видно, что Ожегов следовал семантической разработке предшествующего словаря (им же составлявшегося). Главная задача, стоявшая перед автором однотомника, состояла в том, чтобы в предельно экономной форме дать то основание, что было в ушаковском словаре, и осовременить словник (что естественно для каждого последующего словаря) и, вслед за семантическим движением языка, семантическую разработку слов.

В словарном однотомнике в качестве толкуемых фигурируют три типа единиц: а) слова, б) устойчивые выражения со сдвинутым значением и фразеологические обороты, в) регулярные первые строевые части приставочных и сложных слов (префиксы от а- до экстра- и префиксоиды от авиа... до юн...).

Традиция подачи приставок в качестве самостоятельных толкуемых единиц начинается в русской лексикографии со словаря Даля (вы-, до-, пере- и др.), префиксоидов — с того времени, когда они были осознаны в качестве строевых элементов сложных слов, — со словаря под ред. Д. Н.Ушакова (как исключение — и раньше: см. в академическом «Словаре русского языка», 1909 г. кило...). В словаре же Ожегова,

словаре кратком, они даны по необходимости: дав их, словарь во многом разгрузился за счет слов приставочных и «префиксоидных», легко образуемых по словообразовательной системе с участием этих начальных элементов. Зато словарь полностью отказался от показа строевых элементов, «спрятанных» в слове, — от вторых частей сложных слов, т.н. суффиксоидов (см. в ТСРЯ: ...град, ...дневный, ...летний, ...метр, ...роб и др.).

В подаче фразеологического материала однотомник идет своим путем, отличным от ТСРЯ, из недр которого он вышел. На основе понимания того, что одни фразеологизмы идиоматичны, а другие носят условно мотивированный характер, они подаются в словаре двояко: фразеологизмы, не соотносимые с заголовочным словом семантически и потому с данной словарной статьей связанные формально (на основе опорного слова), ставятся и толкуются в конце словарной статьи (за ромбовым знаком); фразеологизмы же, являющиеся бытовыми образными выражениями с условно осмысляемой мотивированностью, т.е. не порвавшие связи с заголовочным словом, подключены к соответствующему значению слова (при его многозначности) и снабжены необходимым пояснением. См. примеры неоднозначного использования фразеологических оборотов в словарных статьях на слово «голова».

Словарь 1949 г. (1-е издание): 1. *Головы не жалеть* (перен: жизни). *Быть головой выше кого-н.* (превосходить в умственном отношении). *Выдать с головой кого-н.* (предать). *Голову повесить* (перен.: прийти в уныние). *С головой уйти во что-н.* (целиком, совершенно). *Терять голову* (лишаться самообладания). *Как снег на голову появиться* (внезапно). *Ломать голову над чем-н.* (решать трудный вопрос). *На свою голову сделать, сказать* (во вред самому себе). *С больной головы на здоровую* (о приписывании вины другому). *С головы до ног* или *с ног до головы* (полностью, целиком). 6. *Идти в голове* (впереди). ◊ *В головах* — в изголовье. *В первую голову* — в первую очередь.

Как видим, в первом издании словаря всего два заромбовых фразеологизма; все остальное привязано к основным значениям заголовочного слова (к 1-му и 6-му) являясь — и сочетания фразеологизированные, и фразеологические — их текстовыми реализациями.

Словарь 1952 г. (издание 2-е, дополненное и исправленное): 6. *Идти в голове* (впереди) + 16 толкуемых фразеологизмов: *Быть головой выше кого, В головах, В первую голову, Выдать с головой кого, Голова идет кругом у кого, Голову повесить, Головы не жалеть, Из головы вон, Как снег на голову (появиться), Ломать голову, На свою голову сделать* или *сказать, О двух головах кто, Поднять голову, С больной головы на здоровую* (валить, перекладывать), *С головой уйти во что, С головы до ног* или *с ног до головы, Терять голову.*

Во втором издании словаря доромбовые, фразеологизированные сочетания переведены в заромбовые, фразеологические, т.е. разграничение того и другого в соответствии с современным пониманием идиоматики.

Словарь 1991 г. (последнее, 23 изд. под ред. Н.Ю. Шведовой): 1–3. *Голову повесить, понурить* (также перен: прийти в уныние. *С высоко поднятой головой* (также перен.: гордо). *Склонить (обнажить) голову перед кем-н.* (также перен.: выразить свое уважение, преклонение). *Схватиться за голову* (также перен.: ужаснуться). *Г. раскалывается, трещит* (о сильной головной боли). *Таблетки от головы* (от боли в голове). *Человек с головой* (умный). *Совсем без головы кто-н.* (совершенно глуп). *В голову ничего не идет кому-н.* (не может ни о чем думать, сосредоточиться). *Что-то с головой у кого-н.* (не совсем нормален). *Из головы нейдет что-н.* (не оставляет мысль о ком-чем-н.). *Из головы вон, из головы вылетело* (совсем забыл).

В последнем издании ожеговского словаря намного (по сравнению с изданием 1952 г.) увеличен состав фразеологизированных сочетаний и пополнен массив идиом (до 24-х); сняты некоторые идиомы и представлены новые (16): *Головой* или *на голову выше кого, Голову снять с кого, Голова болит о чем у кого, Всему голова что, Выдать головой кого, Выше головы чего, Намылить голову кому, Головой отвечать за кого-что, Вешать голову, На мою голову, На голову садиться кому, На чью голову навязаться, На голове ходить, Позор на чью голову, С головы (взять, плучить), Через чью голову (действовать).*

Как видно из сопоставительных примеров, многократные доработки, обновление словаря повлекли за собой заметное изменение его фразеологического корпуса. В целом это обогащение словаря шло как за счет прежде не использованных, так и за счет новых фразеологических единиц (*голова болит о чем у кого, до лампочки что, дать на лапу кому, поезд ушел* и др.). Тем не менее необходимость уложиться в назначенный объем все равно заставила отказаться от многих фразеологизмов (например, в СлРЯ на слово «голова» их 58, во 2-м, переработанном издании — 92). И на фразеологическом уровне принцип минимально достаточного отбора не мог себя не проявить.

Система помет, оценивающая лексику с точки зрения современного нормативного словоупотребления, в однотомном словаре современной лексики не потребовала той разветвленности и дробности, какая наблюдается в ТСРЯ. ТСРЯ, как известно, совместил принцип исторический с принципом нормативно-стилистическим (принципом современного нормативного словоупотребления), и система помет, разработанная В. В. Виноградовым для него, неизбежно была обращена и в XIX век. Система же помет для читателя — современника текущего состояния языка, когда языковые процессы совершаются у него на глазах, не может полностью совпадать с системой помет в ТСРЯ.

С. И. Ожегов сохранил ее четырехаспектную структуру:

— пометы, указывающие на стилистическую особенность слова: книжн. (*абориген, безвестный, резонерствовать*), высок. (*бескрайний, вето, клич*), офиц. (*информация, правонарушитель*), разг. (*глядь, наготовиться, штанина*), прост. (*бабник, вдрызг, кабы*), обл. (*казан, кликать, клуша*);

— пометы, оценивающие слово с эмоционально-экспрессивной стороны: презр. (*каратель, клика, солдафон*), неодобр. (*бабник, бестолочь, политикан*), пренебр. (*мужик*), шутл. (*не дурак, кейфовать, клоп*), ирон. (*благоглупость, калиф на час, прекраснодушный*), бран. (*дубина, шельма*);

— помета, обозначающая принадлежность слов не общему, а профессиональному употреблению: спец. (*гонт, противостояние, резонер*);

— пометы, указывающие на историческую перспективу: стар. (*бдение, бесчестие, голь кабацкая*), устар. (*видать, коль скоро, кой*).

В систему этих помет, заимствованную у ТСРЯ, С. И. Ожегов внес свои коррективы. Больше всего они коснулись лексики профессиональной. Вместо 65 «отраслевых» помет в ТСРЯ и одной более широкой спец. оставлена только последняя, указывающая на необщее, профессиональное употребление слова (гармонизировать: ТСРЯ — муз., Сл. Ож. — спец.; задел: ТСРЯ — техн., Сл. Ож. — спец.; квота: ТСРЯ — экон., полит., Сл. Ож. — спец.; разночтение: ТСРЯ — филол., Сл. Ож. — спец. и т.д.), в результате чего она (помета спец.) вместе с разг. стала самой употребительной в словаре. Часть слов получила иную стилистическую и эмотивную оценку (галерка: ТСРЯ — разг. фам., Сл. Ож. — разг.; задешево: ТСРЯ — простореч., Сл. Ож. — разг.; канцелярщина: ТСРЯ — пренебр., Сл. Ож. — неодобр.; начатие: ТСРЯ — книжн. устар. и шутл., Сл. Ож. — устар.; поклажа: ТСРЯ — без пометы, Сл. Ож. — разг. и т.д.), что продиктовано естественными изменениями в нормативном словоупотреблении. Со многих слов ТСРЯ сняты их прежние ограничения по стилистическому, эмотивному, жанровому, временному признаку, т. е. прежде маркированные, стали нейтральными (см. в ТСРЯ: елка — разг., информация — книжн., казначей — офиц., полежать — разг.). Однотомник отказался и от помет в ТСРЯ по их связи с несегодняшними и «ненашими» реалиями (см. в ТСРЯ: городовой — дореволюц., камбала — иностр., кафешантан — загр., военный коммунизм — истор.). При узких временных рамках стала ненужной помета нов. В целом же в ожеговской системе помет возобладало их собственно языковое содержание. И эта система помет сохранена во всех изданиях словаря, что говорит о ее объективности.

Ограниченность заданного объема при таком громадном объекте исследования, каким является русский литературный язык, диктует свои условия на каждой странице, на каждой строке словаря, во всех аспектах описания слова — и в том числе в подаче тех примеров его употребления в тексте, без которых немыслим толковый словарь, без которых он, по известному выражению Вольтера, подобен скелету. В дефинитивной части словарных статей словарь Ожегова следует правилу, афористически изложенному в предисловии к ТСРЯ: «От словаря языка требуется дать все то, что достаточно для понимания слова, а не для знакомства с самими предметом». Поэтому текстовые примеры, реализующие то, что о слове предварительно сказано, и даю-

щие о нем дополнительную информацию, в словаре минимальны по составу (как правило, в форме словосочетаний) и количеству. В выборе словосочетаний-примеров словарь может считаться образцовым. См. пример: *Курить... К. сигару, трубку, сигарету, папиросу. Бросить к. У нас не курят* (формула запрета). *К. запрещается. Для курящих* (сущ., о помещении: для тех, кто курит). *Не курит и не пьет кто-н.*

Живой язык не может не находиться в постоянном развитии, что в свою очередь требует постоянного — от издания к изданию — обновления лексико-фразеологического инвентаря любого переиздаваемого толкового словаря. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова в его первых изданиях и тот же словарь в его последних изданиях (а особенно: С. И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка) — это, как уже сказано выше, разные книги. При их общем знамени современности и нормативности в позднем ожеговском словаре информации содержится едва ли не в два раза больше, чем в ожеговском словаре 50-х гг.

Словарь Сергея Ивановича Ожегова — самый массовый, самый тиражный (счет идет на миллионы экземпляров) словарь в русской толковой лексикографии. Он неоднократно переиздавался за рубежом. И справедливо сказано о его главном творце: «Этим словарем он воздвиг себе памятник нерукотворный».[61]

Каждый последующий общеязыковой словарь неизбежно стоит на плечах словаря предыдущего. Это естественно, потому что объект описания у всех последовательно создаваемых толковых словарей один и един — язык. Однотомный словарь С. И. Ожегова замышлялся как сокращенный вариант четырехтомного словаря под ред. Д. Н.Ушакова. Но словарь стал самостоятельным лексикографическим изданием. Более того, признанный образцовым в своем роде, он явился базой для создания еще более краткого словаря (на 35 тысяч слов) — «Малого толкового словаря русского языка» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной (М., «Русский язык», 1990). В своем словнике и в разработке слов этот словарь в основном следует за словарем С. И. Ожегова (см. Приложение). Его цели — те же, только на более суженной базе. С опорой на словарь Ожегова сделан и «Краткий толковый словарь русского языка» под ред. В. В. Розановой, выдержавший уже ряд обновленных изданий (первое издание — М., «Русский язык», 1978; авторы-составители И. Л. Городецкая, Т. Н.Поповцева, М. Н.Судоплатова, Т. А. Фоменко), основная задача которого — «представить наиболее употребительную и актуальную лексику современного русского литературного языка» (около 5 тысяч слов), минимально необходимую для понимания речи и чтения текстов на повседневном уровне. Таким образом, в современной русской толковой лексикографии явственно прослеживается «ожеговская» струя.

В системе толковых словарей русского языка XX века «Словарь русского языка» С. И. Ожегова занимает место, соответствующее четырем

---

[61] *Реформатский А. А.* С. И. Ожегов. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. XXIV, вып. 2, 1965. С. 187

главным положениям: основная лексика современности, ее нормативная оценка, компактность изложения, массовый потребитель. Соединение этих четырех положений знаменовало новую ступень в развитии отечественной толковой лексикографии. С появлением однотомного словаря С. И. Ожегова русская толковая лексикография получила типологическую завершенность.

Словарь современного русского литературного языка (в 17 томах) (БАС)

В 1937 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление о прекращении работы над «Словарем русского языка» шахматовской редакции и о начале нового лексикографического издания. Прекращение работы над тезаурусом было вызвано затянутостью издания, его бесперспективностью и тем, что современный русский язык не находил в нем широкого и глубокого отражения.

Проект нового словаря, получившего название «Словаря современного русского литературного языка», был разработан сотрудниками Словарного отдела Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра. Он включил в себя три инструкции: «Инструкцию по редактированию словаря», «Инструкцию по выборке материалов для картотеки» и «Инструкцию по раскладке картотеки». В его подготовке принимали участие такие языковеды, как С. П. Обнорский, О. О. Советов, И. А. Фалев, В. И. Чернышев, Е. С. Истрина. 12 июля 1937 г. Проект нового словаря был утвержден Президиумом АН СССР к печати, а в 1938 г. опубликован. Одновременно была создана редакционная коллегия и Ученый совет словаря, в состав которых вошли академики А. С. Орлов, И. И. Мещанинов, чл.-корр. В. И. Чернышев, Е. А. Федоров и др. ученые. К описанию терминологии были привлечены виднейшие ученые Академии наук: ее президент Л. В. Комаров, академики С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, Л. А. Орбели, В. В. Струве, А. А. Ухтомский, А. Е. Ферсман и многие др. (их произведения фигурируют не только в картотеке словаря в качестве научных и научно-популярных источников, но и используются в качестве иллюстрации в словарных статьях). Во главе нового лексикографического предприятия встал В. И. Чернышев, разработавший основополагающие принципы этого словаря[62] и объединивший вокруг себя коллектив лексикографов Словарного отдела. Словарь становился не только «академическим», но и «плодом общенационального дела».[63]

[62] *Чернышев В. И.* Принципы построения академического Словаря современного русского литературного языка. // В кн.: *В. И. Чернышев.* Избранные труды. М., 1970. Т. I. С. 342–350.

[63] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания. // ВЯ 1966. № 6. С. 3.

Первый том словаря должен был увидеть свет в конце 1941 г. К этому времени были составлены четыре тома нового издания и велась работа по редактированию первого и второго томов. Но Великая Отечественная война и блокада Ленинграда прервала процесс подготовки словаря почти на пять лет. Первый и второй тома словаря, готовые к печати, после войны подверглись доработке и редактированию, третий том был отредактирован заново, а четвертый пересоставлен. В Предисловии к первому тому словаря, вышедшему в свет в 1949 г., цели и задачи нового академического словаря прозвучали уже иначе, чем в Проекте. В Предисловии к четвертому тому, опубликованному в 1955 г., читатель уведомлялся о дальнейшей переориентации словаря. Несмотря на то, что он «служит продолжением первых трех томов», «начиная с четвертого тома Словарь значительно изменяет свой облик».[64] Были названы девять пунктов изменений, касающихся построения словаря и расположения в нем материала.

Видоизменение характера словаря и его концептуальных принципов подготавливало почву для создания новой инструкции, которая была написана коллективом авторов. Среди них — имена Ф. П. Филина, Н. З. Котеловой, Л. С. Ковтун, Г. А. Качевской, И. Н. Шмелевой, Ф. П. Сороколетова, К. А. Тимофеева, А. М. Бабкина, Е. К. Никольской, Е. Э. Биржаковой.

В 1958 г. новая «Инструкция для составления "Словаря современного русского литературного языка» (в 15 томах) стала достоянием общественности. Словарь издавался с 1948 по 1965 г. и вышел в 17 томах (вместо 12–15 задуманных первоначально). В 1970 г. «Словарь современного русского литературного языка», известный в научных кругах как Большой Академический Словарь (сокращенно БАС), был удостоен высшей правительственной награды страны — Ленинской премии. В 1975 г. было принято решение о его переиздании.

Концепция Большого Академического Словаря и ее эволюция

БАС — вершина отечественной лексикографии. Став преемником традиции шахматовского словаря, ориентированного на национальное богатство русского языка, детальную семантическую разработку, обширную сочетаемость и обилие иллюстративного материала, он не мог одновременно не испытать на себе влияния и сложившихся к этому времени традиций нормативных толковых словарей постреволюционного периода (таких, как Словарь Ушакова и Словарь Ожегова). Именно конгломерат разных лексикографических идей и предопределил в конечном итоге тот смешанный характер словаря, который, по мнению В. В. Виноградова, «не оформился в особый самостоятельный тип», но

[64] Словарь современного русского литературного языка. Т. IV. М.;Л., 1955. Предисловие. С. III.

который «обогатил многими ценными материалами и способами его истолкования как практику и теорию русской лексикографии, так и вообще науку о русском литературном языке, о культуре русской речи».[65]

«Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка», с одной стороны, завершает развитие того типа русских толковых словарей, который нашел воплощение в словаре под ред. проф. Д. Н. Ушакова, в четырехтомном академическом словаре и, отчасти, в однотомнике С. И. Ожегова, а с другой стороны, открывает пути к новым структурным типам толковых словарей русского языка — историческим, отражающим последовательное развитие лексики русского литературного языка в XIX–XX вв., и нормативно-стилистическим».[66]

Обсуждение каждого тома словаря выливалось в научные дискуссии о тех лексикографических понятиях, которые составляют сегодня научно-теоретическую базу словарного дела. Такие дискуссии развернулись вокруг «общих значений», полисемии и омонимии, стилистических помет (особенно «спец.», «простореч.», «разг.», «перен.» и др.), границ фразеологии, принципов разработки предлогов и многих других проблем. «Используя старую традицию академических словарей, редакция настоящего словаря ставила себе задачей объединить лучшие признанные положения этой традиции с лингвистической теорией и практикой нашей современности».[67]

Не случайно именно в процессе составления словаря, а впоследствии уже на его фундаменте, были созданы не только многие аспектные словари (Словарь трудностей, Фразеологический словарь, Словарь эпитетов и др.), но и многочисленные научные теории (в частности теория лексико-семантической системы языка; учение о лексическом значении и его типах В. В. Виноградова, концепция семантической структуры Л. С. Ковтун, лексической и грамматической сочетаемости Н. З. Котеловой, просторечия Ю. С. Сорокина, литературной нормы К. С. Горбачевича, значения и оттенка Ф. П. Сороколетова и К. С. Горбачевича, фразеологии В. В. Виноградова, синонимии А. П. Евгеньевой и К. С. Горбачевича, регулярности метафоры Г. Н. Скляревской и др.). Большой Академический Словарь стал толчком к написанию огромнейшего числа книг, диссертаций, статей и заметок по теории и истории лексикографии, лексикологии, семасиологии, истории языка и др. отраслям языкознания.

Задуманный словарь должен был быть относительно полным. Не являясь тезаурусом, он ориентировался на включение лексического бо-

[65] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь... С. 25.

[66] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1948–1968 гг.) и лексикографическая традиция. — Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над ССРЛЯ (1948–1968 гг.) и перспективам работы над словарем русского литературного языка. Л., 1966. С. 4.

[67] Словарь современного русского литературного языка. Т. I. 1948. Предисловие С. 3.

гатства только литературного (а не всего) русского языка как средства национального общения. Большой Академический Словарь охватывал словарный запас русского литературного языка с конца XVIII в. до его современного состояния с упором на развитие языка, начиная с пушкинской поры до времени создания Словаря. В задачи Словаря входило: дать всестороннюю семантическую, стилистическую и грамматическую характеристику слова, показать особенности его правописания и произношения, фразеологического окружения и стилистического употребления, продемонстрировать смысловое многообразие значений и словообразовательные возможности слов. Словарь должен был явиться «проводником правильного понимания социального значения слов русского языка»,[68] так как в нем видели словарь массового типа, доступный для понимания широких слоев общественности, всех пишущих, читающих, учащих и учащихся русскому языку как науке.[69]

Однако часть принципов, положенных в основу построения словаря, отпала уже на первом этапе. Так, в Предисловии к Проекту подчеркивалось, что в соответствии с постановлением Президиума АН СССР от 5 августа 1937 г. Словарь должен быть не только толково-историческим, но и нормативным, словарем «правильного употребления форм и оборотов русского языка в письменной, публичной и разговорной речи»,[70] «руководством к общепринятому употреблению».[71]

Причем принцип нормативности выдвигался на передний план, оттесняя принципы историзма. «Приняв за основу нормативно-стилистический принцип истолкования и ограничив свои материалы теми же... историческими рамками..., этот словарь первоначально претендовал на роль исторического словаря, стремясь отразить эволюцию русского словоупотребления за прошедшее столетие с ограниченным привлечением материалов и более раннего времени (от Ломоносова до Пушкина)».[72]

Таким образом, Словарь постепенно превращался в нормативно-стилистический с элементами историзма. Нормализация словарного состава русского языка стала одной из кардинальных задач словаря. Однако норма, как известно, — явление не только исторически изменчивое, но и синхронное. Поэтому стремление к нормализации всего свода литературной лексики предопределяло и принцип ее актуализации. «Современность для нас — основное понятие и главная задача, историчность — второстепенное и вытекающее из него положение».[73] «Принцип нормативности подчиняет себе интересы истории языка».[74]

[68] *Чернышев В. И.* Принципы построения академического Словаря... С. 342.
[69] Там же. С. 342.
[70] Проект. С. 9.
[71] *Чернышев В. И.* Там же. С. 342.
[72] *Сорокин Ю. С.* Элементы историзма в «Словаре современного русского литературного языка» и задачи создания исторических словарей русского языка нового времени. — Тезисы докладов... Л., 1966. С. 5–6.
[73] *Чернышев В. И.* Там же. С. 349.
[74] Там же. С. 349.

Понимание историзма как отражения современного состояния языка в тот или иной момент его истории сказывалось не только на отборе слов, в процессе которого «мы не должны навязывать современному языку ничего отжившего, отмершего»,[75] но и на структуре словарной статьи в целом. Так, ведущим принципом организации слов с полисемией признавался обратный хронологический порядок расположения значений. Это означало, что место основного, исходного значения занимало не наиболее раннее с исторической точки зрения значение, а значение наиболее употребительное, социально значимое, актуальное для современного состояния языка (см., например, знатный). Этот же принцип распространялся и на порядок расположения цитат в словарной статье (см., например, богатый, великий). Этой же идее подчинялась и сеть многочисленных помет исторического характера, соответствовавшая разным хронологическим пластам русской лексики, последовательно сменявшим друг друга. Наличие таких помет, как «церк.», «старин.», «устар.» и «нов.» отражало ход исторического развития русского языка.

По своей структуре Большой Академический Словарь должен был представлять собой тип алфавитно-гнездового словаря. Гнездование распространялось на однокоренные слова, которые объединялись в одну словарную статью при условии их образования от одной семантической основы и общности значения. Гнездовой способ расположения слов имел ряд преимуществ перед алфавитным, так как позволял указать, например, «на взаимоотношения и различия значений в отдельных образованиях»,[76] нагляднее обнаружить регулярные словообразовательные части слов, а следовательно, и ярче высветить вопросы словообразования в их неразрывной связи с семантикой, устранить «необходимость повторять при каждом слове однообразные, нередко чисто формальные определения и др. пояснения, что дает возможность расширить более ценную показательную часть словаря»,[77] наконец, сократить объем словаря. В отличие от предшествующих словарей (Словаря Академии Российской 1789, Словаря Даля и др.) новый словарь исходил из живых, вполне ясных и близких, а отнюдь не этимологических корнесловных связей производных. При этом приставочные словообразовательные дериваты помещались на своем алфавитном месте, собирая собственные гнезда и не объединяясь со своими бесприставочными коррелятами. Таким образом, алфавитно-гнездовой способ подачи слов затрагивал главным образом суффиксальные производные: существительные со значениями соразмерности, единичности, женского пола и действующего лица, действия и состояния, качества и свойства и др.; прилагательные со значением смягчительности оценки, неполноты проявления признака, относительности и принадлежности; глаголы, образованные от существительных и прилагательных; порядковые и собирательные числительные, местоимения и наречия. Например:

[75] Там же. С. 350.
[76] Проект. С. 19.
[77] Там же. С. 19.

Автомоби́ль... Экипаж, приводимый в движение двигателем внутреннего сгорания. Легковой автомобиль. Грузовой автомобиль. Автомобильчик, уменьш. Автомобильный, прил. Автомобильная промышленность. Автомобильные шины. Автомобили́зм, а, м. Автомобильное дело ♦ Автомобильный спорт. Автомобили́ст, а, м. Специалист по автомобильному делу. ♦ Человек, занимающийся автомобильным спортом. Автомобилиза́ция, и, ж. Развитие автомобилизма. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. Сталин, Год великого перелома (Вопр. ленинизма, 298). — Нов. энц. слов. Брокг.-Ефр.: автомобиль. — От греч. αὐτός — сам и лат. mobilis — подвижной.

Бе́лый... Бело... Беленький... Белёхонек..., белёшенек... Белёхонько... Белизна́... Белость... Беловатый... Беловатость... Белеть... Белеться... Белить... Белиться... Беление... Белка... Белёный... Белила... Белильный... Белильщик... Белитель... Белильня...

Бить... Битый... Бивать... Биться... Биение... Битьё... Битва... Било... Биток... Биточки... Битком... Бита... Битка...

Система отсылок и алфавитное приложение с указанием столбца, в котором находится опорное слово, облегчало пользование словарем.

В соответствии с этим Проектом были составлены первые три тома нового лексикографического издания. Однако редакционное предисловие к третьему тому извещало читателя о готовящейся реформе издания. «Критические отзывы на первые два тома Словаря и обсуждение этих томов на ученом совете Института языкознания АН СССР показали... нецелесообразность с практической точки зрения ряда особенностей построения Словаря, характерных для первых двух томов. Сюда относятся гнездовая система, основанная главным образом на историко-семантических объединениях слов в одно гнездо, смешение исторической и нормативной точек зрения при характеристике словарного состава современного русского языка, смешение филологического и энциклопедического принципов толкования слова и др.»[78]

Начиная с четвертого тома в Словарь вносился ряд изменений, менявших как тип издания, так и его внешний облик.

Во-первых, менялась архитектоника словаря, так как составители отказывались от гнездового характера подачи однокоренных слов и возвращались к более традиционному — алфавитному. Система гнездового расположения слов устранялась как «явно мешающая справочной цели издания».[79]

Исключение составили наречия и предикативы, видовые корреляты глаголов, а также некоторые глаголы однократного и многократного способов действия, сохранившие в своих словарных статьях элементы гнездования.

---

[78] Словарь современного русского литературного языка. Т. III. 1954. Предисловие. С. III.

[79] Словарь современного русского литературного языка. Т. IV. 1955. Предисловие. С. III.

Во-вторых, нецелесообразным был признан и обратный хронологический порядок расположения иллюстраций, когда «оправдательные цитаты... из произведений хронологически более поздних ставились раньше цитат из произведений более ранних по времени возникновения. Это мнимое «осовременивание» Словаря находится в прямом противоречии с самим ходом развития литературного языка и с представлением об устойчивости слов основного словарного фонда».[80]

В-третьих, Предисловие объявляло и об усилении нормативно-стилистического принципа. Если в первоначальном проекте о пометах функционально-стилистических (в отличие от исторических) практически не упоминалось, то в Предисловии к четвертому тому оговаривалось особым параграфом расширение сети стилистических помет в последующих томах. «В словаре применяются стилистические пометы, характеризующие область преимущественного употребления слова, приуроченность его к тому или иному речевому жанру, если такая приуроченность возможна в силу устойчивости употребления».[81]

Поскольку стилистическая квалификация слов давалась с позиции живых, действующих норм литературного словоупотребления, она вела к усилению понятия современности в словаре. Так, именно в этом томе появилась помета «спец.», введенная в обиход Словарем Ушакова, но получившая в БАС принципиально иное наполнение и статус.[82]

В Словаре Ушакова она закреплялась преимущественно за профессионализмами; научной терминологии соответствовала, как правило, помета научн. В БАС помета «спец.» соединила лексику этих двух категорий и стала использоваться для характеристики всей терминологической лексики, не утратившей своей генетической принадлежности к языку науки и техники. «Словарный состав русского литературного языка характеризуется большим и все возрастающим количеством слов, относящихся к профессиональной и специальной терминологии. Сама эта терминология часто принадлежит разным отраслям знаний и техники, так что нередко трудно бывает приурочить тот или иной термин к определенной области. Вследствие этого Словарь для подобной терминологии сохраняет одну помету «спец.», т. е. специальное слово, отказываясь точнее приурочивать то или иное слово к терминологии морской, авиационной, военной и т. п.»[83]

Безусловно, эта помета объединяла первоначально не только термины, но и слова разговорной профессиональной речи (ср. второе издание БАС, в котором эти две категории лексики будут разведены: помета «Спец.» сохранится лишь за терминологией, а профессионально-разговорная лексика получит свою стилистическую помету «В проф. речи»). Пометой «спец.» в словаре сопровождаются жирооборот —

---

[80] Там же. С. III.
[81] Там же. С. IV.
[82] *Сороколетов Ф. П.* Стилистические пометы. // Инструкция. С. 43–44.
[83] Словарь современного русского литературного языка. Т. III. 1954. Предисловие. С. IV.

'платежный оборот, осуществляемый без участия наличных денег', жиропот — 'вещество, представляющее собой смешение выделений сальных и потовых желез у овцы', жироскоп — 'то же, что гироскоп', и др. Этот поворот словаря от отраслевой приуроченности термина к показу его функционально-стилистического статуса, определенного в системе полифункционального русского языка, вызвал резкие возражения некоторых лексикографов.[84]

Однако несмотря на это, вновь обретенная помета БАС прижилась и в других словарях русского языка (ср. МАС, который не подхватил этого нововведения). Состав исторических помет пополнился пометой «Устар. быт.», которая вытеснила по сути прежнюю помету «Истор.» Она применялась для акцентирования внимания читателя на устарелости для современного быта предметов домашнего обихода, обычаев, занятий, некогда характерных для уклада дореволюционного времени (см. заговенье — 'последний день употребления скоромной пищи накануне поста', 2. заговор — 'набор слов и выражений, предназначенный, по суеверным представлениям, воздействовать как колдовское или целебное средство', знахарь — 'лекарь-колдун' и др.). Однако помета использовалась только в IV томе Словаря, ибо не отвечала самой сути данных языковых явлений (в отличие от пометы «истор.»).

В-четвертых, словарь вводил в лексикографический оборот не только произведения признанных мастеров художественного слова и других языковых авторитетов, но и произведения рядовых писателей, журналистов, общественных деятелей, чей язык соответствовал представлениям о нормативности и современности, являя собой сложившийся языковой стандарт. Ср. «Источниками Словаря были и остаются лучшие произведения русских писателей, публицистов и ученых, с деятельностью которых связано обогащение и усовершенствование русского литературного языка, но в роли оправдательных примеров могут употребляться извлечения из произведений, и не являющихся образцовыми и совершенными по языку и стилю, т. к. Словарь ставит своей целью показать употребление всего лексического состава, на основе которого выработан словник».[85]

В-пятых, существенной реорганизации подверглась и разработка предлогов, которые в соответствии с новыми принципами их подачи разрабатывались в зависимости от дифференциации не падежей, а смысловых отношений, складывающихся в словосочетаниях с этими предлогами. Таким образом, помимо указаний на падежи, предлоги получили семантическую рубрикацию в виде пространственных, временных, причинных, количественных, целевых и т. п. отношений, что вызвало далеко не однозначную реакцию специалистов, увидевших в новых принципах описания предлогов чрезмерную «грамматикализацию»

[84] *Евгеньева А. П.* О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР. // Лексикографический Сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 174.

[85] Словарь современного русского литературного языка. Т. IV. 1955. Предисловие. С. V.

слов этой категории, противоречащую назначению толкового словаря, который традиционно опирается на смысловую (семантическую) сущность слов. В качестве главного аргумента в выступлениях оппонентов выдвигалось распадение предлога на многочисленные словосочетания, а соответственно и утрата им его собственной (обобщенной) семантики.[86]

В-шестых, Словарь отказался от детальной документации цитаты (в частности, указаний на части, главы, разделы произведений), что значительно снижало ценность словаря как справочного пособия. Впоследствии документальная рубрикация источника была восстановлена как в целях продолжения академической традиции, введенной А. Шахматовым, так и в целях удобства пользователя.

Менялся в процессе работы и облик словаря, вырабатывался его собственный метаязык. Так, например, еще в III томе помета «образно», заимствованная из «шахматовской редакции» Словаря русского языка была заменена *, служащей в академической традиции показателем фигуральных значений, в основе которых лежит живой образ. Невостребованной осталась и такая семантико-стилистическая помета, как «Распространительно», указывавшая в первых томах БАС на расширительное употребление слова; она трансформировалась в регулярное типовое определение «о чем-л. вообще». С IV тома каждое отдельное значение давалось с абзаца, что существенно облегчило восприятие многозначных слов; черный ромб (♦), использовавшийся как знак оттенка значения в первых трех томах БАС, был заменен на более традиционные вертикальки (//); при диффузности значений, не позволяющей расчленить их на два самостоятельных лексико-семантических варианта, появился новый знак — точка с запятой (;); для фразеологизмов утвердился знак тильды (~) и полужирный шрифт. Были внесены и заметные изменения в принципы расположения фразеологии: та часть фразеологизмов, для которой установить исходное значение смыслового ядра представлялось невозможным исходя из синхронных семантических отношений, разрабатывалась в конце словарной статьи с абзаца, другая часть сохранялась в составе того значения, которое легло в основу переосмысления; произвольный порядок их расположения сменился впоследствии алфавитным.

Многие из этих нововведений вызвали критические замечания. Разноголосица мнений сопровождала по существу каждый шаг этой реформы от структуры словаря в целом до интерпретации отдельных категорий лексики. Особенно бурной оказалась дискуссия по поводу отхода словаря от алфавитно-гнездового характера расположения слов. Алфавитный порядок расположения слов позволял, с одной стороны, заметно обогатить производные иллюстративным материалом, дать более дробную семантическую и стилистическую характеристику дериватам, подчеркнуть их статус самостоятельного слова в отличие от

[86] *Евгеньева А. П.* О некоторых лексикографических вопросах... С. 175–176.

словообразовательного варианта и т. п. С другой стороны, возвращение к алфавитному размещению слов в БАС умаляло его достоинство как путеводителя в области словообразования, и лишало весьма веского аргумента в пользу системности лексики русского литературного языка. Недаром В. В. Виноградов крайне резко (хотя и не вполне справедливо) отозвался как раз об этом нововведении, которое, по его мнению, превратило грандиозный научно-теоретический труд в словарь-справочник: «По новому замыслу перед нами не словарь с широкими теоретическими задачами, а словарно-справочное издание».[87]

Инструкция 1958 г. не только законодательно закрепила ту реформу, которая осуществлялась на протяжении подготовки первых четырех томов, но и вывела задуманный словарь на принципиально иной теоретический уровень. Она провозгласила сужение хронологических границ словаря до 150 (вместо 200 предполагавшихся) лет, подняв нижнюю планку «современности» русского литературного языка до Пушкина и оставив таким образом «за бортом современности» язык допушкинской поры. Словоупотребления писателей XVIII в., подготавливавших формирование русского литературного языка в том виде, в каком он сложился при Пушкине, попадали в словарь эпизодически, обычно лишь в тех случаях, когда служили оправдательными примерами первого употребления и не противоречили нормам современной речи. Среди них цитаты Ломоносова, Державина, Карамзина, Радищева, Болотова и др. Новая Инструкция утвердила нормативно-стилистический принцип интерпретации лексики как ведущий, основываясь на признании тождества системы русского языка на протяжении того 150-летнего периода, который стал объектом словаря. Она признала невозможность последовательного проведения на практике принципа историзма, исходящего из эволюции языковых изменений. Из исторического, «толково-исторического и нормативного», словарь преобразовывался в нормативно-стилистический с элементами историзма. Вместе с этим БАС поворачивался к исходным историческим принципам, отстаивая хронологический порядок расположения значений и цитат, «когда историческая последовательность в развитии значений и форм слов отчетливо выявляется в семантической и грамматической структуре слов современного литературного языка, не стерта и не затушевана системой современных семантических и грамматических отношений».[88]

«Хронологическое расположение иллюстраций-цитат также отчасти дает некоторое представление об истории употребления слов».[89]

В основу семантической характеристики слова была положена принципиально новая теория лексического значения слова. Если в Проекте 1938 г. главным параметром лексического значения слова был объявлен содержательный (а точнее — идеолого-содержательный), предполагавший, что «в определении указывается содержание слова в том

[87] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь... С. 6.
[88] Инструкция... С. 6.
[89] Там же. С. 7.

понимании, какое данное слово имеет в современном языке в эпоху диктатуры пролетариата и победы социализма»,[90] то в Инструкции 1958 г., наряду с содержательным, в состав лексического значения вводятся такие его параметры, как грамматический, парадигматический, синтагматический (контекстуальный), эмоционально-экспрессивный и функционально-стилистический, что позволило по-новому квалифицировать и типы лексических значений.[91]

В Инструкции 1958 г. впервые в истории русской лексикографии была сформулирована сущность оттенка значения и намечены критерии дифференциации значения и оттенка.[92]

Новая Инструкция типологизировала сочетаемость слова, выработав дифференцированные способы ее отражения в словаре. Существенные изменения она внесла и в подачу фразеологии, для которой был предложен алфавитный порядок расположения. Однако в словах с богатой фразеологией рекомендовалось объединять их в семантически однородные группы (так называемые «гнезда») независимо от алфавитной последовательности.

Ощутимыми оказались и изменения в области стилистических помет. Исходя из представлений об относительной устойчивости, стабильности русского литературного языка от Пушкина до наших дней, составители Инструкции пересмотрели прежде всего сеть хронологических помет. Словарь отказался от задуманной первоначально хронологической детализации русской лексики, пожертвовав такими пометами, как «стар.», «феод.», «бурж.», «дореволюц.» и «нов.», соответствовавшими основным хронологическим срезам исторического развития словарного состава русского языка, заменив их историческим комментарием. Были устранены отраслевые пометы, приурочивавшие термин к определенной области его распространения, и введена функционально-стилистическая помета «спец.» Помета «Разг. -гор.» (разговорно-городское) распалась на две функционально-стилистические пометы: «разг.» и «простореч.». Не сохранялись и такие пометы, как «церк.» и «устар.» «быт.»

Сокращение числа стилистических помет (до семи основных) в БАС было вызвано продолжительностью того исторического периода, который стал объектом лексикографического описания в данном справочнике. «На протяжении почти 150 лет в стилистической соотнесенности слов произошли значительные изменения», — говорилось в Инструкции.[93]

Областные, просторечные, книжные, разговорные и другие стилистически ограниченные в эпоху Пушкина категории слов раздвинули границы своего употребления и изменили свою стилистическую окраску. Другие, наоборот, перестали быть широкоупотребительными и пе-

[90] Проект... С. 26.
[91] Инструкция... С. 28.
[92] Там же. С. 21–22.
[93] Там же. С. 40.

решли в разряд слов ограничительного употребления. «Словарь не может дать исчерпывающего описания всех изменений в стилистической отнесенности слов за длительный промежуток времени истории современного русского литературного языка, не может совместить при характеристике одних и тех же слов или значений слов изменявшиеся их стилистические оценки в течение указанного времени».[94]

В этом плане БАС оказался непосредственным преемником Словаря Шахматова. Ограниченность состава стилистических помет, расплывчатость многих стилистических характеристик, сдержанность словаря в отношении стилистической квалификации лексики описываемого периода стали одной из причин, по которой БАС не удалось в полной мере реализовать идею нормативно-стилистического словаря.[95]

Недаром второе издание БАС, ориентирующееся на усиление нормативно-стилистического аспекта словаря, пойдет по пути совершенствования стилистической системы: она не только пополнится новыми пометами: «устаревающее» и «В проф. речи», но и расширит возможности применения семантико-стилистического комментария.[96]

Эта Инструкция стала не только научно-теоретической базой БАС, но и фундаментом русской лексикографии в целом. И хотя она определила основные принципы составления всех последующих томов словаря, каждый из них вносил свою лепту в теорию и практику словарного дела. Даже последние тома этого издания обнаруживают, например, ряд отклонений от предписаний Инструкции 1958 г., проявляющихся в усилении грамматической характеристики слова (главным образом, синтаксической). «Новый Академический Словарь постепенно становился чище, обработаннее и продуманнее».[97]

Место БАС в системе толковых словарей русского языка

Сокровищница лексики современного русского литературного языка

Уникальность созданного академического словаря заключается в том, что «это первый доведенный до завершения большой толковый

[94] Там же. С. 40.

[95] Подробнее о сетке стилистических помет, их применении и проблемах лексикографической стилистики в толковых словарях литературного языка см.: *Скляревская Г. Н., Шмелева И. Н.* Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном литературном языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. М., 1974; *Шмелева И. Н.* Некоторые вопросы стилистики в общем словаре литературного языка // Современная русская лексикография. Л., 1975; *Скляревская Г. Н.* Еше раз о проблемах лексикографической стилистики. // ВЯ. 1988. № 3.

[96] Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-ое. С. 9–11.

[97] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный академический словарь... С. 6.

словарь русского языка после Академического Словаря 1847 года... и Толкового словаря В. И. Даля«.[98]

Острейшую нужду в таком словаре испытывали не только самые разнообразные круги русской общественности, но и лексикографы национальных республик, опиравшиеся при составлении русско-национальных и национально-русских словарей на состав словника и структуру БАС. БАС — самый полный свод лексики русского литературного языка: он содержит более 120 000 слов, что значительно перекрывает как Словарь Ушакова, так и МАС, насчитывающие приблизительно по 90 000 слов. Недаром уже современники словаря дали ему самую высокую оценку, считая, что «по количеству и объему словесного инвентаря семнадцатитомный "Словарь современного русского литературного языка» решительно превосходит все другие современные русские толковые словари... Как справочное пособие он, несомненно, стоит на первом месте среди других словарей близкого типа».[99]

Между тем по количеству слов БАС существенно уступает, например, Словарю Даля, включающему около 200 000 слов, не считая многочисленных лексикографических справочников других языков типа Оксфордского словаря или Большого Робера. Значит ли это, что русский язык XX столетия стал беднее, чем был в XIX в. и не может конкурировать по своему лексическому составу с другими языками мира? (как известно, уровень языковой компетенции нации исчисляется сегодня в 250 000 слов). Нет. Причина количественного расхождения словников коренится в принципах их формирования, гармонирующих с замыслом словаря в целом. Как писал В. И. Чернышев: «Мы решительно отошли от старого типа полного словаря русского языка, дающего все слова, кем-либо и где-либо употреблявшиеся, без всякого ограничения и выбора и имеющего прежде всего справочный характер. Мы в первый раз создаем тип академического словаря с отборным словарным составом, т. е. мы нормализуем всю русскую лексику, внося ее в наш словарь или исключая из него. Вносимые нами в словарь слова получают значение общепринятых, необходимых, рекомендованных к употреблению... Нормализация словарного состава русского языка —... важнейший принцип построения нашего словаря».[100]

Таким образом, БАС отошел от традиции своих предшественников (Словаря Даля и Словаря Шахматова), явив собою не тезаурус, а дифференцированный словарь-справочник. Несомненно, он вбирал в свой состав наиболее употребительные, наиболее значимые для своей эпохи слова и понятия. Недаром принцип употребительности слова, его представленности в различных сферах языкового общения, разных функциональных стилях и жанрах устной и письменной речи (в художественной литературе, прессе, публицистике, деловой документации, научно-популярной литературе, эпистолярном наследии, фольклоре и

[98] *Виноградов В. В.* Тезисы докладов... С. 3.
[99] Там же. С. 3 – 4.
[100] *Чернышев В. И.* Принципы построения академического Словаря... С. 344–345

обиходно-бытовом общении) с самого начала служил основным критерием отбора словника. Необходимо было, как правило, не менее трех цитат разных авторов для того, чтобы слово или отдельное его значение получило свою кодификацию в новом словаре. Это правило действовало на протяжении всего издания БАС. По подсчетам рецензентов, только на букву «Ж» в IV том было введено 8% новых слов. Среди них такие, как жабообразный, жалобность, жаровыносливый, женсовет, жертвенно и др.,[101] как собственно неологизмы, так и слова, не вошедшие в предшествующие толковые словари в силу ограниченности их объема. Еще интенсивнее оказался приток слов на другие буквы.

Обращение к фактическому материалу, к фактам реального употребления, представленного в картотеке авторитетнейшими литературными и научными источниками (а позднее и источниками второстепенной значимости, если они отвечали представлениям о нормах современного литературного языка) требовало и интенсивного пополнения картотеки, которая к началу издания насчитывала около 4 млн. карточек-цитат, а к моменту его завершения уже 6,5 млн.[102]

В ее основе лежала преимущественно художественная литература, так как именно она, начиная с XVIII в., определяла языковое сознание образованных людей своего времени. В отличие от своих предшественников БАС не ограничился произведениями русской классики прошлого, перечень которых был составлен проф. Г. А. Гуковским и П. Н. Берковым. Он ввел в лексикографический оборот имена писателей, вошедших в сокровищницу советской литературы (М. Шолохова, Ю. Казакова, Ю. Нагибина, В. Пановой, Г. Бакланова, Ю. Трифонова, В. Солоухина, А. Арбузова, М. Погодина, А. Твардовского, К. Симонова, Н. Тихонова, М. Дудина, А. Яшина и др. авторов). Их произведения и составили основную эмпирическую базу нового словаря, дополненную произведениями классиков политической литературы, гуманитарной и точной науки, записями живой разговорной речи и материалами прессы.

Отказавшись от идеи тезауруса, БАС вычленил лишь то лексическое ядро, которое цементирует любой национальный язык и в этих пределах исчерпал его богатство. «Богатство мы определяем по отношению к современности и литературности,»[103] — этот тезис В. И. Чернышева стал одним из основополагающих принципов словаря, старавшегося совместить идею «сокровищницы литературного языка» с нормализаторскими устремлениями авторов. Неслучайно за пределами словаря оставались не только слова «потенциальные» (зарегистрированные предшествующими лексикографическими справочниками, но не нашедшие подтверждения в литературных источниках) как не отвечавшие параметру фактического (социализованного) употребления. В

[101] *Зайцева Т. В.* Словарь современного русского литературного языка. // ЛС. М., 1957. Вып. 2. С. 178.

[102] *Бабкин А. М., Биржакова Е. Э.* Разработка лексических и фразеологических материалов как база для составления словарей. – Тезисы докладов. Л., 1966.

[103] *Чернышов В. И.* Принципы построения академического Словаря... С. 345.

словарь не включались и слова, относящиеся к грубой нелитературной брани, арготизмы, искусственно образованные или неправильно употребляемые слова, несмотря на то, что большинство из них находило свое подтверждение в оригинальных источниках. Жесткость словаря в отношении лексики такого рода нередко вызывала упреки пользователей словаря в пуризме. Однако позиция словаря была продиктована не только его нормализаторскими задачами, но и всей языковой ситуацией 50–70 гг. XX в.[104]

Таким образом, количественный состав словника целенаправленно регулировался двумя концептуальными параметрами словаря: его установкой на узус, реальное словоупотребление, с одной стороны, и законодательной ролью в области нормализации словарного состава русской лексики, ориентацией на культуру речи, с другой. Будучи научным произведением, БАС создавался в русле языковых и мировоззренческих тенденций своей эпохи.

Несмотря на то, что новый словарь акцентировал внимание на устойчивом словарном составе русского литературного языка как его основном фонде, он не мог обойти молчанием и подвижные (периферийные) пласты русской лексики. Целью его стала помощь читателю в нахождении справок о «значениях и употреблении непонятных или малопонятных теперь слов, ранее употреблявшихся в литературном языке, а также новых слов, которые тоже могут оказаться недостаточно понятными для широких кругов читателей».[105]

Задача объяснения редких, малоупотребительных и потому малопонятных слов усиливала его позиции как издания справочного характера. «Включение в словарь устаревшей лексики, стоящей вне пределов словарных норм современного литературного языка, но употреблявшейся в литературном языке XIX и начала XX вв., прежде всего диктуется тем, что русская классическая литература является неотъемлемым достоянием современной культуры и изучается широкими массами населения».[106]

Такие слова, как васисдас, вертоград и вертоградарь, чашник, картель в значении «соглашение, договор» и др., вливаясь в общий лексический массив словаря, обеспечивали преемственность культурных традиций. С другой стороны, «помещение в Словаре новых слов совершенно необходимо в связи с бурным развитием социалистической культуры, науки и техники, промышленности и сельского хозяйства и т. д., находящим свое отражение в непрерывном обогащении лексики современного литературного языка. Новые слова, получающие общелитературное значение, нуждаются в филологическом объяснении и регистрации в академическом толковом словаре»,[107] на том основании, что

[104] *Корованенко Т. А.* Источники Нового академического словаря //Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995. С. 31–43.
[105] Инструкция... С. 10.
[106] Там же.
[107] Там же.

многие из них (такие, как земснаряд, многостаночник, скоростник, соревноваться, синхрофазотрон, абсорбент, авитаминоз, азимутальный, акклиматизация и др.) проникают в общелитературный язык через художественную литературу или прессу. Это означает, что БАС брал на себя еще одну, не менее важную, задачу просвещения читателя, направленную на постепенную интеллектуализацию языкового сознания и речевого употребления за счет расширения представлений о книжной лексике. Вероятно, поэтому и сегодня, спустя более 20 лет после выхода словаря в свет, он продолжает обеспечивать запросы читателей, несмотря на кардинальное изменение всего образа жизни, вызвавшее перераспределение фондов активного и пассивного словарного запаса (ср. извлеченные из пассива и актуализировавшиеся в последнее время слова типа гимназия, лицей, милосердие, акциз, кадетский корпус, монархисты, забастовка и др. или ушедшие на периферию языкового сознания слова коллективизм, энтузиазм, соцсоревнование, народное хозяйство и т. п.). Таким образом, уже на уровне словника БАС формировал установку на развитие речевой культуры, проявляющуюся в общедоступном толковании тех слов, с которыми сталкивался читатель в своем повседневном общении и которые были непонятны или малопонятны ему. Тщательно отбирая лексику для своего словника, новый словарь ориентировал и своего пользователя на выбор средств выражения, представленных в языковой сокровищнице, в соответствии с традициями их употребления, потребностями речевой ситуации и индивидуальным уровнем духовной и бытовой культуры.

Вычленение основного лексического фонда русского языка способствовало зарождению представлений о русском литературном языке как лексико-семантической системе, входящей в состав общенационального языка как «систему систем». Поэтому вполне закономерно, что БАС впервые в истории русской лексикографии достаточно последовательно (не считая редких исключений) отмежевался от таких периферийных явлений языкового творчества, как окказионализмы (типа дамство — А. Белого, ушествие — Д. Фонвизина, возведенец — Г. Р. Державина, линевка — С. Аксакова, листригоны — А. Куприна и др.), узкоспециальных терминов, типа канонарх, лейкодерма, дадоксилон и др.), областных слов узколокального употребления (типа обарница или обварница — 'посуда для обварки', обваруха — 'напиток из настоя ягод', калякун и т. п.), географических и собственных имен, названий жителей городов, наименований учреждений и предприятий, номенклатуры продуктов производства, прежних крестьянских названий церковных праздников и пр., считая их объектом специальных (аспектуальных, дифференцированных) словарей. Знаменательно, например, что из словника Словаря Шахматова на букву «Ж» в БАС вошло всего лишь 40% слов, что свидетельствовало о его реальном очищении от всего отжившего, неупотребительного и малоупотребительного. Так, за пределами Словаря остались слова, зафиксированные только Далем и не нашедшие подтверждения в ма́териалах картотеки: жабёнок, жабен, жаберцы, жаждатель, жаждательница, жалевой и др.;

областные слова: жаберки, жабить, жабиться, жабица, жабота, жаботать, жадобить, жадобник, жадовать, жадомор, жадость и др.; слова, входящие в ботаническую, зоологическую, минералогическую и т. п. номенклатуру: жабрик, жаброног, жабророт, жабун, жабурник, жаворонник, жаглица, жаглуха, жагран и др. Это отнюдь не означало, что та лексико-семантическая система языка, которая объективирована в БАС, представлена как закрытая. Напротив, БАС широко охватывал и явления языковой периферии, обогащающие словарный состав русского языка за счет слов с пометами: обл. (заневолю — `поневоле ´; запечек, заплот — `забор ´; запон — `передник, фартук ´; зараз — `тотчас, сию минуту ´ и др.), прост. (заправдашный, заправила, занедужить, заненаститься, занепогодить, запакостить, запалиться — `зажечься ´; запариваться — `сильно уставать ´; запамятовать, заперхать — `начать покашливать ´; запоганивать и др.), спец. (занорыш — `пустота в кристаллической горной породе ´, 1. запал — `приспособление и средство для воспламенения взрывчатого вещества ´; 2. запал — `повреждение зерна от засухи или суховея ´; запальник, запань — `перемычка на реке из связанных бревен ´, запеленговать и др.).

Несмотря на то, что БАС отказался от алфавитно-гнездового характера расположения производных, он не отказался от самой идеи показа словообразовательных потенций и реализованных возможностей русского языка. Поэтому в состав словника вошли такие словообразовательные дериваты, которые, появившись в языке благодаря регулярным моделям словообразования, узуализировались в общественном языковом сознании. (В этом одно из принципиальных отличий БАС от Словаря Ожегова, допускающего в состав гнезда все производные независимо от степени их узуализации в языке). Среди них многочисленные существительные с суффиксами соразмерностей, передающими широчайшую гамму человеческих эмоций от ласки и легкой иронии до пренебрежения и уничижения: телеграммка, телефонисточка, теремочек, тётечка, тихонечко, пригорочек, поваришка, пригоженький, пригорочек и др.; относительные прилагательные как обиходно-бытового, так и профессионального употребления: закаточный, приводный, телеграммный, телетайпный, привозной, приказчиков и пр., отвлеченные существительные на -ость, -ние, -ка: приглаживание, приглушение, приговаривание, поблеклость, поблескивание, привораичивание, победоносность, повествовательность и др., приставочные глаголы: загудронировать, задубенеть, побезобразничать, побелиться, побормотать, побродяжничать, побуйствовать, побунтовать, 1. 2. приволакиваться, 1. приворачивать, приворовывать и др., бесприставочные и приставочные наречия на -ому, -ему, -цки, -ски и т. п.: победоносно, прибыльно, приватно, привольно, привычно, привередливо, по-бараньи, по-барски, по-боксерски, по-башкирски, по-болгарски, по-большевистски, по-весеннему и др. Многие из них, несмотря на свою распространенность в повседневной речи, впервые получили свою кодификацию только в БАС, причем для некоторых БАС так и остался единственной лексикографической фиксацией.

Значительно пополнился словник БАС за счет аббревиатур, сложных слов и их производных, которые в период создания этого словаря стали набирать свою силу, явившись яркой приметой современности: трудноуловимый, трудноуязвимый, темнолицый, кинохроника, кинопроизводство, кинозвезда, теплосеть, теплостойкость, приборостроитель, ЭМТЭЭС, эмтээсовец, эмтээсовский и др. При этом словарь узаконил и многие старые сложносоставные слова исторического характера, не попавшие в предшествующие толковые словари: Аника-воин, адмиралтейств-совет, адмиралтейств-коллегия и др.

Помимо приведенной лексики, в состав словника БАС влился поток «лексикализованных форм», которые обрели статус слова за счет перераспределения исторических границ между формой и лексемой. К ним относятся субстантивированные существительные: авторские, аистообразные, чебуречная и др., адъективированные причастия: заплаканный, заигрывающий, приказывающий, угождающий, увлажняющий, увещевающий, убеждающий и др. Широкое вовлечение в корпус словаря производных слов — одна из отличительных черт БАС.

Большой Академический словарь кодифицировал и большинство из тех многочисленных терминов, которые вошли в широкое употребление в связи с достижениями научно-технической революции, науки и культуры в 50–60-х гг. XX в. Многие из этих терминов были зарегистрированы в БАС впервые: синхронизатор, синхрофазотронный, абразивы, абсолютизировать, абсорбер, абсорбция, автоматика, автомобилизация, аггрегат, аденоидный, адреналин, адъективация, азотизация, аксессуар и др. Однако картина мира, нашедшая воплощение в словнике, была бы неполной, если бы в нем не было того противовеса, который исконно уравновешивает книжную лексику, делая наш язык полифункциональным. В качестве такого противовеса всегда выступает разговорная лексика, представленная в БАС с той же полнотой, что и терминология. Так, авралить, агукать, агунечки, адресатка, адресочек, айкнуть, акварелька, аккомпаниаторша, актёришка и др., обслуживающие обиходно-бытовую сферу общения, получили свою первую фиксацию тоже в БАС.

Не менее значим в культурно-историческом аспекте и тот факт, что наименования всех народов СССР, а также других народов мира, известных в период создания словаря, получили свое представительство в БАС, причем многие из них впервые (см. австралийцы, абхазы, алтайцы, аджарцы и пр.).

Энциклопедия истории и культуры народов мира

Несмотря на то что БАС относится к словарям филологического типа (о чем со всей очевидностью свидетельствует его отказ от пространных описаний реалий, характерных для Даля и Шахматова, целенаправленное преобразование сугубо научных определений терминологии в общедоступные, понятные всем и каждому дефиниции и др. параметры словаря), он дает немало сведений энциклопедического характера. Они

рассредоточены по разным зонам словарной статьи и объективируются в ней то эксплицитно (в виде развернутых толкований, авторского комментария, справочного отдела и т. п.), то имплицитно (в подборе соответствующих иллюстраций).

БАС насыщен исторической информацией. Эта информация дается в зоне толкований в виде указания на хронологические рамки бытования реалии перед толкованием (В старину, В средние века, В середине XVIII — XIX вв. и др.) или в виде исторического комментария после него. Например, 3. Крепость... 1. В дореволюционной России — документ, подтверждающий право на владение какой-либо собственностью. Карусель... 2. В XVIII — XIX вв. — конные состязания, заменившие средневековый рыцарский турнир. Каре... (применялось до второй половины XVIII в.). Капитал... ◊ Ростовщический и купеческий капитáл (исторически самые ранние формы капитала). Средоточием исторической информации оказывается и справочный отдел, замыкающий обычно словарную статью. БАС, единственный из всех современных толковых словарей, дает читателю хотя бы приблизительные представления об исторических истоках слова, времени его появления в языке, его исходном первичном значении (а в первых томах — и употреблении). Он содержит в себе краткую лексикографическую историю кодификации того или иного слова, его отдельных форм, характера произношения и написания на протяжении всего периода существования русского литературного языка. В основе справочного отдела лежат около сорока справочников разных типов: толковых и энциклопедических, словарей иноязычных заимствований и энциклопедических словарей. Речь идет не только об обычной этимологии, сопровождающей заимствования нового времени во многих толковых словарях (например, Словаре Ушакова и МАС). Основной фонд русского языка составляет, как известно, исконная лексика, входившая в состав церковнославянского, а позднее — древнерусского языка. Установить генетическую принадлежность слова языку древнейшего периода, датировать, хотя бы грубо, время появления лексики более поздних периодов - задача справочного отдела БАС. Хотя «фактическая жизнь слова в многочисленных ее проявлениях находит отражение в лексикографических «календарях» через долгие сроки молчания... тем не менее, ни один историк русской лексики не может отрицать ценных наводящих сведений и указаний, содержащихся в историко-лексикографических справках рассматриваемого Словаря».[108]

Лассó... Аркан со скользящей петлей у американских охотников и пастухов. — С иным удар.: лáссо. — Толль, Слов. 1949: лассó. — Исп. lazo — петля. Гéтто... — Толль, Слов. 1863: гетто; Ожегов, Слов. 1949: гéтто. — Итал. ghetto. — По названию литейного завода, вблизи которого находился еврейский квартал в Венеции, учрежденный в 1561 г. Картель... 1. Соглашение, договор. — Нордстет, Слов. 1780: картéль (договор о размене пленных). Бобыль... Безземельный крестьянин; одинокий, бездомный человек (устар.). — Др. руск.: **бобыль** — селянин

[108] *Виноградов В. В.* Тезисы докладов... С 3.

без пахотной земли; ср. -русск. (XVI в.): бобылнха, бобылка; Нордстет, Слов. 1780: бобы́ль, бобы́льский; Слов.: Акад. 1847: бобылéк, бобыли́ха, бобы́лий.

Таким образом, историческая информация содержит сведения не только о бытовании той или иной реалии, но и дает сведения по истории слова.

Помимо исторической информации словарь включает:

— информацию функционального характера, содержащую указания на сферу преимущественного употребления слова или границы распространения реалии. Такие элементы толкования, как В Сибири, В Западной Европе, В древней Руси, В древнем Риме и т. п.; В горном деле, В медицине, В математике или В речи моряков, В речи охотников, В речи рыбаков, В сказках, В восточной поэзии, В греческой мифологии и т. п. вполне традиционны для БАС. Карцер... в тюрьмах, в учебных заведениях до революции. Карусель... для катания на ярмарках, народных гуляниях и т. п. Кока... В речи детей — яйцо.

— культурологическую информацию, указывающую на литературный источник, к которому восходит переносное значение слова или его символическая нагрузка, мотивировку возникновения того или иного значения слова, устойчивого словосочетания или фразеологизма. Например: Клубничка... 2. Перен. О чем-либо нескромном, скабрезном, связанном с эротическими похождениями (такое употребление слова вошло в оборот после «Мертвых душ» Гоголя). Китайская стена... (от названия древней стены, отделявшей Китай от Монголии). Козел отпущения... (от библейского выражения — первоначально козел у древних евреев, на которого особым образом возлагались грехи всего народа).

— информацию научного значения, содержащую оценку того или иного явления с мировоззренческих позиций, с точки зрения результатов познавательной деятельности. Она находит свое отражение в традиционных формулах: В религиозных представлениях, По суеверным представлениям, якобы и т. п. или свободном авторском комментарии. Например: Квадратура... Квадратура круга. а) Площадь круга, превращенная в равновеликий квадрат (задача является неразрешимой). Эльзевир... 1. Книга (высоко ценимая библиофилами), напечатанная в знаменитых голландских типографиях XVI–XVIII вв., принадлежавших семье типографов-издателей Эльзевир. Смертный грех. а) В религиозных представлениях — грех, который нельзя искупить, который влечет за собой вечные муки в загробной жизни.

— информацию идеологического характера, отражающую восприятие слова или явления с точки зрения его политической оценки. Например: Проституция... В эксплуататорском обществе — продажа женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию. Гетто... В настоящее время гетто как гнусная форма расовой дискриминации существует в некоторых капиталистических странах против негров и др. Банк... 1. Финанс. а) Банки в СССР — государственные социалистические организации, собирающие и распределяющие денежные средства

советского государства на основе единого народно-хозяйственного плана. б) Банки буржуазных государств — особый вид капиталистических предприятий, концентрирующих ссудный капитал и предоставляющих его в распоряжение капиталистов для получения прибыли и сверхприбыли.

Помимо указанных источников энциклопедической информации, не менее значимы и иллюстрации, включающие множество познавательных сведений из истории, психологии, культуры и иных сфер общественной жизни. Например: Кокаин... В 1884 году Коллер ввел во всеобщее употребление одно из самых драгоценных врачебных средств - кокаин, который вызывает прямо идеальное местное обезболивание. Вересаев. Зап. врача. Генералиссимус... С именем Генералиссимуса Сталина войдут в историю нашей страны и во всемирную историю славные победы нашей армии. Молотов. Доклад о 28 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Жизнь... Вспомните эпидемию гриппа, охватившую в девятнадцатом — двадцатом годах весь мир и погубившую более двадцати миллионов человеческих жизней. Кавер. Откр. книга. Загробный... Египтяне верили в загробную жизнь. Добрые люди, по их понятиям, жили вместе с богами и часто посещали свою гробницу. Писар. Ап. Тианский.

Опираясь на исторический опыт многих поколений, на коллективное сознание нации, любой словарь отражает достижения своей национальной культуры. Однако границы и глубина этого отражения зависят от типа словаря. Обращение БАС к языковому прошлому сделало его поистине энциклопедией русской жизни, материальной и духовной культуры русского народа на протяжении всей его многовековой истории: от истоков до второй половины XX в. включительно и поставило его в один ряд со словарями Даля и Шахматова. В нем представлены все исторические этапы развития русской лексики с древнейшей поры. Городской и крестьянский быт, его устои, церковные и народные праздники, обряды с их атрибутикой, веяния моды, блюда русской кухни и др. черты национального уклада, вытесненные после Октябрьской революции приметами нового времени, сохранялись в словаре как культурно-исторический памятник. 1. Кок... Вид старой мужской прически - взбитая или завитая торчащая кверху прядь волос над лбом. — Слов. Акад. 1911: кок. — Франц. coq — букв. петух. Няня... Обл. Род пирога с мясной начинкой. Щи, моя душа, сегодня очень хороши, — сказал Собакевич, хлебнувший щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам. Гог. Мертв. души. Забавник... 2. Устар. Развлекатель, шут. Заботливая природа не потрудилась наделить его хоть малой толикой тех способностей и дарований, без которых ремесло забавника почти невозможно. Он, например, не умел ни плясать до упаду в медвежьей шубе навыворот, ни балагурить и любезничать в непосредственном соседстве расходившихся арапников. Тург. Чертопх., и Недопюскин. Кафтан... Старинная длиннополая верхняя мужская одежда. ◊ Французский, немецкий и т. п. кафтан. Разновидности верхней одежды XVIII в. Киоск... 2.

Устар. Беседка, павильон в турецком или китайском стиле. Принципиальное отличие БАС от других толковых словарей русского языка в том, что, располагая богатым арсеналом дифференцированных лексикографических средств введения энциклопедической информации, он гораздо полнее и шире охватывает то языковое прошлое, которое обеспечивает непрерывность культурных традиций. Поэтому вполне естественно, что многие значения и устойчивые сочетания, представленные в БАС, остаются вне поля зрения других толковых словарей (ср. карусель, кафтан, забавник, киоск и др. в БАС и МАС). Кроме того, БАС — единственный из всех толковых словарей русского языка — позволяет своему пользователю увидеть историю языка, а соответственно, и историю русской культуры, в хронологически расчлененном виде, причем не только благодаря справочному отделу с его первой фиксацией и лексикографической историей, но и благодаря принципам интерпретации словоупотреблений, характеру иллюстрирования. Недаром каждое значение, а нередко и словоупотребление имеет не менее трех цитат, относящихся к разным этапам развития языка.

В нем, как в зеркале, отразился русский менталитет с законами чести, гостеприимства и хлебосольства, истинным патриотизмом, национальной гордостью, крайностями в любви и ненависти. Закон... Никто свыше законов считать себя не может, и противоборство законам, кем бы ни сделанное, есть всегда преступление, долженствующее сильное наказание навлекать. Пестель. Русск. правда. ◊ Зако́н чести. У него... был предлог и самый уважительный, по законам чести — это долг принести в жертву все женщине, которая пожертвовала всем для него — и он подчинился этому закону. Гонч. Литер. вечер. ◊ Зако́ны гостеприимства, учтивости, приличия и т. п. Гостеприимство у нас в таком ходу, что и скряга не в силах преступить его законов. Есть известные законы приличия, которые нельзя преступать безнаказанно. Л. Толст. Анна Карен. ◊ Слово — зако́н. [Вожеватов:] Что я обещал, то исполню; для меня слово — закон, что сказано, то свято. А. Остр. Бесприданница. (ср. МАС). Заграни́ца... Нам заграница не указ. Будет-с, довольно накланялись. Купр. Корь. ◊ Преклоняться, пресмыкаться перед заграни́цей. Где могло быть нечто подобное, кроме России, где не только чиновники, но и министры пресмыкались перед заграницей. А. Крыл. Мои воспом. ◊ По заграни́цам. [Барин] постоянно по заграницам шатался, от природы полученные способности по части биения баклуш изощрял. Левит. Типы и сц. сельск. ярмарки. (ср. МАС). Патриотизм... Патриотизм — это не значит только одна любовь к своей Родине. Это гораздо больше... Это — сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и несчастливых дней. А. Н. Толст. Кн. для детей. Хлебосольный... — Что ты, добрый человек, от обеда уходишь!... Разве мы не русские хлебосольные люди? Москва — город хлебосольный, рада принимать встречных и поперечных. Тург. Дворян. гнездо. Ненавидеть... Ненавидеть врага надо так, чтобы ненависть душу прожгла, как кислота прожигает железо. Саян.

Небо и земля. Фонд таких цитат, хранящихся в БАС, не только свидетельствует об устойчивости национального склада, цикличности исторических событий и повторяемости социально-психологических ситуаций, но и обеспечивает ему запас современности. Недаром В. И. Чернышев писал о нем как о словаре-справочнике, предназначенном для «всех тех, кто пользуется языком как средством культурного общения, средством усвоения, выражения и распространения науки, литературы, русской цивилизации вообще».[109]

Вместе с тем в словаре широко представлен национальный быт других народов, по существу вся мировая культура в том ее объеме, в котором она питала русский менталитет, органично пополняя представления русского человека о мире, в котором он жил. Речь идет не только о собрании этнографизмов, служащих наиболее яркими приметами национального уклада (см. акрополь, амфора, гинея, лассо, гарем, евнух, чалма, эмират, гейша, чебуреки, чанахи и пр.). В корпус словаря вливались имена греческих, римских, западноевропейских и восточных богов и героев, мифологических существ, литературных персонажей и исторических лиц, испытавших на себе смысловые метаморфозы и получивших благодаря мифам, легендам, бродячим сюжетам свои символические нагрузки (Амур, Аполлон, Герострат, Наполеон, Дон-Кихот, Дон-Жуан, Крез, гидра, эльф, гурия, гризетка, великан, ведьма и др. соседствуют в БАС со славянскими и собственно русскими наименованиями национальных реалий: Обломов, Манилов, Плюшкин, Молчалин, баба-яга, леший, Дед Мороз и пр.). Многие из них узаконили свое положение в составе русского литературного языка только благодаря БАС. Название древнейших народов, оставивших свой след в истории человеческой цивилизации (ассирийцы, скифы, печенеги, гунны, варвары и др.), заняли свое место наряду с современными этническими наименованиями. Названия различных направлений общественной мысли, вероучений и общественных движений (гуситы, кальвинизм, кантианство, вольтерианство, толстовство, народничество и др.) как национального, так и интернационального характера нашли достойное место в Словаре.

Особый пласт мировой культуры представляет в словаре культовая (и прежде всего — христианская) лексика. В эпоху массового атеизма, отчуждения произведений религиозной литературы во всем многообразии ее жанров, недоступности Библии для широкого круга читателей БАС знакомил с библейскими персонажами и событиями, с атрибутикой христианских обрядов и их символикой, с религиозно-этическими нормами, поддерживающими в словаре идеалы высокой нравственности. Крест... 1. Предмет христианского культа, представляющий собой стержень с поперечной перекладиной в верхней половине (по евангельской легенде, на бревне с перекладиной, служившим орудием казни, был распят Иисус Христос). 4. Перен. О тяжелой доле, судьбе, испытаниях, страданиях (от евангельской легенды о Христе, несшем крест, на котором его должны были распять). Христопродавец... Устар. Предатель,

[109] *Чернышев В. И.* Принципы построения академического Словарь... С. 342.

изменник; иуда. — Даль, Слов.: христопродавец. — От евангельской легенды об Иуде, продавшем Христа за 30 сребреников. Пасха... Весенний праздник у христиан, установленный в память о воскрешении мифического основателя христианства — Христа. Причастие... 2. Хлеб и вино, приготовляемые особым порядком священнослужителем при обряде причащения в христианской церкви. Проще́ный... Такой, в который, по православному обычаю, просят друг у друга прощения за нанесенные обиды. Проще́ ный день, проще́ ное воскресенье. А в последний день масленицы, в прощеное воскресенье, собирались мунгаловцы на обширной луговине, у Драгоценки, посмотреть на лихую осаду снежного городка. Седых, Даурия. Грех... 3. Устар. Нарушение религиозного предписания; проступок против правил религии и нравственности. — Что ты держишь его [Кирилла] в помыслах, когда уже венчалась с другим, — это великий грех. Федин, Перв. радости. — Это я, значит, духовную особу облаял... Вот грех-то! Вот грех! А ведь я говею, братцы! Как я теперь исповедаться буду... Чех. В бане. [Овсянников] почитал за грех продавать хлеб — божий дар. Тург. Однодв. Овсян. Несмотря на упреки в адрес шахматовского словаря по поводу чрезмерного внимания к церковной лексике (в ущерб общественно-политической).[110]

БАС не только не пренебрег этой традицией, но по сути уравнял в правах эти две категории слов как два исторически сложившихся пласта.

Исторический памятник эпохи

Безусловно, БАС не стал словарем историческим в том его понимании, которое вкладывалось в него изначально. Однако БАС глубоко историчен, ибо он отразил коллективное сознание определенной (советской) эпохи, ментальный мир советского народа. Эпоха послевоенного периода вошла в историю как эпоха научных открытий, достижений науки и техники, расцвета социалистической культуры. Она нашла свое отражение в собрании слов, которые, появившись в это время, стали его своеобразным знамением. Так, например, БАС ввел в свой состав около 200 слов только с префиксоидом электро- (такой терминологический взрыв в этом словообразовательном гнезде был вызван интенсивным развитием электротехники и электроники, ее активным проникновением в новый социалистический быт). Электроаппаратура, электроарматура, электробритва, электробытовой, электровибратор, электродвижок, электродоение и электродоильный, электродрель, электролампочка, электроосветительный, электропаяльник, электропечь, электрополотенце, электрополотер и др. впервые стали достоянием толковой лексикографии (ср. Словарь Ушакова, в котором около 50 таких слов или МАС, где их около 90). Словообразовательное гнездо с теле- (телевещание, телевидение, телевизор, телевизорный), рассыпанное прежде по таким словарям, как Словарь Ушакова, Словарь иностранных

[110] Проект... С. 7.

слов 1937, Техническая энциклопедия и др., не только воссоединилось в БАС, но и заметно пополнилось благодаря распространению телевещания. Недаром телезритель, телезрительница, телелюбитель, телепередача и др. не имеют еще справочного отдела как первые фиксации. Наряду с упрочением позиций таких понятий социалистического быта и новой культуры, как клуб, дом отдыха, дворец культуры, здравница, массовик, героика и пр., в обиход вошли многонациональность, эпохальность и др. приметы обновления образа жизни и мировоззрения советского человека.

Время наложило свой отпечаток не только на формирование словника, но и на содержание словарных статей в целом. Оно предопределило в значительной степени детализацию смысловой структуры слов, обозначавших наиболее значимые понятия, многие из которых ушли сегодня на периферию словарного состава, став своеобразным фотоснимком советской эпохи. См. Советский... 1. Относящийся к советам (в 6 знач.); управляемый, основанный на управлении советами как органами власти. Советский строй. Советская власть. Советское государство. Союз Советских Социалистических республик... ▭ Фабрики были опорными пунктами советского могущества в городе. Фурм. Незабываемые дни. ◊ Советская земля, страна и т. п. ◊ Советские годы, советская эпоха и т. п. 2. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов. Советская конституция. Советское правительство. Советские фабрики и заводы. Советская наука. Советская литература. Советская Армия. Советское общество... ▭ Как один человек, весь советский народ За свободную Родину встанет. Леб. - Кумач, Если завтра война. ◊ Советское хозяйство. // Производимый, изготовляемый, добываемый и т. п. в Стране Советов. Советские ракеты. Советская сталь. ▭ Он утверждал, что советские игрушки лучшие в мире. Паустов. Ценный груз. // Свойственный Стране Советов. Советская демократия. Советский метод индустриализации. // Свойственный, присущий людям Страны Советов. Советская идеология. Советский патриотизм. ▭ Женщина в колхозе превратилась в великую силу, активно строящую новую, колхозную жизнь, новый социалистический быт. Киров, Ст. и речи 1934. Уже родились новые, советские чувства, и первым из них — чувство Хозяина. Горбат. Донбасс. Социалистический... ◊ Социалистическое соревнование. Метод труда в социалистическом обществе, ведущий к повышению производительности труда на основе распространения опыта передовиков, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. ◊ Социалистический договор. Договор о социалистическом соревновании между отдельными работниками или коллективами. ◊ Социалистический реализм. Основной метод советской художественной литературы и искусства, ставящий задачей правдивое, исторически конкретное изображение действительности в ее революционном развитии и имеющий целью коммунистическое воспитание трудящихся. Великий... 2. Превосходящий, превышающий обычную меру в каком-либо отношении (по величине, силе, качеству). Мы дети великой, мы дети могучей Советской земли... Сурк. Пионерская

Сталинская. ◊ О народе, языке. Советский Союз был создан на непоколебимом фундаменте доверия ранее угнетенных царизмом народов к великому русскому народу... Кр. биография И. В. Сталина. Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. Тург. Русск. язык. Повелитель многих языков язык Российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Ломон. Росс. Грамм. ◊ Имеющий большое, выдающееся историческое и политическое значение. Великая Отечественная война Советского Союза. ◊ Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая пролетарская революция. Враг... 2. Противник существующего общественного строя. ◊ Враги народа — активные противники социалистического строя и народа, создавшего этот строй, наносящие вред общественному делу. ▭ В знач. собир. Классовый враг.

С другой стороны, именно время ограничило в значительной степени приток в словарь периферийной для языкового сознания того периода лексики. Наряду с просторечными словами в состав слов этой категории попала и лексика церковного обихода, входившая в сферу идеологического влияния. Большинство церковных слов лишены в словаре даже намека на употребление в своем прямом, исходном значении, которое иллюстрируется, как правило, набором идиом и фразеологических сочетаний. Любопытен в этом плане и комментарий, сопровождающий такие слова. Ангел... 1. По учению христианской религии — особое сверхъестественное существо (изображавшееся в виде юноши с крыльями). Употр. в мифологии, поэзии, изобразительных искусствах.

Бог, а, м. 1. В древнейших религиях (политеистических) одно из высших стоящих над миром неземных существ; в монотеизме и идеалистической философии — некая высшая сила, верховное существо, стоящее над миром (по одним учениям — являющееся только творцом вселенной, по другим — также управляющее миром и оказывающее помощь при упрашивании, молитве и т. п.). ◊ В разговорной и литературной речи употребляется в ряде пережиточных выражений разнообразного значения, смыслового и синтаксического. В устойчивых выражениях религиозное значение слова б о г часто не осознается или совсем утрачено (лучше слава богу, нежели дай бог (посл.) — лучше успех, чем надежды; карманный бог помилует (посл.) — взяткой освобожусь от суда, наказания и т. п.). Слава б о́ г у — хорошо. ◊ Б о г весть, б о г знает — неизвестно. ◊ Б о г знает что; б о г знает сколько; б о г знает какой и т. п. — неопределенное или усилительное выражение о количестве и качестве чего-либо. ◊ Дай б о г — употребляется при пожелании чего-либо. ◊ Избави б о г, упаси б о г, не дай б о г — о нежелательности чего-либо и т. д.

Такая интерпретация культовой лексики — отнюдь не результат цензурной правки, но объективное отражение состояния языка того времени, так как только к 80-м гг. XX в. наметилась тенденция к

широкому употреблению этих слов в повседневной речи (на страницах прессы, в языке радио и телевидения, речи детей, учителей, государственных деятелей и т. п.), что вызвало активизацию именно прямых, исходных значений слов и их употреблений. «Оживление» прямого значения слова сказалось и на фразеологии, отозвавшейся возрождением внутренней формы идиом, т. е. того образа, который изначально служил ее смысловым ядром. Недаром, даже в составе фразеологизованных сочетаний такие слова, как Бог, Святой Дух, Троица и др. стали писаться не со строчной, как в словаре, а с прописной буквы (наряду с названиями церковных праздников, культовых книг и т. п.).

Антагонизм двух экономических и социальных систем (капитализма и социализма), разделенных «железным занавесом», их идеологическая борьба не могли не оставить своего следа в этом издании. Идеологизация словаря нашла свое отражение в насыщении БАС цитатами из классиков марксизма, которые нередко сопровождали не только политическую терминологию (типа класс, забастовщик, загибщик и др.), но и многие слова обиходно-бытового характера (см. жизнь, заботиться, любить и пр.); в подборе цитат, направленных на восхваление советского образа жизни и осуждение явлений капиталистического уклада как зарубежных стран, так и дореволюционной России (ср. заводчик, западничество и завтра, завтрашний), в категоричности и неадекватности оценок некоторых исторических событий, общественных движений и группировок, неординарных явлений науки и искусства и др. (см. монархизм, модернизм, народовольчество); в неоправданном расчленении смысловой структуры некоторых слов на две семантические оппозиции, свидетельствуюшие о том накале противостояния, который был характерен для двух противоположных форм организации общественной жизни в течение всего постреволюционного времени (см. банк, богатый); в принципиально иной ментальной иерархизации значений, оттенков и их употреблений, обусловленной иной шкалой нравственных ценностей, характерной для той эпохи, когда общечеловеческие понятия облекались в идеологическую форму. Так, в соответствии с существовавшими представлениями об образе советского человека, его коллективизм находился в антагонизме с западным индивидуализмом, общественные интересы ставились им всегда выше личных, любовь к Родине, партии, правительству, народу стояла на первом месте, а к женщине/мужчине, семье, родственникам — на втором. Вот лишь несколько извлечений из БАС, отражающих тот ментальный мир, который сложился после революции. Модернизм... Упадническое течение в искусстве и литературе эпохи империализма, характеризующееся антинародностью, искажением действительности. Богатый... 1. а) В условиях социалистического общества — личным или коллективным трудом достигший полной обеспеченности, зажиточности; зажиточный. Богатый колхоз. Богатая артель. б) В эксплуататорском обществе — обладающий большим, полученным путем эксплуатации

или по наследству имуществом, гл. образом, средствами производства и большим денежным капиталом (с цитатами Сталина и Крылова, а также из Истории ВКП (б)). Коллективизм... Мы противопоставляем капиталистическому обществу коллективизм — коммунизм, убежденные в его огромном превосходстве. Калинин, О комм. воспитании. Любить... 1. Чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-либо, основанные на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т. п. В ней [России] каждый отчизну с младенчества любит И душу изменой свою не погубит. Рылеев. Ив. Сусанин. И лишь только одна действительно народная, действительно любимая народом власть — власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ленин. Т. 29, с. 219. Рабоче-крестьянская страна любит свою Красную Армию. Она гордится ею. Н. Остр. Как закал. сталь. // Чувствовать склонность, привязанность к кому-л., вытекающие из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т. п. Товарищ... 4. Человек, идейно связанный с др. людьми, участвующий вместе с ними в общем деле, борьбе и т. п.; соратник, единомышленник. Слово «товарищ» выражает и единомыслие, и равенство, и братство, и уважение, и сотрудничество. Хрущев, Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС. // В языке революционеров — член своей политической партии, соратник по политической и революционной деятельности. 5. О человеке нового социалистического общества; о советском человеке. Наше слово гордое «товарищ» Нам дороже всех красивых слов. Леб. -Кумач, Песня о Родине. Надо обвязать и жизнь мужчин и женщин Словом нас объединяющим: «Товарищи». Маяк. Любовь. // О члене советского коллектива, учреждения, предприятия и т. п. — Вот вы, наверное, помните, приезжал позавчера товарищ из райкома. С. Антон. Весна. // О стороннике советской власти, о советском человеке (обычно в речи врагов). «Товарищи, говорит, остались за линией фронта, а я тебе не товарищ« Шолох. Судьба человека. ◊ В обращении к человеку, людям такой среды. а) При фамилии, звании и т. п. Товарищи рабочие, солдаты и все трудящиеся! Берите всю власть в руки своих Советов. Ленин. Т. 26, с. 266. б) Без упоминания фамилии или звания. — Позволь, товарищ, Что ты валенки мне хвалишь? Твард. Вас. Теркин.

БАС вобрал в себя этот мир, объективно представив его как исторический срез русской духовности. Вот почему не только историки, но и психологи, искусствоведы, писатели и другие профессионалы и любители будут еще неоднократно обращаться к БАС как источнику достаточно полной и достоверной информации о советской эпохе.

Несмотря на некоторые проявления идеологизации, словарь не стал «агитатором и пропагандистом», сумев сохранить приоритеты общечеловеческих гуманитарных ценностей. Не случайно семантико-стилистическая разработка большинства слов, претерпевших самые кардинальные изменения в сфере эмоционально-экспрессивных и функционально-стилистических оценок, не противоречит современным представлениям об их употреблении, ибо она отражает как их вневременную сущность, так и тот плюрализм мнений, который складывался о

них в ходе истории. Собственник... Владелец какой-либо собственности. Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в рабочей блузе и деревянных башмаках как плантатор на негра. Бел. Парижск. тайны. Роман Эжена Сю. ◊ Собственник чего-л. или какой-л... крестьянин, поскольку он является мелким земельным собственником, производителем хлеба, вынужденный при настоящих экономических условиях выносить продукты своего хозяйства на рынок, заинтересован, очевидно, в более высоких ценах на хлеб. Ленин. Т. 2, с. 3 (3-е изд.). См. также частнособственнический, частнопредпринимательский, фермер, фермерство, политзаключенный, массовый, энтузиазм и др. слова, актуальные сегодня, которые вовлекались в сферу идеологического влияния и того времени, но не испытали на себе его идеологического давления.

Портрет эпохи складывается в словаре и из характерных для нее норм словоупотребления, т. е. сложившихся традиций написания и произношения, узуса грамматических и лексических сочетаний слов, устоявшейся стилистической принадлежности разным сферам языкового общения и жанрам языкового творчества, которые стали объектом лексикографического описания в БАС как словаре нормативно-стилистического типа. Несмотря на то, что словарь опирался на образцовое употребление слова, начиная с эпохи Пушкина до II половины XX столетия, он давал нормативно-стилистические квалификации слов исключительно с точки зрения языкового сознания своего времени. Оценочная сущность нормативного принципа выступает наиболее отчетливо в характеристике вариантов. Отличительная особенность БАС заключается в том, что его нормативная оценка носит, как правило, объективный, во-первых, и рекомендательный (а не запретительный) характер, во-вторых. Варианты слова помещались либо в заголовке словарной статьи, либо в справочном отделе с соответствующими комментариями функционально-стилистического или исторического характера. Уполнóмочивать... — В ином (простореч.) напис. и произнош.: уполномáчивать (прим. см. выше). — Нордстет, Слов. 1782: уполномóчивать, уполномóчить. Частúк, á, мн. частикú, óв, м. — В иной (разг.) форме: род. ед. частикý (прим. см. выше); с иным удар.: чáстик. — Срезневский: частикъ, Слов. Акад. 1847: частúк. Ферзь, я, м. — В иной (устар.) форме: ферзь, и, ж. - Слов. Акад. 1794: ферзь. Упоминáть, áю, áешь, несов.; упомянýть, нý, мя́нешь, прич. страд. прош. упомя́нутый, ая, ое, сов.; перех. и неперех. — С иным (устар.) удар.: упомянёшь. — Вейсманнов Лекс. 1731, с. 465: упоминали меня, с. 414: кратко о чем упомянути; Лекс. 1762: *упоминать*; Росс. Целлариус 1771, с. 307: *упоминáть, упомянýть. Честнóй, áя, óе; чéстен, честна*, чéстно. — В иной (церк. -сл.) форме: честны́й (прим. см. выше). — Поликарпов, Лекс. 1704: честны́й; Лекс. 1762: честной отец; Даль, Слов.: честны́е гости; Даль, Слов. (3-е изд.): честнóй. Богатый, ая, ое; гáт, а, о; богáче и (устар.) багатéе...

Равноценные в акцентологическом, грамматическом и стилистическом отношении варианты помещались, как правило, в заголовке, менее

употребительные выносились в справочный отдел. Эксплуата́ция... — С иным напис. и произнош.: эксплоата́ция (прим. см. выше). Даль, Слов.: эксплуата́ция; Ушак. Толк. слов. 1940: эксплоата́ция, эксплуата́ция; Ожегов, Слов. 1949: эксплуа́тация. Зали́ть, лью́, льёшь, прош. за́лил, залила́, за́лило, повел. зале́й, прич. за́литый, зали́тый, ая, ое и залито́й, а́я, о́е, за́лит и зали́т, лита́, за́лито и зали́то, сов.; перех. Подвижность норм литературного словоупотребления сказалась и на отсутствии единообразия разных томов БАС. Знаменателен в этом плане тот факт, например, что еще в первых томах БАС составители словаря пользовались формой эксплоатация (см. богатый), а в последних отдали предпочтение наиболее употребительному в 60-е гг. варианту эксплуатация (см. разработку этого слова в словаре). Естественно, что многие варианты устарели уже к моменту завершения работы над словарем,[111] пополнив фонд живых исторических свидетельств того времени (см. фольга, частик и др.).

Традиции и новаторство БАС в сфере семантической характеристики слова

I. В основу семантической интерпретации лексики была положена, как уже отмечалось, принципиально новая концепция лексического значения слова, строящаяся на его многокомпонентности. Согласно этой концепции лексическое значение слова включает в себя не только предметно-вещественное содержание (соотносительность с денотатом), но и основные понятийные признаки родового и дифференциального характера (соотносительность с сигнификатом). Неотъемлемыми компонентами лексического значения слова оказываются также его соотнесенность с определенными грамматическими категориями и формами, с отстоявшимися в литературном языке контекстами его употребления, с синонимами (и шире — близкозначными словами вообще) или антонимами, наконец, с эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической окраской слова. Наряду со словом лексическое значение предстало в словаре как единица лексико-семантической системы языка, являющаяся носителем ее синтагматических и парадигматических связей. Такой подход к лексическому значению слова кардинально изменил и принципы описания лексических значений слова в словаре.

Отныне способ лексикографического описания того или иного лексико-семантического варианта определялся в зависимости от типа, к которому он принадлежал. Так, прямые свободные номинативные значения (равно как и значения, выражающие грамматические отношения) получали, как правило, описательные толкования (часто с

[111] *Горбачевич К. С.* Хронологические границы «Словаря современного русского литературного языка» и нормы современного литературного языка. - Тезисы докладов. . Л., 1966. С. 19.

включением синонимов или антонимов). 1. Журавль... Большая болотная птица с длинными ногами и шеей и крепким прямым клювом. 2. Журавль... Длинный шест у колодца, служащий рычагом при подъеме воды. Журить... Разг. Делать кому-либо легкий выговор, укорять за что-либо; бранить. При этом любое слово, являвшееся общепринятым названием определенного класса предметов или явлений и терминологическим обозначением его, принятым в системе научных понятий, объяснялось на основе его общелитературного понимания, согласованного с научным определением.[112]

И в этом БАС принципиально отличается от Словаря Шахматова, заимствовавшего толкования научно-классификационной лексики из авторитетнейших первоисточников с документированной ссылкой на них. БАС отказался от обеих крайностей академических словарей: от латинских наименований растений, животных, минералов и т. п., с одной стороны, и родо-видовых толкований типа «млекопитающее из отряда грызунов», с другой. Безусловно, тот описательный тип толкований, который вырабатывался в БАС, сложился не сразу. Не случайно некоторые дефиниции первых трех томов еще близки шахматовскому типу определения. Ср. Гетто... Часть города, отводившаяся во многих средневековых городах Европы для местожительства евреев, за пределами которой они не имели права селиться. Было восстановлено германскими фашистами в Германии, Польше и др. временно оккупированных странах, где евреи подвергались жесточайшим преследованиям вплоть до полного уничтожения. Последующие тома БАС не знают подобных определений.

Эмоционально-экспрессивная, стилистически окрашенная лексика, имеющая синонимы, а также дублетные словообразовательные производные, попадали в разряд слов с синонимическими и отсылочными толкованиями. Жулье... Собир. Разг. Жулики. Жульничать... Плутовать, мошенничать. Задирчивый... Простореч. То же, что задиристый. Фразеологически связанные значения обязательно получали указание на семантическое ограничение в употреблении, поэтому каждое такое значение сопровождалось смысловыми конкретизаторами. Жужжать... Производить однообразно-дребезжащий звук, похожий на «ж-ж». О насекомых. Жрать... Грубо-простореч. Есть, насыщаться с жадностью. О животных. Загребущий... Простореч. Стремящийся много захватывать; жадный. Загребущие руки, лапы.

Конструктивно обусловленные значения предполагали обязательное указание на тип синтаксической конструкции, в которой они реализуются в речи (употребление в качестве предикатива, вводного слова и т. п.). Знакомый... 3. Изведавший, испытавший что-либо, имеющий познания, навыки в чем-либо. Знакомый, знаком с чем-либо. Знобить... 1. Безл. Лихорадить. О болезненном ощущении холода. Зелье... 4. В знач. сказ. Простореч. О злом, вредном человеке.

[112] Инструкция... С. 28.

БАС впервые разработал научно-теоретические основы выделения лексического значения и дифференцировал их типы, увязав их с определенными лексикографическими приемами, индивидуальными для каждого типа. Эти же принципы толкований распространялись и на оттенки значений. В результате такой работы многие классы слов получили регулярные типовые определения. Именно в БАС была заложена основа для дальнейшей унификации значений различных тематических групп и лексико-семантических разрядов.

II. БАС отразил с исчерпывающей полнотой не только лексические значения слова, но и их филиации (оттенки). При этом именно БАС сформулировал современное представление об оттенке как языковой и лексикографической категории, дав ему научное обоснование. Само слово оттенок появилось, как известно, впервые в словаре Шахматова, причем не столько как термин, сколько как обиходно-бытовое понятие. Словарь Ушакова взял его на вооружение, впервые использовав в качестве дополнительного средства семантического членения слова при разветвленности семантики, закрепив за ним определенный лексикографический знак //. Поскольку принципы выделения оттенка не были определены в предисловии к Словарю Ушакова, равно как и критерии разграничения значения и оттенка, его вычленение носило скорее интуитивный характер. Несмотря на это, Словарю Ушакова удалось предопределить некоторые регулярные семантические сдвиги, закрепившиеся впоследствии в толковой лексикографии именно за оттенком. Инструкция БАС 1958 г. впервые сформулировала те категориальные семантические признаки оттенка, которые легли в основу разграничения таких лексикографических понятий, как значение и оттенок. Оттенок был объявлен «смысловой вариацией значения», для которой характерна семантическая зависимость от того лексико-семантического варианта, на базе которого он развился, «близость к опорному значению».[113]

Помимо семантических оснований выделения оттенка, отмечались и его семантико-синтаксические особенности употребления, в частности фразеологическая связанность.[114]

Хотя Инструкция 1958 г. и обошла молчанием такой критерий дифференциации значения и оттенка, как грамматический, например, лексикализацию отдельных форм или другие лексико-грамматические показатели (окачествление прилагательных, собирательность и т. п.), они явно входили в состав того инструментария, которым пользовались лексикографы для вычленения оттенков (в противном случае такие лексико-семантические сдвиги не попадали бы в разряд оттенков).[115]

Важнейшим показателем статуса оттенка оказывались и его динамические свойства, такие, как «более яркая метафоричность», подтвер-

---

[113] Инструкция... С. 21–22.
[114] Там же. С. 22.
[115] *Горбачевич К. С., Сороколетов Ф. П.* Значение и оттенок в лексикографической практике. // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 34. 1975. № 6. С. 540.

ждающая тот факт, что переносное значение еще не сложилось.[116] При этом БАС не ограничился знаком //, он прибегнул и к знаку [;], который служил показателем диффузности семантики, невозможности схематичного расчленения некоторых семантических филиаций на два самостоятельных лексико-семантических варианта. Этот знак характеризует, как правило, некоторые семантические приращения и метонимические смещения. Журнал... Повременная запись событий, происшествий и т. п.; книга или тетрадь для таких записей. Журналистика... Одна из форм литературной деятельности; профессия журналиста. Роза... 2. Цветок этого растения. // Название духов с запахом розы; запах духов розы.

Безусловно, расплывчатость сформулированных критериев разграничения значения и оттенка, неоднозначность в понимании этой лексикографической категории привели к необычайно широкому диапазону семантических единиц, попадающих в разряд оттенков значения и перегрузке знака //. Так, в составе оттенков за знаком // в БАС помещались:

— смысловые филиации, являющиеся результатом семантического варьирования исходного родового понятия в зависимости от разных сфер его применения, если такое варьирование не приводило к трансформации в другое понятие. Например, Звено... 2. Перен. Совместно работающая группа лиц, представляющая собой первичную форму какого-либо организованного объединения. // Отдельная часть производственной бригады в колхозах. // Строевое подразделение в авиации из 3–5 самолетов. // Часть пионерского отряда или дружины, объединяющая 8–10 пионеров. // Самое мелкое войсковое подразделение в некоторых армиях. Столкновение... 4. Военная стычка, бой. // О политических конфликтах, классовых боях.

— смысловые филиации, представляющие собой результат замены одного или нескольких дифференциальных признаков (обычно несущественных или малосущественных для самого понятия): сырья, формы, состава предмета, субъекта, объекта или инструмента действия и т. п.; такая замена не вызывала, однако, сменяемости исходного понятия. Котлета... Кушанье из рубленого мяса (рыбы) в виде лепешки. // Кушанье того же вида, приготовленное из овощей, каши. Команда... 1. Словесный краткий приказ командира по установленному образцу. // О чьем-л. распоряжении, особенно кратко, властно выраженном. Хлестать... Бить чем-л. гибким, стегать. // Наносить звонкие удары рукой, ладонью (по телу, лицу). Тяжелый... 10. Причиняющий физические страдания, муки; мучительный. // Причиняющий душевные страдания.

— расширение значения вследствие его распространительного употребления, не обнаруживающее смены одного понятия другим. Катакомбы... 1. В древнем Риме и др. городах Римской империи — обширные подземелья, служившие первым христианам убежищем от гонений,

[116] Инструкция... С 22.

местом богослужения и погребения. // Вообще подземелья, пещеры с узкими, длинными ходами. Червонец... Золотая монета достоинством в три рубля (в разговорном употреблении также и в 5–10 рублей), имевшая хождение в дореволюционной России. // Мн. Вообще о деньгах.

— сужение значения, обычно вызываемое лексико-синтаксической фразеологизацией его употребления, осуществляемое в пределах одного понятия. Растворять... 1. Раскрывать, распахивать (что-либо растворенное). // Раскрывая двери, ворота и т. п., делать свободным вход в дом, квартиру и т. п. // Устар. простореч. Раскрывать, размыкать (рот, уста). Шевелюра... Волосы на голове. // Разг. Длинные, густые, обычно пышные волосы. О мужской прическе. Звенеть... 1. Издавать звук высокого металлического оттенка. // Звонко петь. О птицах. Кухонный... Относящийся к кухне. // Употребляемый на кухне. // Предназначенный для кухни.

— метонимические смещения, основанные на смежности понятий, независимо от сохранения исходного понятия или преобразования его в иное понятие. Рябина... Дерево или высокий кустарник сем. розоцветных. // Собир. Плоды этого растения. Сабля... 1. Рубящее и колющее холодное оружие. // Только мн. О кавалеристах как единице счета бойцов. Размышление... Действие... // Результат этого действия; мысль, дума. Колено... Часть ноги... // Разг. Часть одежды...

— метафорические преобразования, в том числе и основанные на смене понятий. Зоркий... Хорошо видящий. // Перен. Проницательный, внимательный. Серебро... 1. Благородный металл серовато-белого цвета с блеском. // Перен. О чем-либо, цветом или блеском напоминающем этот металл. // Перен. О серебряном цвете, блеске чего-либо. Сок... 1. Жидкость, содержащаяся в клетках, тканях и полостях растительных и животных органов. // Перен. Об энергии, силе кого-либо, затраченных в труде, в какой-либо деятельности.

— синекдоха, служащая символическим обозначением чего-либо в результате переноса наименования с части на целое. Перо... 3. Орудие для письма как символ писательского труда, профессии писателя. // О писательском таланте, писательской манере. // Обычно мн. Разг. О писателе, авторе. Кошелек... Мешочек, сумочка для денег. // Перен. О деньгах, богатстве, имуществе.

— равноименные, независимые друг от друга лексико-семантические варианты. Звеньевая... Руководительница колхозного звена. // Вожатая пионерского звена. Ср. 2. Звеньевой... 1. Руководитель колхозного звена. 2. Вожатый пионерского звена.

— лексико-грамматические смещения (разные виды лексикализации форм, окачествление прилагательных и др.). Красный... Относящийся к революционной деятельности. // Красные, ых, мн., в знач. сущ. Разг. Сторонники советского социалистического строя, коммунисты, революционеры; советские революционные войска. Кошачий... 1. Относящийся к кошке. // Свойственный кошке, такой, как у кошки.

Оказалось, что оттенок воспроизводит те же по сути типы семантических преобразований, что и значения. Оттенок стал в БАС, во-

первых, семантической единицей, служащей промежуточным звеном между словоупотреблением и значением, что позволяло словарю, ориентированному на показ смыслового богатства языка, избежать чрезмерной дробности семантического членения, распадения на бесчисленное множество употреблений. Во-вторых, он взял на себя функции организатора смысловой структуры слова в словах с разветвленной семантикой, где высшей формой обобщения оказывалось значение. Вот почему однотипные семантические сдвиги то получали статус оттенка в одних смысловых структурах, то попадали в разряд значений в других смысловых структурах. Такой подход словаря диктовался его опорой на индивидуальность семантики каждого слова.

III. Организация смысловой структуры слова подчинялась, как правило, двум идеям: идее адекватного отражения языковой действительности и идее индивидуальности семантики каждого слова. Уникальность БАС состоит в том, что, собрав воедино все известные русской лексикографии способы и приемы смысловой разработки слова, он увязал их с семантической индивидуальностью каждого. Так, основным логическим принципом построения смысловой структуры слова в БАС был признан исторический, отражающий хронологическую последовательность появления производных значений. Поскольку связь между значениями многозначного слова устанавливалась на основе живых логических соотношений, этот принцип распространялся лишь на те слова, где историческая выводимость легко восстанавливалась по материалам современного языка, независимо от того, устарело его исходное значение или нет (см. Исход... 1. Устар. Движение откуда-либо; выход. 2. Освобождение, избавление от чего-либо неприятного, тягостного, трудного. Клуб... 1. Устар. То же, что клубок (в 1-м знач.). 2. Масса чего-либо движущегося, летучего (дыма, пара, пыли и т. п.), принявшая форму шара). Если же слово утратило отношения выводимости или не обнаруживало их изначально в силу «равноименности» значений, устарелое значение слова выносилось в конец словарной статьи, чтобы не нарушать современных логических отношений между живыми значениями слова. Жена... 1. Замужняя женщина (по отношению к своему мужу). 2. Устар. То же, что женщина. Помимо исторического и актуального порядка расположения значений в состав лексикографических приемов входил логический принцип, основанный на отношениях общего — частного, конкретного — абстрактного, причины — следствия и т. д.; функционально-стилистический, предполагающий распределение значений в зависимости от сферы их применения (общелитературное значение, как правило, предшествует разговорному и просторечному, специальное следует после общелитературного, а областные — после общих и специальных).[117] См., например, кошка, колодец и др. Однако и эти принципы были лишены жесткой детерминированности (ср. клуша).

Такая же свобода в выборе расположения семантических единиц распространялась и на оттенки значения, что позволяло развернуть

[117] Инструкция... С. 26–27.

смысловую структуру слова не только в вертикальной плоскости, но и в горизонтальной, давая объемное представление о его семантике. Ведущим смысловым критерием оказывалась не смена или сохранение целостности понятия в процессе семантических преобразований исходного лексического значения (как это будет в БАС-2 в соответствии с рекомендациями К. С. Горбачевича и Ф. П. Сороколетова),[118] а «близость к опорному значению». БАС впервые со всей очевидностью обнаружил то многообразие факторов, которое влекло за собой разнобой в интерпретации одинаковых по своему качеству регулярных значений. Он исходил из противоречивой сущности самих семантических явлений, таких, как метафора и метонимия. Безусловно, статус метонимического сдвига во многом определяется степенью видоизмененности понятия в процессе переноса наименования на основе смежности. Однако эта степень преобразования настолько неодинакова в разных лексико-семантических разрядах, что БАС для одной только метонимии вынужден был выработать целую систему знаков (номер при значении, // и [;] — при оттенках разного качества и, наконец, ◊). Сок... 1. Жидкость, содержащаяся в клетках, тканях и полостях растительных и животных организмов. // Напиток из такой жидкости; Серебро... 1. Благородный металл серовато-белого цвета с блеском. 2. Изделия из этого металла, серебряные вещи. Кресло... Род широкого стула с ручками, обычно с мягким сиденьем и спинкой. ◊ Министерское, председательское и т. п. кресло. О должности, занятии министра, председателя и т. п. К тому же семантическая и грамматическая связанность некоторых метонимических сдвигов (см. съел всю тарелку; ржи, ржей, мн., разг.; «поле или всходы такого злака» и др.) нередко перевешивала чашу весов именно в пользу оттенка. В свою очередь, природа метафоры с ее двуплановостью, наложением сочетаемостных свойств прямого и переносного лексико-семантического варианта, характеризующей функцией и эмоционально-экспрессивным содержанием, несформированностью дефиниций[119] в сочетании с динамизмом процесса угасания образности на пути перехода живой метафоры в генетическую[120] предопределяли ее место, как правило, в разряде оттенков значения. Однако результаты процесса метафоризации (смена понятий, причем вплоть до их поляризации: человек — животное, предмет — человек и т. д.) оставляли за метафорой право получить статус значения независимо от всех других ее свойств.

Существенное влияние на разграничение значения и оттенка оказывали и общие принципы словаря, в том числе его историческая ориентация, обусловливавшая помещение производных лексико-семантических вариантов непосредственно при источнике семантической деривации.

---

[118] *Горбачевич К. С., Сороколетов Ф. П.* Значение и оттенок... С. 540 — 541.

[119] *Скляревская Г. Н.* Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики (на материале русского языка). М., 1988. Ч. II. С. 28, 32, 34, 36.

[120] *Ковтун Л. С.* Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современность и словари. Л., 1978.

Тем самым демонстрировалось не только семантическое богатство отдельного значения в структуре слова, но и потенциальные возможности творческого использования близкозначных слов. Роза... 2. Цветок этого растения. // Только мн. Перен. Устар. поэт. О румянце. // Мн. Перен. О благополучии, счастье, радости в жизни. // Название духов с запахом розы; запах духов розы.

Помимо «близости к опорному значению», не менее важными логическими условиями разграничения значения и оттенка оказывались такие факторы, как наличие других номинативных значений и степень противопоставленности метонимических и метафорических сдвигов исходного значения другим значениям, входящим в ту же смысловую структуру; разветвленность семантики производных значений; характер смысловых отношений (выводимости или «равноименности») и др.

БАС открыл непосредственную зависимость между лексико-грамматической природой (частеречной принадлежностью слова) и спецификой его смысловой архитектоники. Так, прилагательные и глаголы обнаруживают явную склонность к оттенкам, а существительные — к многообразию значений, так как одни отличаются семантической емкостью, вызванной преобладанием сигнификата, а другие — конкретикой предметно-вещественного содержания, доминантой денотата. Недаром один из рецензентов БАС писал: несмотря на то, что Словарь Ушакова устанавливает в слове золотой 9 основных значений, а БАС всего 4 с обилием оттенков, «последняя разработка дает более правильное представление о действительной семантической структуре слова».[121]

С позиции БАС организация смысловой структуры таких слов, как, например, мимоза, сок, серебро и др. оказывается вполне закономерной, так как достаточно адекватно отражает смысловые взаимоотношения между различными по механизму своего образования и статусу единицами лексико-семантической системы языка. Мимоза... 1. Южное растение из сем. бобовых, некоторые виды которого отличаются особой чувствительностью листьев, сворачивающихся при малейшем прикосновении к ним. // Перен. По отношению к лицам м. и ж. пола. О болезненно обидчивом человеке; о недотроге. 2. Вид акации с мелкими желтыми собранными в метелку цветами (название не научное). Сок... 1. Жидкость... в клетках, тканях и полостях растительных и животных организмов. // Напиток из такой жидкости, извлекаемой из фруктов, ягод, овощей и т. п. // Перен. Об энергии, силе кого-либо, затраченных в труде, в какой-либо деятельности. 2. Жидкость, вырабатываемая железами пищеварительных органов и способствующая пищеварению. 3. Обычно мн. Влага и питательные вещества, содержащиеся в почве и извлекаемые из нее растительными организмами. 4. Перен. Разг. О лучших, выдающихся представителях какой-либо общественной группы, категории людей. // Об основном, главном в чем-либо; о сущности чего-либо. 5. Спец. Раствор дубильных веществ для дубления кож.

[121] *Зайцева Т. В.* Словарь... С. 181.

Таким образом, отсутствие догматизма, гибкое манипулирование богатейшим арсеналом самых разнообразных лексикографических средств для описания смыслового многообразия многозначных слов позволило БАС приблизиться к идее адекватного отражения языковой действительности. И в этом его непреходящая ценность в области семантики.

IV. Уникальность БАС и в его ставке на словоупотребление, ориентации на разносторонний показ сочетаемостных возможностей слова, причем как реализованных в речи, так и потенциальных. В соответствии с выдвинутой задачей представить образцовое русское словоупотребление, отраженное в литературных источниках XIX-XX вв., и тем самым способствовать развитию речевой культуры, словарь дает широкую картину литературного употребления слов от Пушкина до наших дней. «В этом — большое культурно-историческое и национальное значение словаря».[122]

Толковые словари русского языка, предшествовавшие семнадцатитомному, не предусматривали информации о лексических связях слова, реализующихся в сочетаемости, за исключением регулярных указаний на употребление слова в неразложимых сочетаниях или на отдельные случаи несвободно-устойчивого его употребления. Особняком стоит лишь незаконченный словарь «шахматовской редакции», предпринявший попытку проиллюстрировать набор возможных для слова микроконтекстов и систематизировать их. Семнадцатитомный словарь не просто расширил возможности показа словоупотребления, но значительную часть своих словарных статей отдал описанию и характеристике именно лексических и грамматических связей слова.[123]

При этом составителям БАС удалось не только типологизировать сочетаемость слова, но и дифференцировать ее с помощью своих, сугубо индивидуальных для разных типов словоупотреблений знаков. «В словаре впервые... выработана система приемов для детального и всестороннего описания словоупотребления».[124] Такие дифференцированные способы характеристики сочетаемости, как знаки , ◊, ▭, *; разрядка; помещение указания на какое-либо сочетание до определения значения слова, после определения, в самом определении; семантические, лексические, синтетические (в сочетании с синтаксическими и др.), описательные указания; цитаты и речения и т. д., — разграничивают в словаре сочетаемость синтетичную и аналитичную, устойчивую и неустойчивую, свободную и несвободную, частотную и нечастотную, семантически ограниченную, грамматически ограниченную или лексически ограниченную, а также сопровождаемую смысловыми модификациями и без них, реализующуюся в терминологических или фразеологических сочетаниях и т. п.[125]

---

[122] *Шмелева И. Н.* Описание словоупотребления в «Словаре современного русского литературного языка» (в аспекте культуры речи) // Тезисы докладов... С. 20.

[123] *Котелова Н. З.* Отражение в «Словаре современного русского литературного языка» лексико-фразеологических связей слов. // Тезисы докладов... С. 21.

[124] *Шмелева И. Н.* Там же. С. 20.

[125] *Котелова Н. З.* Там же. С. 22–23.

БАС обнаруживает явное стремление к усилению грамматической характеристики слова в целом. Воплощению этой идеи и способствовало отражение широчайшего спектра синтаксической сочетаемости, природа которой — в регламентации синтаксических условий реализации того или иного значения. Впервые в истории русской лексикографии в словаре было введено такое понятие, как «абсолютивное употребление», означавшее возможность реализации того или иного значения в единственно возможном для него отдельном сочетании или синтаксической конструкции того же качества; оно показывалось в словаре разрядкой (обычно без знака ◊ с приведением этого словосочетания или конструкции); Ср.: Сонный... 6. Со́нная артерия... 7. Сонная болезнь... Справляться... 2. Побеждать, одерживать верх в сражении, драке и т. п. Справляться, справиться с кем-, чем-либо. Печься... 3. Заботиться, иметь ревностное попечение о ком-, чем-либо. Печься о ком-, чем-либо.

Наряду с абсолютивным употреблением в словаре нашла свое отражение «обязательная сочетаемость», предусматривающая набор синтаксических конструкций, вне которых реализация самого значения в речи оказывается невозможной; она передается обычно серией заромбовых сочетаний с указанием всех характерных для слова типов связей (управления, примыкания, согласования). Холодно... 4. Безл. сказ. О состоянии человека, испытывающего холод, озноб. ◊ С неопр. формой глаг. ◊ Холодно кому-нибудь. Перепрыгивать... 3. Неперех. Перен. Разг. Не соблюдая последовательности, переходить к другому предмету речи, мысли. Перепрыгивать, перепрыгнуть на что, к чему.

Однако БАС не ограничился только абсолютивной и обязательной сочетаемостью, охватив и разные типы факультативной сочетаемости, реализующейся лишь в определенных языковых ситуациях. Читать... 1. Воспринимать письменную речь по буквам, знакам и т. п., произнося ее вслух или молча. ◊ Чита́ть кому-нибудь. ◊ Чита́ть вслух, про себя. Па́мятный... ◊ Па́мятен кому. ◊ Па́мятен чем. 6. В составе вводных сочетаний. ◊ Вернее, короче, лучше, правильнее, точнее и т. п. сказа́ть. ◊ Стыдно, тяжело и т. п. сказа́ть. Безусловно, особое внимание БАС уделял управлению, демонстрируя сочетаемостные возможности как сильного, так и слабого управления. В состав синтаксических моделей словоупотребления входили и такие, которые редко попадают в толковые словари среднего и малого объема: сочетания глаголов с инфинитивом, с придаточным дополнительным, целевым, причинным и др., с прямой речью, с наречиями и деепричастными оборотами, с отрицанием и т. д. Хотеть... 2. Стараться достичь чего-нибудь, стремиться к чему-нибудь. Хотеть чего-нибудь. ◊ Хотеть от кого-нибудь чего-нибудь. ◊ С придат. предложением (с союзом чтобы). 3. В сочетании с отрицанием. Отказываться что-нибудь делать. С неопр. формой глаг.

Не меньшая заслуга словаря и в том, что помимо грамматической сочетаемости объектом его описания стала сочетаемость лексическая, отражающая традиции сочетания слов в речи с определенным набором

лексем. Недаром неоднократно высказывалось мнение относительно того, что «в показе свободной лексической сочетаемости (в плане образцового и специфичного русского словоупотребления) Словарь, несомненно, сделал шаг вперед как в чисто количественном (охват материала), так и в качественном (разработка приемов описания) отношении».[126]

Свободная лексическая сочетаемость предстает в словаре в виде открытых рядов слов, указывающих либо на частные сферы применения значения широкой семантической емкости, либо на перечень тематически однородных слов, типичных для состояния языка того периода. Для этого в словаре используется: буквенная нумерация а), б), в) и др., ромб ◊ с перечислением тематически однородных слов и шпала ▭ в сопровождении лексической формулы: В названиях растений, животных, минералов и др. Капитал... ◊ Промышленный капитал. ◊ Постоянный и переменный капитал. ◊ Основной и оборотный капитал. Качать... ◊ Качать колыбель, люльку. ◊ Качать ребенка, младенца. ◊ Ветер, вихрь и т. п. качает деревья, лес и т. п. Кипеть... 4. Проявляться с силой, бурно, стремительно. О деятельности, мыслях, чувствах и т. п. ◊ Кипит ум, кипят мысли, мечты и т. п. ◊ Кипит жизнь. ◊ Кипит бой, борьба, сражение. ◊ Кипит беседа, спор и т. д. ◊ Кипит работа, дело. ◊ Кипеть в работе. ◊ Кипеть ключом. ◊ Кровь кипит. Нос... ◊ Прямой (длинный, плоский, с горбинкой, орлиный, вислый, восточный, греческий и т. п.) нос.

С богатством свободной сочетаемости в словаре соперничает фразеологически связанная сочетаемость, включающая в себя как типовые словоупотребления фразеологически связанных значений, так и воспроизводимые единицы речи свободных номинативных и эмоционально-экспрессивных значений, среди которых речевые клише функционально-стилистического характера, составные наименования терминологического и обиходно-бытового типа, составные грамматические единицы. Речевые клише охватывают формы речевого этикета (~ Добро пожаловать, ◊ Привет! С приветом!, ~ С (товарищеским, дружеским и т. п.) приветом, ◊ Приветствую, приветствуем! ▭ Здравствуй, здравствуйте, ◊ Будь здоров, будьте здоровы и др.), публицистические штампы (◊ Животрепещущий вопрос, ◊ Революционная, социалистическая, советская законность, ◊ Живой пример, ◊ Люди труда и др.), тавтологические сочетания (◊ Лесная опушка, опушка леса; ◊ Приобретать, приобрести себе, в (свою) собственность и др.), формулы традиционно-народного и народно-поэтического стиля (◊ Красная весна, красное лето, ◊ Красная девица, девушка и т. п., ◊ Чи́сто (чисто́) поле; ◊ Жил-был, жил да был, ◊ Не ждал, не гадал, ◊ Жить-поживать и др.), риторические формулы (◊ Да здравствует, да здравствуют); сравнительные обороты (◊ Чистый, как серебро, как янтарь, как слеза, как хрусталь; ◊ Живуч, живуча, как кошка, собака); неразложимые образные сочетания (~ Надрывать, надорвать животики; ~ Кошки скребут (на душе, на сердце), ~ Вешать (повесить) нос на квинту

[126] Шмелева И. Н Указ. соч. С. 21.

и др.); обороты официально-делового стиля (◊ По закону, ◊ Быть, находиться, объявлять вне закона, ◊ На законном основании, ◊ Законный брак и др.), поэтические штампы (◊ Орошать, оросить слезами, потом, кровью; ◊ Хладная могила; хладный труп, прах и т. п.).

Составные наименования бытового и терминологического характера представлены такими сочетаниями, как ◊ Китайский фарфор, ◊ Китайский чай, ◊ Китайская тушь, ◊ Китайский фонарик; ◊ Цепной рефлекс, ◊ Цепная реакция, ◊ Цепные дроби; ◊ Цепное правило, ◊ Цепное (хоровое) дыхание, ◊ Строительная площадка, ◊ Парк культуры и отдыха и др.

Не менее активно в словарь включались сложения (qtld Ищи-свищи, ▭ Секретарь-машинистка, ▭ В слож. Житье-бытье) и составные единицы грамматического характера, обогащающие фонд грамматических средств русского языка (см.: ◊ Именно так, только так, точно так; ◊ Давно бы так; ◊ Не так, чтобы; ◊ Так держать! ◊ Так ли? ◊ Так и так (мол), ср. ~ Так или иначе;~ Как бы не так!; ~ То так, то сяк;~ Так и быть).

Помимо функционально-стилистического членения, основой дифференцированного описания словоупотреблений стала степень их фразеологизации. С этой точки зрения словарь показывал свободные сочетания, каждый из компонентов которых сохранял свое лексическое значение (такие словосочетания оказывались достаточно устойчивыми в силу воспроизводимости их в качестве готовых речевых клише, формул, штампов): ◊ Чистый снег; ◊ Нравственная, душевная чистота; ◊ Держать, содержать, сохранять в чистоте; ◊ Наводить, навести чистоту; ◊ Сиять, сверкать, блестеть чистотой; ◊ Какой-нибудь (редкой, небывалой и т. п.) чистоты и т. д.; сочетания с семантическими смещениями и приращениями метонимического, распространительного и др. характера: ◊ Дышать, подышать чи́стым воздухом. Совершать прогулку, побыть на воздухе. ◊ Чита́ть над кем-нибудь, по кому-нибудь. Совершать обрядовое чтение псалтири над умершим. ◊ Областно́й город. Административный центр области; словосочетания, в которых видоизменился не один из входящих в него компонентов, а переосмыслена вся внеязыковая ситуация в целом (фразеологические сращения): ~ Небо коптить, ~ Квадратура круга, ~ Драная кошка, ~ Квадратура круга, ~ Драная кошка, ~ Кошки-мышки, ◊ Котелок варит, не варит и т.д. ◊ Ноги подкосились, подломились, отнялись; ~ С ножом к горлу (пристать, приставать), ~ Нож в сердце; ~ Нож в спину и т. д.; неразложимые образные словосочетания, обычно соотносимые с ирреальной языковой ситуацией (фразеологические единства): ~ Когда рак свистнет, ~ Семь пятниц на неделе, ~ Семь шкур спускать с кого-либо, ~ Свинец на сердце, ~ Сердце не на месте и т. п.

Наряду с типичными словоупотреблениями в поле зрения словаря были и употребления индивидуально-авторского характера, если они не противоречили представлениям о литературной норме. Авторские цитаты позволяли показать «нестабильные лексико-грамматические связи, нестандартные, нетиповые, неочевидные способы вхождения слова

в контекст»,[127] продемонстрировать скрытые языковые потенции тех или иных значений, возможности творческого использования языка не только как средства коммуникативного общения, но и как средства глубоко личностного восприятия мира, эмоционально-экспрессивного самовыражения. Поэтому БАС выделил такие сферы словоупотребления как эмоционально-экспрессивное (за знаком ◊ с пометами Шутл., Бранно, Пренебреж., Ирон. и т. п.) и образное (за знаком *). Цирка́ч... Разг. Артист цирка. ◊ Пренебреж. — Циркачом хочет быть, в цирке ломаться! Скитал. Кандалы. Чертенок... 2. О бойком озорном мальчишке (или девчонке). ◊ Бранно. — Ну-ка, слепой чертенок,... говори, куда ты ночью таскался с узлом, а? Лерм. Тамань. Ма́льчик... 1. Ребенок или подросток мужского пола. ◊ Ирон. При неодобрительной оценке, осуждении (о взрослом человеке). Хорош мальчик!

Таким образом, уже на уровне словоупотребления БАС зафиксировал не только реализованные возможности слова, но и потенции его развития, т.к. «область сочетаемости слова и образного использования его сосредоточивает в себе множество изменений в языковых реализациях и подготавливает семантические сдвиги в слове и структурные перегруппировки в системе литературного языка, которые предстоит зафиксировать будущим лексикографическим изданиям нормативного направления».[128]

Уникальность БАС в области словоупотребления проявляется в том, что он не ограничился лишь моделями словоупотребления. Он вышел далеко за рамки тех примеров, которые традиционно приводились в Словаре Ушакова и МАС как свидетельство дифференциации значений и подтверждения самого факта их существования. БАС представил язык в его реальном живом функционировании и вплотную подошел к концепции словаря активного типа. Недаром многие пользователи словаря видели в нем базу для словаря сочетаемости.

Безусловно, разграничение словоупотреблений, разных по своей природе, семантическому качеству и функционально-стилистическому статусу не было доведено в БАС до своего логического конца. Многие однотипные словоупотребления и воспроизводимые единицы речи попадали в разные лексико-семантические разряды и сопровождались разными знаками. Речь идет о составных терминах, сложных грамматических единицах, формах речевого этикета, фразеологических сращениях и т. п., унифицировать которые предстояло второму изданию БАС.[129]

V. Отличительная особенность БАС и в том, что он воплотил в жизнь если не идею эволюции языковых изменений, то, по крайней ме-

---

[127] *Балахонова Л. И.* Принципы и приемы иллюстрирования в Новом академическом Словаре. // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995. С. 106.

[128] *Толикина Е. Н.* Принцип нормализации в «Словаре современного русского литературного языка». — Тезисы докладов... С. 18.

[129] Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-ое. М., 1991. Введение. С. 16.

ре, идею их динамизма. При этом идею движения как отражения разных этапов развития тех или иных процессов, происходящих в русском литературном языке, он последовательно провел на всех языковых уровнях: лексическом, грамматическом, семантическом, функционально-стилистическом и синтагматическом. Уже на уровне словника БАС, отказавшийся от пометы нов., тем не менее выделил все новообразования разных типов, оставив их без справочного отдела. Соответственно уход лексики в пассивный словарный запас показывался в словаре стилистическими средствами (с помощью пометы Устар.). Изменение функционально-стилистического статуса слова с момента его появления в языке нашло свое эксплицитное выражение в двойных пометах, соединенных союзом «и» («устар. и разг.», «устар. и простореч.», устар. и поэт.»), означающих устаревание лексемы для литературного языка в целом при возможном употреблении в той или иной (обычно узкоограниченной) сфере языкового общения (см. Зело... Устар. и шутл.-ирон. Очень, весьма. Здравие... Устар. и шутл.-ирон. То же, что здоровье. Зельице... Устар. и простореч., Уменьш.-ласк. к сл. зелье). Существенным показателем эволюции функционально-стилистических свойств слова оказывается и факт наличия или отсутствия пометы «перен.» при синекдохе и метафоре как свидетельство «живой образности», а соответственно и принадлежности их системе выразительных средств русского языка или ее угасания и перехода слова в разряд номинативных единиц.

Помимо этого в БАС представлены все ступени процесса лексикализации формы слова, начиная от употребления как первого этапа этого процесса, характеризующегося изменением лексико-грамматических свойств, но сохраняющего свое генетическое значение (этой ступени обычно соответствует ▭ с пометой: «В знач. сущ.», прил., нареч. и т. д.) до образования оттенка значения как промежуточного этапа на пути преобразования формы в слово, а от него к значению или к слову, помещаемому в корпусе словаря на своем алфавитном месте. Ср. ▭ Завербованный, ого, м., прич. в знач. сущ. ▭ Секретарская, ой, ж., в знач. сущ. Комната в учреждении для секретаря; ▭ Цепочкой, в знач. нареч. Непрерывно, один за другим; // Красные, ых, мн.; // Белые, ых, мн.; Холодный... 6. Холо́дное, ого, ср., в знач. сущ. То же, что холодное блюдо. Сказать... 5. Разг. 1-е лицо мн. скажем употребляется как вводное слово в значении: например, к примеру; Мороженое..., Заведующий... и др.

Идея динамизма в сфере семантики предполагала и отражение таких этапов формирования значения, как употребление и оттенок. Она затронула все типы смысловых преобразований: метонимизацию, метафоризацию, расширение и сужение значений и др. Так, динамизм процесса метонимического переосмысления заложен, с одной стороны, в степени видоизмененности понятия, а с другой — в степени узуализации метонимии как явления речевого или языкового характера. Это же в равной степени относится и к процессу метафоризации, начинающемся на уровне словоупотребления (недаром БАС приводит образные

употребления за знаком * и в составе сравнения за знаком ◊). Оттенок значения с его яркой образностью, но диффузностью признаков, свидетельствующей о несформированности нового понятия, соответствует второму этапу преобразования прямого значения в переносное. Появление характеризующего значения, сохраняющего эту образность, но отличающегося однозначностью нового понятия, принадлежащего принципиально иной понятийной сфере, отражает третий этап метафоризации. Наконец, угасание образности, утрата новизны и выразительности метафорическим значением ведет к переходу характеризующих значений в разряд номинативных метафор. См. Лебедушка... 1. Ласк. к 1. Лебедка. ◊ В сравн. Ходит плавно, будто лебедушка, Смотрит сладко, как голубушка. Лерм. Песня про... купца Калашн. * Что выбрал арап себе сударушку, Черный ворон белую лебедушку. Пушк. Как жениться задумал... [Арина:] Налетел [жених] ястребом, как снег на голову. Вырвал нашу лебедушку из стада лебединого от батюшки, от матушки, от родных, от подружек. А. Остр. Бедн. не порок. 2: Народно-поэт. В ласковом обращении (к девушке, женщине). Звериный... 1. Относящийся к зверю (в 1-м знач.). // Свойственный, присущий зверю. Жители доведены до каторжного состояния, усвоили себе положительно звериный образ жизни. Карон. Расск. о пустяках. У меня выработалось звериное чутье. Я нюхом чувствовал опасность. Узнавал о присутствии человека в лесу за километр. Вершиг. Люди с чист. совестью. 2. Перен. Жестокий, дикий, свирепый.

Вполне очевидно: БАС занял свое прочное место в системе словарей русского языка не только как самый полный толковый словарь, содержащий элементы историзма, но и как издание универсального филологического типа, представившее наш язык в живом функционировании на протяжении 150-летнего периода его развития. Он предваряет появление словарей принципиального нового характера: нормативно-стилистического словаря активного типа.

Малый академический словарь (Словарь русского языка в четырех томах)

После Великой Отечественной войны возникла необходимость создания толкового словаря, отражающего новое состояние лексики русского языка. Вышедшее в 1947–48 гг. фототипическое издание Словаря Ушакова уже не отражало современное состояние лексики, т.к. объектом описания Словаря Ушакова был русский литературный язык от Пушкина до Горького. Существовало два обстоятельства, препятствующих работам по его редактированию и дополнению. Словарь не имел базовой картотеки, позволяющей оперативно провести работы по его переизданию, кроме того, после смерти в 1942 г. Д. Н. Ушакова коллектив авторов фактически распался. Поэтому акад. — секретарь Отделения литературы и языка АН СССР В. В. Виноградов (один из авторов словаря Д. Н. Ушакова) отказался от идеи переработки словаря и

поддержал предложение о создании нового словаря. В июле 1952 г. после целого ряда обсуждений Президиум Академии наук СССР принял решение об издании нового словаря взамен Словаря Ушакова.

Составление Словаря началось в 1953 г. Инициатором и организатором работы был заместитель директора по Ленинградскому отделению Института языкознания АН СССР, заведующий Словарным сектором чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударов. С 1953 г., после переезда С. Г. Бархударова в Москву, непосредственное руководство работами взяла на себя А. П. Евгеньева. В работе над МАС составители опирались на опыт работы над двумя словарями: Словаря Ушакова и Словаря современного русского литературного языка в 17 томах (БАС).

Составление МАС было закончено в 1960 г. Первоначальный план Словаря в трех томах по согласованию с издательством иностранных и национальных словарей был преобразован в четырехтомное издание, последний том которого вышел из печати в 1961 г. Таким образом, работы над Словарем длились около девяти лет, а временной разрыв между Словарем Ушакова и МАС составил двадцать лет.[130]

Научная цель планируемого издания состояла в последовательном объективном описании лексики русского литературного языка с учетом тех сдвигов, которые произошли в словарном составе в послевоенный период, и выявлении того нового, что прочно вошло в сферу общеупотребительной лексики. Для этого необходимо было последовательно описать лексический состав языка в его реальных отношениях (парадигматических и синтагматических связях), дать точное толкование общеизвестных, частотных слов (с примерами словоупотреблений и словосочетаний); объяснить значение малоизвестных, редких, устарелых слов; с помощью толкований и стилистических помет указать нормы употребления слов и правила, лежащие в основе реализации значений.

Практическая цель издания МАС определялась назревшей общественной потребностью в достаточно полном и в то же время широко доступном словаре современного русского литературного языка. Широкие научные дискуссии, проведенные в период выработки общей концепции нового Словаря и после публикации Макета с пробными словарными статьями,[131] показали, что читатели ожидают издания, которое содержало бы справки не только о том, как надо правильно употреблять слова, но и о том как употребляют слова наиболее авторитетные носители языка. В этом виделось важное отличие готовящегося Словаря от предшествующих.

Создание лексикографического труда такого типа (описывающего основной нормативный состав русской лексики и содержащего лексические материалы образцового словоупотребления) должно было, по

---

[130] Словарь русского языка: В 4-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1957–1961.

[131] Словарь русского языка в четырех томах. Макет. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — 48 с.

мысли авторов, способствовать успешному достижению цели издания, связанной с описанием нового состояния лексики русского языка. Этим определялись принципы отбора лексики, объем и характер сообщаемых сведений. Словарь должен был дать информацию о правильном произношении и словоизменении, объяснить значение и употребление слова в тексте, а этимологические справки — раскрыть внутреннюю форму заимствованных слов. Словарь должен был отразить реальную картину многообразия лексических средств, используемых в современном русском языке.

Авторами МАС был разработан перечень возможных вариантов описания слов (для существительных, глаголов, прилагательных, числительных, наречий и т.п.) и порядок расположения сведений, характеризующих слово, внутри словарной статьи. Каждая такая характеристика получила точно определенный статус и фиксированные параметры. Подробное описание правил составления МАС было изложено в Инструкции для составления МАС, вышедшей в свет в 1953 г.[132] В Инструкции были изложены принципы отбора слов для Словаря, описана структура Словаря, правила смысловой и стилистической характеристики слов и фразеологизмов, указан порядок использования иллюстративного материала, даны правила грамматической характеристики слова и т.п. Приведенные в Инструкции образцы словарных статей освещали многие практические аспекты проблемы структуризации и соотнесения элементов словарной статьи. Следует отметить, что в словарной практике это был первый случай, когда в начале составительской работы была подготовлена, тщательно обсуждена и опубликована подробная Инструкция для составления словаря.

При формировании словника составители МАС руководствовались правилом, согласно которому, кроме общеупотребительной лексики русского языка в хронологических границах от Пушкина до наших дней (середина — конец 50-х годов), включению в словник Словаря (по признаку устойчивого употребления в общеобразовательных учебниках, научно-популярной и художественной литературе, в средствах массовой информации) подлежали:

— специальная и терминологическая лексика, например автономия, атташе, демарш, коалиция, коммюнике, конверсия, меморандум, монополия, национализация, парламентаризм, плебисцит, суверенитет, эмиссия (общественно-политические термины); домна, рентген, скрепер, стетоскоп, телемеханика, теплосеть, терапевт, шахта, электросеть (термины промышленности, техники, здравоохранения и т.п.); аллегро, ампир, барокко, контрапункт, офорт, пастель, ротонда, сюита, фуга, эстамп (искусствоведческие термины); аут, баскетбол, вратарь, гол, цейтнот, эндшпиль (спортивные термины); авианосец, блиндаж, гаубица, дзот, дот, пикировать, торпеда (военные термины) и т.п.;

[132] Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах). АН СССР, Институт языкознания, 1953.

— слова, называющие профессию, ремесло, род деятельности или занятий людей, например, бульдозерист, бурильщик, крановщик, очеркист, приемщик, сталевар, станочник, фрезеровщик, электросварщик и т.п.;

— слова, имеющие просторечную стилистическую окраску, например, барахло, брехать, огулом, сопли и т.п.;

— слова диалектного происхождения, например, займище, сполохи и т.п.;

— слова, характеризующие быт и культуру разных исторических эпох, например барщина, вакханка, дворянин, дружина, городовой, илот, имение, исправник, купец, ландскнехт, пищаль, плебеи, посадник, рыцарь, струг и т.п.;

— устаревшие слова, например врачевать, отрок, прошение, осьмина и т.п.;

— слова, обозначающие характерные черты национального быта разных народов, например арба, аул, бай, гейша, джонка, кастаньеты, кобзарь, кунак, нарты, парубок, сакля, самурай, спич, тореадор и т.п.;

— этнические имена и названия жителей стран, городов и местностей (существующие и исчезнувшие), например венгры, поляки, печенеги, половцы, скифы, сибиряки и т.п.;

— аббревиатуры и сложносокращенные слова, например СССР, КПСС, колхоз, местком, партком, вуз и т.п.

Одним из важных представляется вопрос о производных словах. Они делятся на две большие группы. В одну входят слова, лексические значения которых полностью складываются из значений составляющих их частей, например: регентский (от регент), косьба (от косить), удачливость (от удачливый), работница (от работник) и т.п. Слова этой группы определяются с помощью типовых толкований.

Другая группа — это слова, лексические значения которых не соответствуют сумме значений составляющих их частей, например: синяк (от синий), обложка (от обложить) и т.п. Производные слова этой группы получают развернутое словарное описание.

За пределами Словаря остались те группы производных слов, которые, легко и свободно образуясь по известным словообразовательным моделям, используются нерегулярно или ситуативно. На этом основании в Словарь не включались прилагательные с приставками пре-, наи- со значением превосходной степени (предобрый, наикрасивейший); прилагательные и наречия в сравнительной степени с приставками по- (побольше, покороче); существительные и прилагательные, образованные при помощи приставок и суффиксов, выражающих неполноту качества (длинноватый, оранжеватость), ласкательность (керосинчик, пасточка). Однако этот принцип не распространялся на все слова данного типа: если в производном слове развиваются дополнительные значения и оттенки или степень его употребительности достаточно высока, то такое слово включалось в Словарь.

МАС описывает те словообразовательные варианты, которые являются живыми в языке (даже в случае отсутствия дополнительных от-

тенков значения). Например: апатичный — апатический, апельсиновый — апельсинный, выкорм — выкормка — выкармливание и т.п.

В соответствии с принятым в МАС пониманием термина «современный литературный язык» правила отбора лексики ограничивали вхождение в словарь устарелых слов, диалектизмов, специальной терминологии, словообразовательных дериватов. За пределами Словаря осталась окказиональная лексика. В результате МАС насчитывает 82 159 слов, это несколько меньше чем в Словаре Ушакова (85 289 слов). Однако если учесть производные формы существительных и глаголов (некоторые формы множественного числа существительных, многочисленные причастия, формы повелительного наклонения), которые в Словаре Ушакова приводятся в отдельных словарных статьях, а в МАС даются при соответствующих словах (за исключением случаев адъективации), словник МАС является более представительным. При этом объем МАС составил 700 уч.-изд. л. (т.е. на 263 уч.-изд. л. больше, чем Словарь Ушакова), а общее расхождение в словнике составило около 15 тысяч слов.

Проблема заголовочного слова, т.е. проблема исходной формы заголовочного слова, омонимии и вариантов заголовочного слова, решается в МАС вполне традиционно для лексикографии. В Словаре принят и последовательно использован структурно-семантический принцип выделения омонимов, основанный на учете смысловых связей и отношений в слове в сочетании с анализом его словопроизводных связей и отношений с однокоренными словами.

В одной словарной статье даются фонетические и морфологические варианты, равноправные с точки зрения функционирования слова во всех его значениях, например бора́ — бо́ра, рельс — рельса, порой — порою, весной — весною, ви́тютень — витю́тень, вкли́ниться — вклини́ться, вперегонки́ — вперего́нки, вылезти — вылезть, выселок — выселки, голосемя́нные — голосеменны́е, гренки́ — гре́нки, далеко́ — далёко, двуствольный — двухствольный, двудонный — двухдонный, де́ревце — деревцо́, длиннущий — длиннющий, дреколье — дреколья, е́внух — евну́х, ноль — нуль, номер — нумер, кегль — кегель, полицмейстер — полицеймейстер, тонкошерстный — тонкошерстый, смерить — смерять, со́товый — сото́вый и т.п.

Варианты слов, алфавитные места которых далеко отстоят друг от друга или стилистическая окраска одного из вариантов близка к просторечной помещаются в разных словарных статьях как самостоятельные слова, со ссылкой на соотносительность значения, например, восьмушка и осьмушка, притолока и притолка, вслед и вослед, полусапожки и полсапожки, галоши и калоши, выстрогать и выстругать и т.п.

В Словаре различается вариантность слова и синонимия однокоренных слов. Пары слов, где неодинаков морфологический состав основы (баядера — баядерка, бездельничество — бездельничанье, бригадирить — бригадирствовать, дворняга — дворняжка, жакет — жакетка, патлатый — патластый, приготовлять — приготавливать, самогон —

самогонка), не считаются, как правило, вариантами слова и описываются на своем алфавитном месте.

Слова, функционирующие только в связанных сочетаниях, приводятся в исходной форме с указанием (если это возможно) на косвенные формы или без такого указания, например баклуши, баш, бельмес, бесценок, востро, впросак, вряд, всеоружие, гог, гордиев, гормя, гран, денно, дер, зазрение, зги, карачки, кондачок, лататы, ливмя, лихва, микитки, навряд, невзирая, неймет, неймется, ничтоже, ноев, нощно, панталык, плав, побегушки, скак и т.п. Например:

Бу́хты-бара́хты. ◊ С бухты-барахты (прост.) — внезапно, не подумав, ни с того ни с сего.

Крат. ◊ Во сто (или во много) крат — в сто (во много) раз.

Морфологическая характеристика слова продолжает традицию академических словарей: при склоняемых и спрягаемых словах указывается тип изменения слова при неизменяемых словах указывается его принадлежность к той или иной части речи. Для каждой части речи устанавливаются основные типы грамматической характеристики. Если основной тип оказывается недостаточным, то приводятся дополнительные формы, раскрывающие особенности склонения (или спряжения) данного слова. Формы, приведенные в заголовке, признаются равноправными для функционирования слова во всех его значениях. Если в литературном языке существуют равноправные варианты (написания или ударения) какой-л. формы, то они указываются в грамматической характеристике слова, например: Крыло́, -а́, мн. кры́лья, -ьев и (устар.) крыла́, крыл, крыла́м, ср.

В противоположность грамматике, где изучаются типы и способы образования грамматических форм безотносительно к лексической конкретности слова, словари описывают формы данного слова, его лексическую и отчасти его грамматическую семантику, поэтому если реализация значения слова накладывает какие-либо ограничения на функционирование грамматических форм, то перед определением (толкованием) этого значения дается необходимый комментарий. Например:

Глубина́, -ы́, мн. -би́ны, ж. 4. только ед. ч. Содержательность, значительность. Глубина анализа. Глубина критики.

Контраба́нда, -ы, ж. 3. в знач. нареч. контраба́ндой. Тайно, украдкой.

Вслед за Словарем Ушакова в МАС получают характеристику подчинительные связи слова. Способность слова соединяться с определенным кругом распространяющих его форм описывается в Словаре с помощью падежных вопросительных слов. Слова кто, что (и формы косвенных падежей) используются в качестве пометы для обозначения обязательных связей. Справка о сильных подчинительных связях или предваряет толкование слова (если она относится ко всем значениям), или приводится при каждом значении.

Слабые подчинительные связи в случае необходимости показываются в словарной статье с помощью речений.

Сильное беспредложное управление глагола показывается соответствующими косвенными падежами. Глаголы, управляющие винительным падежом, сопровождаются пометой «перех.»: Отвле́чь... сов. перех. Отдали́ть... сов. перех. Если объектом управления является лицо (группа лиц), животное (группа животных), то ставится помета «кого, кому» и т.п.

Если объект управления не лицо, а предмет (т.е. неодушевленное существительное), то ставится помета «чего, чему, чем» и т.п.

Возможное абсолютивное употребление переходного глагола отмечается пометой «перех. и без доп.»

Сле́довать... сов. 1. за кем-чем... 2. за чем... 3. кому-чему... 5. из чего... 6. кому... 7. безл. обычно с неопр.

Пережи́ть... сов. 3. перех. и без доп.

Подмести́... св. перех. и без доп.

Сильное предложное управление показывается соответствующими косвенными падежами с предлогами.

Напа́сть... сов. 4. на кого...

Происходи́ть... несов. ... 3. от кого... 5. от чего, из кого-чего.

Сильное примыкание инфинитива и восполнение глагола придаточным дополнительным обозначается пометами «с союзом что», «с прид. доп.».

Жале́ть... несов. 2. о ком-чем или с союзом «что».

Жела́ть... несов. 1. перех. (и чего), также с неопр. или союзом «чтобы»... // кому-чему или с неопр.

Забы́ть... несов. 1. перех. или о ком-чем... // с союзом «что» или с неопр.

Сильное управление (предложное и беспредложное) с объектной связью существительных, прилагательных и наречий обычно показывается в Словаре с помощью речений.

Грамматическая характеристика глаголов включает в себя указание на их видовую принадлежность. Для описания категории вида в Словаре используются пометы сов. (совершенный вид) и несов. (несовершенный вид). При разработке видовых соответствий МАС следует принципам Словаря Ушакова: а) видовыми парами признаются только те соответствия приставочных глаголов совершенного вида, в которых приставка не вносит в глагол добавочного лексического значения (видовые соответствия такого рода указываются в словаре лгать — солгать, прятать — спрятать, дряхлеть — одряхлеть, печь — испечь, грешить — согрешить); б) если же приставка придает глаголу помимо общерезультативного значения, дополнительное лексическое значение, то такой глагол рассматривается как самостоятельный и не соотносится с исходным бесприставочным глаголом. Из двух соотносительных по виду глаголов развернутое описание получает мотивирующий член видовой пары, а противоположный по виду глагол получает отсылочное толкование. Супплетивные видовые пары разрабатываются самостоятельно.

В отличие от Словаря Ушакова, который подчеркивает грамматический аспект категории вида и прослеживает по преимуществу словообразовательные связи глагола (Сделать см. Делать; Отделывать см. Отделать) по типу существительных (Ручеек уменьш. к Ручей; Лапища увелич. к Лапа; Лыжница женск. к Лыжник и т.п.) и прилагательных (Каминный относящ. к камину; Отцов принадлежащий отцу), принципы разработки глагольного вида и порядок указания на видовую соотносительность в МАС можно признать более удачными.

Стилистический комментарий в МАС также опирается (за некоторым исключением) на систему помет, реализованную в Словаре Ушакова и отражающую функционально-стилистическое расслоение русской лексики. Слова из различных сфер речевого общения квалифицируются с позиций нормативного словоупотребления.

Пометы, характеризующие книжный слой лексики современного языка:

«Книжн.» (книжное): автократ, авторитарный, адекватный, адепт, аналог, анормальный, бдение, бифуркация, бразды, бренный, гетера, звероподобный, зреть и т.п.

«Устар. поэт.» (устарело-поэтическое): аквилон, бестрепетный, брада, бразда, брег, булат (стальной клинок, меч), вежды, ветрило, драгой, ланиты и т.п.

«Спец.» (специальное): визитация, галтель, закрой, зачистить, зашпаклевать, защебенить, зверовой, зензубель, кадастр и т.п.

Если слово употребляется как термин в узкой профессиональной сфере, то оно сопровождается более конкретной пометой: «авиа.» (авиация); «анат.» (анатомия); «антроп.» (антропология); «археол.» (археология); «архит.» (архитектура); «астр.» (астрономия) и т.п.

Пометы, характеризующие разговорный слой лексики современного языка:

«Разг.» (разговорное): генеральша, генштабист, геройствовать, гикать, глазастый, глупить, глядь, гнилье, головорез и т.п.

«Прост.» (просторечное): гиблый, горланить, грудастый, грымза, губошлеп, девчата, докликаться, долбежка и т.п.

«Обл.» (областное): добре, жито, жниво, журавель, журиться, заборка, завсегда, закликать, залавок, закут, заправду, зверовать и т.п.

Пометы, характеризующие хронологическое расслоение лексики:

«Устар.» (устарелое): заимодавец, заклад, заклание, законнорожденный, заморский, започивать, засим, заштатный, здравие, зеница, зложелатель, злоречивый, знакомец, зрак, иератический, иже и т.п.

«Ист.» (историческое): испольный, испольщина, каганат, камер-коллегия колон, колонат, конюший, кормленщик, кравчий, крестоносец, посадник, посадский и т.п.

Пометы, отражающие эмоционально-экспрессивную оценку, заключенную в слове:

«Высок.» (высокое): воистину, матерь, незабвенный, немеркнущий, нерукотворный, неугасимый, оплот, отчизна, отчий и т.п.

«Ласк.» (ласкательное): погодка, подруженька, пчелка и т.п.

«Шутл.» (шутливое): благоверный, вояка, вприглядку, драндулет, дурашка, златоуст, комбинатор и т.п.

«Ирон.» (ироническое): благоглупость, многоглаголание, прожект и т.п.

«Уничиж.» (уничижительное): бумажонка, деньжишки, работенка, речонка, старикашка, страстишка и т.п.

«Бран.» (бранное): болван, вахлак, ведьма (о безобразной, злой женщине) и т.п.

«Груб. прост.» (грубо-просторечное): барахлить, жид, испохабить, мордоворот, обожраться, паршивец, паскудник и т.п.

В отличие от Словаря Ушакова в МАС не используется помета «нов.» (новое), т.к. МАС — словарь стабильных, устоявшихся процессов и явлений. В МАС не применяется также помет «пренебр.» (пренебрежительно), «презр.» (презрительно), «неодобр.» (неодобрительно), «укоризн.» (укоризненно), потому что, как определяют авторы Словаря, эмоционально-оценочный характер, обозначаемый этими пометами, относится не к самому слову, а к предмету, понятию, явлению, действию, обозначаемому словом.

К числу бесспорных достоинств МАС относится тщательная разработка смысловой характеристики слова. Авторам Словаря удалось добиться последовательного описания сходных семантических явлений. МАС — первый академический словарь, в котором реализовано системное описание лексики.

Основное и самое существенное отличие МАС от Словаря Ушакова и Словаря Ожегова[133] заключается в глубине разработки полисемии. Инструкция МАС содержит некоторые правила ее описания. Следует отметить, что Инструкция, опубликованная в начале работы над Словарем, позже была дополнена на основе опыта составления материалами, содержащими типовые определения и раскрывающими структурные особенности построения словарных статей.

Типовые словарные определения охватывают большие пласты существительных (существительные, обозначающие человека, разнообразные растения и животных, лекарственные препараты, пищевые продукты, кондитерские изделия, кушания, вина, напитки, танцы, спортивные игры, ткани, волокна, краски, химические вещества и элементы, единицы измерения меры, веса, объема, емкости, времена года, болезни и болезненные состояния и т.п.), прилагательных (качественные и относительные), глаголов (способы глагольного действия), наречий и пр.

Толкования лексических значений строятся на базе нескольких типовых логических структур.

1) Толкование, содержащее указание на ближайшее родовое понятие и существенный видовой отличительный признак (признаки). Ро-

[133] Толковый словарь русского языка: В 4-х томах / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 1-е изд. М., 1949; 2-е изд., М., 1952.

довидовые толкования широко используются при описании значений полнозначных слов (предметы, процессы, свойства, величины).

2) Толкование, содержащее указание на «целое» или «совокупность частей» и существенные отличительные признаки конкретной части либо существенные признаки этого «целого» (его назначение, конструкцию, форму и т.п.). Партитивные толкования применяются по отношению к словам, обозначающим различные предметы, процессы, величины.

3) Толкование, содержащее обобщенную характеристику результата (происхождения) или цели (предназначения) обозначаемого предмета или действия с указанием принадлежности к категории общеклассификационного уровня («свойство», «способность», «величина», «показатель», «количество» и т.п.). Квазиродовидовые толкования используются для описания значений слов, обозначающих различные свойства, величины и т.п.

4) Толкование, содержащее указание на условия и способы реализации в тексте данного значения. Операциональные толкования используются при толковании части служебной лексики (союзы, предлоги).

5) Толкование, указывающее на тождество данного значения другому, более известному (более распространенному, нейтральному). Синонимические толкования могут применяться по отношению к словам любой части речи.

Для уточнения времени, места, условий и т.п. бытования данного понятия (слова) в Словаре широко применяются энциклопедические ремарки:

Байда́ра, -ы, м. На Камчатке и Алеутских островах: открытая, обтянутая кожей промысловая лодка с большой грузоподъёмностью.

Сюзере́н, -а, м. В средние века в Западной Европе: крупный феодал, являющийся государем по отношению к зависимым от него вассалам.

Принятая в МАС структура словарной статьи позволяет гибко описывать семантическое содержание многозначных слов. С помощью нумерации значений и оттенков значений (значок — //) в МАС отражается производность, семантический «вес» и иерархия значений. Сами принципы выделения значений и оттенков значений проведены последовательнее, чем в предшествующих словарях. Это привело к тому, что там, где словарь Ушакова устанавливает одно значение, МАС выделяет несколько оттенков или даже несколько значений. Следует заметить, что проблема структуризации словарной статьи не получила должного освещения в Инструкции МАС, поэтому говорить о сложившихся правилах разработки словарной структуры можно только на основании самого текста МАС.

Семантический перенос от понятия к объекту, от объекта — к субъекту от объекта — к объекту оформляется как самостоятельное значение.

Действие — результат действия:

Вы́резка, -и, род. мн. -зок, дат. -зкам, ж. 1. Действие по глаг. вы́резать — выреза́ть (в 1, 2 и 3 знач.). 2. То, что вырезано в чем-л.; выемка, вырезанное место. // Вырезанный кусок текста.

Посы́лка, -и, род. мн. -лок, дат. -лкам, ж. 1. Действие по глаг. послать — посылать (в 1, 2 и 3 знач.). 2. Запакованная вещь, пересылаемая куда-л., присланная откуда-л.

Сочине́ние, -я; ср. 1. Действие по знач. глаг. сочинить — сочинять. 2. Литературное, научное или музыкальное произведение. 3. Письменная школьная работа, упражнение в правильном, литературном изложении своих мыслей, рассуждений на заданную тему. 4. Грамм. Способ связи двух или нескольких самостоятельных слов или предложений.

Действие — место действия:

Остано́вка, -и, род. мн. -вок, дат. -вкам, ж. 1. Действие по глаг. остановить (в 1 знач.) и остановиться (в 1 знач.)... 4. Пункт, место, установленные для посадки и высадки пассажиров.

Прохо́д, -а, м. 1. Действие по глаг. проходить 1 (в 1, 2 и 4 знач.). 2. Место, по которому можно пройти через что-л., между чем-л.

Действие — инструмент действия:

Проти́рка, -и, род. мн. -рок, дат. -ркам, ж. 1. Действие по глаг. протереть — протирать. 2. Спец. Приспособление для чистки и смазки канала ствола огнестрельного оружия (револьвера, винтовки, автомата и т.п.).

Скре́пка, -и, род. мн. -пок, дат. -пкам, ж. 1. Действие по глаг. скрепить — скреплять (в 1 знач.). 2. Металлический зажим для скрепления, скалывания бумаг.

Действие — средство действия:

Зама́зка, -и, ж. 1. Действие по глаг. замазать — замазывать (в 3 знач.). 2. Вязкое вещество для заделывания щелей, трещин.

Упако́вка, -и, ж. 1. Действие по знач. глаг. упаковать — упаковывать. 2. Какой-л. материал, обшивка, тара и т.п., в которые упаковывают вещи, товары.

Действие — субъект действия:

Руково́дство, -а, ср. 1. Действие по глаг. руководи́ть (в 1 знач.). 4. Собир. Руководители.

Обвине́ние, -я, ср. 1. Действие по знач. глаг. обвинить — обвинять; признание, обвинение кого-л. виновным. 3. Юр. Обвиняющая сторона в судебном процессе.

Свойство — носитель свойства:

Тала́нт, -а, м. 1. Выдающиеся природные способности, высокая степень одаренности. 2. Человек с выдающимися способностями, дарованием.

Вместилище — вместимое (содержимое):

Аудито́рия, -и, ж. 1. Помещение, предназначенное для чтения лекций, докладов. 2. Собир. Слушатели лекции, доклада, речи и т.п.

Стака́н, -а, м. 1. Стеклянный сосуд цилиндрической формы, без ручки, служащий для питья. // обычно чего. Содержимое такого сосуда; количество вмещающегося в него вещества.

Целое — часть:

Бана́н... 1. Высокое тропическое травянистое растение с огромными листьями и крупным соцветием, разводимое ради плодов или для получения волокна. 2. Продолговатый мучнистый плод этого растения с толстой кожурой.

Кашта́н... 1. Дерево, дающее плоды в виде крупного ореха. 2. Съедобный плод этого дерева.

Семантический перенос от понятия к понятию оформляется как оттенок значения (или как самостоятельное значение):

Имеющий свойство (состояние) — вызывающий свойство (состояние):

Бо́дрый... Полный сил, здоровья, энергии. // Выражающий бодрость; свидетельствующий о бодрости. // Веселый, оживленный; энергичный. // Придающий силы, оживляющий.

Имеющий свойство (состояние) — выражающий их:

Печа́льный... 1. Испытывающий чувство печали; скорбный, унылый. // Выражающий печаль. // Исполненный печали.

Являющийся каким-л. — предназначенный для этого:

Сидя́чий... 1. Такой, который сидит; сидящий. // Такой, который может сидеть (о транспортируемых больных, раненых). // Предназначенный для сидения.

Действие — его результат (причина — следствие):

— воздействовать физически на объект (обрабатывать определенным способом) — создавать что-л. в результате этого.

Вари́ть... 1. Приготовлять пищу, питье кипячением. // Кипятить в воде (в жидкости), приготовляя для еды. // Приготовлять на огне (обед, ужин и пр.). // Изготовлять путем кипячения, плавления и т.п.

Копа́ть... 1. Разрыхлять, разрывать (лопатой или другим орудием). // (св. вы́копать). Вынимая, выбрасывая землю, делать углубление, выемку; рыть.

— обрабатывать определенным способом — ликвидировать этим способом

Лечи́ть... Применять какие-л. средства для излечения кого-л. // Принимать меры для излечения больного органа. // Принимать меры к прекращению какой-л. болезни.

Метафорическая связь значений полнозначного слова.

Метафорические переносы описываются как самостоятельные значения:

а) по сходству формы, внешнего вида, производимого впечатления

Конь... 1. Лошадь (преимущественно о самце...) 2. Шахматная фигура с головой лошади. 3. Спорт. Обитый кожей брус на подставках для гимнастических упражнений.

Па́смурный... 1. Ненастный сумрачный, затененный облаками. 2. перен. Мрачный, невеселый, хмурый.

По́яс... 1. То, чем подпоясывают одежду по талии (ремень, шнур, кушак и т.п.)... 3. чего, какой. То, что расположено полосой вокруг чего-л., окружает собой что-л. 4. Геогр. Часть поверхности земного

шара между меридианами. 5. Геогр. Часть поверхности земного шара, являющаяся климатической зоной.

б) по сходству местоположения

Голова́... 1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг. 5. перен.; чего. Первые ряды, передняя часть (движущегося отряда, группы и т.п.).

Подва́л... 1. Помещение под первым этажом, ниже уровня земли, употребляемое для различных хозяйственных нужд или для жилья. 2. Нижняя часть газетной страницы для помещения отдельной статьи, а также сама статья, занимающая нижнюю часть газетной страницы.

в) по сходству структуры действия

Накры́ть... 1. Покрыть, прикрыть чем-л. положенным сверху. 2. Разг. Поймать, захватить врасплох, на месте преступления.

Опере́ться... 1. Прислониться к кому-,чему-л., налечь на кого-,что-л., перенося на него часть тяжести своего тела. 2. Найти себе поддержку, сочувствие в ком-л. // Взять за основу своих построений, рассуждений, воспользоваться чем-л. в качестве логического основания.

г) по сходству структуры оценки, т.е. качества признака, свойства:

Пусто́й... 1. Ничем не заполненный (о каком-л. вместилище). 2. перен. Несерьезный, духовно ограниченный (о человеке). 3. Неосновательный, лишенный серьезного значения. // Бесполезный, бесплодный. // Бессодержательный.

д) По сходству функций

Дво́рник... 1. Работник при доме, обязанный охранять дом, поддерживать чистоту и порядок во дворе и на улице перед домом. 2. Разг. Стрелка, устройство для механического вытирания смотрового стекла автомашины от снега влаги, пыли.

Перо́... 1. Роговое образование кожи птиц, представляющее собой полый стерженек с пушистыми отростками по бокам. 4. Плавник у рыбы. 6. Спец. Лопасть у различных приспособлений, инструментов и т.п.

е) Метафорические переносы с предмета, растения, животного на человека (при толковании таких значений обычно используется вводная часть «О ком-,чем-л....», «О какой-л. женщине...», «О каком-л. мужчине».

Зо́лото... 4. Разг. О ком-,чем-л., отличающемся большими достоинствами.

Дуб... 2. перен. Разг. О нечутком, тупом человеке.

Кит... 2. Разг. Об одном из главных лиц в каком-л. деле, на которых это дело держится (от старинного представления, что земля держится на трех китах).

Вы́дра... 2. Прост. бран. О чрезмерно худощавой женщине.

В области идиоматики МАС развивает и совершенствует классификационные основы разработки фразеологии, заложенные в Словаре Ушакова. Принципы отбора устойчивых сочетаний соответствуют общим принципам отбора слов, т.е. в словник включаются фразеологизмы, составные термины, крылатые слова и выражения, широко употре-

бляющиеся в произведениях классиков и в современной литературе и публицистике. Фразеология в словаре помещается за значком ◊ в конце словарной статьи или приводится в качестве иллюстраций под соответствующим связанным значением, например:

Раскваси́ть... Ушибить, разбить до крови. Раквасить нос, губы.

Щекотли́вый... 3. перен. Требующий большой осторожности, такта. Щекотливый вопрос, положение.

Слова, употребляющиеся только в составе словосочетаний, описываются с помощью толкования самих словосочетаний.

Бо́рный, -ая, -ое. Прил. к бор 2. ◊ Борная кислота — химическое соединение, кристаллическое вещество, употребляемое в технике и в медицине.

Да́тельный, -ая, -ое. ◊ Дательный падеж (грамм.) — падеж, отвечающий на вопросы: кому? чему?

Варьируемые компоненты указываются в скобках.

◊ Бросать (или кидать, швырять и т.п.) деньги на ветер.

◊ Волосы стали (или поднялись) дыбом.

◊ Висеть (или держаться) на волоске.

◊ Забрать (себе) в голову.

Если фразеологический оборот имеет несколько значений, то они выделяются арабской цифрой.

◊ Живая рана. 1) Рана, еще не зажившая; 2) перен. Острое, не смягченное временем горе, душевное страдание и т.п.

В том случае, когда в одной словарной статье помещено несколько фразеологических оборотов и устойчивых сочетаний, они размещаются в алфавитном порядке.

Первое издание МАС получило высокую оценку в кругу специалистов. Было признано, что «несмотря на отдельные недочеты, в целом четрырехтомный словарь представляет собой серьезный, глубоко продуманный и мастерски выполненный труд»[134].

С 1972 г. были начаты работы по подготовке второго издания МАС. Почти все составители и редакторы первого издания вошли в состав группы переиздания. Второе издание МАС (исправленное и дополненное) вышло в свет в 1981–84 гг.[135]

Впервые в практике академической лексикографии появилась возможность исправления, уточнения и даже переделки текста реально существующего словаря, все части которого доступны для анализа.

Второму изданию МАС предшествовал большой подготовительный этап, во время которого была значительно пополнена картотека Словаря, проанализированы все стороны лексикографической работы на основе критических замечаний в адрес первого издания и теоретических достижений лексикологов. Были сформулированы задачи переиздания: проверка всего словника, приведение его в соответствие с тем

---

[134] *Зайцева Т. В., Назарова И. С.* О четырехтомном «Словаре русского языка» В сб.: Современная русская лексикология. М. : Наука, 1966 С. 119–134.

[135] Словарь русского языка: В 4-х томах / Под ред. А П. Евгеньевой. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Русский язык, 1981–1984.

словоупотреблением, которое характеризует литературу, прессу, живую речь последних лет. В Словарь введены новые слова и новые значения, устранены случайные пропуски, проверены все отсылочные словарные статьи. Второе издание МАС, по замыслу авторов, должно было отразить состояние лексической системы русского литературного языка 60–70-х годов XX века.

Изменения произведены в принципах отбора слов. Первоначальные установки словаря несколько сужали отбор специальной лексики, а также круг производных слов, включаемых в словарь. Основанием для включения терминологической и специальной лексики во втором издании служит широкое употребление ее в общей прессе Такой подход делает минимальной возможность случайного пропуска употребительных и весьма акутальных в настоящее время терминов.

Одновременно с пополнением словника новыми словами производился пересмотр лексического состава словаря с точки зрения его актуальности. Из нового издания исключены явно устарелые слова, которые оставались в словаре по традиции и к настоящему времени вышли из употребления, потеряли в современном языке свою значимость.

Не меняя концептуальных установок словаря, его авторы пересмотрели приемы описания некоторых разрядов слов. Наиболее существенными изменениями являются: введение в словник и описание наречий на -о, -е, -ски, образованных от прилагательных, и введение взаимных ссылок на соотносительные по виду глаголы.

Важным и новым делом для всей академической лексикографии явилось расширение грамматической характеристики глагола путем указания на видовую соотносительность. Переработка всего корпуса словаря в этом плане несомненно была очень трудоемкой, так как видовые соответствия необходимо было проверить на уровне отдельных значений. Однако проделанная работа оказалась оправданной: словарем стало удобнее пользоваться, а его ценность как справочника возросла.

Уточнению подверглась и стилистическая квалификация слов, что было вызвано стремлением авторов МАС к более современному (или правильному) описанию лексической системы (см. словарные статьи барич, гаер, выродок, высидеть, лгать и др.).

Помета «ист.» во втором издании меняет свое содержание. Она переводится в разряд терминологических, поэтому, в ряде случаев, происходит расширение толкований слов, относящихся к историзмам.

Герольд -а, м. Вестник, глашатай в странах Западной Европы при дворах крупных феодалов (помета «ист.» снята).

Катапульта, -ы, м. 1. Ист. Осадная машина для метания камней, бочек с горючим и т.п., применявшаяся в древности (помета «ист.» введена во втором издании).

В новом издании МАС исключена помета «устар.-поэт.» (она заменена более точной пометой «трад. поэт.»), введена новая помета «офиц.-дел.» (официально-деловое слово).

Работа, которая была проведена по совершенствованию смысловой характеристики слов, в значительной степени способствовала усиле-

нию внутренней целостности Словаря. В большинстве случаев изменеие текста толкований объяснимы, закономерны и удачны (см., например, словарные статьи барьер, вожделение, возможный, вольный, вырубка, гладкий, гнилой, дрейфить, камера, каньон, катастрофа, канючить, капитал, пепельница, первач, плошка, подхалим и мн. др.).

Можно утверждать, что изменения введенные с структуру словарных статей, в подавляющем большинстве отвечают требованию «предельной ясности, точности и краткости» при описании слов. С этой целью добавлены или сняты значения слов, оттенки, произведены изменения в описании устойчивых сочетаний (см. статьи баня, бежать, вожак, возвести, воздух, воровски, высадить, выслужить, высота, геркулес, говор, закрыться, казенный, канал, капитализация, карточка, карусель, касса, лаконичный, лезть, лента, лететь, летучий и мн. др.).

Во втором издании заметно увеличилась доля энциклопедической (прагматической) информации в толковании слова. Ср.:

МАС I — Гондола, -ы, м. Длинная полоскодонная одновесельная венецианская лодка с каютой.

МАС II — Гондола, -ы, м. 1. Длинная полоскодонная одновесельная венецианская лодка с высоко поднятой кормой и носом, обычно имеющая каюту или навес для пассажиров.

МАС I — Каолин, -а, м. Белая огнеупортная глина, применяемая в фарфорово-фаянсовом, бумажном и др. производствах.

МАС II — Каолин, -а, м. Горная порода, состоящая из глинистых минералов, применяемая в различных видах промышленности (химической, бумажной, фафоровой и т.д.).

МАС I — Скафандр, -а, м. Водонепроницаемый костюм стратонавта, космонавта со шлемом и дыхательным аппаратом.

МАС II — Скафандр, -а, м. Индивидуальное герметическое снаряжение (оболочка, шлем, перчатки, ботинки) водолаза, космонавта, летчика, обеспечивающие жизнедеятельность и работоспособность в условиях, отличающихся от нормальных.

При знакомстве с текстом словаря (как первого, так и второго издания) становится ясным, что авторы МАС отдают предпочение авторам-классикам, так как основная масса иллюстративного материала почерпнута из художественной литературы конца XIX– начала XX века. Это сказывается в словнике, разработке новых значений, подходе к нормам словоупотребления. Целесообразность избранной тактики казалось бы очевидна: словарь опирается на бесспорный в стилистическом и нормативном отношении материал. Однако наметившийся полувековой разрыв (особенно во втором издании) между предметом описания и предъявленным в словаре материалом может вызвать закономерные сомнения в адекватности лексикографического описания тому реальному состоянию языка, в котором он находится на момент описания. Такое отставание МАС в регистрации живых языковых фактов объясняется традиционным взглядом на академическую лексикографию как лексикографию стабильных, устоявшихся явлений и процессов. Вместе с тем доля авторов-современников в МАС реально гораздо выше, если

учитывать речения, в основе которых лежат цитаты из современных произведений.

В целом изменения, произведенные во втором издании МАС, следует признать целесообразными, отвечающими генеральным задачам этого словаря. Немаловажно, что в отборе материала, приемах и способах грамматической характеристики, системы филологической разработки значений и оттенков, технике показа сферы употребления слова авторы МАС продолжили и развили традиции русской лексикографии[136].

Значение МАС состоит в убедительном и последовательном описании лексической системы русского литературного языка нашего времени. Дана последовательная стилистическая квалификация слов. Теория и практика лексикографии обогатилась целостным, непротиворечивым описанием основного массива лексики русского языка. Проверены на практике приемы структурирования семантического объема многозначного слова и правила соотнесения всех аспектов лексикографического описания языка. Получено новое знание относительно системного описания лексики и представления лексики как системы. Словарь, сохраняя преемственность в лексикографическом описании лексики, в то же время дополнил и развил традиции академической лексикографии. Важным достижением словаря стал тот факт, что этот фундаментальный труд представляет собой надежную базу для дальнейших исследований и обобщений в сфере лексикологии и семасиологии.

Словарная разработка русской фразеологии

Глубокие теоретические изыскания и бурные дискуссии по актуальным проблемам фразеологии в ходе становления ее как самостоятельной лингвистической дисциплины в последние 40 лет дали новый толчок к развитию практической фразеографии.

История отражения фразеологических единиц (ФЕ) в лексикографических источниках насчитывает несколько столетий, но еще в прошлом веке академические толковые словари и словарь В. Даля включали ФЕ лишь в качестве иллюстраций.

За последнее время создано более ста специальных фразеологических словарей разных типов. Однако практическая словарная разработка фразеологии не достигла пока тех высот, как теория фразеологии. Фонд русской идиоматики в хронологических рамках последних полутора веков насчитывает до 25 тыс. ФЕ,[137] объем же словника самого крупного на сегодняшний день толкового Фразеологического словаря русского языка под ред. А. И. Молоткова[138] составляет лишь 4 тыс.

[136] *Сороколетов Ф. П.* Традиции русской советской лексикографии // ВЯ. 1978. № 3. С. 26–42.

[137] *Бабкин А. М.* Фразеология и лексикография // Проблемы фразеологии. М., 1964. С. 29.

[138] Подробное библиографическое описание словарей см. в Списке источников.

единиц, что не идет ни в какое сравнение с охватом фразеологии в многоязычно-русских словарях (Итальянско-русский фразеологический словарь. 1982. — 23 тыс. ФЕ, Испанско-русский фразеологический словарь. 1985. — 30 тыс. ФЕ, Англо-русский фразеологический словарь. 1984. — 20 тыс. ФЕ). Что касается историко-этимологического комментирования ФЕ, то здесь до сих пор не превзойден словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое» (1901–1902).

По точности и глубине дефиниций, полноте грамматической информации, корректности стилистических помет, раскрытию особенностей функционирования, представлению единиц в их внутренней и внешней системности словарная репрезентация фразеологии не может сравниться с разработкой лексики. Среди причин такого положения дел как нерешенность отдельных теоретических вопросов фразеологии (отношение знаковой функции идиомы и слова, правомерность выделения категории «фразеологического значения», разграничение синонимии и вариантности ФЕ, лексико-грамматической вариантности и формообразования, проблема границ идиомы в связи с разного рода промежуточными аналитическими конструкциями и др.),[139] так и отсутствие стройной теории фразеографии с обобщением ее практического опыта.

Проблема параметризации фразеологии, которая особенно остро встала в связи с созданием машинного фонда русского языка,[140] актуальна и для «некомпьютерных» словарей. Фразеологические параметры многомерны и многочисленны. В функцонально-параметрической модели идиом выделяется до 18 параметрических зон.[141]

Одна из важнейших задач параметризации — разделение идиом на идеографические разряды с учетом антропоморфности, оценки с позиций человека в их семантике. Это особенно актуально в связи с задачей создания идеографического словаря фразеологии, где в полной мере раскроется ее системный характер.[142]

При параметризации идиом по признаку оценочности обнаружится специфика в оценке субъекта, объекта, явления, ситуации. Выявится внешняя и внутренняя оценочность, где основной оппозицией окажется «пейоративность — мейоративность» с преобладанием первого ее полюса. Градуирование эмотивности — столь же ответственное направление в параметризации идиом, причем, разграничение эмотивности и оценочности, выступающих в органическом симбиозе, возможно лишь в операционном плане.

[139] Телия В. Н. Природа и сущность знаковой функции идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей разных типов и для машинного фонда русского языка. М., 1988. С. 12.

[140] Подробнее см.: Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей разных типов и для машинного фонда русского языка. М., 1988. С. 198.

[141] *Телия В. Н.* Структура и состав словарной статьи для идиом в Автоматизированном словаре // Лексикографическая разработка... С. 52.

[142] *Аксамитов А. С.* О некоторых принципах построения идеографического фразеологического словаря // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск, 1987. С. 49–53.

Стилистический параметр фразеологии отражен в словарях крайне спорадично и неполно. Здесь необходима последовательная разработка критериев характеристики идиом по двум направлениям — функционально-стилистическому и экспрессивно-стилистическому с последующей детализацией. Это одна из наиболее сложных во фразеологии и фразеографии задач, не случайно многие русские словари практически отказались от стилистической характеристики ФЕ. Существует мнение о «стилистической сниженности разговорных ФЕ»,[143] составляющих 80 % фразеологического фонда русского языка.

Другая крайность — признание стилистически нейтрильным основного пласта фразеологии.[144] Однако «нейтральность» фразеологии, как и ее «стилистическая сниженность» — относительны. Релевантными признаками ФЕ является экспрессивность, оценочная маркированность, и именно разговорное соответствует основной функционально-экспрессивной нагруженности идиомы, разговорное во фразеологии служит своеобразным стилистически нейтральным полем, на фоне которого резко выделяются книжные и грубо-просторечные обороты.

В семантико-грамматической параметризации идиом накоплен значительный опыт, который, однако, не воплощен в словарной практике с достаточной полнотой и целенаправленностью.[145]

Объектом исследования в связи с разработкой ФЕ в словарях стало явление фразеологической вариантности, синонимия, антонимия, структурно-семантические модели и другие проявления системности внутри фразеологического состава, а также многие «технические» лексикографические вопросы, от успешного решения которых зависит объективная словарная репрезентация фразеологии как системы — порядок расположения ФЕ в словаре, структура словарной статьи и отдельных ее компонентов (работы А. М. Бабкина, В. Г. Гака, А. М. Бушуя, Е. Г. Багатуровой, И. Л. Городецкой и других).

Интересно проследить, как на практике решались и решаются сложные вопросы фразеологии, как складывались основные тенденции репрезентации ФЕ в словарях общего типа — толковых, исторических, этимологических, диалектных, а также в специализированных, фразеологических, среди которых тоже выделяются толковые, исторические, этимологические, диалектные и «узкоспециальные» — словари устойчивых сравнений, словари фразеологических синонимов и некоторые другие.

Если древнейшим этапом русской лексикографии можно признать период не позднее XI в. (толкование некоторых слов и выражений на полях рукописей), а этапом формирования отдельных направлений

---

[143] *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т.* Словарь фразеологических синонимов руского языка. М.: РЯ, 1987. С. 18.

[144] *Бушуй А. М.* Лексикографическое описание фразеологии. Самарканд, 1982. С. 31–32

[145] *Мокиенко В. М.* Параметры русской идиоматики // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей разных типов и для машинного фонда русского языка М , 1988. С. 16–18.

лексикографии — XIII–XIV вв. (появление глоссариев-ономастиконов, словарей-разговорников, словарей символики и переводных — славяно-русских),[146] то начало более или менее регулярной словарной фиксации устойчивых словосочетаний (УС) фразеологического характера следует связывать с Азбуковниками XVI–XVII вв.[147] — сборниками языковедческой направленности, объединившими предшествующие словарные материалы и новые опыты лексикографического анализа библейских текстов, учительской литературы, патериков, житий и т.п.

Составители Азбуковников испытали значительное влияние взглядов Макима Грека — философа, писателя, словарника XVI в. Для истории фразеологии и фразеографии чрезвычайно ценны его толкования античных фрагментов, включающие упоминания о *колоссе Родосском, иракле́йских столпах*, что является по сути дела фиксацией самой ранней стадии закрепления этих выражений в русском языке — стадии усвоения сюжета и формирования устойчивости компонентного состава.[148]

Подвергнув детальному анализу списки Азбуковника ГПБ 0.XVII.I и Погод. 1143, которые относятся к началу XVII в., Л. С. Ковтун отмечает наличие здесь таких ценных для историков фразеологии сведений, как сведения о лексических пластах, на основе которых возникали ФЕ, об отдельных словах-символах, ставших образным стержнем фразеологизмов (напр., лексика из области астрологии — *планида, фортуна* или мифологии — *феникс, кентавр, химера*). Здесь толкуются, в частности М. Греком, устойчивые символические словосочетания *колесо счастья (фортуны), счастное колесо* или приводятся материалы, на основе которых позднее сформировалась внутренняя форма, образная основа ФЕ: «*Крокодил. звѣрь водныи... егда имет чл̃ка ясти, тогда плачет и рыдает, а ясти не престанет*».[149]

В XIX в. язык древнерусских письменных памятников стал объектом фундаментального лексикографического труда И. И. Срезневского. «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», изданные в 1883–1912 гг. и переизданные в 1958 и 1989 гг., почти полностью охватывают лексический состав рукописных источников — летописей, грамот, уставов, посланий, житий, сказаний XI–XIV вв. и частично — памятников XV–XVIII вв. Наряду с отдельными лексическими единицами в словарь вошли и устойчивые словосочетания различного характера, которые приводятся после толкования значения заголовочного слова в качестве иллюстраций к нему. Это богатый материал для изучения в диахроническом плане проблем устойчи-

[146] *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI–начала XVII в. Л. : Наука, 1975. С. 3–4.

[147] *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л.: Наука, 1977. С. 45–55.

[148] *Ковтун Л. С.* К истории русской идиоматики // Вопросы теории и истории языка. Л. 1969. С. 179–188.

[149] *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. С. 45–55.

вости и воспроизводимости, для выявления причин и условий развития в УС переносного значения по типу метафоры или метонимии. Ср.: *ходити говѣюще* — `жить целомудренно´: *Устави женамъ за единъ мужь посагати и ходити говеющи.* Ип. л. 6622 л. (Срезневский, 1, 533); *въсѣсти на конь, въсѣсти на кон* — `идти в поход´: *...во/з/сѣсти на конѣ Рожества Христова и снятися всѣмъ в Черниговъ* (Срезневский, 1, 432); Помимо морфологической вариантности УС, Срезневский фиксирует и лексические замены компонентов, отмечая соответствующие семантические различия: *быти в версту, ставити в версту* — `быть, считать равным´: *Въ разумъ себѣ въ версту не поставилъ никого.* Указ. ц. Мих. Ѳеод. кн. Ив. Хворост. 1632 (Срезневский, 1, 462).

Результатом современных исследований и лексикографической обработки письменных памятников XI–XIII вв. являются «Словарь-справочник "Слова о полку Игореве"» (Сл.-Спр.) и «Лексика и фразеология "Моления Даниила Заточника"» (ЛФМ). ФЕ здесь разрабатываются более последовательно, с учетом определенного, хотя и не очень богатого опыта исторической фразеологии и фразеографии (ведь к совсем недавнему нашему прошлому относится констатация Б. А. Ларина: «Мы вполне осознали насущную необходимость исторической разработки фразеологических материалов по всем доступным источникам: памятникам письменности с X в., фольклорным текстам и диалектным данным».[150]

В Сл.-Спр. фиксируются в основном более или менее частотные УС, обладающие к тому же особым оттенком значения, как отмечается в предисловии к словарю. Вот пример подачи таких словосочетаний в составе словарной статьи после толкования значения слова, оттенков значения и иллюстраций: *глас— гласъ.* 1. Голос ... ~ Единым гласомъ — в один голос, единогласно. 1553: Казанцы же въ градъ единымъ гласомъ рѣша ...

В ряде случаев, в частности в рассматриваемой статье, Сл.-Спр. дает дополнительные пословичные материалы: Гортань гласу родитель, глас же гортани кормитель. Послов. Сим. 92. Овца по гласу, а волк по зубам познается. Послов. Богд. 14. (Сл.-Спр., 157–158).

Своеобразный в стилистическом отношении текст «Моления» Даниила Заточника, содержащий элементы разговорной речи и церковнославянизмы, цитаты из Библии и образные народные изречения, особенно ценен как источник материала для историков фразеологии.

Большое количество УС, находящихся на разных стадиях фразеологизации, вошли в ЛМФ. Под знаком Δ в конце словарных статей даются идиомы с четким графическим оформлением вариантности, толкованиями различных типов, указаниями на ситуации употребления: *возрѣти ярым окомъ* — `разгневаться´; *отлученъ свѣта очию* — `находится в опале´; *свѣте (свѣтъ) очию моею* — о любимом человеке (в обращении) (ЛФМ, 133); *подразити нози (ноги, под ноги)* — лишить благополучия, ввергнуть в беду (ЛФМ, 149).

---

150 *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии // *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 137.

Изучая материалы ЛФМ, можно сделать интересные выводы о семантических сдвигах и изменении сферы употребления отдельных ФЕ в ходе исторического развития языка (ср., напр., сужение до речевой формулы широко употребительного сочетания *царствие небесное* в значении `рай ´: Просящему у тебе даи, толкущему отверзни, да не лишенъ будеши царствия небесного (ЛФМ, 219). Знаком > здесь обозначаются УС, не имевшие, по мнению авторов, резкого изменения семантики в XII–XIII вв., но и среди них представляют интерес в плане изучения развития образности выражения типа ***вознести до облакъ (облака)*** — `превознести, чрезмерно расхвалить ´; ***приклонити ухо*** во что — `прислушаться, внимательно выслушать ´, формирующиеся фразеологические модели: ***заградити уста*** — `не дать говорить, заставить молчать ´ (ср.: в современном русском языке — ***заткнуть (закрыть, зажать) рот (глотку), замазать рот*** с аналогичным значением). Интересно отметить среди УС, отраженных в ЛФМ, субстантивные перифразы, вторичные номинации реалий, обладающие теми же категориальными признаками, что и перифрастические единицы современного языка: ***пчелиное (пчелное) дарование*** — `о меде ´ (ЛФМ, 52), ***сладкое питие*** — `хмельной напиток ´ (ЛФМ, 143).

По сравнению с предшествующими историческими словарями в Словаре русского языка XI–XVII вв. существенно увеличен объем фразеологического материала. Под знаком ◊ в конце словарной статьи даются (недифференцированно) составные наименования без переосмысления значения компонентов, а также УС с метафоризацией и узкой сочетаемостью одного из компонентов типа ***безголовная беда*** (СРЯ-XI–XVII, 1, 102) — `горькая, тяжкая беда ´; ***кидати имена, прозвища*** (кому-л.) (СРЯ–XI–XVII, VII, 120) — `называть кого-л. оскорбительными именами, прозвищами ´. Широко представлены идиомы с учетом всех возможных модификаций. Фиксируются фразеоформы, различающиеся залоговыми значениями: ***не оставити камень на камени (не стоялъ бы камень на камени*** — `уничтожить, разрушить до основания (быть уничтоженным, разрушенным до основания) ´ (СРЯ–XI–XVII, VII, 46). Показаны случаи развития различных, иногда далеких друг от друга, оттенков значения ФЕ, которые уже можно рассматривать как самостоятельные значения: ***каменемъ кинути (яко каменемъ веречи, яко вережением камени)*** — близко, рядом с чем-л.; поодаль от чего-л. (СРЯ–XI–XVII, IIV, 46).

В отдельных случаях толкование заменяется иллюстративным контекстом, что оправдано наличием структурно-семантических соответствий в современном русском языке: *Беречи, что глаза своего. А мнѣ, холопу своему велѣлъ... васъ государевыхъ людей беречи что глаза своего*(СРЯ–XI–XVII, I, 147). Опасность ложных аналогий снимается исчерпывающей информацией о семантико-стилистическом своеобразии ФЕ в древнерусском языке, показаны контексты употребления: *Кожа и кости* — `пренебрежительно о человеке ´. *И онъ Терешка на очной ставкѣ говорилъ и сквернилъ свою кожу и кости матерны своими словами.* (СРЯ–XI–XVII, VII, 219).

Словарь русского языка XVIII в., издающийся с 1984 г., представляет собой системное описание лексики и фразеологии следующей исторической эпохи — эпохи формирования в России нового литературного языка на национальной почве. Среди источников словаря — документы всех жанров литературы того времени, когда особенно активизировались процессы фразеологизации на русском материале и калькирования иноязычных ФЕ.

В СРЯ–XVIII, особенно в последних его выпусках, последовательно выделяется идиоматика во всем многообразии фразеологической вариантности с учетом процессов эксплицирования и имплицирования ФЕ. Единицы, имеющие одну образную основу, объединяются во фразеоблок: ***вертеться [кривляться] как «лысый» бѣс перед заутреней; переворачиваться бѣсом*** — `изворачиваться, юлить´ (СРЯ–XVIII, I, 206); ***Не знать [не смыслить] ни (и) аза (аз) в глаза (в глаз)*** — 1. `не знать грамоты, быть полным неучем´; 2. `не знать, не понимать ничего в каком-л. деле´. ***Ни аза*** — `ничего, совершенно ничего´ (СРЯ–XVIII, I, 30).

Тщательную проработку полисемии и стилистической дифференциации фразеологических вариантов, отражение синонимии и антонимии во фразеологии XVIII в. иллюстрирует следующий фрагмент словаря:

~ ***Врата ада [тартарские]*** 1. Ритор. Поэт. `Приближение смерти´; `смерть´. 2. Церковнослав. `Адские силы, гонители церкви´. 3. Ритор. Поэт. `Ад, адская бездна´.

~ ***Врата райские [неба].*** `Царство небесное, рай.´

~ ***Врата смерти [смертные].*** Ритор. Поэт. `Смерть.´ (СРЯ–XVIII, IV, 124).

Русский фразеологический материал дополняется иноязычными параллелями, что в ряде случаев помогает установить источник заимствования: ***учинять авансы, подавать авансы*** ... ср. фр. faire les avances (СРЯ–XVIII, I, 13).

Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. (САР) впервые представил развернутое описание содержательной стороны языка: показал слово во всей совокупности его «знаменаний» на фоне всего словарного состава. Одно из главных достоинств словаря — стремление составителей «к объяснению метафорического смысла».[151] Особо здесь отмечены случаи, когда изменение смысла обусловлено конструктивно или фразеологически. Словарь включает фразеологию различного экспрессивного и эмоционального плана, но по сравнению с литературными произведениями того времени (комедии, стихи) она представлена в САР, проникнутом идеей нормативности, далеко не полно.[152] При переиздании САР (1806–1822) фразеология была расширена. Но ни в отношении этого переиздания, ни в отношении следующего академического труда — Словаря церковнославянского и русского языка (1847),

[151] *Кутина Л. Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 71–72.
[152] *Кутина Л. Л.* Словарь Академии Российской // РЯЗР. 1974. № 4. С. 69–71.

где богато представлена не только книжная, но и разговорная лексика, нельзя говорить о полном и системном представлении фразеологии.

Вышедший в 1891–1895-гг. I том (А–Д) Словаря русского языка (СРЯ), составленного II отделением Академии Наук под ред. Я. К. Грота, превзошел академический словарь 1847 г. не только по объему, но и по точности определений, ясности, четкости семантических характеристик, разграничению значений и фразеологических употреблений.

Для словаря характерен широкий охват фразеологии литературного языка и разговорной речи, расположение ее по стержневому принципу с целью собрать в ряды под одним словом-символом, использование разветвленной системы помет и указаний на особенности употребления: *Агнец* — устар. в выражениях: *отольются волкам слезы агнцов, зарежет как волк агнца* ... Образно и в сравнениях: `о кротком, незлобивом человеке´: *делить людей на агнцев и козлиц; агнец простодушный; добр как агнец; явиться агнцем* ... (СРЯ, I, 161). Впервые в академическом словаре так широко представлены структурные, морфологические, фонетические варианты ФЕ, в том числе диалектные.

Часто Я. К. Грот стремится обобщить через одно слово-символ историю ряда ФЕ. Так, фразеологизмов с компонентом *Адам (при Адаме; начинать с Адама; в костюме Адама; Адамом сидеть (лежать)* — обл., *(живет) как Адам в раю* и др.) дается пояснение: Адам, по библейскому сказанию, имя первого человека. Употребляется в некоторых выражениях, отражающих пережитки разнообразных представлений, связанных с библейским сказанием (СРЯ, I, 189).

Особое место среди толковых словарей XIX в. занимает Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля (1-е изд. — 1863–1866). Он противопоставлен нормативным академическим словарям своими целями (всесторонний показ живой народной речи, отражение духа и мировоззрения русского народа) и, соответственно, характером материала и принципами его подачи (расширение словника за счет диалектной, профессиональной, просторечной лексики и фразеологии, включение огромного количества пословиц и поговорок (30 тыс. единиц), загадок, скороговорок и т.п., гнездовой способ расположения с учетом семантических, словообразовательных, этимологических связей слов, отказ от стилистических помет, толкование посредством синонимов и др.).

Недостатки и достоинства словаря В. Даля, его роль в развитии русской лексикографии и значение как историко-культурного явления были предметом исследований и обсуждений филологов, писателей, общественных деятелей нашего времени и современников Даля.[153]

Словарь не утратил своего значения как источник лингвострановедческой информации, справочник разговорной русской речи XIX в., в том числе народной фразеологии и паремиологии. Это можно увидеть даже из небольшого фрагмента словарной статьи: *Веревка*... Веревкой

[153] *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. С. 32.

не свяжешь, — говорят о несогласии супругов. Дал Бог руки, а веревки сам вей, — работай. Онъ изъ песку веревки вьет, изо всего выгадывает. Онъ просто изъ насъ веревки вьет, — помыкает нами. Сколько веревку ни вить, а концу быть. Слизко, неловко, в середке веревка? — сальная свеча. Быть бычку на веревочке, хлебать лапшу на тарелочке — острастка, угроза. Словно ихъ чорт веревочкой связал, такая дружба (Даль. I, 179).

Составители толковых словарей русского языка периода становления фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины пытаются определить свое отношение к устойчивым словосочетаниям («ходячим выражениям», «так называемым фразеологическим единицам») и упорядочить систему их представления. Однако в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н.Ушакова (ТСРЯУ), в Словаре русского языка С. И. Ожегова (СО) все еще нет дифференциации типов устойчивых словосочетаний. Под знаком ◊ здесь даются идиомы, терминологические и другие составные наименования, так называемая грамматическая фразеология, как, впрочем, и в Малом Академическом словаре (МАС), составители которого во вступительной статье пытаются данные типы УС все-таки разграничить.[154]

В БАС устойчивые словосочетания приводятся после иллюстративных материалов того значения слова, «с которым сочетание или выражение связано по смыслу»,[155] в остальных случаях — в конце статей. БАС наиболее последователен в соблюдении порядка размещения и толкования ФЕ.

С большей или меньшей степенью корректности словари отмечают имплицитно-эксплицитную вариантность фразеологизма. Но в целом можно с уверенностью говорить о недостаточно полном отражении внутренней системности ФЕ в толковых словарях, а системные отношения между фразеологизмами — синонимия, антонимия, деривационные связи — практически не показаны. Анализ толковых словарей в этом плане, теоретические основы и практические рекомендации составления фразеоблоков, отражающих фразеологическую парадигматику как проявление системности, предлагаются в работах А. М. Бушуя.[156] Большей объективности требует и отражение в толковых словарях соотношения, взаимосвязи лексической и фразеологической систем.

Задачу оперативной регистрации и лексикографической обработки лксических и фразеологических инноваций в русском языке ставят перед собой авторы серии «Новое в русской лексике» (НРЛ). Ежегодные выпуски (Словарные материалы — 1977 и т.д.) содержат от 1,5 до 5 тыс. неологизмов с грамматическими пометами, толкованиями, иллюстрациями из периодической печати, литературно-художественных

[154] МАС. Т. 1. С. 9.
[155] БАС. Т. 1. С. XII.
[156] *Бушуй А. М.* 1) Лексикографическая и библиографическая репрезентация фразеологии. АДД. Л., 1983. С. 12-16; 2) Словарная репрезентация фразеологии // Фразеология в тексте и словаре. Самарканд, 1986. С. 4-12.

журналов соответствующего временного отрезка. Кроме того, здесь помещаются дополнительные материалы — списки неологизмов без описания или с неполным описанием.

Определение сущности фразеологических новообразований, выбор и обоснование критериев их оценки (в частности временной критерий в связи с вопросом о первой регистрации фразеологизма и его действительным присутствием в языке), проблема отграничения ФЕ-неологизмов от индивидуально-авторских трансформаций и метафорических словосочетаний однократного употребления — все эти не получившие пока однозначного решения вопросы[157] в серии НРЛ решаются в пользу включения в словарь всех актуальных речевых вариантов существующих ФЕ, а также потенциальных фразеологизмов — оборотов разового употребления. Они даются без толкований, но особо оформляются графически и иллюстрируются: ***«Морковный кофе»***. «Такими словами мы определяем деловые качества тех специалистов, которые досконально своего дела не знают, любознательностью не отличаются, старанием тоже ». Изв. (НРЛ–82, 112). ***«Ловить собственный хвост»***. «Мы опять хитрим. Придумываем, ловим собственный хвост». НМ (НРЛ–82, 97).

Наряду с ФЕ широкого распространения в словарь вошли идиомы-профессионализмы: ***ездить вокруг трубы*** — ʽсовершать поездки по короткому маршрутуʼ (НРЛ–81, 80); ***работать в стол*** — ʽписать, создавать произведения, не публикуя ихʼ (НРЛ–82, 101); ***раздача слонов*** — ʽкритические замечания в адрес каждого из спортсменов после соревнованийʼ (НРЛ–82, 164) и т. п.

По происхождению ФЕ-неологизмы — это подвергшиеся переосмыслению терминологические словосочетания: ***силовой прием*** (НРЛ–82, 180), ***Бермудский треугольник*** (НРЛ–83, 16), ***игра в одни ворота*** (НРЛ–82, 74), ***работать «скрытой камерой»*** (НРЛ–77, 58) и др., ФЕ, образованные по существующей в языке модели: ***в шашлык превратить*** (НРЛ–82, 22), ***вокруг пальца прогуливать*** (НРЛ–82, 133), ***от гимна до гимна*** (работать) (НРЛ–82, 49) и др.; единицы, возникшие на новой образной основе: ***проголосовать ногами*** (НРЛ–81, 175); самые разнообразные индивидуально-авторские трансформации ФЕ (иногда они даются с указанием прототипа и способа трансформации): ***слесарю — слесарево*** (ср. ***кесарю — кесарево*** — (НРЛ–82, 183)), ***свой среди своих*** (перефразировка названия кинофильма «Свой среди чужих, чужой среди своих»); фразеологические кальки с указанием языка источника: ***промывание мозгов*** — калька с англ. brain washing (НРЛ–77, 117).

Несмотря на некоторую непоследовательность в соблюдении критериев отбора ФЕ (к их числу отнесены отдельные слова: ***лакирнуть*** чем (НРЛ–78, 107), ***заряженность, заряженный*** на что (НРЛ–79, 94) и др., свободные словосочетания с метафорическим компонентом типа

[157] *Дюрчо П.* Лексикографическая обработка фразеологических неологизмов // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск, 1987. С. 67–68.

оймяконский мороз (НРЛ–83, 175)) и отдельные неточности в определении границ и исходных форм ФЕ (*что лапшу на уши вешать* — НРЛ–79, 125, ***веников не вяжет*** — НРЛ–79, 110), серия чрезвычайно ценна как лексикографический источник, отражающий фразообразовательные процессы и их результаты на определенном этапе развития языка.

Способствовать осмыслению конкретных механизмов фразообразования на фоне общей картины взаимодействия лексической и фразеологической систем призваны этимологические словари, которые, однако, начиная со «Сравнительного этимологического словаря русского языка» Н.В. Горяева, включают ФЕ лишь спорадически.

Почти отсутствуют фразеологизмы в этимологических словарях словообразовательно-исторического типа с привлечением сопоставительного материала (Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского, Этимологический словарь русского языка под ред. Н.М. Шанского (ЭСРЯ) и близких к научно-популярному типу словарях Г. П. Цыганенко и Кратком этимологическом словаре русского языка Н.М. Шанского, В. В. Ивановой, Т. В. Шанской (ШИШ). Да и в словаре М. Фасмера, достоинства которого не раз отмечались специалистами, ФЕ используются обычно в комментариях к отдельным словам, входящим в их состав.

В случае достоверной этимологической трактовки компонентов ФЕ эти словари могут быть полезны при установлении происхождения оборота, но многие противоречивые и взаимоисключающие версии, предлагаемые их авторами, требуют критического осмысления с привлечением обширного языкового материала, данных этнографии, истории. Так, слово *баклуша* Н. В. Горяев связывает с лат. baculum — `палка, посох´. А. Г. Преображенский и М. Фасмер признают его происхождение неясным и называют две реалии, обозначаемые данной лексемой: 1. `чурка, обрубленная для выделки деревянной посуды — ложек, мисок и проч.´, 2. `музыкальный инструмент в виде таза, тарелки´ (Преображенский, 51; Фасмер, 1, 110). Тематически близко к первому значению и толкование слова Н.М. Шанским как производного с помощью суффикса *-уш(а)* от той же основы (*бакл-*), что и *баклага* — `деревянная обручная или долбленая посудина´, диал. *баклан* в значении `чурка´, *калбан* в значении `самодельная деревянная миска´ (ЭСРЯ, II, 16; ШИШ, 27). Выражение *бить баклуши* приводится всеми авторами как устойчивый или единичный контекст употребления данного слова без указания путей формирования переносного смысла словосочетания — `бездельничать, заниматься пустяками´. Общепризнанная в настоящее время этимологическая версия связывает происхождение оборота именно с выделкой заготовок для деревянной посуды, а его исходная мотировка выглядит следующим образом: *бить баклуши* → `заниматься легким, пустяковым делом´. Методика структурно-семантического моделирования с использованием славянских, в том числе диалектных, параллелей позволяет доказать несостоятельность этой версии и обосновать мотивировку: *бить баклуши* → играть в городки, бабки и т.п.

→ ‵заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью′ → ‵бездельничать′.[158]

Диалектные словари различных типов — полные и дифференциальные, одного говора и сводные, толковые и «переводные» диалектно-литературные, а также сочетающие элементы двух и более типов постепенно образуют систему диалектных лексикографических источников.[159] Однако все они у́же и менее последовательно отражают фразеологию по сравнению с лексикой в силу ряда объективных и субъективных причин. Это и бо́льшая экспрессивность диалектной лексики, а следовательно, сокращение количества и сужение сферы употребления ФЕ, и проблема идентификации менее устойчивых по сравнению с общелитературными и активно варьирующихся диалектных фразеологизмов, и недостаточная разработанность методики целенаправленного сбора фразеологического материала в диалектологической практике.[160]

Среди диалектных словарей прошлого века заслуживает внимания Опыт областного великорусского словаря (Опыт), изданный в 1852 г. Вторым отделением Академии наук под ред. А. Х. Востокова с Дополнением, где фиксируется и толкуется лексика и фразеология живой речи свыше 30 самых разных регионов России от Архангельской до Астраханской губернии, от Псковских и Новгородских земель до Томска и Иркутска. Наряду с другими видами устойчивых сочетаний здесь представлены идиоматические выражения типа *налить бельмы* (Пск., Оп., Смол.) — ‵напиться пьяным′ (Опыт, 19), *гуня мокрая* (Пск., Оп.) — ‵о неопрятном, пьяном человеке′, контексты их речевой реализации: *Ходить как гуня мокрая* (Опыт, 44), пословицы и поговорки, которые пока четко не разграничиваются в теории фразеологии, с соответствующими пометами: *Там ты как ни ширься, а через воронец не скочишь.* Поговорка. Олон. (Опыт, 28).

Словарь русских народных говоров (СРНГ), издающийся с 1965 г., наиболее значительный сводный словарь русской диалектной лексики и фразеологии. Терминологические и другие устойчивые сочетания нефразеологического характера отграничиваются здесь от идиом, которые выделяются особо в конце статьи под знаком ~ .

В случае многозначности слова (внутридиалектной или междиалектной) и прозрачной связи идиомы с одним из значений, она приводится на это значение с той же лексикографической обработкой, что и отдельное слово: заголовок, грамматические и другие пометы, указание на ближайший контекст, толкование значения, иллюстрации, географические сведения, указания на письменные источники:

Голова, ы, ж. 1. ~ *Во всю голову* (кричать, смеяться и т.п.). ‵Очень громко, во все горло′. Старый казак смеется во всю голову. Пудож. Олон., Рыбников (СРНГ, VI, 298).

---

[158] *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М.: ВШ, 1980. С. 62–69.

[159] *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. С. 89.

[160] *Федоров А. И.* Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск. Наука, 1980. С. 22–27.

Небо и нёбо, а, ср. 1. Небо, небеса...

~ *К нёбу дира*. О серости, отсталости (в прежнее время). *Все лес, ельняк, все к небу дира. Так и жили*. Вохом. Костром., 1976. Не всегда границы отмеченных в СРНГ фразеологизмов, отнесение их к разряду идиом и толкования бесспорны, что обусловлено отмеченной выше сложностью диалектного фразеологического материала.

Авторы большинства региональных словарей и не ставят своей целью разграничение идиом и других типов устойчивых сочетаний. Такие дифференциальные словари, как Архангельский областной словарь, Ярославский областной словарь (ЯОС), Словарь современного русского народного говора, д. Деулино (ССРНГ–Д), Словарь смоленских говоров (ССГ), стремятся максимально полно отразить специфические устойчивые сочетания говора во всех их вариантах и оттенках значения, вкладывая в понятие фразеологии самое разнообразное по характеру и объему содержание. Ср. под знаком ◊: *балы точить* — ʽбалагурить, шутитьʼ, *Абрамова губа* — ʽгрибʼ и *Акуля Роговна* — шутливое обращение (ЯОС, 1; 9, 21); *дождь дождем* — ʽдружно, все вместеʼ и *взять в зятья* (ССРНГ–Д, 145, 203); *бить бохлонки* — ʽбездельничатьʼ и *андарок беловой* — праздничный сарафан из белой тонкой шерсти (ССГ, 1; 76, 237).

Более точному и полному решению вопроса о соотношении диалектного и общенародного в данном языке и народном говоре способствуют полные словари, содержащие характеристику всех единиц лексико-фразеологического состава говора. Примером такого лексикографического источника является Псковский областной словарь с историческими данными (ПОС), выходящий с 1967 г. и объединивший, в соответствии с замыслом Б. А. Ларина, активный словарный состав псковских говоров с языком памятников письменности XIII–XVIII вв.

В предисловии к словарю Б. А. Ларин отмечает богатство собранных лексико-фразеологических материалов (по объему ПОС почти равен 4-томному словарю В. Даля), а также их детальную разработку в семантико-стилистическом плане.[161]

ПОС последовательно выделяет 3 типа устойчивых сочетаний в зависимости от спаянности компонентов: идиомы — ◊*вытырить тресоски* — ʽрассказать, что не следует, разболтатьʼ (ПОС, VI, 85), ◊ *брынды бить* — ʽбездельничать, уклоняться от работыʼ (ПОС, II, 18); метафорические речения, в которых прослеживаются значения слов-компонентов, прозрачна мотивировка словосочетания — ◊ *одни глазоньки* — об очень похудевшем, изможденном человеке; ◊ *глазуху есть (лопать, хлебать), глазухи поесть* — ʽпраздно, с любопытством смотреть на кого-н., что-н.ʼ (ПОС, VI, 177); составные наименования без метафорического переосмысления значения компонентов — > *быть на выхвалке* — ʽбыть хвалимымʼ (ПОС, VI, 91), > *с выходом* — ʽо медленном, плавном начале пляскиʼ (VI, 93).

[161] ПОС. Л., 1967. Вып. 1. С. 3.

Такой же тщательной систематизации авторы подвергают материал письменных памятников, документируя тем самым процесс исторического развития русской фразеологической системы: > *выходить на вылазку (из града)* — `выступать из крепости против осаждающего ее врага´; > *отдать чьи-н. животы истцам в выть* — `разделить имущество виновного по долям между истцами´ (ПОС, VI, 85); Δ *из (от) глубины сердца* — `с сильным чувством, переживанием´ (ПОС, VI, 184), Δ *только взять земли копытом* — `уехать ни с чем, не добившись победы´ (ПОС, III, 176).

Фразеологизм фиксируется в словарных статьях ПОС на все компоненты, кроме служебных слов. Толкование дается под компонентом, являющимся семантическим или образным стержнем, а при его отсутствии — под грамматически стержневым или под первым неслужебным словом.[162]

Сборники пословиц и поговорок являются наиболее древним типом словарей устойчивых народных речений, где наряду с паремиологическим материалом можно встретить загадки, присловья, описания народных примет, отдельные идиомы.

Как важный источник сведений по истории русской фразеологии оценивает Б. А. Ларин сборник пословиц, поговорок, загадок П. К. Симони, опубликованный в конце прошлого века.[163] Большинство пословиц здесь содержит в себе фразеологические словосочетания разной степени слитности: *Голод не тиотка, пирожка не подсунет* (Симони, 91); *Што с гуся вода — небылые слова* (Симони, 157).

Огромную историко-этнографическую ценность представляют «региональные» подборки пословиц и поговорок В. Н. Добровольского в «Смоленском этнографическом сборнике» (1894), материалы В. П. Бирюкова, собранные на Урале (1960), а также пословицы и поговорки Красноярского края, Нижегородской, Олонецкой и других областей России, объединенные в книге «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв.» (1960), где дается обстоятельный палеографический анализ источников, тематическая характеристика материала, обобщение лексикографических приемов, использовавшихся первыми «фразеографами».

Сборник «Пословицы русского народа» В. Даля (ПД), состоящий из 179 разделов (свыше 30 тыс. единиц), стал уникальной сокровищницей народного языка. В «Напутном» слове к сборнику В. Даль дает определение пословиц и других устойчивых речений, отмечает своеобразие их рифм и ритмической организации, говорит о народных истоках пословиц, об отражении в них народной философии, показывает историю происхождения отдельных единиц.[164] Краткие пояснения, уточ-

---

[162] Более подробно об отражении фразеологии в ПОС и других диалектных словарях *Костючук Л. Я.* Способ размещения фразеологии в диалектных словарях как результат исследования материала // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 91–99.
[163] *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии. С. 137–143.
[164] ПД. Т. I. С. 5–21.

няющие значение, ситуацию употребления или содержащие историко-этимологические сведения, даются и непосредственно в словаре: *Спит, ровно кто его мертвой рукой обвел* (от поверья). *И хлеб по своей стороне скучает* (т.е. портится). *Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его* (поговорка, когда икается или зевается). (ПД, I, 254).

Традиции объединения малых жанров русского фольклора, сближающихся по емкости своего содержания, кратости, образности, древности происхождения, следуют и составители одного из последних сборников — «Пословицы, поговорки, загадки» (1986). Как и в сборниках пословиц В. Даля, И. М. Снегирева (1831–1834), И. И. Иллюстрова (1910), здесь тоже принята тематическая группировка материала, отражены варианты пословиц. Комментарий раскрывает их исторический фон, этимологические справки с элементами словообразовательного анализа (правда, не всегда достаточно обстоятельные и убедительные) помогают понять значение отдельных компонентов пословиц и целостный их смысл.

Алфавитный принцип расположения материала избирает В. П. Жуков для своего «Словаря пословиц и поговорок» (1966), к достоинствам которого следует отнести продуманные толкования, раскрывающие логический смысл паремий, их точную ситуативно-контекстуальную характеристику, богатые иллюстрации, показывающие функционирование пословиц и поговорок как в наиболее типичной форме, так и с различными видоизменениями.

Автор квалифицирует словарь пословиц и поговорок как самостоятельную лексикографическую работу, наряду с фразеологическими словарями и сборниками крылатых слов, что обусловлено в первую очередь структурно-грамматическими и семантическими различиями материала — объекта описания. Однако нетрадиционное понимание В. П. Жуковым поговорок («краткие народные изречения (нередко назидательного характера), имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченное предложение»)[165] накладывает отпечаток на состав словника.

Если системное историко-этимологическое комментирование пословиц — сравнительно новый аспект паремиологии (ср.: существование рукописных сборников пословиц с XVII в., историко-этимологическое комментирование с конца XIX в. — сборники Н.Я. Ермакова «Пословицы русского народа» и И. Е. Тимошенко «Литературные первоисточники и прототипы 300 русских пословиц и поговорок»), то сборники крылатых слов и выражений появились именно как подборки популярных изложений их истории. Это обусловлено самой природой крылатых слов, к которым относят цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц, их сжатые характеристики, т.е. такие выражения, у которых может быть выявлен литературный или конкретно-

[165] *Жуков В. П.* О словаре пословиц и поговорок // Словарь русских пословиц и поговорок / Сост. В. П. Жуков. М., 1966. С. 11.

исторический источник, хотя установить здесь авторство не всегда легко.[166]

Книга С. В. Максимова «Крылатые слова» (1955) вызвала массу упреков специалистов в необъективности, лингвистической неподтвержденности этимологий. Книгу характеризовали не как научный труд, а как своеобразное художественное произведение, калейдоскоп «безыменных суждений», научных догадок, фактов, наблюдений, заметок, но вместе с тем отмечали разнообразие использованного автором историко-культурного материала, роль книги в повышении интереса читателей к языку.[167]

Четыре издания выдержал сборник «Крылатые слова» Н.С. Ашукина и М. Г. Ашукиной, который заслуживает самой высокой оценки как историко-этимологический справочник, дающий указание на автора выражения, дату его первой фиксации в литературном произведении, часто — с кратким изложением произведения или отрывками из него. В толкованиях смысла крылатых слов авторы отмечают случаи развития у них нового значения, изменения сферы употребления и стилистической окраски. Далеко не все выражения разработаны в словаре с одинаковой степенью детализации, не все статьи построены по строгой схеме, не везде даны примеры речевого употребления крылатых слов, но это не умаляет достоинств сборника, ставшего одним из базовых источников материала для создателей учебных и двуязычных словарей, а также тематических подборок крылатых слов.[168]

Историко-этимологические комментарии к отдельным ФЕ можно найти в словарях самых разных типов. Так, например, интересный лексикографический опыт представляет собой работа Т. Н.Кондратьевой «Метаморфозы имени собственного» (1983), в которой решается задача фиксации «переносного значения» имени собственного, прослеживается его путь к имени нарицательному (и наоборот), раскрывается история пословичного имени. Автор использует ФЕ как вспомогательный материал, но, показывая развитие социально-культурных ассоциаций таких имен собственных, как *Маланья, Иван, Сидор, Макар* и т.п., приводит многочисленные этимологические версии ФЕ с ономастическим компонентом, которые сопровождаются указанием автора и библиографическими ссылками.

Традиции широкого использования сопоставительных материалов при этимологическом комментировании ФЕ в словаре были заложены еще М. И. Михельсоном («Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии», 1901–1902).

Хотя многие этимологии, предложенные М. И. Михельсоном, не выдержали проверки лингвистическим материалом, его Опыт русской

[166] *Ашукин Н.С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М.: Худ. лит., 1987. С. 5–6.
[167] *Ашукин Н.С.* О книге С. В. Максимова // *Максимов С. В.* Крылатые слова. М., 1955. С. 389.
[168] См., напр.: *Сальникова О. Г., Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения из области искусства в современном руском языке. Челябинск, 1985. С. 81.

фразеологии не потерял актуальности в наши дни как попытка объединения широкого фразеологического материала, его истолкования и этимологического освещения с оценкой различных гипотез.

В предисловии к своему двухтомному труду М. И. Михельсон назвал его справочной книгой по употреблению образных выражений. Разнообразие материала (границы фразеологии в то время еще не были определены) привело к неоднородности помет. Но при всем несовершенстве их системы в словаре представлена тончайшая характеристика эмоциональных и экспрессивных оттенков ФЕ (шутл., иронич., ласкат., пренебр., бран. и др. пометы), указана сфера их употребления (бирж., морск., школьн. и др.).

Смысловая характеристика фразеологизмов строится по типу синонимических и описательных определений, уточняющих формулировок. Иллюстрациям (свыше 30 тыс. цитат, в том числе 20 тыс. — из произведений русской литературы) отводится важная роль в раскрытии значения фразеологизмов и их стилистической характеристике. Нередко, что особенно ценно, они несут и дополнительную нагрузку — иллюстрируют этимологию оборота.[169] Так почти сто лет назад М. И. Михельсон практически решал вопросы разработки ФЕ, которые и сегодня не решены составителями этимологических и толковых фразеологических словарей.

Актуальность создания толкового фразеологического словаря русского языка признается всеми, но теоретические взгляды на принципы его построения весьма различны: нет единого мнения по вопросу о границах словаря, о его нормативном характере, уровне информативности и, соответственно, степени детализации описываемых параметров ФЕ.

Концепцию обширного фразеологического словаря, который должен содержать около 25 тыс. идиоматических единиц, выдвинул А. М. Бабкин.[170] Разработка фразеологии, по его мнению, должна вестись в синхронном плане, но справочно-библиографическая часть статьи даст историко-этимологическую информацию о ФЕ. Рациональное размещение идиом позволит представить классификацию фразеологического запаса, т.е. его системность. В качестве одной из главных задач семантического плана А. М. Бабкин выдвинул необходимость «отыскания моделей определений», формул толкования ФЕ, выделил три аспекта стилистической характеристики фразеологизмов: актуальность употребления, экспрессивно-эмоциональная окрашенность, принадлежность к тому или иному лексико-фразеологическому пласту, разработал правила подбора «оправдательных цитат-иллюстраций».[171]

---

[169] *Коровникова М. В.* Фразеологический словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» как источник для изучения фразеологии русского языка // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка. Куйбышев, 1963. С. 173–186.

[170] *Бабкин А. М.* Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография. 1977. Л. 1979. С. 5–6.

[171] *Бабкин А. М.* Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.; Л.: Наука, 1964. С. 6–47.

По сути дела первым научным описанием русской идиоматики является «Фразеологический словарь русского языка» (ФСРЯ) под ред. А. И. Молоткова (1-е изд. — 1967 г.), содержащий около 4 тыс. единиц. Во вступительной статье к словарю А. И. Молотков определяет свою позицию по таким вопросам, как признаки ФЕ (лексическое значение, компонентный состав и наличие грамматических категорий), форма ФЕ (собственно форма и парадигматические формы), историко-временная характеристика фразеологизма, стилистические особенности и др.[172] По поводу концепции редактора словаря можно спорить, но надо отдать должное авторскому коллективу в последовательном проведении этой концепции во всем корпусе словаря.[173]

Составителями обосновывается алфавитно-гнездовой способ расположения материала: он позволяет показать соотношение групп фразеологизмов, вскрыть связи между фразеологизмами. Место разработки фразеологизм получает в зависимости от своей структурной организации. Система отсылок помогает ориентироваться в словаре. Словарная статья содержит заголовок, своеобразно оформленный и отражающий вариантность в русле ее понимания А. И. Молотковым, стилистические пометы, толкование значения (этот элемент статьи ФСРЯ довольно часто подвергается критике, особенно в случае многозначности, как и само выделение многозначных ФЕ.[174] Затем приводятся различные формы употребления фразеологизма, цитаты, иногда — историко-этимологическая справка.

При всех своих недостатках, обусловленных в том числе и объективными причинами (время создания словаря — 60-е годы, когда шли особенно бурные дискуссии по основным теоретическим вопросам фразеологии), ФСРЯ является ценным справочником для широкого круга читателей и специалистов-филологов.

Диахронический аспект изучения фразеологии, как уже отмечалось, долгое время оставался в тени синхронных исследований, и не удивительно поэтому, что историческая фразеология до сих пор находится на начальной стадии развития. Единственный исторический фразеологический словарь, точнее «Материалы для фразеологического словаря XVIII в.» (1980) М. Ф. Палевской, носит экспериментальный характер и не претендует на полный охват фразеологического состава русского языка описываемого периода, который по праву считается веком фразеологи в связи с быстрым расширением ее границ в языке. Источниками словаря послужили письменные памятники XVIII–XIX вв. самых

[172] *Молотков А. И.* Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // ФСРЯ. С. 7–23.

[173] *Леонидова М.* Проблемы структурно-семантической типологии болгарских и русских фразеологизмов. София· Нар. просвета, 1986. С. 26.

[174] *Глухов В. М.* Вопросы многозначности фразеологических единиц и их решение в «Фразеологическим словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова // Проблемы устойчивости и вариантности ФЕ. Тула, 1968. С. 321–330; *Бабкин А. М* Идиоматика (фразеология) в языке и словаре. С 10–19.

разных жанровых разновидностей; к сожалению, в словаре отсутствует их список.[175]

В целом Материалы решают основные поставленные задачи: представить широкую вариантность ФЕ, специфику окружения, многозначность, показать сглаживание генетической противопоставленности исконно русских ФЕ и их церковнославянских аналогов, становление стилистических оппозиций во фразеологии. Достаточно беглого ознакомления с отдельными статьями словаря, чтобы понять, насколько ценны Материалы М. Ф. Палевской при изучении истории развития образных ассоциаций, становления структурно-семантических моделей и насколько необходима их более детальная паспортизация в будущем большом историческом фразеологическом словаре русского языка:

Держать камешек в пазухе. `Быть готовым отомстить, ответить на пакость пакостью´. (Сквалыгин:) ... С таким человеком дружись, а камешек в запазухе держи. Матинский. СПб гостиный двор. (Палевская, 99). *Допихнуть ногой.* `Недалеко, близко´. Некой господин и спрашивает его, Яньку: «Далече ли до Яму?» И он, Янька, великой прокуда, сказал ему смехотворно: «Лиха-де до Пахры, а то хотя ногой допихни.» Повесть пахринской деревни... (Палевская, 104). *Дать каши языку.* `Заставить молчать´. (Влас:) А вот я языку-то твоему дам каши, забудет он у меня болтать. Плавильщиков. Бобыль. (Палевская, 89).

Со словарной разработкой диалектной фразеологии (специальные словари) дело обстоит лучше, но здесь практическую фразеологию опережает теоретическое исследование фразеологии различных диалектных зон (см. работы Л. И. Ройзензона, А. И. Федорова, Л. Я. Костючук, Л. А. Ивашко и др.)

В сборниках из серии Трудов Самаркандского Университета, посвященных вопросам восточнославянской диалектной фразеологии — Вопросы фразеологии–VI, 1972 (ВФ–VI), Вопросы фразеологии–VIII, 1975 (ВФ–VIII) — наряду с теоретическим осмыслением диалектного фразеологического материала представлены систематизированные подборки фразеологизмов, функционирующих в говорах Иркутской, Воронежской, Горьковской, Курской областей, в среднеобских старожильческих говорах. Эти материалы озаглавлены как словари диалектной фразеологии или материалы для диалектных словарей. Они различаются объемом словника: от 380 единиц (Л. И. Ройзензон, Л. Н.Хазова. Материалы к диалектному словарю народных говоров Нижнедевицкого района Воронежской области) до 1591 единицы в Словаре диалектной фразеологии Ольхонского района Иркутской области Л. И. Ройзензона и Л. А. Андреевой.[176]

В материалах по одному населенному пункту фразеологизм чаще всего сопровождается только толкованием значения или вообще дается

[175] *Палевская М. Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. Кишинев: Штиинца, 1980.

[176] ВФ–VI. С. 290–306; 2 ВФ–VI. С. 114–204.

без каких-либо пояснений: *бабий сарафан* — сплетни, выдумки, небылицы ´; *байки править* — `заниматься ненужными разговорами ´.[177]

В других случаях словарная статья содержит также иллюстрации и указания на район распространения ФЕ: *бабьи сплетни.* — `выдумки, небылицы.´ `Соврал´. *Че это ты бабьи сплетни болтаешь* (Кем. Кем. Елык.). Эти разговоры — бабьи сплетни. Не знаешь — не говори (Кем. Кем. Шум.). *Без бобов.* — `Просто так; не гадая´. Такое и без бобов знать можно. (Кем. Кем. Елык.). Без бобов узнаю все (Кем. Кем. Шум.).[178]

Эти оперативные «рабочие» варианты диалектных словарей включают не только идиомы, но и другие типы устойчивых сочетаний, как, впрочем, и вышедшие в 1972 г. «Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья» К. Н. Прокошевой (1500 единиц), и «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири» под ред. Ф. П. Филина (4000 единиц). «Иные» устойчивые сочетания здесь — это единицы от слова до развернутого предложения пословичного типа; сюда вошли и составные термины, и формулы речевого этикета, и прибаутки, и микротопонимы, и даже свободные словосочетания типа *ехать рекой* и *анбарная крыша*. Весьма спорна научная аргументация расширения словника, но этот максимализм можно оправдать стремлением авторов зафиксировать, сохранить и донести до читателя как можно больше диалектного материала.

Стилистическая характеристика ФЕ особенно удалась К. Н.Прокошевой (кстати, это один из немногих фразеологических словарей, где стилистические пометы выделены в отдельный список). Оба словаря стремятся отразить всевозможные модификации ФЕ, показать фразеологическое окружение. Трудности и просчеты в этом плане объясняются разнородностью источников и описываемого матеиала.

Более четко объект описания определен в «Фразеологическом словаре русских говоров Сибири» (1983) под ред. А. И. Федорова (ФСРГС). Это «устойчивые словосочетания, обладающие переносно-образным смыслом, который отличает их от свободных сочетаний слов и терминологических словосочетаний» (ФСРГС, 3). Среди источников словаря — данные современных народных говоров Сибири и Дальнего Востока и диалектные записи сибирской речи XIX–начала XX в. Словарь содержит около 7 тыс. ФЕ; это обороты, неизвестные в общедитературном языке — идиомы, некоторое количество пословиц и поговорок. Особенно тщательно авторы прорабатывают толкования значений фразеологизмов, стремясь с максимальной полнотой отразить все их семантические нюансы. Менее удачна стилистическая характеристика ФЕ (в частности, не совсем понятна аргументация употребления пометы *экспрессивн.*). В целом же ФСРГС и описанные выше диалектные фразеологические словари представляют ценность как уникальные своды

[177] *Балясников А. В., Соколова О. И.* Материалы к словарю диалектной фразеологии дер. Горки Варнавского района Горьковской области // ВФ-VIII. С. 21.

[178] Список диалектных фразеологизмов среднеобских старожильческих говоров // ВФ-VI. С. 207.

диалектной фразеологии в первую очередь для лингвистов, изучающих динамические процессы в лексико-фразеологической системе русского языка, занимаюшихся этимологическими разысканиями, исследующих механизмы фразообразования и фразопреобразования в разговорной речи, а также для историков, этнографов, краеведов.

Особенности функционирования ФЕ в языке того или иного исторического периода должны отразить и словари языка писателя. Принципы описания ФЕ в «писательской» лексикографии были разработаны Б. А. Лариным и практически реализованы в задуманном им Словаре автобиографической трилогии М. Горького (Вып. 1. 1974)[179] — словаре полного типа, основная задача которого — лексикографическая обработка всего лексико-фразеологического состава трилогии. Здесь принята трехчленная классификация устойчивых сочетаний (неметафорические, метафорические, идиомы) с соответствующими графическими обозначениями; выделяются случаи необычного употребления ФЕ, их структурные трансформации.

В последнее время выдвигается идея создания специальных фразеологических «авторских» словарей, которые дадут читателю более полную информацию о сруктуре, лексическом составе, семантике, стилистических особенностях, речевом варьировании ФЕ в языке того или иного писателя. Из практических разработок в этом направлении отметим составленный А. Г. Ломовым фразеологический словарь драматургии А. Н.Островского (свыше 10 тыс. ФЕ).[180]

При изучении языка писателя и выявлении закономерностей речевого функционирования ФЕ будут полезны словари индивидуально-авторских употреблений фразеологизмов. Проспект такого словаря (А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко)[181] дает представление о лексикографических возможностях отражения сложных отношений узуального и окказионального в сфере фразеологии. В словарь включено 500 ФЕ (общая численность употреблений — нормативных и окказиональных — свыше 6 тыс.). Это в основном руская идиоматика, а также некоторое количество устойчивых фраз пословичного характера, широко распространенных в современном русском языке и подвергшихся индивидуально-авторским трансформациям в художественном и публицистическом тексте. Иллюстрации отобраны из произведений 800 авторов. Словарь дает полную функционально-семантическую характеристику ФЕ. Общепринятые пометы экспрессивно-оценочного характера, описания и графические приемы позволяют передать узуальные и окказиональные коннотации. В ходе лексикографической обработки материала выявлена повторяемость и строгая моделируемость

[179] *Городецкая И. Л.* К описанию в словаре функциональных особенностей фразеологических единиц // Современная русская лексикография, 1977. Л., 1979. С. 26–27.

[180] *Ломов А. Г.* Принципы составления фразеологического словаря драматургии А. Н.Осровского // Фразеология в тексте и словаре. Самарканд, 1986. С. 62.

[181] *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Проспект словаря индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц в современном русском языке // Библиографический указатель по фразеологии. Самарканд, 1987. Вып. 6. С. 153–236.

индивидуально-авторских трансформаций ФЕ. Их основные типы отмечены специальными значками: ◪ — замена компонента ФЕ: *выдавать на блюдечке, на блюдечке сказать*; ◩ — расширение компонентного состава: *подавать на блюдечке, на хрустальной тарелочке*; ⅃ — сокращение компонентного состава: *на блюдечке* и т.п. (Проспект, 186–187). Справочная часть статьи дает историко-этимологический комментарий, разъясняет входящие в состав ФЕ лексические архаизмы, устаревшие грамматические формы.

Фразеологическая синонимия до недавнего времени была почти неразработанной в лексикографическом отношении.

Словарь фразеологических синонимов русского языка В. П. Жукова, М. И. Сидоренко, В. Т. Шклярова (1987; около 730 синонимических рядов) — (ЖСШ) — восполняет этот пробел, решая задачу выявления, фиксации, полной семантико-стилистической, грамматической и контекстуальной паспортизации ФЕ-синонимов. Скрупулезно воплощая теоретическую концепцию редактора словаря В. П. Жукова, авторы последовательно решают вопросы отбора материала. Некоторая неполнота дефиниции фразеологизма (из круга его релевантных признаков исключается экспрессивность) на практике преодолевается благодаря признанию стилистического статуса ФЕ, что позволяет сгруппировать достаточно однородные синонимические ряды. Вполне оправдано включение в них и лексических синонимов с пометой *ср.* — так достигаеся объективность в описании широты диапазона замещаемости. Синонимические ряды в словаре удачно дополняются и вариантными рядами, однако разграничение синонимии и вариантности в отдельных конкретных случаях весьма противоречиво. Так, ФЕ *пересчитать ребра* и *пересчитать зубы* (ЖСШ, 8) признаются синонимами, а *гнуть спину* и *гнуть шею* (ЖСШ, 10) — вариантами. Расположение словарных статей «по алфавиту опорных фразеологизмов» несколько несбалансировано и условно. Выбор опорного фразеологизма — доминанты ряда — часто носит субъективный характер. Вызывает возражение и смещение в ряде случаев границ ФЕ, вывод за их пределы обязательных элементов, так называемых слов-сопроводителей, что ведет к семантическому нивелированию большого количества фразеологизмов.

Сильными сторонами словаря являются столь важные параметры, как частеречная, семантическая и стилистическая квалификация ФЕ (возражения против стилистической сниженности разговорных ФЕ были высказаны выше). Солидный лексикографический труд, показывающий широкие синонимические возможности образной речи и дающий ценные рекомендации по культуре слова, будет полезен как специалистам-языковедам, так и широкому кругу читателей — знатоков и любителей русской речи.[182]

Особого лексикографического подхода в силу специфики своего смыслового содержания и структурной организации требуют устойчивые

[182] *Мокиенко В. М.* Рец.: *В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: Рус. яз., 1987. С. 441 // Русский язык в школе. 1988. № 6. С. 90–93.

сравнения (УС). Среди вопросов, которые приходится решать составителям словарей УС — выбор опорного слова при размещении в словаре, разработка лексических, грамматических, структурных и неполных вариантов, толкование УС, которое должно восстановить их логико-компаративную структуру.[183]

В последние десятилетия было издано несколько различных типов учебных словарей.

Отбор материала для учебных фразеологических словарей затруднен отсутствием строгой кодификации русской фразеологии в отечественных словарях и недостатком достоверных сведений о ее частотности. Чрезвычайно разноплановы и диффузны критерии отбора (в этом плане достаточно сравнить учебные фразеологические словари В. П. Жукова с одной стороны, Р. И. Яранцева — с другой, Н.М. Шанского и Е. А. Быстровой — с третьей). В принципе, фразеологический минимум в зависимости от целей и этапа обучения может определяться с большей долей субъективности, чем лексический. Особая учебная задача словаря — детализированная семантизация ФЕ с привязкой к речевой ситуации, исчерпывающая стилистическая и грамматическая характеристика. Иллюстрации должны отвечать требованию максимальной четкости и информативности. Желательна отсылка к синонимам с целью демонстрации семантической системности ФЕ.[184]

В корпус «Школьного фразеологического словаря» В. П. Жукова и А. В. Жукова (ШФС) вошли широко употребительные в современном русском языке ФЕ: исконно русские — *тертый калач, коломенская верста*; заимствованные из старославянского — *притча во языцех, ничтоже сумняшеся*; интернациональные ФЕ, восходящие к грекоримской мифологии и западноевропейской литературе, — *ахиллесова пята, между молотом и наковальней*; а также фразеологические кальки типа *смотреть сквозь пальцы* (ШФС, 5–6). Словарная статья акцентирует внимание на таких сторонах ФЕ, как ее основная (наиболее типичная) форма, основные грамматические категории в зависимости от лексико-грамматического разряда, синтаксическая позиция в предложении, принадлежность к активному или пассивному запасу языка. Толкование осуществляется путем развернутого описания, в справочной части статьи приводятся сведения историко-этимологического характера, поясняются лексические и грамматические историзмы.

Н.М. Шанский и Е. А. Быстрова отбирают для своего словаря всего 700 единиц, руководствуясь критериями нормативности, употребительности, коммуникативной ценности ФЕ.

В рамках нового направления учебной фразеологии — лингвострановедческого — создаются тематические классификации ФЕ с нацио-

---

[183] *Огольцев В. М.* Семантизация культурного компонента языковых единиц в учебном словаре устойчивых сравнений // Словари и лингвострановедение. М., 1982. С. 122–123; *Бойцов С. А.* Устойчивые сравнения в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 99–108.

[184] *Мокиенко В. М.* Проблемы учебной фразеологии // Учебная лексикография и учебная грамматика. Свердловск, 1987. С. 37–38.

нально-культурным компонентом, разрабатываются приемы их интерпретации, идут дискуссии о структуре лингвострановедческого фразеологического словаря.[185]

Фразеология обязательна для двуязычных словарей. Степень полноты ее репрезентации в двуязычном словаре, особенно показ идиоматического ядра, как отмечает А. М. Бушуй, следует рассматривать одним из признаков совершенства этого типа словаря, в том числе сокращенного типа. Реализация основополагающего правила: фразеологизм иллюстрирует значения описываемого слова — не должна вести к сокращению информации о фразеологизме, касающейся его семантической природы, стилистического статуса, вариабельности, морфологической парадигматики.[186]

Проблема межъязыковой фразеологической эквивалентности и типология соответствий в двуязычных словарях постоянно находится в центре внимания фразеологов[187] и практически решается с учетом степени родства языков[188] и в зависимости от типа словаря.

Новые аспекты проблемы намечаются в связи с созданием русско-иноязычных тезауросов, содержащих классификационные схемы лексико-фразеологического состава языка и попарное описание одноименных лексико-семантических полей.[189]

Нетрадиционный подход к отражению межъязыковых фразеологических соответствий предлагается и в концепции фразеолгического словаря нового типа, базирующегося на последних достижениях теории перевода и полностью приспособленного к нуждам переводческой практики. Словарь будет содержать не только канонические и реально зафиксированные в переводах эквиваленты ФЕ, но и (в случае отсутствия эквивалентов) всевозможные процедуры их получения через ссылки на механизмы фразообразования и обращение к иным категориальным соответствиям.[190]

Среди традиционных двуязычных фразеологических словарей все более утверждается тип толково-переводного словаря, где межъязыковая функциональная эквивалентность достигается комбинированным способом — не только приведением полных фразеологических эквивалентов или фразеологических аналогов, но и использованием описатель-

185 *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М., 1982. С. 89–98; *Костомаров В. Г., Верещагин Е. М.* Отбор и семантизация фразеологизмов в учебном лингвострановедческом словаре // Там же. С. 98–108.

186 *Бушуй А. М.* Словарная репрезентация фразеологии. С. 13–15.

187 См., напр.: Типология соответствий в двуязычном фразеологическом словаре // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск, 1987. С. 109–137.

188 *Вурм А.* О русско-чешском фразеологическом словаре // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1965. С. 74–77.

189 *Щербин В. К.* К проблеме построения русско-национального тезауруса // Словарные категории. М., 1988. С. 213–216.

190 *Канестри А. Б.* Предпосылки фразеологического словаря нового типа // НДВШ. Филол. науки, 1981. № 5. С. 77–82.

ных толкований, всевозможных ремарок, иногда — буквального перевода ФЕ исходного языка с целью раскрытия их мотивировки.

Двуязычные фразеологические словаря призваны исчерпывающе отразить совокупность основных параметров ФЕ, обеспечить адекватное восприятие фразеологического состава исходного языка как системы. Это в полной мере удалось коллективу авторов «Русско-болгарского фразеологического словаря» (под ред. С. Влахова (1980)). 5695 словарных статей, в которых объединяются и синонимичные ФЕ, широко представляют вариантность фразеологизмов, показывают их типовые контексты. Самой высокой оценки заслуживает семантическая интерпретация фразеологического материала. Подбор синонимов оттеняет эмоционально-экспрессивное содержание и стилевую принадлежность ФЕ. Дословные переводы не переходят в буквализмы. В толкованиях безэквивалентных ФЕ сохраняется их метафоричность, экспрессивность, в чем несомненно проявилось переводческое мастерство составителей.[191]

Среди большого числа фразеологических словарей, вышедших в последнее время, отметим лишь некоторые, где также успешно решаются многие задачи двуязычной фразеографии: Русско-монгольский фразеологический словарь (сост. Чой Лувсанжав (1970)), Русско-латышский фразеологический словарь (Сост. А. Бауга, А. Иостсоне, Л. Тюрина (1974)), Русско-армянский фразеологический словарь (под ред. Р. Л. Мелкумяна и П. М. Погосяна (1975)), Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь И. С. Олейника и М. М. Сидоренко (2-ое изд., 1978), Русско-литовский фразеологический словарь (сост. В. Сташайтене, Й.Паулаускас (1985)).

По-прежнему остается дискуссионной проблема нормативности двуязычного словаря, а в связи с этим — вопросы формирования словника.[192]

В особый тип выделяются двуязычные словари пословиц и крылатых слов. Цитатный характер и широкая международная распространенность крылатых слов облегчают поиск эквивалентов, но с другой стороны, это может привести к недооценке национальных особенностей данной категории устойчивых выражений (количественное несовпадение фондов крылатых слов в двух языках, развитие специфических смысловых оттенков и особенностей употребления у отдельных единиц в каждом языке, наличие крылатых слов, возникших на национальной почве и являющихся богатым источником лингвострановедческой информации). Сведения о происхождении крылатых слов, толкование смысла, разъяснение его нюансов, эквиваленты родного языка и иллюстрации разной степени полноты найдет иностранный читатель в «Русско-норвежском словаре крылатых слов» В. П. Беркова (1980),

---

[191] *Кунин А. В., Мокиенко В. М.* Рец.: Русско-болгарский фразеологический словарь / Под ред. С. Влахова. М., София, 1980 // Советское славяноведение, 1982. № 4. С. 121–124.

[192] *Берков В. П.* Вопросы двуязычной лексикографии. Л., 1973. С. 48–57.

«Русско-английском словаре крылатых слов» И. А. Уолш и В. П. Беркова, «Русско-немецком словаре крылатых слов» Ю. Н.Афонькина (1985).

Двуязычные словари пословиц тоже должны объективно отражать соотношение национального и интернационального в паремиологических фондах языков, ведь даже при универсальности смысла мы наблюдаем в пословицах множество индивидуальных, самобытных, подлинно национальных способов его выражения. Пословицы исходного языка непременно должны передаваться на сравниваемый язык путем дословного перевода — это будет наглядным фоном для обнаружения сходств и различий в структурно-семантической системе паремий. А при констатации структурно-семантического сходства необходима коррекция по характеру употребительности единицы в двух языках.

Проблема подбора межъязыковых парамиологических соответствий успешно решается С. С. Кузьминым и Н. Л. Шадриным в «Русско-английском словаре пословиц и поговорок» (1989). Типы соответствий: английские моноэквиваленты и аналоги русских пословиц, описательные переводы, передающие и не передающие образность исходных единиц, помечены специальными значками. Эти соответствия даны в порядке убывания степени сходства с исходной русской единицей. Ряд переводов пословиц, в том числе рифмованные, публикуются впервые. Иллюстрации из художественной литературы и публицистики демонстрируют различные способы реализации паремий в речи, как в общепринятой форме, так и с индивидуально-авторскими трансформациями. Отдельные замечания по оформлению заголовочных форм пословиц, по подбору синонимов и цитат не снижают ценности словаря в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного.

Таким образом, проблематика фразеологической теории чрезвычайно широка, а направления практической фразеографии весьма разнообразны. Наметилась дифференциация типов фразеологических словарей, специализация лексикографических приемов обработки ФЕ и пути их совершенствования. Однако сопоставление материалов различных фразеологических словарей показывает существенные расхождения мнений их составителей по многим основным вопросам фразеологии и фразеографии, которые должны быть преодолены.[193]

В дискуссиях и практической работе над словарями уже выявилась несостоятельность таких умозрительных концепций, как излишне широкая интерпретация фразеологических единиц, семантико-стилистическое отождествление их со словом, противоречивость теории «слов-сопроводителей», неправомерность преувеличения устойчивости ФЕ в их функционировании.

Тем не менее нам еще предстоит преодолеть отставание фразеологической практики от достижений теории фразеологии и недостаточную

---

[193] *Татар Б.* Словарная репрезентация фразеологических единиц русского языка // Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. 1989, № 1. С. 44–50.

разработанность ФЕ по сравнению с полным, системным словарным описанием лексики.

Список словарей

1. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. Изд. 3-е. М.: Сов. Энциклопедия, 1971. 600 с.
2. *Алезина А. И.* Краткий русско-английский и англо-русский фразеологический словарь. Минск: Изд-во БГУ, 1980. 400 с.
3. *Альперин А. И.* Почему мы так говорим. Барнаул, 1956. 42 с.
4. Архангельский областной словарь / Под. ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–5. М., 1980–1987.
5. *Афонькин Ю. Н.* Русско-немецкий словарь крылатых слов. М.; Лейпциг: Рус. яз., 1985. 287 с.
6. *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Изд. 4-е. М.: Худож. лит., 1987. 528 с.
7. *Байрамова Л. К.* Русско-татарский фразеологический словарь языка В. И. Ленина. Казань: Изд-во КГУ, 1980. 232 с.
8. *Берков В. П.* Русско-норвежский словарь крылатых слов. М.: Рус. яз., 1980. 175 с.
9. *Бирюков В. П.* Крылатые слова на Урале / Собр. и сост. В. П. Бирюков. Свердловск, 1960. 117 с.
10. *Вартаньян Эд.* Из жизни слов. М.: Дет. лит., 1960. 240 с.
11. *Галнайтите Э., Пикчилингис Ю., Сивицкене М.* Школьный литовско-русский фразеологический словарь. Каунас: Швиеса, 1989. 350 с.
12. *Галнайтите Э., Пикчилингис Ю., Сивицкене М.* Школьный русско-литовский фразеологический словарь. Каунас: Швиеса, 1983. 336 с.
13. *Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896. 451 с. + LII с.
14. *Гуревич В. В., Дозорец Ж. А.* Краткий русско-английский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1988. 543 с.
15. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: Худож. лит., 1984. Т. I–II.
16. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.
17. *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник: Пословицы. СПб., 1894. Ч. 3. 168 с.
18. *Дубровин М. И., Жаров Б. С., Берков В. П., Маслова-Лашанская С. С.* Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на датском, норвежском и шведском языках). М.: Рус. яз., 1988. 326 с.
19. *Дубровин М. И., Кастелланос Д.* Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на испанском языке). М.: Рус. яз., 1981. 327 с.
20. *Дубровин М. И., Коштял А.* Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на словацком языке). М.: Рус. яз., 1980. 343 с.

21. *Дубровин М. И., Меллу де М. Ж.* Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на португальском языке). М.: Рус. яз., 1986. 328 с.

22. *Ермаков Н.Я.* Пословицы русского народа. СПб., 1894. 42 с.

23. *Жуков В. П., Жуков А. В.* Школьный фразеологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1989. 383 с.

24. *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В. П. Жукова. М.: Рус. яз., 1987. 441 с.

25. *Иллюстров И. И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. СПб., 1910. 480 с.

26. *Кондратьева Т. Н.* Метаморфозы имени собственного. Казань, 1983. 110 с.

27. *Кохтева Н. Н., Розенталь Д. Э.* Русская фразеология. М.: Рус. яз., 1986. 304 с.

28. *Кузьмин С. С., Шадрин Н. Л.* Русско-английский словарь пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 1989. 352 с.

29. *Лебедева Л. А.* Постоянные сравнения русского языка. Краснодар: Изд-во КГУ, 1975. 48 с.

30. Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л.: Наука, 1981. 232 с.

31. *Максимов С. В.* Крылатые слова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. 447 с.

32. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Проспект словаря индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц в современном русском языке // Библиографический указатель по фразеологии. Самарканд, 1987. Вып. 6. С. 153–236.

33. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. СПб., 1901–1902. Т. I–II.

34. Новое в русской лексике. Словарнеы материалы — 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83 / Под ред. Н. З. Котеловой. М.: Рус. яз., 1980–1987.

35. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М.: Сов. Энциклопедия, 1971. 543 с.

36. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Рус. яз., 1984. 808 с.

37. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения русского языка. Иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке. М.: Рус. яз., 1984. 173 с.

38. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.

39. Опыт областного великорусского словаря / Ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852.

40. *Палевская М. Ф.* Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. Кишинев: Штиинца, 1980. 366 с.

41. Пословицы, поговорки, загадки / Сост. А. Н. Митрофанова, А. Н. Мартынова. М.: Современник, 1986. 512 с.

42. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков / Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961. 550 с.

43. *Прокошева К. Н.* Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья. Пермь, 1972. 114 с.

44. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–10. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967–1994.

45. Русско-армянский фразеологический словарь / Под ред. Р. Л. Мелкумяна и П. М. Погосяна. Ереван: Изд-во Ерев. ГУ, 1975. 615 с.

46. Русско-беларусский словарь / Ред. К. К. Атрахович. Изд. 2-е. Минск: Бел. Сов. Энциклопедия. 1982. Т. I–II.

47. Русско-болгарский фразеологический словарь / Сост.: К. Андрейчина, С. Влахов, С. Димитрова, К. Запрянова. Под ред. С. Влахова. М.; София, 1980. 582 с.

48. Русско-латышский фразеологический словарь / Сост.А. Бауга, А. Иостсоне, Л. Тюрина. Рига: Лиесма, 1974. Т. I–II.

49. Русско-литовский фразеологический словарь / Сост. В. Сташайтене, Й. Паулаускас. Вильнюс: Мокслас, 1985. 443 с.

50. Русско-монгольский фразеологический словарь / Сост. Чой Лувсанжав. Улан-Батор: Институт языка и лит-ры АН МНР, 1970. 639 с.

51. Русско-украинский словарь / Ред. кол.: И. К. Белодед и др. Изд. 2-е. Киев: Укр. Сов. Энциклопедия, 1981–1983. Т. I–III.

52. *Сальникова О. Г., Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения из области искусства в современном русском языке. Челябинск, 1985. 81 с.

53. Словарь автобиографической трилогии М. Горького / Под ред. Л. С. Ковтун. Вып. 1–5. Л., 1974–1986.

54. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–30. Л., 1965–1996.

55. Словарь русских пословиц и поговорок / Сост. В. П. Жуков. М., 1966. 535 с.

56. Словарь русского языка / Ред. Я. К. Грот. СПб., 1895. Т. I.

57. Словарь русского языка. Изд. 2-е. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. I–IV.

58. Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984–1995. Т. 1–8.

59. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1995. Т. I–XXI.

60. Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–1993. Вып. 1–6.

61. Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л., 1948–1965. Т. I–XVII.

62. Словарь современного русского народного говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969. 612 с.

63. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1965–1978. Вып. 1–5.

64. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири / Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Ред. Ф. П. Филин. Новосибирск, 1972. 207 с.

65. *Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах. М., 1831–1834. Т. I–IV.

66. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. Т. I–III.

67. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. СПб., 1899. I–XIX. 216 с.

68. *Тимошенко И. Е.* Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. 172 с.

69. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н.Ушакова. Л., 1934–1940. Т. I–IV.

70. Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои. Новая серия, вып. 237. Вопросы фразеологии — VI. Самарканд, 1972. 349 с.

71. Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои. Новая серия, вып. 272. Вопросы фразеологии — VIII. Самарканд, 1975. 209 с.

72. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь / Сост. И. С. Олейник, М. М. Сидоренко. Изд. 2-е. Киев: Рад. шк., 1978. 447 с.

73. *Уолш И. А., Берков В. П.* Русско-английский словарь крылатых слов. М.: Рус. яз. 281 с.

74. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н.Трубачева. М., 1964–1973. Т. I–IV.

75. *Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз., 1979. 238 с.

76. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.

77. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1978. 544 с.

78. *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. Киев: Рад. шк., 1989. 510 с.

79. *Шанский Н.М., Быстрова Е. А.* 700 фразеологических оборотов русского языка (для говорящих на немецком языке). М.: Рус. яз., 1976. 124 с.

80. *Шанский Н.М., Быстрова Е. А., Вереш В.* 700 фразеологических оборотов русского языка (для говорящих на венгерском языке). М.: Рус. яз., 1983. 128 с.

81. *Шанский Н.М., Быстрова Е. А.* Учебный фразеологический словарь русского языка для национальной школы. М.: Изд-во НИИ содержания и методов обучения АПН СССР, 1979. 263 с.

82. *Шанский Н.М., Быстрова Е. А., Окунева А. П., Ромет А. Э.* Учебный русско-эстонский словарь устойчивых словосочетаний / Под ред. А. Ыйм. Таллин, 1983. 239 с.

83. *Шанский Н.М., Зимин В. И., Филиппов А. В.* Краткий этимологический словарь русской фразеологии // Русский язык в школе. 1979. № 1–6; 1980. № 1–2; 1981. № 4.

84. *Шанский Н.М., Зимин В. И., Филиппов А. В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Рус. яз., 1987. 239 с.

85. *Шанский Н.М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1971. 542 с.

86. *Шкляров В. Т., Эккерт Р., Энгельке Х.* Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1977. 253 с.

87. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1963–1982. Т. I–VIII.

88. *Яранцев Р. И.* Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Рус. яз., 1981. 304 с.

89. Ярославский областной словарь. Вып. 1–9. Ярославль, 1981–1991.

Синонимические словари

Отечественная лексикография бедна синонимическими словарями, хотя интерес к лексическим синонимам у русских филологов существовал издавна. Внимание к их изучению отчетливо проявилось в XVIII в., в пору формирования русского литературного языка, установления его норм, что нашло отражение в толковых словарях, в частности в «Словаре Академии Российской».

Вопросы лексикологии, стилистики упирались в изучение значения слов, а значит и слов близких по значению — синонимов. На синонимы как особый объект науки обратил внимание уже М. В. Ломоносов. В его «Кратком руководстве к риторике на пользу любителей сладкоречия» находим такое утверждение: «Однознаменательные слова те называются, которыми ту же вещь или бытие назвать можно, н.п., *хорош, изряден* и проч. Такие слова часто присовокуплены бывают одно к другому ради сильнейшего и яснейшего представления речи».[194]

«Сословами» активно занимаются русские филологи конца XVIII — начала XIX в. А в 1783 г. в журнале «Собеседник Любителей Российского Слова» (ч. I, IV, X) был опубликован первый русский синонимический словарь — «Опыт российского сословника», автором которого был Д. И. Фонвизин. В своей работе Д. И. Фонвизин руководствовался поулярным в то время французским синонимическим словарем аббата Габриеля Жирара (1-е издание этого словаря датируется 1718 г., 2-е — 1736 г.), но группы синонимов он подбирает в основном из слов родного языка. При этом писатель-просветитель и сатирик часто избирает показ слов, обозначающих такие важные общественные понятия как *правота, правосудие, добродетель* или морально-этические типа *подлый* и *низкий, ханжа* и под.

Уже автор первого опыта лесикографического описания синонимов определил, что суть их не только в обозначении одного понятия, но и в наличии смысловых различительных признаков. Свою позицию в

[194] *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М. ; Л., 1952. Т. VII. С. 55–56.

этом отношении Фонвизин высказал в «Примечании на критику, напечатанную на 113 и 114 страницах II части Собеседника, касающуюся до Опыта Российского Сословника»: «Уже давно решено философами, что одних и тоже значущих слов нет на свете... Если станем рассматривать, в чем состоит сходство синонимов, то найдем, что одно слово не объемлет никогда всего пространства и всей силы знаменования другого слова и что все сходство между ними состоит только в главной идее».[195]

«Опыт...», содержащий 32 группы слов, расположенных «свободно» — без соблюдения алфавита заглавных слов (как и все последующие лексикографические работы авторов XIX в.), соответственно и строится на выявлении смысловых различий синонимов. При этом «свободно», в повествовательном тоне излагает автор свои сопоставительные характеристики. Ср., например, «пару» *робкий — трусливый*: «Робкий бежит назад, трусливый нейдет вперед; робкий не защищается, трусливый не нападает. Нельзя надеяться на сопротивление робкого, и на помощь трусливого».[196] Дальнейших публикаций начатых Д. И. Фонвизиным наблюдений над русскими синонимами не последовало, очевидно, их автор и не ставил перед собой такой цели.

Активный интерес к синонимической лексикографии в странах Западной Европы, а особенно во Франции, находил отклик и материальное воплощение этого направления у русских филологов и после Фонвизина.

Первые десятилетия XIX в. в России отмечены появлением переводных (с французского) и оригинальных статей, содержащих высказывания о природе лексической синонимии, публикациями отдельных синонимических групп. Работы такого характера печатают журналы «Северный Вестник», «Сын Отечества», находим их в «Трудах Общества любителей российской словесности», «Трудах Казанского Общества любителей отечественной словесности». Авторами их были В. Г. Анастасевич, Н. М. Ибрагимов, П. Ф. Калайдович, Д. М. Княжевич, П. С. Кондырев, С. Г. Саларев, А. С. Шишков. А в 1818 г. вышел в свет «Опыт словаря русских синонимов (часть I)», автором которого был Константин Федорович Калайдович, известный русский археолог-историк и филолог. «Опыт..» предварен довольно пространным Введением, где его автор предлагает пользоваться только термином «синоним» (от греч. предлога σύν — с и ὄνομα — имя, букв. соименное слово), а не «сослов», как «Собеседник любителей российского слова» (т.е. авторы, печатавшие в нем свои статьи — Д. И. Фонвизин, А. С. Шишков и др.), по той причине, что предлагаемым обозначением пользуются «во всех вообще языках Европейских».[197]

[195] См.: Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фон-Визина. СПб., 1866. С. 201.

[196] См.: Опыт Российского Сословника в книге «Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фон-Визина». С. 188.

[197] Опыт словаря русских синонимов (часть I), издан Московских обществ: Истории и Древностей Сотрудником Петром Калайдовичем. М., 1818. С. 7.

П. Ф. Калайдович — союзник Д. И. Фонвизина в определении «соименных слов» — они «могут выражать, — пишет он, — одно и то же понятие в разных его степенях и изменениях».[198] Но он идет дальше в анализе их природы. Ср. в этой связи следующие рассуждения автора «Опыта..»: — «Однозначащие» слова (т.е. тождественные, полные синонимы по современной терминологии) существуют, но лишь в различных стилях речи (глаза — очи), заимствованные из других языков, «равносильные отечественным», не могут быть синонимами, т.к. «первые получили свою силу от частого употребления; а вторые родились и образовались от собственного нашего о вещах понятия и рассуждения» (натура — природа).[199]

Не следует вступать в дискуссию с П. Ф. Калайдовичем по поводу последнего его тезиса, ему и другим начинателям синонимической лексикографии прежде всего следует воздать должное за то, что им удалось сделать.

Словарь П. Ф. Калайдовича (77 групп синонимов) включает все синонимические группы, помещенные в «Опыте..» Д. И. Фонвизина и все до него материалы, рассеянные по разным журналам того времени, плюс те, которые разработаны самим автором. При словарных статьях, взятых из работ других авторов, в «Опыте..» Калайдовича даются отсылки на печатные источники, в которых эти статьи были опубликованы (*смелый — отважный*: «Сын Отечества», 1814, № 4; *старый, давний, старинный, ветхий, древний, заматерелый* — «Собеседник Любителей Российского слова», СПб., 1783 и т.д.) или на фамилии авторов словарных статей, где-либо напечатанных (А. С. Шишков — *шествие, течение, ход*; Н.М. Ибрагимов — *помогаю, пособляю* и т.д.).

Среди синонимических рядов, представленных впервые самим П. Ф. Калайдовичем, есть переводные — из Словаря синонимов французского языка Бозе (*заключение, следствие*), Гизо (*красть, похищать, воровать*), д'Аламбера (*постоянство, верность*).

Некоторые словарные статьи автор (в отличие от предшественников) сопровождает отрывками текстов из произведений Ломоносова, Карамзина, Державина, Крылова, Жуковского (см. ряды *рана, язва, красть, похищать, воровать* и др.).

В разъяснительной части словарных статей пространно излагаются совпадающие и различительные признаки синонимов, при этом Калайдович в ряде случаев пытается выявить и переносные, распространенные употребления слов в речи (ср., например, комментарий к синонимической «паре» *рана — язва*: «В смысле фигуральном мы называем ранами впечатления страстей, обиды, печали, оскорбления нашей чести, доброго имени. Язвами называют впечатления сильной и жестокой горести, глубокой скорби, весьма важной потери, великого несчастия...»[200]

[198] Там же. С. 8.
[199] Там же. С. 26.
[200] Там же. С. 151.

После появления «Опыта словаря русских синонимов» П. Ф. Калайдовича[201] прошло более двух десятилетий, прежде чем появился очередной Словарь по русской синонимике. Правда, в течение этих лет в журналах продолжали встречаться публикации с толкованиями отдельных групп синонимов, но в теоретическом отношении в них не обнаруживается ничего нового сравнительно с первыми лексикографическими опытами конца XVIII — начала XIX в.

Очередной же словарь синонимов русского языка был опубликован в Петербурге в 1840 г. Это «Словарь русских синоним, или сослогов, составленный Редакцией нравственных сочинений. Ч. I», под редакцией профессора А. И. Галича, психолога, философа-идеалиста, преподавателя Царскосельского лицея, автора одного из первых в России справочников по философии — «Лексикона философских предметов».

«Редакцией..» было задумано 12 выпусков этого Словаря, но осуществить этого не удалось — увидел свет только один (226 синонимических групп, А–В), созданный А. И. Галичем.

Автор «Словаря русских синоним..», признавая, что суть синонимов составляют их сходство и различие, перечисляет еще ряд их признаков (по его выражению «стихий») — это корни слов (происхождение слова помогает понять его значение), употребление народное, ибо «народ каждое слово употребляет с точностью», язык высших обществ и писателей, т.к. он, с точки зрения А. И. Галича, подтверждает, уточняет употребление слов. И венец всего, по его мнению, — точное определение (т.е. понимание) слова. В связи со своим последним утверждением А. И. Галич критикует авторов толкового словаря Академии Российской за определение синонимов один через другой, тем самым пренебрегая их смысловыми различиями. Тем не менее свой труд он представил «на предварительное благоусмотрение» Императорской Российской Академии. И получил «примечания» (в частности требование отделения русских слов от иностранных, «ведущее к затмению понятий», согласившись с которым, Галич намеревался выделить иноязычные слова в особые реестры в конце издания, там же поместить сокращенные имена писателей, из произведений которых будут взяты примеры для иллюстраций).

Словарные статьи в работе А. И. Галича весьма пространны, снабжены рассуждениями типа: «объяснив частные свойства каждого из сих слов, проистекающие от их корней, мы находим..»,[202] а о слове *автор* в словарной статье *автор, писатель, сочинитель, творец* сказано, что слово происходит от латинского глагола audeo (умножаю). «По обширности значения этого корня и ветвь его auctor у Римлян применялось к изъяснению многоразличных предметов. Но у нас это слово относится к Ученым вообще...»[203]

---

201 За I его частью II не последовало.
202 См. «Словарь синоним...» СПб., 1840. С. III.
203 Там же.

Так или иначе, но А. И. Галич внес свою лепту в развитие синонимической лексикографии. В частности, его мысль о связи синонимических отношений слов с их этимологией не осталась без внимания и учитывалась авторами позднейших словарных работ по синонимике.

В 1851 году Вторым Отделением Академии Наук было принято решение о создании словаря синонимов русского языка. Подготовкой его занялся Я. И. Бередников, археограф, ординарный академик и библиотекарь Императорской Академии Наук, а после его кончины в 1854 г. работа перешла к академику И. И. Давыдову. Написанные им выпуски «Из словаря русских синоним» печатались в Известиях Академии Наук по Отделению русского языка и словесности в 50-е гг. и до 1860 г. Давыдов еще более строго, чем его предшественники, выводит за пределы синонимики слова, тождественные по значению. «Названия видимых предметов не могут быть, — пишет он, — принимаемы один вместо других», а если «встречаются различные названия для одного и того же предмета», то «это или областные речения или заимствованные из соплеменных и других иностранных наречий, а отнюдь не синонимы».[204]

Толкования членов синонимических групп и их «взаимоотношений» изложены в повествовательной манере (в духе лексикографов-синонимистов начала века), но свидетельствуют о тонкости понимания смыслового сходства и различия синонимов. Ср., например, трактовку И. И. Давыдовым ряда *журить, бранить, злословить, ругать*: «Общая всем этим словам идея есть выражение невыгодного мнения о ком-либо. Но журят только в глаза, притом с добрым намерением; бранят и в глаза и за глаза; злословят лишь заочно; притом журят с целью вразумления, бранят в дурном расположении духа и в гневе, а злословят с злым намерением вредить...»[205] Выпуски И. И. Давыдова обильно иллюстрированы отрывками из произведений писателей конца XVIII — начала XIX в. (Карамзина, Крылова, Жуковского), есть отдельные примеры из Пушкина, Грибоедова, Баратынского.

И снова Словарь синонимов не был доведен до завершения (выпуски Давыдова содержат материалы лишь на А–Б–В). В 1863 г. И. И. Давыдов скончался, и надолго прервалась работа в области синонимической лексикографии.

Не оставив нам ни одного законченного синонимического словаря, русские филологи конца XVIII–XIX в. сделали немало с точки зрения выяснения природы синонимии как явления языка, определения синонимов как слов, содержащих общее понятие и различающихся смысловыми оттенками.

Лингвисты первых десятилетий XX в., как и второй половины XIX в., уделяли довольно мало внимания вопросам лексикологии, в том

---

[204] *Давыдов И. И.* О словаре русских синоним. Изв. АН по Отд. русского языка и словесности. СПб., 1856. Т. 5. Вып. 6, стлб. 291.

[205] Давыдов И. И. Из словаря русских синоним. Продолжение 4-е. Изв. АН СПБ., 1859–1860. Т. 8, стлб. 18–19.

числе и вопросам лексической синонимии. Не обсуждалась и не реализовывалась необходимость создания Словаря синонимов русского языка. Появлялись в печати лишь отдеьные статьи, касающиеся лексической синонимии. А. Горнфельд, в статье «Синонимы», которая была напечатана в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, а позднее Г. О. Винокур в статье «Проблемы культуры речи» признают лишь контекстуальные синонимы. «Важно не то, что два слова обозначают одну и ту же вещь, — утверждает Горнфельд, — важно то, что они выражают различное впечатление, производимое этой вещью».[206] Г. О. Винокур пишет: «Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: конь или лошадь, ребенок или дитя, дорога или путь и т.п.»[207]

Выдвижение на первый план различий слов близких по значению, сосредоточению внимания на экспрессивной и стилистической их стороне вело к расширению понятия синонимики, размыванию ее границ. Отсутствие четких теоретических положений по отношению к синонимии, отсутствие должного опыта словарного описания лексических синонимов, сказалось, естественно, на последующих работах, в том числе и на «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н.Абрамова, вышедшем в свет в 1900 г. Тем не менее «Словарь» — первый доведенный до конца синонимический словарь русского языка и первый Словарь синонимов с алфавитным (по заглавному наиболее употребительному слову) расположением синонимических рядов. Отсутствие толкований значений слов автор пытается компенсировать помещением в синонимическом «гнезде» слов, противоположных по смысловому содержанию (ср. *веселиться, радоваться, забавляться, потешаться, ликовать*... Прот. *печалиться*), что, по его мнению, может помочь отыскать нужное читателю слово. Стремлением к компактности своего Словаря Н.Абрамов объясняет многословность состава некоторых «гнезд» и ссылки при этом на другие «гнезда». «Если бы мы повторяли при каждом слове, — пишет он в Предисловии, — его синонимы, то размер книги увеличился бы в 4–5 раз».[208] Т. е. Н.Абрамов считает, что отдельные члены синонимической группы в том же самом значении могут иметь в свою очередь более близкие по значению слова (к ним отправляет автор читателя указанием «см.»).

Такой подход автора к построению Словаря не столько делает последний более компактным и более удобным для пользования, сколько нарушает правомерность и четкость формирования групп слов и выражений, близких по значению (ср. для примера ряд *бездействовать, бездельничать, покоиться, почивать, киснуть, коснеть, кейфовать, сибаритствовать, ничего не делать, гулять* ... *бить баклуши, гранить мостовую* и т.д. с отсылкой см. *Бездельничать*; и другой ряд

---

[206] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И А. Ефрона. СПб., 1900. Т. XXX. С. 45.

[207] Русский язык в советской школе. 1929. № 5. С. 85.

[208] Предисловие ко 2 изданию Словаря... СПб., 1904. С. III.

бездельничать, шататься, болтаться, валандаться, мотаться, слоняться.. с отсылкой см. *Бездействовать*). Разобраться в столь пестром «собрании», как видим, весьма затруднительно. Вряд ли помогают в этом эпитеты, приводимые автором при некоторых словах, и краткие иллюстрации из произведений классической литературы, из Академического словаря русского языка и Толкового словаря живого великорусского языка В. И. Даля.

Первым синонимическим словарем советского времени был «Учебный словарь синонимов русского литературного языка. Пособие для школ взрослых и самообразования» В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского, вышедший в свет в 1930 г. (2-е изд. в 1931 г.).

Авторы принимают определение синонимов «как слов близких по значению, но различных по оттенку», но замечают, что включают в синонимические группы только те слова, которые «в известных случаях могут быть поставлены вместо основного слова, не изменяя существенного значения последнего».[209] Короче говоря, узуальная и речевая плоскости в Словаре смещаются. Отсюда и аморфность многих синонимических рядов, помещение в них не только слов, выражающих единое понятие. (Ср., например, состав ряда *баба — женщина, жена, свекровь, старуха, молодка, молодуха, молодица, сноха, невестка*). Подтверждением вышесказанному является и присоединение к синонимическим группам с номинативным значением слов, употребляемых в переносном значении (за). В нашем примере с рядом *баба*.. за; даны *истукан; мужчина с нерешительным характером; трамбовка; колотушка; кулич.*

Смешение планов языка и речи при формировании групп слов и выражений «близких по значению» несомненно затрудняло пользование Словарем..., тем более что адресован он был учащимся «школ взрослых» и людям, занимающимся самообразованием.

Словарь В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского не иллюстрирован. В некоторых случаях при членах ряда в скобках приведена лишь типичная для них сочетаемость (*жизнь, существование, житие-бытие, проживание, век* (на своем веку), *дни* (провел дни), *долгоденствие, долголетие, живот* (положить живот)).

Отсутствие четкого определения термина «синоним», адекватного отношения к «синонимии» как явлению языка и «синонимике» как набору близкозначащих слов и выражений того или иного языка препятствовали их изучению и лексикографированию. Не случайно поэтому с конца 40-х гг. XX в. проблема изучения синонимики (не только лексической, но и синтаксической) становится для русских лингвистов одной из центральных.

Намечаются две основные точки зрения в определении понятия «синоним»: 1) синонимы — слова тождественные по значению, различаю-

[209] *Павлов-Шишкин В. Д., Стефановский П. А.* Учебный словарь синонимов русского литературного языка. Пособие для школ взрослых и самообразования. М., 1930.

щиеся лишь стилистически; 2) синонимы — слова близкие или тождественные по значению. Дискутируются вопросы, связанные с синонимией: о вариантности, понимании слов-дублетов, разделении синонимов на идеографические и стилистические. Появляются работы, посвященные вопросам словарей синонимов, взаимозаменяемости и т.д. Насущная необходимость в таком словаре была, наконец, реализована В. Н.Клюевой. В 1956 г. вышел в свет ее «Краткий словарь синонимов русского языка», описывающий 1500 слов (2-е издание 1961 г. превышало объем 1-го в два раза).

Работа В. Н. Клюевой, как и Словарь В. Д. Павлова-Шишкина и П. А. Стефановского, является учебным пособием. Но не только бóльший объем лексического материала, наличие толкований синонимов, иллюстраций к ним, но и стремление к бóльшей четкости в следовании исходным позициям, и, наконец, наличие двух индексов (алфавитного и индекса синонимических рядов), облегчающих пользование Словарем, выгодно отличает Словарь В. Н. Клюевой от своего предшественника. Во втупительной статье В. Н. Клюева ориентирует читателя на понимание синонимов как «слов-понятий, отражающих сущность одного и того же явления объективной действительности, различающихся дополнительными оттенками в значении и служащих не для подмены друг друга, а для уточнения мысли и нашего отношения к высказанному».[210]

Таким образом, дискуссионный вопрос об отношении к синонимам слов тождественного значения и о их взаимозаменяемости в речи В. Н. Клюева решает отрицательно. Справедливо указание автора, что к синонимам не относятся слова, находящиеся в отношениях «род — вид» (*обувь — туфли*), обозначающие разные виды «одного общего предмета» (*туфли — сапоги*), «слова, обозначающие сходные явления разных социальных эпох» (*жалование — зарплата*).

Предметом описания в Словаре является литературный язык, он ориентирован на минимальное привлечение лексики заимствованной, диалектной, жаргонной, узкоспециальной (критерием служит употребляемость этих разрядов лексики в произведениях русской художественной литературы).

Стилистическая разнородность лексики признается В. Н. Клюевой одним из существенных показателей при формировании синонимических групп. Слова «положительной и отрицательной окраски», по ее мнению, не синонимизируются (*лошадь — кляча, поэт — стихоплет*). Однако, утверждение В. Н.Клюевой, что «мы в слова (т.е. синонимы) можем вкладывать оттенок осуждения, пренебрежения, иронии» (ряд, приведенный как пример самой же В. Н. в предисловии *доктор, врач, лекарь*, в тексте Словаря еще имеет сущ. *эскулап*) опровергает первое из этих двух положений. Ср. в этой связи еще примеры из текста Словаря, где «сосуществуют» в одном ряду синонимы «положительной и отрицательной окраски»: *голова, глава, башка; бродить, блуждать*,

[210] *Клюева В. Н.* Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956. С 5.

шататься, шляться, таскаться, слоняться; лицо, лик, физиономия, рожа, рыло, морда и т.д.

О расхождении «декларации» и «воплощения» можно говорить и на примере рядов, члены которых явно находятся не в синонимических, а родо-видовых отношениях. Ср.: *лес, бор, дубрава (дуброва); комната, горница, покой, светелка, светлица; творец, пиит, баян, песнопевец, бард, скальд, трубадур; буря, ураган, тайфун* и др.

И все-таки «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Клюевой, который в целом отличается соответствием теоретических позиций автора словарному материалу, довольно подробным описанием общего и частного синонимических групп, со вкусом подобранной иллюстративной частью и т.д. занимает достойное место среди немногих лексикографических работ по руской синонимике.

В 1968 г. был опубликован «Словарь синонимов русского языка», составленный на основании картотеки синонимов, собранной его автором — переводчиком по профессии — З. Е. Александровой (под редакцией Л. А. Чешко). Во вступительной части Словаря автор и редактор подчеркивают, что синонимы — это слова, имеющие одно и то же значение, отличающиеся смысловыми оттенками, экспрессивно-стилистической окраской и рассматриваемые в синхронном срезе. Границы синонимического ряда, с точки зрения автора, для «практического словаря синонимов» определяются максимальной полнотой набора синонимов, но таких «которые действительно могут быть синонимичными в реальных контекстах».

В синонимические ряды в словаре формируются не лексемы, а отдельные значения их составляющие, что является положительной стороной работы З. Е. Александровой.

Автор представляет богатейшую синонимику русского литературного языка на сравнительно ограниченной «печатной площади» (18,75 печ. листов), избрав при этом жанр словаря-указателя, словаря-справочника. Отсутствуют пространные толкования понятий, объединяющих синонимичные слова и словосочетания, их различительные признаки, отсутствует иллюстративная часть. Их замещает довольно сложная схема показа смыслового содержания синонимических рядов, свойства синонимов иметь полностью или частично совпадающую сочетаемость, способность замещать друг друга в тех или иных контекстах и т.д.

За знаком косой черты / даются краткие указания на смыслоразличительные, валентные особенности членов ряда / *аплодисменты, рукоплескания, хлопки* / бурные продолжительные: *овация; отпраздновать* / дату событие: *отметить, справить* (разг.) / удачу, покупку выпивкой: *вспрыснуть* (разг. шутл.); *обмыть, спрыснуть* (прост. шутл.); *жесткий* 1. *грубый, торчащий, негнущийся* / в знач. сказ.: стоит коробом (или колом) (разг.).

За знаком две черты // помещается группа синонимов, объединенная более близкими по сравнению с другими значением (*бить* 1. *изби-*

вать; лупить, лупцевать... // слегка: *поколачивать* (разг.) / рукой: *шлепать*).

Ради компактности Словаря, в тех случаях, когда слово выступает в качестве доминанты по отношению к нескольким синонимическим группам, все они приводятся в одной словарной статье (*Грозить* 1. *угрожать, грозиться* (прост.). 2. о предстоящей беде: угрожать, висеть над кем. *Злоба* 1. \`чувство´: *злость, яд, желчь, ожесточение, озлобление, сердце* (разг.), *зло* (прост.). 2. свойство, состояние: *злобность, озлобленность, желчность*). В тех случаях, когда слово в одном из значений входит в другую группу с иной доминантой, помещается соответствующая отсылка (*Глухой* 1. \`тугоухий´. 2. см. *тихий*. 3. см. *дремучий*. 4. см. *захолустный* и т.д.).

Довольно активно и систематически в Словаре З. Е. Александровой вовлекаются в круг описания переносные значения слов (*Выговор* 1. \`внушение´: *распекание, нагоняй, проборка, хлобучка... баня* (прост.)...; *Граница* 1. \`между государствами и владениями´: *рубеж, пограничная линия*. 2. Обычно перен.: *рубеж, грань, черта, водораздел*).

Принадлежность к стилям речи и отдельным сферам применения синонимического материала сопровождается в Словаре целой серией помет (их около 20).

9000 синонимических рядов, предлагаемых читателю, действительно охватывают поистине огромный лексико-фразеологический материал. Но, строго говоря, не только из-за сложности технического его построения, но в значительной мере из-за довольно частых отступлений от теоретических установок Словаря, отличить подлинные синонимы от слов и словосочетаний, лишь соприкасающихся с ними по смежности понятий, во многих случаях под силу лишь читателю, безукоризненно владеющему родным языком.

Признавая синонимию особым явлением языка, ограниченным соответственно целым набором правил и признаков, З. Е. Александрова пишет (в разделе «От автора»): «Вообще слова связаны настолько сложными связями, что любая группировка их по значениям в виде того или иного ряда неизбежно является не единственно возможной».

Такая установка автора Словаря (состыкующаяся по существу с точкой зрения тех исследователей, которые признают синонимические отношения слов лишь на контекстуальном уровне) нашла воплощение во многих словарных статьях, где синонимичными представлены слова не только в близких, но по существу и в разных значениях (ср. *Родной* в 1 знач. \`кровный´ / о брате, сестре по отцу: *единокровный* (уст.) / о брате, сестре по матери: *единоутробный* (уст.) ◊ \`о родном ребенке: плоть и кровь чья, плоть от плоти чьей и т.д.´ Трудно признать равнозначными прил. *единокровный* и *единоутробный* и между собой и с доминантой, точно так же, как и фразеологические сочетания приведенного ряда. Если в ряду с доминантов *рука*... можно смириться с наличием сущ. *десница* и *шуйца* — за / — , то *кисть* и *пятерня* явно

нарушают синонимическую «картину»).[211] Если в смешении синхронного и диахронного планов в рядах, подобных таким как *ангина, жаба* (уст.), *бокал, кубок* (уст.), *фиал, чаша* (уст. поэт.) и т.д., еще можно как-то разобраться (хотя автором и редактором Словаря признается синонимия только как синхронное явление), то сложнее обстоит дело с такой парой как *богодельня, странноприимный дом* (уст.), ибо оба слова для современного языка в равной степени устарели и номинативно не употребляются. Явно ошибочно сущ. *стило* попало в ряд *авторучка, автоматическая (или самопишущая) ручка; самописка* (разг.); *стило* (уст.) «?» *вечное перо.*

Среди синонимических словарей советского времени центральное место занимает двухтомный «Словарь синонимов русского языка», первый том которого вышел в свет через два года после Словаря З. Е. Александровой — в 1970 г., второй — в 1971 г. Он превосходит все предшествующие лексикографические работы по синонимике как по объему представленного в нем языкового материала (4148 словарных статей), так и по количеству сведений о синонимах.

Словарь создан в Словарном секторе Института русского языка АН СССР (Ленинград) группой сотрудников под руководством А. П. Евгеньевой.

Материалом для словаря послужила картотека синонимов, составленная на базе академического толкового «Словаря русского языка» в четырех томах авторами двухтомника.

Теоретические установки изложены А. П. Евгеньевой в «Проекте словаря синонимов» и вводной части к Словарю. Определение синонимов в основном не расходится с тем, которое принимается авторами предшествующих синонимических словарей, но подчеркивается, что в случаях многозначности синонимизируются не слова, а отдельные значения. Полисемантическое слово рассматривается в стольких синонимических рядах, сколько его значений вступает в синонимические отношения со значениями других слов. Точно так же, как В. Н.Клюева и З. Е. Александрова, авторы двухтомника из узуальной синонимики исключают слова, находящиеся в отношениях «род — вид», «общее — частное», «целое — часть», поскольку они имеют разнообъемное семантическое содержание, по этой причине разведены в Словаре по разным рядам, например, такие слова как *жилище, жилье, обиталище, обитель* (перен.), *берлога* (перен.), *логовище* (перен.), *логово* (перен.) с одной стороны, и *здание, дом* — с другой, хотя в речи слова этих двух групп могут быть употреблены как синонимические.

Спорный вопрос о размежевании лексических синонимов и вариантов слова разрешается в Словаре в плане различения однокоренных синонимов и морфологических вариантов слова. Дискуссионный же вопрос о признании или отрицании сочетаемостной характеристики синонимов (в частности их взаимозаменяемости) как определяющей для

---

[211] Смешение в данном случае синонимических связей с отношениями слов по параметру «род — вид» не такой редкий промах в Словаре. Ср. еще *арена* — `место (действия)´; *буря, ураган, циклон, тайфун* / на воде: *шторм* и т.д.

выделения сводится к признанию сочетаемости синонимов характеристикой второстепенной по сравнению со смысловой, дифференциально-различительной. Сочетаемость синонимов с другими словами приводится в виде грамматических помет *овладеть (кем-чем), завладеть (кем-чем), одолеть (кого-что), охватить (кого-что*) и т.д. О мыслях, чувствах, каком-л. состоянии... и т.д.

В состав Словаря помимо обширного лексического материала включается идиоматика, глагольно-именные словосочетания типа *одержать победу, привести в волнение (смятение)*, т.е. такие, которые представляют собой фразеологические единства, в которых налицо воспроизводимость всего сочетания, равнозначность слову. При этом следует заметить, что богатая русская идиоматика представлена здесь с недостаточной полнотой. Свидетельством чему служит, например, сопоставление со «Словарем фразеологических синонимов русского языка» В. П. Жукова, М. И. Сидоренко, В. П. Шклярова (материалами которого авторы двухтомника не располагали, поскольку он вышел лишь в 1987 г.). Так, например, в группе *бездельничать, лентяйничать*... приведено в двухтомнике лишь выражение *бить баклуши*, отсутствуют же не менее употребительные *валять дурака, гонять лодыря* и т.д.

Объектом описания двухтомного синонимического словаря, как и современных толковых словарей, является лексика и фразеология литературного языка. Подсистемы русского языка — диалекты, жаргоны, специальная терминология различных отраслей знания — являются объектом Словаря лишь в той их части, которая усваивается литературным языком и закрепляется в нем через посредство художественной, научно-популярной литературы, средств массовой информации.

Роль синонимов в этом беспрерывном процессе общеизвестна, точно так же, как и стилеобразующая роль синонимических отношений в реализации разговорной речевой стихии, в использовании пассивных фондов письменного языка.

Для характеристики стилистического многообразия слов и выражений, сгруппированных по близости смыслового содержания их значений, в двухтомнике используются пометы *разг.* (разговорное), *прост.*, *груб.-прост.* (просторечное, грубо-просторечное), *обл.* (областное), *жарг.* (жаргонное), *трад.-поэт.* (традиционно-поэтическое). Дополнительная уточняющая характеристика слова, указывающая на его принадлежность к какой-либо области языка, тому или иному стилю речи, приводится в описательной части Словаря (т.н. «легенде»). Эти уточнения дают представление о применении слова в обиходно-бытовой или литературно-разговорной речи, в книжном, канцелярском стиле речи. Употребляются и ограничительные указания на нетерминологиечское обозначение разного рода предметов, явлений и т.д. (см. примечания типа *в речи моряков (охотников, спортсменов* и т.д.).

Получают в «легенде» соответствующую оценку и экспрессивно окрашенные синонимы (выражающие в речи иронию, пренебрежение, ласку и т.д.). Особо маркируется употребление тех или иных слов и выражений в качестве бранных.

Отсутствие пометы указывает, естественно, на принадлежность к стилистически нейтральной лексике и фразеологии. Из таких слов (иногда и выражений) и «вербуются» опорные члены синонимических рядов — доминанты.

Поскольку синхронность принимается авторами Словаря одним из выделительных признаков синонимики, весь устарелый лексикофразеологический материал, характерный дпя русской литературы, публицистики и т.д. XIX в. и сохранившийся лишь в пассивных фондах русского языка выносится в особый раздел словарной статьи за знаком * (ср., к примеру, ряд *аромат, благоухание, благовоние* со следующим разделом за *: «в XIX в., преимущ. в первой половине, в качестве синонимов употреблялись также слова амбра и амбре, причем последнее в дальнейшем приобрело иронический характер»; ниже приведены примеры из Гоголя, Тургенева).

Устарелая или устаревающая лексика и фразеология (с пометой *устар.*), используемая с большей или меньшей широтой в качестве стилизующих или историко-показательных элементов, находит свое место в двухтомнике в составе соответствующих синонимических рядов.

Задача составителей Словаря отразить не только современное состояние лексической синонимики, но показать и ее историческую ретроспективу в целом, как кажется, осуществлена с достаточной достоверностью. Но сложность сплетений ушедшего, уходящего и пассивно сохранившегося привела в ряде случаев к промахам и непоследовательности. Если нельзя не согласиться с тем, что глаг. *плескать* в значении `аплодировать´ (Партер и кресла, все кипит; В райке нетерпеливо плещут. Пушкин, Евгений Онегин) — архаизм, или с тем, что сущ. *кухмистер* в значении `повар´ может быть употреблено только в соответствующих контекстах, касающихся исторического прошлого, и что оба слова стоят в словарных статьях за *, то вызывает возражение помещение в основной состав синонимических рядов сущ. *бритт* (к опорному слову *англичанин*) или *галл* (к опорному — *француз*) лишь с указанием на «несколько устарелый и приподнятый характер» сущ. *бритт* (с цитатой из романа Раковского «Адмирал Ушаков») и пометой *устар.* при сущ. *галл* (с цитатой из Пушкина — «Воспоминания в Царском Селе») с комменатрием: «в соврем. языке слово галл употр. редко и только в поэтической речи».

В связи с рассмотрением сведений об устарелой лексике в Словаре, следует также обратить внимание на то, что более или менее часто и систематически (вопреки Проекту.. и Вводной статье) в раздел за * помещены слова, активно применяемые в современном литературном языке (такие, например, как *снежно-белый, молочно-белый* при ряде *белый.., сюрприз, сувенир* при ряде *подарок, дар..* и т.д., а отнесенные за * сущ. *градостроитель, строитель* в словарной статье *архитектор, зодчий* не только современные слова, но и не синонимические членам основного синонимического ряда, поскольку обозначают лишь смежные понятия, что, кстати, признают и сами авторы.

Таким образом, сведения, которые приводятся за *, в конечном счете могут восприниматься как справочный отдел весьма разнообразного содержания, нарушающий правило, декларируемое авторами, и квалификационную структуру Словаря.

Тем не менее, в целом раздел за * интересен и важен в плане показа постоянно действующего процесса взаимодействия синонимии и словообразования, лексико-грамматического развития синонимии и синонимики на довольно продолжительном отрезке времени (двухтомник как и современные толковые словари описывает лексико-фразеологический материал русского языка от Пушкина до наших дней).

Впервые в русской синонимической лексикографии авторы двухтомного словаря осуществили показ деривационных отношений между синонимами различных частей речи. «Синонимические дериваты.. демонстрируют развитие понятия, — пишет В. А. Гречко, — проникновение его в глубь языковой системы, в различные его структурные участки, где по своим семантическим функциям, лексико-семантическим, валентным и другим характеристикам не может быть применено исходное слово».[212] Думается, что информация двухтомника о синонимических дериватах подтверждает тезис В. А. Гречко и может служить материалом для дальнейшего, более углубленного изучения и понимания синонимии.

В Словаре прослежены и приведены деривационные отношения: существительное — прилагательное (***алфавит — азбука → алфавитный, азбучный; изувер, фанатик → изуверский, фанатический*** и ***фанатичный***; прилагательное — существительное (***известный, популярный, знаменитый, прославленный, славный, знатный, именитый, мировой → известность, популярность, знаменитость, слава, прославленность; смелый, храбрый, отважный, мужественный, безбоязненный, бесстрашный, неустрашимый → смелость, храбрость, отвага, мужество, безбоязненность, бесстрашие, неустрашимость, бестрепетность***); глагол — существительное (***покорить — завоевать → покорение, завоевание; капризничать, привередничать, фокусничать → капризник*** и ***капризуля, фокусник, привередник*** и ***привереда; капризница*** и ***капризуля, фокусница, привередница*** и ***привереда***) и т.д.

Представлены ряды тройной корреляции, такие как ***импортировать, ввозить → импорт, ввоз; импортный, ввозной*** и под.

Составители Словаря не обошли вниманием разного рода «деформации» системных отношений в деривационных связях синонимии, отразив подлинное речевое применение таких «деформаций». Ср. ряд ***шут, паяц, клоун, фигляр, гаéр*** (тот, кто поясничает, балагурит на потеху, в угоду другим), его дериваты: ***шутовской, клоунский, фиглярский, гаéрский; шутовство, фиглярство, гаерство, буффонство, буффонада***. Расхождение в составе дериватных рядов приведено по причине исторического расхождения в употреблении членов ряда: ***буффон*** исключено из основной группы синонимов как архаизм (см. информацию

[212] См.: *Гречко В. А.* Лексическая синонимика современного русского литературного языка. Изд. Сарат. унив. 1987. С. 94.

за *), слова же одного с ним корня *буффонство, буффонада* признаны современными и включены в ряд дериватов, в отглагольном ряду в качестве доминанты выбран глагол ***паясничать*** как более употребительный (***паясничать, фиглярничать*** и ***фигларить, гаерничать*** и ***гаерствовать***), остальные слова-существительные основного ряда, как не образующие глаголов, исключены.[213]

Наблюдение В. А. Гречко, что «взаимодействие синонимических и словообразовательных процесов приобретает в глаголе особую активность и своеобразный характер» (причиной чего является отвлеченность глагольных приставок, их многозначность и подвижность значений, большие возможности детализировать действие или состояние),[214] подтверждается обильным материалом предложенных в Словаре однокоренных глаголов, синонимичность которых строится на синонимии приставок (***взнуздать, обуздать, зануздать; измерить, смерить, вымерить, замерить, промерить; обвинять, винить; обменять*** и ***обменить, сменять, выменять, променять***; 1. ***опустить, спустить, сотрясать, потрясать; угадать, разгадать, отгадать*** и т.д.).

Конечно, не всегда материал позволяет размещать его по единой, раз намеченной схеме. Историческая судьба слов и выражений и иные превходящие моменты в их смысловом, стилистическом и т.д. содержании могут осложнять картину и требуют дополнительных изысканий. В некоторых случаях, может быть, поэтому следовало бы «разорвать» прямолинейную связь и развести по разным словарным статьям основные слова и их дериваты. Так, к примеру, группа прил. ***косой, косоглазый, раскосый*** (о человеке, страдающем косоглазием) должна быть отделена от представленных как дериваты ***косоглазие*** и ***косоглазость, косина***, ибо ***косоглазие*** — медицинский термин, правда, широко известный, требующий соответствующего толкования и исключающий экспрессивную «нагрузку», характерную для ряда, состоящего из прилагательных.

В заслугу двухтомного Словаря следует поставить наряду с другими его достоинствами показ взаимодействия синонимии и антонимии в едином лексикографическом контексте. В Словаре представлены группы антонимов или единичные антонимы, соотносимые с соответствующими синонимическими рядами (ср. ***активный, деятельный, энергичный, инициативный — пассивный, инертный, бездеятельный, бездейственный; безобразие, уродство — красота, красивость, краса***. 1. ***легкий, невесомый, легковесный*** — 1. ***тяжелый, тяжкий, нелегкий, грузный, веский, тяжеловесный***; 1. ***прекратить, перестать, кончить, бросить, оборвать, прервать — начать, приступить, приняться, взяться*** и т.д.). Но поскольку выявление синонимико-антонимических отношений лексики — задача весьма сама по себе сложнейшая, а специального словаря антонимов в период работы над

[213] Возможно, можно было найти другой выход: поместить данный глагольный ряд в качестве самостоятельного в соответствующем алфавитном месте.

[214] *Гречко В. А.* Лексическая синонимика. С. 92.

двухтомником еще не существовало («Словарь антонимов русского языка» Л. А. Введенской вышел в свет в том же 1971 г., что и I том синонимического словаря), «антонимическую» часть описываемого Словаря следует, очевидно, расценивать лишь как дополнительный, справочный его отдел.

Если более или менее внимательно прочесть материалы этого отдела, то легко можно обнаружить, что безусловная смысловая соотнесенность по принципу противоположения может быть установлена лишь между доминантами — конденсатами значений членов синонимического ряда. Более детальное изучение привело бы к установлению и описанию смысловой, стилистической и пр. нюансировки их отношений, т.е. практически к превращению синонимического словаря в синонимико-антонимический.

Следует остановиться на недочетах антонимического отдела другого порядка. Речь идет прежде всего о тех случаях, когда неоправданно при синонимическом ряде приводится не группа синонимов противоположного содержания, а единичный антоним.[215] Ср. следующие примеры такого показа антонимии из текста двухтомного Словаря. Синонимическому ряду слов, собранных под доминантой *бездарный* — *бездарный, неталантливый, бесталанный* — противопоставлен только один антоним — прил. *талантливый*, тогда как в Словаре есть синонимический ряд *способный, одаренный, даровитый, талантливый*, который, очевидно, и должен бы быть приведен как антонимический ряду *бездарный...*; ряду *больной, нездоровый, немощный, хворый, недужный*, которому следовало бы противопоставить группу *здоровый, крепкий, цветущий* противопоставляется в Словаре только прил. *здоровый* и т.д.; если при группе 1. *сильный, мощный, могучий, дюжий, здоровый, здоровенный, здоровущий* стоит антонимичный ряд 1. *слабый, немощный, слабосильный, малосильный, маломощный*, то обратная отсылка от 1. *сильный...* — отсутствует.

Сильной, тщательно проработанной стороной двухтомного Словаря является его иллюстративная часть, значительно более пространная и убедительная, чем в предшествующих словарях. Базой для нее послужила Картотека (цитат) Словарного отдела Института русского языка АН, а также собственные выборки составителей Словаря из художественной литературы, публицистики XIX–XX вв., из современной научной и научно-популярной литературы и (частично) прессы. Подавляющее большинство иллюстраций составляют цитаты, подтверждающие характеристику синонимов, данную в «легенде», их способность взаимозаменяться во избежание повторения в речевом контексте одного и того же слова, раскрывающих возможность путем повторения синонимов в пределах одного контекста усилить или противопоставить их смысловые оттенки, подчеркнуть стилистические различия.

Цитатный материал двухтомного синонимического словаря раскрывает перед читателем русскую лексическую синонимику как подлинное

[215] См. об этом также во Введении к «Словарю антонимов русского языка» Л. А. Введенской. Изд. Ростов. унив., 1971. С. 8.

богатство языка, «которое позволяет ему развиваться, предоставляя говорящему и пишущему широкие возможности для более тонкой нюансировки их мыслей».[216] Значительно меньшую часть иллюстраций в Словаре составляют «речения», указывающие на типичные сочетания синонимов с другими словами. С их помощью иллюстрируются слова стилистически нейтральные, чаще доминанты и члены ряда им тождественные (начать с абзаца, начать с красной строки — к ряду *абзац*...; избитая, банальная истина — к ряду 1. *избитый*...; оперировать больного, оперировать желудок, сердце — к ряду *оперировать*...; самопроизвольный взрыв — к ряду *самопроизвольный*... и т.д.).

На базе двухтомного «Словаря синонимов русского языка» был создан однотомный синонимический словарь. Это вышедший в 1975 г. под ред. А. П. Евгеньевой «Словарь синонимов».

Жанр этого Словаря — словаря-справочника — при сходстве теоретических позиций с двухтомником соответственно потребовал более компактного построения и описания материала. Кроме того, повторный анализ фактического материала и текста двухтомного словаря привел авторов к целому ряду изменений, и прежде всего в сторону уточнения и поправок в составе синонимических рядов. Целый ряд групп синонимов получил «добавки»: к ряду 1. *болеть, хворать*... добавлены глаг. *валяться*, словосочетания *быть прикованным к постели, лежать пластом* (или *как пласт*); в многочисленном оценочно-экспрессивном ряду *болтун, балаболка*.. правомерно оказались еще и *болтушка* и *трепло*; ряд *хитрый, лукавый*... пополнен прил. *хитроватый* и выражением *с хитрецой*; в статью *нагишом*... помещено дополнительно выражение *в голом виде* и т.д.

Во многих случаях «периферийный» материал, помещаемый в двухтомнике за *, здесь введен в состав ряда (с соответствующими пометами), поскольку раздел за * в кратком Словаре отсутствует (сущ. *длань* введено в ряд *ладонь, ладоша, ладошка; глава* — в ряд 1. *голова, башка, котелок*; устарелое *скорбный* — в ряд *больной, нездоровый*... и т.д.).

Некоторые изменения идут по линии понятийного уточнения. Ряд 2. *болеть*..., например, со значением ˋоб ощущении боли в разных органах телаˊ в двухтомном словаре объединяет глаг. *трещать, ныть, щемить, ломать, мозжить, гудеть*, которые по существу разнозначны, в однотомном словаре правомерно разведен по двум словарным статьям: 2. *болеть, ныть* — (ˋоб ощущении боли в какой-либо части телаˊ) зуб болит, рука, ноет и 3. *болеть, трещать, раскалываться, разламываться* (ˋо боли в головеˊ).

Описательная часть этого Словаря отличается предельной краткостью. При наличии смысловых оттенков они сформулированы при словах ряда *громкий (сильно звучащий, хорошо слышный, оглушительный*

[216] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Избр. работы по языкознанию и фонетике. Изд. Ленингр. унив., 1958. Т. 1. С. 65.

(чрезвычайно громкий). Для передачи более высокой степени признака, бóльшей интенсивности действия (по сравнению с теми, что передаются доминантой) введена помета *усилит.* (усилительно): *громовой* усилит., *громоподобный* усилит.

Многозначные слова, синонимичные в нескольких значениях, как и в двухтомике, описываются в соотвествии с этими значениями, но разделены знаком //.

Сравнительно с двухтомным синонимическим словарем и толковыми словарями русского языка авторы «Словаря синонимов» используют бóльшее количество стилистических помет (ср. *груб.-фам.* — грубофамильярное, *офиц.-дел.* — официально-деловое, *канц.* — канцелярское, *приподн.* — приподнятое, *высок.* — высокое[217] и т.д.), а также помет, указывающих на употребление лексико-фразеологического материала в отдельных отраслях знания, производства (*воен.* — военное, *ж-д.* — железнодорожное, *с-х.* — сельскохозяйственное и др.). Все они служат краткими «заменителями» характеристик, введенных в двухтомном словаре в описательную часть для уточнения роли того или иного синонима в речи.

Иллюстративная часть Словаря соствлена из речений и кратких цитат, в массе своей удачных и выразительных.

Как и в двухтомном словаре завершают словарную статью указания на антонимы, ссылки на заглавные слова рядов, в которые те или иные лексемы (в случаях их многозначности) входят в других своих значениях.

Достоинством обоих синонимических словарей, выполненных под руководством А. П. Евгеньевой, является справка под знаком ср. (сравни), куда помещается указание на доминанту ряда, смежного по смыслу с данным (ср., например, такие взаимные отсылки: *обокрасть*.. Ср. *воровать, одевать*.. ср. *нарядить, однажды*.. ср. *когда-то* и др.).

Авторы этих лексикографических работ более четко и последовательно, чем их предшественники, на обширном фактическом материале реализовали свои исходные теоретические позиции, хотя по существу с точки зрения определения синонимии (как явления языка) и синонимики (набора тождественных или близких по значению слов и словосочетаний) они не расходились

Список словарей синонимов

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. СПб., 1900. Переиздания — 1904, 1911, 1915.

2. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1968. 2 изд.

[217] Вызывает сомнение разграничение приподнятого и высого стилей речи, поскольку практически, как кажется, такое разграничение невозможно.

3. *Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка. Изд. Ростовского университета. 1971.

4. *Давыдов И. И.* О словаре русских синоним — Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1856, т. 5, вып. 7; 1857, т. 6, вып. 3; 1858, т. 7, вып. 1; 1859–1860, т. 8, вып. 1.

5. *Евгеньева А. П.* Проект словаря синонимов. М., 1964.

6. *Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. П.* Словарь фразеологических синонимов языка. М.: Русский язык, 1987.

7. *Клюева В. Н.* Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956. 2 изд. — 1961.

8. *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. Полное собрание сочинений, т. VII. М.; Л., 1952.

7. *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка (3-е изд.). М.: «Русский язык», 1985.

8. Опыт словаря русских синонимов (часть 1), издан Московских обшеств: Истории и Древностей Сотрудником Петром Калайдовичем. М., 1818.

9. *Павлов-Шишкин В. Д. и Стефановский П. А.* Учебный словарь синонимов русского литературного языка. М., 1930. 2 изд. — 1931.

10. Словарь русских синонимов или сословов, составленный Редакцией нравственных сочинений. Часть 1. СПб., 1840.

11. Словарь синонимов русского языка в двух томах. Л., 1970–1971.

12. Словарь синонимов. Справочное пособие. Л.: Наука, 1975.

13. *Фонвизин Д. И.* Опыт российского сословника — Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фон-Визина. СПб., 1866.

Словари новых слов

Проблемы отражения нового в лексическом составе языка встали перед русской лексикографией еще в самом начале ее становления. Общеизвестно, что общественно-исторический прогресс обуславливает значительные изменения в словаре языка, которые фиксируются и оцениваются прежде всего лексикологами и лексикографами. Наблюдения за процессом изменения, пополнения русского словарного фонда начались и шли параллельно с возникновением и укреплением отечественной лексикографии. Необходимость описания новых слов и выражений давно осознавалась лексикографами. Почти 300-летней практикой русской лексикографии были выработаны особые способы словарного описания неологизмов. Отечественная неография,[218] или лексикографическое описание нового в составе языка, в широком понимании этого термина включает в себя: 1) внесение новаций в очередное издание (или

[218] Термин используется в зарубежной лингвистике. См.: *Гак В. Г.* Рец. на кн.: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77. М., 1980; Новое в русской лексике. Словарные материалы-78. М., 1981 // ВЯ, 1982, № 3. С. 122.

переиздание) толкового словаря живого литературного языка; 2) создание дополнений (или приложений) к прежде изданным словарям; 3) создание специальных словарей новых слов.

Следует отметить, что категория «новое в русском языке» также претерпела существенные изменения в представлении создателей отечественных словарей на протяжении XVIII–XX вв., что, естественно, нашло отражение в самих словарях. Так, известно, что экстралингвистически обусловленные новообразования и иностранные заимствования являются наиболее заметными среди неологизмов того или иного языка. Именно новации такого рода более всего характерны для русского языка XVIII века. В петровское и послепетровское время он активно пополняется словами из разных европейских языков. В это же время у просвещенных людей возникает большой интерес к языковым новациям. По собственному указанию Петра I и при его непосредственном участии был составлен «Лексикон вокабулам новым». В этом Словаре были представлены и кратко истолкованы получившие тогда распространение в русском языке слова, пришедшие из различных западноевропейских языков. *Новое* понимается его авторами только как неизвестное прежде русскому языку, чужое, заимствованное им извне.

Отражая лишь один из разрядов нового в языке, этот лексикографический труд не является собственно словарем неологизмов русского языка, он представляет собой словарь смешанного типа — новых иностранных слов. Именно от него ведут отсчет словари иностранных слов русского языка.

В XVIII веке получили широкое распространение переводные словари, которые содержали в себе значительный слой инноваций — лексических заимствований, ка́лек, новообразований в русском языке и т.п. Дифференцированного отбора и описания нового в составе русского языка в них не проводилось. Тем не менее переводные словари этого времени представляют значительный интерес с точки зрения уточнения хронологии лексико-фразеологических новшеств, отмеченных в них.

Новый период в истории русской лексикографии — создание фундаментальных академических толковых словарей русского языка — начался с появлением Словарей Академии Российской.[219] Их подготовка и выход были связаны с укреплением научных основ теории и практики русской лексикографии.

Относительно соответствия лексического состава второго академического словаря современному ему русскому языку академик В. В. Виноградов писал: «В лексике русского литературного языка конца XVIII–начала XIX вв. произошли существенные изменения... Обновлялась литературная фразеология. Ширилась струя живой речи в составе литературного языка, и сдавались в архив истории архаизмы высокого

[219] Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794, ч. 1–6; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822, ч. 1–6.

стиля. Эти изменения в литературной лексике почти не нашли отражения в азбучном «Словаре Академии Российской».[220]

Такого же мнения об отставании словарей в регистрации новых фактов современного им языка был Д. Н. Ушаков. В Предисловии к «Толковому словарю русского языка» он отмечал, что первые академические словари «находились в противоречии с ходом развития русского литературного языка» и «едва ли не половина словесного богатства литературного языка 20–30-х годов XIX столетия оставалась за пределами академических словарей».[221]

Редакторы следующего академического «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847 г.) уже выделяли специальную проблему описания новаций в языке того времени. Они стремились отразить в своем труде неологизмы последних лет, общеупотребительные в литературном языке. Новые слова составители словаря тщательно анализировали, прежде чем включить их в словник. Считая своей обязанностью помочь усвоению одних слов и препятствовать необдуманному употреблению других, авторы в результате включили в Словарь только часть новаций языка современного им периода.

Хотя уже в 50-е годы XIX века становится очевидной необходимость создания словаря, отражающего современный язык, такой словарь начал выходить только в 90-х годах. Это был «Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук» (1891–1895 гг.) под редакцией академика Я. К. Грота. В Предисловии к нему так сформулированы задачи этого издания: «Словарь стремится возможно полно отразить литературный язык с половины XVIII века, включая и неологизмы, которыми в последние десятилетия обогатилась русская речь по естественному ли ходу развития языка (имеются в виду языковые новшества, обусловленные разными процессами внутриязыкового развития) или вследствие многочисленных преобразований во всех почти отраслях общественного и государственного быта (т.е. экстралингвистически обусловленные неологизмы)».[222] Ограничение хронологических рамок словаря, изменение принципов отбора слов, внимание к актуальным лексическим материалам позволили его авторам приблизиться к решению сложной лексикографической задачи — возможно полно и объективно отразить современное составителям состояние языка.

В 20–30-е годы XX в. в результате укрепления практической базы и дальнейшего развития теоретических основ в русской лексикографии была разработана систематизация словарей, проведена классификация различных их типов (Л. В. Щерба, В. М. Истрин и др.), положены основы создания целого ряда специальных словарей русского языка.

---

[220] *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 218.

[221] Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I. М., 1935. От редакции.

[222] Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук / Под ред. Я. К. Грота. Т. I, А–Д. СПб., 1895. Предисловие. С. V.

«В советское время лексикография оформилась в самостоятельную научную дисциплину со своей теорией, своими задачами и методами их решения».[223]

В этот период Отделение русского языка и словесности АН СССР предполагает широко вести работу по собиранию и публикации новых словарных материалов. Академик В. М. Истрин публикует в 1927 г. замечания академика Л. В. Щербы по этому поводу: «Что же касается новых слов, новых словообразований и новых значений старых слов, то собирание и издание их... должно составить особую задачу... На обязанности Отделения русского языка и словесности... лежит время от времени выпускать добавления к Словарю (современного русского языка), содержащие в себе все вошедшее в литературный язык за определенный промежуток времени. Эти добавления будут крайне поучительны, так как будут наглядно представлять современные изменения в языке в связи с изменениями в структуре общества и в материальной и духовной культуре его».[224] Отметим здесь программный характер данного высказывания академика Л. В. Щербы по отношению к проблеме лексикографирования новаций в языке, способов такого лексикографирования.

Известно, что значительные изменения в лексическом составе, стилистике русского языка послереволюционной эпохи вызвали необходимость переиздания Словаря Я. К. Грота — А. А. Шахматова, выпуски которого выходили до 1927 года. В 1928 году было решено переиздавать вышедшие части Словаря с тем, чтобы дополнить и обновить его актуальными материалами. Началось так называемое 7-е издание, которое продолжалось до 1937 года. При этом происходило в целом бессистемное включение в него новейших словарных материалов. Но даже несмотря на тáкое включение отдельных новаций, изменения в сторону актуализации словника Словаря оказались довольно незначительными.

Первым лексикографическим трудом, в котором получила весьма полное отражение лексика и фразеология современного русского языка, стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова (1934–1940 гг.). В него было введено и впервые описано большое количество актуальных слов и устойчивых сочетаний, расширена система стилистических помет, разработанная Я. К. Гротом. В группу помет, устанавливающих историческую перспективу в словах современного языка, вошли: новое — старин.[ное], устар.[елое].

Надо сказать, что практически каждый толковый словарь современного языка ставит перед собой задачу быть близким к современности и возможно полнее представить состояние языка в отражаемый им период. Однако на практике осуществить эту задачу в полной мере в многотомном словарном труде очень сложно. Известное «отставание от

223 *Сороколетов Ф. П.* Традиции русской советской лексикографии // ВЯ, 1978, № 3. С. 37–38.

224 *Щерба Л. В.* О словарях живого литературного языка // Современная русская лексикография. М., 1966. С. 75.

жизни» фундаментальных толковых словарей объясняется в основном объективными причинами. Для подготовки такого издания необходимо довольно значительное время (на сбор карточных материалов, их систематизацию, обработку, составление словарных статей, редактирование, оформление рукописи и т.п.). Понятно, что при автоматизации лексикографического дела этот процесс может быть на каких-то этапах ускорен, но это уже другая проблема. Кроме того, в связи со своей основной установкой — представить наиболее определившиеся и образцовые нормы словоупотребления — толковые словари литературного языка воздерживаются от включения в свой состав неустоявшихся лексико-фразеологических новшеств, не получивших еще своего определенного статуса в общем употреблении. В связи с этим исключительно сложно осуществить в многотомном толковом словаре *практическую потребность* в объективной и относительно быстрой регистрации актуальных, новых слов, значений и выражений. Так, специалистами неоднократно отмечалась неудовлетворительная тенденция в общей лексикографии — «перенесение из словаря в словарь устарелых слов и значений, отставание в регистрации новых слов, даже целых разрядов их, новых значений, оттенков в значениях или новых типических употреблений. Не свободны от этих недостатков даже такие капитальные лексикографические труды, как академические словари».[225] Эту проблему лексикографы хорошо сознавали и касались ее неоднократно.[226]

Поиски в решении этой проблемы привели к тому, что в 60-е годы XX в. в Словарном секторе Института русского языка АН СССР (в Ленинграде) возникает идея создания толкового словаря русского языка исторического типа, прослеживающего становление норм и обогащение словарного состава языка в течение определенного непродолжительного периода языкового развития.

В этой идее нашло свое воплощение понятие о динамической синхронии (И. А. Бодуэн де Куртенэ): время создания такого словаря совпадает с периодом существования в языке отражаемых слов и выражений. Представление лексики современного русского языка в словаре такого типа исторично и синхронно-диахронично. Словарь-справочник «Новые слова и значения» под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина[227] положил начало словарям синхронно-диахронического типа в русской лексикографии. Его создание явилось качественно новой ступенью и в решении вопросов лексикографического описания неологизмов: как в теоретическом, так и в практическом плане лексикографами был сделан шаг от неологизмов в словарях к специальным словарям неологизмов. «С задачей своевременной регистрации неологизмов могут

---

[225] *Бабкин А. М.* Лексикографические заметки // ВЯ, 1955, № 2. С. 90.

[226] *Матвеев И. И.* Об отставании в регистрации новых слов в толковых словарях русского языка // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. II. С. 165–166.

[227] Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971; М., 1973 (2-е изд.).

справиться только специальные словари... отбирающие для описания свои единицы, по своему параметру — времени их появления».[228]

Подготовка этих изданий началась с создания в 1964 году новой группы словарного картографирования и библиографии (службы слова) в составе Словарного сектора Института русского языка в Ленинграде. В задачу этой группы входила организация работы по целенаправленному пополнению Большой словарной картотеки новыми материалами. Сотрудники группы начали сбор и систематизацию по специальной программе новых слов и выражений, слов с новыми значениями, с изменением сочетаемости, стилистических особенностей и т.п. в современном употреблении.

На основе собранных по этой программе материалов (картотека которых насчитывала около 70 тысяч выписок) из периодической печати трех лет (1965–1967 гг. и дополнительно 1964 г. и 1968 г.) и новейших произведений художественной литературы был подготовлен первый словарь неологизмов русского языка «Новые слова и значения» 60-х годов (далее НСЗ 60-х).

В статье «От Издательства» так определялись его задачи: «Словарь-справочник «Новые слова и значения»... представляет собой опыт издания, дополняющего толковые словари русского языка словами, значениями слов и выражениями, появившимися или ставшими активно употребляться в периодической печати и художественной литературе в 50–60-е годы XX в. или несколько ранее» (с. 3). Всего в этот словарь вошло около 3500 новых, не вошедших в словари русского литературного языка, слов и выражений. При этом в него были включены новые слова, вошедшие в язык, и не включены слова, относящиеся к речи, — образованные на случай и не являющиеся общим достоянием. «Этот словарь является и научным, и нормативным, и справочным, что вызвало определенные трудности при его составлении и не могло не иметь некоторых негативных последствий».[229] Действительно, сочетание разных аспектов словаря: нормативного — и справочного, научного — и справочного — носило вынужденный, компромиссный характер. Этот компромисс авторской концепции отразился на содержании Словаря. Так, вступали в противоречие друг с другом объективное отражение того, что есть в материалах прессы и литературы (необходимое для научного осмысления языковых явлений), и рекомендации правильного, нормативного употребления того или иного языкового факта. Точно так же, нормативность издания не всегда сочетается с задачами Словаря как справочника. Исходя из принципов нормативности, авторы Словаря отказались от слов, не рекомендуемых для употребления, хотя и представленных в материалах картотеки. Справочные же цели издания предполагали включение именно таких разрядов слов (просторечия, жаргонизмов и т.п.), так как специальных словарей для таких

[228] *Котелова Н. З.* Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. М., 1988. С. 47.

[229] *Котелова Н. З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 8–9.

слоев лексики этого периода не было. Не включалась она и в общие толковые словари (за редким исключением).

В соответствии с концепцией авторов научный словарь не должен содержать в себе сконструированные грамматические формы новых слов, не зарегистрированные в материалах. В то же время в связи с нормативными и справочными целями в словаре желательны были бы указания на такие формы.

Сочетание научных и справочных целей у данного словаря привело к некоторым пропускам в представлении описываемого им словарного материала. Так, справочный характер издания побудил авторов отказаться от помещения в него тех новых слов, которые были уже зарегистрированы в вышедших в 60-е годы толковых словарях: «Словаре русского языка» (1957–1961 гг., в 4-х томах), а также в последних томах «Словаря современного русского литературного языка» (1948–1965 гг., в 17-ти томах). Редактор Словаря Н. З. Котелова видела возможность избежать отмеченных недостатков в увеличении жанров словарей неологизмов: «С появлением разных типов словарей новообразований можно будет более четко обозначить задачи конкретного словаря, освободить его от эклектичного соединения задач, хотя, по-видимому, и в этой благополучной ситуации известной гибкости в решении ряда вопросов, касающихся определения содержания и построения словаря неологизмов, избежать не удастся».[230] Следует отметить, что в следующих словарях новых слов позиция авторов была изменена: в словарь того или иного периода включалась вся хорошо представленная в материалах новая лексика и фразеология, независимо от наличия ее в других изданиях соответствующего временного отрезка. Существенной особенностью первого словаря неологизмов явилось и наличие энциклопедического аспекта в этом издании, проявившегося в описании слов. Хотя этот аспект не был предусмотрен заранее, но связи языкового и внеязыкового в описываемом материале потребовали в силу своей содержательности привлечения элементов энциклопедизма, или экстралингвистического компонента, при описании того или иного языкового факта. В словаре присутствует в ряде случаев развернутое цитирование. Пояснения, касающиеся той или иной реалии, часто отражают культурно-исторический компонент значения слова.

Говоря о лексическом составе НСЗ 60-х, необходимо коснуться понимания авторами категории «новое слово», «новое значение» и т.п. Так, неологизмами, представленными в данном словаре, являются слова, значения слов (семантические неологизмы), выражения, узуально существующие (не обязательно вновь образованные) в русском литературном языке в 50–60-е годы XX века и отсутствующие в русском литературном языке в непосредственно предшествующий период.[231] За формальную точку отсчета при этом были взяты толковые словари, отражающие срез словарного состава предшествующего периода. Их

[230] *Котелова Н. З.* Там же. С. 10.
[231] *Котелова Н. З.* Там же. С. 22.

показания корректировались данными Большой словарной картотеки и ряда других словарей.

Таким образом, инновации, включенные в НСЗ 60-х, с точки зрения их происхождения делятся на новообразования и заимствования. При этом основную часть словника составили вновь образованные слова (более 80 %), среди которых преобладают сложные слова (более половины от общего числа единиц). Новые значения слов представлены 8 % единиц. В НСЗ зарегистрировано около 50 идиоматических сочетаний (*тянуть резину, принять на вооружение, звездная болезнь, спустить на тормозах* и др.), приведено и большое число новых аналитических сочетаний (*санно-тракторный поезд, грунтосмесительная машина, автозаправочная станция, триацетатное волокно* и др.).

Внешние заимствования (из других языков) составили в данном словаре примерно 8 % (в последующих словарях неологизмов их число несколько возрастает). Это *бройлер, йогурт, кемпинг, крокер, круиз, сиртаки, тост* и *тостер, транзистор* и т.п.

В Словаре нашли отражение также слова, пришедшие в литературный язык из специальных сфер (термины различных областей знания составили в нем около 50 %), из областных народных говоров (*верховик, запуржить*), из устной речи (*запаска, неотложка, женатик*), из арго (*выдать, хохма*). Такие слова, называемые внутренними заимствованиями, являются новыми лишь для литературного языка. Включая подобные языковые факты в свой состав, словари новых слов отражают тем самым объективный процесс пополнения современного литературного языка словами, бывшими ранее за его пределами, процесс демократизации русского языка последнего времени. При этом такие слова и выражения снабжены в НСЗ 60-х специальными пометами (в разг. речи, в проф. речи, в разг. проф. речи, в просторечии, из обл.) для того, чтобы читатель мог верно оценить место и функцию той или иной новации в системе литературного языка.

Включены в словарь также слова и значения, которые не являются собственно новыми (для описываемого периода), но именно к отражаемому периоду относится оживление их употребления, они привлекают общее внимание и не отмечены (часто) еще ни одним толковым словарем русского языка. Это так называемые в неологии актуализированные слова. К ним можно отнести (для 60-х гг. XX в.) такие, например, слова (известные еще в XIX веке), как *вероятностный, алгоритм, заводчанин*; слова, зарегистрированные в картотеке Словарного сектора в 20-е и 30-е годы: *американизированный, лента* (о кинофильме), *аллергия, внеземной* и др.[232] В то же время авторы словаря исходили из того, что не каждое лексическое новообразование является общенародным языковым средством, применяется как используемый всеми способ обозначения вещи или понятия. Поэтому это издание не включает в себя окказиональные и индивидуально-авторские слова (этот принцип

---

[232] *Котелова Н. З., Сорокин Ю. С.* Предисловие к словарю «Новые слова и значения». С. 8.

проводится также и в словарях неологизмов 70-х и 80-х годов). В НСЗ 60-х вошли слова и выражения, распространенность которых в языке подтверждалась неоднократной регистрацией в картотеке Словаря.

Особенностью словаря «Новые слова и значения» 60-х годов является подбор источников материалов. Список контрольных источников содержал (кроме отдельно изданных художественных произведений) более 45 названий центральных и многотиражных изданий прессы и периодики. Для выборок неологизмов было признано целесообразным широко привлекать материалы газет, еженедельников, научно-популярных и общественно-политических журналов. Газета как один из основных источников НСЗ 60-х была избрана не случайно: она по своей природе наиболее подвержена влиянию нового в языке, фиксирует такие новшества в первую очередь, является при этом одним из важнейших средств массовой коммуникации, источником информации, оказывающим большое влияние на общественное сознание. При этом материалы Словаря собирались только по письменным источникам. Ориентация на материалы прессы и периодической печати сохранялась и при формировании картотек для последующих словарей новых слов.

Словарь «Новые слова и значения» 60-х годов составлен группой сотрудников Словарного сектора под руководством Н. З. Котеловой.

Новое лексикографическое направление было теоретически обосновано и практически открыто доктором филологических наук Н. З. Котеловой. Она была автором и редактором словарей новых слов и выпусков «Новое в русской лексике» на протяжении 25 лет. За это время группой неологии под ее руководством были созданы словари, составившие целую лексикографическую систему.

НСЗ 60-х положил начало лексикографическому описанию русских неологизмов, стал первым опытом в ряду специальных словарей новых слов. Так в 70-е гг. произошло становление неологической лексикографии, или неографии,[233] почти одновременно в нашей стране и за рубежом (США, Франция, ФРГ, Япония). Этот факт подтвердил своевременность и объективную потребность (как научную, так и общественную) в изданиях такого рода на современном этапе языкового развития.

В 70-е годы работа группы неологии Словарного сектора была продолжена, и ею был подготовлен следующий словарь «Новые слова и значения» (далее НСЗ 70-х),[234] включивший в себя лексико-фразеологические новации 70-х годов. В работе над ним были учтены замечания и пожелания рецензентов и читателей НСЗ 60-х. Этот словарь стал вторым из серии словарей новых слов, представляющих лексику и фразеологию русского языка по материалам одного десятилетия.

---

[233] *Алаторцева С. И.* Ежегодники серии «Новое в русской лексике как жанр неографии // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. М., 1988. С. 8–9.

[234] Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984.

НСЗ 70-х включает около 5500 слов, значений слов, сочетаний разных типов, которые появились и закрепились в литературном языке в 70-е годы (или несколько ранее) и не вошли в изданные до 1970 года толковые словари русского языка. Часть материалов словаря неологизмов 70-х годов может служить дополнением к материалам, описанным в НСЗ 60-х.

Второй словарь новых слов богаче первого и по словнику (на 2000 единиц), и по характеру описания слова. В словарные статьи этого издания введены дополнительно этимологические и словообразовательные справки. К каждому слову указываются сведения о его происхождении и его словопроизводственным составляющим. При этом сохраняется, как и в НСЗ 60-х, справочный отдел, в котором указываются источники регистрации слова.

НСЗ 70-х представительнее НСЗ 60-х и по кругу источников, и по иллюстрациям. Более 100 тысяч выписок, сделанных в результате обследования текстов прессы и литературы разных жанров за 1973–1975 годы и дополнительно за 1972 г. и 1976 г., а также новые материалы Большой словарной картотеки позволили представить и описать в Словаре то новое, что появилось и закрепилось в лексике и фразеологии русского языка в это время. Помимо новаций 70-х годов (*безнарядка, дискотека, жигули, луноход, спортлото, генная инженерия, трудовой семестр, наведение мостов* и др.), Словарь включает и те языковые факты, которые по тем или иным причинам авторы не смогли представить в НСЗ 60-х. Это слова и выражения, не попавшие в первый словарь из-за недостаточного количества материалов, неясности статуса в языке того или иного новшества, более строгого в те годы отношения к сниженной лексике и т.п. Но неологизмы 60-х годов включались в НСЗ 70-х только тогда, когда материалы свидетельствовали об их широком употреблении в 70-е годы.

Принадлежность слов к отражаемому периоду, их новизна устанавливалась по словарям и картотекам Словарного сектора. Учитывались и описывались в этом словаре слова, значения и выражения, не зарегистрированные в НСЗ 60-х и в общих толковых словарях, вышедших до 1970 года. Во втором словаре неологизмов было принято и реализовано принципиальное положение о формировании словника не в виде дополнения толковых словарей, а в направлении более полного и объективного отражения новой лексики и фразеологии описываемого периода независимо от того, представлена ли она в других словарях соответствующего времени.

В связи с выходом в свет первого словаря новых слов активно обсуждалась проблема включения в словарь (вообще) и в НСЗ 60-х (в частности) сниженной лексики — просторечия, жаргонизмов и т.п. Выше уже говорилось о позиции авторов словарей новых слов в отношении проблемы нормативности в изданиях по новой лексике и о компромиссах в учете нормативного, научного и справочного аспектов в данных словарях. В связи с этим важно отметить, что в конечном счете при отборе слов для НСЗ 70-х преобладали научно обоснованная задача по

возможности полного отражения всего материала по заданному хронологическому срезу и справочные цели издания. Нормативный аспект в описании сниженных пластов лексики выражается в этом словаре в том, что подобная лексика и фразеология снабжается в нем авторскими оценками экспрессивно-стилистических признаков, дополнительными пояснениями особенностей употребления, иллюстрируется только цитатами (не авторскими речениями), снабжается справками об источниках, по которым были зарегистрированы те или иные слова.

Авторская позиция в отношении сниженной лексики была усилена в 70-е годы некоторым ослаблением консерватизма и пуризма в подходе к проблеме ее лексикографирования. Внимание составителей словаря к стихии разговорной речи позволило отразить и природную образность народного слова, и яркую экспрессию живой речи. В НСЗ 70-х нашли свое место диалектные слова (*листобой, неудобица*), разговорные образования (*многоэтажка, открывашка, поливалка, продленка*), просторечные неологизмы (семантические: *базарить, выступать, напахать, толкнуть, усекать* и др.), а также слова и выражения, относящиеся к самым нижним ярусам языка — грубому просторечию, жаргону (*балдеть, закидон, гробануться, пудрить мозги* и т.п.). При этом использование специальных лексикографических приемов соответствующей квалификации описываемых фактов позволяет читателю правильно оценить их.

Следуя задачам, поставленным НСЗ 60-х, сохраняя методику 3–4-летнего контрольного среза в пределах очередного десятилетия, принципы отбора источников и включения словарных единиц, авторы НСЗ 70-х стремились к совершенствованию описания включенного материала. Это выразилось, в частности, во введении дополнительного раздела, содержащего указание на способ образования или источник происхождения неологизма. Сведения, помещаемые в этот раздел, дополняют описания слова, показывают механизм русского словообразования и факт вхождения в русский язык готовых единиц: внутренних и внешних (иноязычных) заимствований. Так, в Словаре представлены новообразования: *автоответчик, биоритм, видеофильм, госсекретарь, космизация, мелочевка, кафе-столовая, сверхдержава, сыроедение, театр-студия, ЖСК, технократ* и др.; вхождения в русский литературный язык (внутренние и внешние): *белолистка, обласок, марафет; биеннале, икебана, истэблишмент, каратэ, компьютер, консенсус, ноу-хау, пепси-кола, слайд, фломастер, фифти-фифти* и др. Около 10 % составили в НСЗ 70-х семантические неологизмы — слова с новыми значениями (отмечаемые знаком звезды — *): *барьер, вирус, дергаться, забуксовать, зацепить, зебра, климат, контекст, нитка, отключаться, поколение, разрядка, сова, сценарий* и др.

В Словарь вошли и новые идиоматические и аналитические сочетания: *гореть синим пламенем, горячая точка, держать руку на пульсе, довести до ума, завестись с пол-оборота, знать свое дело туго, начать с нуля, поезд ушел, попасть в струю, расшивать узкие места,*

народный театр, пакетное пчеловодство, профессиональная ориентация, рабочая встреча, театр абсурда, бегущая дорожка, теория игр, массовая культура и др.

В 1995 году вышел из печати словарь неологизмов нового типа — «Словарь новых слов русского языка»,[235] который охватывает новации уже не десятилетнего периода, а вбирает в себя лексику и фразеологию с середины 50-х до середины 80-х годов. По своему характеру он является выборочно сводным и дополненным по отношению к словарям-десятилетникам НСЗ 60-х и НСЗ 70-х. В 1982 году был опубликован Проект этого словаря.[236] В «Словарь новых слов русского языка» были по особым критериям отобраны и введены материалы существующих изданий по новой лексике. Они дополнены материалами промежуточных периодов — между десятилетиями, между контрольными срезами в пределах десятилетий и т.п. Словарь охватил новые слова, значения слов и выражения в русском литературном языке последних десятилетий. В отличие от других типов словарей неологизмов (в особенности от ежегодных словарных выпусков «Новое в русской лексике») в нем осуществлен целенаправленный отбор закрепившейся, оказавшейся жизнеспособной лексики, ставшей к началу 80-х годов принадлежностью литературного языка. Описание этой лексики в целом приближено к описанию в общих толковых словарях. В словаре усилено внимание к нормативному аспекту. Это нашло выражение в отборе словарных единиц, оценке их вариантов, грамматической характеристике, толковании значений, стилистической характеристике и т.д. Особый характер словаря определили его источники. Ими являются: словари неологизмов НСЗ 60-х и НСЗ 70-х; «Новое в русской лексике. Словарные материалы» — с 1977 по 1984 г. включительно. Широко использовались при подготовке этого дополненного словаря новых слов материалы картотек: как специальных картотек неологизмов, так и новых поступлений в Большую словарную картотеку Словарного отдела, а также материалы общих и специальных словарей, в которых в той или иной степени отражены неологизмы 50–80-х гг. XX века.

Следует отметить, что лексико-фразеологические материалы, описанные ранее в предшествующих словарях неологизмов, не остались в языке неизменными: многие образные употребления со временем сформировались в самостоятельные переносные значения, произошло развитие новых значений слов и образование сочетаний, оказзиональные для 60-х годов слова и выражения (не вошедшие в НСЗ 60-х) стали употребительными в 70-е гг. и т.д. Поэтому состав «Словаря новых слов русского языка» не имеет вторичного характера, а отражает динамику в развитии словарного состава русского языка за тридцатилетний период.

---

[235] Словарь новых слов русского языка (середина 50 — середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1995.

[236] *Котелова Н. З.* Проект Словаря новых слов русского языка. Л., 1982.

В этот словарь, так же как и в НСЗ 60-х, НСЗ 70-х и НСЗ 80-х, включены инновации, отмечаемые на уровне языка, то есть относящиеся к воспроизводимым, узуальным языковым средствам. Это слова, значения и выражения, употребляемые в литературном языке последнего времени (50–80-х гг. XX века) и отсутствующие в нем в непосредственно предшествующий период. Таких словарных единиц Словарь включил более 12 000 (около 15 000 единиц толкования). Это собственно новые слова всех частей речи: *аэрозоль, контркультура, прикладник, пульсар, невезуха, урегулирование, авиакосмический, побратимский, шумозащитный, программно-целевой, состыковаться, контактировать, поэтапно, глобально, комплексно, однозначно, визуально, навалом, о'кей* и др.; это слова с новыми значениями: *загрязнение, индустрия, мост, накипь, параметр, подушка, разменять, породнение, ястребы* и др. В Словарь вошли новые идиоматические сочетания: *все путем, вызывать огонь на себя, на одном дыхании, пустой номер* и т.п. В него включены устойчивые несвободные сочетания, требующие пояснения своего значения: *водные лыжи, космический корабль, нештатная ситуация, плавающая валюта, поезд мира* и др. Кроме того, в Словарь вошли новые, не отмеченные ранее в словарях морфемы: *видео..., космо..., мини..., пара..., плазмо..., сексо...* и *...мобиль, ...дром, ...тека, ...скоп* и т.п.

С точки зрения их происхождения, слова, включенные в этот словарь (как и в предшествующие словари неологизмов), являются или новообразованиями, или заимствованиями в русском литературном языке описываемого периода.

Словарная статья словаря редко включает в себя справочный отдел, в котором приводится первый словарь, энциклопедия и т.п., в которых зарегистрировано слово. Завершается словарная статья словообразовательно-этимологической справкой, в которой описывается способ образования или указывается источник заимствования слова.

«Словарь новых слов русского языка» является важным источником при подготовке общих словарей современного языка второй половины XX века, так как его состав заключает в себе языковые факты этого периода, которые в большинстве своем не вошли в имеющиеся толковые академические словари русского языка.

Продолжая работу над словарями, отражающими новую лексику и фразеологию одного десятилетия, группа неологии подготовила словарь «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг.».[237] Его базой является картотека новых словарных материалов, сформированная по источникам прессы, периодики, художественной литературы 1986–1988 гг. и дополнительно 1989 г. и всех предыдущих лет десятилетия.

В третий словарь неологизмов вошло более 5000 новых слов, значений и выражений. При подготовке словаря использовались выборочно

[237] Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1996.

материалы из ежегодных выпусков по новой лексике («Новое в русской лексике» — далее НРЛ) — НРЛ-85, НРЛ-86, НРЛ-87, а также ряда словарей и энциклопедий, включающих лексику отражаемого периода. Тем не менее основным фондом Словаря явились материалы из периодической печати и литературы второй половины 80-х гг. XX века. В них нашли свое отражение большие изменения в общественно-политической, экономической жизни нашей страны. Дифференцированный словарь неологизмов НСЗ 80-х концентрированно и достаточно полно отразил их. Синхронно-исторический словарь второй половины 80-х гг., описывающий языковые новшества этого времени, несет на себе яркий отпечаток своего времени. Экстралингвистическая обусловленность инноваций данного периода очевидна: появление новых общественно-политических, экономических и т.п. терминов, актуализация известных ранее слов, переосмысление значений многих из них. Усиление международных связей, контактов сказалось на вхождении в русский язык в 80-е гг. значительного числа иностранных слов и выражений. Все эти языковые процессы нашли отражение в НСЗ 80-х. В него вошли новые слова: *административно-командный, аэробика, аюрведа, варёнки, видеоклип, безальтернативность, биоробот, ИТД, неформал, иммунодефицитный, перестройщик* и *перестроечный, плейер, подрядник, скейтбордист, спонсор, спонсорский* и *спонсорство, СПИД, теневик, многомандатный, дедовщина, рэкет* и *рэкетир, токсикоман* и *токсикомания, тусовка* и др. Представлены в этом словаре и новые значения известных ранее слов, явившиеся результатом семантической деривации: *визитка, зелёнка, индивидуал, отмытый* (о деньгах), *саркофаг, грязный* и *чистый, металлист, дед, экология, упереться, система, афганец* и др. В эту группу входят и актуализированные в последние годы слова, претерпевшие различные изменения в семантическом содержании: *гласность, перестройка, плюрализм, ускорение, застой* и др.

В НСЗ 80-х включены и описаны разные виды новых устойчивых сочетаний этого периода: *гнать волну, голосовать ногами, не брать в голову, утечка умов (мозгов), ядерная зима, открывать шлюзы, чума двадцатого века, озонная дыра, механизм торможения, теневая экономика, индивидуальная трудовая деятельность, народная дипломатия, межрегиональная депутатская группа, бригадный подряд, семейное эвено, одноразовый шприц, совместное предприятие, новое мышление, рыночная экономика, частный извоз, ярмарка солидарности* и др.

Таким образом, сохраняя исходные принципы, на которых построены предшествующие словари неологизмов 60-х и 70-х годов, НСЗ 80-х имеет свою специфику. Она проявилась главным образом в его содержании, в словнике. Будучи, как и все словари неологизмов, словарем синхронно-диахронического типа, он совместил в себе и показал одновременно два уровня существования языка — его пополнение в 80-е гг. XX в., а также развитие новых слов, значений, сочетаний слов по отношению к тем новациям, которые были описаны в словарях неологизмов

60-х и 70-х годов. Расширение в последние десятилетия типов создаваемых словарей и теоретических разработок, посвященных принципам описания разных пластов лексики в них, способствовало выделению специальных отраслей в общей лексикографии (словарей языка писателя, учебной лексикографии и др.).

С выходом в свет в 70–90-е годы неологических словарей русского языка и выпусков «Новое в русской лексике»[238] стало возможным говорить о становлении неологической лексикографии. Развитие теории и практики лексикографирования неологизмов, или неографии, шло по пути «от неологизмов в словарях — к словарям неологизмов».

В настоящее время русская неография представлена словарями новых слов 3-х типов, каждый из которых имеет свою специфику. Это 1) словари, фиксирующие новую лексику и фразеологию литературного языка одного десятилетия (НСЗ 60-х, НСЗ 70-х, НСЗ 80-х и т.д.); 2) «Словарь новых слов русского языка», зарегистрировавший новые слова, значения слов и выражения 50–80-х годов; 3) словарные бюллетени «Новое в русской лексике (с 1977 по 1990 г.), представляющие объективную и полную картину языковой жизни новинок одного года.

Десятилетние словари новых слов не стали мобильными изданиями, оперативно знакомящими читателя с лексико-фразеологическими инновациями русского языка. Это объясняется известной консервативностью существующих методов сбора и лексикографической обработки словарных материалов, а также объемом самих словарей и продолжительностью охватываемого ими периода.

В связи с этим в 1977 году первым бюллетенем новых слов была начата серия ежегодных словарных выпусков сравнительно небольшого объема (до 30 а. л., 3–4 тысячи словарных единиц), представляющих инновации как в языке, так и в речи. Эти издания строятся на материалах периодики одного года, получаемых в результате сплошного прочтения газет и журналов по заданному списку (10 источников) за 4 (первый выпуск — за 3) месяца.

В Предисловии к первому бюллетеню «Новое в русской лексике» за 1977 год говорится: «Особенностью этого издания является то, что в нем ставится задача представить новый лексический материал... с возможной объективностью и максимальной полнотой, делается попытка

[238] Новое в русской лексике. Словарные материалы–77 / Под ред. Н. З. Котеловой (по 1984 г. включительно). М., 1980; Новое в русской лексике. Словарные материалы–78. М., 1981; Новое в русской лексике. Словарные материалы–80. М., 1984; Новое в русской лексике. Словарные материалы–81. М., 1986; Новое в русской лексике. Словарные материалы–82. М., 1986; Новое в русской лексике. Словарные материалы–83. М., 1987; Новое в русской лексике. Словарные материалы–84. М., 1989; Новое в русской лексике. Словарные материалы–85 / Ред. Ю. Ф. Денисенко. Под общей ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1996; Новое в русской лексике. Словарные материалы–86 / Ред. С. И. Алаторцева, Т. Н. Буцева. Под общей ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1996; Новое в русской лексике. Словарные материалы–87 / Ред. Ю. Ф. Денисенко. Под общей ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1996; Новое в русской лексике. Словарные материалы–88 / Ред. Е. А. Левашов. СПб., 1996.

показать поток стихийной языковой жизни, продемонстрировать факты рождения, изменения или вхождения в язык слов во всем их многообразии».[239] Создание словарной серии «Новое в русской лексике» было вызвано несколькими причинами. Во-первых, сыграл свою роль социальный заказ, общественная потребность в издании такого рода. «В наше время сверхскоростных темпов людям ждать некогда, даже словаря. Ведь каждый год привносит в нашу речь лавину новшеств. Русский язык меняется с ошеломляющей быстротой. Надо успеть запечатлеть его общую картину в пределах единого, хотя бы краткого хронологического отрезка...».[240] Во-вторых, существовала научная, общефилологическая необходимость осуществления подобного лексикографического предприятия. Она выразилась в выдвижении и обсуждении ряда словарных проектов: а) словаря новообразований, включая окказионализмы и индивидуально-авторские употребления: «Было бы хорошо, если бы соответствующий кабинет лексикографической секции Института языкознания АН СССР, ведя систематический учет всех новообразований в художественной литературе и деловой прозе основных органов прессы, выпускал бы ежегодно словарик-бюллетень новых слов, независимо от степени их употребительности. Будущее покажет, какие из них останутся в пределах индивидуального словоупотребления, а какие получат «безусловное хождение» (термин Л. В. Щербы)».[241] Выдвигалась также идея создания словаря ненормированной речи и словаря разговорной речи. Последние два проекта иногда объединялись и признавалась целесообразность создания специального словаря русской разговорной речи, основной задачей которого будет объективное и по возможности полное отражение живой, ненормированной разговорной речи.

Серия словарей-ежегодников «Новое в русской лексике» стала реальным воплощением этих проектов, удовлетворила в определенной степени потребность общества в информационно-справочных изданиях, фиксирующих новообразования короткого хронологического периода и не решающих нормативных задач. Бюллетени предоставили широкий доступ всему новому в языке, включая слова-однодневки, разного рода окказиональные, индивидуально-авторские слова, жаргонизмы, просторечие. В 12 ежегодных выпусках серии зарегистрировано в общей сложности около 30 тысяч лексико-фразеологических единиц с полной лексикографической обработкой и около 20 тысяч — в списках без описания.

Отражение «общей картины», «потока языковой жизни» в этих изданиях потребовало особых приемов лексикографирования. Одним из них является описательный подход к материалам, при котором авторы стремятся запечатлеть все новое в языке без каких-либо ограни-

---

[239] *Котелова Н. З.* Предисловие к первому выпуску из серии «Новое в русской лексике» // Словарные материалы-77. М., 1980.

[240] *Ашукина М. Г.* Навстречу новому академическому словарю // Современная русская лексикография. 1976. Л., 1977.

[241] *Фельдман Н. И.* Окказиональные слова и лексикография. // ВЯ, 1957, № 4. С. 73.

чений. При этом осуществляется комплексное описание и самих материалов, дается вся доступная авторам информация о слове. Описательный подход определил другой принцип создания ежегодников по новой лексике: своеобразие, специфичность словника и объем бюллетеней определяет сама динамика языковой жизни, задает объективная реальность, а не авторы-составители. Если для нормативных словарей обычна зависимость, при которой тип издания и его объем диктуют правила отбора слов, определяют формирование словника, то в неографических изданиях все иначе. Поэтому практически невозможно вычислить конечный объем словаря неологизмов априори. Очевидно, таким образом, что историчность, диалектический подход и объективность являются основными принципами работы при создании ежегодников «Новое в русской лексике». Они представляют собой (как это следует из всего отмеченного выще) микрословари исторического типа (вернее, синхронно-исторического), описывающие короткий период языкового развития — несколько месяцев одного года. Эта их главная особенность не раз отмечалась специалистами.

Такие словари могли бы использоваться в дальнейшие годы при составлении thesaurus'a, они послужили бы в будущем драгоценным материалом для историков языка и, наконец, представили бы непосредственный живой интерес, не только лингвистический: ведь эти новообразования в какой-то мере характеризуют свое время».[242] В. Г. Гак также отмечал, что «у справочников такого рода есть... функция социально-историческая. В новых словах и значениях слов отражаются новые явления жизни нашей страны, современной науки и техники, события международной действительности. Пройдут годы, и к этим книжкам смогут с пользой для себя обратиться не только лексикографы, но также историки и социологи».[243] Иллюстрацией этих слов может служить материал любого словарного выпуска «Новое в русской лексике». Так, в НРЛ-87 представлены следующие разряды неологизмов: 1) новые слова (новообразования и вхождения) — ***агропромбанк, административно-приказной, антисон, антисталинский, видик*** (видеомагнитофон), ***госдотация, госкапитализм, договорно-арендный, итедешник*** (от ИТД), ***металлистка, одеколонщик, патентник, рок-движение, скейтодром, стереокассетник, ультраперестроечный, фирма-спонсор, хозрасчетность, экотехника, юппи*** и др.; 2) слова с новыми значениями, представляющими собой семантические дериваты: ***аппаратчик, винтик, благотворительность, крутой, нажимной, нетрадиционный, плюралистический, погружение, упаковаться*** и ***упаковка*** (об одежде) и др.; 3) новые сочетания слов — идиомы, парафразы, составные термины, штампы и т.п.: ***бесконтактный массаж, горячая линия, залечь на дно, держать на контроле, образ врага, озонный щит, прораб перестройки, прямой***

[242] *Фельдман Н. И.* Там же. С. 73.
[243] *Гак В. Г.* Новое в русской лексике. Словарные материалы-77. Словарные материалы-78. Рец. // ВЯ, 1982, № 3. С. 125.

эфир, свободный микрофон и т.п.; 4) новые слова, однократно употребленные в речи: *бабаягай, видеофицированный, водозаменитель, добровольно-принудительно, донашезрный, застойно-застольный, индобслуживаться, культик, моржить, небюрократ, недотёпитость, несунство, отец-одиночка, перенаграждение, сер-реализм, теленаркоман, триумфализм* и др.

Подводя итог, можно сформулировать общие типологические особенности ежегодников серии «Новое в русской лексике». Во-первых, это мини-словари исторического характера (охватывающие короткий хронологический период), которые на протяжении уже более 12 лет отражают изменчивую, неповторимую картину жизни русского языка наших дней. Во-вторых, это словарики «тезаурусного», описательного типа (не нормативные), представляющие с возможной объективностью и максимальной полнотой материал разнообразных социально-стилевых разновидностей речи. Следующей их особенностью является оригинальный, самобытный, «первородный» лексический состав: их словник формируется и описывается авторами каждый раз впервые, так как по условию издания каждый бюллетень должен обладать «презумпцией новизны». И последняя их характерная черта состоит в том, что по своему лексикографическому статусу — это словари своеобразного назначения. Подзаголовок «Словарные материалы» означает не отношение их к «дословарному уровню» (термин В. Г. Гака) по способу лексикографического описания инноваций, представленных в них, а подчеркивает функциональное назначение этих изданий — служить источниками материалов для словарей самых разных типов, вплоть до тезауруса. В ежегодниках (НРЛ) проведены все этапы лексикографической обработки слов, предусмотренные для толковых словарей, находит отражение вся доступная авторам информация о неологизме (семантическая, грамматическая, стилистическая, этимология, способ образования и т.п.).

Серия ежегодных выпусков «Новое в русской лексике» позволяет говорить о самобытности русской неографии в создании особого жанра словарей.

Историческое движение русской неографии от описания языковых новшеств в общих словарях привело к созданию специальных словарей неологизмов, которые несомненно являются оптимальным способом описания новой лексики. Дифференциальным характером таких словарей и новизной представленного в них материала обусловлена высокая степень их содержательности.

Значительная концентрация включаемых в них слов и выражений (общий свод новаций за 50–80-е годы — более 50 тысяч словарных единиц), которые не вполне освоены говорящими и требуют пояснения их значений и употребления, придают словарям неологизмов ценность как лексикографическим справочникам. Являясь историческими изданиями, регистрирующими приращение новых слов и выражений, изменение их значений в определенный период, словари новых слов всех трех типов служат важными свидетельствами развития языка, отражают

прогрессивное движение человеческой деятельности и бесконечного познания мира.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ
Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. (СДРЯ)

Русское языкознание всегда проявляло живой интерес к исторической лексикологии и лексикографии.

Важным периодом в развитии русской исторической лексикографии были последние десятилетия XX в. Именно в этот период окреп интерес к созданию основ теории лексикографии, к взаимодействию жанров исторической и этимологической, исторической и диалектной лексикографии, к их специфике. Историческая лексикография как жанр, ее задачи и возможности при воссоздании истории слова анализировались в зарубежных и советских работах. Проблематика исторических словарей, проектов и продвинутых изданий была предметом рассмотрения обобщающих обзоров и возрождающейся профессиональной лексикографической критики, которая обсуждала и теоретические принципы разработки исторического словаря русского языка, и состояние современной исторической лексикографии в целом.[244]

Русская историческая лексикография базируется на самой богатой славянской письменности с непрерывной, почти тысячелетней, традицией. Ее лидирующая роль в восточнославянском ареале обозначилась рано, и сейчас достигнута наибольшая продвинутость в создании миллионных картотек и в издании многотомных общефилологических словарей. Однако сложность межславянских лексических связей, особенно в раннеписьменный период, обязывала лексикографов-русистов к работе в тесном контакте с украинскими и белорусскими коллегами, к постоянному взаимному рецензированию материалов словарей в различных словарных коллективах.

Из крупных совещаний наиболее важными для русской исторической лексикографии были два: Конференция по проблемам славянской исторической лексикологии и лексикографии, проведенная в Москве в 1975 г. силами Института славяноведения и Института русского языка АН СССР.[245] Выпуски 3–4 расширенных тезисов «Теория и практика исторической лексикографии» были посвящены 50-летию Картотеки ДРС и выходу в свет первого выпуска Словаря русского языка XI-XVII вв. (далее: СлРЯ XI–XVII вв.), который делается на основе этой

[244] См.: Теория и практика исторической лексикографии / Под ред. Г. А. Богатовой, Г. Я. Романовой. М., 1984, 268 с.; *Nečmec J.* K současné sovětské historické lexikografii // Slavia. Pr.. 1979. roč. 48 и др.

[245] Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1975. Вып. 1–4.

картотеки. На конференции был начат важный разговор о проектировании различных типов словарей (древнерусских, старославянских), об общих традициях в разработке семантики древне- и старорусского периода, староукраинской и старобелорусской территории. В сборнике «Проблемы исторической лексикографии» освещались и другие вопросы этой конференции: что такое исторический словарь в его отнесенности к различным периодам языкового развития, каковы способы отражения в лексикографии динамики языкового развития, отбора окказиональной, просторечной, специальной лексики, лексикографирования «культурных слов» на материалах Словаря русского языка XVIII в. (далее: СлРЯ XVIII в.).

В теоретическом отношении наиболее плодотворным был подготовленный в 1984 г. Сектором этимологии и Сектором исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка АН СССР Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии.[246] Симпозиум отметил, что за истекшее десятилетие стал реальностью круг словарей исторического цикла, освещающих историю слова как в устной, так и в письменной форме бытования. К этому кругу относятся этимологические, историко-этимологические, историко-диалектные, диалектные и собственно исторические словари. Они создаются одновременно: «Этимологический словарь русского языка» под ред. Н. М. Шанского (МГУ, А–К) выходит с 1960 г.,[247] Сводный «Словарь русских народных говоров»[248] к началу 80-х годов обрабатывал тот же алфавитный отрезок (М, Н), к которому подошел СлРЯ XI–XVII вв. (А–Н, 1975–1983). Круг словарей исторического цикла позволил расширить и хронологические рамки рассмотрения истории слова: от праславянского периода до XVIII в. К Международному симпозиуму 1984 г. вышел в свет вып. I СлРЯ XVIII в. (А–Б), а коллектив «Этимологического словаря славянских языков» под ред. О. Н. Трубачева (А–К, 1974–1983)[249] обобщал опыт издания первых десяти выпусков, реконструирующих лексический фонд праславянского времени. Симпозиум 1984 г. привлек внимание специалистов-лексикографов, уже работающих над различными типами словарей диахронического плана, в первую очередь над общефилологическими словарями, описывающими весь словарный фонд большого круга памятников письменности — СлРЯ XI–XVII вв., СлРЯ XVIII в., СДР XI–XIV вв., затем над региональными: историческими, историко-диалектными, такими как Псковский областной сло-

---

[246] Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва, 21–26 мая 1984 г.: Тез. докладов / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1984. 160 с.

[247] Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. М., 1963–1982. Т. 1–2.

[248] Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин и Ф. П. Сороколетов. Л., 1965–1997. Вып. 1–31.

[249] Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–1985. Вып. 1–12.

варь с историческими данными (вып. 1–10), специальными словарями: историко-фразеологическими, терминологическими, понятийными, синонимическими. Активизировались поиски места каждого из означенных типов, например, исторического и диалектного словарей на материале Словаря брянских говоров (вып. 1–5) в системе словарей национального языка. Завершена работа над двумя словарями, описывающими лексику одного памятника: Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника,[250] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».[251] Этот тип иногда интерпретируется как филологический тип исторического словаря в связи с комментированием в рамках словарной статьи литературы по истории слова. Большое распространение получило в последнее время составление словоуказателей к памятникам письменности, которые делаются ручным способом, например, к «Повести временных лет» О. В. Творогова,[252] к «Московской деловой и бытовой письменности XVII в.» Л. Ю. Астахиной.

Вопросы типологии, расширения рамок реконструкции в словарной практике, поиски новых типов словарей, в том числе «проблемных», способных в лексикографической форме изложить то или иное решение проблемы (грамматической, синтаксической) на массовом материале, «стыковая» постановка тем докладов, например, «Лексикология лексикографии», были характерны для данного симпозиума и других подобных мероприятий.

История словарного дела XIX в. знаменательна тем, что именно в этот период начала складываться русская историческая лексикография как особый жанр. Для появления самой идеи исторического словаря, для выработки традиций жанра много сделали историки и этнографы в конце XVIII–начале XIX в. Можно назвать Словарь русских суеверий,[253] Родословный российский словарь,[254] «Историческое описание одежды и вооружения российских войск»,[255] «Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов, конского прибора, в азбучном порядке расположенное» П. И. Савваитова,[256] и мн. др. Первоначально это были словари древностей, историко-терминологические словари или материалы для словаря терминов. По типу словарной статьи, прежде всего определения слова, это словари энциклопедические

---

[250] Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника / Под ред. Б. Л. Богородского, А. С. Герда, Иссерлин Е. М. и др. Л., 1981. 232 с.

[251] *Виноградова В. Л.* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1965–1984. Вып. 1–6.

[252] *Творогов О. В.* Лексический состав «Повести временных лет»: (Словоуказатели и частот. словник). Киев, 1984. 218 с.

[253] Словарь русских суеверий / Сост. М. Чулков. Спб., 1782. 271 с.

[254] *Спиридов М. Г.* Родословный российский словарь. М., 1793. Ч. I. 376 с.

[255] *Висковатов А. В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Спб., 1841-1862. Ч. 1–30.

[256] *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. 184 с.

(толковые, объяснительные), чаще всего дифференциально учитывающие лишь терминологическое употребление слова. Традиция их составления у историков сохранилась до настоящего времени, например, «Материалы для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина[257] или «Словарь русских исторических терминов от XI столетия до 1917 года» С. Г. Пушкарева.[258]

В последнее время она поддерживается и лингвистами, планирующими, например, создание этнолингвистического словаря древностей.[259]

Основным типом, найденным филологами XIX в., стал общефилологический словарь, который, однако, не соединял бы «в одном труде»... «все периоды исторического развития языка»,[260] включая современный. И. И. Срезневский понимал, что жанр исторической лексикографии должен быть вполне самостоятельным и иметь свою базу — древние письменные источники, которые в его время еще предстояло в значительной степени и описать, и опубликовать, и систематизировать. Почти 40 лет делал И. И. Срезневский «палеографическое обозрение памятников древней русской письменности» и выписки «для русского словаря преимущественно по этим памятникам», делал со своими учениками словарики к отдельным памятникам письменности, пробные заготовки словарных статей на отдельных алфавитных отрезках, пробный набор. После смерти И. И. Срезневского накопленная им сокровищница была издана его дочерью Ольгой Измайловной и сыном Всеволодом Измайловичем Срезневским как «Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным источникам». Они издавались под наблюдением акад. А. Ф. Бычкова и затем акад. А. А. Шахматова почти 22 года. Это уникальный по своей обширной базе труд. Около 39 тыс. словарных статей, обильно документированных выписками из памятников письменности (всего их около 120 000), расположенными в каждой статье в хронологическом порядке, составляют этот трехтомный свод. С предельной для своего времени полнотой смог И. И. Срезневский отразить словарный состав языка русской письменности преимущественно XI — XIV вв.

Явлением по-своему значительным была публикация в 1894 г. «Материалов для словаря древнерусского языка» А. Л. Дювернуа.[261]

Базой для этого словаря послужили документы Московской Руси XV–XVII вв. (19 памятников). В словаре 6000 слов, все они снабжены латинскими эквивалентами. Публикация «Материалов для словаря

---

[257] *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.; Л., 1937, 487 с.

[258] *Puškarev S. V.* Dictionary of Russian historical terms from the eleventh century to 1917. New Haven, 1970. XI, 199 p.

[259] Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словника. Предварительные материалы / Отв. ред. Н. И.Толстой. М., 1984. 161 с.

[260] *Срезневский И. И.* Обозрения замечательнейших из современных словарей. СПб., 1856. С. 61.

[261] *Дювернуа А. Л.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894. 284 с.

древнерусского языка» И. И. Срезневского и А. Л. Дювернуа впервые ввела в научный оборот лексику письменных памятников XI–XIV и отчасти XV–XVII вв., дала первое представление о лексическом фонде русского языка этих периодов. Даже незавершенность лексикографической обработки фонда не умаляет значимости «Материалов» как первой попытки создания общефилологического словаря исторического жанра.

«Материалы» И. И. Срезневского анализировались теми, кто задумывался над судьбой украинского и белорусского лексического состава, например Н. М. Каринским.[262]

Творческое наследие наших первых историков-лексикографов изучается и сейчас, в период создания истории русской исторической лексикографии.

В начале XX в. разработка идеи исторического общефилологического словаря была связана с именами А. И. Соболевского, Л. В. Щербы и Б. А. Ларина и получила в их трудах и практической деятельности дальнейшее развитие.

А. И. Соболевский, занимавшийся историей сложения русского литературного языка, его истоков, его доминантных средств в разные периоды развития, разработал программу накопления материалов для разных словарей. Предполагалось собрать несколько картотек: «1. Материалы для словаря древнего церковнославянского языка. 2. Материалы для словаря как церковно-славянского, так и древнерусского языка, пополняющие «Материалы» Срезневского, т.е. словарные извлечения из памятников русского письма, составленных или переведенных не позднее XIV в., по спискам XI — XVII столетий. 3. Материалы для словаря старого языка Московской Руси по памятникам литературы, законодательства и делопроизводства, оригинальным и переводным XV–XVII вв. 4. Материалы для словаря старого языка Польско-Литовской Руси по памятникам XIV–XVII вв.».[263]

Так, в 1925 г. было положено начало картотеке. Первоначально выписки для нее собирали историки, литературоведы, лингвисты, трудившиеся в своей области в разных городах Союза над памятниками письменности. Среди них филологи член-корр. Д. И. Абрамович, В. В. Майков, П. К. Симони, А. М. Селищев, А. П. Евгеньева, палеографы Вс.И. Срезневский, Ф. И. Покровский, Ф. В. Буслаев, историки Б. А. Романов, П. А. Садиков, М. Д. Приселков, литературоведы Р. Ф. Ржига, А. Д. Седельников и многие другие (всего более 100 человек). С изменением руководства (М. Н. Сперанский, затем Б. А. Ларин) и централизацией работы в Ленинграде начали искать пути к созданию общефилологического словаря с более широкими хронологическими рамками. Для пополнения единой теперь Картотеки ДРС чаще

[262] *Каринский Н. М.* Материалы для словаря: Заметки о Словаре И. И. Срезневского и разные заметки о заимствованиях (рукопись) // Архив РАН, ф. 468, оп. I, д. 201, 10 с.

[263] *Соболевский А. И.* Докладная записка о составлении словарей древнерусского и старорусского языка // ВЯ. М., 1960. С. 114–115.

«привлекали тексты, в которых нашел отражение народно-обиходный, деловой язык, а также язык средневековой поэзии (песни, заговоры, пословицы, поговорки)». Использовались древнерусские лексикографические труды (алфавиты, азбуковники, лексиконы). В Проекте для древнерусского словаря 1936 г. предполагалось дать реально-исторический комментарий к словам, дать иллюстрации реалий, использовать и диалектный материал. «Новый этап в области исторической лексикографии» Б. А. Ларин видел в «синтезе узко-филологического словаря с историко-терминологическим и со словарем культурных реалий».[264]

В эти годы разрабатывается и теоретическая модель исторического словаря, который Л. В. Щерба (участник работ по составлению Картотеки и член редколлегии словаря) представлял следующим образом: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение...».[265]

Первые попытки лексикографической обработки накопленных материалов в пробных наборах Словаря древнерусского языка и Исторического словаря русского языка XI — XVIII вв. показали, что словарь, осложненный множественностью задач и стремлением полно, как в «Материалах» И. И. Срезневского, документировать историю слова по такому большому периоду, грозит вырасти в научно неосуществимое при жизни одного поколения предприятие. А насыщение одного жанра (исторической лексикографии) данными другого жанра (диалектной лексикографии) могло подорвать ход работ в самом начале. Ведь по существу в 40-50-х годах сами современные традиции этих жанров еще только складывались. В пробных наборах Исторического словаря 1941 г., 1946 г. виден поиск типа словарной статьи, переход от принципа «материалов» к принципу «словаря». С перемещением Картотеки ДРС из Ленинграда в Москву (картотека насчитывала к 1953 г. 1,5 млн. карточек-цитат) пополнение ее продолжалось.

Основной метод извлечения («эксцерпирования») материала для картотеки — выборочная выписка: на отдельную карточку выписывается слово и наиболее яркий контекст, в котором это слово встретилось в тексте. Для части памятников — в зависимости от их значимости — применялась полная выписка («извлечение из памятников письменности всех слов его лексического запаса в лучших, отобранных контекстах»), для части — сплошная выписка (из памятника выписывается «каждое его слово в каждом контексте»).[266] Точную цифру количества памятников, из которых извлечен материал, назвать было трудно. Рукопись Указателя источников Картотеки ДРС, составленного в 1951 г.

---

[264] *Ларин Б. А.* Проект древнерусского словаря. М.–Л., 1936. 175 с.

[265] *Щерба Л. В.* Опыт общей истории лексикографии // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1940, № 13. С. 17.

[266] *Ларин Б. А.* Проект древнерусского словаря. С. 32-35.

С. Ф. Геккер, включала около 1700 названий. Наиболее полные сведения о «Картотеке древнерусского словаря» имеются в сб. «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка» в статье О. И. Смирновой (с. 102 — 124).[267]

Выборочность выписок, которая велась специалистами по древнерусскому языку на столь большом круге источников, обеспечила высокую лексическую частотность картотеке, отсутствие избыточных зон, яркость документирования.

В Москве начались поиски варианта словаря, оптимально учитывающего богатства Картотеки ДРС, начался под руководством С. Г. Бархударова расчет объема работ по менее сложному, чем у Б. А. Ларина, плану. С. Г. Бархударов стремился к созданию «общедоступного», «популярного» словаря-справочника для широкого круга читателей — однотомника, как Словарь Ожегова, или двухтомника. К 1963 г. направление работ определилось. Московский коллектив приступил к созданию Малого древнерусского словаря (МДРС) XI–XVII вв. на 450 а.л. (ок. 60 тыс. слов). Предполагалось, что это будет толково-переводной словарь, довольно полно отражающий картотеку по словнику (до 90 %) и стремящийся к предельному лаконизму в дефинициях и иллюстрациях (две цитаты на одно значение слова с наиболее ранней и наиболее полной фиксацией).[268]

Инструкция для составителей и образцы словарных статей в 1964–1965 гг. широко обсуждались со специалистами из Русской редакции издательства национальных и иностранных словарей, из группы древнерусской литературы Института мировой литературы АН СССР (В. Д. Кузьмина), историками из Сектора феодализма Института истории СССР (Л. В. Черепнин), с источниковедами Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина (И. М. Кудрявцев). В 1965 г. «Инструкция для составления Малого древнерусского словаря» была принята Ученым советом Института русского языка АН СССР, а в декабре 1967 г. состоялось обсуждение первой части МДРС А–З (180 а.л.). Материалы проходили рецензирование в крупных словарных коллективах (в коллективе Сектора Староукраинского языка XIV–XV вв. Л. Л. Гумецкой и Группе по исторической лексикологии XVIII в. под руководством Ю. С. Сорокина). Это впоследствии стало традицией. Постоянно консультировали сотрудников словаря и просматривали весь текст обсуждаемых частей в Секторе феодализма Института истории СССР.

В январе 1971 г. состоялось обсуждение на Ученом совете части словаря на И–М (85 а.л.). Рецензентами были коллектив СРНГ Словарного сектора ЛО Института языкознания под руководством Ф. П. Сороколетова и коллектив Сектора истории белорусского языка (готовивший картотеку для старобелорусского словаря под руководством А. И. Журавского).

---

[267] *Смирнова О. И.* О картотеке древнерусского словаря. // Лингвистические источники. М., 1967. С. 100–124.

[268] *Богатова Г. А.* О работе над Малым словарем древнерусского языка XI–XVII вв. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1966, № 6. С. 524–527.

Обсуждение и работа над словарем показали, что нужна некоторая корректировка первоначальных планов, если мы хотим полно отразить лексическое богатство XI–XVII вв. По рекомендации рецензентов сокращено количество грамматических (очень экономных) дефиниций типа давати несов. к дати, так как это могло вести к переносу нашего современного восприятия категории вида на древний материал. Рекомендовалась и самостоятельная подача всех наречий, часть из которых давалась ранее в статьях на прилагательное. Эти и многие другие пожелания были учтены при подготовке словаря к изданию. 20.X.1970 г. на заседании редколлегии решено было дать словарю иное название: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» и несколько увеличить его плановый объем (650–700 а.л.).

В дальнейшем с интервалами в 2–3 года шло утверждение к печати готовых (составленных и прошедших первичное редактирование) материалов СлРЯ XI–XVII вв. по букван Н (1972), О (1977), П (1981, буква, над которой коллектив работал 8 лет), Р (1983), в настоящее время составляются и редактируются словарные статьи на С.

Из этих материалов формировались для издания выпуски (по 35–40 а.л.). С 1975 г. вышло двадцать три выпуска СлРЯ XI–XVII вв. (А–С). Кроме общего редактирования, которое осуществляется в словаре по традиции двумя лицами: главным редактором, председателем редколлегии (вып. I–VI — С. Г. Бархударов, VII–X — Ф. П. Филин, XI и след. — Д. Н. Шмелев, с XV выпуска — Г. А. Богатова. Признано также необходимым (с вып. VII) иметь также редакторов выпусков. С каждым выпуском теперь работает свой специалист-источниковед и специалист-классик. Разрыв между временем составления буквы и ее изданием все еще очень велик, и такая организация работы необходима, чтобы полнее учесть замечания рецензентов, новые изданные источники, новые поступления в Картотеку ДРС. (Указатель источников Картотеки ДРС, составленный С. Ф. Геккер, существенно дополненный и переизданный в 1984 г. С. П. Мордовиной и Г. Я. Романовой, насчитывает теперь ок. 1900 названий).

За 20 лет издания СлРЯ XI–XVII вв. неоднократно рецензировался. В сборнике «Теория и практика русской исторической лексикографии» помещен список рецензий.

Чем отличается СлРЯ XI–XVII вв. от «Материалов» И. И. Срезневского, охватывающих тот же период истории русского языка?

Прежде всего — более обширными материалами цитат из разнообразных древнерусских письменных памятников XI–XVII вв. (причем особо хорошо представлены выписки из источников XV–XVII вв., как известно, бедно отраженные в Словаре И. И. Срезневского). Эти материалы дают возможность значительно обогатить словник нового словаря. В него будет включено около 70 000 слов (при 40 000 в Словаре И. И. Срезневского). Если учесть, что некоторые разряды слов, включенных в Словарь Срезневского, в новый словарь введены не будут, то станет ясным, что в нем будет представлено более 30 000 слов.

до сих пор не отраженных ни в одном лексикографическом труде по языку XI–XVII вв. Таким образом, значительное обогащение словника по сравнению с самым большим из существующих законченных исторических словарей русского языка — «Материалами» И. И. Срезневского — первое бесспорное достоинство вновь создаваемого лексикографического пособия.

Уже простое количественное сопоставление словника «Материалов» со словником СлРЯ XI–XVII вв. (в пределах отдельных отрезков последнего) вполне подтверждает это несомненное превосходство нового словаря. Так, в отрезке мовъ (мъвъ)–молотити в Словаре И. И. Срезневского включено 85 слов, в СлРЯ XI–XVII вв. — 200 слов; в отрезке козелъ–констово — соответственно — 216 слов у Срезневского и 516 слов в СлРЯ XI–XVII вв. Сравнительно небольшой отрезок СлРЯ XI–XVII вв. (от къ до кайло) прибавляет к словам, отраженным в «Материалах», более 70 новых слов. Пополнение словника складывается из различных категорий лексики. В основном, однако, это слова, появившиеся в русском языке в XVI–XVII вв., хотя есть и такие, которые зафиксированы в письменности более ранней поры. Среди слов, впервые разрабатываемых в словаре, немало многозначных, с широко развитой системой значений.

Если обратиться к тем словам, которые отсутствуют у И. И. Срезневского и представлены в новом словаре, то легко убедиться, что СлРЯ XI–XVII вв. нередко позволяет уточнить хронологию появления слова в русском языке, давая самую раннюю из известных фиксаций. Так, до сих пор словарем, впервые зафиксировавшим слова «каденция» и «кадий», являлся «Новый словотолкователь» Яновского (1804 г.). В СлРЯ XI–XVII вв. первое из указанных слов иллюстрируется цитатой из памятника 1681 года, а второе — 1517 года. Слово «кавалер», как показывает СлРЯ XI–XVII вв., употреблялось уже в «Истории» Курбского, тогда как до сих пор первым словарем, отметившим это слово, был Вейсманнов лексикон 1791 года. «Кавардак» впервые появляется в Словаре Академии 1847 года, а СлРЯ XI–XVII вв. приводит материалы, относящиеся к 1660–1686 годам. Хронологические уточнения подобного рода касаются многих слов.

Что касается слов, представленных в «Материалах» и в СлРЯ XI–XVII вв., то к бесспорным достоинствам нового исторического словаря следует отнести прослеживаемое в очень многих случаях увеличение количества значений слова. Так, если И. И. Срезневский приводит лишь одно значение слова «казатися», то СлРЯ XI–XVII вв. дает уже 6 значений; если в «Материалах» при слове «казеньный» находим всего 2 примера, то СлРЯ XI–XVII вв. посвящает этому слову 2 страницы текста, богато иллюстрируя слово. То же самое можно сказать о слове «квас» и многих, многих других.

К достоинствам Словаря относится не только одно богатство его словника. К ним принадлежат многие стороны разработки словарного состава, нашедшие отражение в словаре.

В целом не вызывают возражений принципы, положенные в основу структуры словаря, архитектоника словарной статьи, принципы выбора формы заголовочного слова и его вариантов, объем грамматических сведений о слове и приемы их показа, способы толкования значений слова, показа устойчивых фразеологических сочетаний, отношение к цитатам и др. вопросы.

Следует считать правильной ориентацию составителей на показ в заголовке словарной статьи зрительного облика слова в конце охватываемого словарем периода; при этом древнейшие его написания и другие варианты даются вслед за заголовком, в скобках. Этим соблюдается научная объективность в отражении орфографии слова на протяжении от XI до XVII вв., с одной стороны, и облегчаются поиски слова читателем словаря, — с другой.

По характеру и способу объяснения включенных в него слов СлРЯ XI–XVII вв. является словарем толково-переводного типа. Конечно, можно было бы задумать и практически осуществить словарь древнерусского языка, в котором каждое слово получало бы толкование, подобно тому, как это делается в толковых словарях современного языка. В этом случае лексический состав древнерусского языка рассматривался бы как абсолютно самостоятельное явление, никаким образом не связанное с лексическим составом современного русского языка. Такое в известной мере допустимое отграничение древнерусской лексики от лексики современной, будучи последовательно проведенным, могло бы привести к весьма интересным результатам. Но это значительно усложнило бы структуру словаря, увеличив его физический объем. Этого можно избежать уже потому, что большое количество древнерусских слов (или их значений) может быть объяснено путем простого перевода, приведения современного эквивалента. Словарь так и поступает. И это вполне закономерно и целесообразно.

В Словаре более четко и определенно, по сравнению с предшествующими историческими словарями, проведен принцип показа истории развития семантической стороны слова, более последовательно проведено толкование значений слов (у Срезневского, как известно, многие слова оставлены без определений), более экономно представлен цитатный материал. Последнее связано с ограниченным объемом словаря и является вынужденным решением. Однако показ наиболее раннего употребления слова и его наиболее поздней фиксации дает некоторое представление об историческом движении лексики, хотя, конечно, представление это далеко не полное. Лучше было бы, если бы в словаре историческом привести как можно больше цитат; они бы позволили судить о семантических, стилистических, лексико-фразеологических и т.п. сдвигах в слове и в целых группах лексики.

При начале работы над словарем считалось, что он будет иметь «строго ограниченный объем», почему иллюстрирование было ограничено двумя цитатами на каждое значение. По мере увеличения цитации в следующих выпусках словаря, снятия различных ограничений с состава словника словарь все более приближается по своему содержанию

к картотеке, на которой он построен. Это увеличение информативности существенно усиливает научное и справочное значение словаря. Отсутствие формальной регламентации способствует порою включению в состав словарных статей свободных пояснений. См. например, удачные текстологические комментарии при слове насусный и смысловые при сочетании хлѣбъ насущный (10, 279). Расширение словника привело также к включению в ограниченном размере и ономастики, ср. прозвища и клички Натека, Нетирка (10, 284, 285) и т.п. Перевес в картотеке словаря в сторону материалов XV–XVII вв., наметившийся уже в 30-е гг., был усилен вливанием материалов из областных архивов XVII в., и это обстоятельство определенно придает словарю уникальность. В некоторых выпусках довольно широко приводятся параллели из иноязычных оригиналов переводных текстов.

Создание общефилологического словаря диахронического типа, каким является СлРЯ XI–XVII вв., словаря с широкими хронологическими рамками, словаря, стремящегося хотя бы контурно отразить историю слова, диахронию лексико-семантических явлений, можно считать магистральным направлением в русской исторической лексикографии. На этом направлении с выходом в свет СлРЯ XVIII ученый-лексиколог сможет почти без лакун проследить по словарям 60–80-х годов историю слова от первой письменной фиксации до его литературного и диалектного употребления в XIX–XX вв. В отделе исторической лексикологии и лексикографии на базе СлРЯ XI–XVII вв. развертываются работы по созданию русской исторической лексикологии, так как Картотека ДРС лексически самая богатая из исторических картотек этого периода.

Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.)

С начала 50-х годов под влиянием структурализма обострилось внимание к разноуровневому изучению языка: языка как структуры, языка как функционирующей системы, внимание к синхронно-статистическим его составляющим, к изучению языковых «срезов», т. е. отдельных периодов в развитии языка. Р. И. Аванесов предложил создать для общевосточнославянского периода XI–XIV вв. особую картотеку методом полного расписывания памятников письменности, когда учитывались бы абсолютно все встречаемости слова. Круг памятников для картотеки принципиально не включал церковно-богослужебные тексты (евангелия, псалтыри) и состоял из оригинальных и отчасти переводных текстов в списках не старше середины XV в. Учет всех встречаемостей слова открывал перспективу использования статистических данных, что, впрочем, оказалось более важным не для лексикографических целей, а для описания становления морфологических категорий. Картотека представляла широкие возможности и для создания истории диалектов и исторической диалектологии, могла бы

быть полезной для составления лексических карт. Самому этому периоду Р. И. Аванесов в своей «объемно-исторической» периодизации истории русского языка придавал особое значение: «Начальный период языка древнерусской народности характеризуется ярким осознанием языкового и этнического единства восточного славянства, несмотря на наличие диалектных различий... Со второй половины XII в. диалектные различия во всех областях строя языка (в том числе в области фонологии и флексии) значительно нарастают. Уже с ранней поры можно заметить черты, характерные для будущего великорусского (русского языка). Со второй половины XII в. намечаются черты, характеризующие будущий украинский язык. С первой трети XIII в. мы различаем и черты, в будущем характерные для белорусского языка... Однако осознание восточнославянского единства в эту эпоху еще сохраняется.[269]

Картотека СДР создавалась в период с 1958 по 1963 г. Объем ее более 2 млн. карточек. В Картотеке 39 тыс. слов, в словарь войдет около 35 тыс. (исключая имена собственные и топонимику). В общей сложности в картотеке представлено 890 памятников.

Концептуальный план словаря нашел отражение в книге «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи», вышедшей в 1966 г. под редакцией Р. И. Аванесова. В книге учитывался опыт лексикографической работы над русскими и славянскими историческими и толковыми словарями. Теоретическим ориентиром при выработке концепции Словаря явились идеи Л. В. Щербы, высказанные им прежде всего в статье «Опыт общей теории лексикографии». Принципы Словаря были подвергнуты широкому обсуждению, нашли поддержку специалистов, и основные очертания Словаря определились именно на этой первоначальной стадии работы над ним. В конечном итоге теоретическое обоснование принципов создания Словаря определило уровень его исполнения и место в ряду исторических словарей русского и других восточнославянских языков.

В 1988 г. вышел в свет I том Словаря (А–Възаконитися), в 1991 г. — IV том (Изъсивати–Моление).

Исторический словарь, впрочем, как и любой другой словарь, предполагает прежде всего аргументированное и взвешенное решение вопросов об определении хронологических границ охвата материала, круга источников и состава словника.

Установление хронологических границ Словаря древнерусского языка связано с проблемой периодизации истории русского, украинского и белорусского языков. Если нижняя граница — XI в. задана тем, что древнейшие восточнославянские памятники письменности дошли до нас не ранее XI в., то установление верхней границы хронологического охвата материала представляется значительно более сложной задачей. Здесь необходим учет исторических процессов образования трех восточнославянских языков, сложной литературной истории

---

[269] *Аванесов Р. И.* К вопросам периодизации истории русского языка // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 5–24.

важнейших письменных памятников эпохи и других факторов. Отнесение верхней границы словаря к концу XIV в. представляется вполне обоснованным и в целом совпадает с традиционным выделением общего восточнославянского языка в границах XI–XIV вв.

С созданием СДРЯ система исторических словарей русского, украинского и белорусского языков наполняется конкретным содержанием и выглядит следующим образом (схема предложена Р. И. Аванесовым):

Словарь древнерусского языка		
↙	↓	↘
Словарь старорусского языка	Словарь староукраинского языка	Словарь старобелорусского языка

Таким образом, СДРЯ рассматривается как общий предшественник словарей трех восточнославянских языков древних периодов их истории.

«Словарь древнерусского языка» становится в один ряд с «Материалами для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и «Словарем русского языка XI–XVII вв.» Авторы «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» с предельной четкостью определяют, в каком отношении находится создаваемый ими новый исторический словарь к своим предшественникам. Чем отличается СДРЯ от «Материалов» И. И. Срезневского и «Словаря русского языка XI–XVII вв."? Прежде всего — хронологическими рамками охвата материала и кругом источников. Известно, что «Материалы» И. И. Срезневского и СлРЯ XI–XVII вв. охватывает период XI–XVII вв., вмещающий в себя и общевосточнославянский период истории языка (XI–XIV вв.) и собственно старорусский (XV–XVII вв.). СДРЯ отражает восточнославянский (общевосточнославянский) этап истории языка. Соответственно с этим Словарь опирается на письменные источники Древней Руси XI–XIV вв. (в списках не позднее середины XV в.). Количество источников достигает 784 единиц. Отбор источников подчинялся более строгим требованиям: не учитывались источники, сохранившиеся в списках XVI–XVII вв., не включены в круг источников книги Ветхого и Нового заветов в восточнославянском, болгарском и сербском изводах. Из памятников, сохранившихся по спискам начала и первой половины XV в., привлечены Палея 1406 г., Киево-Печерский патерик (1406 г.), Ипатьевская летопись. Источниками Словаря явились древнерусские письменные памятники XI–XIV вв. самых различных жанров, оригинальные и переводные (переведенные на Руси или, будучи переведенными не на Руси, имевшие на Руси длительную литературную историю (переписывались, редактировались, перерабатывались). Это грамоты государственного и частного характера: договорные, перемирные, судные, раздельные, купчие, дарственные, жалованные, закладные, поручные, вкладные, духовные грамоты, в том числе берестяные грамоты, тексты юридической литературы, историческая, повествовательная литература, приписки и записи

в памятниках, не вошедших в круг источников, надписи на предметах материальной культуры и др.

Письменные источники относятся ко всей территории Древней Руси. В круг источников вошли 34 южно-русских и 8 западно-русских грамот XIV в., включенные также в словари староукраинского и старобелорусского языка. Полный список источников и их сокращенные названия опубликованы в первом томе Словаря (стр. 23–68).

Сплошные выборки из этих источников составили картотеку, которая включает около 2 000 000 карточек-цитат. Таким образом, Словарь может быть определен как тезаурус языка отобранных текстов древнерусской письменности. Это также отличает СДРЯ от «Материалов» Срезневского и СлРЯ XI–XVII вв., опирающихся на выборочные выписки из источников.

Различия в источниках и методах выборки из них обусловили различия в составе словника СДРЯ и «Материалов» Срезневского и СлРЯ XI–XVII вв. Кроме того, многие слова, отраженные во всех этих словарях, представлены в СДРЯ с более богатой семантикой, с бо́льшим количеством значений и употреблений, нередко иллюстрируются более ранними употреблениями, показаны в широком наборе фразеологических сочетаний, что не было характерно для предшествующих исторических словарей русского языка.

Вместе с тем необходимо, видимо, признать, что Словарь древнерусского языка должен был «широко охватить памятники церковнославянского типа древнерусского языка, что с историко-лингвистической точки зрения, с точки зрения истории древнерусского литературного языка, древнерусской литературы, истории древнерусского просвещения, древнерусской культуры в целом является совершенно необоснованным исключение из древнерусского словаря лексики церковно-богослужебных произведений, как чтения и службы святым в минеях, молитвы и т.п., как церковно-проповеднические памятники, органически связанные с текстами церковно-канонической литературы, находит себе место в словаре».[270]

Для каждой эпохи существуют свои наиболее характерные и типические процессы, определяющие весь ход эволюции языка данного периода, являющиеся его существенной приметой. Одним их самых важных процессов в XI–XIV вв. был процесс тесного взаимодействия и дифференциации церковнославянского и русского языков. Включение церковнославянских памятников в корпус источников СДРЯ дало бы возможность отразить взаимодействие различных тенденций языковых изменений — основной показатель развития языка. Это придало бы Словарю подлинно исторический характер.

В Словаре будет представлено и разработано более 30 000 слов, из них не менее 10 000 получает лексикографическую разработку впервые.

[270] *Виноградов В. В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // В кн.: *В. В. Виноградов.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 267.

В словник Словаря включены только нарицательные имена — слова самостоятельные, слова служебные, местоимения, частицы. Все собственные имена — географические и личные, этнонимы (названия племен и народностей, названия жителей по местности или по топониму) в словник не включаются. Однако производные имена существительные от собственных имен, обозначающие последователей того или иного учения или само учение, производные глаголы и прилагательные, восходящие к такому имени собственному, нашли место в Словаре.

СДРЯ XI–XIV вв. представляет собой тип алфавитного толково-переводного словаря, в котором слова древнерусского языка толкуются при помощи слов современного русского языка. Обосновывая принципы передачи значений слов древнерусского языка путем приведения современных эквивалентов или путем истолкования значения средствами современного русского языка, Р. И. Аванесов допускал рассмотрение древнерусского и современного русского языка как двух разных языков. Видимо, такая позиция должна быть признана слишком категоричной, ибо справедливо утверждение, что антиномия синхронии и диахронии... не может и не должна привести к тому, чтобы разные состояния одного и того же русского языка рассматривались как состояния разных языков.[271]

Вместе с тем, нельзя отрицать, что современный лексикограф не владеет (активно) словарным составом древнерусского языка, чтение древнерусских памятников для него во многом затруднительно, они не всегда понятны ему по языку, нередко не известны по реалиям и культурно-историческому фону. Лексикограф вынужден исследовать лексику древнерусского языка «извне», опираясь только на контексты из древнерусских памятников. При этом значения, оттенки значения и особенности употребления слов как правило не могут быть так полно и исчерпывающе известны составителям словаря. А это предъявляет особые требования к выделению значений слов и характеру их толкований. Недаром, В. В. Виноградов замечал, что «общность и единство древнерусского языка с современным при наличии между ними естественных и существенных расхождений создает своеобразные опасности и большие трудности при семантическом истолковании однородных или близких по структуре слов».[272]

Это сближает позиции сторон в споре об отношениях древнерусского и современного русского языков.

Успешно решен вопрос о структуре Словаря, предложена рациональная схема словарной статьи, которая позволяет экономно, с достаточной полнотой и наглядностью представить богатую и многообразную информацию о лингвистических свойствах древнерусского слова.

В замысле Словаря в немалой степени нашли отражение теоретические достижения эпохи. В проспекте констатируется, что слово как единица лексикографии характеризуется двумя важнейшими признаками:

---

[271] *Будагов Р. А.* Два замечания на проект Древнерусского словаря. // Вестник МГУ, № 3, 1967. С. 75.

[272] *Виноградов В. В.* Чтение древнерусского текста. С. 278.

«1) своей формальной цельностью (чем слово отличается от единицы низшего порядка — морфемы, не обладающей формальной цельностью; 2) своей отработанностью и воспроизводимостью, а не создаваемостью в процессе языкового общения».[273]

Слово, говорится далее, является основной единицей языка в том смысле, что на базе его строятся также фонологические, морфологические и синтаксические системы, равно как принципы графики и орфографии. Все это совершенно справедливо, но не получило в проспекте истолкования применительно к истории языка. Так, например, окказиональные слова, образованные по греческим словообразовательным моделям, являются крайне типичной особенностью лексикона почти всех славянских переводов с греческого, слова такого рода с единичной фиксацией представляют собою массовое явление в каждом историческом словаре, поэтому говорить об «отработанности и воспроизводимости» конкретного лексического материала возможно далеко не во всех случаях.

Тип словаря определен как толково-переводный и филологический (почему ономастика исключена из описания), а его цель заключается в том, чтобы «дать материал для истории слов древнерусского языка в тех хронологических рамках, которые охватываются словарем».[274]

Словарь учитывает орфографический разнобой средневековых рукописей и объединяет вместе орфографические варианты слов под той формой, которая может считаться основной, канонической — она обычно соответствует особенностям восточнославянской фонетики древнего периода.

Так, при слове **вьрхъ** даны цитаты с орфографией **вьрьхъ** и **връхъ**, при слове **абиѥ** — **абьѥ**, при слове **корабль** — **карабль** и т. п.

В большинстве случаев «неканонические» написания вынесены в алфавит в качестве отсылочных статей: «**Абьѥ**, см. **абиѥ**» и т.п.

Словарная статья включает в себя: заголовочное слово, указание на количество употреблений в картотеке Словаря, опорную форму (или формы), грамматическую помету, толкование (или перевод) слова (значения), иллюстративный материал. Статья может содержать также устойчивые сочетания и фразеологизмы, греческие параллели к заглавному слову в тексте, сопоставительную или ссылочную помету.

Выбор формы заголовочного слова опирается на принцип диахронического тождества слов и морфем. В соответствии с этим принципом в одной словарной статье, заголовок которой дается в форме и орфографии, отражающих морфемный и фонемный состав слова в древнейший из охватываемых словарем периодов, объединяются: а) разновременные морфологические варианты; б) все графико-орфографические варианты, которые не связаны с различиями в фонемном составе слова; в) орфографические варианты, отражающие фонетические и фонематические варианты слова как результат закономерных фонетических

[273] Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. С. 25.
[274] Там же. С. 21.

изменений в языке восточных славян; г) варианты, отражающие отличительные черты диалектных различий. Приведение разных вариантов слов дает для исследователей в области исторической грамматики, фонетики, фонологии, словообразования квалифицированно подготовленный и систематизированный материал.

Обилие разнообразных источников, выборки из которых составили материальную базу Словаря, позволяют оценить функциональную мощность той или иной лексемы, проследить ее движение (формальное и содержательное) в истории. Достоинство Словаря состоит и в том, что он дает исчерпывающую информацию о морфологических, семантических и фразеологических аспектах древнерусской лексики XI–XIV вв. Выделение слова в самостоятельную словарную статью или включение его в состав другой статьи как варианта регулируется и документированной суммой грамматических свойств, т.е. обеспечивается объективными показаниями, насколько это возможно по отношению к текстам давнего времени. Картотека обеспечивает сумму сведений, которая сообщается в Словарь.

Хорошо продуманы принципы, положенные в основу структуры словаря, архитектоника словарной статьи, принципы выбора формы заголовочного слова и его вариантов, объем грамматических сведений о слове и приемы их показа, способы толкования значений слова, показа устойчивых фразеологических сочетаний, иллюстрирования.

Результаты семантического анализа лексики получили выражение в толкованиях значений и оттенков значений слов. В Словаре в полном соответствии с традицией, приняты разные способы раскрытия семантики слова. Выбор способа семантической характеристики зависит от лексико-семантических и грамматических особенностей слова. Семантика слова раскрывается:

а) при помощи семантического эквивалента современного русского языка:

Блато... Болото.

Вода... 1. Вода.

Бєсноватый... Бесноватый.

Борона... Борона.

Боурѧ... Буря.

Варити... Варить.

В необходимых случаях такой способ передачи семантики слова углубляется приведением антонима или различного рода уточнений:

Братъ... Брат (по крови).

Варварство... Варварство (о чем-либо чуждом, не относящемся к христианству, наряду со скифством, эллинизмом и т. п.);

б) при помощи синонима (синонимов) современного русского языка:

Ближникъ... Родственник.

Блазє... Хорошо.

Былѧ... Вельможа, сановник;

в) описательное толкование (при словах, обозначающих специфические предметы или явления материальной и духовной культуры Древней Руси, многие из которых вышли из активного употребления):

Болѧринъ... Член высшего сословия в феодальном обществе.

Волокъ... Пространство между судоходными реками, через которое перетаскивали суда и товары с них.

Разумно поступает Словарь и в тех случаях, когда недостаточность данных не позволяет конкретизировать значение. Толкование в этих случаях содержит указания на основной признак и имеет более широкое значение:

Блюдо... Блюдо; вид сосуда; корзинка.

Многие способы раскрытия смысла производных слов, выработанные в процессе работы над толковыми, переводными и другими словарями, используются и в «Словаре Древнерусского языка». В целом проблема раскрытия семантики слов в Словаре решена успешно.

Определение слова в историческом словаре связано прежде всего с контекстом, в котором употребляется толкуемое слово, хотя далеко не во всех случаях значение его может быть выведено из контекста, и это является одной из особенностей исторического словаря. В этих случаях лексикограф должен опираться на исторические, этнографические, историко-экономические и другие исследования. Это касается названий исчезнувших или сильно изменившихся реалий, общественных институтов и отношений. Таких слов немало в СДРЯ. Их толкование опирается прежде всего на материалы деловых памятников, специальных исследований и носит в значительной мере характер энциклопедических дефиниций.

В разработке многозначных слов обращает на себя внимание тщательность фиксации отдельных семантических единиц. Понятно, что истолкование оттенков в языке текстов, принадлежащих далекому прошлому, не всегда может быть выполнено надежно. Нередко исторические словари в той или другой мере уклоняются от этой задачи, так появилось «тире Срезневского» как отказ от точного определения места той или другой семантической единицы в структуре лексико-семантического целого, так появляются способы внешней группировки материала, как например в «Среднешотландском словаре», где описание многозначности прилагательного заменено описанием его сочетаемости. Поэтому вызывает интерес проявленное в словаре стремление выдержать три ранга семантических единиц: значение (обозначается цифрой в случае многозначного слова), оттенок значения (обозначается двумя вертикальными чертами) и употребление (обозначается одной вертикальной чертой).

В целом лексическая семантика описана в словаре удовлетворительно, но два вида неудачных толкований нередко встречаются на его страницах: во-первых, это замена семантического описания слова описанием ситуации его употребления, смысла контекста; во-вторых, приблизительность при описании семантики понятийно-

терминологических рядов. Недостатки такого рода вообще типичны для историко-семантических работ в настоящее время.

Так, при общем значении слова **въсприяти** 'взять, принять, получить' (II, 105 — 107), охватывающем основную массу словоупотреблений, ряд употреблений сгруппирован в другие значения лишь на основе подстановки современных эквивалентов. Ср.:

значение 4 'Постичь' с иллюстрациями **въсприяти смыслъ** (т.е. 'разум, способность понимать'), учение;

значение 5 'Проникнуться чем-л.' с иллюстрацией **въсприяти помыслъ**, т.е. 'замыслить что-л.', где глагол употреблен с ослабленным лексическим значением, приближаясь к функции связки;

значение 6 'Предпринять что-л., предаться чему-л.' с иллюстрациями **въсприяти пощение** (случай, подобный предыдущему);

значение 7 'Испытать что-л., подвергнуться чему-л.' с иллюстрацией **въсприяти пагоубоу, казнь** (в лучшем случае, здесь можно видеть особую реализацию основного значения);

значение 9 'Начать что-л.' с иллюстрациями **въсприяти слово, пѣснь**, где к значению 'совершить, исполнить' неудачно добавлена начинательная семантика как реализация грамматического значения совершенного вида.

Так, первое значение глагола **грѣшити** 'ошибиться, промахнуться' на основе нескольких иллюстраций неудачно сформулировано 'промахнуться, не попасть в цель' (2, 399), как если бы речь шла о стрельбе из лука или подобном виде деятельности (в цитатах говорится об укусе змеи, ударе топором или ножом).

Синтаксическая характеристика слова в Словаре дается с такой степенью полноты, какая не известна традиции исторической лексикографии до этого времени. В частности, указывается глагольное управление (ср.: **бѣгати** от кого, **бѣгати передъ** кем (I, 353);

воевати кому, **воевати** на кого (I, 456) и т.п.);

синтаксический способ словообразования (ср.: *видимая и невидимая*, средн. мн. в роли с(ущ.) — I, 413);

въ видь, в роли нар(ечия) — I, 416 и т. п.) и различные типы фразеологических единств (ср.: духовное братство — 'монашество' (I, 313), *не видати ни дьни ни ночи* — 'не замечать времени' (I, 412)) и т.п.

Ценной и лингвистически значимой частью словарной статьи является корпус фразеологических единиц древнерусского языка. принципы размещения фразеологических единиц взяты, видимо, из «Словаря современного русского литературного языка», хотя имеют и свои отличия (так многие сочетания терминологического характера, помещаемые в БАС за знаком ◊ (белый ромб), в СДРЯ приравниваются к фразеологическим единицам идиоматического характера:

большии, великыи бояринъ и т.п.

Набор фразеологических единиц и устойчивых сочетаний представляет интерес не только в плане изучения их семантической структуры и особенностей синтаксического строения, но и как источник сведений

об исторических реалиях, понятиях, явлениях и т.п. Ср. значения таких сочетаний, как: **вьрховнии вои, дикаѡвира, въ вин҄ѣдостатиса** и т.п.

В историческом словаре иллюстративные материалы (цитаты) позволяют судить о семантических, жанрово-стилистических, лексико-фразеологических и других особенностях, об изменениях слов и целых групп лексики. Поэтому лучше, если таких материалов приводится как можно больше. В СДРЯ это правило во многих случаях соблюдается. Каждое значение слова или оттенок значения, так же как каждое фразеологическое сочетание в СДРЯ иллюстрируется контекстами из памятников. В этих иллюстрациях помимо чисто лингвистических сведений содержится богатая информация культурно-исторического плана.

Своим отношением к источникам, тонко обработанным материалом, разносторонней информацией о словарном составе древнерусского языка Словарь открывает новые нюансы языка восточных славян старшей поры их исторического развития.

В целом в словаре XI — XIV вв. впервые в практике отечественной исторической лексикографии поставлена задача дать всестороннее описание слова как основной единицы языка. Исчерпывающего решения задача эта не получила, но историческую заслугу ее постановки не следует преуменьшать, равно как и достижения в ее решении.

Большим достижением словаря явилось осуществление в нем принципа тезауруса в объеме того довольно значительного списка источников, на котором он основан. Всего эксцерпция лексикографического материала произведена на 784 отдельных источников XI — начала XV в., что составило обширную картотеку в 2 миллиона карточек. В картотеке представлены все лексемы, употребленные в указанных источниках, хотя и не во всех своих употреблениях. При словарных статьях приводится число употреблений слова по данным картотеки, для слов с низкой частотностью эти цифры показательны. Нужно сказать, что принцип обязательной представленности в словаре всех лексем, которые находятся в списке источников, впервые провозглашен в этом словаре.

Обобщая характеристику Словаря XI–XIV вв., необходимо отметить в качестве его достоинств, во-первых, правильную организацию росписи источников, в согласии с которой в картотеке должен быть представлен весь словник указанного круга источников, и во-вторых, выдвижение новых для исторической лексикографии принципов полноты описания слова как единицы лексикографии. Недостатками словаря являются непоследовательность в проведении этих новых приемов и неспособность его в связи со специфическим отбором источников служить адекватным отражением эпохи в истории языка русской (восточнославянской) письменности.

Древнерусский (общевосточнославянский) словарь XI–XIV вв. много дает для создания исторической морфологии русского языка, работы по которой ведутся в секторе Истории русского языка уже в течение ряда лет.

Словарь русского языка XVIII века

Одним из самых динамичных периодов в истории русского языка была Петровская эпоха, весь XVIII в., с которым связано начало академических лексикографических традиций. Шеститомный Словарь Академии Российской, издававшийся с 1789 по 1794 г., включил в свой состав ок. 40 000 слов (несколько ограничив литературно-художественные источники и — из пуристических соображений — освещение многих иноязычных слов).

Интерес к XVIII в. не ослабевал. В течение XIX–XX вв. создавались полные картотеки по произведениям М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, изучались русско-иноязычные словари: «Лексикон голландско-русский» Я. В. Брюса (1717 г.), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсманна (1731 г.), «Российский целлариус или этимологический российский лексикон» М. Франциска Гелтергофа (1771 г.), словарь иностранных слов в сатирическом журнале М. Д. Чулкова «*И то, и сïо*», 1769 г. и др.; картотеки по которым накапливались в Москве (с 1946 г. — под руководством Н.Ю. Шведовой) и в Ленинграде (с 1959 г. — сначала под руководством Г. П. Блока, затем Ю. С. Сорокина). Большая работа проделана группой по исторической лексикологии XVIII в. в Словарном секторе ЛО Института языкознания АН СССР и по исследованию языка эпохи, и по созданию картотеки. Концепция словаря вырабатывалась постепенно по мере продвижения в этих двух направлениях. В 1977 г. под редакцией Ю. С. Сорокина был издан Проект Словаря русского языка XVIII в. Сам замысел словаря, подход к решению лексикографических проблем через осмысление языка эпохи в целом, совмещение в проекте «обычных признаков инструкции по составлению Словаря и отдельных элементов теоретического рессуждения были оценены критикой как вклад в развитие современной теории исторической лексикографии.[275]

Сейчас Картотека Словаря русского языка XVIII в. насчитывает более 2 млн. карточек-цитат из широкого круга источников. При ее создании сначала применялось сплошное расписывание основных источников, основнных авторов («Письма и бумаги Петра I», «Путешествие из Петербурга в Москву» А. И. Радищева, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и др.), а затем в целях более полного охвата источников разных жанров стали предпочитать выборку частичную. Специальную выборку делали из многих научных и технических книг по терминологии и номенклатуре различных отраслей знания, эпизодически из рукописных источников типа «Зерцала естествозрительного»

---

[275] *Гельгардт Р. Р.* Теоретические принципы исторического словаря русского языка // ВЯ. М., 1978, № 6. С. 25–35.

1713 г., «Книги земледелательной» 1705 г. и др. СлРЯ XVIII в. представит более 100 000 слов. Его точные хронологические рамки определяются началом Петровской эпохи — 90-ми годами XVII в. и 10-ми годами XIX в. Обосновывая эти рамки, составители в Предисловии к вып. I пишут: «Петровская эпоха еще теснейшим образом связана со старорусским языком; язык так называемого карамзинского периода (последняя четверть XVIII в.) уже вплотную примыкает к языку «пушкинской поры». Определено составителями и место этого словаря в системе словарей русского языка: «СлРЯ XVIII в. является посредствующим звеном между СлРЯ XI–XVII вв., где описывается древнерусская и старорусская лексика, и ССРЛЯ (в 17 томах)».

С 1984 г. СлРЯ XVIII в. начал выходить в свет. Идею исторического словаря одного синхронного среза, «одного языкового состояния» Ю. С. Сорокин продолжает развивать в докладе на Международном симпозиуме 1984 г. «О замысле исторического словаря русского литературного языка первой половины XIX в.», в котором предлагается заполнить разрыв между XVIII в. и пушкинским периодом XIX в., с которого начинает свой отсчет 17-томный Словарь современного русского литературного языка.

Предложение о создании такого словаря было впервые выдвинуто акад. В. В. Виноградовым в 1959 г. На следующий год в Словарном секторе Института русского языка в Ленинграде под руководством Г. П. Блока началась работа по формированию картотеки, которая должна была ориентироваться преимущественно на художественную литературу. С 1961 г., со смертью Г. П. Блока, руководство работой перешло к Ю. С. Сорокину, придавшему работе исключительную широту и масштабность. Жанровые и тематические ограничения с круга источников были сняты, и в течение десятилетия группа лексикографов из 15–18 человек создала картотеку объемом более полутора миллионов карточек, а также провела глубокие исследования языка этого периода, что нашло отражение в нескольких изданных монографиях и сборниках статей. Язык XVIII века, бывший в 50-е гг. белым пятном в истории русского литературного языка, через два десятилетия стал самым изученным отрезком этой истории. Проект словаря, созданный в течение первого десятилетия работы, был опубликован лишь в 1977 г., тогда как составление началось уже в 1971 г. Незадолго до публикации первого выпуска коллектив словаря, уступая жестким издательским условиям,должен был согласиться с уменьшением объема словаря, так что часть составленного уже материала была сокращена в ходе вторичного редактирования. Это особенно отразилось на первом выпуске словаря, опубликованном в 1984 г. (А–Безпристрастие). В 1985–97 гг. вышло еще девять выпусков (до слова Ижоры), каждый объемом в 35 авт. л.

Те лексикографические идеи, о которых говорилось выше, с исключительной полнотой оказались воплощены и в замысле словаря, и в его исполнении. Прежде всего успех был обеспечен субъективным фактором — глубоким пониманием истории русского языкового развития нового времени у научного руководителя всего предприятия, успешным

лексикографическим опытом работы в БАС и МАС у основной массы участников работы и соавторов в деле выработки идеологии словаря, принципов его организации (здесь прежде всего нужно назвать имя Л. Л. Кутиной). Объективным фактором успеха является в данном случае сам языковой материал. Источниковедение русского языка XVIII в. сравнительно проще, чем источниковедение предшествующего периода, материалы обильны и разнообразны; в письменной и печатной продукции этого столетия жизнь отражена во всем своем многообразии, без условных искажений или умолчаний, характерных для допетровской эпохи вследствие особых условий социолингвистической ситуации. Вместе с тем и языковые процессы в XVIII в. проходили исключительно динамично, языковая ситуация заметно изменялась каждые два-три десятилетия. Наконец, лингвистические формы этой эпохи, приближаясь к современным, уже не выдвигают сложных требований к интерпретации, но при этом их семантика имеет достаточно рельефные отличия от семантики современной нам лингвистической системы.

Словарь стал историческим не только по своим материалам, но и по методу их описания. Впервые в исторической лексикографии была поставлена задача во всей полноте показать динамические языковые процессы, протекавшие в течение всего одного столетия, найдены были и приемы показа историзма в этом смысле. Специальной пометой — белым треугольником — отмечаются в словаре те элементы, которые возникли в течение столетия. Все, что вышло из употребления в это же время, отмечено треугольником черным. Комбинированные по цвету треугольники указывают на увеличение или сокращение частотности употребления лингвистических форм. Динамические характеристики даются также словесными пометами Единичное, Редко, Часто, Обычно или неформализованным описанием, как например: «Бытие (редко -ье), я, ср. 1. Существование, жизнь... (употребительнее в научно-философских произведениях)» (2, 184). Смена стилистической характеристики слова отмечается стрелкой, помещаемой между двух стилистических помет: старой и новой, ушедшей и пришедшей, ср.: «Быт, а, м. Прост.→Нейтр.» Широко используются также возможности абсолютной хронологической датировки, поскольку большинство источников словаря надежно датированы. Расположение значений многозначного слова также по возможности соотнесено с историей их появления, тогда как иллюстративный материал расположен всегда в хронологической последовательности. В самой системе стилистических помет разносторонне отразилась историческая эпоха со специфически присущими ей книжно-славянской и приказной сферами употребления, славянизмом как генетической и стилистической категорией одновременно. Перед составителями словаря была поставлена задача старательно избегать модернизации и анахронизмов при описании семантической сферы, внимательно относиться к историческим и культурным реалиям эпохи.

Впервые исчерпывающее лексикографическое решение нашла в словаре проблема языковой вариантности. Основной формой в словаре признается та, которая закрепилась в употреблении к концу описываемого

периода (следовательно, историзм словаря призван объяснить языковое состояние начала XIX в.). Под этой языковой формой собираются в заглавной строке все орфографические варианты, причем в необходимых случаях с датировками. Ср.: «Влѣзть (-лѣс-, -лез-, -ти)» (3, 209), «Бухгалтер 1710 (бухал- 1708, букг- 1722, бугал- 1713, бугг- 1769)» (2, 175) и т.п. Слова с различной словообразовательной структурой объединяются в одной статье в том случае, если между ними наблюдается полное семантическое и стилистическое тождество, например: «Буф, Буффо, а и Буффа, ы, м.» (2, 174), «Говорун, а и Говорильщик, а, м.» (5, 149).

Грамматическую характеристику в словаре можно считать исчерпывающей. Указываются не только опорные формы, позволяющие отнести слово к известной парадигме, но и конкретные реализации, выходящие за рамки парадигмы, а также дополнительные грамматические формы, являющиеся остатками старых (древнерусских, церковнославянских) парадигм, набор реально представленных в картотеке причастных и деепричастных образований. Ср., например, длинный перечень такого рода форм, осложненный супплетивизмом: «Быть, есмь, еси, есть, есми и есмы, есте, суть, буд. буду, будет, прош. был, ла, ло, повел. будь, ◀буди, будьте; ◀ Сый, Сущий, Будущий (-ей, -чий), Бывший (-ей), ◀Бывый, прич., Быв, Бывши, Будучи, (един.) Бывя, деепр. □◀ (кн.-слав.) аорист ед. 1 л. бых, бым, 3 л. бысть, бы, бѣ, мн. 1 л. бысмѣ, 2 л. быстe (-ѣ), бѣстѣ, 3 л. быша, бѣша, дв. 1 л. бѣхома, бѣсма; ѣ (кн.-слав.) имперф. ед. 3 л. бяше, мн. 1 л. бѣхом, 3 л. бѣху. (Формы есть суть могли употребляться безотносительно к формам лица и числа)» (2, 185–186). Разновидовые формы глагола без признаков семантического расхождения рассматриваются как лексическое единство и получают описание в одной словарной статье, ср. «Вмазать–Вмазывать» (3, 218) и т. п.

Принятое в словаре частичное гнездование служит дополнительной характеристикой словообразовательных возможностей русского языка XVIII в. Под основной формой в гнезде собираются все вторичные образования, которые созданы по регулярным моделям и не осложнены семантически сравнительно со словом, содержащим словообразовательную основу. Так, при глаголе Вманить–Вманивать приведены также Вманиваться, Вманивание, Вмана, Вманка, Вманитель, Вманиватель, Вманчивый (3, 218). Формы многократного глагольного вида также включаются в словообразовательное гнездо, инфинитив для них как исходная форма не приводится, если он реально не отмечен в источниках. Из приставочных образований гнездование допускается только для прилагательных на наи-, пре-, все-, само- с чисто усилительной семантикой.

Весьма богата и синтаксическая характеристика слова. У глаголов обязательно отмечается сильное и систематически слабое управление, а также конструктивно обусловленные возможности реализации определенной семантики. Ср.: «Внести... кого-что... 3. что. Сделать денежный вклад... 4. что. Канц. Представить на рассмотрение... 5. что. Учредить... 6. что. Принести с собой» (3, 227–228); «Вникнуть... 1. во что.

Проникнуть... 2. во что, что, в чем, с придат. Вдуматься, понять» (3, 232) и т.д. Специфическая для XVIII в. синтаксическая сочетаемость помещается в статье за знаком светлого лежащего ромба: «Гарантировать кого в чем» (5, 89) и т.п.

Иногда приводится и свободная сочетаемость, что позволяет заменять обилие цитат сжатой лексикографической формой, ср.: «Заслуживать, стоить внимания; достоин внимания, удостоить, удостоиться внимания» (3, 232). Всякого рода семантически связанная сочетаемость приводится за знаком светлого ромба и помещается в составе соответствующего значения, в конце статьи за тильдой приводится фразеология в узком смысле (идиоматика). Синтаксический способ словообразования (субстантивация, адъективация и т.д.) описывается в соответствующих значениях за знаком светлой лежащей шпалы. В алфавит выносятся лексикализовавшиеся случаи такого рода, см., например, статью на прилагательное Будущий (2, 156).

Таким образом, представление о слове как основной единице языка нашло себе в этом словаре адекватное лексикографическое воплощение. Тщательно разработанные на богатом материале соответствующие разделы проекта словаря — «Границы слова», «Грамматическая характеристика слова», «Отражение лексической сочетаемости и семантическая харатеристика слова», «Фразеология (идиоматика) в словаре», «Графика и орфография. Орфоэпические и акцентологические указания в словаре» имеют большое теоретическое значение и для лексикографии, и для лексикологии.

Семантическая характеристика слова дается в словаре на уровне значения, оттенка значения, употребления, смантического сращения той или иной степени устойчивости (заромбовые и идиоматические сочетания). Семантика описана тщательно, полно и всесторонне. Отдельные неточности и шероховатости не носят сколько-нибудь систематического характера.

Следует отметить еще некоторые дополнительные особенности организации словарной статьи и применяемые в словаре некоторые лексикографические приемы.

Ударение. Указания на акцентологическую парадигму приводятся полностью и только с опорой на источники, каковыми в данном случае являются некоторые словари XVIII в., немногочисленные сравнительно акцентированные тексты и стихотворные тексты.

Лексические эквиваленты. В конце семантического описания слова или его значения приводятся его эквиваленты, извлеченные из словарей XVIII в. или из текстов, снабженных глоссами и притекстовыми словарями. Таким образом получают отражение явления лексической синонимии XVIII в. и процессы семантической адаптации заимствованных слов.

Справочный отдел в конце словарной статьи содержит главным образом сведения из истории лексикографической фиксации слова. Эта часть словарной статьи в принципе построена так же, как соответствующий отдел в БАС, но в связи с особенностями материала XVIII в.

он может содержать довольно широкий круг дополнительных сведений, например, ссылки на инославянские соответствия, иллюстрации к нетранслиттерированному употреблению заимствованного слова, иллюстрации неверного и вненормативного употребления, указания на расхождение в интерпретации каких-то фактов между САР и словарем XVIII в. и проч.

Этимологическая часть словарной статьи разработана с такой полнотой, какая не известна другим академическим словарям. Этимологии даются не только для основной формы, но и для вариантов, указывается не только исходный этимон, но и его конкретные манифестации в других языках, послуживших непосредственными источниками заимствования. Вот один из возможных примеров построения этимлогического отдела: «Адгерент 1706 (анге- 1712, адерант 1713, адрег- 1760-е гг.), а, м. Лат. adhaerens, -tis, через пол. adherent укр. адгерент, фр. adhérent» (1, 25). Такая этимологическая разработка дается только словам заимстованным русским языком в XVIII в., старые заимствования в отдельных случаях получают этимологию в справочном отделе словарной статьи.

«Тире Срезневского» употребляется так же, как и в «Материалах» Срезневского для выделения изолированных употреблений, которые затруднительно включить в семантическую структуру слова. Семантическое определение у таких употреблений может отсутствовать или сопровождаться вопросительным знаком. За «тире Срезневского», например, у слова *Возлегать* `лежать´ даны два значения `возлагать´ и `основываться´, примененные лишь Радищевым (4, 12). Однако у «тире Срезневского» есть в словаре и другое применение. У слова *Воровство* `преступление´ им выделены такие семантические комплексы: `измена, бунт´, `разбой, убийство´, `мошенничество´, `колдовство´ (4, 71), у слова *Вал* `земляная насыпь´ — `форт´, `плотина, дамба´, `межа´ (2, 204 — 205). Речь, следовательно, идет о таком применении одного и того же значения, когда природа означаемого с точки зрения понятийной системы или наших знаний о строении мира не представяется тождественной. Здесь словарь вносит, как представляется, серьезный вклад в разработку исторической семантики русского языка, равно как общих вопросов семасиологии.

Гибкостью в решении вопросов исторической семантики порождены в словаре и некоторые другие приемы. Например, слова с единичной фиксацией могут помещаться без семантического определения, в других случаях в этом качестве могут использоваться толкования, заимствованные из словарей или у авторов XVIII в. Употребления слова в цитатах из св. Писания и литургических произведений, в виде аллюзий к ним или же в пословицах всякий раз особо оговариваются, но этот материал никогда не отклоняется, ибо он харатеризует речевую стихию русского языка в XVIII в.

Итак, этот словарь русского языка — оригинальное, цельное и целесообразно организованное лексикографическое произведение. По объему

лексикографической информации оно, может быть, уступает лишь тезаурусу Шахматова, но по степени ее обработки далеко опережает все другие словари русского языка.

На примере исторической лексикографии общекультурное и общенаучное значение языка видно особенно отчетливо. Наличие того или иного слова значит и наличие в рассматриваемую эпоху соотвествующего культурного и понятийного феномена, так что именно лексикографу приходится быть источником культуры. Среди прочих своих задач академическая лексикография должна и эту задачу принять как свою собственную.

Современная диалектная лексикография

Успехи русской диалектной лексикографии конца XIX–начала XX в. были настолько значительны, что от диалектной лексикографии новейшего периода даже на первых порах можно было ожидать больших достижений, чем они есть на самом деле. Однако ряд обстоятельств препятствовал этому. Русские диалектологи долгое время, начиная с работы в МДК и кончая занятиями по ДАРЯ, были заняты другими серьезными проблемами. За этот длительный период преемственность традиций в диалектной лексикографии была утрачена. А в конце 50–начале 60-х годов, когда диалектная лексикография стала возрождаться, был недостаточно изучен, осознан и освоен накопленный лексикографический опыт диалектной классической лексикографии.

Исключительно важное значение диалектных данных для решения многих кардинальных вопросов исторического и современного языкознания настоятельно требовало введения в научный оборот лексических богатств народных говоров, их исследования и интерпретации. Диалектная лексика является важнейшим источником для этимологических исследований, для решения многих вопросов истории русского и других славянских языков. Все более очевидной становилась важность и необходимость изучения диалектной лексики как определенной системы, развивающейся в особых социально-исторических условиях. В 30-е годы появляются работы, специально посвященные исследованию диалектной лексики. В них изучаются обширные тематические и лексико-семантические группы народно-диалектной речи. В дальнейшем значительно расширяется круг тематических разрядов лексики различных говоров, явившихся объектом лингвистического исследования: предметно-бытовая лексика, производственно-промысловая лексика, лексика флоры и фауны, различные разряды непредметной лексики и т.п. Собираются новые, свежие материалы, вырабатываются методологические принципы и методические приемы диалектнолексикологических исследований, закладываются основы диалектной лексикологии.[276]

---

[276] См. об этом: *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973. 278 с.

Однако подлинное развитие диалектная лексикология получает только в послевоенное время, когда в русском языкознании появляется большое количество работ по диалектологии, в том числе — работ, посвященных исследованию диалектной лексики. К середине 50-х годов основные силы диалектологов освободились от собирания и обработки материалов для атласа и начались поиски других способов и форм описания и исследования диалектных фактов. Получает развитие наиболее удобная и экономная форма описания диалектной лексики, традиционно успешно развивавшаяся в русском языкознании. «Прерванная традиция создавать областные словари по русским народным говорам, — писал в 1956 г. С. М. Кардашевский, — имеет все основания для возрождения и дальнейшего развития».[277] Подобное же мнение высказывалось белорусскими и украинскими диалектологами.[278]

Диалектные словари как наиболее рациональный способ описания диалектных языковых фактов, пришедший на смену лингвистической географии, привлекают диалектологов возможностью очень экономно, в удобной форме представить существенную и разнообразную информацию о слове: о различных его свойствах, системных связях (синонимы, антонимы и т.п.), характере употребления, частотности слова, произношении и т.п., а также о его ареале. Как известно, лингвистический атлас не в состоянии показать такую многообразную информацию о многих тысячах слов.

О необходимости создания диалектных словарей, описывающих диалектную лексику отдельных регионов, говорилось в «Проблематике исследований ИЯ АН СССР на 1956–1960 гг. Второе всесоюзное координационное совещание по вопросам диалектологии при ИЯ АН СССР приняло решение считать составление областных словарей одной из главных задач диалектологической работы. Вопросы диалектной лексикографии активно обсуждаются на всесоюзных диалектологических совещаниях: на 5-й (май 1956 г. в Москве) — доклад В. Г. Орловой и А. И. Сологуб «Об изучении лексики русских народных говоров при подготовке словарей»,[279] на 6-й (май 1958 г.) — доклад А. И. Сологуб «О дальнейшей работе над региональными словарями русского языка». К 1958 г. работа велась уже над тринадцатью словарями (ярославским, курско-орловским, уральским, брянским и др.). Высокую оценку на последнем совещании получила вышедшая в 1957 году книга

---

[277] *Кардашевский С. М.* Курско-орловский словарь (Материалы для изучения лексики курско-орловских говоров) // Учен. зап. МОПИ. 1956. Т. 35. Вып. 3. С. 161.

[278] См.: *Ларин Б. О.* Принципи укладання обласних словників української мови // Діалектологічний бюлетень. Київ, 1956. Вип. VI. С. 3–28; Бірыла Н. В. Да пытання аб тыпе і прынцыпах укладання беларускіх абласных слоўнікаў // Працы інстытута мовазнаўства АН БССР. Мінск, 1958. Вып. V. С. 116–144.

[279] См.: *Орлова В. Г., Сологуб А. И.* Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. II. С. 20–30.

Г. Г. Мельниченко «О принципах составления областных словарей».[280] В ней впервые был поставлен вопрос о диалектной лексикографии как самостоятельной отрасли русского языкознания. Автор книги намечает основные типы диалектных словарей, необходимые для описания с разных сторон всего многообразия диалектной лексики на территории России. В книге Г. Г. Мельниченко ставятся и решаются многие конкретные вопросы лексикографической работы: структура диалектного словаря, построение словарной статьи, написание заглавных слов, источники диалектных словарей, их материальная база и т.д.

Вопросы теории и практики создания диалектных словарей стали предметом обсуждения научной общественности. Одновременно изучается опыт русской диалектной лексикографии классического периода.[281]

Сбор материалов для диалектных словарей, выработка теоретических принципов их создания, лексикографическое описание диалектной лексики поставили перед диалектологами целый ряд проблем, обсуждение которых выливается в подготовку большого количества исследований. Диалектная лексика изучается с точки зрения ее состава и происхождения, изменения и развития в новых социальных условиях; ставятся и обсуждаются вопросы взаимоотношения диалектной и литературной лексики, особенности функционирования отдельных лексических пластов в условиях возросшего воздействия литературного языка на местные говоры и т.д. Большой вклад в изучение лексического

---

[280] *Мельниченко Г. Г.* О принципах составления областных словарей // Учен. зап. Яросл. пед. ин-та. Ярославль, 1957. Вып. 26 (36). С. 1–142.

[281] См.: *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров западной Брянщины // Доклады и сообщения ИЯ АН. 1954. № 6. С. 111–123; *Кардашевский С. М.* Из истории изучения лексики курско-орловских говоров // Учен. зап. МОПИ. М., 1955. Т. 32. Вып. 2. С. 113–153; *Мельниченко Г. Г.* О принципах составления областных словарей // Учен. зап. Яросл. пед. ин-та. 1957. Вып. 26 (36). С. 1–142; *Орлова В. Г., Сологуб А. И.* Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. II. С. 20–30; *Филин Ф. П.* Об областном словаре русского языка // Там же. С. 3–19; *Панов В. И.* Некоторые вопросы областной русской лексикографии // Там же. 1958. Вып. III. С. 48–68; *Аванесов Р. И.* К теории диалектных словарей // Cercetări de lingvistică. 1958. Anul III. Supliment. С. 53–57; *Ларин Б. А.* О работе над новыми словарями // Вестник ЛГУ. 1960. Вып. 4. № 20. С. 154–156; *Оссовецкий И. А.* О составлении региональных словарей // ВЯ. 1961. № 4. С. 74–85; *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. 224 с.; *Ларин Б. А.* Инструкция псковского областного словаря // Псковские говоры. I. Псков, 1962. С. 252–271; *Чегишева В. И.* О словаре восточной Брянщины (ЛГПИ им. Герцена) // Там же. С. 272–280; *Васильева Е. З.* Принципы составления «Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого // Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962. С. 98–121; *Нефедов Г. Ф.* А. О. Подвысоцкий и его словарная работа // Там же. С. 122–128; *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973 (закончен автором в 1954 г.). Введение. С. 11–22 и др.

состава говоров внесли работы Л. И. Баранниковой, О. И. Блиновой, Л. П. Жуковской, С. И. Коткова, Б. А. Ларина, Г. Г. Мельниченко, О. Н. Мораховской, И. А. Оссовецкого, В. В. Палагиной, Н. И. Толстого, Ф. П. Филина и многих других исследователей.

Ведущее положение в изучении словарного состава русских говоров занимает диалектная лексикография. Именно с этой отраслью современного русского языкознания связываются наиболее значительные достижения в исследовании диалектной лексики. Опираясь на богатейший предшествующий опыт словарной работы (и академической и неакадемической), диалектологи-лексикографы обсуждают общие принципы составления диалектных словарей, возможные их типы, рассматривают взаимоотношение диалектных словарей различных типов и назначений, разрабатывают концепции конкретных словарей и способы обработки в них лексического материала и многие другие проблемы, связанные с созданием диалектных словарей.

Уже обсуждение начальных этапов работы над диалектными словарями показало, что диалектологам нелегко перейти от собирательской работы по программам и вопросникам Диалектологического атласа к работе над словом, к осознанию того, что каждое индивидуальное слово есть носитель различных фонетических, грамматических и сочетаемостных особенностей, к отражению всех этих свойств в словаре, к выработке лексикографических приемов показа различных особенностей в диалектных словарях. Диалектная лексикографическая работа требовала внимательного изучения и тщательного наблюдения функционирования диалектного слова в живой речи. Фиксация и описание диалектного слова в диалектных словарях не имела аналогов в общей русской лексикографии, которая в основном опиралась на письменные тексты, на строго кодифицированную запись литературных слов. Письменное отражение многих диалектных слов было труднейшей задачей, так как последние не имели коррелятов ни в современном литературном, ни в древнерусском языке. Фонетический облик других диалектных слов настолько изменился на протяжении истории русского языка, что возведение их к исходной форме было чрезвычайно затруднительно. Если в литературном языке семантическая структура и граница каждого слова определены и описаны в нескольких словарях, а трудности возникают только в отдельных спорных, переходных случаях или вследствие разного понимания полисемии и омонимии, то авторам диалектных словарей предстояло впервые описать семантические структуры диалектных слов, выработать критерии для определения материальных и семантических границ диалектных слов, большинство которых получало первое письменное отражение.

Несомненно, что диалектная лексикография во многом обязана успешному развитию общей лексикографии. Она обогатила ее новыми идеями, методами и приемами лексикографической обработки языкового материала. Все это не могло не сказаться на быстро растущем научном уровне и качестве диалектных словарей 60–90-х годов. Результаты

поступательного развития диалектной лексикографии проявились прежде всего в большом количестве словарей, охватывающих почти всю территорию России, в многообразии их типов. Они сказались во внимании к диалектному слову, его границам, в тщательном и подробном описании его свойств и функционирования в живой речи во всем многообразии его фонетических вариантов, семантических значений и оттенков с показом его сочетаемостных особенностей и фразеологических употреблений.

Если учесть, что создание областных словарей — дело исключительно трудное, более трудоемкое и во многих отношениях более сложное, чем составление словарей литературного языка, то станет ясным, что в этих условиях на первый план выдвигаются задачи теоретической разработки основ создания словарей народных говоров, выработки принципиальных положений и установок, на которых будет строиться тот или иной словарь.

В конце 50–начале 60-х годов в лингвистической литературе и в устных дискуссиях шли горячие споры по основному вопросу диалектной лексикографии — о типе диалектных словарей.

Особую остроту приняло обсуждение вопроса о словнике областных словарей, т.е. о том материале, который должен быть включен в словарь и подвергнуться лексикографической обработке. Выявилось два диаметрально противоположных подхода. С одной стороны, выдвигалась идея создания полных словарей говоров и решительно отвергалась целесообразность словарей, основанных на дифференциальных принципах отбора лексики, с другой — обосновывалась идея составления словарей дифференциального типа, т.е. словарей, отражающих только сугубо диалектную лексику.

Не менее дискуссионным оказался также вопрос о целях, которые должен преследовать диалектный словарь — историко-диалектологические или историко-лексикологические; в первом случае он должен быть пособием для изучения современного состояния и истории диалектов, во втором — пособием для изучения истории диалектных слов как таковых (с их географической и, по возможности, хронологической характеристиками).

Вызывал споры и вопрос о возможности использования уже накопленных на протяжении XIX–XX вв. богатейших диалектных материалов. Теоретически он не получил однозначного решения,[282] однако практическое его решение оказалось весьма плодотворным.

Подробно характеризуя старые курско-орловские материалы, отмечая их неравноценность и недостатки, С. М. Кардашевский приходит к выводу о возможности использования этих материалов для описания курско-орловской лексики.[283] К такому же выводу приходят П. А. Расторгуев, Ф. П. Филин, В. И. Панов, Г. Г. Мельниченко и др., а также

[282] См.: *Орлова В. Г., Сологуб А. И.* Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка. С. 20–30.

[283] *Кардашевский С. М.* Из истории изучения лексики курско-орловских говоров. С. 113–153.

украинские и белорусские диалектологи.[284] Это решение имело важное конструктивное значение, так как позволяло работать над составлением конкретных словарей (курско-орловского, брянского, ярославского и др.) с использованием старых диалектных и фольклорных материалов. Одновременно оно было решающим и при обсуждении вопроса о создании сводного Словаря русских народных говоров (СРНГ), обобщающего преимущественно источники XIX — начала XX вв. «Назрела необходимость..., — пишет В. И. Панов, — объединить все материалы (как те, которые неопубликованными хранятся в рукописных фондах, так и те, которые в разное время и в разных изданиях были уже опубликованы), систематизировать их, описать в одном, сводном, новом общерусском областном словаре и издать».[285]

Эти дискуссии способствовали углублению представлений о задачах и методах лексикографической разработки диалектной лексики, выявлению новых типов диалектных словарей. Богатство диалектных словарей заключается не только в их количестве, но и в разнообразии типов, различии целей и задач, решаемых в них, в многоплановости описания лексического материла.

Со словарями разных типов связывается решение различных задач. Полный словарь говора (теоретически возможен полный словарь только одного говора как цельной и единой языковой системы) представляет собою свод всех употребляющихся слов, как общенародных, так и локально ограниченных. Это обстоятельство дает возможность представить системное описание лексического состава говора, наметить многообразные связи и отношения между словами, выделить пласты лексики, различающиеся по активности употребления, показать стилистическую дифференциацию словарного состава диалекта, т.е. представить материал для характеристики системных отношений в лексике говора.

Дифференциальный диалектный словарь отражает в своем составе лексику и фразеологию, ограниченную в употреблении рамками говоров, не известную в литературном языке. В таком словаре неполностью представлены системные связи и отношения лексики говора.

Следует особо отметить, что обсуждение проблемы о типе диалектных словарей, об отборе лексического материала для них, о характере его разработки не может проходить без учета реальной картины взаимоотношения диалектов с литературным языком в ту или иную эпоху. Эта проблема по-разному должна решаться в отношении конкретных национальных языков. «То или иное решение вопроса связано с тем, какие задачи ставит данный словарь и на каком уровне развития находится данный язык, в особенности в его литературном оформлении».[286]

---

[284] *Бірыла Н. В.* Да пытання аб тыпе і прынцыпах укладання беларускіх абласных слоўнікаў // Працы інстытута мовазнаўства АН БССР. С. 116–154; *Гуліцкі М. Ф.* Рукапісныя матэрыялы для слоўніка беларускай дыялектнай мовы // З народнага слоўніка. Мінск, 1975. С. 714 и др.

[285] *Панов В. И.* Некоторые вопросы областной русской лексикографии. С. 66.

[286] *Аванесов Р. И.* К теории диалектных словарей. С. 56.

Русский литературный язык в его современном состоянии четко и последовательно противопоставлен во всех ярусах (во всех сторонах структуры) диалектной речи, народным говорам. Это дает достаточно серьезные основания для установления границ между диалектными словами и различными пластами словарного состава литературного языка, хотя границы понятия «литературный язык» по самой своей сущности недостаточно определены.

Важные теоретические и практические вопросы диалектной лексикографии были поставлены в статье Р. И. Аванесова «К теории диалектных словарей». Р. И. Аванесов в существенных чертах охарактеризовал однодиалектный и многодиалектный, полный и дифференциальный словари.

В классификации диалектных словарей, предложенной Р. И. Аванесовым, прямой лексикологический словарь, в котором слова объясняются путем указания их лексических значений (кочет 'петух'), противополагается словарю обратному идеологическому, который исходит из значений или идей (определенному значению или идее соответствуют диалектное слово или слова: 'самец курицы, петух' — петух, пеун, петель, кочет), словарь однодиалектный — многодиалектному, полный — дифференциальному. «Охарактеризованные выше противоположения диалектных словарей — диалектный словарь прямой («лексикологический») или обратный («идеологический»), однодиалектный или многодиалектный, полный или дифференциальный — перекрещиваются и потому в разных своих комбинациях дают большое количество типов диалектных словарей: ср., например, прямой многодиалектный полный словарь или обратный однодиалектный дифференциальный словарь и т.д.».[287]

Опыт классификации диалектных словарей представлен в статье О. И. Блиновой «Типы диалектных словарей».[288]

Внутри диалектной лексикографии можно наметить ряд типологических противопоставлений, отчасти повторяющих общую схему типологии Л. В. Щербы:

словарь академического типа — словарь-справочник;

полный словарь — дифференциальный словарь;

словарь одного говора (словарь диалекта) — словарь «личности» (одного носителя говора);

словарь филологический — словарь энциклопедический;

«одноязычный» толковый словарь говора — Переводный — диалектно-литературный словарь;

диалектно-литературный словарь — литературно-диалектный словарь;

словарь современного диалекта (синхронный) словарь — исторический словарь диалекта;

[287] *Аванесов Р. И.* К теории диалектных словарей. С. 57.

[288] *Блинова О. И.* Типы диалектных словарей // Русские говоры Сибири. Томск, 1981. С. 7-11.

алфавитный словарь диалекта — идеографический словарь диалекта;

словарь общеупотребительной лексики диалекта — словарь ремесленно-промысловой терминологии.

Современная лексикографическая практика показала, что в действительности чаще встречаются диалектные словари с особенностями или элементами не одного, а двух и даже более типов.

В диалектной лексикографии (под влиянием лексикографии литературной) постепенно утверждается идея о системе словарей. В систему словарей, описывающих лексику диалекта в полном объеме и с разных сторон, должны войти следующие словари: толковый словарь, синонимический словарь, тематический или идеографический словарь, фразеологический словарь, словарь сочетаемости слов, словообразовательный словарь.

Исследователь, ставящий перед собой цель — описать в словаре лексику говора в целом и тем самым представить системные отношения в его словарном составе, должен опираться на системный принцип охвата материала. Такой словарь поэтому должен быть построен на одном материале, едином по своей принадлежности к одному говору, к одному хронологическому срезу, т.е. он должен отражать реальную лексико-семантическую систему в том понимании, которое вкладывал в это понятие Л. В. Щерба.[289]

Работа над диалектными дифференциальными словарями отнюдь не исключает возможности и надобности подготовки словарей других типов: чрезвычайно важно во многих отношениях было бы подготовить полный словарь говора, содержащий в себе характеристику всех слов, образующих его словарный состав; создание такого словаря способствовало бы более точному и полному решению вопроса о соотношении диалектного и литературного (общенародного) в данном языке и в данном говоре, такой словарь был бы неоценимым источником для решения целого ряда лексикологических и общеязыковедческих проблем. Однако, чтобы создать такой словарь, необходимо учесть все богатство лексических средств диалекта, что, как известно, пока еще никому не удавалось. Для этого необходимо вызвать к жизни все возможные ситуации, проследить и зафиксировать речь носителей диалекта решительно во всех проявлениях их многосторонней жизни и деятельности. Фиксацией одних только наиболее употребительных и активных слов лексики нельзя ограничиться, ибо на характер системных отношений в значительной мере влияют и малоупотребительные, устаревающие или только входящие в диалект слова. Нельзя забывать также и о трудностях, встающих при определении границ говора.

С большим успехом можно подготовить исчерпывающие полные словари по каким-либо определенным разделам лексики, по отдельным лексико-семантическим группам, по тематическим пластам лексики, а

---

[289] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Избр. работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. I. С. 54–91.

не по всему словарному составу говора в целом. Отсюда — встает задача составления тематических словарей, словарей отдельных профессиональных лексических систем (названия рыб, названия животных, ремесленная терминология, бытовая лексика и т.д., и т.п.), в которые включались бы как общераспространенные, так и характерные только для данного говора слова.

В послевоенные годы работа над диалектными словарями русского языка шла, главным образом, по двум направлениям: а) создавались диалектные словари на основе специально собранных современных материалов; б) составлялись сводные словари, обобщающие все имеющиеся диалектные материалы — и печатные и рукописные. В практике современной диалектной лексикографии отразились теоретические искания и споры относительно состава диалектных словарей, принципов отбора лексики в них, организации и структуры словарных статей, способов и методов семантической характеристики слов.

Дифференциальные словари

Дальнейшее развитие и углубление получил дифференциальный принцип отбора слов в диалектные словари, утвержденный всем ходом развития предшествующих периодов русской диалектной лексикографии.

Курско-орловский словарь С. М. Кардашевского

Начиная с 1956 года в ученых записках МОПИ публикуется курско-орловский словарь С. М. Кардашевского, к сожалению, не доведенный до конца.[290] По предположению автора словарь должен был включать несколько тысяч диалектных слов. В словарь включена только местная лексика, зарегистрированная у носителей курско-орловской речи.

Этот первый диалектный словарь послевоенного времени отличается высокой информативностью, многообразием и широтой решаемых задач. По замыслу автора, словарь должен был описать курско-орловскую лексику, показать ее распространение в Курской и Орловской областях (губерниях), истолковать значения слов, а также определить отношение курско-орловской лексики к литературному языку, к лексике других русских диалектов, прояснить ее связи и отношения с лексикой украинского и белорусского языков.

Словарь составлялся на основе источников разного характера: современных диалектных записей (с 1945 по 1953 г.), главным образом,

[290] *Кардашевский С. М.* Курско-орловский словарь (Материалы для изучения лексики курско-орловских говоров) // Учен. зап. МОПИ. М., 1956. Т. 35. Вып. 3. С. 161–268; 1956 (1957). Т. 48. Вып. 4. С. 135–358; 1960. Т. 88. Вып. 5. С. 71–219. Словарь на буквы А–И.

из Курской и Орловской областей, а также из Калужской, Рязанской, Владимирской и Ярославской областей. Были использованы опубликованные и рукописные диалектные материалы разного времени, собиравшиеся 130 лет: рукописные материалы Архива Академии Наук, рукописи Словарного сектора ИРЯ (Ленинград), рукописные материалы Архива РГО, материалы ДАРЯ, диалектные материалы кафедр Орловского и Ярославского педагогического институтов, многочисленные фольклорные материалы, содержащие диалектные слова, произведения украинской и белорусской литературы.

Курско-орловский словарь включает диалектную лексику различных лексико-семантических групп, главным образом, обиходно-бытовую и связанную с крестьянским хозяйством, полеводством, огородничеством, скотоводством, отдельными видами старых крестьянских кустарных промыслов (прядения, ткачества, валяльного промысла и др.), названия человека по его качествам, названия игр, наименования животных, растений, рыб, птиц и др. разряды лексики. Эта лексика широко известна в курско-орловских говорах, она отличается высокой частотой употребления.

В словаре нашли отражение многообразные структурные типы диалектных слов: префиксальные, суффиксальные, суффиксально-префиксальные (*воспятки́* 'пятки, каблуки', *вто́рок* 'вторник', *вы́пороток* 'шалун, озорник'), слова с отражением незакономерных фонетических особенностей (*вчо́ра* 'вчера', *гамозе́я* 'бумазея' и т.п.). Широко представлены сложные слова (*белого́ристый, буроло́м, ветроду́йка* и т.п.). Включены немногочисленные составные наименования (*варистая печь, додо́льная рубаха* и т.д.), которые в тот период не упоминались среди типов диалектных слов. Фразеологические выражения единичны в этом словаре (*гутки́ справлять* 'плакать', *двора́ глядеть* 'смотреть имущество жениха' и др.).

Лексический материал расположен в алфавитном порядке с элементами гнездования. Кроме глаголов сов. и несов. видов в одной словарной статье помещаются различные словообразовательные варианты: *альни́, альи́ш; а́ховский* и *а́ховый; баля́сина* и *баля́сы; варо́вей, поваро́вей; воря́га* и *воря́ка*. Как правило, вместе разрабатываются слово и его уменьшительное образование (*аржа́вец, аржа́вчик; бакла́га*, ум. *бакла́жка; бато́г*, ум. *батожо́к*). В отдельных случаях в одной словарной статье объединяются разные наименования одного и того же понятия, предмета, в том числе и разнокорневые, например, *Висажа́ры, ко́чка, стожа́ры, утиное гнездо* 'созвездие Плеяды'.

Словарь дает довольно широкую информацию о слове. В нем представлена материальная вариантность слов, отражающая результаты незакономерных фонетических процессов (*бузы́кнуть* и *бузды́кнуть; га́шень* и *ага́шень; гамази́н* и *магази́н; бу́шкаться* и *бы́шкаться; галди́ть* и *галде́ть; ба́тька* и *ба́чка; га́чинь* и *га́шынь* и т.д.) и произносительные особенности южнорусских говоров (*аржа́вец* и *аржа́вяц; бува́лача* и *бува́лыча*). Отмечаются акцентные варианты (*бо́листь* и *бале́сть; вярзти́* и *ве́рсти*).

Кроме истолкования лексического значения в словаре указывается на характер употребления слова, отмечаются его эмоционально-экспрессивные оттенки (с неодобрительным оттенком, ласкательно и др.), употребление с ограниченным числом объектов (*вывáживать* ʽуравновешивать (о весах)ʼ). Впервые в русской диалектной лексикографии применяется способ частотной характеристики употребления слова (указание на ограниченное или наоборот частое употребление слова): *втя́мить*, сов., но чаще употребляется *притя́мить; гагáкать*, несов. (форма *гагáкнуть* почти не употребляется).

Важную роль выполняют краткие иллюстрации: они показывают употребление диалектных слов, уточняют характер их функционирования. Ср.: *ви́бжа* ʽобжа, сошка, оглобляʼ: *Вибжи коротки; подтяни вибжи; висля́й* ʽлентяй, повеса, негодяйʼ — *Экой ты висляй. Висляй висляем ходит.*

Заголовочное слово пишется по законам русской орфографии, а в случаях отсутствия соответствующего корня в литературном языке слово дается в форме, приближенной к орфографической. Вместе с тем в скобках указывается диалектное произношение слов: *веретье (виритьё, вирéтья), вестимо (вясти́ма)* и т.д. Иллюстрации приводятся в упрощенной транскрипции.

Сложность задач и целей, многообразие источников, на основе которых создавался словарь С. М. Кардашевского потребовали специальной формы словарной статьи, в которой кроме толкования значения слова, диалектных примеров и других сведений, приводятся сравнительные материалы из словарей литературного языка, из других диалектов, из украинского и белорусского языков. Словарная статья в этом словаре, насыщенная многообразной информацией, отличается определенной сложностью. Приведем одну из наиболее простых и кратких словарных статей: *Блёкот (блёкат)*, у, м.р. — Трава (белена). Уш. — нет. АН. — нет. *«Ад блёкату мóжна памирéть»*. С. -Гол. О: С-Гол. Др. обл.: (Раст: Сев.-Бел. — *Блёкат*-Белена) (Д: Без указ. места). *Бле́кiт, коту*, м.р. (укр.) — Раст. Цикута, бешеница (Г.) *Блéкот*, у, м.р. (бел.) — Раст. Белена: *«Блёкоту наевся»* (Н.).

Приведением сравнительных сведений из других диалектов, из словарей литературного языка, из украинского и белорусского языков выполняется одна из важных задач словаря прояснить генетические и исторические связи курско-орловской лексики, рассмотреть курско-орловские лексические факты на восточнославянском фоне, определить их связи и отношения с лексикой современного литературного языка. Выполнение этой задачи имело очень важное значение для исследования вопросов об истории курско-орловских говоров, об определении их роли в складывании русского национального языка.

Таким образом, курско-орловский словарь можно характеризовать как дифференциальный филологический словарь с широкой программой показа различной информации о слове: материальной (показ вариантов), семантической (указание синонимов), сопоставительной (сопоставление с литературным языком, с другими говорами, украинским

и белорусским языками), функциональной (форма слов, характер употребления слова, примеры употребления).

Краткий ярославский областной словарь Г. Г. Мельниченко(Ярославль, 1961)

Это издание стало первым сводным словарем, составленным на основе только старых источников. Он объединяет ярославские лексические материалы предшествующих словарей (24 источника), вышедших с 1820 по 1956 г. По мнению автора, словарь должен: а) быть указателем для старых словарей, б) служить программой собирания материалов для современного словаря ярославских говоров, в) быть справочником по диалектной ярославской лексике, г) служить пособием по исторической лексикологии, д) быть источником сведений по вопросам взаимоотношения литературного языка и диалектов (лексика, включенная в словарь, специально для этого сопоставлялась с Толковым словарем русского языка под ред. Д. Н. Ушакова и МАС). Старые материалы, объединенные в словаре, заключали в себе лексику самых разнообразных тематических групп, отражающих понятия народной жизни Ярославской области (губернии). Широко представлена обиходно-бытовая лексика: наименования крестьянских построек и их частей (*лéщетень* `передвижная стена у риги´, *лéщедки* `двери из соломы (в овине)´, *мякéльница* `пристройка к овину для хранения мякины, устройство крестьянского дома´, (*голбéц* `деревянная пристройка к печи в виде лежанки´, *лобовúца* `тесина, лежащая на курицах, на крыше´, *лотóньки* `подоконники´, *сýдник, судкú* `шкаф у печки´, наименования различной посуды, лексика, относящаяся к домашнему обиходу и т.д. Большое место в словаре занимает производственная лексика, чаще всего относящаяся к полеводству и овощеводству (*головной загон* `первый загон от дороги´, *загной* `перегной´, *загорóдка* `огород´, *запáшка* `ранняя вспашка полей´, *бить навоз* `разбивать, разбрасывать навоз в поле´, *дернутье* `процесс обработки льноволокна´ и т.д.). Включается лексика других ремесел и промыслов (прядения, ткачества, вышивания, рыболовства). Представлены слова, называющие родственников (*братáн, братéйник, братýха, брáтька* `брат´, *мáчка старенькая* `бабушка´), лиц, связанных другими отношениями (*бажáтка* `крестная мать´, `крестный отец´, *бóльшúна* `старшинство в семье´, *большой голова* `хозяин, глава семьи´); наименования человека по профессии (*задéльщик* `человек, который выделывает овчину´, *ткáлья* `мастерица ткать´, ткачихá, *точея́* `ткачиха´), названия человека по его качествам (*бутрýн* `угрюмый, неразговорчивый´, *гомозá* и *гомозýн* `непоседа´), а также собственные имена с их разнообразными уменьшительно-ласкательными и т.п. вариантами, например, *Гриша, Гришан, Гришка, Гришуха* (от Григория), *Горасим* (Герасим), *Главдия* (Клавдия), демонстрирующие обилие словообразовательных возможностей говоров и пути освоения заимствованных слов.

В ярославском словаре отражена лексика свадебных обрядов, игр, поверий, лексика, относящаяся к природе, наименования географического рельефа, номенклатура животных, птиц, рыб, растений и многая другая.

Диалектная лексика и фразеология старых источников собиралась, главным образом, стихийно, а не по заданной программе, наличие в них тех или иных слов, форм, словосочетаний, выражений следует объяснять высокой частотностью, употребительностью последних в говорах.

Лексикографическое объединение старых материалов в одной книге убедительно показало, что оно обеспечивает значительное богатство словника: ярославский словарь содержит 10 072 заглавных слова. Старые диалектные материалы, отражая лексический состав говоров, почти не затронутых или мало затронутых влиянием литературного языка, заключают факты, утраченные современными говорами. Объединение старых материалов позволяло наиболее полно в пределах определенного региона показать смысловое содержание слов, выявить исходные значения, слова, сочетания слов, выражения, утраченные другими говорами.

Как и в словаре С. М. Кардашевского, в Ярославском словаре нашли отражение разнообразные по структуре диалектные слова.

Несмотря на несовершенство записи старых материалов в словаре широко представлена материальная лексическая вариантность (*головéнье* и *голови́нье, пелéвница* и *пелёвница, окли́чный* и *оклю́чный, гнездó* и *гнезнó, гóлцить* и *гóлчить, гóстейка* и *гóсцейка, столéсник* и *столéшник*). Каждый вариант слова в ярославском словаре описывается в отдельной статье (за исключением некоторых случаев). Такое представление материала весьма удобно для описания, так как снимает проблему определения материальной границы диалектного слова, к тому времени совершенно не разработанную в науке.

Лексикографическая обработка старых материалов, сильно отличающихся друг от друга, вызывала определенную трудность. Разное качество материалов заключалось в различных способах записи диалектных слов, иногда в неясности толкования значений, в разных принципах отбора диалектных слов, в отсутствии в подавляющем большинстве случаев примеров их употребления в диалектной речи. Другая особенность диалектных материалов заключалась в невозможности проверить неясные или сомнительные сведения. С такими же трудностями несколько позже встретились составители сводного Словаря русских народных говоров. Это свойство источников, на основе которых создавался ярославский словарь, не могло не сказаться на разработке лексического материала. Строгое следование за старыми источниками безусловно ограничило возможности словаря, его задачи, сузило его информативную сторону.

Содержательная сторона Ярославского словаря, отразившая лексико-фразеологический состав ярославских говоров XIX — первой половины XX в., явились ценным источником для разного рода историко-диалектологических, историко-лексикологических и этимологических

исследований. Как справедливо писал Г. Г. Мельниченко, Краткий ярославский словарь стал сокровищницей сведений по ярославской лексике, всего того, «что могло бесследно исчезнуть» (Предисловие, с. 12).

Ярославский словарь вместе с Курско-орловским словарем и словарем Западной Брянщины явился как бы полигоном, на котором были применены и отработаны приемы лексикографического описания лексики старых источников в сводном словаре довольно большого региона. В этом отношении он сослужил хорошую службу прежде всего для Словаря русских народных говоров.

Опубликованный ранее других диалектных словарей, выходивших в 60-е годы, ярославский словарь явился первым законченным диалектным словарем нашего времени, созданным одним автором.

Словарь народных говоров Западной Брянщины П. А. Расторгуева (Минск, 1973)

Близким по задачам и характеру источников к курско-орловскому словарю С. М. Кардашевского, является словарь П. А. Расторгуева, начатый в 1939 и законченный автором в 1954 году. Это дифференциальный толковый словарь, преследующий в то же время и историко-диалектологические цели («дать материалы для истории словарного состава народных говоров Западной Брянщины»); он имеет подзаголовок: материалы для истории словарного состава говоров. Желание определить характер западнобрянских говоров, пограничных с белорусскими, прояснить их сложную историю заставляет П. А. Расторгуева подчинить этой цели и характер словаря. Автор использует диалектные записи, собранные им самим, начиная с 1903 г., и позже студентами Новозыбковского пединститута, а также материалы, извлеченные из опубликованных и рукописных материалов (фольклорных и диалектологических) с 1862 г. (М. Н. Косич, П. Шейна, А. Н. Афанасьева, А. Д. Нечаева, М. В. Ушакова, А. Ф. Полевого и др.).

Словарь включает около 8 тысяч диалектных слов. Представленные в словаре лексемы отражают своеобразие словообразовательных возможностей брянских говоров: слова с префиксом *об-* (*абббрки* \`остатки яблок, груш, огурцов и т.п.´, *абва́жывать* \`обвешивать´, *абгаво́рья* \`пересуды, плохая молва´, *абгарта́ть* \`перелистать´), слова с префиксом *на-* (*назнаро́шна* \`нарочно´, *назнушча́цца* \`наиздеваться´, *намага́цца* \`добиваться, домогаться´), слова с двойными префиксами (*поза-, пона-, попере-, поў-*): *пазага́дить* \`запачкать, загрязнить´, *панакаси́ть* \`много накосить´, *паперэла́зить* \`(о многих) перелезть´, *паўла́зить* \`(о многих) влезть´ и т.п., типично южнорусские образования: слова с префиксами *уз-, ува-* (*узня́цца* \`подняться´, *увабра́ть* \`убрать, унести´, *увагна́ть* \`угнать´).

В словаре помещены различные в структурном и семантическом отношении фразеологические выражения брянских говоров: *зроду́ родцкага* \`никогда, испокон веков´, *мут усему ўстроиўся* \`конец всему´, *ни ў смак, ни ў знак* \`неопределенного вкуса´ и т.п.

Хорошее знание автором брянских говоров позволило довольно точно и весьма тонко передать значение слова и его употребление. Значения слов подтверждаются прекрасными иллюстрациями из фольклорных произведений и отрывками живой речи: *кирпи́чча*, собир. `кирпичи´: *убери адсэда етае кирпичча — к чаму ему тут лежать?; ла́стушка*, уменьш. к *ластау́ка*. Косич: *Родны мой батюшка па сеням ходзя, нявестушак, ластушак, пабуджая; лину́ть* `налить´: *Лини мне вады трохи* и т.п.

П. А. Расторгуев внимателен вообще к характеру употребления слова: отмечается, в каком лексико-фразеологическом окружении или в какой форме оно чаще всего употребляется: *жыватáть* — только в форме повел. накл. с отрицанием *не: не жыватáй* `не жди хорошего´; *жыттё* `жизнь´ — часто в соединении с *быттё (а наша жыттё — быттё такое, што й не пытай); знаттё* в сочетании *калиб знаттё*. Ценным является указание на частотность употребления слова в говорах, особенно при наличии в статье нескольких слов с тождественным значением: *забабо́ны, пры́мхи* (редко) и *пры́хамати* (чаще) `росказни, суеверия, предрассудки´, *загава́лина, загава́льня, загва́лина* (наиболее употребительное) и *пры́зба* `завалина´, *зы́бка, калы́ска* (редко), *лю́лька* `колыбель´. Наиболее употребительно *люлька*.

Принятый в словаре Расторгуева принцип алфавитного расположения слов осложняется во многих случаях применением гнездового порядка расположения: в одной статье объединяются не только материальные варианты, но также родственные слова, отличающиеся аффиксами (*вуди́лишча* и *вуди́льна; вутенёнак* и *вутеня; зара́нне, зра́нку, зранне, ра́ненка, ра́нки, спазара́нак, спазара́нку*), слова-синонимы, не являющиеся родственными: *во́падь* и *дох* `погибель´, *ву́гал* и *куто́к* `угол´ *жы́чка, стёжка* и *уплётка* `завязка и тесемка´ и т. п. Объединение слов в словарные статьи, таким образом, производится не в зависимости от материальных границ слова, а диктуется задачами словаря: стремлением определить конкретное влияние на словарный состав говора и пути распространения этого влияния. Приведение в одной словарной статье лексического ряда с обозначением места употребления слов, с указанием частотности употребления, времени появления или выхода из употребления способствует разрешению исторической задачи. Ср.: *жы́чка, стёжка* и *уплётка* `завязка, тесемка´ (Полевой), преим., `красная хлопчатобумажная лента, вплетаемая в косу´. *Иде мая жычка* (Дареевичи). Слово *жычка* почти вышло из употребления и заменилось словами *стёжка* и *уплётка*. Этой же цели служат указания на распространение слова в других говорах, данные из словарей.

Довольно значительный временной охват материала (более, чем 100 лет) позволил автору показать исторические изменения, происходящие в лексическом составе, что являлось одной из главных задач словаря. По замыслу П. А. Расторгуева, словарь имеет целью отразить «прошлое и настоящее словарного состава говора и постоянно происходящие в нем изменения».[291] Значительное количество описываемых слов

[291] *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Введение.

в словаре снабжено соответствующим комментарием: *Грамáтка.* Так назывался в 80–90-х годах XIX в. букварь; *знáймавацца* `целоваться в праздник´ (Полевой). В XIX в. означало `целовать иконку´ (у христиан). Косич.

Как и в словарях Кардашевского и Мельниченко, в словаре Западной Брянщины довольно широко представлена материальная вариантность юго-западных говоров: *анбáр* и *инбáр, аржá* и *иржá, вóжик* и *´ёжик, агарóжа* и *гарóжа, арэ́ли* и *рэ́ли, выймáть* и *вымáть, бурáк* и *буря́к, вуздёчка* и *вуздэ́чка, вырэтавать* и *вырэтувать*; слова, отличающиеся местом акцента: *зáсуха* и *засýха, жавúка* и *жавикá, зáстежка* и *застёжка.*

Отличительной чертой словаря Расторгуева является написание в нем заглавных слов близко к фонетическому: оно передает основные особенности местного произношения слов (аканье, твердое р, фрикативное г, у неслоговое, звонкость согласных и т.д.). Обозначается место акцента каждого заголовочного слова. Таким образом, словарь в основных чертах передает диалектное произношение слов: *Жáлиться* `жаловаться кому-н. на кого-н.´: *Як жа мне ни жалицца, кали ён так мене забиджае!*

Прибалтийский словарь 1963 года

Одним из первых словарей, которые появились после выхода в свет «Пособия-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка» (М., 1960) и Проекта Словаря русских народных говоров (М.; Л., 1961) был прибалтийский словарь — Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики (Рига, 1963). Это полностью завершенный, небольшого объема (около 3500 слов) словарь говоров русского старожильческого населения, живущего компактно в трех районах прибалтийских республик (государств). В предисловии к словарю русские прибалтийские говоры определяются как близкие друг другу акающие говоры, хорошо сохранившие свои особенности.

Отбор слов в него происходил не только по дифференциальному принципу, но и по принципу частотности: включались слова и выражения наиболее употребительные в говорах, хорошо снабженные иллюстративным материалом. В лексике различных тематических разрядов заметно влияние прибалтийских языков: *кóрфа* `корзина с дужкой´, *рули* `тюря´, *рýнкулина, р'ункуль* `кормовая свекла´, *сáлька* `мансарда´, *фáска* `деревянная посуда для сливочного масла´ и т.п. Прибалтийский словарь явился первым законченным словарем, построенным на новых специально собранных для словаря диалектных материалах.

С. 13.

Томский словарь

С выходом в свет в 1967 году последнего третьего тома закончилось издание Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби, подготовленного работниками кафедр Томского университета и Томского пединститута.[292] Томский словарь представляет собой справочник дифференциального типа, описывающий лексику переселенческих говоров довольно большого географического района Сибири. Хотя в результате совместной двух-трехвековой жизни переселенческие говоры Томской области выработали некоторые общие черты, все же они не представляют единой системы: «Несмотря на общность, говоры средней части Обского бассейна не тождественны», сообщается во введении к словарю (т. I. С. 4). Выбор типа словаря — полный словарь или дифференциальный — при описании лексики говоров, отличающихся друг от друга, имеет важное значение. В этом случае, как уже отмечалось, дифференциальный принцип является единственно приемлемым, как с научной точки зрения, так и с практической — описание части лексики, общей с лексикой литературного языка, значительно увеличило бы объем словаря и затянуло бы его издание. Реалистический подход составителей к своим задачам дал возможность завершить издание диалектного словаря довольно большой территории в сравнительно короткий срок.

Материальной базой томского словаря послужила богатая картотека, которая создавалась на протяжении более двадцати лет. Этим во многом объясняются несомненные достоинства словаря. Прежде всего нужно отметить богатство словника, который содержит 7342 словарные статьи, не считая ссылочных.

Наличие богатой картотеки и хорошо продуманные и осуществленные на практике принципы отбора диалектных слов дали возможность достаточно широко показать диалектную лексику. В словаре представлены различные виды диалектных слов и фразеологизмов.

Диалектные слова зарегистрированы со всеми их производными, часто довольно многочисленными (см. *по́роз, порози́шка, порозова́ть, порозо́к* или *ска́ла, ска́лка, ска́лечка, ска́льница, ска́льно, ска́льня*).

Словарь дает возможность представить отчетливую картину словообразовательных средств томских говоров. Материалы словаря позволяют говорить, например, о своеобразии приставочных глагольных образований в томских говорах (см. глаголы с приставками *по-*, *при-*, *с-* и др.), глагольных суффиксальных образований с суффиксом *-ива-* и т.п.

Таким образом, есть все основания утверждать, что «лексический и справочный материал словаря может служить основой для многих новых исследований по лексике сибирских говоров».[293]

---

[292] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964–1967. Т. I–III.

[293] *Палагина В. В.* Изучение русских народных говоров территории Томской области // Тр. Томского ун-та. 1968. Т. 197. С. 96.

Богатая картотека дала возможность широкой иллюстрации употребления слов; все значения слов оказываются подтвержденными примерами диалектной речи.

Словарь русских старожильческих говоров бассейна средней части р.Оби — первый успешно завершенный лексикографический труд, описывающий говоры Сибири.

В 1975 г. вышли в свет два тома Дополнения к «Словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби» под ред. О. И. Блиновой и В. В. Палагиной (9101 слово), а в 1983 г. выходит первый том второго дополнения под названием «Среднеобский словарь» (ред. В. В. Палагина). Таким образом, количество диалектных слов среднеобских говоров, получивших отражение в Томском словаре и Дополнениях к нему, превысит 20 тысяч единиц.

Словарь Среднего Урала

В 1964 году выходит первый том Словаря говоров Среднего Урала.[294] Словарь составлен на основании богатой картотеки (начатой в 1952 году), постоянно пополняющейся. Помимо современных материалов в словаре использованы старые словари местных слов (рукописные и печатные) и произведения уральских писателей.

Словарь относится к типу дифференциальных словарей, в него включаются слова, употребляемые в уральских говорах, но не входящие в словарный состав литературного языка. В предисловии («Состав и структура словаря») авторы сообщают, что они, стремясь к полноте словника, включают в Словарь «всякого рода пограничные слова, если в их диалектном употреблении отмечены какие-либо особенности (т. I. С. 8). Под отличительными особенностями такого рода понимаются различия между диалектным и литературным словоупотреблением в сочетаемости слова, экспрессивно-стилистических оттенках, в степени актуальности. «Так, например, слово *глубь* известно и диалектам, и литературному языку с одним и тем же значением — 'глубина', но в литературной речи недопустимо его употребление в сочетании «Вот такой глуби», для диалекта же — это обычное употребление; слово *борть* в литературном языке устарело, в диалектах же оно еще живое; слово *баба* в литературной речи употребляется обычно с экспрессией, в диалектах никакой экспрессивной окраски в нем нет. Такого рода особенности в диалектном употреблении «пограничных» слов служили основанием для включения их в Словарь» (Состав и структура словаря. С. 8).

Словарь объединяет диалектные слова, распространенные на территории Среднего Урала, включающей все районы Свердловской области и прилегающие к ней районы Пермской, Челябинской, Курганской и Тюменской областей.

[294] Словарь говоров Среднего Урала в 7 т. Свердловск, 1964–1988.

Слова в Словаре расположены в алфавитном порядке, с элементами гнездования (в одной словарной статье приводятся широко понимаемые лексические варианты и словообразовательные дериваты). Так, вместе разработаны слова *завивóха, завирóха* и *завирýха; заварýха* и *заварýха, заварýшка* и *завáлиница, завáлинка; жирнýха* и *жирнýшка* и т.п.[295]

Широкое понимание вариантности (от фонетических вариантов до словообразовательных) привело (как и в других словарях) к объединению в одной словарной статье словообразовательных синонимов, т.е. к использованию в словаре элементов гнездования. Так, в одной словарной статье описываются ба'тюшка, ба'тюшко, батя и т.д.

Показ материальных вариантов, свидетельствующий о расширительном понимании границ слова, позже был пересмотрен авторами словаря, понят как нежелательный. Начиная с третьего тома Словаря все материальные варианты слова (в том числе и акцентные) стали показываться отдельно, самостоятельными статьями.

Словарь говоров Подмосковья

В 1969 году был опубликован составленный А. Ф. Ивановой Словарь говоров Подмосковья (М., 598 с.). Обширная материальная база, богатая картотека, собранная на протяжении десяти лет (1959–1968 гг.), дала возможность автору широко отразить лексику говоров Подмосковья. Описана современная диалектная лексика и фразеология многочисленных и разнообразных тематических групп. Весь лексический и фразеологический материал прекрасно истолкован. Ясные, четкие толкования, безупречные стилистически, являются отличительной особенностью этого словаря. Все толкования в словаре можно свести к уже известным трем типам: а) перевод литературным словом (*вьюрáга* 'пахта', *вьюша* 'чайка', *курáшка* 'наседка', *курéнь* 'шалаш', *поляш* 'тетерев', *подо'ёнка* 'подойник'), б) краткое филологическое толкование (*вы́стил* 'кладка снопов для молотьбы', *дичи́на* 'домотканый материал в полоску или в клетку', *пры́тко* 'очень сильно', *слябýн* 'человек, привередливый в еде'), энциклопедическое толкование (*брóды бродить* 'разделять луг или посев на участки, протаптывая межи по траве, по зерновым', *бут* 'маленькое углубление под русской печью для хранения небольшого количества картофеля' и т.д.). В энциклопедическом ключе толкуются наименования местных растений, грибов с приведением их латинских названий (*дýнька* 'гриб свинушка тонкая, Paxilus involutus', *повери́йка* 'растение повилика, Ciscuta', *подорéховина* 'груздь настоящий, Lactarius resimus' и т.д.), различных реалий и т.д.

---

[295] Развернутую оценку Словаря русских говоров Среднего Урала, Словаря старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, Материалов для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики см. в рецензии О. Д. Кузнецовой //Лексика русских народных говоров (опыт исследования). М.; Л., 1966. С. 215–222.

К достоинствам словаря следует отнести наличие в нем добротного иллюстративного материала. Каждое слово и значение подтверждаются в нем примерами употребления в живой речи: *позем* 'навоз'. Позёмъм землю хърошо добрить; позём бы вычистить да на огорот свесть; *селезна́* 'целина, залежь'. Селезна — этъ значит земля непахънъя, а если пахали, то давно, зъросла ужэ. Иллюстрации не только подтверждают употребление слова в том или ином значении, но хорошо раскрывают толкуемое значение. В то же время они показывают сочетаемость слова, различные словоформы, например, *следи́на* 'след': щас и следины нет, итти труднъ; *сма́шка* 'проворство, ловкость в работе': Вот у этъвъ человекъ есть смашкъ. Который лофкий, работъ у его спорпццъ, у тово, говорят, смашкъ хорошъя и т.д.

Словарь говоров Подмосковья продолжает традицию диалектных словарей конца XIX–начала XX в. Его автор взял на себя задачу отразить произношение диалектных слов. Получили отражение закономерные особенности говоров: аканье, оканье, произношение неударных гласных, фонетические особенности в области согласных: ассимиляция и диссимиляция согласных, оглушение и озвончение, вставка согласных. У всех заголовочных слов отмечено место акцента и случаи, когда слова употребляются с переменой его места.

В словаре полно представлены материальные варианты слов, не только с особенностями закономерного характера, но также и с особенностями незакономерными, лексикализованными. Автор довольно последовательно одинаковые языковые факты показывает единообразно, что еще не отмечалось в предшествующих словарях. Как правило, в одной статье объединяются варианты, отличающиеся закономерными особенностями, например, аканьем (***оржа́ница*** и ***аржани́цъ***); разными статьями представлены лексемы, различающиеся особенностями лексикализованными: ***оржани́ца*** — отдельно ***ржани́'ца; наме́днись***, — отдельно ***анаме́днись*** и т.п.; ***баго́вник***, отдельно — ***баго́льник, баго́нник, баго́рник, бако́вник*** и т.п.

Создание этого словаря имеет несомненно большое историко-диалектологическое значение. Он описывает лексику региона, где складывался русский литературный язык, где проходит граница окающих и акающих говоров. Впервые значительное количество лексики этого региона зарегистрировано, введено в научный оборот, показаны ареалы пяти тысяч слов и их значений, их лексикализованных и произносительных вариантов в зависимости от групп говоров, т.е. на большом тщательно описанном материале решены задачи лингвистической географии. В определенном отношении словарь способствует разрешению историко-диалектологических задач: он вносит свой вклад в изучение проблемы истории и становления московских говоров, определения диалектной основы литературного языка.[296]

[296] См. об этом словаре: Мельниченко Г. Г. Новый региональный словарь (А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969) // Русский язык в школе 1971. № 6. С. 109–113.

Словарь смоленских говоров А. И. Ивановой. Смоленск, 1974–1993. Вып. 1–6.

По замыслу словарь должен был включить все, начиная с середины XIX в., собранные к началу работы над словарем смоленские (печатные и рукописные) лексические материалы, в том числе богатые материалы Смоленского областного словаря В. Н. Добровольского (свыше 16 560 слов). Собственная картотека словаря смоленских говоров насчитывает 250 000 карточек-цитат.

Исходя из этого замысла составлен I вып. словаря, в котором помещено 2395 словарных статей. Таким образом, Словарь смоленских говоров должен был отличаться необыкновенной полнотой словника, превосходящей все другие дифференциальные региональные словари.

Однако начиная со второго выпуска произведено значительное сокращение словаря: из старых материалов в него включаются только слова, подтвержденные современными материалами (2 вып. включает 1305 словарных статей, 3 вып. — 1622 словарные статьи); не включаются некоторые уменьшительные и уменьшительно-ласкательные слова, фольклорные и другие разряды слов. Сокращение коснулось иллюстративного материала, указаний на места записи, документации материала и т.д.

Лексический состав смоленских говоров отражает многообразные фонетические, аналогические процессы лексикализованного характера. В смоленском словаре с исчерпывающей полнотой представлены группы слов с результатами таких явлений. Таковы слова с приставочным а: *абосико́м, або́сый, авну́к, аква́с, аржа́ть* и т.д.; типично южнорусские слова с *ав-* (где *а* появилось перед протетическим *в* или *в* из *у* и *ў*: *ава́д* `ад´, *ава́дник* из *а́дник, авдо́т* `удод´, *авжу́* из *ужо́, аво́й* из *ой, аво́хти* из *о́хти, авша́т* `ушат´ и т. д., слова с твердым р: *брузга́* `брюзга´, *бру́ква, бру́квенник, бру́квенный, бры́тый, бры́чка* и т.п.

В словаре отчетливо проявилась специфическая черта южнорусской фонетики, заключающаяся в том, что в фонетическом облике многих слов отразились результаты нескольких фонетических и др. процессов, весьма существенно изменивших их материальную сторону: *бли́скать, бля́скать* из *блеска́ть, бли́снуть, бля́снуть* из *блесну́ть: во́жик* `еж´ и многие другие.

Широкий показ многочисленного разряда слов с результатами лексикализованных фонетических явлений дал возможность так же широко представить материальную вариантность смоленских слов, охватывающую те же языковые явления.

В Словаре смоленских говоров вариантность понимается как варьирование фонетического облика слова; ее граница более определенна, чем в предыдущих словарях: она не допускает включения в варианты слов, различающихся аффиксами. Под вариантами слова авторы понимают слова, различающиеся при тождестве значения корневой фонемой, количеством фонем или их качеством. Варианты слова в словаре помещаются в одной статье (введение, с. 11).

Это все обычные, утвердившиеся в русской лексикографической практике дифференциальные областные словари. Их ценность заключается прежде всего в выявлении и систематизации диалектных лексических данных, многие из которых тем самым впервые вводятся в широкий научный оборот. Удачная в целом семантическая разработка слов, грамматическая характеристика и цитатный материал, иллюстрирующий особенности функционирования слова в живом народном говоре делают эти словари надежными источниками изучения диалектной лексики на современном этапе. Эти словари — удобный и во многих отношениях единственный вид справочников и систематизированных собраний лексических материалов. Их значение как пособий такого рода трудно переоценить. Знакомство с этими и другими словарями показывает, как много еще не известных науке лексических богатств хранят русские народные говоры.

Словари полного типа

Наряду с подготовкой дифференциальных словарей предпринимаются попытки создания «полных» диалектных словарей отдельных говоров или отдельных регионов.

Псковский областной словарь

В 1967 г. начинает издаваться Псковский областной словарь с историческими данными,[297] подготавливаемый коллективом преподавателей, аспирантов и студентов филологического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета. Как справедливо отмечено в Предисловии к первому выпуску, «народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белорусами».

В словаре нашли отражение идеи профессора Б. А. Ларина об изучении народных говоров в их современном состоянии и историческом развитии, изложенные им в Инструкции Псковского областного словаря.[298] На их основе составлена и вводная статья к словарю. Псковский областной словарь является по замыслу словарем «полного типа». Он должен включить по возможности весь активный словарный запас

[297] Изд. ЛГУ. 1967–1996. Вып. 1–11 (издание продолжается).

[298] Псковские говоры. Труды I-й Псковской диалектологической конференции. Псков. 1962. Вып. I. С. 252–271.

псковских говоров. Составители при этом ставят задачу отразить системные связи слов и их значений в этих говорах, выявить в них весь запас традиционной лексики.

Создание полного (системного) словаря на материале таких сложных и многообразных по своему составу говоров, как псковские, связано с большими трудностями. Эти говоры представляют ныне, как известно, не замкнутую систему, а систему систем, порою слабо очерченных, взаимопроникающих, находящихся на разной ступени «размывания» и главное — повторяющих друг друга лишь в определенной части своего словарного состава.

Анализ состава словника первых выпусков свидетельствует о том, что составители словаря вышли за границы не только диалектной, но и традиционной «крестьянской» лексики (ср. *аванс, агент, агитация, актировать* и многие другие). Это привело к включению в словник всех слов (как местных, так и общенародных). В словаре нашли место производные неологизмы: *абортировать, абсолютно, азбука, актировать, акула* — 'обжора', *батистовый* и т.п.

Все же трудно говорить о полном отражении в словаре активной лексики носителей псковских говоров при постоянном, а за послевоенный период (когда собирался материал для словаря) особенно мощном воздействии на речь сельского населения периодической печати, радио, телевидения, художественной литературы, языка литературно образованной части населения.

В Словаре предпринята успешная попытка установить группы однозначных или близких по значению слов, общенародных и диалектных. С этой целью в конце словарной статьи на одно из слов (или в конце того или иного значения) приводится своеобразный «синонимический» ряд. Ср. статью на *абазу́рник* — 'упрямец, неслух'; при этом значении указаны: ...*абазо́рник, абана́т, абани́т, абани́тина, ба́ловень, ба́ловник, ба́рдач, басала́й, баши́лка, мазу́рик*. Соответствующие ряды приведены в словарных статьях на *абалы́рщик, азгоро́да, ане́йна, баклу́жник, бардады́м, басти́л, бахлю́й, безде́льник, белоцве́т*. Это дает хороший материал для будущих исследователей псковской лексики.

Важно подчеркнуть значимость и второго основного тезиса, положенного в основу отбора лексики для словника, — стремление поставить в непосредственную связь лексику современных псковских говоров с отражением «живой народной речи» в документах и памятниках псковской письменности феодальной эпохи. Лексический материал, не относящийся к современным псковским говорам, извлеченный из псковских и из других памятников древнерусской письменности, приводится в исторических справках к соответствующим словам из современных говоров, т.е. к современным диалектным словам.

Структура словаря и словарных статей в целом хорошо продумана. Слова в нем расположены в алфавитном порядке. Это относится также к видовым парам глаголов, словообразовательным параллелям, лексикализованным фонетическим вариантам, к формам субъективной

оценки. Исключение делается лишь для наречий на -о, производных от прилагательных. Эти наречия подаются в одной статье с соответствующим прилагательным.

После заголовочного слова указывается его грамматическая, стилистическая и семантическая характеристика, приводятся иллюстративные примеры и географические пометы. Фразеология связывается либо с одним из значений слова, либо — при отсутствии такой связи — указывается в конце словарной статьи. В Псковском областном словаре в принципе приняты те же самые грамматические пометы, что и в словарях русского литературного языка. И это вполне оправдано.

Стилистическая характеристика лексики в этом словаре довольно детальна. Слова характеризуются чаще всего по «эмоциональной экспрессии: «бранно, неодобрительно, грубо, шутливо, уничижительно, иронически, фамильярно, ласково, эвфемистически, детское, экспрессивно».

Семантика слов в Псковском областном словаре раскрывается путем развернутого толкования, независимо от того, местным или общенародным является слово.

Словарь современного русского народного говора (д.Деулино Рязанского района Рязанской области), под ред. И. А. Оссовецкого (М., 1969).

Объектом лексикографической обработки в словаре явилась современная лексика говора д.Деулино Рязанской области со всеми ее специфическими особенностями. Сведения о лексическом составе говора до сих пор почти полностью отсутствовали в русском языкознании.

Лексический состав южнорусских говоров менее выявлен сравнительно с севернорусскими. Значительная часть диалектных слов и значений, получивших отражение в деулинском словаре, или отсутствует в картотеке Словаря русских народных говоров, или представлена в ней, но по другим говорам. Уже одно это делает словарь д.Деулино чрезвычайно важным источником изучения диалектной лексики. То обстоятельство, что материал для Словаря собран группой опытных диалектологов от значительного числа информантов, обеспечило достоверность и полноту фиксирования словарного состава диалекта.

Справедливо считая, что в дифференциальном словаре нарушаются системные связи и отношения лексики говора и что в связи с этим дифференциальный словарь не может быть надежным источником для изучения лексики как системы, коллектив деулинского словаря отвергает дифференциальный принцип в формировании словника как теоретически несостоятельный, но пользуется им практически. «Принцип дифференциальности по отношению к литературному языку в диалектном словаре нужно интерпретировать лишь как сугубо практический прием отведения от словаря всех тех слов, в которых собирателям по разным

причинам не удалось подметить и зафиксировать их объективное диалектное качество в значении, или в грамматике, или в стилистической окраске» (Введение. С. 11).

Таким образом, деулинский словарь — это дифференциальный словарь с большим количеством отступлений от принципа дифференциации. Так, слова, отличающиеся от литературных одним из своих значений, вводятся в словарь со всей совокупностью значений; в словаре получают место также слова, отличающиеся от литературных эквивалентов только устойчивыми сочетаниями при полном совпадении системы значений. В словарь включено немало слов, вообще ничем не отличающихся от литературных. В этом сказалась убежденность авторов в том, что все слова диалекта в каком-либо отношении противопоставлены лексике литературного языка и обладают соответствующими дифференциальными признаками.[299]

Читателю между тем неясно, какими дифференциальными признаками в отличие от литературных обладают слова: *копна́* \`укладка сена в виде конуса, а также примерное количество сена, входящее в такую укладку´, *копёнка, копёночка* \`болезнь, корь´ *краснобáйка, нахлебáться, насажáться, мóрда, молóдка, бедокýр, беднó, бёрдо, богáтый, бугóр, бугорóк, бугóрчик, бузúть, бýлка, житьё* и др.

Много места занимают материалы, иллюстрирующие литературные значения тех слов, которые включены в словарь потому, что они имеют одно или несколько диалектных значений. См. в этом отношении словарные статьи на слова *кó'рень, коренндй, корóткий, край, поглядéть, объéсть, шумéть, чéрез, сечь* и т.п. Это делается для того, чтобы полнее и отчетливее выявить и показать семантическую структуру вводимых в словарь слов, хотя делается это непоследовательно, не во всех случаях.

Дифференциальный принцип отбора лексики для словаря (хотя и в расширительном понимании) обусловил и характер лексикографической интерпретации словарного состава диалекта. Составители, опираясь на опыт диалектной и литературной русской лексикографии, нашли рациональные, отвечающие характеру лексического материала способы и приемы разработки слов в словаре. Слова, получившие место в словаре, приводятся в орфографической записи, а словарная статья включает грамматическую и стилистическую характеристику, толкование значения (оттенка), цитаты, иллюстрирующие значение и особенности употребления, толкования фразеологически связанных значений слов и цитаты, иллюстрирующие эти значения.

Лексика говора д.Деулино авторами словаря рассматривается в сопоставлении с лексикой литературного языка. Это дало возмож-

[299] Это положение выдвигается рядом диалектологов как бесспорное. См., например, Оссовецкий И. А. Словарь говора деревни Деулино Рязанского р-на Рязанской области // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964; Иванько Л. А., Мжельская О. С. Общерусский лексический фонд в словарном составе диалекта // Вестн. ЛГУ. № 20. Сер. истории яз., лит. 1966. Вып. 4. С. 120–131.

ность при семантической характеристике слов ориентироваться на известную каждому носителю русского литературного языка лексико-семантическую систему. Отсюда — смешанный тип толкования слов: перевод средствами литературного языка (литературные эквиваленты диалектных слов) и толкование слов и их значений в тех случаях, когда в литературном языке отсутствует соответствующее слово и понятие. Такой способ описания семантической структуры диалектных слов в словаре современного говора русского языка следует признать наиболее целесообразным и разумным.

Общеизвестно, что разработка семантической структуры слова является одной из важнейших проблем лексикографии; разграничение значений и употреблений, значений и оттенков значения, выделение различных типов значения слова и их характеристика, установление синонимических отношений и показ их в словаре и многое другое — все это во многом определяет тип и характер словаря. Вместе с тем это, пожалуй, самая трудная и сложная часть лексикографической работы. Справедливо замечание о том, что «диалектный языковой материал, столь же трудный для лексикографической интерпретации, как и языковый материал литературного языка, кроме того, обладает своими специфическими особенностями, которые усложняют и без того нелегкий процесс составления полноценной словарной статьи диалектного словаря» (Введение. С. 25).

Составителям словаря удалось избежать нередко встречающегося в областных словарях последнего времени способа толкования значений слова с позиций носителя не диалекта, а литературного языка, т.е. с позиций самих составителей. Ср., например, определение первого значения существительного *время* в «Пермском словаре»: «Всеобъемлющий, необратимый процесс, в котором протекают все другие процессы бытия, послеживающийся, в частности, в последовательной смене регулярно чередующихся явлений природы (дня и ночи, лета и зимы и т.п.)».[300]

Таких случаев в деулинском словаре нет. Но он грешит другим недостатком семантической разработки слова — нечетким разграничением таких категорий, как значение слова, оттенок, употребление — единичное, частное применение слова в речи.

Конечно, разграничение значения слова и оттенка значения представляет большую трудность и на материале литературной лексики, ибо в лексикологии нет отчетливо выработанных критериев, позволяющих безошибочно разграничивать эти понятия. Вместе с тем в большинстве случаев значение и оттенок легко различаются.

Так, в статье на слово *като́к* под значением кусок какого-либо вещества в виде шарика даны «оттенки»: перен. ʽо шаровидной опухоли ʼ, ʽплодовая завязь у некоторых растений, имеющая форму шарика ʼ, и ʽкруглый деревянный чурбачок, который подкладывают под ухват,

[300] Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1969. Вып. I. С. 46.

чтобы легче было вытаскивать чугуны из печи ´. Очевидно, что второй и третий «оттенки» представляют собой самостоятельные значения. Каток для вытаскивания чугунов из печи является терминологическим обозначением предмета, функционально и по внешнему виду четко отграниченного от чего-либо в виде шарика.

С другой стороны, можно отметить случаи, когда в слове выделяются несуществующие значения. В прилагательном *желтый* под литературным значением `желтый ´ выделяется в качестве оттенка `хорошо промытый, чистый (о некрашенных деревянных полах, лавках и т.п.) ´. Это подкрепляется примерами. У не́й изба́ — та была жо́лтайа-прижо́тайа, фса́ вы́мътайа, чи́ста — хо́лнайа. Уш чи́ш'ш'ъ Ми́н ушъных нет. Жалток жо́лтай, мост-тъ был. Мамъ, хърашо? [вымыла пол] — О-о, жолтыйи! Из цитат видно, что прилагательное желтый обозначает в них «желтый (желтоватый) цвет», какой обычно имеет хорошо вымытая доска (ср. жалток жолтай).

Цитаты, иллюстрирующие значения слова, показывающие особенности его функционирования в живой народной речи, пожалуй, являются одним из самых значительных достоинств рассматриваемого словаря. Большинство цитат не просто подтверждает существование слова в говоре, но раскрывает особенности и условия его функционирования в живой речи — это лучший способ цитирования (ср., например, в этом отношении слова *кобёл, кисе́ль, ка́чка, извекова́ть, вбежки́, жела́нный* и мн. др.). Особенно ценны иллюстрации при устойчивых сочетаниях (идиомах), приводимых в составе словарной статьи под значком ◊.

Непосредственные наблюдения над речью носителей говора дали возможность составителям словаря проследить стилистическую дифференциацию лексического материала. Стилистические пометы, применяемые в словаре, призваны выделить сравнительно небольшой круг так или иначе маркированной лексики диалекта на фоне основного (стилистически нейтрального) пласта лексики. Сам набор помет, относимых составителями к стилистическим, — малоупотр., устар., нов., ласкат., уменьш.-ласкат., неодобрит., груб., бран., экспресс. — свидетельствует о неоднородности «стилистических» квалификаций и о неширокой палитре стилистических разграничений. Нельзя считать стилистической в полном смысле слова помету нов., так как она указывает только на временной фактор в функционировании слова. Помета малоупотр. также не является сугубо стилистической, так как она квалифицирует слово только с точки зрения частоты употребления. Иногда это связано не с языковыми причинами, а является следствием неширокой распространенности предмета или явления, которые обозначаются данным словом. Так, *казачок* — старинная верхняя женская одежда, обычно из сукна или на вате — имеет помету малоупотр. Из цитат и из толкования видно, что такой вид одежды в настоящее время не носят, но память о нем еще сохранилась. Отсюда малая употребительность слова *казачок*. Но в описаниях старинной одежды *казачок* употребляется совершенно свободно, не получая никаких эмоционально-экспрессивных

нагрузок. В литературном языке таким словам соответствуют «историзмы».

Название словаря — «Словарь современного русского народного говора» — не случайно, оно отражает взгляды составителей на соотношение говора д.Деулино с другими южнорусскими говорами и с литературным языком. «Составление словаря одного говора, — пишет И. А. Оссовецкий, — прежде всего надо рассматривать не как показ лексики говора именно данного населенного пункта, а как реализацию потенциальной возможности на языковом материале одного говора показать диалектную лексику, типичную для данной диалектной зоны» (Введение. С. 5). Типичность лексики говора д.Деулино для южнорусской диалектной зоны выводится из относительной близости всех южнорусских говоров в фонетико-морфологическом отношении. Однако общеизвестно, что прямой связи между лексическими особенностями говоров и их фонетико-морфологической системой нет.

Словарь брянских говоров

Относится к типу полных словарей, отличается богатством представленной в нем брянской лексики. Он составлялся на базе богатейшей картотеки, создававшейся более сорока лет в Петербургском педагогическом университете.

В Брянском словаре описываются слова многих лексико-семантических групп. Отличительной особенностью брянской лексики является наличие в ней большого количества архаических черт. Не случайно именно здесь найдены диалектные параллели к словам известного памятника древнерусской литературы — Слова о полку Игореве (бу́сый \`серый, дымчатый´ и т.п.)[301].

Своеобразны многие брянские глаголы (*ве́рзить, ве́рзть* \`говорить ерунду, болтать´, *гре́блевать, гре́бовать* \`брезговать´, многочисленные разнообразные по семантике наречия (*вволя́ку* \`вволю´, *взна́чь* \`навзничь´, *внапа́шку* \`внакидку´ и т.п.), многочисленны фразеологические выражения и обороты (*зубы в стенку влупить* \`замолчать´, *гнушки гнуть* \`острословить, шутить, чудить´ и т.п.).

Брянский словарь дает хорошее представление о словообразовательных средствах брянских говоров, словообразовательных моделях и типах, которые используются говорящими.

Здесь отмечено большое количество уменьшительных существительных с суффиксами -ечка, -очка, -ица (*брындочка, вожечка, вещница, гребница* и т.п.), с суффиксами -ина, -овня, -уга, -уха (*варенина, вечерина, ведьмуга, грязюха*). В глагольном словообразовании отметим

[301] См.: *Козырев В. А.* Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других говорах // Брянские говоры. Л., 1975. Вып. III. С. 56–148.

употребление глаголов на -ану (*буркану́ть, вертану́ть*), глагольных междометий (*бабух, брязь, бяк, верть, грюк, гряк* и т.п.).

Словарь дает богатый материал для исследования проблемы материальной вариантности в говорах. В нем показано большое количество материальных вариантов, отражающих результаты различных фонетических процессов: слова с отпадением начальных гласных (*бруч* `обруч´, *бря́живать* `обряживать´), слова с выпадением или отсутствием гласных в корневой морфеме (*вертёлка* `то же, что веретелка´, *веретно́* `веретено´) и т.д. Словарь содержит ценные языковые факты для изучения лексикализованных фонетических явлений и вообще различных фонетических процессов, происходивших в прошлом.

Весь лексический материал, как правило, хорошо и тонко описан. Разработка диалектной семантики производится весьма квалифицированно: словарные статьи содержат перечень лексических значений, богато проиллюстрированных примерами живой брянской речи. Таким образом, информативная сторона Словаря отличается широтой и многообразием. Издание продолжается.

Положение брянских говоров на территории, где встречаются три славянских народа, определило их большую самобытность, наличие консервативных особенностей. Значение Словаря брянских говоров неоценимо для решения многих проблем истории русского языка и его говоров и вообще истории трех славянских народов.

К типу недифференциальных («полных») диалектных словарей относятся Архангельский областной словарь, Акчимский словарь, Полный словарь сибирского говора.[302]

Сводный словарь русских народных говоров (СРНГ)

В конце 50-х годов все отчетливее проявляется необходимость создания такого труда, который обобщил бы в себе все накопленные за многие десятилетия «собирательской» деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. За более чем столетний период со времени выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения» к нему (1858) русскими диалектологами и любителями народного слова были собраны богатейшие материалы по диалектной лексике и фразеологии. Эти материалы были частично опубликованы, но в основной своей части остались в рукописном виде. Разбросанные по многочисленным источникам, они по существу не были доступны для исследователей. Так возникает идея создания «Словаря русских народных говоров» — второго (после «Опыта областного великорусского словаря») сводного словаря русской диалектной лексики. Создание таких словарей сопряжено с обсуждением ряда сложных теоретических

302 См. Список диалектных словарей (с.).

проблем. Первой из них является сама возможность объединения в одном лексикографическом издании материалов, характеризующих разные говоры, входящих в разные языковые (=диалектные) системы.

Замысел Словаря и начало работы над ним сопровождались полемикой, связанной с обсуждением основных направлений развития русской диалектной лексикографии. Нерешенность многих вопросов теоретической лексикографии, слабая изученность вопроса о взаимоотношениях между общенародным языком и диалектами осложняла и обостряла полемику.

Споры сводились в основном к трем вопросам: 1) какая лексика должна войти в областной словарь, т.е. должен ли областной словарь включать в свой состав всю лексику, которой владеют носители местных говоров, в том числе и лексику литературного языка, или он должен быть строго дифференциальным — включать лексику только диалектную, слова чисто местного распространения; 2) какие цели должен преследовать областной словарь — историко-диалектологические, т.е. быть пособием для изучения современного состояния и истории местных диалектов, или историко-лексикологические, т.е. быть пособием для изучения истории диалектных слов, с географической и, по возможности, хронологической их характеристикой; 3) как относиться к словарным материалам по местным русским говорам, накопленным в XIX–начале XX в. (можно их использовать при составлении областных словарей или следует отказаться от них).[303]

Говоря об этом, нельзя забывать, что многие вопросы диалектной лексикографии были поставлены и в значительной степени решены русской филологией XIX — начала XX вв. Это — вопрос о возможности объединения в одном сводном словаре лексических фактов различных говоров (всех говоров) русского языка («Опыт областного великорусского словаря», 1852 и «Дополнение» к нему, 1858); это — дифференциальный принцип отбора слов и значений («Опыт», «Дополнение», «Словарь Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого и др.), это — показ вариантов в областном словаре (А. О. Подвысоцкий, Г. И. Куликовский, Н. М. Васнецов — для севернорусских говоров и В. Н. Добровольский — для южнорусских), принципы истолкования слов и значений, территориальная характеристика и др. Современные диалектные словари не могли создаваться без учета накопленного лексикографического опыта. Традиция продолжена и в книге Г. Г. Мельниченко «О принципах составления областных словарей» и в его «Кратком ярославском Словаре» и в «Проекте Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина. Влияние традиции сказывается и в словарях, строящихся на других принципах, например в «Псковском областном словаре», основанном Б. А. Лариным, и др.

---

[303] См.: *Орлова В. Г., Сологуб А. И.* Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка. С. 20–30; *Филин Ф. П.* Об областном словаре русского языка. С. 3–19; *Ларин Б. А.* 1) О работе над новыми словарями. С. 154–156; 2) Инструкция Псковского областного словаря. ЛГУ. 1961 и др.

Принципы описания слов в СРНГ изложены в «Проекте Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина (1961 г.). Позже по мере освоения диалектного материала, разработки технологии его исследования и описания в словаре Инструкция для составителей была углублена и расширена.[304]

«Словарь русских народных говоров» является словарем дифференциального типа. В его состав включаются только диалектные слова и значения. В нем находят место также диалектная фразеология, разнообразная терминологическая лексика, архаизмы и даже элементы арго, если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не известны в литературном языке. Дифференциальный принцип распространяется и на структуру слова.

Источники «Словаря русских народных говоров»

Материалы, легшие в основу областной словарной картотеки, на основе которой ведется составление СРНГ, можно разделить на четыре основные группы: 1) Материалы, которым придана та или иная словарная (лексикографическая) форма (словари и словарики, толкования слов в текстах статьи, толкования слов в примечаниях и т.п.); 2) Записи живой диалектной речи, лексикографически не обработанные (часто не содержащие толкований значений слов); 3) Статьи, монографии и т.п., в которых диалектная лексика содержится в тексте, никак не выделяясь особо (иногда с толкованиями, иногда без толкований); 4) Фольклорные источники.

Значительная часть материалов по лексике русских народных говоров хранится в основной картотеке Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. По приблизительным подсчетам в этой словарной картотеке насчитывается около 250 тысяч диалектных слов, общее число карточек-цитат областной картотеки превышает 2 млн.[305]

Отбор слов и значений в СРНГ

Одним их наиболее сложных вопросов, которые приходится решать в Словаре, является вопрос об отборе слов. Как сказано выше, в Словарь включаются исключительно диалектная лексика и фразеология,

[304] См.: *Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П.* Принципы разработки вариантов слова в Словаре русских народных говоров (СРНГ) // СРНГ. Л., 1987. Вып. 22. С. 4-8.; *Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П.* Инструкция для составления Словаря русских народных говоров // СРНГ. СПб., 1994. Вып. 28. С. IV-XXXII.

[305] Полный список источников СРНГ опубликован в Проекте Словаря русских народных говоров Ф. П. Филина (М. ; Л., 1965. С. 18-160) и в последуюших выпусках Словаря.

т.е. Словарь придерживается строго дифференциальных принципов отбора материала. Однако это положение само по себе не раскрывает содержание терминов «диалектное слово», «диалектное значение». Проведение принципа дифференциального отбора материала оказывается довольно сложным делом, так как не всегда имеются достаточные основания для «разведения» фактов общенародных и территориально ограниченных, диалектных.

Здесь уместно вспомнить слова В. И. Даля о том, что «мы вообще большей частью ошибаемся, отмечая слово курским, нижегородским потому только, что в первый раз его там слышали; но мы слишком мало знакомы с народным языком, и один только случай дает нам, особенно письменникам, повод услышать не письменное речение». А отсюда вывод — «нам еще едва ли можно отделять словарь наречий от словаря народного языка, и что именно труд наш тогда только достигнет цели своей, когда ознакомит нас сколь можно ближе с языком народным и со всеми местными особенностями его».[306] И это был наилучший выход из затруднительного положения — давать из народного языка все, что известно и возможно, по необходимости, ограничиваясь только указанием места, где записано слово.

Недаром акад. А. А. Шахматов отказался в своем словаре от деления слов на областные (диалектные) и литературные, а Б. А. Ларин считал, что это в наше время принципиально невозможно из-за плохой изученности лексики диалектов и отсутствия полных словарей литературного языка.[307] Действительно, разграничение общенародной и территориально ограниченной лексики связано с большими трудностями. Вот несколько примеров, иллюстрирующих это. В русском национальном языке есть слова бирюк и зеленя. В толковых словарях современного русского литературного языка они по-разному оцениваются с точки зрения места в словарном составе национального языка. БАС оба слова считает принадлежащими литературному языку, а МАС, вышедший после БАС, относит их к словам областным (причем оба словаря опираются в своих оценках на одни и те же источники — Тургенев, Толстой, Шолохов и др.). Как должен был поступить СРНГ, отражающий только территориально ограниченные слова? Оказывается, что бирюк нашло место в словнике СРНГ, а зеленя — нет. Но такой «непоследовательный» подход к отбору слов в сводный областной словарь нельзя считать ошибкой, пропуском из-за невнимательности. В каждом отдельном случае учитывались многие стороны и обстоятельства и после исследования истории слова принималось то или иное решение. Естественно, что здесь возможны отклонения в ту или другую сторону.

Но эти случаи — самые простые. Куда более трудно решать вопрос о диалектном или общенародном характере слов, находящихся на пограничных линиях: литературного или внелитературного просторечия, слов народно-разговорной речи, слов, устаревших в литературной

---

[306] *Даль В. И.* О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. LXXXI.

[307] *Ларин Б. А.* О работе над новыми словарями. С. 154.

сфере общения, но активно употребляющихся в говорах и диалектах, слов, взятых из фольклорных источников, арго, слов в XIX в. считавшихся диалектными, а в наше время широко употребляющихся в литературном языке и т.п. Так, например, слово городок — 'населенное место, огороженное стеной, оградой для защиты от неприятеля; крепость' было известно в русском литературном языке XIX в. как исторический термин, но в широком употреблении в наше время неизвестно. На этом основании термин городок внесен в словник СРНГ (все решалось на основе учета количества литературных и нелитературных источников).

Но, пожалуй, самую большую трудность представляют собой случаи, когда часть значений многозначного слова считается литературной, а другая — признается диалектной, территориально ограниченной. А таких случаев чрезвычайно много.

При составлении Словаря составителям и редакторам приходится сталкиваться с необходимостью переоценки квалификации слов в предшествующих областных и литературных словарях, решать вопросы, связанные с разграничением закономерных фонетических явлений и явлений лексикализованных (имея в виду, что только последние являются объектом СРНГ) и мн. др. Дело в том, что многие закономерности фонетического и морфологического характера в говорах еще недостаточно изучены, не установлен их ареал, и часто бывает трудно решить: имеем ли мы дело с регулярной закономерностью или с явлением лексикализованного характера. Само явление лексикализации до недавнего времени представляло одну из наименее разработанных проблем.[308]

Проблема отбора слов в дифференциальный словарь оказывается непростой, ошибки здесь неизбежны.

Характер описываемой лексики

В СРНГ будет представлено и разработано около 300 тысяч диалектных слов, употребляющихся только в говорах и не известных литературному языку, что значительно превышает количество слов, зафиксированных самым большим словарем современного русского литературного языка. Это слова, обозначающие: а) характерные и специфические для конкретной местности названия предметов, действий и явлений, которые не имеют обозначений в общенародном языке; б) архаичные (в том числе реликтовые) слова и выражения, сохранившиеся преимущественно в фольклоре и в речи старшего поколения носителей диалектов. Эти слова отражают своеобразие природных условий той или иной местности, особенности жизни, быта и хозяйственной деятельности носителей диалекта.

[308] См.: *Кузнецова О. Д.* Актуальные процессы в говорах русского языка. Л. 1985. 180 с.

Среди этих слов выделяются: а) слова, корни которых отсутствуют в литературном языке: *вóлнá* `шерсть´, *вёдро* `ясная погода´, *вéкшá* `белка´, *лóнú* `в прошлом году´, *сапетка* `корзина´, *рогóзиться* `озорничать´, `баловаться´, *лóпотúна* `одежда´, *лáндá* `брюква´, *лáхта* `небольшой залив´, и т.п.; б) слова, образованные от корней, наличествующих в литературном языке, но отличающиеся от соответствующих литературных слов формантами; это суффиксальные, префиксальные и суффиксально-префиксальные образования от существительных, глаголов, прилагательных: *делёнки* `вязаные варежки´, *ровéц, рóвчик* `ручей´, *парýнья* `наседка´, *заплóт* `забор´, *раздёр* `рукав реки´, *завечáть* `загадывать´, *изгодúть* `припасти´, *измя́тина* `пахта´, *помáшка* `обычай´, *окáзный* `странный´, `удивительный´, *просýжий* `умный´, *петýн* `петух´, *серчáвый* `сердитый´, *сестренúца* `двоюродная сестра´, *питва* `попойка´, *потрýсы* `опасение´, `беспокойство´ и т.п. Такого рода факты имеют большое значение для изучения способов словообразоваиия в русском языке. Само выделение формантов, установление их происхождения и сферы распространения часто невозможно без полного учета диалектных данных; в) сложные слова: *сеногнóй* `особый дождь´, *белодёр* `плохая земля, на которой не растет лен´, *рукотéртник* `полотенце´ и т.д.; г) слова, материально схожие с литературными коррелятами, но незначительно отличающиеся от них своим фонематическим составом: *ильнýть* `льнуть´, *верёх* `верх´, *пóпел* `пепел´, *анáр* `амбар´ и т.д.; д) диалектные слова, совпадающие материально с литературными, но имеющие иное значение: *жрéбий* `обрубочек, служащий меткой для сукна, отдаваемого в окраску´ и т.д. Кроме отдельных слов в СРНГ помещаются терминологические сочетания: *бердянóй ез* `рыболовный забор, в котором ставятся ловушки для рыбы´, *будúльный обед* `обед для родителей невесты в доме молодых на другой день после свадьбы´ и т.д.; диалектные фразеологизмы: *ухо с глазом* `о бойком человеке´, *потерять года* `состариться´ и т.д.

Таким образом, Словарь концентрирует внимание на той стороне лексико-семантической системы говоров, которая в каком-либо отношении отличает ее от лексико-семантической системы литературного языка.

Тщательная фиксация производных слов дает возможность судить не только о многообразии производных образований в русских диалектах, но и основания для заключения об обилии производных в разговорной речи XIX в., как одной из характерных ее черт, присущей и общей разговорной речи и ее диалектным вариациям.

Словарь дает возможность изучать воздействие иноязычных стихий на русские говоры, выявлять лексические элементы, вызванные этим воздействием. Иноязычные заимствования, наличие которых обусловлено соседством русских с другими народами и народностями, населявшими и населяющими территорию нашей страны, получают широкое отражение в СРНГ: заимствования из финно-угорских языков *рáйда, рáда* `обоз из нескольких запряженных оленями керёж´, *рóкка*

'похлебка из ржаной муки с рыбой' — в архангельских и олонецких говорах; заимствования из якутского, бурятского, алтайского и других языков в сибирских говорах. Много заимствований из тюркских языков в говорах казаков, а через их посредство и в других диалектах. «Зафиксированная во многих словарях современная литературная, диалектная и историческая лексика русского языка раскрывает не только охваченную языком жизнь и мышление русского народа, но дает также новый взгляд на взаимные языковые отношения и часто обращает внимание на важные явления в истории языков ... других народов — раскрывает причины и закономерности языковых фактов».[309]

Основные характеристики СРНГ

СРНГ, включающий в себя лексику русских говоров, бытовавшую в них на протяжении длительного периода, относится к типу сравнительно-исторических словарей. Исторический характер СРНГ обусловлен объектом описания. Сводный диалектный словарь охватывает всю совокупность русских говоров, эту сложнейшую макросистему, состоящую из большого числа весьма своеобразных диалектных систем, особенности которых характеризуются разной степенью развития (одни из них представляют более консервативную стадию развития по сравнению с литературным языком, другие — наоборот).

В Словаре отчетливо проявляется историческая тенденция в расположении значений многозначных слов, в цитатах и комментариях, которые часто подводят к истокам значения слова (хотя только диалектные материалы не всегда позволяют сделать это с полной достоверностью). Однако нередко диалектные материалы являются решающими для воссоздания исторической перспективы развития значений слова. Ср. в этом отношении слова: 1. *го́ло́мя, го́лбе́ц, гби́ть, го́голь, де́коваться, гумно́, ля́да́, ля́ди́на́, ни́ва* и мн. др.

Несмотря на то что каждая статья представляет собой сводку значений, зарегистрированных во всей макросистеме, т.е. во всех русских говорах (вся совокупность этих значений, как правило, не существует в одном определенном говоре или во всех говорах), все же в словарных статьях нередко четко прослеживается динамика развития значений.[310] См. *Жени́ть* 1. 'Женить на ком-либо'. Ливен. Орл., 1864. 2. 'Прививать яблоню'. Кунгур. Перм., 1897. 3. 'Ударить'. Пск., 1855, Смол. 4. 'Обмануть, надуть'. Осташк. Твер., Пск, 1855; Курск., Костром. и др. явно производные знач.; *жерела́стый*. 1. 'С большим, широким отверстием'. Дмитров. Орл., 1947–1953. Курск. 2. 'Обладающий крикливым, слишком сильным голосом'. Ряз. Ряз., 1966. 3. 'Склонный

---

[309] *Карулис К. А.* О «Словаре русских народных говоров» (вып. 1–10) //Диалектная лексика. Л., 1974. С. 213.

[310] Конечно, это не та динамика, этапы которой приурочиваются к конкретным датам, как это можно сделать в историческом словаре небольшого периода.

к ссоре, брани'. Ряз. Ряз., 1966 (вып. 9) и мн. др. Словарь включает архаизмы и новации, разные типы фразеологизмов, лексикографические комментарии старых описаний диалектной лексики, материалы, извлеченные из этнографических источников, из произведений старых бытописателей — все это усиливает историческую перспективу в развитии диалектной лексики. Факты фольклорной речи, включаемые в корпус Словаря (территориально ограниченные и функционально противопоставленные языку литературному) также оттеняют этот аспект. Таким образом, исторический характер Словаря обусловлен также и источниками, на основе которых он создается. Он описывает русскую диалектную лексику, собранную и зафиксированную многочисленными собирателями на протяжении почти двух веков (XIX–XX вв.). Большая часть этих источников относится к прошлому веку, т.е. представляет диалектную лексику XIX в.

Кроме того, историзм словаря поддерживается сознательными устремлениями его авторов, а эти устремления проявляются в характере структуры словарных статей, т.е. в стремлении, когда это возможно, на первое место помещать наиболее старые, исходные значения. Ср.: 1. *Жарня́*. 'Жарение, стряпанье чего-л.' Пенз., 1852; Яросл., Дон. 2. 'Что-л. жареное, жаркóе'. Пенз., 1960; Астрах.; 3. 'Горячий спор; драка'. Даль (без указ. места). Ряз. 4. 'Наказание, сечение розгами'. Пенз., 1852; Сарат., Дон. (вып. 9, 1972). *Летовище*. 1. 'Пастбище на расчищенном месте в лесу' (Волог., 1883–1889); 2. 'Летняя постройка на выгоне, пастбище' (Ярен. Волог., 1852); 3. 'Летний стан охотников, звероловов; летнее кочевье' Даль (без указ. места). — Ср. СЛРЯ XI–XVII вв.: *Ле́то́ви́ще*. 'Место, где летом пасется скот'; *лóнский* и *лонскóй* 1. 'Прошлогодний' (Север., Поволжье, Сиб. и др.), 2. 'Прошедший, давешний' (Сиб.). — Ср. СлРЯ XI–XVII вв.: лонской. 1. 'Прошлогодний' и мн. др. 3. *Лу́да* и *Луда́*. 1. 'Мель (в море, реке, озере); каменистая мель'. Север. 2. 'Каменистый высокий берег'. (Арх.) и др. — Ср. Сл.РЯ XI–XVII вв.: *луда* 'каменистая отмель' и мн. др.

Лексические системы современных говоров представляют собой «определенный этап развития диалектных систем на пути их разрушения, сближения с системой общенародного языка».[311] Многое из того, что было характерно для диалектных лексических систем XIX–первой половины XX вв., выпало из них. Под влиянием новых производственных и общественных отношений коренным образом изменились сельскохозяйственная, ремесленная, общественно-политическая лексика и терминология говоров. Эти изменения затронули и бытовую лексику, и терминологию, и весь словарный состав говоров в целом. О лексическом составе русских диалектов даже недавнего прошлого уже нельзя судить по данным современных говоров. Значение СРНГ, описывающего лексико-фразеологический состав русских говоров с начала XIX в., в этом отношении трудно переоценить. С выпуском СРНГ

[311] *Бараникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1971. С. 82.

историко-лексикологические, сравнительно-исторические исследования получают новый стимул и прочную материальную основу. «Говоря о значении Словаря (русских народных говоров) для изучения истории языка на одном из первых мест следует поставить его значение для этимологии. Материал Словаря дает возможность по-новому объяснить происхождение и родственные связи многих слов русского языка, поэтому этимологи теперь в гораздо лучшем положении, чем, например, М. Фасмер. Диалектизмы русского языка как по форме, так и по семантике хорошо помогают при этимологизации лексики, в частности, например, балтийских (и, конечно, других родственных) языков».[312]

И далее: «Привлекает внимание тот факт, что такие слова, как *волгкий, волгный* и мн. др. со значением 'влажный' (5.37) сохранились главным образом в западных областях. Как известно, фонетически близкие дериваты этого корня, но чисто балтийского происхождения, с той же семантикой широко распространены в балтийских языках (латыш. valgs, valgans и др. влажный); это заставляет думать о тесных языковых связях (изоглоссы которых тянутся далеко через границу одного языка)».[313]

По мнению исследователей, СРНГ «обеспечит русистику и славистику основательной базой, необходимой для широких лексикологических исследований, снимет тот налет тематической узости, неизбежного субъективизма в толкованиях, случайности в интерпретациях наличного материала, которые характерны для современных лексикологических работ».[314]

Сравнительный аспект словаря обусловлен тем, что это словарь сводный, включающий диалектную лексику всей совокупности русских говоров. Географические пометы при каждом значении дают возможность сравнения, сопоставления диалектных фактов, распространенных на конкретной территории, с другими, зарегистрированными на иной территории.

Географические пометы, имеющие целью указать на территорию употребления слова или его значения, в то же время позволяют очертить ареал каждого слова и каждого значения и сделать вывод об отсутствии их на другой территории.

Объем информации о слове в СРНГ

Важнейшей характеристикой словаря является объем информации, сумма сведений о слове, заключенной в словарной статье. СРНГ содержит следующие сведения о диалектном слове: а) заголовок, представляющий собой толкуемое слово в ближайшей этимологической форме; б) грамматическая характеристика слова (формы словоизменения,

---

[312] *Карулис К. А.* О «Словаре русских народных говоров». С. 217.
[313] Там же. С. 215.
[314] *Колесов В. В.* Рец. на «Словарь русских народных говоров», вып. 1–10 // ВЯ, 1975, № 5. С. 148.

указание на грамматическую категорию); в) пометы (стилистические, экспрессивные); г) ударение; д) толкование значения слова; е) указание на источник; ж) время записи слова или публикации сведений о нем; з) примеры употребления слова; и) географические указания; к) фразеология; л) этимологические справки о заимствованных словах.

Как видно из перечисления параметров языковой информации, СРНГ должен давать всестороннюю характеристику диалектного слова.

К сожалению, не все структурные особенности слова, объявленные в «Инструкции» Словаря, представлены с одинаковой доказательностью и полнотой. Материалы, на основе которых строится Словарь, дают возможность относительно полно и последовательно показать следующие параметры: лексический, семантический, акцентологический, грамматический (указание на лексико-грамматические классы) и географический. Все эти языковые характеристики в своей совокупности определяют диалектный статус каждого слова. Эти характеристики выступают как обязательные. Для диалектного словаря (в том числе и для СРНГ), например, обязательна географическая документация, главная цель которой — показать, что слово является диалектным, а не литературным, и указать территорию, на которой оно зафиксировано.

Представляется, что такое описание диалектного слова в словаре — с указанием всех зарегистрированных значений и с географическими пометами к каждому значению — является наиболее экономной формой показа бытования и функционирования диалектных слов на всей территории распространения русского языка.

СРНГ показывает диалектное слово как бы в трех измерениях. Он представляет все значения общерусского слова (исключая значения, присутствующие в современном литературном языке). Объединение всех значений в одной статье дает возможность наглядно увидеть все диалектные употребления слова в общерусских границах, т.е. показать в этом словаре слово как бы в ширину, во всем многооообразии значений и употреблений: ср. *Заваль*. 1. `Заброшенная земля´. Кадн. Волог., 1883–1889. Шуйск. Иван. 2. `Изгородь в лесу´. Кадн. Волог., 1883–1889. 3. `Что-л. ненужное, хлам´. Липец. Ворон., 1937; 4. `Залежавшийся на железной дороге хлебный груз´. Вят., 1899. 5. `Ничтожные люди, сброд´. Арх., 1857 (вып. 9), *лугови'на* 1. `Луг´. Пск., Осташк. Твер., 1855. Смол., Калин., Костром., Вят., Тул., Курск., Орл., Самар., Орен. 2. `Низкое, болотистое место´. Пск., 1903. Калин. 3. `Земля, покрытая дерном, целина´. Рыб. Яросл., 1901; Калин. // `Дерн´. Нижегор., Даль и т.д. (вып. 17) и мн. др.

Представляя эти значения в определенной динамике, т.е. сначала прямые значения, а затем производные, он изображает в то же время слово в глубину, показывает семантическое развитие, семантическое приращение, все зафиксированные изменения лексических значений. СРНГ располагает значения каждого слова как бы в проекции.

Указывая место употребления каждого значения и его оттенков (с помощью географических помет), СРНГ, таким образом, характеризу-

ет слово и в третьем измерении — в пространстве. СРНГ не только включает в себя огромное богатство диалектной лексики русского языка, но также показывает, как она распространена на территории русского языка, каковы ее изменения и ее развитие на протяжении двух веков. Объединяя в своем составе всю массу русской диалектной лексики, Словарь выполняет основную свою задачу — быть пособием, источником для истории лексики русскго языка, для славянской сравнительно-исторической лексикологии и этимологии. Характер материалов, легших в основу создания СРНГ, хронологический диапазон и глобальность территориального охвата говоров предопределяет задачу историко-лексикологического показа словарного состава русских говоров. СРНГ представляет собой относительно полное собрание диалектных слов, зафиксированных поколениями собирателей в течение почти двух столетий. Ценность его заключается прежде всего в выявлении и систематизации громадного количества диалектных лексических данных, многие из которых тем самым вводятся в широкий научный оборот впервые. Удачная в целом семантическая разработка слов, указания на территорию функционирования слов делают этот словарь надежным источником изучения истории русской диалектной лексики XIX–XX вв.

Важно подчеркнуть, что дифференциальный словарь представляет значительно больше возможностей показать черты и особенности, отличающие словарный состав говоров от лексики литературного языка, то, что характеризует каждое диалектное слово в лексическом, грамматическом, акцентном, семантическом отношении. В СРНГ впервые дано развернутое описание смыслового содержания словарного состава всех русских народных говоров. В нем устанавливается точный смысл диалектных слов, делается попытка найти исходное, первичное значение, отыскиваются и намечаются пути развития вторичных значений, показывается зависимость вторичных значений от первичных.

В процессе лексикографической разработки диалектной лексики были зарегистрированы и введены в научный оборот многие тысячи слов и целые разряды, пласты лексики, показаны особенности их семантики и выявлены условия их функционирования в диалектной речи. Это обстоятельство привело к интенсификации исследований диалектного словообразования, этимологических разысканий, разработки вопросов истории словарного состава русского языка. Новые материалы способствовали установлению и уточнению границ распространения диалектных слов, их изоглосс, исследованию проблемы соотношения диалектных и общенародных значений в слове, прослеживанию путей проникновения диалектных слов в литературный язык.

В 1965–1997 гг. вышли в свет тридцать один выпуск СРНГ (А — П): вып. 1–23 — главный ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов; вып. 24–31 — главный редактор Ф. П. Сороколетов, ред. О. Д. Кузнецова, П. И. Павленко.

Словарь русских народных говоров — важная и неотъемлемая часть комплекса словарей русского языка — исторических словарей XI–XIV,

XI–XVII и XVIII вв. и толковых словарей русского литературного языка.

Словарь русских народных говоров показывает, что разные говоры русского языка образуют и в отношениях между собою и в отношениях с литературным языком определенную (хотя и очень сложную) систему, которая является проявлением их исторической общности, общности их развития в условиях постоянного взаимодействия друг с другом и литературным языком.

В процессе выработки теоретических принципов создания СРНГ, определения его концепции в ходе отбора материала и его лексикографической разработки были поставлены и решены многие общие и частные проблемы диалектной лексикологии: вопрос о взаимодействии лексики литературного языка и словарного состава русских народных говоров, важный в теоретическом плане вопрос о различиях между словарным составом народных говоров и лексикой литературного языка. Само понятие диалектного слова выкристаллизировалось, было отчетливо определено именно в областной лексикографии, и прежде всего в теоретической концепции и ее воплощении в практике составления СРНГ. Ставшее теперь общепринятым определение диалектного слова, его границ, выделение типов диалектизмов было предложено Ф. П. Филиным в Проекте «Словаря русских народных говоров» и уточнялось в практике составления этого Словаря.

Вопрос о семантической структуре диалектного слова, о совмещении в нем общенародных и диалектных (местных, областных) смыслов, проблема тождества и отдельности слова, взаимодействия фонетических, морфологических и лексико-семантических факторов в процессе развития и изменения словарного состава говоров могли быть поставлены и решены только в ходе разработки огромного лексического материала, включаемого в СРНГ.

В Словаре было в достаточно полной мере раскрыто богатство словообразовательной синонимии, показано своеобразие словообразовательной системы, набор словообразовательных средств, способов, словообразовательных типов и моделей, характерных для русских народных говоров. И здесь открылось много нового. Так, например, считалось, что словосложение чуждо словообразовательной системе диалектного языка. Материалы СРНГ свидетельствуют, что словосложение является одним из излюбленных приемов образования слов в говорах русского языка.

Работа над Словарем русских народных говоров дала возможность обсуждать проблему соотношения регулярных и нерегулярных изменений в материальной стороне слова, изучать проблемы тождества и отдельности слова, фонетических и лексических вариантов, причины и условия лексикализации фонетических особенностей. Изучение нерегулярных лексикализованных особенностей наряду с изучением основных структурных свойств дает возможность составить более полное и правильное представление о диалектных лексических системах.

СРНГ (вместе с региональными диалектными словарями) представляет материалы, без которых невозможно изучать процессы взаимодействия русской основы с церковнославянскими элементами, нельзя в конечном итоге воссоздать историю русского литературного и народного языков.

В итоге можно сказать, как это подчеркивалось многими исследователями, что областные словари (и прежде всего СРНГ) сыграли (и играют) исключительно важную роль в становлении и развитии диалектной лексикологии. На всем протяжении XIX–XX вв. диалектная лексикография, питаясь идеями общего языкознания и общей лексикологии, в значительной мере направляла (и направляет) пути развития диалектной лексикологии, определяла ее внутреннее содержание и методы ее разработки. В определенной мере справедливо считать, что диалектная лексикология создавалась на базе словарей как «дочернее предприятие». При этом естественно не надо забывать о том, что словари как жанр лингвистического исследования являются прежде всего универсальными справочниками по самым различным вопросам научного и практического характера.

Но значение Словаря русских народных говоров выходит далеко за пределы языкознания. Словари давно и заслуженно считаются ценнейшими памятниками культуры. Лучшие словари русского языка, как, например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, называют «подлинной энциклопедией русского народного быта, склада ума и характера, нашедших свое отражение в народной речи». Это в полной мере может быть отнесено и к «Словарю русских народных говоров».

В СРНГ представлены и разработаны слова, отражающие духовные и нравственные взгляды русского народа, черты его характера, обычаи, верования и предания, слова, относящиеся к быту, к нравам, промыслам, торговле, мореплаванию и т.п. В Словаре содержится обширный круг сведений о русском народе и русской природе. Отражая лексико-фразеологический состав всех русских народных говоров по записям XIX–XX вв., СРНГ включает в свой состав основную часть слов, называющих понятия, предметы и явления, характеризующие особенности быта и трудовой деятельности, образа мышления, верований и привычек русского крестьянства последних двух веков нашей истории. Этот период характеризуется расцветом русской крестьянской материальной и духовной культуры и ее упадком, закатом, размыванием под влиянием общественных и социально-экономических условий, переживаемых страной в целом. Этот период получил название «классического периода русской крестьянской культуры». Говоря об этом, писатель А. Михайлов назвал СРНГ «памятником этой культуры».

Общее количество слов в СРНГ более, чем в пять раз превышает число областных слов в Толковом словаре В. И. Даля. Если же учесть значения, оттенки значения и особые употребления диалектных слов, то это соотношение должно быть еще больше увеличено в пользу СРНГ.

Значительно расширяется круг указаний на территориальное распространение областных слов и значений за счет новых многочисленных сведений, собранных после В. И. Даля. Картотека СРНГ хранит в себе бесчисленное количество примеров на употребление слов в живой диалектной речи.

Как можно было видеть, результаты поступательного развития диалектной лексикографии проявились прежде всего в большом количестве диалектных словарей, в многообразии их типов.

В зависимости от материалов по-разному определялись задачи словарей и принципы их построения. Их диапазон в этом плане очень широк: от словарей с минимальной программой (Краткий Ярославский словарь, прибалтийский, донской словари и др.) до словарей с широкой программой, с показом весьма богатой и разнообразной информации о слове (Курско-орловский словарь С. М. Кардашевского, словарь Западной Брянщины, Псковский областной словарь, Деулинский словарь, Словарь Среднего Урала, Смоленский , Брянский словари, СРНГ и др.).

Внимание к диалектному слову, его границам, тщательное и подробное описание его свойств и функционирования в живой речи во всем многообразии его материальных вариантов, семантических значений и оттенков с показом его сочетаемостных особенностей и фразеологических выражений — все это способствовало успехам диалектной лексикографии.

Новые мысли по более глубокому описанию диалектной семантики связаны с распространением структурно-семантического направления в лексикологии и диалектной лексикографии.[315]

Список русских диалектных словарей

Алатырев В. И. Словник-вопросник по изучению заимствованных карельских, вепсских, финских и областных слов в русских говорах КФССР. Петрозаводск, 1948. 131 с. [список рус. слов (свыше 500)].

[*Арский А. Н.*] Лоция Белого моря. Пг, 1913 [Поморский словарь — с. 33–60 (свыше 500 слов)]; перераб. изд. [Б. м.], 1924.

Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–1987. Вып. 1–5.

Бадигин К. С. По студеным морям. М., 1956. Прил. 1: Краткий толковый словарь по русскому мореплаванию на Севере. С. 318–414.

Беляева О. П. Словарь говоров Соликамского района Пермской обл. / Под. ред. Е. А. Голушковой. Пермь, 1973. 706 с.

Блинова О. И., Палагина В. В. Сибирская Советская Энциклопедия как источник диалектной лексикографии. Томск, 1979. 151 с.

[315] См. об этом: Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990. 299 с.

Блинова О. И., Палагина В. В., Сыпченко С. В. Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1977. 182 с.

Богословский П. С. К номенклатуре и топографии свадебных чинов: (По данным этнографической литературы и рукописным материалам Русского географического общества) // Перм. краевед. сб., 1927. Вып. 3. С. 1–64.

Бухарева Н. Т., Федоров А. И. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Под ред. Ф. П. Филина. Новосибирск, 1972. 207 с.

Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры: А–Н. Воронеж, 1983. 275 с.

Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1995. Вып. 1.

Ворошилова Т. С. Материалы к областному словарю // Учен. зап. Шуйск. пед. ин-та. 1960. Вып. 9. С. 359–404.

Головин В. Г., Ройзензон Л. И., Соколова О. И. Русский диалектный инверсарий. Самарканд, 1974. 207 с.

Гриценко И. Д. Промысловый словарь русских рыбаков дельты Дуная: А–Г // Учен. зап. Кишин. ун-та. 1969. Т. 109. С. 3–25; Д–К // Там же. 1970. Т. 114. С. 3–29.

Громов А. В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль, 1992. 118 с.

Демидова К. И. Системный словарь предметно-обиходной лексики Талицкого района Свердловской области. Свердловск, 1986.

Дополнения к «Материалам для словаря народного языка в Ярославской губ.» Е. Якушкина / Под ред. И. Г. Голанова и С. А. Копорского. Ярославль, 1926. 39 с.

Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. и с доп. Н. Виноградова. Соловки, 1929. 180 с.

Жидко В. А., Мулкиджанян М. И., Хидешели А. А. Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнахского р-на ГССР). Тбилиси, 1977. 299 с.

Жилинский А. А. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957. 60 с.

Иванова А. И. и др. Материалы для Смоленского областного словаря // Учен. зап. Смол. пед. ин-та. 1958. Вып. 9. С. 105–160.

Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. 598 с.

Иванова А. Ф. Обратный индекс к «Словарю говоров Подмосковья». М., 1976.

Иркутский областной словарь / Под ред. Н.А. Бобрякова. Иркутск, 1973–1979. Вып. 1–3.

Историко-географическая номенклатура Переславль-Залесского края / Сост. М. И. Смирнов. Переславль-Залесский, 1929. 140 с. (Тр. Переславль-Залесского Историко-худ. и краевед. музея. Вып. 11).

Кардашевский С. М. Курско-орловский словарь: (Материалы для изучения лексики курско-орловских говоров) // Учен. зап. Моск. обл.

пед. ин-та. 1956. Т. 35, вып. 3. С. 161–268; 1956. Т. 48, вып. 4. С. 135–358 (на тит. листе: 1957); 1960. Т. 88, вып. 5. С. 71–219 (не завершен).

Кириллова Т. В., Бондарчук Н.С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972. 312 с.

Клыков А. А. Краткий словарь рыбацких промысловых слов. М., 1959. 79 с.; 1968. 120 с.

Копорский С. А. Материалы для словаря народного языка Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии // Тр. Яросл. пед. ин-та. 1929. Т. 2, вып. 3. С. 77–208.

Копорский С. А. Архаические говоры Осташковского района Калининской области // Учен. зап. Калин. пед. ин-та. 1945 (на обл.: 1946). Т. 10, вып. 3. С. 3–163 [с. 92–143 — материалы для словаря].

Копылова Э. В. Рыбацкая лексика: Материалы для словаря рыбаков Волго-Каспия. Пособие для студентов. Астрахань, 1967. 48 с. (Литературное краеведение. Вып. 3).

Линберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР. Л., 1972. 367 с.

Малеча Н. М. Сборник словарных статей словаря территориального диалекта уральских казаков. Уральск, 1960. 54 с.

Манаенкова А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск., 1989. 231 с.

Материалы для бытового и общественно-политического словаря Ванилова / Сост. А. С. Бедняков // Каринский Н.М. Очерки языка русских крестьян: Говор деревни Ванилова. М. ; Л., 1936. С. 120–149.

Материалы для заданий по курсу русской диалектологии / Сост. Т. В. Кириллова. Калинин, 1972. 100 с.

Материалы для производственного словаря ваниловских ткачей / Сост. А. В. Текучев // Каринский Н.М. Очерки языка русских крестьян: Говор деревни Ванилова. М. ; Л., 1936. С. 150–172.

Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР / Сост. М. Ф. Семенова. Рига, 1974. 83 с.

Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К. Н.Прокошева. Пермь, 1972. 114 с.

Материалы к Акчимскому словарю // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1969. Вып. 1. С. 5–62.

Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. Л., 1931. 117 с.

Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей: (1820–1956 гг.). Ярославль, 1961. 224 с.

Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.

Меркурьев И. С. Материалы к Мурманскому областному словарю // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. Л., 1971. Т. 547. С. 105–193 (Аверты-Дяинка).

Мильков Ф. Н. Словарь-справочник по физической географии. М., 1960. 220 с. [термины региональной физич. геогр. — с. 134–262].

Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д, 1929. 415 с.

Митрофанов А. А. Речная судовая терминология. Н.Новгород, 1932. 39 с. [около 600 слов].

Мотивационный диалектный словарь: (говоры Среднего Приобья) // Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982. Т. 1: А–О; 1985. Т. 2: П–Я.

Немченко В. Н., Синица В. И., Мурникова Т. Ф. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики / Под ред. М. Ф. Семеновой // Учен. зап. Латв. гос. ун-та. 1963. Т. 51, вып. 8А. 363 с.

Новгородский областной словарь / Отв. ред. Строгова В. П. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

Опыт обратного словаря / Под ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1973. 170 с.

Перечень диалектных слов современного беломорского говора / Сост. И. А. Елизаровский // Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XIV–XVII вв. Архангельск, 1958. С. 173–232.

Псковский областной словарь с историческими данными / Редкол. Б. А. Ларин и др. Л., 1967–1994 . Вып. 1–10.

Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973. 294 с.

Словарь брянских говоров / Под ред. В. И. Чагишевой. Л., 1976. Вып. 1; Под ред. В. А. Козырева. Л., 1980–1984. Вып. 2–4.

Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983–1993. Вып. 1–6.

Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь, 1984. Вып. 1; 1990. Вып. 2.

Словарь орехово-зуевских текстильщиков: историко-диалектологические исследования / Под ред. М. Н.Шабалина. М., 1960. С. 21–67.

Словарь орловских говоров / Под ред. Т. В. Бахваловой. Орел, 1989–1996. Вып. 1–8.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. СПб., 1994–1996. Вып. 1–3.

Словарь русских говоров Кузбасса / Под ред. Н. В. Журавской, О. А. Любимовой (отв. ред.). Новосибирск, 1976. 233 с.

Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1978. [Т. 1]: А–Г; 1980. [Т. 2]: Д–И; 1982. [Т. 3]: К–Л.

Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979. 605 с.

Словарь русских говоров Приамурья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. 342 с.

Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1989.

Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1988. Т. 1–7.

Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / Отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1968. 231 с. Изд. 2. 1988. 446 с.

Словарь русских донских говоров / Отв. ред. В. С. Овчинникова. Ростов н/Д, 1975–1976. Т. 1–3.

Словарь русских народных говоров. СПб., 1965–1997. Вып. 1-31.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Томск, 1993.

Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964–1967. Т. 1–3.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнение / Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск, 1975. Ч. 1–2.

Словарь русского камчатского наречия / Сост. К. М. Браславец и Л. В. Шатунова. Хабаровск, 1977. 194 с.

Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой. Смоленск, 1974–1993. Вып. 1–6.

Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969. 612 с.

Среднеобский словарь: (Дополнение) / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1983. 180 с.

Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971. 141 с.

Феоктистов В. А. Краткий словарь народных архитектурных терминов Переславль-Залесского уезда // Докл. Переславль-Залес. науч.-просвет. о-ва. 1923. Вып. 11. С. 6–18.

Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983. 232 с.

Цомакион Н.А. Материалы для словаря современных туруханских говоров // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. 1971. Красноярск, 1973. С. 124–190.

Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья / Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1980. 472 с.

Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–9.

Reverse Index to the Dictionary of Russian Dialects / Frank V. Gladney. Jllinois at Urbana-Champaign, 1991. 565 p.

Современная русская лексикография: состояние, перспективы

«Правильно составленный словарь и грамматика должны исчерпывать знание данного языка».[316] Этот постулат акад. Л. В. Щербы, определяющий и утверждающий роль, значение и назначение толкового словаря, стал основным принципом русской лексикографии XX века (заметим, что это положение отнюдь не бесспорно в мировой науке; в те же годы Л. Блумфилд обосновал принципиально другую позицию: «Словарь (lexicon) является на самом деле лишь придатком грамматики, списком основных нерегулярных явлений»).[317]

Л. В. Щерба заложил основы отечественной лексикографии XX века, разработал ее фундаментальные категории: типологию словарей, принципы семантического анализа при построении словарной статьи с выявлением глубинных семантических элементов, обосновал понятие языковой нормы и нормативности языковых явлений, определил критерии стилистических квалификаций. Щербе также принадлежат опередившие свое время идеи: понимание лексической системы как словарного состава, соответствующего единому (реальному) языковому сознанию определенного человеческого коллектива в определенный момент времени, а также обоснование двух типов системных лексических отношений — в аспекте связей слова с другими словами и в аспекте связей между значениями одного слова.[318]

В русской лексикографии в соответствии с воззрениями Л. В. Щербы обосновывается роль и значение словаря как лексикологического и комплексного лексикографического труда, который, с одной стороны, обобщает данные разнообразных теоретических исследований (в области семантики, стилистики, социолингвистики, словообразования, грамматики, истории языка и т.д.), а с другой стороны, сам является источником и базой дальнейших теоретических изысканий, так как в нем собраны, систематизированы, обобщены и комплексно представлены все сведения о слове как основной структурно-семантической единице языка.

Вклад В. В. Виноградова в теорию и практику отечественной лексикографии исчисляется несколькими десятками фундаментальных научных статей, и, вероятно, сотнями этюдов — семантических, стилистических, этимологических — представляющих собой анализ конкретных

---

[316] *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 25.

[317] *Bloomfield L.* Language. 1933. P. 274 Цит. по: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1995. С. 31.

[318] *Щерба Л. В.* 1) О трояком аспекте... С. 24-38; 2) Опыт общей теории лексикографии (1940). Там же. С. 265-303.

слов и выражений, щедро разбросанных по всему громадному научному наследию, а в целом — серией важнейших теоретических положений, легших в основу нескольких направлений научных исследований и множества научных теорий.

Лексикографические идеи В. В. Виноградова касаются вопросов словообразования как системы во всех ее внутренних связях, соотношениях и взаимодействиях, соотношения всех грамматических форм в пределах лексической системы, структуры лексического значения, развития словарного фонда, омонимии, фразеологии, типологии лексических значений, нормативности, соотношения системы и нормы, категорий литературного языка. Эти, по определению самого В. В. Виноградова, первоочередные и важнейшие проблемы теории лексикографии и теоретической лексикологии были выявлены и сформулированы им при критическом анализе наших словарей (в первую очередь Семнадцатитомного академического), отмеченном высокой требовательностью и строгостью оценок.[319] Помимо этого в многочисленных трудах В. В. Виноградова лексикографы нашли и продолжают открывать для себя снова и снова бесчисленные россыпи драгоценных замечаний, указаний, рекомендаций, выводов, высказываний, касающихся установок словарей и практики описания конкретных слов.

Подводя итоги создания Семнадцатитомного академического словаря, В. В. Виноградов представил перспективу развития отечественной лексикографии, сформулировал ее насущные задачи и дал конкретные рекомендации к их выполнению. Многие из этих рекомендаций будут реализованы в Новом академическом словаре. Не имея возможности остановиться подробно на всех положениях, развивающих идеи В. В. Виноградова, остановимся на том, которое представляется главным и которому сам Виноградов придавал большое значение, возвращаясь к нему многократно в своих работах.

Прежде всего это разработка теории фразеологии. Основное положение В. В. Виноградова о типах фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания[320] — вобравшие в себя в свернутом виде всю информацию о фразеологии и всю ее проблематику, не только не утратило авторитетности и актуальности до наших дней, но стало отправной точкой для стремительного и успешного развития фразеологии как особой области науки о языке и самостоятельной научной дисциплиной, развивающей свои научные направления, имеющей свою терминологическую систему и свой объект.

Из специальных разработок, а также из многочисленных частных высказываний и замечаний сложилась целостная семантическая кон-

[319] *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии (1956) // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 264.

[320] *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. // Труды юбилейной научной сессии 1819–1944 гг. ЛГУ. Л., 1946. С. 45–70.

цепция В. В. Виноградова, предопределившая отечественную семасиологию последующих лет.

Первый и важнейший аспект семантической концепции В. В. Виноградова — определение структуры лексического значения. Впервые в мировой науке В. В. Виноградов интерпретировал структуру лексического значения как комплекс — единство семантического и грамматического, индивидуального — уникального и общего — универсального. Под лексическим значением не одно поколение русских лингвистов вслед за Виноградовым понимает «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка».[321] В своей интерпретации В. В. Виноградов усматривает глубинные связи, между словом и действительностью, реализуемые в полисемии: «Общественно закрепленное содержание слова может быть однородным, единым, но может представлять собою внутренне связанную систему разнонаправленных отражений разных «кусков действительности», между которыми в системе данного языка устанавливается смысловая связь».[322] Такое обобщенное, всеохватывающее определение значения слова выводилось непосредственно из лексикографической практики, которое проявляется в «непрестанных смешениях значений и употреблений слова, в расплывчатости границ между значениями и оттенками значений, в постоянных разногласиях и разноречиях по вопросу о количестве значений слова и о правильности их определения».[323]

Исследуя способы объединения разных значений в слове и закономерности словоупотребления, В. В. Виноградов обнаруживает, что разные лексические значения по-разному относятся к действительности (которую они отражают) и к лексической системе в целом (элементом которой они являются). Это наблюдение приводит его к важнейшему для лексикологии и семасиологии выводу о том, что не все значения однородны и однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Это второй аспект семантической концепции В. В. Виноградова — знаменитая типология лексических значений слов.

В этой типологии выделены три основных типа лексических значений: свободные, фразеологически связанные и функционально-синтаксически ограниченные (или закрепленные) и еще один дополнительный — конструктивно обусловленные значения (конструктивная обусловленность вносит своеобразные оттенки в основные типы значений, способствует дифференциации значений и оттенков и разграничению омонимов).[324] Виноградовская типология лексических значений по прошествии четырех десятилетий интенсивных семантических исследований не только не устарела, но предопределила развитие целых

[321] *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова (1953) // В. В. Виноградов. Избранные труды... С. 169.
[322] Там же.
[323] Там же.
[324] Там же. С. 187-189.

направлений семасиологии: теории синонимии, омонимии, языковой метафоры, теории номинации, а также способствовала утверждению и развитию фразеологии.

Третий аспект семантической концепции В. В. Виноградова — вопрос о семантических границах слова, который практически решается как проблема омонимии. Виноградову принадлежит научное обоснование семантических границ слова и выявление принципов разграничения омонимов в языке и в словаре: историко-лексикологический (включая историко-этимологический); морфолого-словообразовательный; структурно-семантический (включая грамматический).[325]

Следующий круг проблем, разработанных и введенных в научный оборот В. В. Виноградовым, касается определения границ и норм современного русского языка. Этот вопрос возник прежде всего в плане обоснования объекта толкового словаря современного русского языка и о возможности совмещения в одном словаре нормативно-стилистических и исторических принципов — как известно, попытка такого совмещения была сделана в Семнадцатитомном академическом словаре. Вопрос о понимании современного русского языка дискутировался и продолжает дискутироваться до сих пор наиболее остро. Объектом описания русской современной лексикографии, начиная с Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, и до последних словарей служит один и тот же временной отрезок — от Пушкина до наших дней (напомним, что границы «от Пушкина до Горького» были определены Лениным в 1918 г.). В. В. Виноградов, опираясь на идеи Л. В. Щербы, утверждает, что понимание «структуры, объема, содержания, границ и норм современного русского литературного языка» может быть соотнесено с узкими хронологическими границами. Применительно к современному русскому языку (60-е гг. — Г.С.) это время определялось В. В. Виноградовым с 90-х годов XIX в. — начала XX в. до современности.[326]

Лексикографические принципы акад. Щербы, поддержанные, развитые и практически реализованные при участии С. П. Обнорского, В. И. Чернышева, С. Г. Бархударова, Д. Н. Ушакова, Б. А. Ларина, Ф. П. Филина, В. В. Виноградова, А. М. Бабкина легли в основу фундаментальной отечественной лексикографии и были реализованы непосредственно в разных типах словарей. Можно сказать, что начинается время глобального осмысления русского языка, представленное лексикографически.

В толковых словарях современного русского литературного языка[327] предпринята попытка отразить литературный язык, понимаемый

---

[325] *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах... С. 255.

[326] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // ВЯ, 1966, № 6. С. 20.

[327] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова, Т. 1-4. 1938-1941; Словарь русского языка С. И. Ожегова. М., 1949 (выдержал 23 издания); Сло-

как общий для всех, подвергнутый кодификации и репрезентированный преимущественно текстами художественной литературы.

В исторических словарях развертываются все этапы и пути становления русского языка.[328]

Диалектная лексикография отражает стихию народной необработанной речи. [329]

В 50-60-х годах практика составления словарей обратила интерес лексикографов к анализу непосредственных задач словаря, к которым относится: объект толковой лексикографии (Бабкин, Виноградов, Филин), структура и принципы построения словарной статьи (Ковтун, Шведова), проблемы омонимии и тождества слова (Кутина), роль и удельный вес терминологии в языке (Сороколетов), обоснование объема семантической информации в зависимости от типа словаря (Ожегов), критерии синонимии (Евгеньева, Апресян), стилистическое расслоение лексики: отражение в словаре и выход на общие стилистические категории (Виноградов, Сорокин), возможность и принципы лексической сочетаемости (Котелова), нормативность языка и ее реализация в словаре (Горбачевич). Многие из перечисленных проблем вызвали продолжительные дискуссии (проблемы омонимии, стилистики), в процессе которых вырабатывались взгляды и суждения, составившие в дальнейшем известные и плодотворные концепции и теории.

Непосредственные и практические задачи словаря, таким образом, выдвигают к обсуждению фундаментальные проблемы теоретической лингвистики.

На базе идей В. В. Виноградова развивается разноаспектная и разноуровневая теория типологии лексических значений (Арутюнова, Городецкий, Гак, Телия, Шмелев, Кубрякова).

Поиски системных и унификационных принципов словаря привели к формированию целостной концепции системности лексики и стимулировали семантические исследования.

Системное описание лексики в словаре предполагает: 1) выявление и описание внешних связей и отношений слова с другими словами (к ним относятся синонимические, антонимические словообразовательные связи, тематические и семантические группировки); 2) описание семантической структуры слова, иерархии его ЛСВ (полисемия); 3) анализ семной структуры (набор сем) каждого ЛСВ, необходимый для построения дефиниции.

варь русского языка АН СССР. Т. 1–4. М., 1957-1961; изд. 2-ое, исправленное и дополненное. М., 1981–1984; изд. 3-е, стереотипное. 1985; изд. 4-е, репринтное (по 2-ому изд.). СПб., 1996; Словарь современного русского литературного языка АН СССР. М.-Л., 1948–1965; изд. 2-ое, переработанное и дополненное в 20-ти томах. Т. 1–6. 1991–1994 (издание продолжается).

328 Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). В 10 т. Т. 1–4. 1988; Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1–23. 1975-1997 (издание продолжается); Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-9. 1984-1997 (издание продолжается).

329 Словарь русских народных говоров. Вып. 1-31, 1965-1997 (издание продолжается) и другие диалектные словари.

В современной отечественной лингвистике утвердилось понимание лексико-семантической системы как организации словарного состава, все звенья которой закономерно связаны друг с другом, взаимодействуют и обусловливают друг друга в парадигматическом плане (характер и типы группировок лексических единиц), в синтагматическом (семантическое варьирование словесных знаков), а также в деривационном (Виноградов, Уфимцева, Шведова, Караулов, Денисов). При этом имеется в виду динамический характер системы, ее непрерывное движение и изменение (Сорокин), а сама система трактуется как модель языковой картины мира (Шведова, Караулов).

Актуален вопрос о степени упорядоченности лексики в системе (и соответственно в памяти носителя языка). Ответ на этот вопрос может быть двояким: 1) система обладает абсолютной упорядоченностью, все ее элементы связаны друг с другом в некое монолитное единство, ни один из них не может быть представлен изолированным; 2) система обладает относительной упорядоченностью, в ней могут быть обнаружены зоны большей и меньшей слитности элементов, а также изолированные элементы. Первая точка зрения была обоснована и развита Ю. Н. Карауловым в его концепции семантической непрерывности: в соответствии с этой концепцией непрерывность понимается как неотъемлемое свойство лексики (незамкнутой, динамической системы) и словаря (системы замкнутой, конечной, статичной). Семантическая непрерывность непосредственно осуществляется через логические объединения и группировки, предполагает абсолютную упорядоченность лексической системы в памяти носителя языка.[330]

Другая точка зрения была обоснована П. Н. Денисовым. Признавая общую упорядоченность хранения лексики в памяти, П. Н. Денисов тем не менее считает теоретически допустимым наличие внесистемных, изолированных понятий, не вошедших в классификации, и вследствие этого — внесистемное, изолированное расположение слов и в целом склоняется к мысли, что лексическая система не представляет собой монолитного образования, а организована как система систем: «в виде «гроздьев» частных лексических систем и подсистем, лексического ядра и обширных периферийных зон».[331]

По-видимому, разногласия в этом вопросе могут быть объяснены разным уровнем анализа (иначе, разной степенью приближения к объекту): с позиции социолингвистического и психологического анализа лексическая система предстает в виде «системы систем», допускающей и внесистемные элементы. При более абстрактном уровне анализа лексико-семантическая система может приобретать вид монолита.

Вычленение внешнего и внутреннего аспектов лексико-семантической системы предполагает двоякое описание лексики в словаре. Исследование во внешнем аспекте направлено на выявление синонимических,

---

[330] *Караулов Ю. С.* Обшая и русская идеография. М., 1976. С. 76 и след.

[331] *Денисов П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. С. 52 и след., 120-121.

гипонимических и др. отношений и связей между словами, а также на изучение разного рода лексических объединений и группировок. Внутренний аспект системы интерпретируется по-разному. Традиционное понимание внутреннего аспекта связано с изучением соотношения лексико-семантических вариантов в пределах лексемы (т.е. полисемии) (Щерба, Уфимцева, Караулов). При этом лексико-семантические варианты интерпретируются как «самые мелкие двусторонние единицы» (Уфимцева). Известно, однако, и другое понимание внутреннего аспекта системы: «Внутренняя системность языковых знаков заключается в том, что лексические единицы... на семантическом уровне трактуются как сочетание определенного числа единиц низшего уровня (сем), между которыми устанавливаются парадигматические и синтагматические отношения. Выявление лексической системности в этом случае видят в определении набора этих элементарных смыслов и закономерностей их сочетания».[332] Между приведенными взглядами на внутренний аспект системы нет противоречий — они отражают разные уровни анализа. Метод компонентного анализа позволил заглянуть в глубь каждого отдельного ЛСВ, и семантическая единица, представлявшаяся ранее неделимой, оказалась членимой. На дальнейшем пути продвижения в глубину семантического устройства (в рамках коммуникативной семантики) была открыта и чрезвычайная сложность состава каждой минимальной лексической единицы. Эти открытия, как нам представляется, дают основания для вычленения не двух, а трех аспектов лексико-семантической системы: внешнего, внутреннего и глубинного (что соответствует трем уровням системного семантического анализа).

В 80-е годы стремительно развивается семасиология, охватывая разнообразные аспекты содержательной структуры слова: от элементарного соотношения слова и понятия (Смирницкий), теории референции (Арутюнова) к описанию иерархически организованной структуры лексического значения (Шмелев, Уфимцева, Комлев, Медникова, Кацнельсон, Гак). Критический анализ словарей выявил неполноту представленной в них информации о слове, что дало толчок для поиска новых парадигм лингвистики и для выхода семантических исследований на более высокий — интегральный — уровень, характеризующийся описанием слова как чрезвычайно сложной, многоуровневой, избыточной структуры, содержащей, помимо понятийного ядра, множество коннотативных элементов (оценочных, культурологических, экспрессивных, ассоциативных и т. п.) (Арутюнова, Апресян, Телия, Гак, Стернин, Васильев, Шаховский).

Новый уровень понимания структуры и содержания лексического значения приводит, в частности, к формированию самостоятельного направления семасиологии — экспрессиологии, объектом которого служит совокупность экспрессивных компонентов слова, понимаемых как составная часть его семантики (Черемисина, Блинова, Лукьянова, Телия).

[332] *Гак В. Г.* К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 87.

Лингвистически плодотворной стала идея выводимости значения слова из группировки и анализа контекстов. Выдвинутая Л. В. Щербой и развитая в дальнейшем В. В. Виноградовым, Н. Н. Амосовой, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелевым, В. Г. Гаком, эта, казалось бы, сугубо лексикографическая идея вышла далеко за пределы словарных задач и способствовала важным теоретическим выводам.

Н. Ю. Шведовой принадлежит классификация контекстов в зависимости от условий существования каждого слова.

Условия существования слова имеют тройственный характер. Слово существует 1) в рамках лексического класса; 2) в синтагматических связях, в разнообразных линейных окружениях; 3) в широких (а нередко и неопределимых) пределах характерных для слова речевых ситуаций. В соответствии с этим Н. Ю. Шведова выделяет три типа контекстов, на основе взаимодействия которых строится описание слова:

1. Контекст слова устанавливается путем определения места слова в границах того или иного лексико-семантического класса (разряда, группы и т. п.); служит для определения значения слова: а) на основе межклассовых связей; б) на основе семантических связей слова внутри класса; в) на основе возможностей синонимических замен.

2. Синтагматический контекст (иллюстрирует грамматическую, позиционную, категориальную, лексико-семантическую, стилистическую сочетаемость; синтагматические контексты подразделяются на минимальные, расширенные и максимальные или широкие).

3. «Обстановочный» (содержательный) контекст (является основой детализации элементов толкования, которые приписываются слову на основании его употреблений в содержательных отрезках и не входят в круг показателей классной принадлежности слова и его синтагматических связей; используется при описании многокомпонентных значений, чувствительных к экстралингвистическим ситуациям и оценкам и нестабильным).[333]

Анализ типологии контекстов подводит к важнейшему для лексикографии выводу: основная единица словаря — словарная статья — представляет собой сгусток лингвистических знаний и концентрацию всех сведений о слове.[334] Этот вывод дает основания использовать структуру и содержание словарной статьи для дальнейших научных изысканий.

На базе словарных разработок и анализа словарей складываются целостные концепции лексической сочетаемости (Котелова, Телия), языковой нормы (Горбачевич, Скворцов), на глубинном уровне разрабатывается теория синонимии (Апресян), дополняется важными выводами

[333] *Шведова Н. Ю.* Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 143 и след.

[334] *Шведова Н. Ю.* Предисловие к двадцать первому изданию // *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд. 21, перераб. и доп. / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 11.

теория референции (Арутюнова, Телия, Скляревская); впервые в мировой науке зарождается лингвистическая прагматика как лексикологическая дисциплина, исследующая прагматическую информацию не на уровне высказывания, а на уровне слова (Апресян).

Одновременно с семасиологией бурно развивается стилистика. Стилистические исследования либо ориентированы непосредственно на нужды и задачи лексикографии (Сорокин, Филин, Гельгардт, Петрищева, Скляревская), либо черпает из словарной проблематики материалы и идеи для теоретической стилистики (Винокур, Азнаурова).

В последние десятилетия выдвинуты проблемы лингвистического конструирования и автоматизации в лексикографии (Андрющенко, Караулов, Рогожникова, Телия).

Русская фундаментальная лексикография вызвала к жизни новые направления научных исследований, которые за короткое время стали самостоятельными научными дисциплинами. Сейчас никем не оспаривается тот факт, что фразеология впервые сложилась в России в 40–50 гг. XX века как раздел языкознания и имеет самостоятельное значение, развивающее собственные школы и направления. Источником и толчком для развития лексикологии как самостоятельной научной и прикладной дисциплины послужил выход Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах, где впервые в мировой лексикографии был представлен и лексикографически тщательно разработан громадный массив фразеологизмов.

В процессе лексикографической деятельности сформировалось еще одно самостоятельное направление научных исследований (с его практической словарной реализацией) — неология. В рамках современной лексикологии и лексикографии Н. З. Котеловой была разработана концепция неологии: уточнены понятия неологизма, обоснованы причины возникновения неологизмов, процесс их образования и их источники, а также разработаны принципы отбора неологизмов. На основе этой концепции были разработаны принципы и методы лексикографической неологии (неографии), в соответствии с которыми процесс лексикографирования проходит три последовательных стадии: ежегодной фиксации, десятилетней и тридцатилетней. Эти принципы были успешно применены на практике — вышедшая серия словарей новых слов заслуженно считается событием в русской лексикографии.

За последние 30–40 лет накоплена громадная литература содержащая анализ по сути дела всех параметров словаря, разрабатывается теория лексикографии и практической лексикографии на макроуровне (системная организация лексики, активный и пассивный словарный запас, принципы формирования словника, теория тождества слова) и на микроуровне (структура лексического значения, стилистическая и грамматическая квалификация слова, информация о происхождении слова, экстралингвистическая информация, представляющая слова в реальном контексте). Фундаментальные исследования по теории лексикографии (Шведова, Шмелев, Караулов, Гак, Денисов, Городецкий),

пока еще не сведенные воедино сквозной идеей, тем не менее дают целостное представление об языке.

Развитие лексикографических идей дает новые импульсы для практической лексикографии.

Разрабатываются аспектные словари, которые своим разнообразием охватывают практически весь спектр лингвистических проблем: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. Л., 1967 (переиздания 1978, 1986, 1994); Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–2. Л., 1972; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971; то же — по материалам прессы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1984; то же — 30–50 годы / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб, 1995; Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / Под ред. К. С. Горбачевича. Л., 1973; Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974; Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977; Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. М., 1978; Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев) / Под ред. В. В. Розановой. М., 1978; К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло Словарь эпитетов современного русского литературного языка. Л., 1979; Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1984; Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка (в 2-х томах). М., 1985; Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства. М., 1991; Сводный словарь современной русской лексики / Под ред. Р. П. Рогожниковой. Т. 1–2. М., 1991; Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994; Елистратов Е. С. Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994; Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телии. М., 1995; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1995.

В середине 60-х гг. встал вопрос о создании Нового академического словаря, разработанного на том уровне лингвистических знаний и лексикографических требований, который был сформирован осмыслением и творческой критикой только что вышедших фундаментальных академических словарей, главным образом, БАС. С самого начала речь шла о создании словаря собственно современного языка — как описания лексической системы, адекватной сознанию современников (Виноградов, Филин). Выносится на обсуждение вопрос о правомерности и пределах исторической перспективы в словаре современного языка (Виноградов, Бабкин), о принципах отбора лексики и правилах иллюстрирования (Бабкин). Учитывая «обобщенный и упрощенный» (по определению В. В. Виноградова) характер системы стилистических помет в БАС, Ю. С. Сорокин выдвигает принципы стилистических квалификаций в словаре нового типа. [335] Эти и другие лексикографические проблемы

[335] *Сорокин Ю. С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского

частично были разрешены при переиздании БАС — исправленном и дополненном, — работа над которым была начата в Словарном отделе ЛОИЯ АН СССР в 1974 г. под руководством Ф. П. Сороколетова, в дальнейшем К. С. Горбачевича; однако, естественно, задача создания нового академического словаря продолжает оставаться актуальной и стимулирует теоретические изыскания в этой области.

С начала 80-х годов дискуссия вокруг проблемы нового академического словаря приняла практический характер. Его задачи и принципы энергично обсуждались на выездных заседаниях ОЛЯ АН СССР при участии Н. И. Толстого, Н. Ю. Шведовой, Ю. Н. Караулова, А. И. Домашнева, Д. Н. Шмелева, Т. Г. Винокур, Е. А. Земской, П. Н. Денисова, А. Н. Тихонова, Н. Д. Андреева.

Принципы нового словаря, изложенные в докладах Ф. П. Сороколетова, А. С. Герда, Г. Н. Скляревской обсуждаются на заседаниях бюро ОЛЯ АН СССР, научного совета по лексикологии и лексикографии, ученого совета Института русского языка АН СССР. Проблематика Словаря служит объектом нескольких представительных конференций в Москве и Ленинграде (Санкт-Петербурге) и находит отражение в серии публикаций.[336] В настоящее время на обсуждение вынесена целостная концепция Нового академического словаря.[337]

Новый академический словарь (далее НАС) будет существенно отличаться от всех предшествующих словарей русского языка: по пониманию лексикографического объекта (лексическая система, соответствующая языковому сознанию современников); по ориентации (на сугубо современное речевое словоупотребление); по охвату лексического материала (максимально широкий охват — около 200 000 лексических единиц); по методам лексикографирования (вывод на качественно новый — компьютерный — уровень словарных разработок).

В НАС впервые в русской лексикографии ставится задача описать живой функционирующий русский язык на максимально широком лексическом материале и на синхронном срезе.

Объект НАС. Традиционный объект русской фундаментальной лексикографии советского периода (лексическая система в диапазоне «от Пушкина до наших дней») предполагал обобщенное представление о языке, симметрично описанный язык прошлого и настоящего, устранение периферийных языковых средств из современной его части (разговорной и жаргонной лексики, профессионализмов, лексики информационных текстов и т. п.), поскольку соответствующие элементы языковой системы прошлого до нас, как правило, не доходят. Эмпирическую базу такого словаря составляли преимущественно тексты художественной

литературного языка // ВЯ, 1967. № 5. С. 22-32.

336 *Караулов Ю. Н.* Современное состояние и тенденции развития русской лексикологии // Советская лексикография. Сб. статей. М., 1988. С. 5–18; *Сороколетов Ф. П.* О словаре современного русского литературного языка. Там же. С. 33–45; Актуальные проблемы разработки Нового академического словаря (тезисы). Л., 1990; Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1996.

337 *Скляревская Г. Н.* Новый академический словарь. Проспект. СПб, 1994.

литературы XIX–XX вв. НАС ставит задачу описать лексику русского языка в ее синхронном состоянии, с ориентацией на языковое сознание наших современников, при этом стремится максимально продемонстрировать ее функционирование.

В связи с этим ставится задача отказаться от традиционного представления о современном русском языке и попытаться описать живой, функционирующий русский язык без исторической перспективы (под исторической перспективой понимается описание совокупности элементов языка XIX и XX в. как целостного и единого объекта). Однако само понятие современный нуждается в обосновании в лингвистическом плане.

При обосновании концепции Словаря более точным было бы оперирование понятием не «современности», а синхронности по отношению к описываемой лексической системе. Синхронность понимается как один из моментов динамического равновесия языковой системы, опорой которого служит норма того времени, когда словарь создается. Именно такое понимание синхронности выявляет системные связи и отношения, с одной стороны, и дает возможность наблюдать и описывать их в употреблении, с другой, то есть и создает условия для целостного восприятия объекта. В словаре синхронного типа описываются только такие элементы языковой системы прошлого, которые либо нейтральны в современном языке, то есть входят в устойчивое ядро лексической системы (*глаз, голова, терять, хотеть*), либо имеют стилистические задачи (*глас, очи, вожделенный, узреть*), либо представляют собой актуальные для современного языкового сознания историзмы, либо сохраняются в составе фразеологии. С этой точки зрения из словаря А. С. Пушкина в современный (синхронный) словарь не войдут такие единицы, как *календарь, альманах, камча, канифас, карла, картель, кастелан, квит, киннамон, китайчатый, клев, клюв, клефт, кметь, комераж* и подобные как не соответствующие языковому сознанию современного языка.

Определение «синхронический словарь» требует обоснования соотношения синхронии и диахронии в лексикографии. На предстоящих этапах обсуждения темы этот вопрос дискутировался наиболее остро. Мы разделяем точку зрения Ю. С. Сорокина о том, что в лексической системе синхрония и диахрония нераздельны и нерасчленимы: в каждый момент существования языка лексика сохраняет свою стабильность, только претерпевая непрерывные изменения. Эта точка зрения лежит в основе определения лексической системы, ее устойчивости во времени, разработанного Н. Ю. Шведовой. Действительно, в лексике синхрония и диахрония существует в единстве. Однако, как представляется, именно лексикографический подход к лексической системе и лексикографическое описание дает чисто методическую возможность разграничения синхронии и диахронии: описывая, оценивая и квалифицируя языковые факты с позиции языкового сознания того времени, когда создается словарь, мы тем самым фиксируем одномоментный («синхронный») взгляд

на подвижную лексическую систему. Синхронический словарь, следовательно, не отказывается от языковых фактов прошлого, а отбирает только те факты, для которых в языковом сознании современности находится определенное место.

Задачи Словаря (описание синхронного состояния лексической системы с ориентацией на языковое сознание современников и в реальном функционировании)потребовали пересмотра представлений об его эмпирической базе, в первую очередь о формирующих ее источниках. Хронологические рамки и типы источников НАС. Любой словарь, репрезентируя лексическую систему (или ее фрагмент), в действительности всегда описывает и лексикографические тексты отобранных источников, в связи с чем вопрос о типах источников приобретает особую значимость. Круг источников НАС, в соответствии с его концепцией, должны составить тексты, формирующие языковое сознание наших современников, независимо от того, являются ли они остро современными или написанными несколько десятилетий назад и активно читаемыми в настоящее время.

В НАС сохраняются все традиционные типы источников: беллетристика, мемуары, научно-популярная литература, учебники, словари, справочники - однако существенно меняется их удельный вес и принцип отбора. Исключается традиционный для академической лексикографии советского периода принцип «авторитетности» при формировании картотеки, когда расписывались преимущественно «идеологически выдержанные» произведения (вошедшие в собрания сочинений или получившие государственную премию). В эмпирической базе НАС, во-первых, будет представлено большое разнообразие жанров и видов беллетристики — помимо «военной», «городской» и «деревенской» прозы привлекается также интеллектуальная проза (А. Битов, В. Маканин) и ее антипод — проза «низкая», жаргонизированная (В. Аксенов, В. Войнович). Во-вторых, представлено все разнообразие писателей первой волны русской эмиграции (В. Набокова, Д. Мережковского), а также репрессированных писателей (Б. Пильняка, А. Ванеева); к ним присоединяется совершенно не исследованное и не описанное лексическое наследие текстов русской философии (Н. Бердяева, В. Розанова, П. Флоренского), которое дает уникальный лексический материал, отражающий понятия духовной жизни. Помимо традиционных, вводятся нетрадиционные типы источников: 1) пресса; 2) переводная литература; 3) информационно-справочные тексты; 4) тексты радио и телевидения. Переориентировав таким образом принципы выборки, мы надежно обеспечиваем расширение словника и разнообразие сфер функционирования лексики.[338]

Словник НАС будет существенно расширен и приблизится к 200000 лексических единиц. Относительная малословность наших фундаментальных словарей (около 90 тысяч единиц в четырехтомном словаре,

[338] См.: *Корованенко Т. А.* Источники Нового академического словаря // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб, 1996. С. 29–42.

около 120 тысяч в семнадцатитомном и около 135 тысяч в подготовленном для печати его втором издании) по сравнению с зарубежными (500 тысяч в шеститомном Дудене, 400 тысяч в Оксфордском словаре и т.д.) вызвана вовсе не лексической бедностью русского языка, а теоретическими (в их числе идеологическими) установками словарей: принципами отбора лексики и интерпретации отдельности слова.

Словник Нового академического словаря прежде всего будет автоматически пополнен лексикой, зафиксированной в БАС-2 (всего около 15 тысяч слов), последних изданий Словаря С. И. Ожегова и выборочно в Словарях и бюллетенях новых слов.

Шесть основных источников пополнения словника.

Первый источник пополнения словника нового словаря — включение в него многочисленных производных, до сих пор оставляемых за пределами толковой лексикографии. Имеются в виду не мертворожденные дериваты типа *забросаться (от одного окна к другому), замыться (в бане), заводить (гостя по комнатам), исслюнивание, исслюнявливание, исклевывание, исплевывание*, описанные в БАС I, но реально функционирующие лексические единицы, оставшиеся за пределами толковой лексикографии: *аномальность, витражность, некомплектность* и т.п. Очевидно, недоразумением можно объяснить невключение в словник толковых словарей (в том числе словарей неологизмов) таких слов, как *ветеринарша, врачеватель, водогрей, диатезник, интеграционный, невключение, неправовой, ненормированность, неформальный*. Особенно большую группу слов, оставленных за пределами толковой лексикографии, составляют сложные и сложно-составные слова, реализующие активные модели: *буро-желтый, буро-зеленый, буро-красный, билетно-кассовый, вееровидный, внутриязыковой, виноразливочный, витаминоподобный, иммунодиагностический, иммунопрофилактический, инженер-экономист, комунально-бытовой, кротоловка, моторно-парусный, мусоросборник*. Сюда же относятся и сложносоставные слова с активными формантами: *влаго (влагоотдача, влагоотталкивающий, влагопоглотитель), водо (водоохлаждение, водоотстойник), мелко (мелкокомковатый, мелкочешуйчатый), микро (микросейсмический, микротранзистор, микросхема), мало (малопосещаемый, малорастворимый, малопредставительный), много (многопартийный, многоплатформный)*. Практически не представлена в толковой лексикографии лексика с активным формантом внутри (*внутриведомственный, внутризаводской, внутриотраслевой, внутричерепной, внутрицерковный*).

Незаслуженно оставлены за пределами толковых словарей многочисленные относительные прилагательные, в том числе образованные от сложных и составных слов (*дизель-моторный, дизель-электроходный, анальгетический, калганный, метаболический, бурундучный*), причастия, в той или иной мере оторвавшиеся от глагола и функционирующие как самостоятельные лексические единицы (*заприходованный, запротоколированный, заправленный, зарезервированный, интернированный, импортированный, засекреченный* и др.)(перечисленные слова

извлечены из Орфографического словаря и либо подтверждены современными употреблениями, либо по методу лингвистического эксперимента не противоречат нормальному употреблению).

Более свободно будут представлены в Словаре, если их употребление подтверждается реальным функционированием или удостоверяется методом лингвистического эксперимента, диминутивы (*компотик, штампик, скульптурка, зажимчик, заготовочка, загородочка, диапозитивчик* и т.д.), обозначения профессий (*бисквитчик, мармеладчик*), аббревиатуры (*СПИД, АЭС, КГБ, СКВ*) и их производные (*аэсовцы, аэсовский, дээровцы, кагэбэшник, кагэбэшный*) и другие так называемые «системные образования», функциональная активность которых подтверждается цитатным материалом или методом лингвистического эксперимента, обоснованного Л. В. Щербой и до сих пор лишь спорадически используемого в лексикографической работе (Щерба, 1940, с. 288).

Второй источник пополнения словника — сниженная экспрессивная лексика, которая до последнего времени относилась «на границу литературного употребления» и крайне осторожно допускалась в словари. Следует заметить, что этот общественный факт свидетельствует о непоследовательности словарных установок, поскольку диалектная и полудиалектная лексика, противостоящая литературному употреблению и являющаяся антиподом словарного состава литературного языка, описана в словарях достаточно подробно.

Как бы ни относились лингвисты к «низкой лексике» с позиции чистоты норм литературного языка и культуры речи, ее удельный вес в разговорной речи и ряде письменных жанров так велик, а ее социальная база так широка, что делать вид, что этих явлений не существует и не описывать их в словаре национального языка уже нельзя. *Бардак* «беспорядок», *дурдом* «психиатрическая больница», *выпендреж, жлоб, мандраж, офонареть, раздрай, раскурочить, на халяву, балдеж, беспредел, верняк, завал, качать права, не светит* «нечего ждать хорошего», *отхватить* «получить», *тусоваться, тусовка, фуфло, хана, чернуха, ханыга* — вот ничтожная часть потока низкой лексики, хлынувшего в тексты художественной литературы, на страницы газет, в разговорную речь, в публичные выступления, проникающего в некоторые достаточно высокие жанры, в том числе в публицистику, в экономические обзоры и т.д.

Третий источник пополнения словника — заимствования.

Русский язык переживает сейчас пору неконтролируемого вторжения или активизации иностранной лексики. Десятки заимствований используются в разных типах высказываний, постоянно звучат по радио и телевидению, создавая впечатление перенасыщенности русской речи иностранными элементами (*консенсус, либерализация, презентация, менеджер, рэкет, рэкетир, менеджмент, маркетинг, брокер, брифинг, рейтинг, популизм, триллер, сэйшен, плейер, тинэйджер, хит-парад, шоу-бизнес, эксклюзивный, спикер, спонсор, скрининг, имидж, истеблишмент*), что не может не найти отражения в Словаре.

Четвертый источник пополнения словника — словообразование, которое, по нашим наблюдениям, служит сейчас самым мощным поставщиком новой лексики. Новые и актуализовавшиеся в последнее время понятия именуются в основном за счет реализации стандартных словообразовательных моделей и входят в речевой обиход целыми гнездами: *рыночный, дорыночный, антирыночный, рыночник, антирыночник; валютчик, валютчица, инвалюта, инвалютный, безвалютный, безвалютица.* На данный момент оказались нигде не зафиксированными целые пучки активно функционирующей лексики. Приведем только один пример — гнездо с формантом *био* (проверено по СССРЛ, СО-91, БАС-2, т.I): *биополевой, биопольный, биопатогенный, биостимуляция, биоэнергетик, биоэнергист, биоэнерготерапия, биоэнерготерапевт, биоэнерготерапевтический.*

Пятый источник — терминология, объем и удельный вес которой, как известно, в русском языке (как, впрочем, и во всех языках) не только возрос в последние десятилетия, но, по мнению некоторых исследователей, «принял угрожающий характер» (В. Ментруп). Примеры терминов, частотность которых за пределами узкой специальности достаточно высока: *автосканер, видеоадаптер, виброизоляция, вибромониторинг, дискета, драйвер, интерфейс, кэтридж, принтер, сопроцессор, телефакс, тонер, фреймграбер.*

Тексты исследуемых источников свидетельствуют об активизации не описанной в предшествующих словарях религиозной терминологии, относящейся к православию (*двуединство, боговоплощение, богочеловечество, вочеловечение, вероучительный, священномученик* и под.), а также к другим верованиям (*карма, реинкарнация, буддолог, буддология, буддологический, сура, махаяна, даосизм, гуру, медитировать, мифорелигиозный, экуменист, экуменика*).

Перечисленные источники пополнения словника являются традиционными, каждый словарь черпает из них новую, не описанную прежде лексику и отличается только степенью освоения того или иного источника, в зависимости от соответствующих теоретических установок.

НАС использует еще один (шестой), нетрадиционный источник расширения словника: выделенные и описанные Р. П. Рогожниковой эквиваленты слов — сочетания, в формальном и функциональном отношении равные слову.[339] В соответствии с этим многие составные устойчивые сочетания (предлоги, союзы, наречия, вводные выражения, формулы этикета и т.п.) в прежних словарях погруженные в глубину словарной статьи, будут выделены и описаны как самостоятельные вокабулы: *без запинки, без конца, более того, в адрес, в беспорядке, в интересах, все время, в случае, где попало, до завтра, до предела, каким образом, на беду, на память, на слух, под конец, под утро, про себя, с интересом, со стороны, что угодно* и т.п.

[339] *Рогожникова Р. П.* Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства. М., 1991.

Ориентация Словаря на современное словоупотребление заставит произвести более строгий, чем в предшествующих словарях, отбор архаизмов.

По отношению к словнику БАС-2 НАС исключает такие архаизмы, как ***абшид, аванпостный, авантаж, авиетка*** (одноместный самолет) ***авúзо*** (судно, применявшееся для разведки и связи), ***автожир*** (использовавшийся в 30–40 годы XX в. летательный аппарат...), ***автомедон*** (о вознице, ямщике), ***агитпроп*** (отдел агитации и пропаганды до 1934 г.), ***агница, аграмант*** (старинная тесьма), ***аграф*** (пряжка, застежка), ***адамант, адамантовый, адмиральство, адюльтерный, ажитировать, ажитироваться, акварий, аксамит, аксамитный, аксамитовый, аларм, аларма*** (смятение, переполох), ***алармист, алармистский, алкоран, алтабас*** (парча), ***алчба, альманашный, аматер*** (любитель чего-л.), ***англоманство*** (англомания), ***ансамбльный, антикварий*** (антиквар), ***антонов огонь*** (гангрена), ***аониды*** (музы), ***апатический*** (апатичный), ***апофегма, аппликé*** (накладное серебро), ***апрош, арапка, арапский, арапчонок, арестование, арифметик*** (специалист по арифметике), ***аршинник*** (купец, торгующий тканями), ***ассигновка*** (документ...), ***атанде*** (в карточной игре...).

Вместе с тем в словнике будут сохранены те архаизмы, которые по своим семантическим и стилистическим потенциям уместны и употребительны в стилизованной речи (***агнец, адюльтер, аки, алкать, амбрэ, анафемский, анахорет, ангажемент, ангажировать, ангельчик*** и т.п.), в названиях (***арап, аустерия***) и т.п.

Расширение объема словника по отношению к предшествующим словарям «работает» на главную теоретическую установку — разработку дробной, разноаспектно дифференцированной системы функциональных и стилистических помет. Вполне понятно, что чем больше лексических единиц войдет в словарь, тем больше будет зафиксировано связей и корреляций во внешнем аспекте системы (синонимических, антонимических, словообразовательных, полевых, ассоциативных и т.д.), и стилистическая стратификация может быть показана не на узком материале отдельных фрагментов системы, а более полно и, следовательно, более адекватно языковой действительности.

Существенное расширение словника за счет периферийных лексических элементов, допуск прежде не описываемых в словарях единиц (сниженной и специальной лексики, а также неологизмов, еще не прошедших проверку временем и не утвердившихся в системе) ни в коей мере не противоречат нормативному принципу словаря, поскольку вся лексика будет дифференцирована по своим функциональным и стилистическим свойствам и каждая лексическая единица охарактеризована и оценена с позиции нормы (при этом будут использованы и характеристики запретительного характера).

Система функциональных и стилистических помет и стилистические квалификации в НАС существенно отличается от соответствующих разработок в предшествующих словарях. Осуществляются следующие направления преобразований в этой области:

1) будут снабжены соответствующими пометами целые пласты лексики, прежде не маркированной не потому, что составители считали ее нейтральной, а потому, что для нее «не хватило» помет (*априори, апофеоз, апогей, дожитие, плательщик* и т.п.);

2) изменено содержание некоторых помет (в частности, пометы «разговорное» — см. ниже);

3) введены новые (по отношению к БАС и МАС) пометы. Н. Ю. Шведова считает, что нашим словарям не хватает таких помет, как «сниженное», «профессиональное», «публицистическое», а также нужной и хорошей пометы «новое»[340] — эти пометы будут использоваться в НАС; помимо них вводятся пометы «жаргонное», «детское», «одобрительно», «традиционно-литературное», «традиционно-народное», «устаревающее», а также пометы запретительного и полузапретительного характера — «неправильно» и «не рекомендуется»;

4) снимается традиционная помета «просторечное».

Обоснованием отказа Словаря от традиционной для русской лексикографии пометы служат следующие соображения.

Помета «Прост.», функционируя в русской лексикографии два столетия, полностью изменила в это время свой статус по социальной отнесенности и функционально-стилистическим характеристикам.

Чтобы поддержать целостность неоднородного, рассыпающегося лексического пласта, каким является современное просторечие, была выдвинута идея о «двух просторечиях» — «литературном» и «внелитературном» (Сорокин, Филин). Это положение не препятствует теоретическим исследованиям, однако на практике помета «Прост.» как лексикографический знак обнаруживает свою несостоятельность, так как, во-первых, объединяет контрастные по своим лингвистическим свойствам лексические разряды и, во-вторых, в одном из своих аспектов сливается с пометой «Разг.».

Таким образом, помета «Прост.» в настоящее время не выполняет своего назначения, так как теоретически объединяет противоположные по своим свойствам лексические разряды, а на практике делает сам метод стилистической квалификации крайне неупорядоченным. Высказанные соображения дают основания отказаться от пометы «Прост.»[341]

В этом случае совокупность лексики, традиционно маркируемой как разговорная и просторечная, получает новое стилистическое распределение. Прежде всего необходимо отделить периферийные лексические разряды (полудиалектную, профессиональную, жаргонную и вульгарную лексику), маркировав соответствующим образом каждый из них. Оставшийся центральный лексический массив, объединяющий разговорную лексику и «литературное просторечие», отходит к разговорному пласту, при этом стилистические различия между отдельными

[340] *Шведова Н. Ю.* Предисловие к 21-му изданию... С. 8.

[341] См.: *Скляревская Г. Н.* 1) Еще раз о проблемах лексикографической стилистики // ВЯ. 1988. N3. С. 84–87; 2) Новый академический словарь. Проспект. СПб, 1994. С. 32-33.

словами, обусловленные мерой экспрессии, характером эмоциональной окраски, степенью новизны или традиционности и местом на шкале «высокое/низкое», маркируются дополнительной пометой.

В НАС сделана попытка сгруппировать стилистические пометы по разным параметрам характеристик, в связи с чем выделяются следующие рубрики функциональных и стилистических характеристик: 1. Социально-функциональная. 2. Хронологическая. 3. Территориально-социальная. 4. Нормативная. 5. Жанрово-стилистическая. 6. Коннотативная (экспрессивная, эмотивная, оценочная).

1. В рубрике социально-функциональной характеристики применяются пометы: «Книжн.» (книжное) — при словах, которые обслуживают сферу интеллектуального общения, обозначают понятия и реалии, находятся за пределами бытовых и обычно не известные среднему носителю языка, свидетельствуя об эрудиции или о манере строгой, организованной речи (весьма, априори, доминанта, сардонический, сарказм, трюизм, феномен, толерантный, ортодоксальный). «Офиц.» (официальное) — при словах официальной сферы употребления, в которую входят государственные постановления, правительственные заявления, дипломатические документы и т. п. (вотум, коммюнике, конвенция, меморандум, плебисцит, ультиматум). «Канц.» (канцелярское) — при лексике деловых бумаг (приказов, повесток, ведомостей, актов), имеющей выраженную стилевую специфику (выбытие, дожитие, заактировать, огласить, за неимением, невручение, неявка, плательщик, подлежать, поименованный, сокрытие, уведомлять). «Публ.» (публицистическое) — при словах, характерных для дискуссий, обладающих экспрессивностью, метафоричностью и обычно реализующихся при словосочетаниях (жернова репрессий, атаки оппозиции, запустить рынок, атрофия власти, экономическая трясина, агония планового хозяйства, прораб перестройки, шоковая терапия в экономике, рокировка в парламенте). «Разг.» (разговорное) — при словах, характерных для речи лиц, владеющих литературной нормой, в непринужденной обстановке; поскольку массив разговорной лексики отличается крайней разнородностью и стилистической пестротой, для дифференциации этих свойств в пределах разговорного пласта применяется набор дополнительных помет: помимо традиционной пометы «Разг.» применяются пометы «Разг.-фам.» и «Разг.-сниж.» (см. далее). Неизбежная субъективность оценки и объективная близость, а часто и неразличимость представленных здесь разрядов не даст возможности однозначно и четко распределить разговорную лексику по разрядам, однако это допустимые смещения в пределах одной категории разговорного, а не разведение однотипных слоев лексики по разным категориям — разговорного и просторечного, как это было в прежних словарях. «Проф.» (профессиональное) — идентичная разговорная лексика, употребляемая в профессиональной среде (баранка — «руль», ездка, досол, покрас, пошив, помыв, заснять). «Жарг.» (жаргонное) — пренты «родители», герла «девушка», мент «милиционер», торчать, тащиться «испытывать удовольствие, восхищение», тачка «автомобиль». «Детск.» (детское) — при словах, харак-

терных для общения с детьми или детей (баиньки, взаправдашный, понарошку, дядя «незнакомый мужчина», киска, заинька, мультик, садик «детский сад»).

2. В рубрике хронологической характеристики применяются пометы: «Устар.» (устарелое) — при словах, придающих высказыванию колорит архаичности (законопослушание, жестокосердный, злонамеренный). «Устарев.» (устаревающее) — при словах, находящихся на пути к архаизации, возможных в речи старшего поколения (барышня, бранить, благовоспитанный, гневаться, жалованье, учтивый). «Нов.» (новое) — при обозначениях новых понятий и новых словообразовательных дериватах (имидж, ноосфера, менеджер, полтергейст, рэкетир, футурология, антирыночный, рыночник, бомж, видеосалон, СПИД, экологизация).

3. В рубрике территориально-социальной характеристики применяется помета «Обл.» (областное).

Помета объединяет два типа лексики: лексику собственно диалектную, представляющую собой дублеты к словам стандартного языка (баз — двор, баско — хорошо, вечерять — ужинать, гуторить — говорить, займище — пойма, заплот — забор, ограда — двор, угор — пригорок) и лексику полудиалекта — так называемого внелитературного просторечия, которая в прежних словарях маркировалась обычно пометой «Прост.» (гоношить, трафить, опачкать, упредить, вскорости, вчерась, окромя, теперича, оголодать, припоздниться, уполовинить). Бесспорно, социальные и лингвистические различия между диалектом и полудиалектом дают основания для их стилистической дифференциации. Однако в аспекте нормативной лексикографии и с позиции нормативной оценки эти отличия утрачивают категориальное значение. По этой причине (а также учитывая малый процент диалектной и полудиалектной лексики в словнике Словаря) весь массив диалектной и полудиалектной лексики квалифицируется одной пометой «Обл.».

В рубрике нормативной квалификации применяются пометы запретительного характера: «Не реком.» (не рекомендуется) — при неоправданных, сточки зрения современной нормы, но получивших широкое распространение в речи расширениях значения, контаминациях, поддержанных аналогией или профессиональным узусом акцентологических смещениях и т.п. — то есть в тех случаях, когда речевая ошибка под влиянием языковой аналогии в дальнейшем в процессе языкового развития имеет возможность повлиять на норму (пошить вместо сшить, заснять вместо снять, аншлаг «плакат, надпись», провентилировать перен. «обсудить, рассмотреть», вернисаж «художественная выставка» при правильном значении «торжественное открытие художественной выставки; закрытый осмотр ее специалистами», плеяда «группа людей» при правильном «группа выдающихся людей», крайний «последний в очереди», где-то «в чем-то, приблизительно» — «где-то три страницы» — ба́ловать вместо балова́ть, осведоми́ться вместо осве́домиться, подростко́вый вместо подро́стковый). «Неправ.» (неправильно) — при распространенных речевых ошибках, не поддержанных

языковой аналогией и не имеющих объективных возможностей повлиять на нормативные тенденции (дермантин вместо дерматин, дикообраз вместо дикобраз, друшлаг вместо дуршлаг, грейпфрукт вместо грейпфрут, ложить вместо класть, влазить вместо влезать, более менее вместо более или менее, бронь вместо броня «закрепление билета, места и т. п. за кем-л.», согласно чего-л. вместо согласно чему-л., а́лкоголь, вероисповеда́ние, газопро́вод, гра́жданство, завсегдата́й, закупо́ривать, изобре́тение, ква́ртал, кухо́нный, медика́менты, ми́тинговый, на́чать, некро́лог, новоро́жденный, нуво́риш, о́птовый, фе́тиш).

5. В рубрике жанрово-стилистической характеристики применяются пометы: а) в аспекте собственно стилистической оценки: «Высок.» (высокое) — при словах, соотносимых с понятиями величия, употребляемых в патетических текстах, в высоких, торжественных актах коммуникации, далеко отстоящих от обыденности и контрастных обыденным речевым средствам (дерзновенный, безвозвратно, безвременно, бесславие, испепеляющий, возвестить, година, бездыханный, безбоязненный, низвергать, ниспровергать, кончина, провозвестник, воздавать, обагрить). «Фам.» (фамильярное) — характеризует лексику, которая демонстрирует не только социальную близость между говорящими, но и некоторую бесцеремонность общения: она содержит элементы языковой небрежности, опрощенности, насыщена экспрессией, изобилует коннотациями, эмоциональными оценками, ассоциативными отсылками, ориентирована на чувственное восприятие действительности. К фамильярной лексике относятся в первую очередь все метафорические характеризующие обозначения человека: тюлень, щенок, осел, тюфяк, шляпа, тряпка, бревно и под., а также все другие типы лексических характеристик: деляга, хитрюга, сквалыга, слабак, воображала, мазила, заводила, старикашка, ловкач, очкарик, нескладеха, толстуха и т. д. Такое значение пометы «Фам.» соотносимо с интерпретацией фамильярной речи Ш. Балли и выводится из этой интерпретации. Фамильярная лексика представляет собой промежуточное звено между высокой и сниженной. «Сниж.» (сниженное) — помета, симметричная помете «Высок.» и ее стилистический антипод — ставится при низкой социальной значимости и, как правило, низкой семантике. Такие слова отражают, по Ш. Балли, «материальные и грубые формы повседневной жизни», содержат элементы резкой оценки: тягомотина, жлоб, офонареть, обшарпанный, зачуханный, чокнутый и т. д. Как уже было сказано (см. описание разговорной лексики), пометы «Фам.» и «Сниж.» реализуются в сочетании с пометой «Разг.». Такое перекрещивание функционального и стилистического существования слова, и соответствующее сочетание помет способствует более глубокому раскрытию стилистических и функциональных свойств слова и его разноаспектной квалификации (см. выше). «Вульг.» (вульгарное) — маркирует слова крайне грубые, находящиеся на границе допустимых: блевотина, падло, паскуда, харя, сука (о женщине). б) В аспекте жанровой характеристики: «Нар.-поэт.» (народно-поэтическое) — при словах, сохраняющих фольклорный колорит (кручина, зазноба, дубрава, горе горь-

кое, полюшко). «Трад.-литер.» (традиционно-литературное) — ставится при словах, традиционно употребляемых в текстах художественной литературы (как поэзии, так и прозы), а также при словах, воспринимаемых как общелитературные штампы (багряный, мгла, греза, томительный, сумрак, безбрежный, несказанный, нездешний, очарованный, алмазы розы, изумруды листьев и т.д.; к этому же разряду относятся все виды олицетворений: шепот леса, море уснуло, усталое солнце). «Трад.-народ.» (традиционно-народное) — ставится при словах, связанных с представлением о традиционной народной речи, об исконно русской патриархальной атмосфере (ведро, занедужил, ненароком, ледащий, мокрядь, непогодь, блескучий, духовитый, вечерело).

6. В рубрике коннотативной характеристики применяются пометы: «Ласк.» (ласкательно) — (мамочка, голубчик, деточка, милый). «Одобр.» (одобрительно) — (симпатяга, трудяга, скромняга, молодчина, добряк). «Насмешл.» (насмешливо) — (пропесочить «отругать», чучело (о нелепо одетом человеке), тюлень (о неповоротливом человеке)). «Неодобр.» (неодобрительно) — (серятина, левачить, зачуханный, показуха, корова (о толстой, неуклюжей женщине), разгильдяй, зачинщик, главарь, сборище, рассадник, соучастник, несун). «Пренебр.» (пренебрежительно) — (слабак, дохляк, задохлик, балаболка, летун). «Презрит.» (презрительно) — (прощелыга, слизняк, стукач, прихвостень, тряпка (о бесхарактерном человеке)). «Бран.» (бранно) — (болван, осел, паразит, паршивец, олух, балбес, мымра, оболтус, остолоп). «Шутл.» (шутливо) — (драндулет, физиомордия, физия, бутыльброд). «Ирон.» (иронически) — при словах, приобретающих в высказывании значение, противоположное буквальному и употребляемых с целью насмешки: умник (о глупце), гигант (о человеке невысокого роста), красноречие (о бессвязной речи).

Опорой системы стилистических помет служила система помет, разработанная В. В Виноградовым для Толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова, соответствуя ей по дробности и разноаспектности стилистических квалификаций и отличаясь от нее своей ориентацией не на прошлое, а на настоящее русского языка. Разумеется, она не претендует на совершенство: при ее формировании не удалось избежать многих противоречий и неточностей, обусловленных отчасти противоречивым, нелинейным, перекрещивающимся характером самих стилистических характеристик, отчасти многомерностью стилистического материала, его связью с психическими сферами, что неизбежно приводит к субъективизму стилистических квалификаций, к трудностям унификации и стандартизации. Однако было преодолено главное — связь стилистических разработок с «исторической перспективой» и выход за пределы традиционного объекта лексикографирования в пределы единой лексической системы, соответствующей языковому сознанию составителей и читателей словаря.

Место НАС в системе русской лексикографии. Стройной системы словарей, подобной «Большому Дудену», у нас, как известно, нет. Существующий разнообразный набор словарей, который Ю. Н. Караулов

назвал «экстерналистской системой» может дополняться, лакуны, существующие в этой системе, могут быть заполнены. Такой лакуной представляется и отсутствие нормативно- стилистического синхронного словаря, ориентированного на максимально широкий охват лексического материала и на показ функционирования лексики, и НАС может быть определен как словарь живого современного русского языка во всем его функциональном разнообразии. Максимальный охват лексического материала и широкая эмпирическая база дают основания представить этот словарь как сокровищницу русского языка, русской литературы, русской культуры, и, наконец, русской жизни нашего времени, поскольку реальность полностью отражена в лексической системе.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. К теории диалектных словарей // Cercetări de linguistică. An. 3. 1958. Supl. С. 53–57.

Андрющенко В. М. Автоматизация в лексикографии. Современное состояние и новые возможности // Советская лексикография. М., 1988. С. 201–224.

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. 1986. № 2. С. 57–70.

Апресян Ю. Д. Синтаксическая информация для толкового словаря // Советская лексикография. М., 1988. С. 64–87.

Бабкин А. М. Идиоматика и грамматика в словаре // Современная русская лексикография: 1980. Л., 1981. С. 5–43.

Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.; Л., 1964. 75 с.

Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л., 1976. 17 с.

Бабкин А. М. По вопросам русской лексикологии и лексикографии // Лексикографический сборник. М., 1960. Вып. 4. С. 3–14.

Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970. 263 с.

Бабкин А. М. Словарь языка и язык словаря (совершенствование замысла и исполнение нового академического словаря русского языка) // Современная русская лексикография. Л., 1975. С. 3–23.

Бабкин А. М. Слово в контексте и словаре // Современная русская лексикография: 1976. Л., 1977. С. 3–36.

Балахонова Л. И. История составления «Опыта областного великорусского Словаря» и «Дополнения» к нему // История русской диалектологии. М., 1961. С. 98–124.

Бархударов С. Г. Русская лексикография // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 24–31.

Бархударов С. Г. Русская советская лексикография за 40 лет // ВЯ. 1957. № 5. С. 31–45.

Березина О. Е. Два тематических лексикона начала XVIII в. (сравнительная характеристика) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 6–22.

Березина О. Е., Кутина Л. Л. и др. Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указ. источников. Л., 1984. 141 с.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г. Вып. 2. Лексикология и лексикография. М., 1954. 536 с.

Биржакова Е. Э. Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII в. «Русско-голландский лексикон» Якова Брюса // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 23–37.

Биржакова Е. Э. Из истории термина «толковый словарь» // Современная русская лексикография. М., 1966. С. 94–99.

Биржакова Е. Э., Петрова З. М. Картотека словаря XVIII в. // Лингвистические источники. Фонды Ин-та русского языка. М., 1967. С. 92–100.

Биржакова Е. Э. Лексикографические источники в картотеке Словаря русского языка XVIII в. // Практическая лексикография. 100 лет словарной картотеке. М., 1989. С. 42–51.

Биржакова Е. Э. Об определениях в толковом словаре слов, обозначающих животных // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. П. С. 74–80.

Биржакова Е. Э. Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII века в «Словаре Академии Российской» 1789–1794 гг. // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 257–270.

Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973. 258 с.

Блок Г. П. К характеристике источников «Словаря русского языка XVIII века». Художественная литература первой половины века // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 43–86.

Богатова Г. А. Диахронический словарь в системе словарей исторического цикла (к специфике способов описания семантической истории слов) // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 37–47.

Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984. 253 с.

Богатова Г. А. Русская историческая лексикография // Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.): Итоги и перспективы. М., 1986. С. 54–75.

Бондарко А. В. Глагольный вид и словари // Современная лексикография. Л., 1975. С. 40–54.

Будагов Р. А. Оттенки значения слова в толковом словаре // Исследование по славянской филологии. М., 1974. С. 71–73.

Будагов Р. А. Толковые словари в национальной культуре народов. М., 1989. 151 с.

Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. Т. I. СПб., 1904. 1248 с.

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. 312 с.

Виноградов В. В. История слов. М., 1994. 1138 с.

Виноградов В. В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Историко-филологические исследования. Л., 1967. С. 51–57.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // ВЯ. 1953. № 5. С. 3-29.

Виноградов В. В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для современного языкознания // ВЯ. 1966. № 6. С. 3–26.
Виноградов В. В. Толковые словари русского языка // Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 206–242.
Виноградова В. Л. Филологический тип исторического словаря (к завершению работы над Словарем-справочником «Слова о полку Игореве») // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 48–65.
Винокур Г. О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. 5. 1947. С. 27–48.
Вомперский В. П. Словари XVIII века. М., 1986. 136 с.
Гак В. Г. Новые слова и новые словари // Новые слова и словари новых слов. Л., 1983. С. 15–29.
Гак В. Г. Об относительности лексикологических категорий // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. М., 1978. С. 13–24.
Гак В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977. С. 11–27.
Геккер С. Ф. Библиография по синонимике русского литературного языка. М.; Л., 1966. С. 197–226.
Геккер С. Ф. Библиография по синонимике русского языка (статья вторая) // Синонимы русского языка и их особенности. Л., 1971. С. 196–243.
Герд А. С. Еще раз об автоматизации лексикографических работ // Советская лексикография. М., 1988. С. 225–232.
Герд А. С. Картотеки русской диалектной лексики и машинный фонд русского языка // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995. С. 193–197.
Горбачевич К. С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен (на материале современного русского языка) // ВЯ. 1975. № 1. С. 55–64.
Горбачевич К. С. Нормы литературного языка и толковые словари // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.; Л., 1966. С. 5–24.
Горбачевич К. С. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии // Современность и словари. Л., 1978. С. 33–45.
Горбачевич К. С. Словарь и цитата (о рационализации иллюстрирования слов и значений во втором издании Семнадцатитомного словаря) // ВЯ. 1978. № 5. С. 14–24.
Горбачевич К. С. Современная нормативная лексикография // Вестник АН СССР. 1982. 1. С. 77–86.
Горбачевич К. С., Сороколетов Ф. П. Значение и оттенок в лексикографической практике // Изв. АН ОЛЯ. 1975. Т. 34. № 6. С. 535–541.
Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1876. Т. I–II.

Даль В. И. О наречиях русского языка // В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980. 251 с.

Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974. 255 с.

Денисов П. Н. Словарь языка В. И. Ленина с точки зрения теории лексикографии // Советская лексикография. М., 1988. С. 19–32.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973. 286 с.

Евгеньева А. П. Введение. Словари синонимов русского языка // Словарь синонимов русского языка. В двух томах. Л., 1970. Т. I. С. 5–14.

Евгеньева А. П. К вопросу о типе однотомного толкового словаря русского языка советской эпохи [Обсуждение 2-го изд. «Словаря русского языка С. И. Ожегова»] // ВЯ. 1953. № 3. С. 48-68.

Евгеньева А. П. О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием большого Словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. II. С. 167–177.

Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990. 299 с.

Зайцева Т. В., Назарова И. О. О четырехтомном Словаре русского языка // Современная русская лексикология. М., 1966. С. 119–134.

Иванникова Е. А. О производных словах как объекте лексикографии // Современная русская лексикография. Л., 1975. С. 66–77.

Ильенко С. Г. Грамматика в словаре (грамматические ориентации в современных толковых словарях) // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 69–86.

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка в 15 тт.». М.; Л., 1958. 86 с.

История Академии наук СССР. Т. II (1803–1917). М.; Л., 1964. 772 с.

Истрин В. М. Работа над словарем русского языка в Академии наук // Изв. АН СССР ОЛЯ. 1927. Т. 21. С. 1661–1673.

Истрина Е. С. А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка // Изв. АН ОЛЯ. 1946. Т. 5. С. 405–418.

Калайдович К. Ф. Опыт правил для составления русского производного словаря. Соч. в прозе и стихах // Тр. Общ. любит. рос. словесн. М., 1824. Ч. 5. С. 330–390.

Канкова М. В. В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958. 356 с.

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981. 363 с.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. 354 с.

Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М., 1988. С. 5–18.

Караулов Ю. Н., Молчанов В. А. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М., 1982. 94 с.

Карулис К. А. О «Словаре русских народных говоров» (вып. 1–10) // Диалектная лексика. Л., 1974. С. 213-217.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. 354 с.
Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. М., 1989. 293 с.
Ковтун Л. С. Динамика ларинской концепции авторского словаря // Словоупотребление и стиль писателя. СПб., 1995. С. 5–12.
Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977. 111 с.
Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI–начала XVII в. М., 1975. 354 с.
Ковтун Л. С. О значении слова // ВЯ. 1955. № 5. С. 65–77.
Ковтун Л. С. Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современность и словари. Л., 1978. С. 46–60.
Ковтун Л. С. О построении словарной статьи в Словаре современного русского литуратурного языка АН СССР // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. I. С. 68–97.
Ковтун Л. С. Основная идея шахматовской лексикографии // ВЯ. 1971. № 2. С. 62–68.
Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963. 445 с.
Ковтун Л. С., Ларин Б. А. и др. Принципы составления словаря М. Горького (инструкция Объяснительного словаря автобиографической трилогии М. Горького) // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1968. С. 144–193.
Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975. 164 с.
Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 5–26.
Котелова Н. З. Проект словаря новых слов. Л., 1982. 84 с.
Котелова Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания новых слов // Советская лексикография. М., 1988. С. 46–63.
Котелова Н. З. Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 1. С. 98–120.
Кузнецов С. А. Способы глагольного действия как объект лексикографического описания // Советская лексикография. М., 1958. С. 150–158.
Кузнецова О. Д. Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений). Л., 1985. 181 с.
Кузнецова О. Д. Из лексикографической проблематики // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985. С. 20–34.
Кузнецова О. Д. О двух значениях глаголов звучания в толковом словаре русского языка // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. III. С. 97–102.
Кузнецова О. Д. О некоторых трудностях отбора слов в диалектный дифференциальный словарь // Диалектная лексика. 1969. Л., 1971. С. 21–26.

Кузнецова О. Д. Слово в современных говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений) // Диалектная лексика. 1979. Л., 1982. С. 3-11.

Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. Инструкция для составления Словаря русских народных говоров // Словарь русских народных говоров. СПб., 1994. Вып. 28. С. II–XXXII.

Кутина Л. Л. Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 70–89.

Кутина Л. Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты показа ее в лексикографии // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977. С. 28–39.

Кутина Л. Л. Омонимы в толковых словарях русского языка (академическая лексикография дореволюционной поры) // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 54–65.

Кутина Л. Л. Термин в филологических словарях (к антитезе: энциклопедическое — филологическое) // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 19–30.

Кутина Л. Л. Элементы этимологического анализа в словаре исторического типа // ВЯ. 1985. № 5. С. 76–82.

Кутина Л. Л. и др. Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. Л., 1984. 141 с.

Кутина Л. Л., Сорокин Ю. С. «Словарь русского языка XIX в.» и источники // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995. С. 176–183.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. Псков, 1962. Ч. 1. С. 252–271.

Ларин Б. А. Проект древнерусского словаря. (Принципы, инструкция, источники). Л., 1936. 175 с.

Левашев Е. А., Петушков В. П. Ленин и словари. Л., 1975. 112 с.

Львов А. С. Работа И. И. Срезневского над древнерусским словарем // Лексикографический сборник. М., 1960. Вып. IV. С. 132–150.

Макеева В. Н. Русская лексикография 40–50-х годов XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов. Сб. статей и материалов. М.; Л., IV. С. 180–205.

Мальцева И. М. Локализмы в словаре Академии Российской // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 102–117.

Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М., 1986. 240 с.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. О принципах словаря индивидуально-авторского употребления фразеологических единиц в современном русском языке // Советская лексикография. М., 1988. С. 101–115.

Мельниченко Г. Г. О принципах составления областных словарей // Учен. зап. Яросл. пед. ин-та. 1957. Вып. 26 (36). С. 1–142.

Моисеев А. И. Типы толкования терминов родства в словарях современного русского языка // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. V. С. 121–124.

Молдаван А. М. Палеославянская лексикография // Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.): Итоги и перспективы. М., 1986. С. 18–28.

Национальные лексико-фразеологические фонды / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1995. 222 с.

Новиков Л. А. К проблеме омонимии // Лексикографический сборник. М., 1960. Вып. IV. С. 15–28.

Обнорский С. П. Словарь русского языка: Инструкция для редактора. М.; Л., 1936. 75 с.

Ожегов С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. II. С. 31–53.

Ожегов С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // ВЯ. 1952. № 2. С. 85–103.

Орлова В. Г., Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 20–30.

Оссовецкий И. А. Лексика современных народных говоров. М., 1982. 198 с.

Панов В. И. Некоторые вопросы областной лексикографии // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. III. С. 48–68.

Попов И. А., Сороколетов Ф. П. Источники Словаря русских народных говоров // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967. С. 70–80.

Протченко И. Ф. Словари русского языка. Изд. 2-е. М., 1996. 126 с.

Рогожникова Р. П. Большая картотека Словарного отдела за 100 лет // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995. С. 4–11.

Семериков А. В. Из истории словарной картотеки // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967. С. 283–287.

Сергеев В. Н. Профессионализмы как объект лексикографии // Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981. С. 97–105.

Симони П. К. Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV–XVII ст. // Изв. ОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. I.

Симони П. К. Русский язык в его наречиях и говорах // Изв. ОРЯС АН. 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 120–121.

Скляревская Г. Н. Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография. М., 1988. С. 88–100.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. 151 с.

Скляревская Г. Н. Новый академический словарь: Проспект. СПб., 1994. 64 с.

Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.). Итоги и перспективы. М., 1986. 263 с.

Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель (1918–1962). М., 1966. 232 с.

Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. 168 с.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1966. 302 с.

Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников / Общая редакция Сорокина Ю. С. Л., 1984. 141 с.

Современность и словари. Сборник статей / Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л., 1978. 181 с.

Сороколетов Ф. П. Диалектный словарь в системе словарей национального языка // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 65–77.

Сороколетов Ф. П. Заметки по семантической характеристике слов в диалектных словарях // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л., 1986. С. 18–25.

Сороколетов Ф. П. К проблеме создания словаря собственно современного русского литературного языка // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995. С. 4–14.

Сороколетов Ф. П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка // Современность и словари. Л., 1978. С. 4–20.

Сороколетов Ф. П. Лексическое значение и словарная дефиниция // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980. С. 3–13.

Сороколетов Ф. П. Методы семантического описания в диалектных словарях // Вопросы семантики. Калининград, 1983. С. 13–20.

Сороколетов Ф. П. Народные песни как источник диалектных словарей // Диалектная лексика. 1974. Л., 1976. С. 5–12.

Сороколетов Ф. П. Областные словари и диалектная лексикология // ВЯ. 1981. № 3. С. 3–14.

Сороколетов Ф. П. Общая и учебная лексикография. Л., 1985. 57 с.

Сороколетов Ф. П. О месте производственной терминологии в толковом словаре русского языка // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 1. С. 121–134.

Сороколетов Ф. П. О словаре современного русского литературного языка // Советская лексикография. М., 1988. С. 33–45.

Сороколетов Ф. П. О теоретических установках одного областного словаря // Современная русская лексикология. М., 1966. С. 64–73.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. 231 с.

Сороколетов Ф. П. Произведения фольклора и диалектные словари // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 193–204.

Сороколетов Ф. П. Развитие теоретических идей в истории русской лексикографии // Исследования по сопоставительному языкознанию и лексикологии. Таллинн, 1989. С. 153–183.

Сороколетов Ф. П. Русская лексикография в Академии наук. (История) // ВЯ. 1974. № 6. С. 19–31.

Сороколетов Ф. П. Семантическая структура слова в диалектных словарях // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972. С. 181–189.

Сороколетов Ф. П. Словарь русских народных говоров (итоги и перспективы) // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985. С. 192–208.

Сороколетов Ф. П. Смысловая характеристика терминов в толковых словарях // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. V. С. 125–132.

Сороколетов Ф. П. Способы семантической разработки в областных словарях // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985. С. 4–19.

Сороколетов Ф. П. 100-летие Академической Словарной картотеки // Вестник АН СССР. 1986. 3. С. 118–126.

Сороколетов Ф. П. Терминология и лексикография // Теория языка и методы его исследования и преподавания. Л., 1981. С. 249–253.

Сороколетов Ф. П. Традиции русской советской лексикографии // ВЯ. 1978. 3. С. 26–42.

Сороколетов Ф. П. Л. В. Щерба и проблемы современной лексикографии // Филологические науки. 1980. 4. С. 30–34.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Русские диалектные словари конца XIX–начала XX в. как лингвистический источник // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 205–211.

Срезневский И. И. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1847. Четыре тома // *И. И. Срезневский*. Русское слово. М., 1986. Статья первая — с. 57–71; статья вторая — с. 72–94; статья третья — с. 95–102.

Судаков Г. В. Букварь Кариона Истомина — идеографический словарь XVIII века // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 113–123.

Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 1–8. СПб., 1874–1888. 427 с.

Теория и практика русской исторической лексикографии / Ред. Г. А. Богатова, Г. Я. Романова. М., 1984. 268 с.

Теория и практика современной лексикографии. Л., 1984. 184 с.

Тихонов А. Н. Какой должна быть центральная словарная картотека русского языка? // Национальные лексико-фразеологические фонды. СПб., 1995. С. 80–87.

Тихонов А. Н., Емельянова С. А. Семантическая характеристика слов в антонимическом словаре // Советская лексикология. М., 1988. С. 116–124.

Трубачев О. Н. Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 23–36.

Трубачев О. Н. Лексикография и этимология // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. М., 1963. С. 159–196.

Трубачев О. Н. Праславянская лексикография // Славянская историческая и этимологическая лексикография (1970–1980 гг.): Итоги и перспективы. М., 1986. С. 10–17.

Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 147–179.

Филин Ф. П. Заметки по лексикологии и лексикографии // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. I. С. 36–57.

Филин Ф. П. Историческая лексикология и лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 9–22.

Филин Ф. П. О новом толковом словаре русского языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1963. Т. 22. Вып. 3. С. 177–189.

Филин Ф. П. Об областном словаре русского языка // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 3–19.

Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке // Научные доклады высшей школы. Филол. науки. 1979. 2. С. 20–25.

Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961. 199 с.

Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Горбачевич К. С. О новом издании «Словаря современного русского литературного языка» (в семнадцати томах) // ВЯ. 1976. 3. С. 3–10.

Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958. 136 с.

Чернышев В. И. Владимир Иванович Даль и его труды в области изучения русского языка и русского народа // Избр. труды. М., 1970. Т. 1. С. 384–442.

Чернышев В. И. Принципы построения академического словаря русского литературного языка // Русский язык в школе. 1939. 2. С. 50–55.

Чернышев В. И. Толковый словарь русского языка (критический отзыв) // *Чернышев В. И.* Избр. труды. М., 1970. Т. I. С. 351–383.

Чернышев В. И. О словаре В. И. Даля [К 100-летию изд. «Толкового словаря живого великорусского языка»] // Русская речь. 1967. 4. С. 26–34.

Чмыхова Н. М. Принципы построения словника и смысловая характеристика слов в «Словаре русского языка» под ред. А. А. Шахматова // Уч. зап. Балаш. пед. ин-та. 1958. Т. 4. С. 91–152.

Чмыхова Н. М. Теоретические основы, источники и история создания «Словаря русского языка» под ред. А. А. Шахматова // Уч. зап. Балаш. пед. ин-та. 1957. Т. II. С. 204–303.

Шахматов А. А. Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана // И. Х. Пахман План нового академического словаря с точки зрения иноязычного. СПб., 1899. С. 28–33.

Шведова Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 7–15.

Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь: (Специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык.

Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981. С. 166–179.

Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 6–10.

Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова // Русский яязык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 142–154.

Шиманская И. Н. Академический словарь русского языка. Под ред. А. А. Шахматова. АКД. Л., 1964. 19 с.

Шишков А. С. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря // Изв. Российской Академии. СПб., 1815. Кн. I. С. 8–35.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 278 с.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии //*Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.

Щерба Л. В. Предисловие [к Русско-французскому словарю] // *Л. В. Щерба.*Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 304–312.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Подписано к печати 22.10.2001. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38.5. Уч.-изд. л. 47.4.
Доп. тираж 1000 экз. Тип. зак. № 4318. С 240.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГУ

Словарь русского языка XVIII века

Вып. 13

Молдавский—Напрокудить

В Словаре представлено систематическое описание лексики русского языка в эпоху формирования нового литературного языка на национальной основе.

Для широкого круга специалистов-филологов, историков науки и культуры, искусствоведов, студентов гуманитарных вузов и преподавателей средних школ — словесников и историков, всех интересующихся произведениями литературы и письменности XVIII века.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГУ

Литературные объединения
Петрограда—Ленинграда
1910—1920-х годов

Представленные в сборнике статьи и публикации о Союзе деятелей искусства, о Союзе деятелей художественной литературы, Вольной философской ассоциации, Петроградском воинствующем ордене имажинистов, о «Содружестве» дают широкую панораму литературной жизни Петрограда—Ленинграда в первые десятилетия XX века.

Для литературоведов, широкого круга читателей.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН
ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГУ

Русская интеллигенция

АВТОБИОГРАФИИ И БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ В СОБРАНИИ С. А. ВЕНГЕРОВА

**Аннотированный указатель
в 2 томах**

Книга посвящена коллекции автобиографий, которую в течение четырех десятилетий собирал известный литературовед С. А. Венгеров. О себе пишут люди, оставившие свой след в литературе, искусстве, науке, технике, политике, общественной жизни, т. е. представители главным образом «пишущей» интеллигенции. Указатель выполняет «путеводительную» функцию по этому уникальному документарию, сообщает научную информацию о степени содержательности каждого документа.

В едином алфавите имен дается аннотированный перечень материалов, структурированных как 1, 2 (самим Венгеровым) и 3-е (архивистами) собрания; включены также дополнительные документы, извлеченные из переписки и других разделов венгеровского фонда.

Каждый документ сопровождается аннотацией.

Для филологов, историков и всех интересующихся русской культурой.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга—почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга—почтой»

690088 Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга—почтой»); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга—почтой»); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга—почтой»); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр., 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр., 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга—почтой»); (код 3832) 30-09-22
142292 Пущино, Московской обл., МКР «В», 1 («Книга—почтой»); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга—почтой»); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр., 57; (код 812) 272-36-65

199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр., 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга—почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85